

Wind Blows Down the Mount Mithridates

The Bosphoros and the Black Sea in antiquity

*Studies presented to V.P. Tolstikov
on the occasion of his 70th birthday*

С МИТРИДАТА ДУЕТ ВЕТЕР

БОСПОР И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНОСТИ
К 70-летию В.П.Толстикова

Университет Дмитрия Пожарского

**WIND BLOWS DOWN THE MOUNT MITHRIDATES.
THE BOSPOROS AND THE BLACK SEA IN ANTIQUITY**

Studies Presented to V.P. Tolstikov on the Occasion of His 70th Birthday

Dmitry Pozharsky University
Moscow, 2015

**С МИТРИДАТА ДУЕТ ВЕТЕР.
БОСПОР И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНОСТИ**

К 70-летию В.П. Толстикова

Университет Дмитрия Пожарского
Москва, 2015

УДК 902
ББК 63.4
С11

Подготовлено к печати и издано по решению
Учёного совета Университета Дмитрия Пожарского

Редакционная коллегия: *Д.В. Журавлев* (отв. редактор), *О.Л. Габелко*

Перевод резюме на английский язык — *М.Б. Муратова*

С11 С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П.Толстикова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 344 с.

ISBN 978-5-91244-143-1

В сборнике представлены исследования по истории и археологии Боспорского царства и Причерноморья в эпоху античности. Помимо публикации материалов новейших исследований Пантикапея и других античных памятников региона, в книге рассматриваются вопросы военного дела, фортификации, строительных техник, искусства греко-римского периода. Авторы – ведущие антиковеды России, Украины, Грузии и Германии – посвящают его 70-летию со дня рождения известного отечественного исследователя Владимира Петровича Толстикова.

УДК 902
ББК 63.4

ПРОТОКОРИНФСКИЕ КОТИЛЫ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ

О.Ю. Самар, Н.С. Асташова

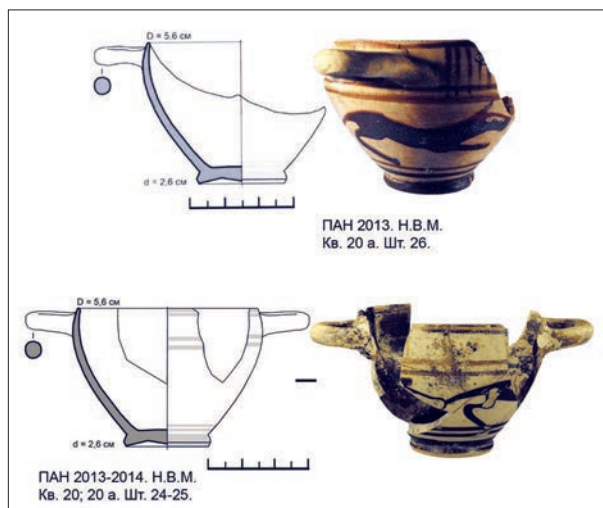

Рис. 1. Протокоринфские котилы из Пантикапея

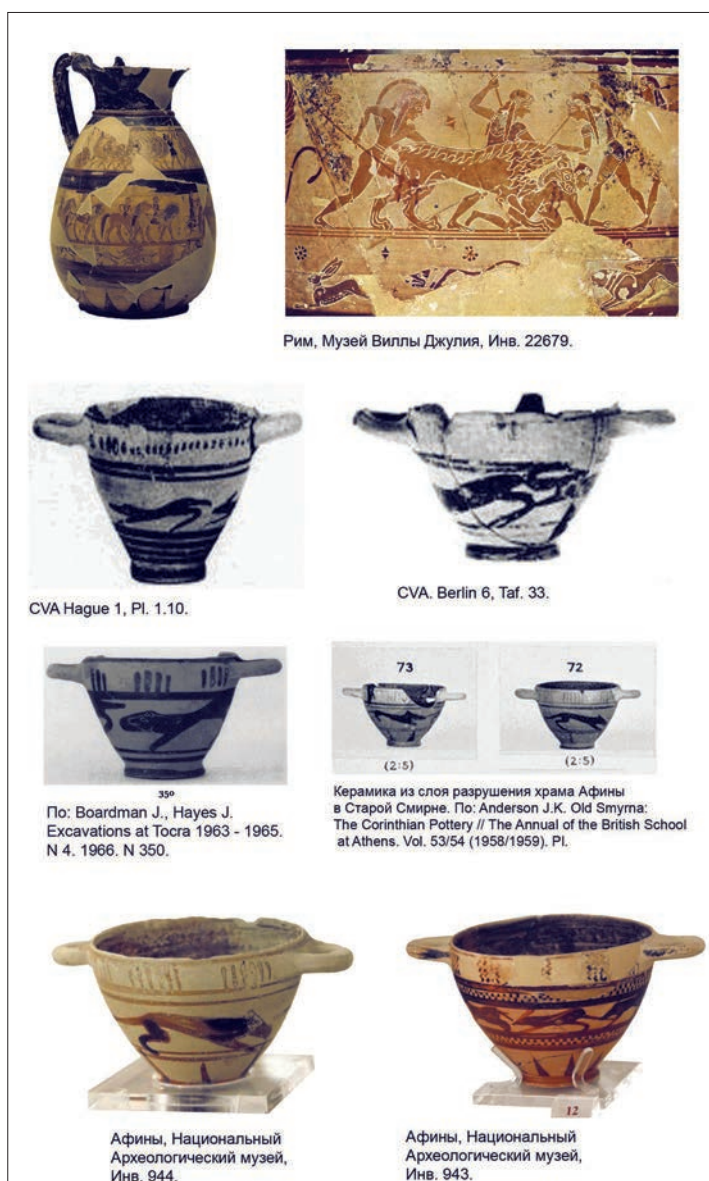

Рис. 2. Аналоги пантикапейским котилам

ТАРЕЛКИ ВОСТОЧНО-ГРЕЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ 2011–2014 ГОДОВ

О.В. Тугушева

Таблица 1. Тарелки с орнаментальной росписью во фризах

Таблица 2. Тарелки с «триглифно-метопным» фризом

Таблица 3. Тарелки на высокой ножке

Таблица 4. Тарелки на кольцевидном поддоне (варианты декора)

Таблица 5. Тарелки на кольцевидном поддоне (варианты декора)

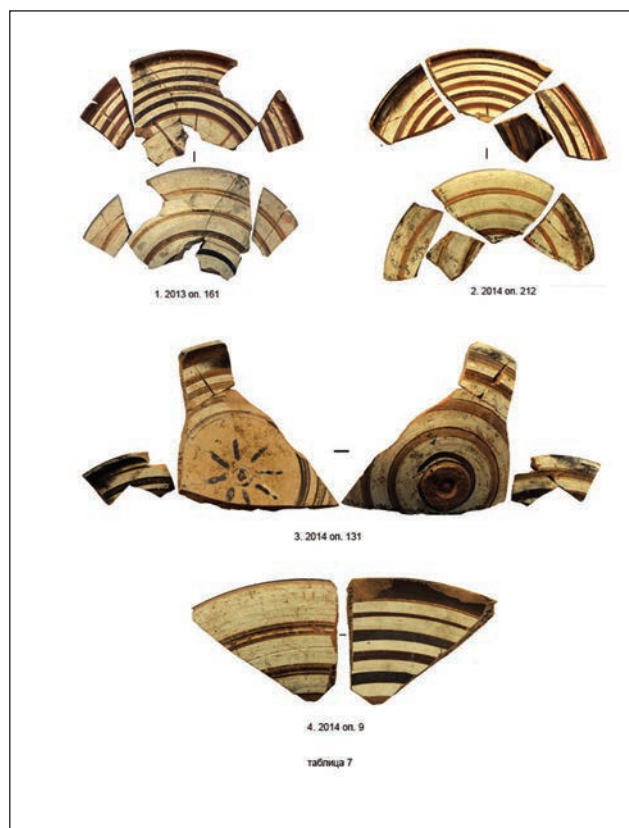

Таблица 6. Тарелки, декорированные полосами

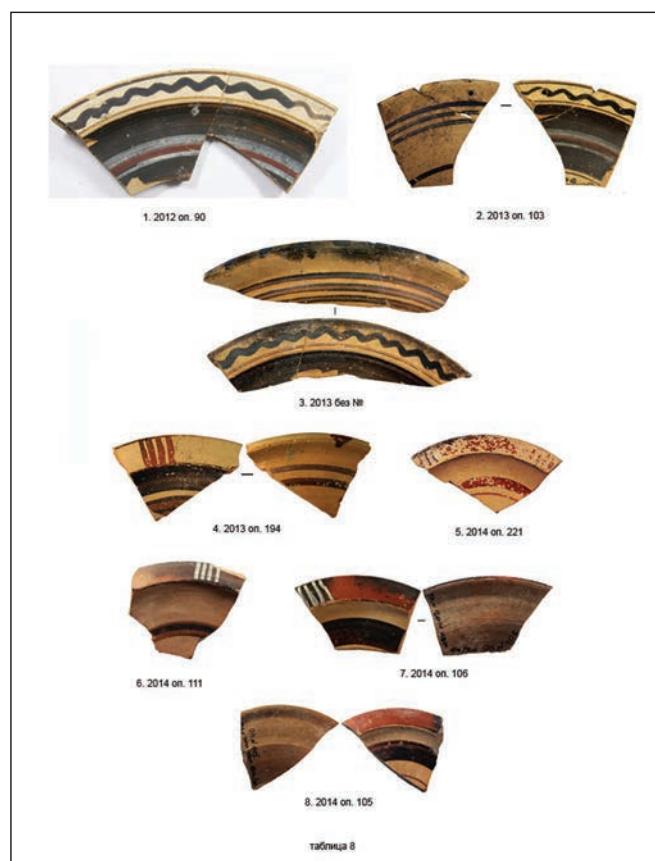

Таблица 7. Тарелки с вариантами декора отогнутого края

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ РАННЕГО ПАНТИКАПЕЯ – ВОТИВНЫЕ ПОДНОШЕНИЯ

Т.А. Ильина, М.Б. Муратова

Рис. 1. Архаические терракоты, открытые в 2010-2013 гг. на Новом Верхнем Митридатском раскопе

Рис. 2. Аналогии терракотам восточно-ионийского и аттического типа

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА V–IV ВВ. ДО Н.Э. С ПРОЧЕРЧЕННЫМ И ШТАМПОВАННЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ

Т.В. Егорова

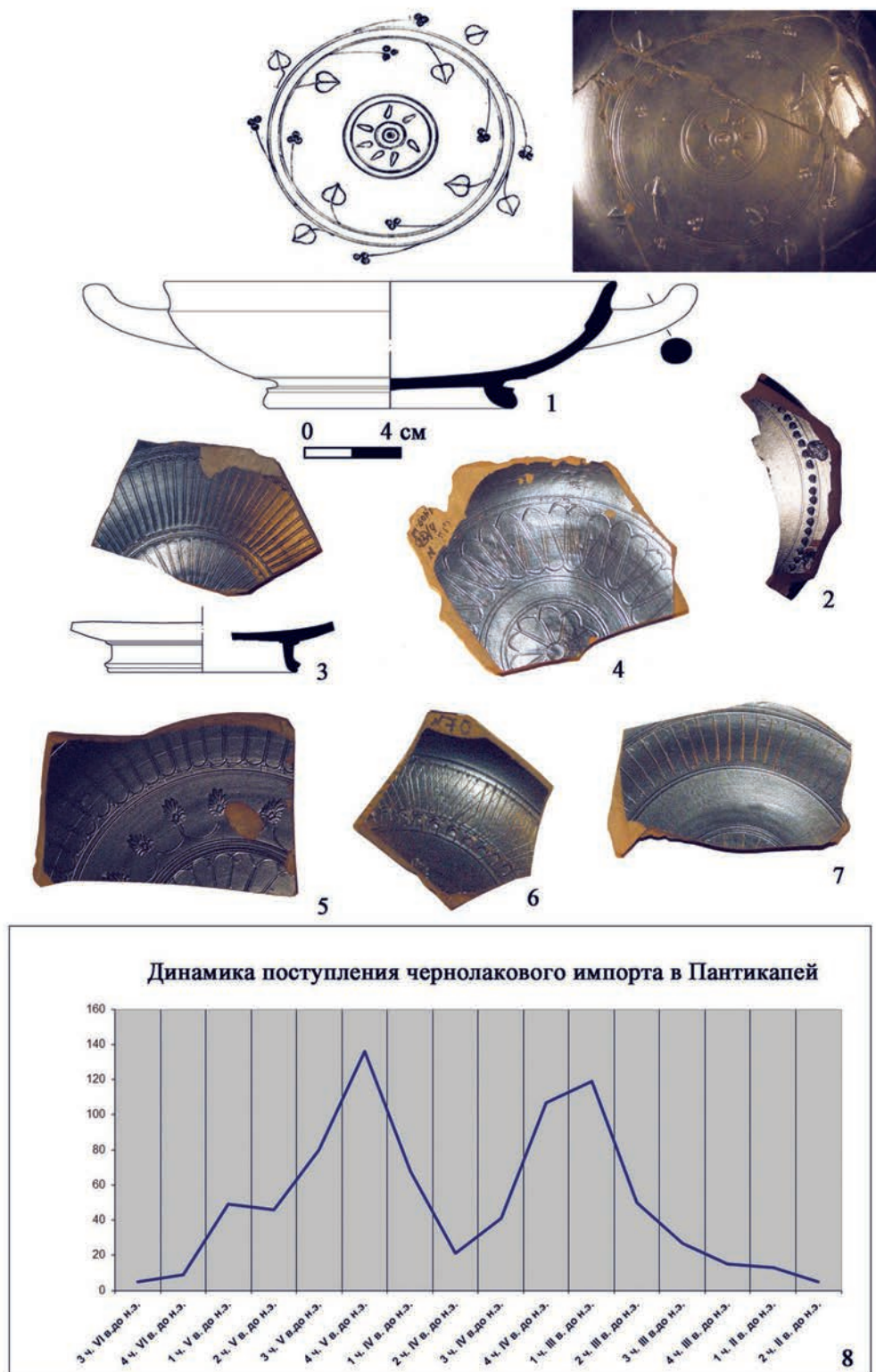

Рис. 1. Стельес с выделенным краем: 1 – Инв. 732; 2 – М74, 473. Стельесы изящного класса: 3 – М49, 2285; 4 – М60, 2314; 5 – М49, 1705; 6 – М47, 70; 7 – М78, 285. 8 – схема динамики поступления чернотерракотового импорта в Пантикапей

Рис. 2. Стемлесс в прямом венчиком: 1 – Инв. 908, 3 – М45, 304. Чаша типа Болсал: 2 – М74, 355. Канфары: 4 – М75, 564; 5 – Инв. 1532; 6 – М88, 112. Амфориск: 7 – М69, 364. Стемлесс «изящного класса»: 8 – Инв. 907. Стемлесс типа «ренейская чаша»: 9 – М73, 2695

Рис. 3. Чаши типа Болсал: 1 – М53, 408; 2 – М77; 3243; 3 – М66, 198. Кубковидный скифос с массивными стенками: 4 – Инв. 1212. Кубковидные скифосы с тонкими стенками: 5 – Инв. 22; 6 – М53, 1054

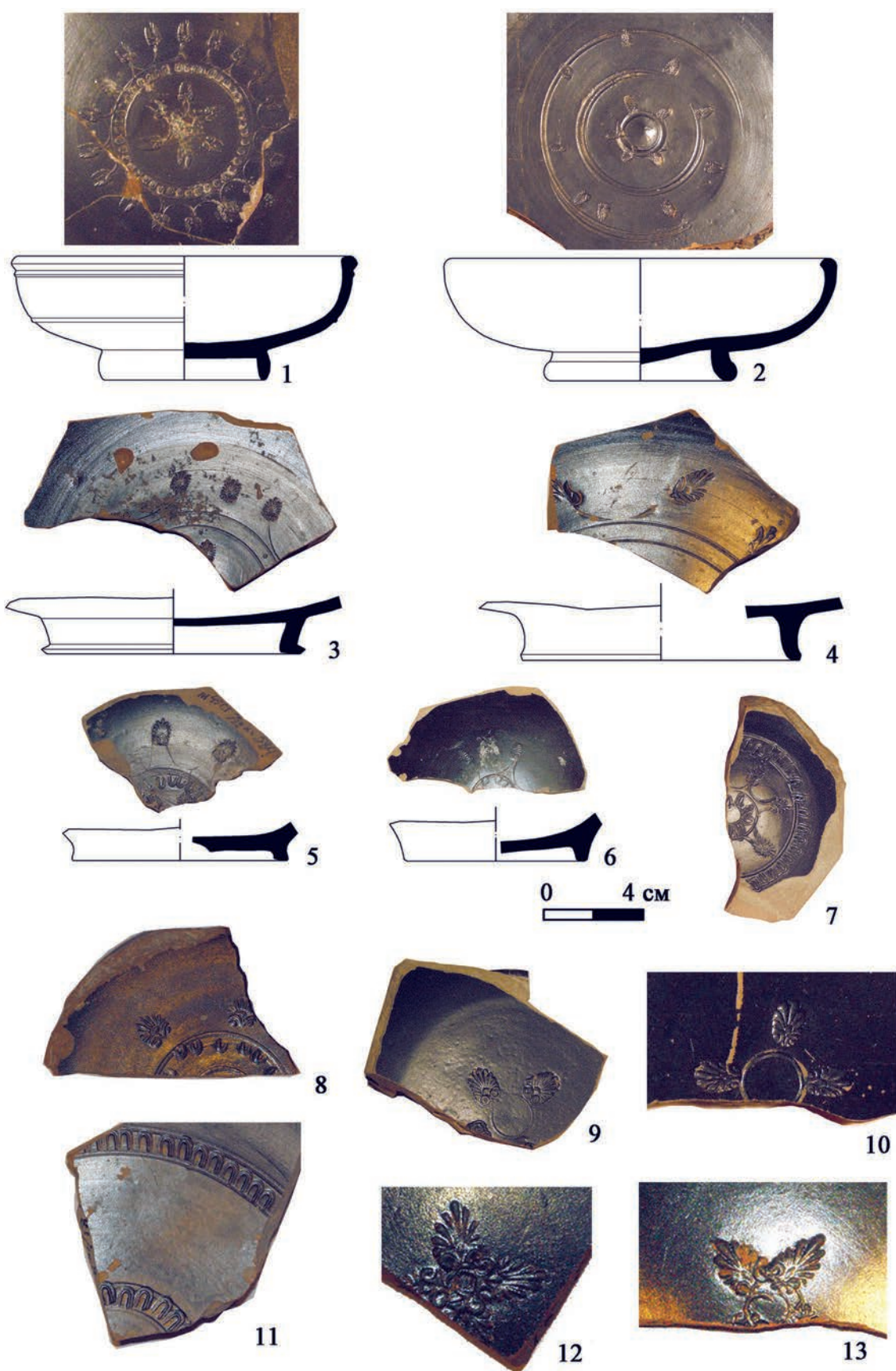

Рис. 4. Миска с отогнутым наружу краем: 1 – Инв. 1034; 11 – М76, 178. Миска с загнутым внутрь краем: 2 – Инв. 1031. Глубокие миски с прямыми стенками: 3 – М47, 2382; 4 – М73, 470. Миски с профилированной внешней поверхностью: 5 – М45, 584; 6 – М63, 258. Глубокая миниатюрная миска: 7 – М49, 919. Чаши типа Болсал: 8 – М48, 478; 9 – М53, 1063; 10 – М64, 335; 12 – М53, 802; 13 – М53, 784

Наименование элемента дата	листья плюща	«ягоды»	овы	пальметты	листья лотоса	центр. розетта	зона прямой штриховки	зона перекрестной штриховки	треуголь- ники, меандр	около- ности	дуго- образ- ные	насе- чки
середина V в. до н.э.												
третья четверть V в. до н.э.												
четвертая четверть V в. до н.э.												
первая четверть IV в. до н.э.												
вторая четверть IV в. до н.э.												
третья четверть IV в. до н.э.												
четвертая четверть IV в. до н.э.												

1

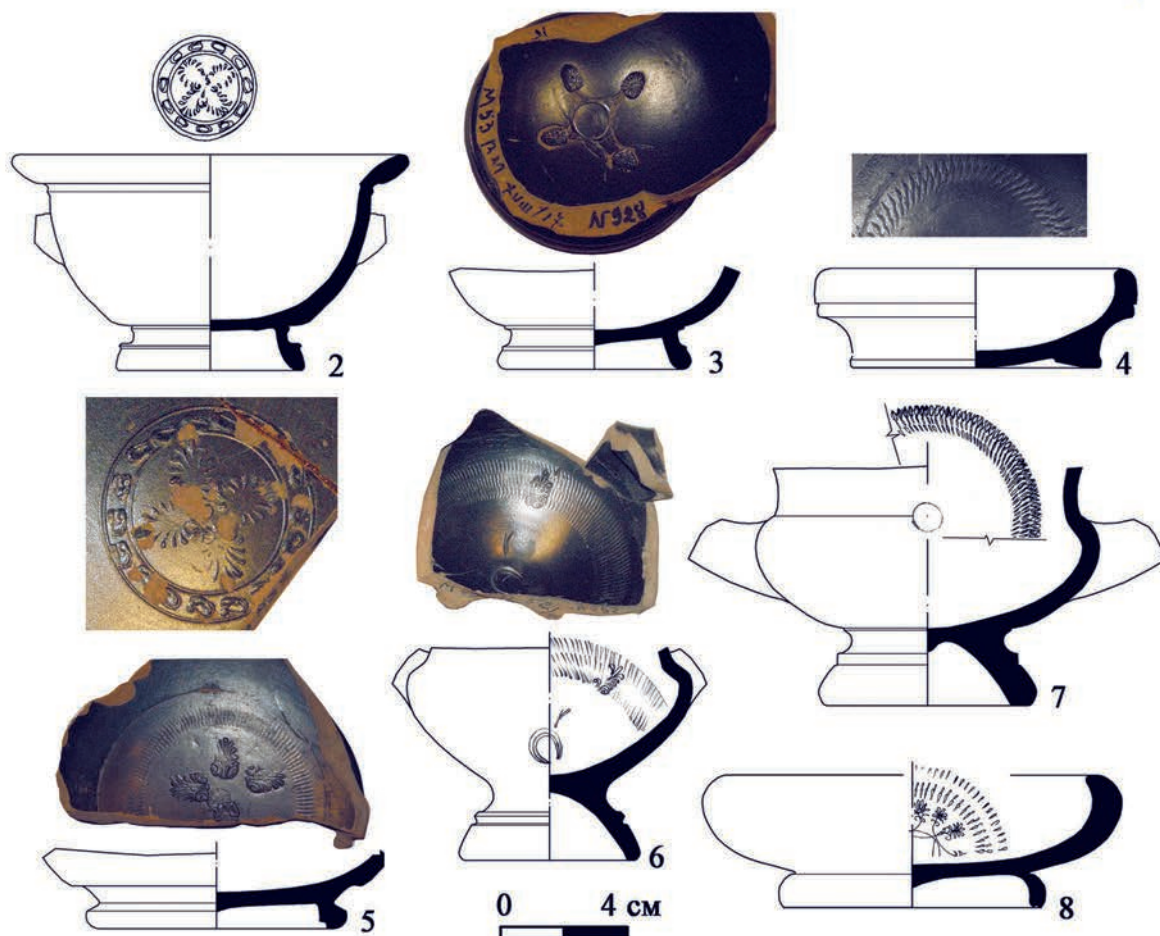

Рис. 5. 1 – хронологическая таблица элементов штампованного и прочерченного орнамента. Кубковидные скифосы с массивными стенками: 2 – M53, 988, 1151; 3 – M53, 928. Миска с профилированной внешней поверхностью: 4 – M45, 2525. Кубковидный скифос: 5 – M47, 1393. Кубковидные канфары: 6 – M79, 252; 7 – M86, 65. Миска с загнутым внутрь краем: 8 – M73, 138

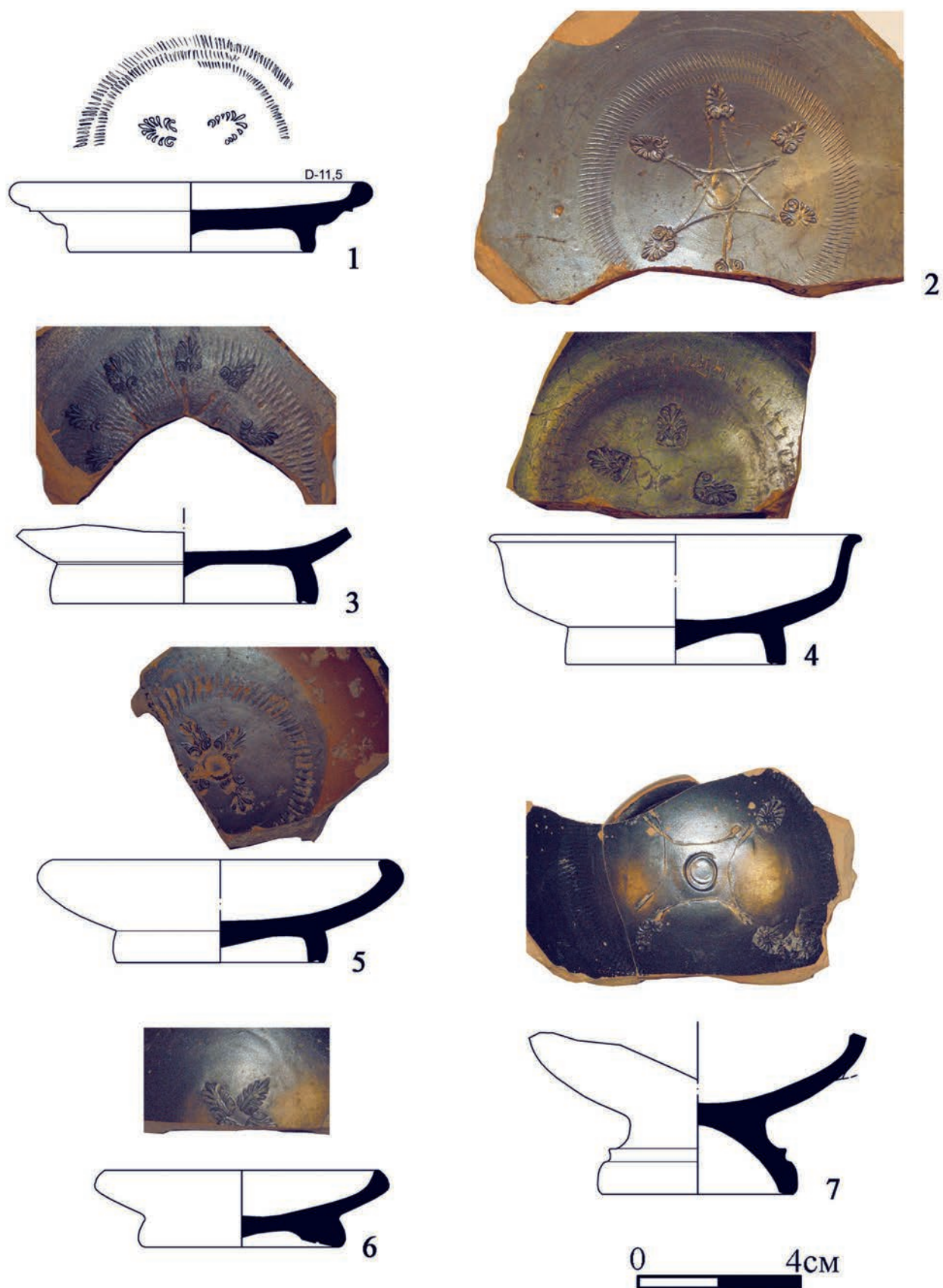

Рис. 6. Тарелки с валикообразным краем: 1 – М90, 119; 2 – М68, 290. Миски с отогнутым наружу краем: 3 – М79, 134; 4 – М57, 3945. Миска с загнутым внутрь краем: 5 – М65, 245. Миниатюрная миска с широким поддоном: 6 – М45, 2584. Кубковидный канфар: 7 – М80, 143

**ДВА НОВЫХ ГРАФФИТИ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ
(ИЗ АРХИВА В.Д. И Т.В. БЛАВАТСКИХ)**

Н.В. Завойкина

Рис. 1. Граффито Эварха

Рис. 3. Граффито Спанамия

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ АРХАИЧЕСКОЙ ГЕРМОНАССЫ

С.И. Финогенова

Рис. 1. Фрагмент восточно-греческого килика. Первая половина VI в. до н.э.

Рис. 2. Фрагмент тулова восточно-греческого сосуда закрытого типа. Первая половина VI в. до н.э.

Рис. 3. Фрагмент крышки леканы. VI в. до н.э.

Рис. 4. Двуручный кувшин. V в. до н.э.

5

6

Рис. 5. Гидрия. Клазомены, группа Урла, третья четверть VI в. до н.э.

Рис. 6. Чернолаковый килик. Атика, 510-500 г. до н.э.

Рис. 7. Чаша Сиана. Аттика, Гейдельбергский мастер, конец 560-х гг. до н.э.

ФРАГМЕНТЫ АТТИЧЕСКОГО ЧЕРНОФИГУРНОГО КРАТЕРА VI В. ДО Н. Э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ КИТЕЯ

А.Е. Петракова, З.В. Ханутина, В.А. Хриановский

Рис. 1. Фрагменты кратера из Китея (реконструкция)

Рис. 2. Фрагменты кратера из Китея (реконструкция)

Рис. 3. Фрагменты кратера из Китея (реконструкция)

Рис. 4. Фрагменты кратера из Китея

ДЕМЕТРА В КИТЕЙСКОМ СВЯТИЛИЩЕ КОНЦА V–IV ВВ. ДО Н.Э.

Н.В. Молева

Рис. 1. Терракоты из Китейского святилища конца V – IV вв. до н.э.

Рис. 2. Статуэтка Деметры

ФАНАГОРИЯ. ВЕРХНИЙ ГОРОД. ОБЪЕКТ 815

А.А. Завойкин

Рис. 1. Объекты 815 и 819. Вид с СЗ

Рис. 2. Котлован 815, места расположения амфор: хиосской в интерьере (северо-восточный угол) и мендейской (юго-западный угол) в засыпи. Вид с С-СЗ

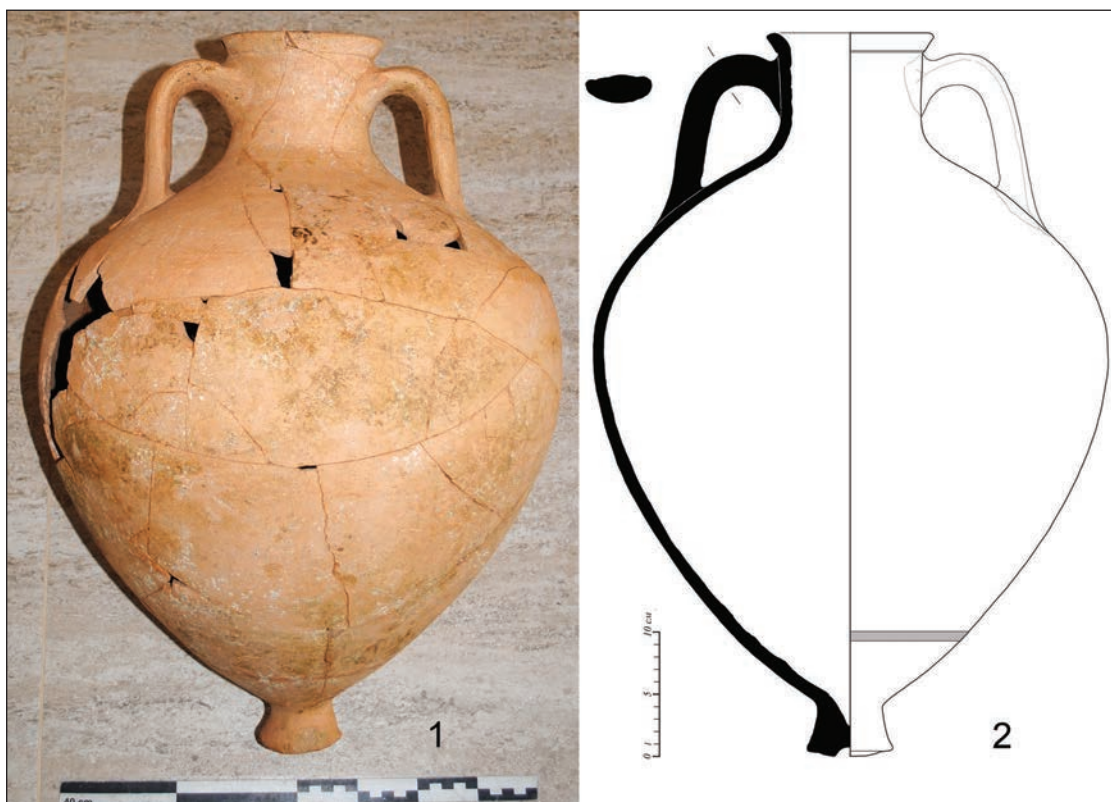

Рис. 3. Мендейская амфора (815–IX/14-1). 1 – фото автора; 2 – чертеж с натуры (выполнен Ю.Н. Курукиной)

ГЕРМА ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ

В.Д. Кузнецов

Рис. 1. Герма из Фанагории

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Рис. 2. Герма из Фанагории (1-8) и серебряная тетрадрахма с изображением Митридата (9)

ГОРОДСКИЕ СТЕНЫ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЙ ТИРИТАКИ

В.Н. Зинько

Рис. 1. Тиритака, верхний город, раскоп XXVI. Вид с запада

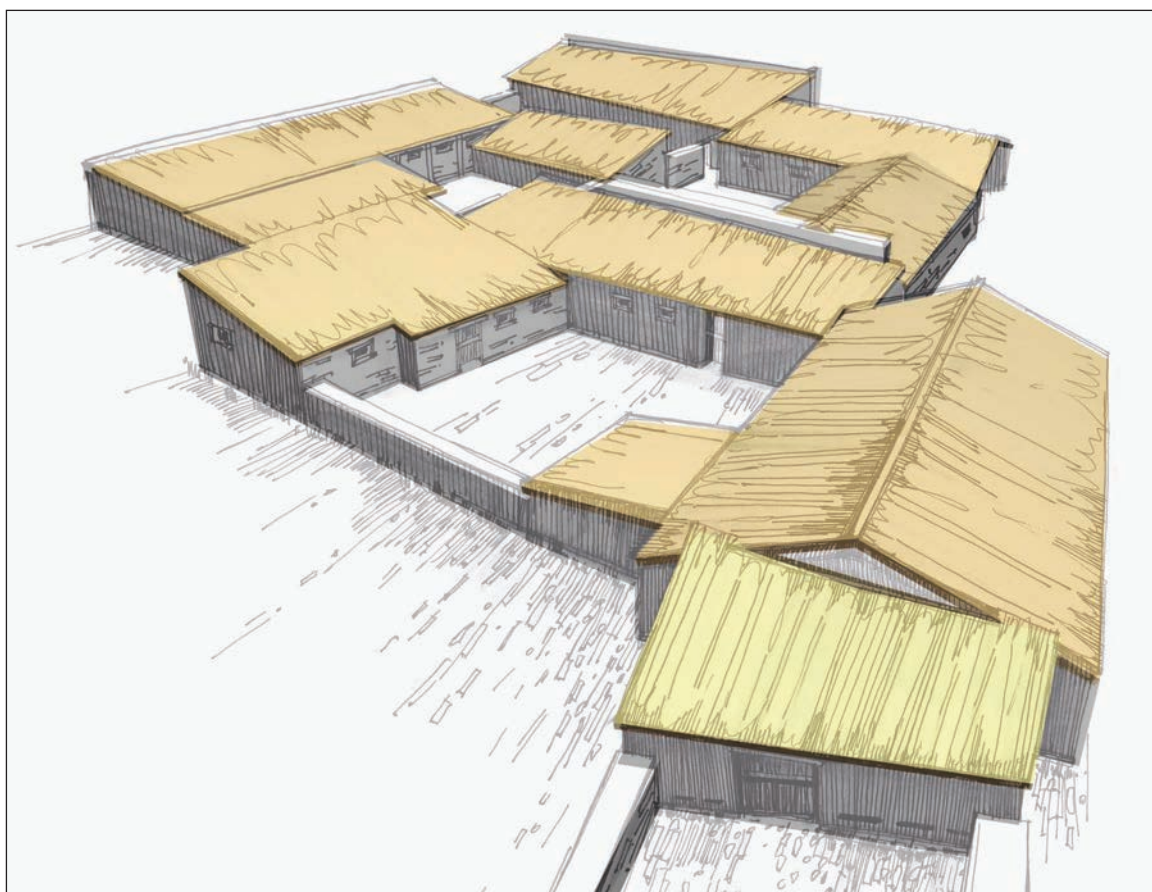

Рис. 2. Общий вид домов центрального квартала с юго-востока. Реконструкция - В.Н. Зинько; построение перспективы – В.Н. Королев

Рис. 3. Западная крепостная стена на раскопе XXVII, вид сверху

Рис. 4. Постройка (СК-III) под основанием западной крепостной стены. Вид с запада

Рис. 5. Фрагменты аттического чернофигурного кратера с изображением гоплита

Рис. 6. Слой сырца и пожара под основанием западной крепостной стены

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ АХТАНИЗОВСКАЯ 4

Г.А. Ломтадзе

Рис. 5. Оборонительные стены поселения Ахтанизовская 4. Вид с северо-запада

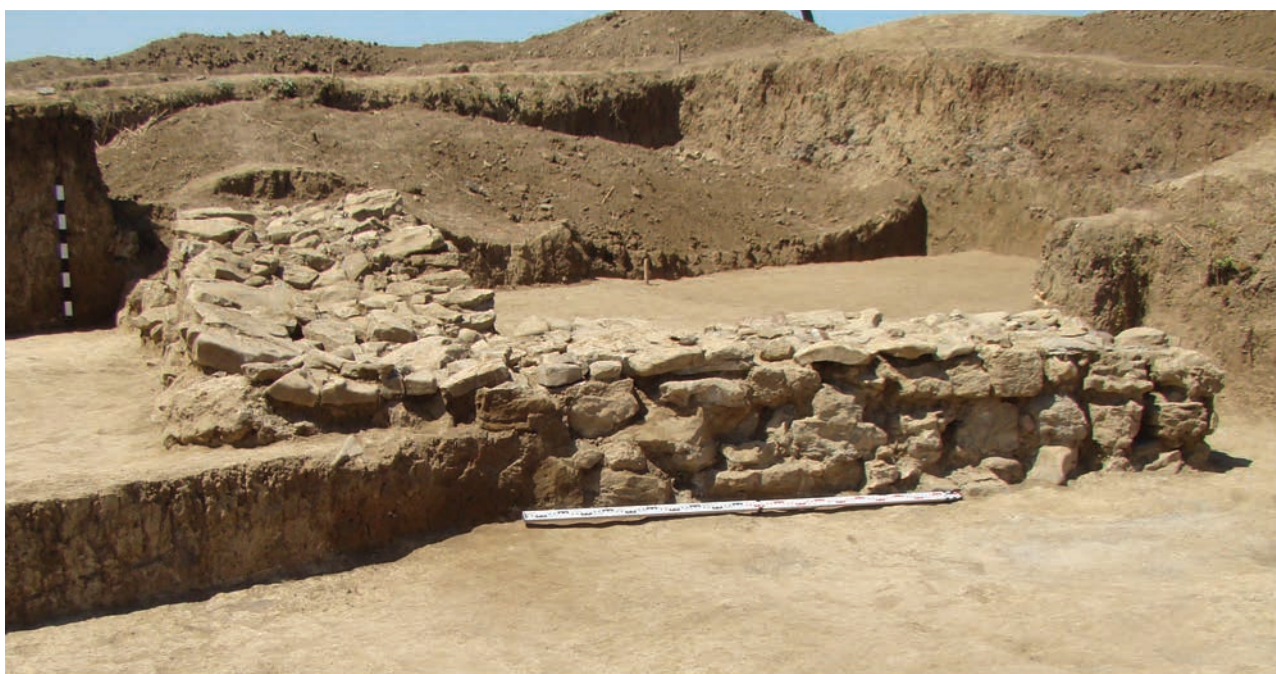

Рис. 6. Оборонительные стены поселения Ахтанизовская 4. Вид с юго-востока

Рис. 17. Краснолаковые и буролаковые блюда и чаши из слоев разрушения оборонительных сооружений

1

2

Рис. 18. Краснолаковая керамика из слоев разрушения оборонительных сооружений

1

2

Рис. 19. Терракотовые статуэтки их фрагменты из слоев разрушения оборонительных сооружений

Рис. 20. Фрагменты терракотовых статуэток из слоев разрушения оборонительных сооружений

Рис. 21. 1. Фрагмент украшения бронзового канделябра. 2. Фигурный сосуд

Рис. 22. Монеты: 1. Табл. 1, № 21 – из заполнения рва; 2. Табл. 1, № 18 – из слоев разрушения оборонительных сооружений; 3. Табл. 1, № 2 – из слоев разрушения оборонительных сооружений; 4. Табл. 1, № 1 – из слоев разрушения оборонительных сооружений.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КРЕПОСТИ АК-КАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ (ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА И РИМСКИЙ ПЕРИОД)

Ю.П. Зайцев

Рис. 2 Южная часть городища Ак-Кая/Вишенное с раскопом в секторе 8Е. Вид с востока, фото 2012 г.

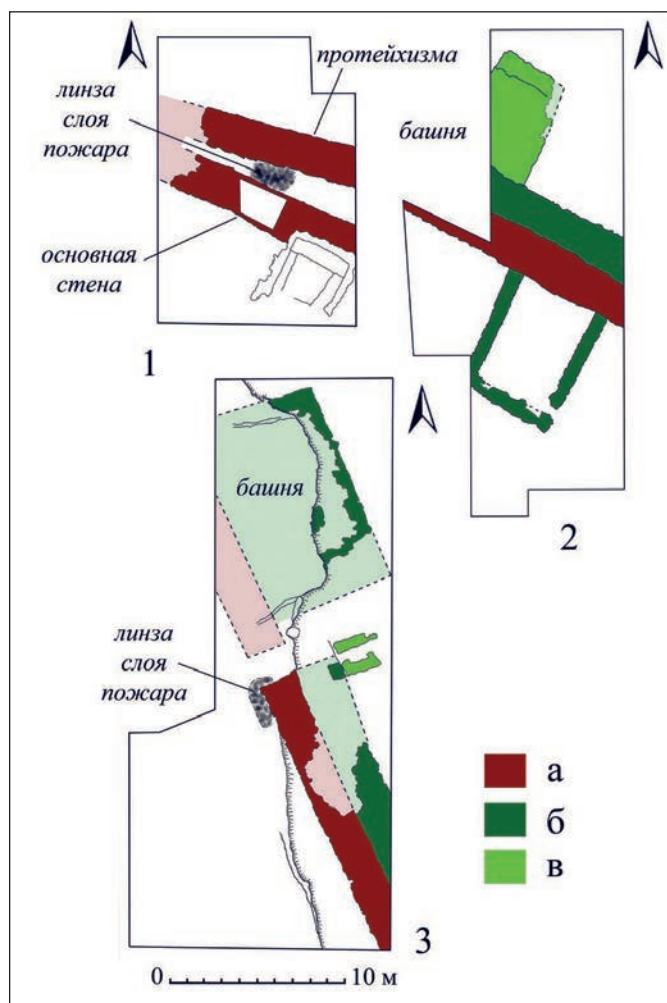

Рис. 3 Планы-схемы раскопов с обозначением оборонительных сооружений. 1 – раскоп в секторе 4В, 2 – раскоп в секторе 4С, 3 – раскоп в секторе 6Д. А – 1-й строительный период, Б – 2-й строительный период, В – 3-й строительный период

Рис. 4. Раскоп в секторе 4В. Вид с севера, фото 2008 г.

1

2

Рис. 5. Раскоп в секторе 4В. А – фотофасировка внешнего панциря основной оборонительной стены, фото 2008 г. Б – фотофасировка протейхизмы, фото 2008 г.

Рис. 6. Раскоп в секторе 4С. Оборонительные сооружения в процессе раскопок. Вид с востока, фото 2006 г.

Рис. 7. Раскоп в секторе 8Е. Общий вид с северо-запада с высоты 25 м, фото 2013 г.

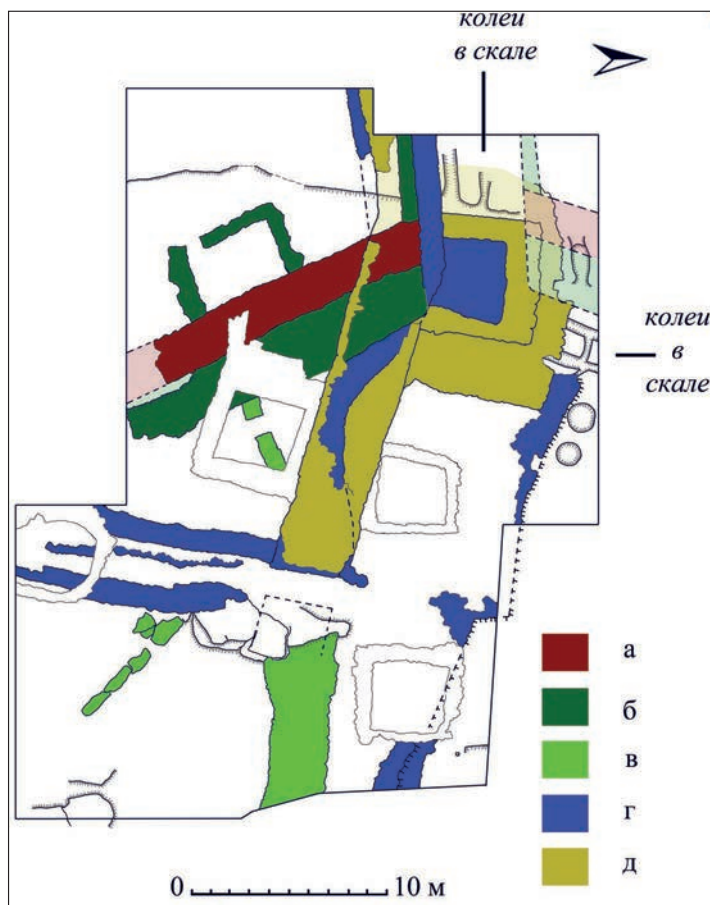

Рис. 8. План-схема оборонительных сооружений раскопа в секторе 8Е.
А – 1-й строительный период, Б – 2-й строительный период, В – 3-й строительный период, Г – 4-й строительный период (римское время), Д – 5-й строительный период (раннесредневековый период)

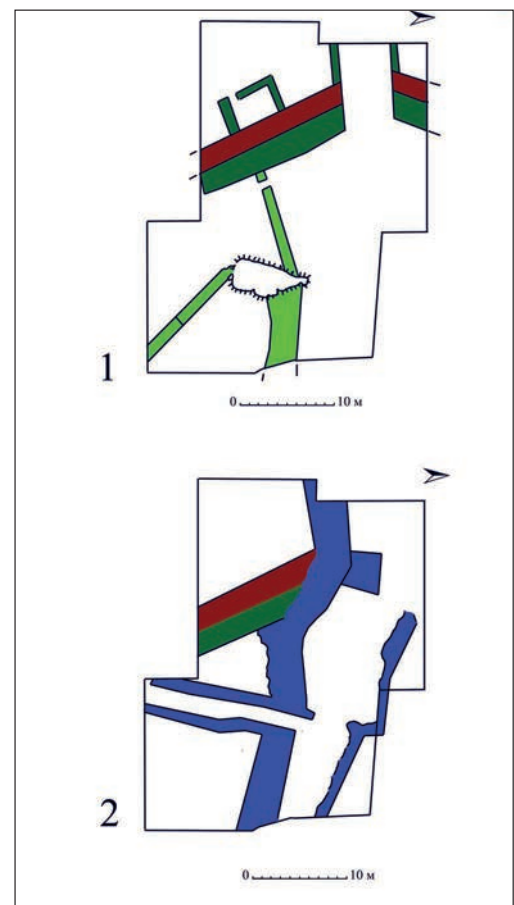

Рис. 9. 1 - схема-реконструкция оборонительных сооружений эллинистического периода, открытых в раскопе сектора 8Е. 2 - схема-реконструкция оборонительных сооружений римского периода, открытых в раскопе сектора 8Е

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ РВЫ ТАНАИСА ВО II-I ВВ. ДО Н.Э.

С.М. Ильяшенко, Т.М. Арсеньева, С.А. Науменко

Рис. 1. Остатки позднего вала к западу от цитадели. Фото 1957 года, вид с севера

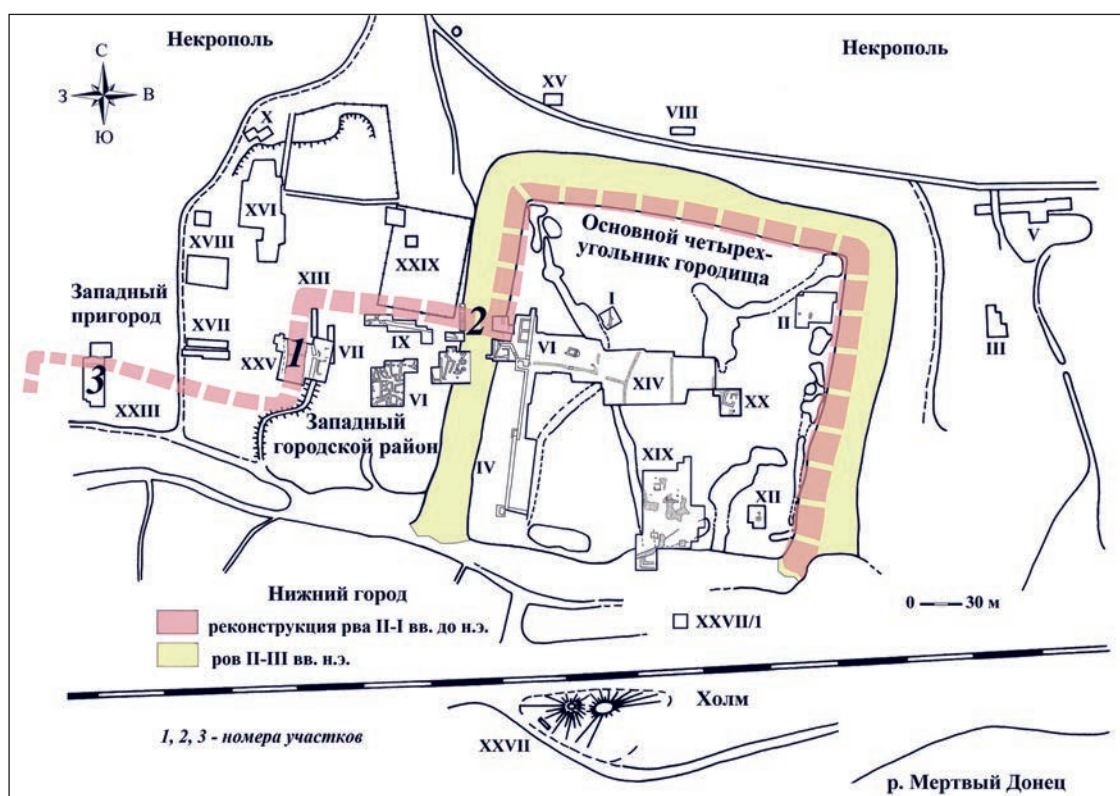

Рис. 2. План Танаиса с реконструируемой линией рвов

Рис. 3. Участок 1. Раскоп XXV. Вид с юга

Рис. 5. Участок 1. Ров и опора моста. Вид с юга

Рис. 6. Участок 1. Эскарп рва с канавой 2. Вид с юга

Рис. 8. Участок 1. Мергелевая платформа к западу от куртин. Вид с юга

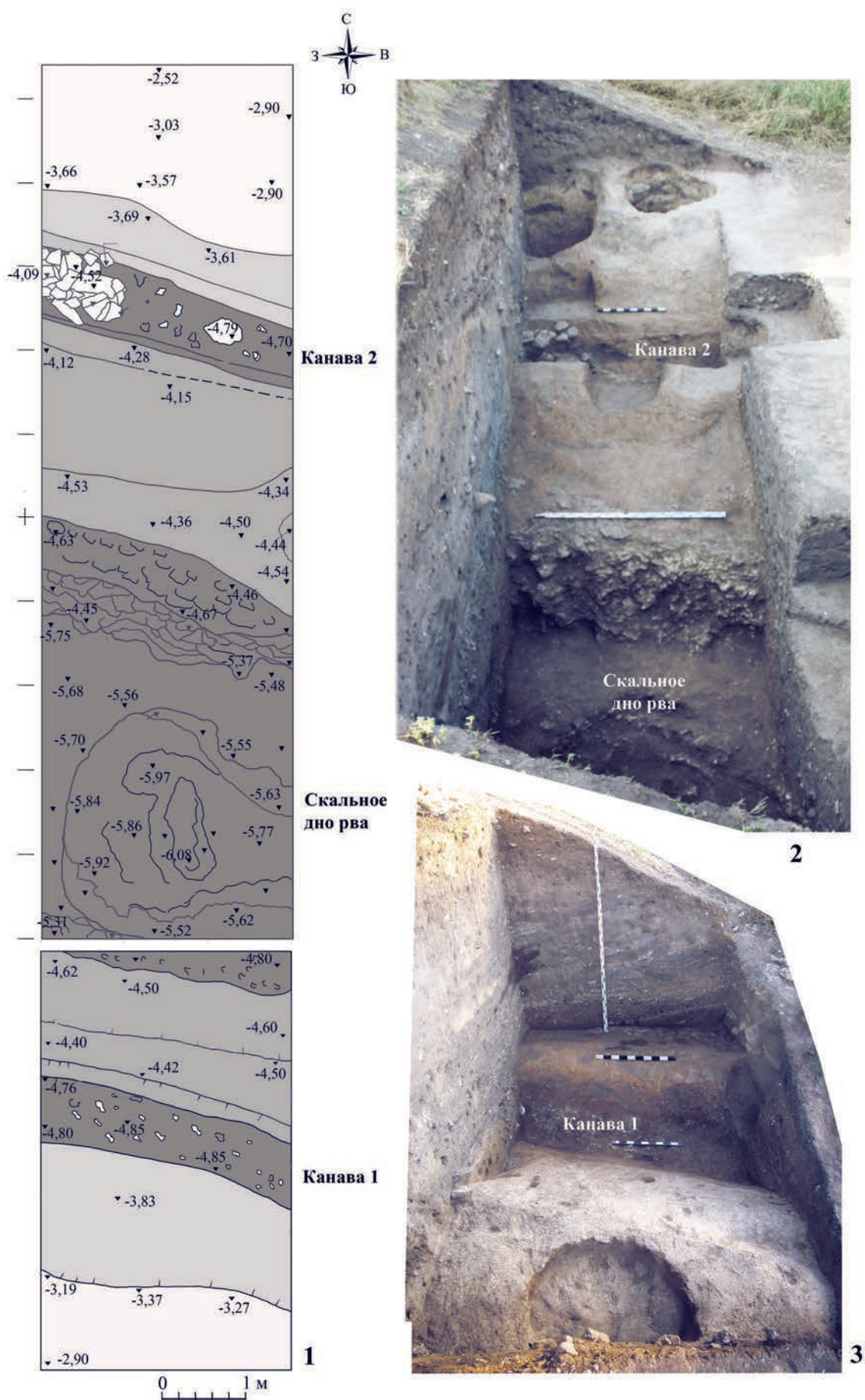

Рис.10. Участок 2: 1- план участка рва; 2- контрэскарп с юга; 3- эскарп с юга

Рис. 11. Участок 2 (вид с запада): 1- оборонительная стена; 2- материковая глина; 3- платформа из мергеля; 4- подсыпки и каменные вымостки; 5- остатки вала

Рис. 14. Участок 3. Ров. Вид с запада

Рис. 20. Следы валов (?) к северу от городища. Снимок из космоса

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНИКИ АРХАИЧЕСКОЙ БЕРЕЗАНИ

Д.Е. Чистов

1

2

3

4

Рис. 2. 1-3 – примеры иррегулярных постелистых кладок (участок «О»): 1 – кладка 28 помещения 6, западный фас; 2 – участки кладок 20 и 12 (помещения 3/5), западные фасы (подшова последней лежит на остатках сырцової надстройки раннего цоколя № 20), 3 – стена 23, северный фас. 4 – кладки 14 и 15 помещения 4, вид с юга

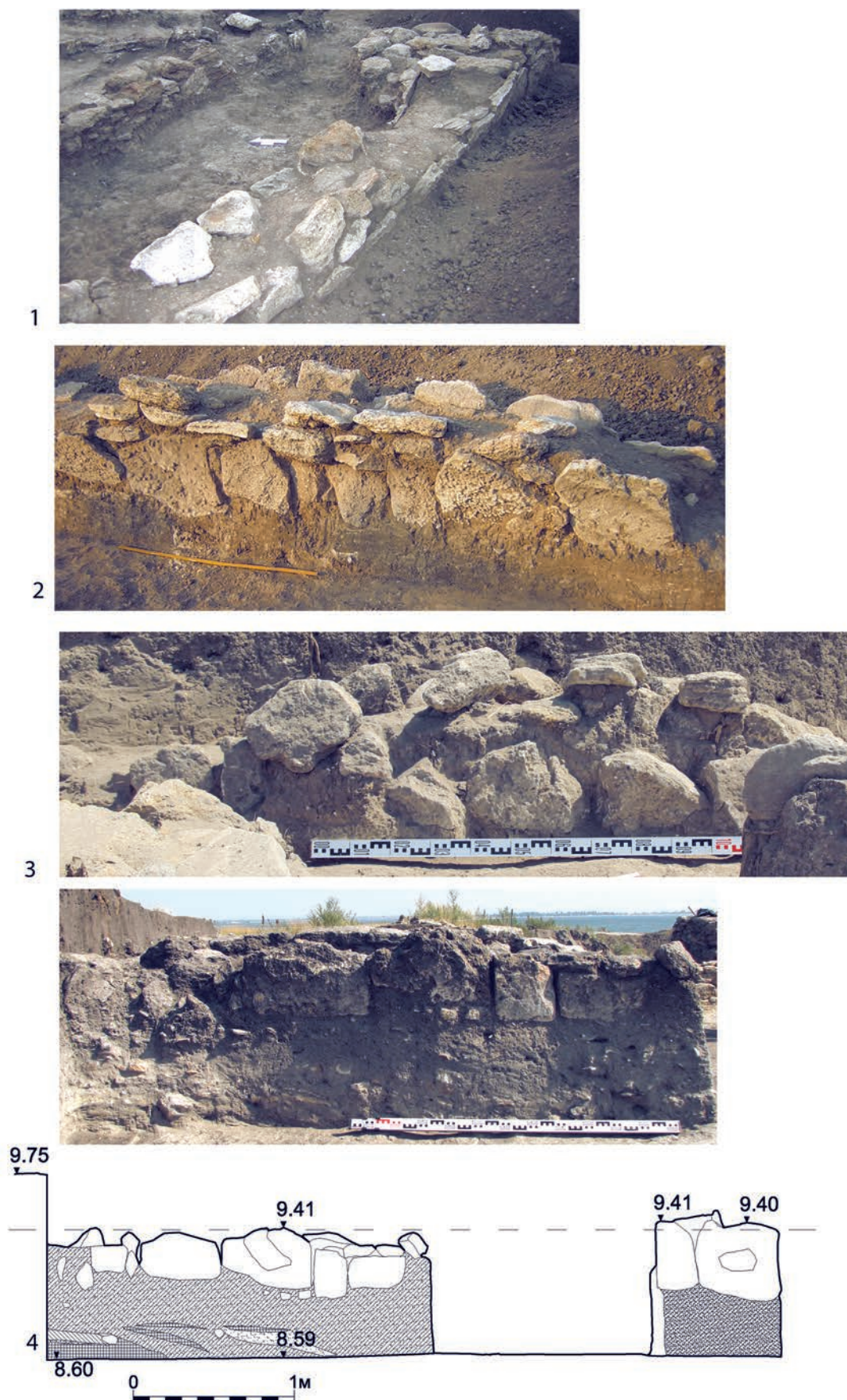

Рис. 3. Примеры простых орфостатных цоколей: 1 – Участок «Т», кладка 11, вид с юго-запада (Крутилов 2007б, Табл. 19. Фото публикуется с разрешения автора); 2 – участок «Т», кладка 7, северный фас. 3 – участок «О», стена 109, западный фас, 4 – участок «О», стена 25, южный фас

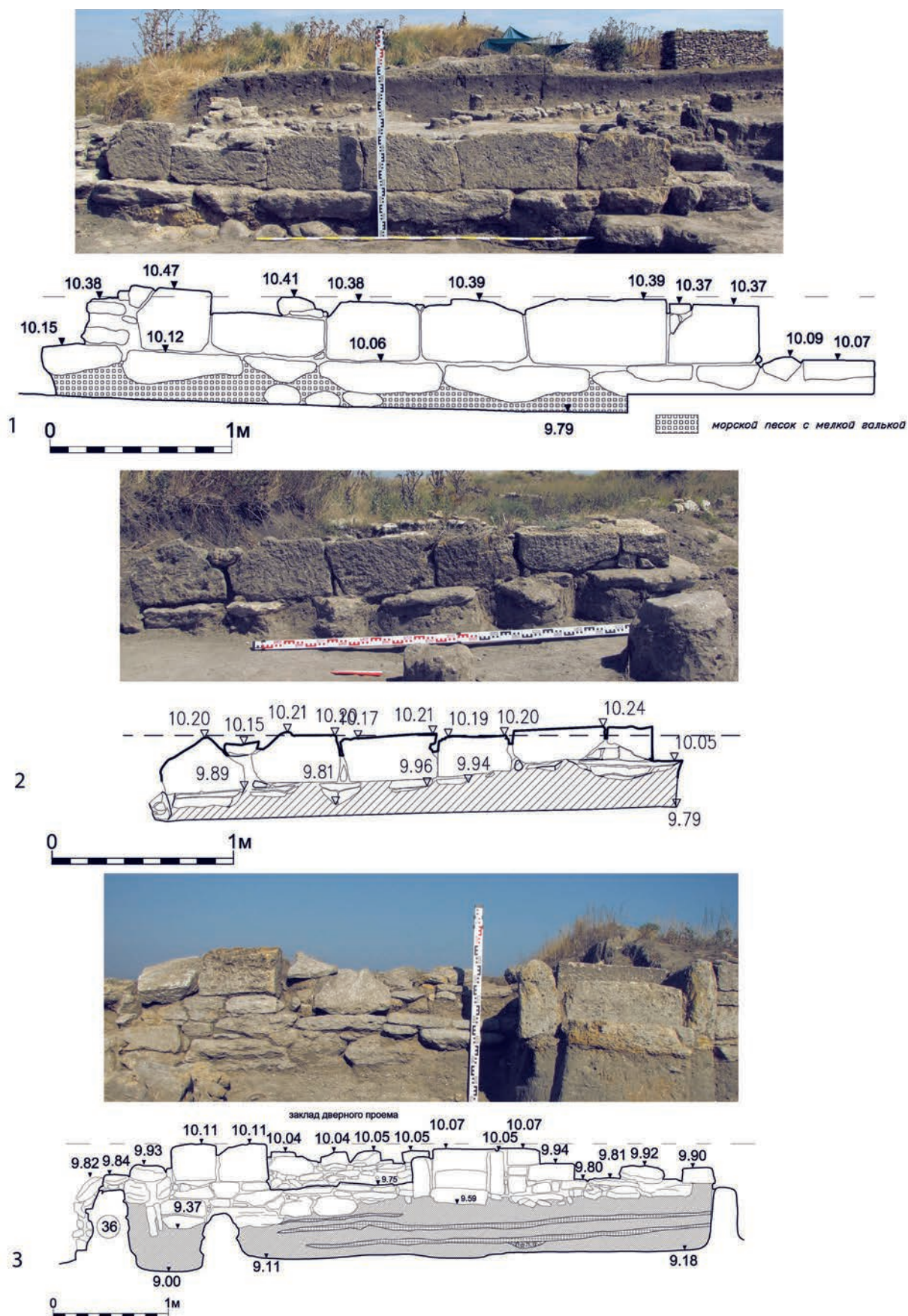

Рис. 4. Примеры трехслойных орфостатных кладок (участок «О»). 1. - Кладка 42, западный фас. 2 - Кладка 43, западный фас. 3 - Кладка 31, западный фас

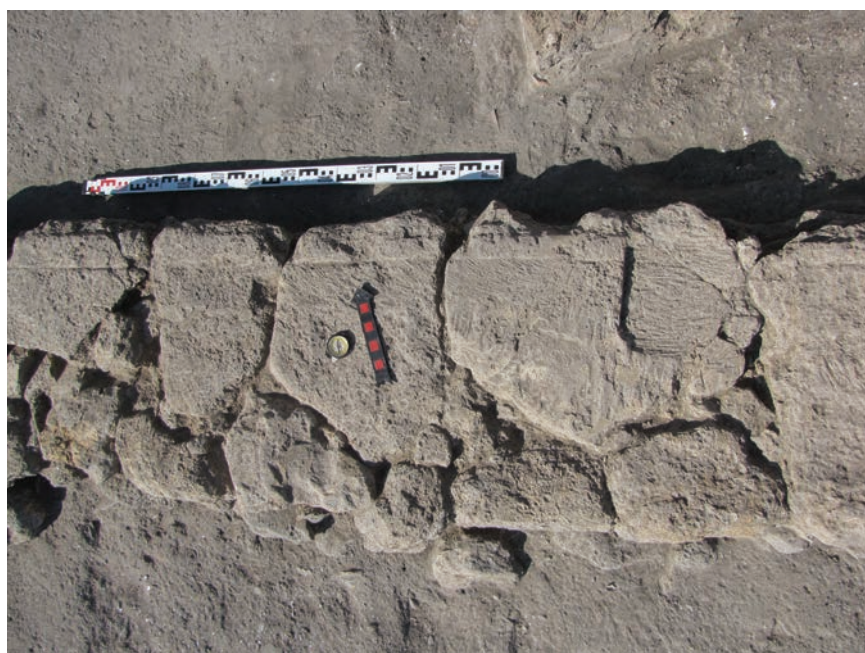

Рис. 5. Участок «О». Кладка 65 (северная стена МК-2). Линии разметки каменщика на постелистых плитах первого ряда

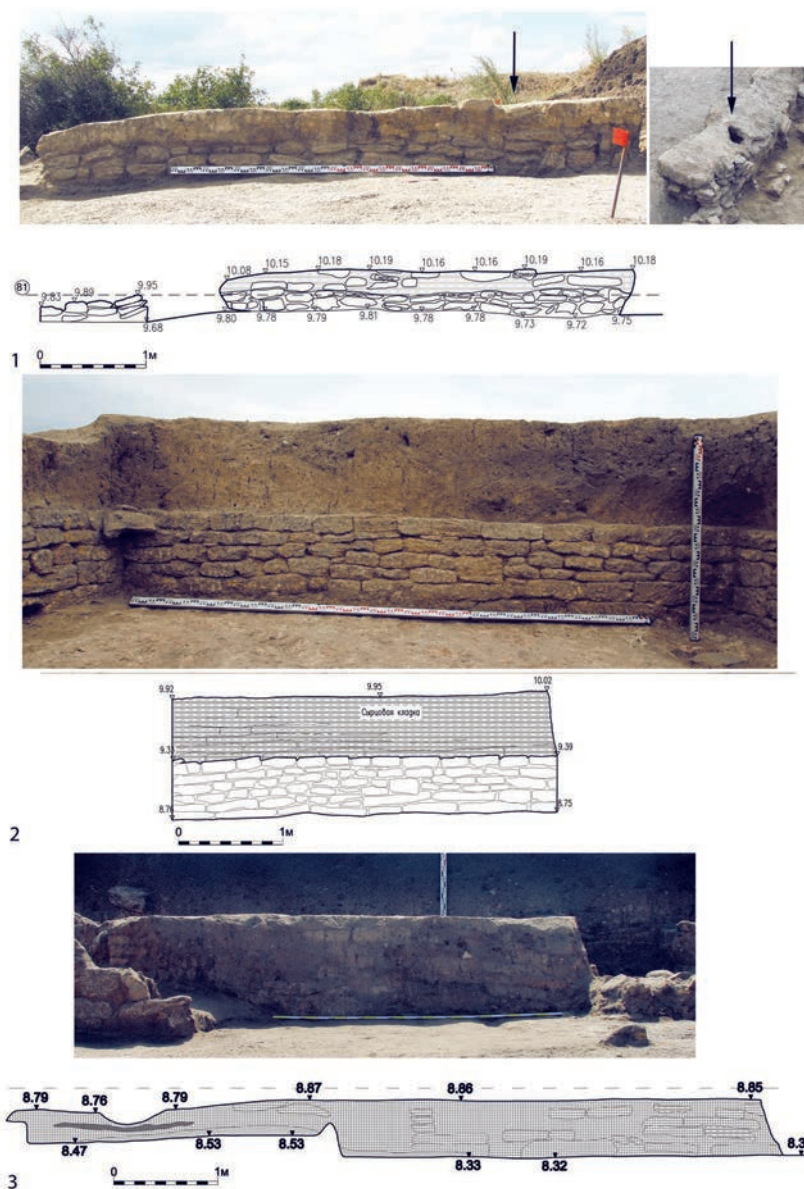

Рис. 6. Примеры сырцовых кладок и сырцовых надстроек каменных цоколей (участок «О»): 1 – кладка 70, восточный фас. 2 – восточная стена подвального помещения 21. 3 – северная стена помещения 7

Рис. 7. Однокамерная постройка с глинобитными стенами, облицованными изнутри камнем (помещение 18, участок «О»). Вид с запада

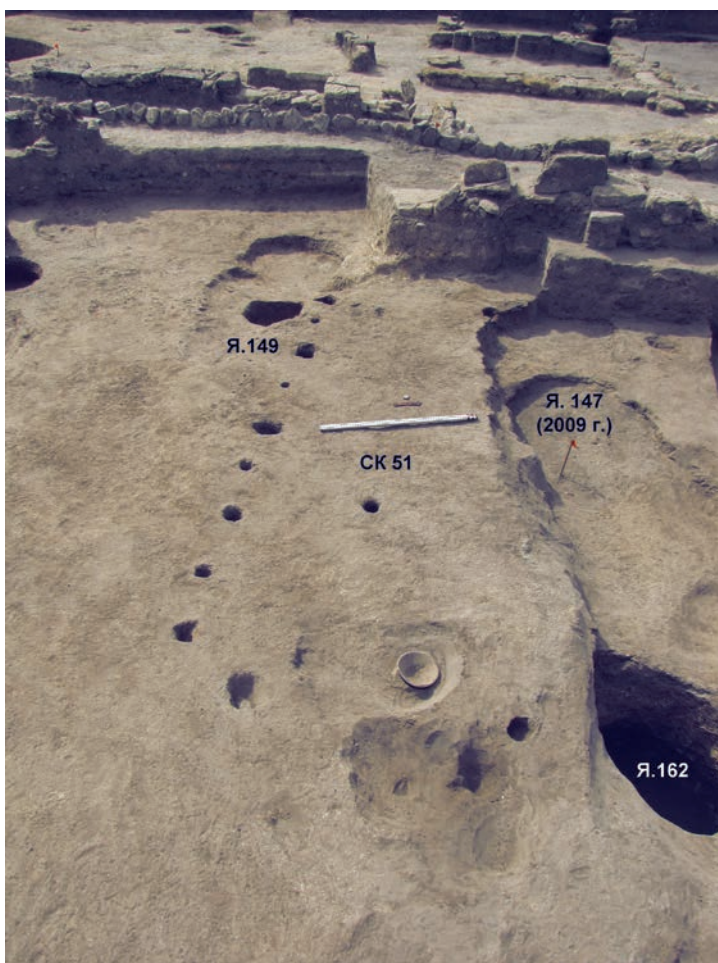

Рис. 8. Столбовая конструкция СК 51, вид с востока

РАННИЕ КИЛИКИ НА БЕРЕЗАНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В 2004-2014 ГГ.)

Ю.И. Ильина

Табл. 1 Фрагменты киликов с изображением птиц

1. БЭ 2005.32/201
2. БЭ 2005.32/288
3. БЭ 2005.37/307
4. БЭ 2005.39/202
5. БЭ 2008.40/364
6. БЭ 2010.20/132
7. БЭ 2011.16/176
8. БЭ 2013.11/78
9. БЭ 2013.56/262
10. БЭ 2014.13/62
11. БЭ 2005.1/3
12. БЭ 2005.39/313
13. БЭ 2005.37/242
14. БЭ 2013.64/377
15. БЭ 2014.20/130
16. БЭ 2005.14/135
17. БЭ 2007.45/576

Табл. 2 Ножки киликов с изображением птиц

1. БЭ 2005.23/167
2. БЭ 2005.24/174
3. БЭ 2006.20/134
4. БЭ 2006.46/375
5. БЭ 2008.40/358
6. БЭ 2009.2/38
7. БЭ 2006.46/232

Табл. 3 Килик с птицами и розетками
1. БЭ 2005.34/204

Табл. 4 Фрагменты киликов с розетками
1. БЭ 2005.34/205; 2. БЭ 2010.21/157

Табл. 5 Фрагменты киликов с розетками
1. БЭ 2008.40/367
2. БЭ 2008.40/368
3. БЭ 2013.59/328
4. БЭ 2008.38/312
5. БЭ 2008.38/311

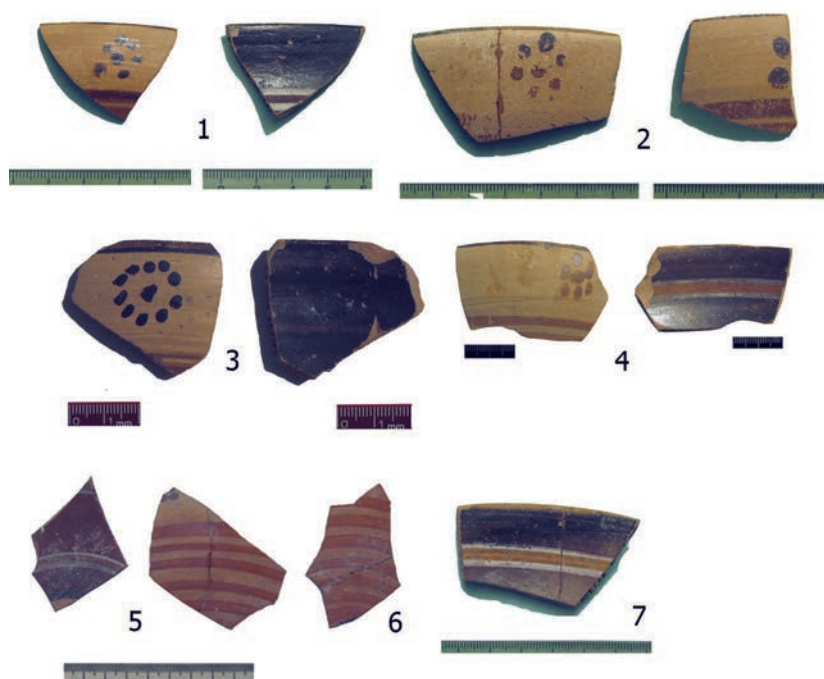

Табл. 6 Фрагменты киликов с розетками

1. БЭ 2007.25/293
2. БЭ 2007.27/348
3. БЭ 2007.30/427
4. БЭ 2008.26/194
5. БЭ 2010.50/442
6. БЭ 2004.36/135
7. БЭ 2005.27/348
8. БЭ 2005.34/207
9. БЭ 2005.36/218

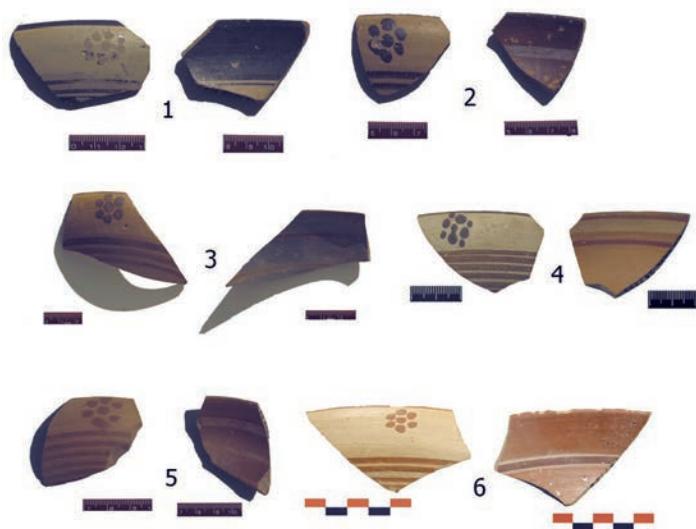
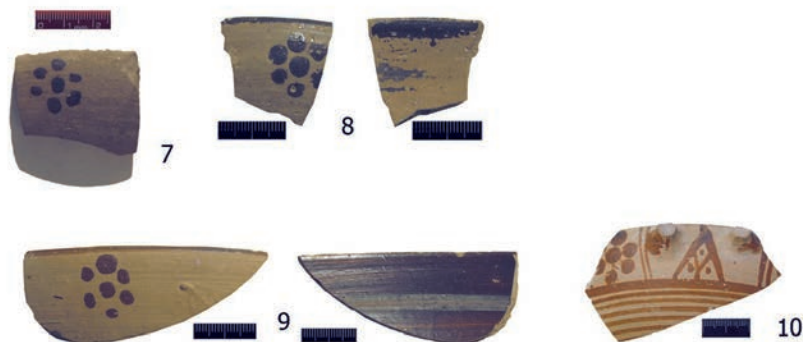

Табл. 7 Фрагменты киликов с розетками

1. БЭ 2008.31/250
2. БЭ 2008.32/253
3. БЭ 2008.47/404
4. БЭ 2010.25/232
5. БЭ 2008.27/207
6. БЭ 2014.23/159
7. БЭ 2008.41/378
8. БЭ 2010.49/417
9. БЭ 2010.51/457
10. БЭ 2005.36/206

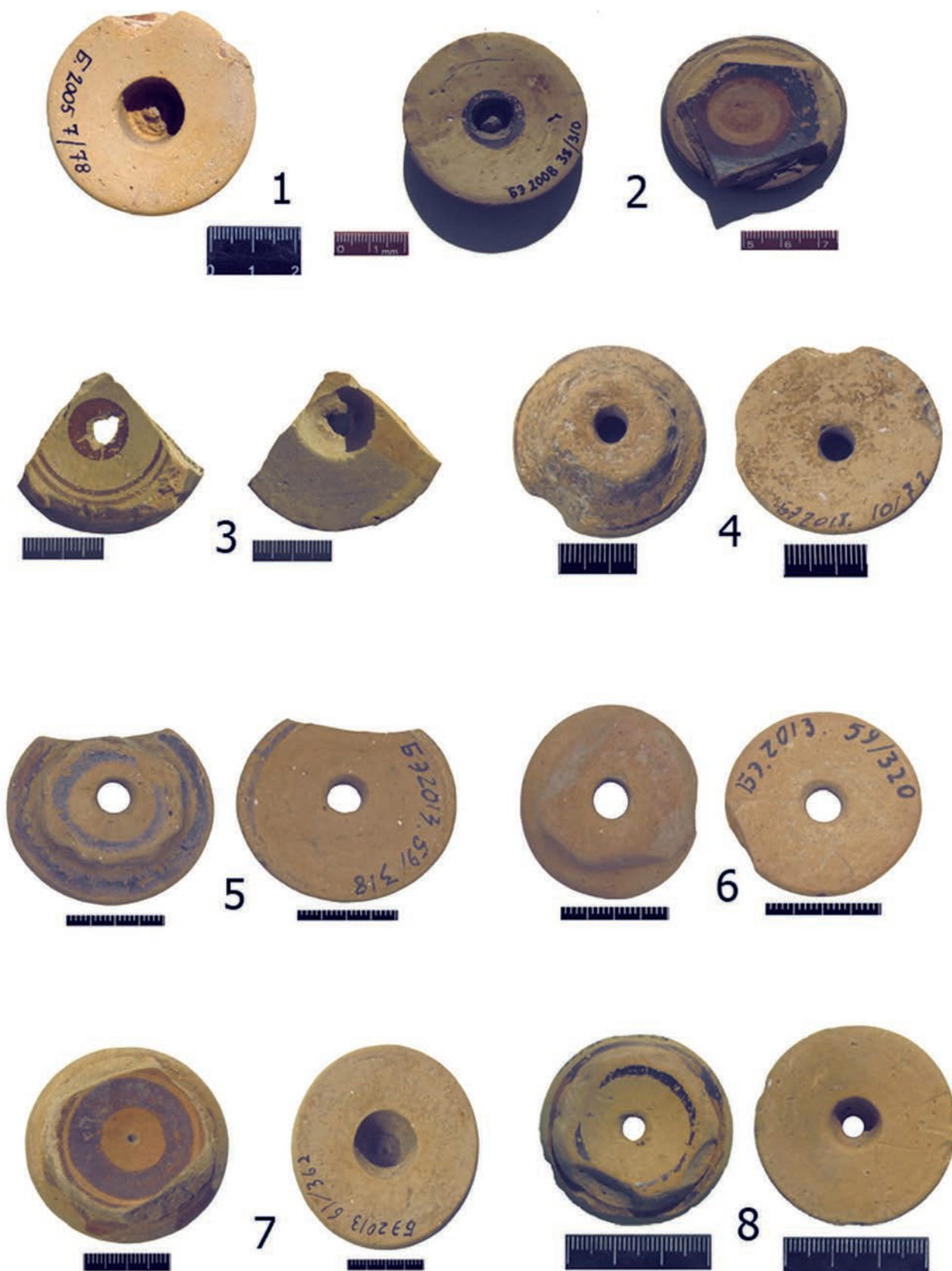

Табл. 8 Ножки киликов

1. БЭ 2005.7/78; 2. БЭ 2008.38.310; 3. БЭ 2010.44/376; 4. БЭ 2013.10/72; 5. БЭ 2013.59/318; 6. БЭ 2013.59/320; 7. БЭ 2013.61/362; 8. БЭ 2009.35/356

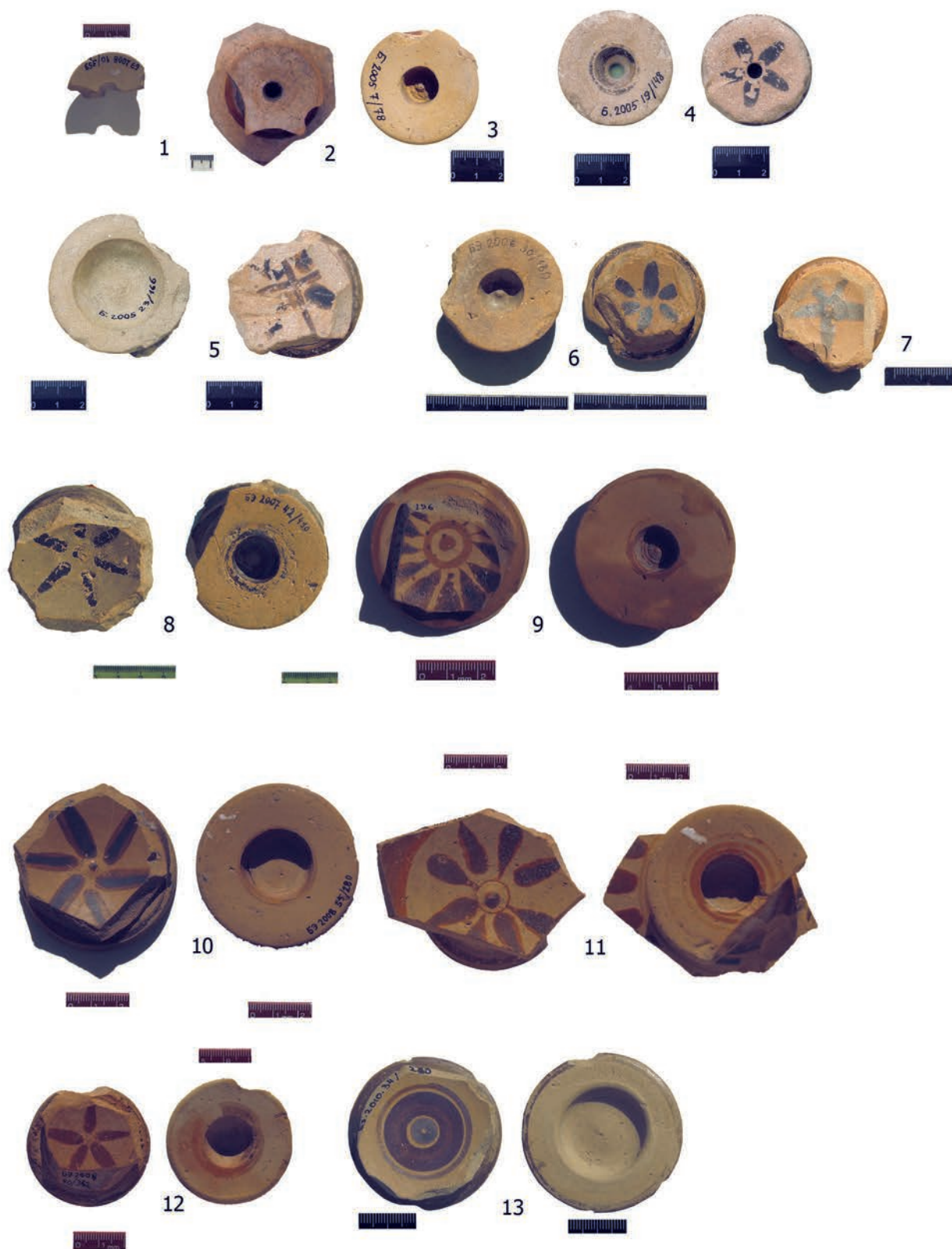

Табл. 9 Ножки киликов

1. БЭ 2008.40/359; 2. БЭ 2004.39/138; 3. БЭ 2004.48/164; 4. БЭ 2005.19/148; 5. БЭ 2005.23/166; 6. БЭ 2006.30/180; 7. БЭ 2006.46/373; 8. БЭ 2007.42/490; 9. БЭ 2008.26/196; 10. БЭ 2008.35/280; 11. БЭ 2008.40/361; 12. БЭ 2008.40/362; 13. БЭ 2010.34/280

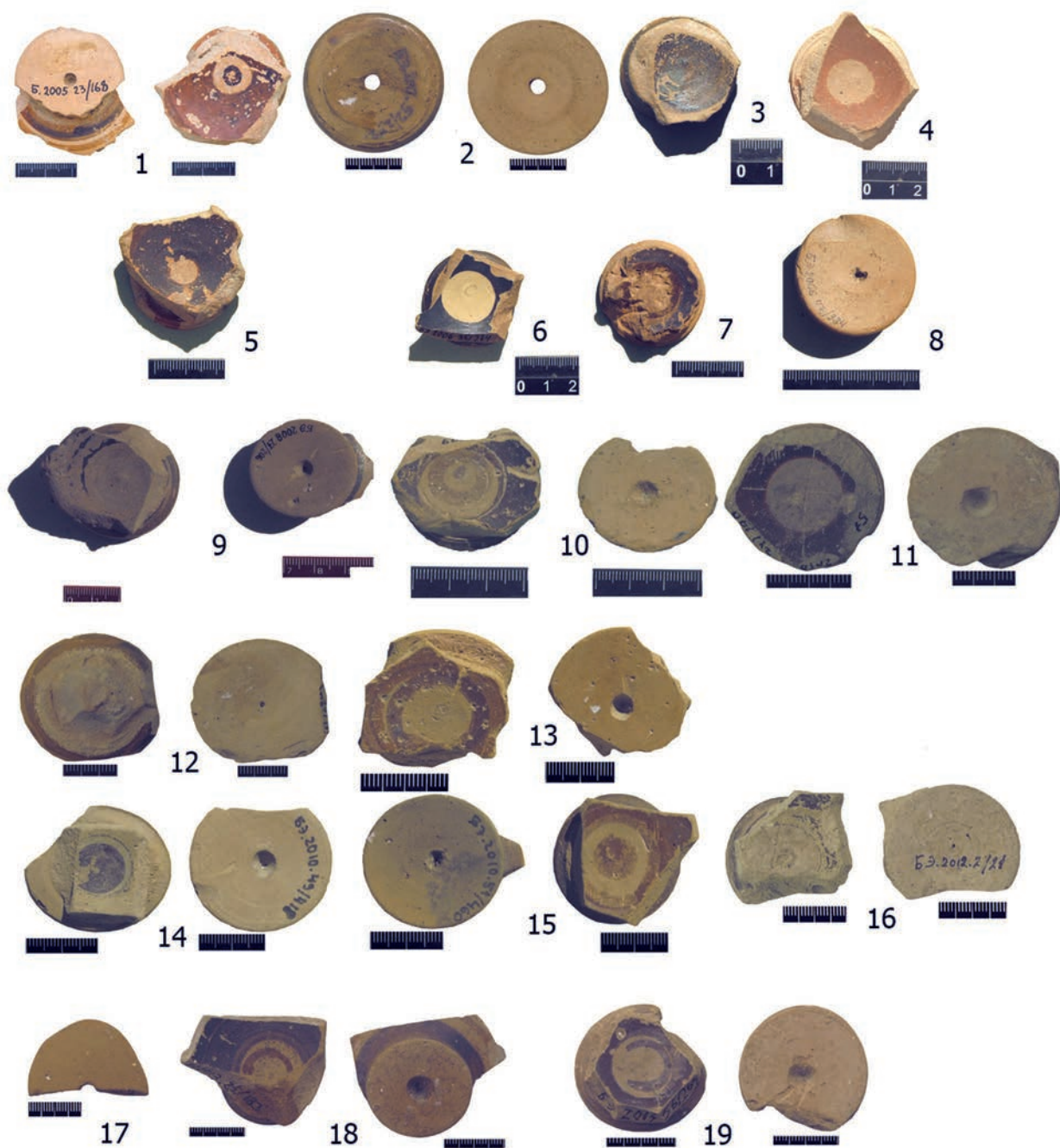

Табл. 10 Ножки киликов

1. БЭ 2005.23/168; 2. БЭ 2012.52/252; 3. БЭ 2006.16/103; 4. БЭ 2006.22/292; 5. БЭ 2006.35/243; 6. БЭ 2006.35/274; 7. БЭ 2006.46/374; 8. БЭ 2006.47/384; 9. БЭ 2008.27/206; 10. БЭ 2009.23/176; 11. БЭ 2010.24/170; 12. БЭ 2010.24/171; 13. БЭ 2010.43/357; 14. БЭ 2010.49/418; 15. БЭ 2010.51/460; 16. БЭ 2012.2/21; 17. БЭ 2012.48/245; 18. БЭ 2013.25/183; 19. БЭ 2013.56/263

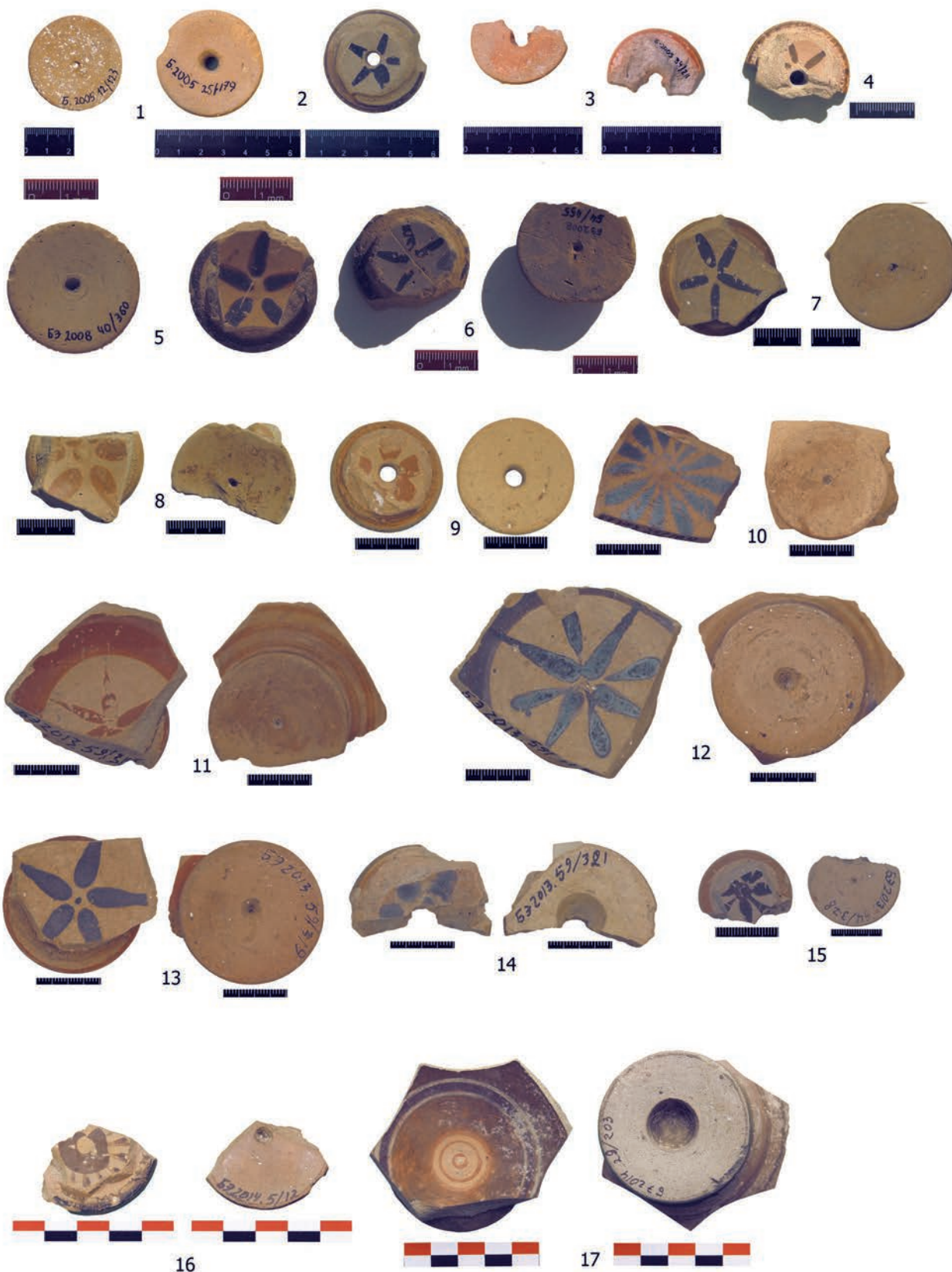

Табл. 11 Ножки киликов

1. БЭ 2005.12/123; 2. БЭ 2005.25/179; 3. БЭ 2005.34/211; 4. БЭ 2006.34/266; 5. БЭ 2008.35/360; 6. БЭ 2008.54/455; 7. БЭ 2010.25/213; 8. БЭ 2010.32/269; 9. БЭ 2011.34/388; 10. БЭ 2013.25/184; 11. БЭ 2013.59/316; 12. БЭ 2013.59/317; 13. БЭ 2013.59/319; 14. БЭ 2013.59/321; 15. БЭ 2013.64/378; 16. БЭ 2014.5/12; 17. БЭ 2014.29/203

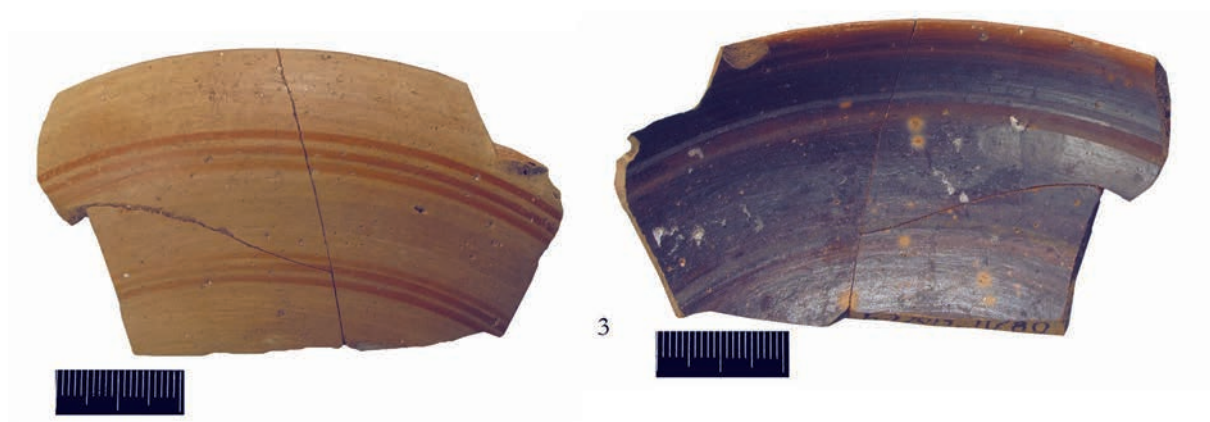
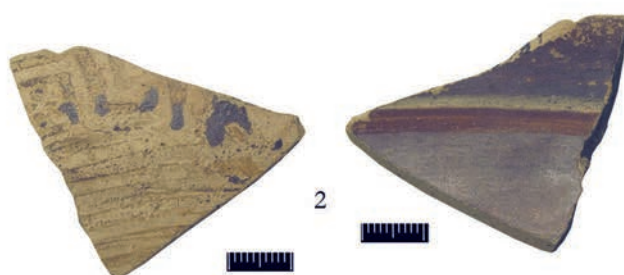
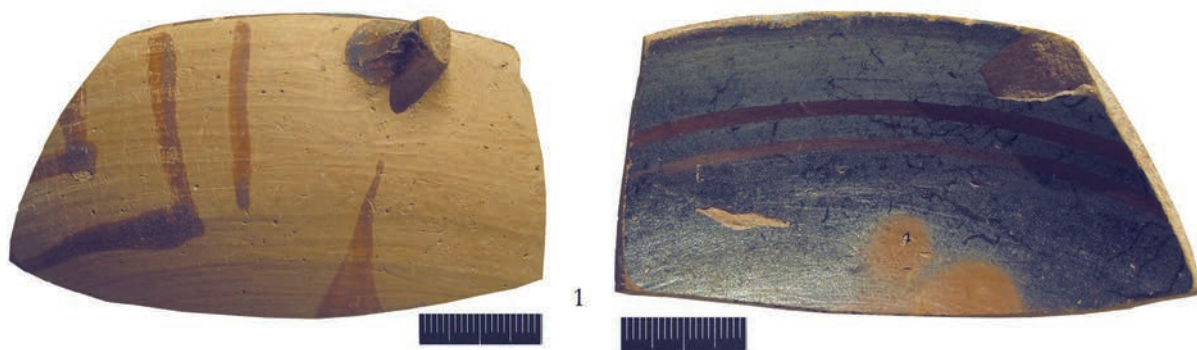

Табл. 12 *Фрагменты киликов с меандром и поясами*

1. БЭ 2010.44/366

2. БЭ 2013.13/81

3. БЭ 2013.11/80

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ВАНСКОГО ГОРОДИЩА

Д. Качарава

Рис. 3. Погребение № 22. Видна платформа

Рис. 4. Железные фигурки из святилища № 4

Рис. 6 – Железная фигурка из святилища № 4, деталь

Рис. 5. Бронзовые фигурки из святилища № 4

Рис. 7 – Святилище № 1. Общий вид

Рис. 8 – Бронзовая фигурка из святилища № 1 (до расчистки)

Рис. 9 – Бронзовая фигурка из святилища № 1 (после расчистки)

Рис. 10 – Погребение № 22, глиняный сосуд с золотыми украшениями

Рис. 11 – Погребение № 24, общий вид раскопок

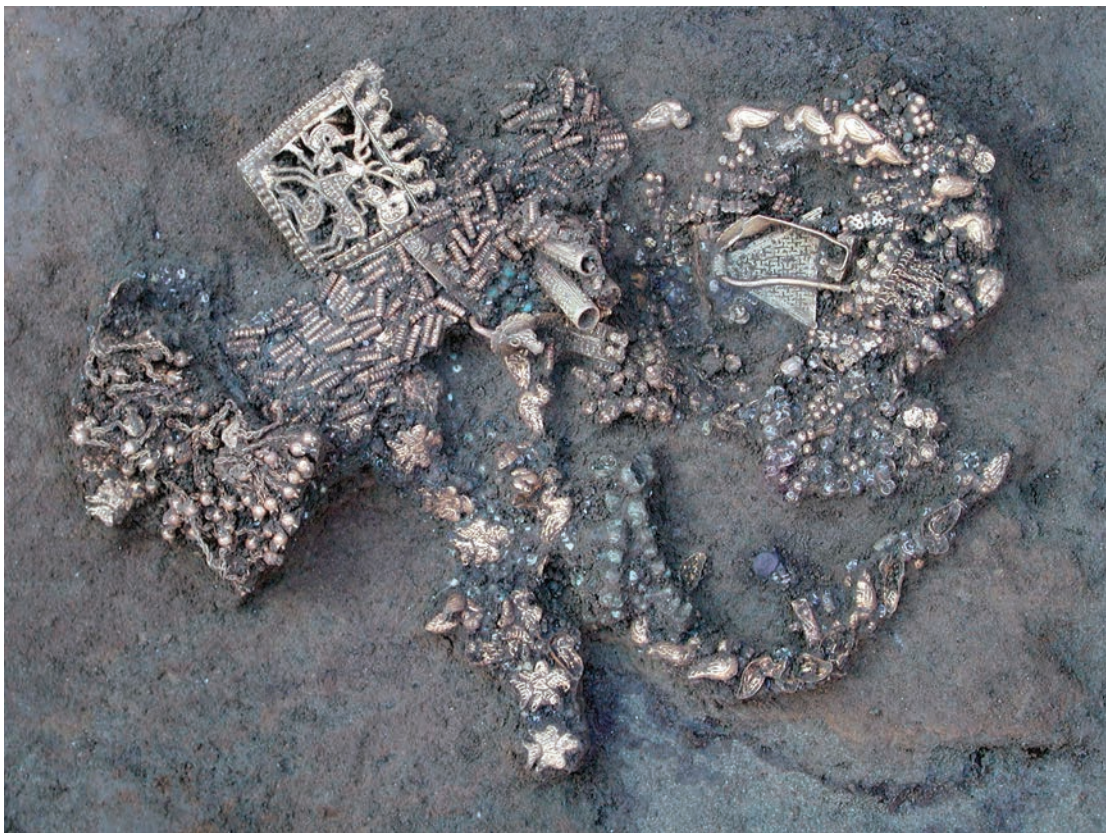

Рис. 12 – Погребение № 24, головной убор *in situ*

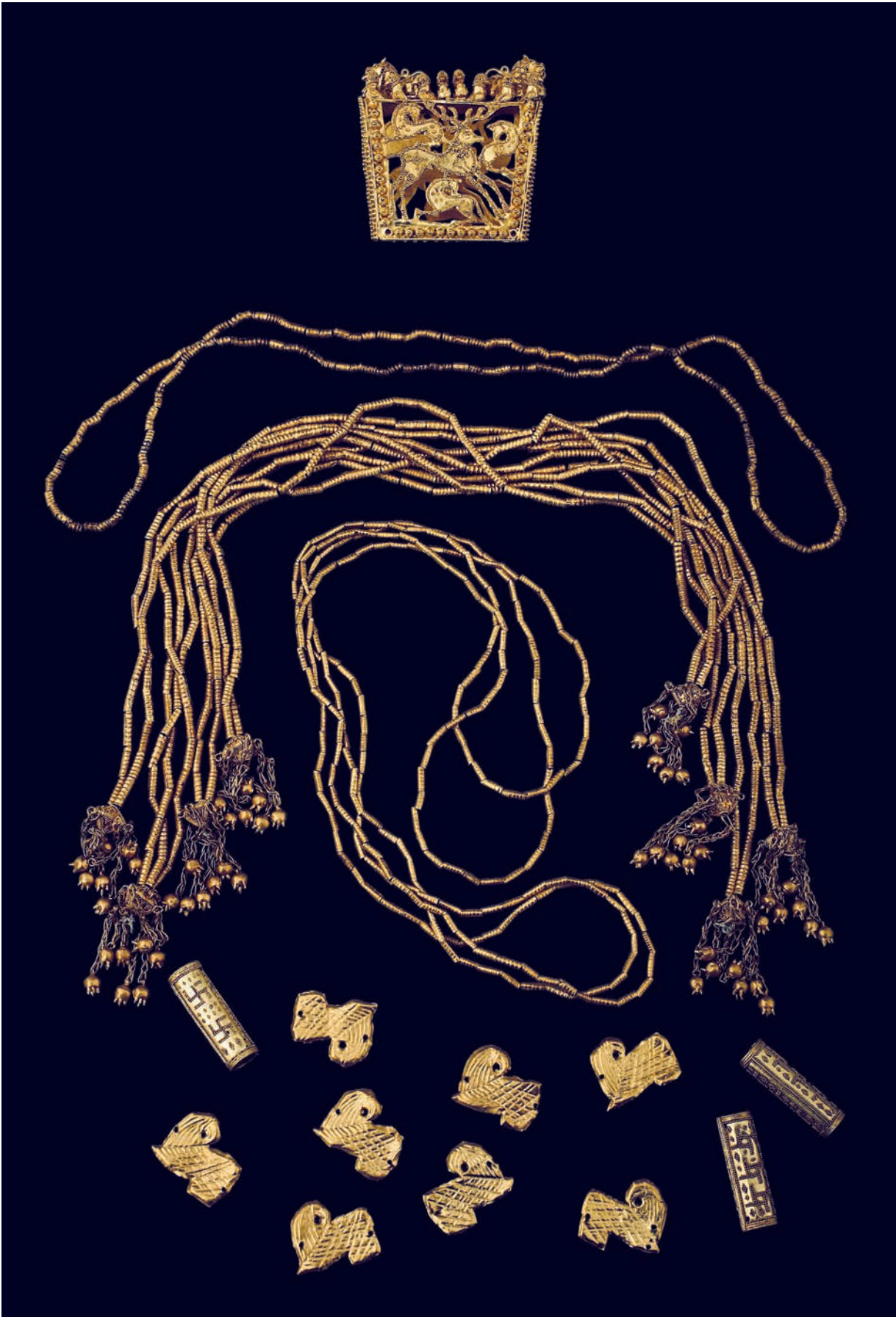

Рис. 14. Золотой предмет из погребения № 11

15

16

17

18

19

20

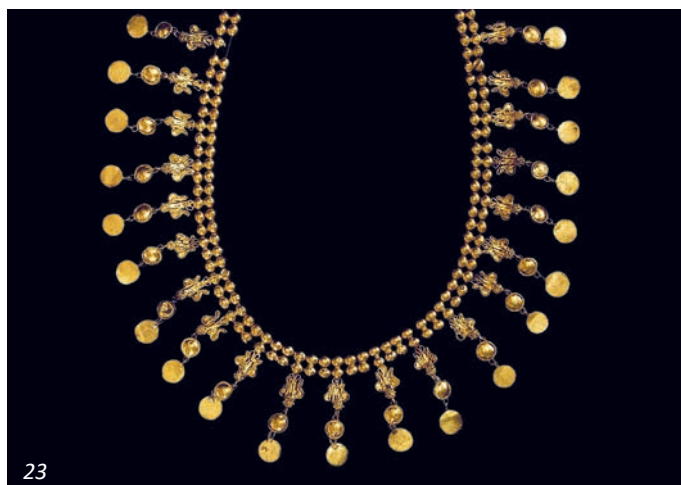
Рис. 15–20. Серьги из погребения № 22

Рис. 21. Серьги из погребения № 24

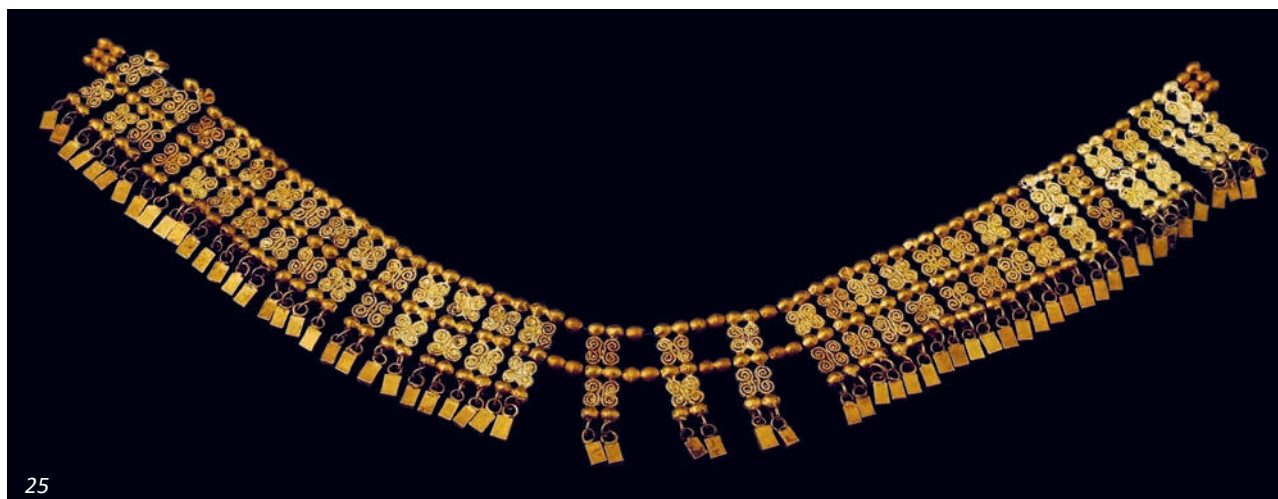
Рис. 22. Подвески из погребения № 24

23

24

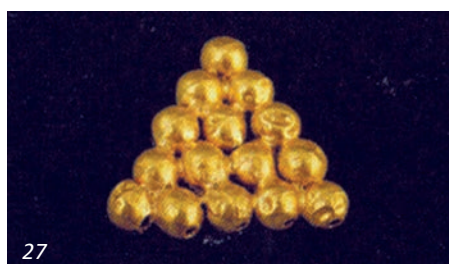

25

Рис. 23–25. Ожерелья из погребения № 24

Рис. 26. Ожерелье из погребения № 22

27

28

29

30

32

Рис. 27–28. Собираательные бусы из погребения № 22

Рис. 29–30. Фигурки орлов и уток из погребения № 24

Рис. 32. Брошь из погребения № 24

Рис. 33. Серебряные украшения из погребения № 24 *in situ*

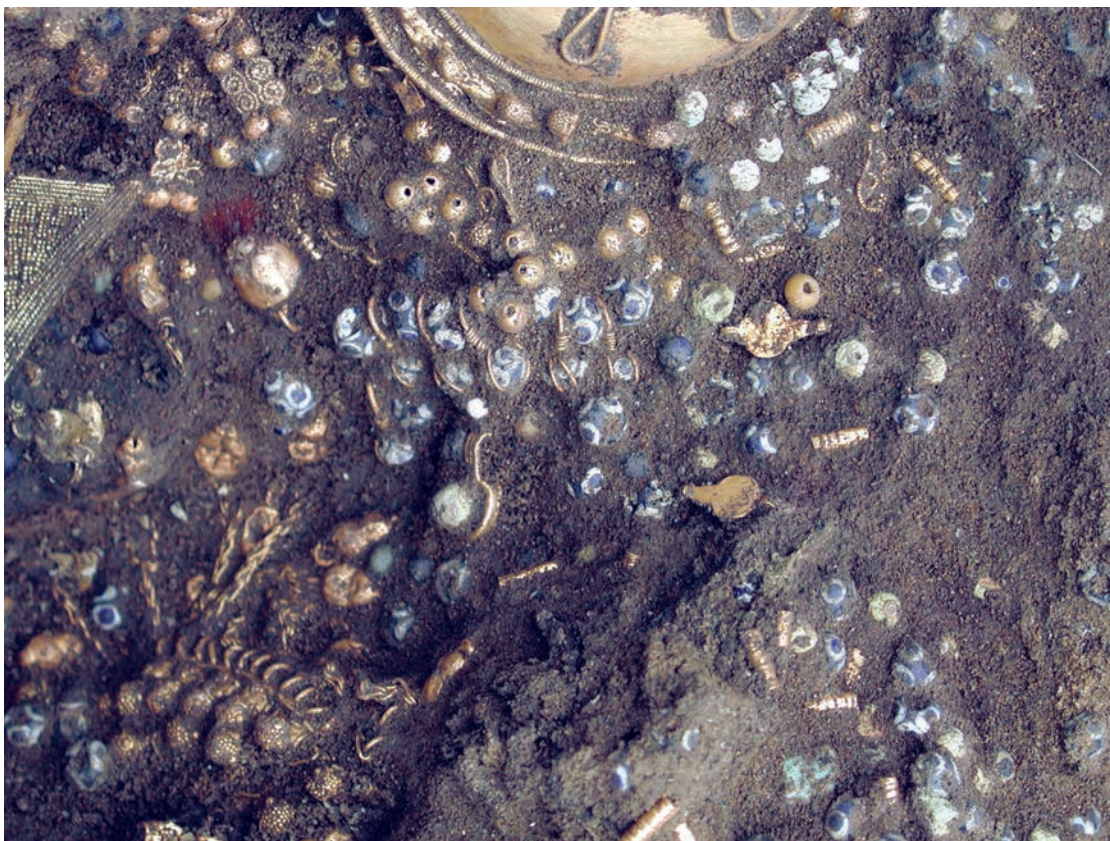

Рис. 34. Ожерелье из стеклянных бус *in situ*, погребение № 24

Рис. 35. Бусы в группе браслетов, погребение № 24

ГРЕКО-АХЕМЕНИДСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЮЖНОЙ ГРУЗИИ (МАТЕРИАЛЫ К СТРАТИГРАФИИ АЦКУРИ)

В. Личели

Рис. 11-13. Инвентарь погребения № 2 с каменной насыпью. Кратер и остальная керамика; золотые украшения от головного убора

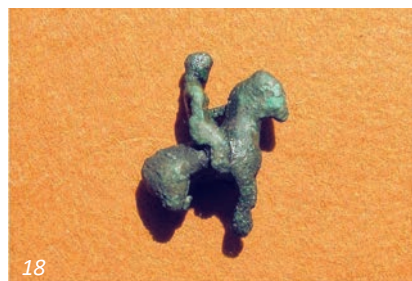

Рис. 18-19. Иранизированные изображения из Ацкури

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В «СЕМЕЙНОЙ СЦЕНЕ» АНАПСКОГО СКЛЕПА ГЕРАКЛА

Л.И. Акимова

Рис. 1. Роспись главной (северо-западной) стены Склепа Геракла в Анапе. Копия Е.М. Алексеевой

Рис. 2. «Семейная сцена» из Склепа Геракла в Анапе (северо-западная стена, против входа). Копия Е.М. Алексеевой

Рис. 3. Сцена «свадьбы» на римском саркофаге. 140-160 гг. Лондон, Британский музей

Рис. 4. Портрет супругов из дома Теренция Нео в Помпеях. 60-79 гг. Неаполь, Национальный археологический музей

MOSAIKEN AUS DER VILLA DES TIBERIUS IN CAPRI

Volker Kästner, Ursula Kästner

Abb. 3. Mosaik mit Swastikamäander Mos.27

Abb. 4. Mosaik mit Swastikamäander Mos.28

Abb. 5. Mosaik mit Schlossband-Ornament Mos.49

Abb. 6. Zusammengehörige Mosaikfragmente mit Tuchvorhang Mos.50, 51 und 53

Abb. 7. An Mos.50 anpassendes Mosaikfragment mit Schuppenmuster Mos.52

Abb. 8. Mosaikfragment mit Wellenband-Ornament Mos.51

Abb. 9. Mosaikfragmente Mos. 50-53

Abb. 10. Mosaikfragment mit Wellenband-Ornament im Museum von Sperlonga (nach: Nicoletta Cassieri, La grotta di Tiberio e il Museo Archeologico Nazionale, Sperlonga, Rom 2000)

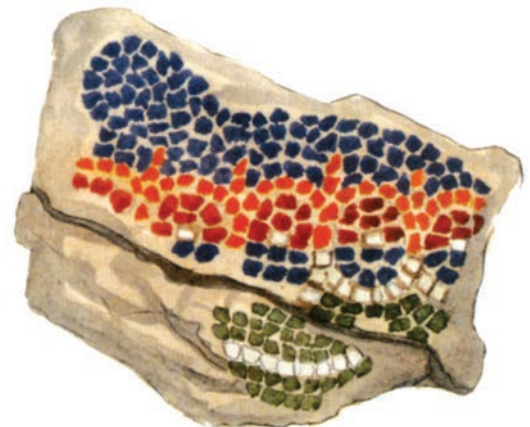

Abb. 11. Mosaikfragment aus der Villa Iovis (nach Alvino-Quaranta 1835, Taf. V Nr. 5)

ЮБИЛЕЙ ПЕТРОВИЧА

18 сентября 2015 г. исполняется 70 лет выдающемуся отечественному антиковеду, заведующему отделом искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. А.С.Пушкина, начальнику Боспорской археологической экспедиции, кандидату исторических наук Владимиру Петровичу Толстикову.

Мое знакомство с Владимиром Петровичем произошло в уже далеком 1991 году благодаря Нине Петровне Сорокиной, которая, готовя себе преемника в Историческом музее, рекомендовала меня в крупнейшие античные причерноморские экспедиции — Ольвию, Херсонес, Пантикапей... И именно Пантикапей и Боспорская экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина стали для автора этих строк «своими» на долгие 16 лет. На вершине горы Митридат под руководством Владимира Петровича Толстикова проходило мое обучение сложнейшей методике раскопок крупнейшего античного многослойного городища, а главное — здесь впервые пришло ощущение настоящего «вкуса» классической археологии. Туда же, «на Митридат», в 1995 г. я привез и свой первый набор археологического кружка Исторического музея, некоторые участники которого работают на раскопах Пантикапея и поныне. И пусть это выглядит как бравада, но я горжусь тем, что столько лет работал в составе этой прекрасной экспедиции, учился античной полевой археологии у В.П. Толстикова и, совместно с ним и Г.А. Ломтадзе, участвовал в подготовке целого ряда статей по различным аспектам археологии Пантикапея.

А еще Петрович научил разбираться в людях, ценить настоящую дружбу, чувствовать фальшь... Внешне суровый и неприступный, для друзей и близких коллег он всегда был и остается отзывчивым человеком и добрым наставником. Как много вечеров прошло вместе, на Митридате и в Москве, в Питере и Берлине, на останце Куль-Обы и пляже в Героевке, на конференциях и в купе поездов, за неспешными или бурными беседами о вечном — любви и дружбе, добре и зле, женщинах и мужчинах, детях и родителях... И, конечно же, не забыть шампанского на склонах Митридата, «за гаражами»! Постепенно Владимир Петрович стал большим другом для всей нашей семьи...

Но вернемся к нашему юбилею. Как и положено в подобном сборнике, несколько скупых строк его биографии. Родился В.П.Толстиков 18 сентября 1945 г. в Москве. С детских лет он интересовался античной историей и археологией, посещал занятия археологического кружка в Историческом музее. В 1964–1967 гг. он служил в рядах Вооруженных сил СССР, после армии учился в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, на кафедре археологии, где его научным руководителем был В.Д. Блаватский. Закончив Университет, в 1973 г. Владимир Петрович пришел в ГМИИ им. А.С. Пушкина на должность лаборанта. В 1982 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фортификация античного Боспора», стал младшим научным сотрудником, а с 1985 г. возглавил Отдел искусства и археологии Античного мира, которым он руководит и сегодня. С 2003 по 2005 г. он работал в должности заместителя директора музея по вопросам развития. За большой вклад в развитие культуры в России В.П.Толстиков был удостоен медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и медали «В память 800-летия Москвы». В 1998 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации».

Родители Владимира Петровича были военными, и после войны семья несколько лет провела в Берлине. Хорошо помню, как однажды, прогуливаясь вместе по Унтер ден Линден, услышал от него историю о Берлинском восстании 17 июня 1953 г., увиденную глазами семилетнего ребенка — очевидца этих драматических событий. Кстати, до сего дня В.П.Толстиков знает и любит Германию и ее культуру, прекрасно владеет немецким языком.

Главным научным детищем Владимира Петровича, вне всякого сомнения, была и есть Боспорская археологическая экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина, Пантикапей, Митридат. Наверное, не случайно совпали даты рождения юбиляра и начала работ Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина — победный 1945 год!

Итоги подводить еще рано, но уже сейчас нельзя не отметить, что благодаря В.П. Толстикову впервые за всю историю раскопок в Пантикапее планомерно исследован столь значительный участок территории этого античного города. Нет возможности в небольшом очерке даже кратко охарактеризовать важнейшие открытия, сделанные экспедицией под руководством В.П. Толстикова за эти годы — архаические землянки и ранняя фортификация Пантикапея, дома первых колонистов и храм Афродиты и Диониса, дворец-басиля Спартокидов и городская застройка эллинистического времени... Часть этих материалов уже издана, другие ожидают публикации. Статьи В.П. Толстикова представили нам яркий облик боспорской столицы с архаических времен до начала римского времени. Владимир Петрович ввел в научный оборот немало уникальных памятников, найденных при раскопках Пантикапея. Его большой заслугой является создание стройной периодизации строительных остатков на акрополе Пантикапея. Даже беглый взгляд на список опубликованных научных работ юбиляра вызывает глубокое уважение. Хочется верить, что не за горами появление серии монографических исследований о далеком прошлом боспорской столицы.

Владимир Петрович — прекрасный специалист в области греческой архитектуры и античной фортификации. Помимо этого, он талантливый художник и профессиональный чертежник. Обладая огромными знаниями в области архитектуры, он создал множество реконструкций античных памятников Северного Причерноморья, в первую очередь — Пантикапея.

В.П. Толстиков, помимо прочих коллекций, хранит в ГМИИ изделия из драгоценных металлов. Он стоял у истоков сложнейшей работы с так называемыми «перемещенными» ценностями — античными коллекциями из Берлинских музеев, после 1945 г. оказавшимися в Советском Союзе. Среди них — знаменитое «золото Шлимана», впервые показанное публике в 1996 г. Владимир Петрович — один из организаторов грандиозного международного выставочного проекта «Европа без границ», совместного с Государственным Эрмитажем, Государственным историческим музеем и Государственными музеями Берлина. Первая состоявшаяся выставка была посвящена эпохе Меровингов, вторая — эпохе бронзы. Сегодня мы обсуждаем третий проект — эпоху раннего железного века...

Владимир Петрович всегда очень чутко относился и относится к своим учителям, в первую очередь, к Ирине Дмитриевне Марченко, из рук которой он принял руководство экспедицией. Имена предшественников В.П. Толстикова постоянно на слуху в экспедиции, он все время подчеркивает, кто и как работал на Горе до него. Много лет В.П. Толстиков вел в Музее изобразительных искусств занятия школьного кружка по античной археологии, из которого вышло немало специалистов-антиковедов.

Казалось бы, всего сказанного более чем достаточно, чтобы охарактеризовать юбиляра как выдающегося отечественного антиковеда, археолога, историка и архитектора. Но в его жизни есть и всегда будет еще одно — восточные единоборства. Мастер селфдефенс VII дан, один из первых учеников основателя школы «Чой» в СССР и России Г.В. Попова, старший тренер сборной Российской Федерации по каратэ (1980 г.). А еще Петрович выступил как художник, проиллюстрировав книгу А.А. Долина и Г.В. Попова «КЭМПО — традиции воинских искусств», выдержавшую несколько изданий. И сегодня сэнсэй Владимир Петрович встречает свой юбилей на татами, продолжая тренировки. И сотни учеников в Москве, России и за ее пределами... Кстати, очень многие из этих учеников пришли за своим Учителем в археологию — в былые годы значительная часть экспедиции попадала сюда через тренировки по каратэ.

Дорогой Владимир Петрович! В этот замечательный день мы — Ваши коллеги, друзья и ученики — желаем Вам крепкого здоровья, моря счастья, новых потрясающих находок и долгих лет на Митридате в «том самом качестве»...

Пусть не смолкает на горе гимн Боспорской археологической экспедиции:

Мы выходим на рассвете...
С Митридата дует ветер,
Поднимая нашу песню до небес,
Только пыль из-под сандалий,
И хитон плеча не давит,
И тяжелое кайло наперевес!

И пусть долгие-долгие годы будет звучать над руинами Боспорской столицы Ваш и наш любимый девиз: «Пантика — Пей! Пантика — Пой! Панти — Копай! Пантика — Строй!».

Денис Журавлев

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В.П. ТОЛСТИКОВА

1976

Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. № 1. С. 80–90.

1977

К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея в IV–I вв. до н.э. // ВДИ. № 3. С. 156–166.

Разведка на вершине Первого кресла горы Митридат // АО 1976 года. М. С. 382–383.

1978

Раскопки цитадели акрополя Пантикапея // АО 1977 года. М. 1979. С. 391–392.

1979

Раскопки Пантикапея // АО 1978 года. М. С. 412.

1980

Раскопки Пантикапея в 1979 году // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1979 г. М. С. 34–36.

Раскопки Пантикапея // АО 1979 года. М. С. 346.

1981

Фортификация античного Боспора. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. С. 1–27.

1983

Пантикапей и малые города Боспора // Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху. Выставка из собраний музеев Болгарии, Румынии и Советского Союза. Каталог выставки. М.

1984

К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. № 3. С. 24–48.

О системе обороны акрополя Пантикапея // Культура и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина, Вып. 8. М. С. 28–56.

1985

Эллинистические элементы в фортификационных системах Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо — 1982. Тбилиси. С. 352–365.

О системе обороны акрополя Пантикапея // Thracia. 7. С. 97–114.

1986

La fortification comme source pour l'histoire du Bosphore antique // La fortification dans l'histoire du monde grec. Actes du Colloque international "La fortification et sa place dans l'histoire politique, culturelle et sociale du monde grec". Valbonne, décembre 1982. Éditions du CNRS. Paris. P. 167–177.

1987

- Новые материалы по храмовой архитектуре Пантикапея // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1986 г. М. С. 9–11.
- Святылище на акрополе Пантикапея // ВДИ. № 1. С. 88–114.

1989

- Фанталовский укрепленный район в истории Боспорского царства // Археологія. № 1. Київ. С. 52–65.
- Archäologische Forschungen im Zentrum von Pantikapaion und einige Probleme der Stadtplanung im 6. — 3. Jh.v.Chr. // Demokratie und Architektur: Konstanzer Symposium vom 17. bis 19. Juli 1987. Deutscher Kunstverlag. München. S. 69–79.
- Некоторые пути изучения центральной части Пантикапея и проблема эллино-скифских отношений на Боспоре в VI–V вв. до н. э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 года). Новочеркасск. С. 40–42.

1992

- Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М. С. 45–99.
- Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. X. М. С. 41–65.

1993

- Panticapée, Capitale du Bosphore // Les Villes grecques de la Mer Noire. Olbia, Panticapée, Chersonèse. — Les Dossiers d'archéologie, № 188, décembre 1993. P. 40–45.
- Раскопки городища Пантикапей в 1991 году // Археологічні дослідження в Україні в 1991 р. Луцк. С. 124.

1996

- Генрих Шлиман. Биографическая справка // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. ГМИИ им. А.С. Пушкина — Леонардо Арте. С.11–13.
- Генрих Шлиман и троянская археология // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. ГМИИ им. А.С. Пушкина — Леонардо Арте. С. 15–24.
- Каталожные описания // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. ГМИИ им.А.С.Пушкина — Леонардо Арте. Кат. № 1–259. С. 27–195 (в соавторстве с Л.И. Акимовой, М.Ю. Трейстером) [Каталог был переведен на ряд иностранных языков: см., например: The Gold of Troy: searching for Homer's fabled city. London, New York. 1996 New York: Abrams, 1996; Der Schatz aus Troja: Schliemann und der Mythos des Priamos-Goldes: Staatliches Puschkin-Museum für Bildende Künste Katalogbuch Ausstellung in Moskau. Stuttgart, 1996; и др.].
- Priam's Gold on Display // H. Duchene, Golden Treasures of Troy. The Dream of Heinrich Schliemann. New York. P. 128–129 (в соавторстве с М.Ю. Трейстером).
- Heinrich Schliemann et les trésors de Troie // Archéologia. Dijon. 322. P. 32–39.
- Panticapée archaïque à la lumière des dernières fouilles. A propos de l'origine de la ville // Sur les traces des Argonautes: actes du 6e symposium de Vani (Colchide), 22–29 septembre 1990 Annales littéraires de l'Université de Besançon 613. Centre de recherches d'histoire ancienne 154. Paris: Les Belles lettres. P. 319–325.
- Introduction // Corpus Vasorum Antiquorum. Russia 1. Pushkin State Museum of Fine Arts (N. Sidorova, O.Tugusheva, Attic Black-Figured Vases). Roma. P. 5.
- Раскопки Пантикапея // АО 1995 года. М. С. 403–405 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

1997

- Descriptions of Fortifications of the Classical Cities in the Region to the North of the Black sea // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 4 № 3. Leiden. P. 187–231.
- Раскопки Пантикапея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь. С. 254.
- Раскопки Пантикапея // АО 1996 года. М. С. 399–401 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

1998

- Археологическая деятельность Музея за 70 лет // ГМИИ им. А.С. Пушкина — 100 лет. 1898–1998. М. С. 218–224.
- Троянские сокровища // ГМИИ им. А.С. Пушкина — 100 лет. 1898–1998. М. С. 333–338.
- Некоторые итоги исследования акрополя Пантикапея (Древнейший символ христианства на Боспоре?) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции. СПб. С. 24–29 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

1999

- Акрополь Пантикапея. К проблеме локализации северной и западной границ VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М. С. 114–116.
- Раскопки акрополя Пантикапея // АО 1997 года. М. С. 348–350 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).
- Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М. С. 282–304 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым).
- Костюм и вооружение на Таманской стеле с воинами // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. М. С. 121–147.
- Утраченный план Пантикапея Поля Дюбрюкса // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии Античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб. С. 41–56.
- К проблеме землетрясения III века до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Международная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. Тезисы докладов. СПб. С. 72–75.

2000

- Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея (К проблеме локализации, интерпретации и графической реконструкции) // ДБ. Т. 3. М. С. 302–339.
- Исследования на акрополе Пантикапея // АО 1998 года. М. С. 382–384 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

2001

- Прощальное слово о друге // ВДИ. № 1. С. 230–231.
- Пантикапей. Археологический портрет исчезнувшего города // Выставка «55 лет археологических исследований Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина на горе Митридат». 27.4.2001–16.7.2001. М.
- Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспорско-скифских отношений в VI–V вв. до н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 1. СПб. С. 45–57.
- Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. Т. 4. М. С. 385–427.
- К вопросу о времени основания базилики Спартокидов на акрополе Пантикапея // ДБ. Т. 4. М. С. 427–441 (в соавторстве с Г.А. Ломтадзе).
- Новые данные к топографии Пантикапея первых вв. н.э. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь. С. 151–160 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).
- Акрополь Пантикапея при ранних Спартокидах. К интерпретации сооружений второй половины V — первой половины IV вв. до н.э. на акрополе Пантикапея // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции (27–29 июля 2001 г.). Керчь. С. 73–78 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- Раскопки акрополя Пантикапея // АО 1999 года. М. С. 309–310 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).
- Исследования на акрополе Пантикапея // АО 2000 года. М. С. 280–281 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

2002

- Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. № 4. С. 58–75 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым и Ф.В. Шеловым-Коведяевым).

- О древнейшем изображении символа христианства на Боспоре // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). Киев. С. 51–55 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).
- Архаический толос на акрополе Пантикапея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб. С. 43–49 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- К хронологии застройки западного плато акрополя Пантикапея. Многокамерный комплекс II (предварительное сообщение) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь. С. 233–238 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- Pantikapaion. Ein archäologisches Porträt der Hauptstadt des Kimmerischen Bosporus // Das Bosporanische Reich. Der Nordosten des Schwarzen Meer in der Antike. Sonderbände der Antike Welt. Mainz am Rhein. S. 39–58.
- К хронологии застройки западного плато акрополя Пантикапея // ДБ. Т. 5. М. С. 260–285 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- Работы на акрополе Пантикапея (Украина) // АО 2001 года. М. С. 524–526 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

2003

- Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // БИ. Вып. III. Симферополь. С. 289–314 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V веков до н.э. // ДБ. Т. 6. М. С. 307–350 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- Новая землянка из Пантикапея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь. С. 259–266 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- Panticapeum. The Capital City of the Kingdom of Cimmerian Bosporus in the Light of New Archaeological Studies // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece. No. 4. Vol. II. Thessaloniki. 2003. P. 707–758.
- Итоги археологических исследований ГМИИ им. А.С. Пушкина на акрополе Пантикапея // АО 2002 года. М. С. 495–497 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

2004

- Цистерна римского времени на акрополе Пантикапея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь. С. 363–369 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // ДБ. Т. 7. М. С. 344–365 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- Древний Пантикапей // Античные памятники Крыма. Киев. С. 37–86.
- Hellenistic pottery from two cisterns on the acropolis of Panticapaeum // ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Χρονολογικά προβλήματα της ελληνιστικής κεραμικής. Κλειστά Συνολλα — Εργαστήρια. Αθήνα. 2004. P. 269–276 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

2005

- Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // ДБ. Т. 8. М. С. 340–376 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым и Г.А. Ломтадзе).
- Черепичные клейма из раскопок Пантикапея 1990–1991 гг. // ДБ. Т. 8. М. С. 377–392 (в соавторстве с А.В. Ковальчук).
- Акрополь Пантикапея во второй половине V века до н.э. (новые материалы по хронологии и истории) // ДБ. Т. 8. М. С. 393–410 (в соавторстве с Г.А. Ломтадзе).
- Проблемы консервации и реконструкции античных строительных объектов. Из опыта Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина // Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов. Материалы международного colloquium. 15–16 августа 2005 г. Керчь. С. 59–60 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

К вопросу об организации западного рубежа акрополя Пантикапея // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф. Керчь. С. 314–321 (в соавторстве с Д.В. Журавлевым).

Zur Geschichte des Bosporus an Wende vom 6. zum 5. Jh. v. Ch. // Kolonisation — Interaktion — Integration. Zur Genese antiker Gemeinsamen am Pontos Euxeinos am Beispiel der Handelsstadt Tanais am Don. Internationale Fachtagung vom 26. — 28. November 2003 in Berlin. Herausgegeben von J. Fornasier. Sonderdruck aus Eurasia antiqua. Bd. 11. Berlin. S. 50–55.

Акрополь Пантикапея в эллинистический период. Итоги изучения за 60 лет // The Black Sea Area in the System of the Hellenistic World. The 11th International symposium on the history and archaeology of the Black Sea area. Vani. 26–29 September 2005. Abstracts of Papers. Tbilisi. P. 59–61.

Долгий путь к спасению. К новейшей истории памятников из Античного собрания Государственных музеев Берлина // Археология войны. Археологические собрания Государственных музеев Берлина и Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в Москве. Изучение и исследования, реставрация и восстановление археологических предметов. Коллоквиум, посвященный выставке «Археология войны. Возвращение из небытия». 5–6. 10. 2005. Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва. Берлин. С. 17–19.

Возвращение из небытия // Археология войны. Возвращение из небытия. Реставрация и восстановление античных памятников, перемещенных в результате Великой Отечественной войны. Каталог выставки в ГМИИ им. А.С. Пушкина. М. С. 10–11.

2006

Новые материалы к изучению ансамбля базилики на акрополе Пантикапея // ДБ. Т. 9. М. С. 281–325.

2007

Каталожные описания: 0.1.1–3; 0.4.1–5; 0.5.1; I.8.1–18; I.34.1–3,7–9, I.36.1, II.1.1–5; II.2.1; IV.1.1–2; IV.2.1 Раздел: экспонаты из коллекции ГМИИ им. А.С.Пушкина. Эпоха Меровингов — Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. Мюнхен (в соавторстве с В.И. Кулаковым).

Новая надгробная эпитафия из Пантикапея // ВДИ. № 1. С. 107–117 (в соавторстве с А.И. Иванчиковым, А.В. Ковальчук).

2010

Новый объект ордерной архитектуры в центральном районе Пантикапея // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. Москва — Киев. С. 231–240.

Храм Аполлона на акрополе Пантикапея. Проблемы датировки, типологии и периодизации // ПИФК. № 1. Москва — Магнитогорск — Новосибирск. С. 277–314.

О начале монетной чеканки на Боспоре. Часть 1 // ВДИ. № 3. М. 2010. С. 31–59 (в соавторстве с С.А. Коваленко).

О начале монетной чеканки на Боспоре. Часть 2 // ВДИ. № 4. М. 2010. С. 23–50 (в соавторстве с С.А. Коваленко).

План Поля Дюбрюкса и археология Пантикапея // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Составитель и отв. ред. И.В. Тункина. Т. I. Тексты. СПб. С. 463–470.

Комментарий к Статье третьей сочинения П. Дюбрюкса «Планы и описания остатков и следов древних городов и поселений, бывших некогда на Боспоре Киммерийском, на Европейском побережье, от входа в пролив вплоть до и включая гору Опук на Черном море // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Составитель и отв. ред. И.В. Тункина. Т. I. Тексты. СПб. С. 333–338.

The Early temple of Apollo on the Acropolis at Panticapaeum: questions of dating, typology and the periods of its construction // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessaloniki. P. 335–365.

Армия. Вооружение. Фортификация // Античное наследие Кубани. Под ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. Т. II. М. С. 603–655 (в соавторстве с А.К. Нефедкиным).

2011

Новый строительный комплекс в Пантикапее // РА. № 2. М. С. 110–122 (в соавторстве с Ю.А. Кузьминой).

Ein neuer Baubefund des 4. — 3. Jhr. v. Chr. In Zentrum von Pantikapaion. Vorläufige Grabungsergebnisse // Eurasia antiqua. Bd. 17. S. 215–232 (в соавторстве с Ю.А. Кузьминой).

- Ордерная архитектура раннего Пантикапея как источник по истории Боспора Киммерийского // SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. I. М. С. 149–168.
- Конское захоронение на верхнем плато акрополя Пантикапея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. XII Боспорские чтения, посвященные 185-летию Керченского музея. Керчь. С. 365–368.
- Pantikapaion — die Metropole des kimmerischen Bosphorus (Entdeckungen, Probleme, Hypothesen) // Όλγα Κατσιαρδή–Hering, Αθηνά Κόλια–Δερμιτζάκη, Κατερίνα Γαρδίκι (ed.), Ρωσία και Μεσόγειος: πρακτικά Α. Διεθνούς Συνεδρίου (Αθήνα, 19–22 Μαΐου 2005) (Ιστορήματα 2), Αθήνα, Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών. S. 43–62.
- Сокровища Трои // Шедевры античного искусства. Из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М. С. 15–17.
- На краю ойкумены // Шедевры античного искусства. Из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М. С. 387–389.
- Римское золото германских вождей // Шедевры античного искусства. Из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М. С. 429–433.
- Каталожные описания // Шедевры античного искусства. Из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М. С. 18–31; 390–395; 429–433.

2013

- On the Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosphorus // Ancient West & East. 12. P. 181–204 (в соавторстве с С.А. Коваленко).
- К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI — первой половине V в. до н. э. // ВДИ. № 1. С. 176–193 (в соавторстве с М.Б. Муратовой).
- Новые материалы к локализации древнейшего теменоса Пантикапея // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб. С. 18–20.
- Исследования Пантикапейской (Боспорской) экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина и КРУ «КИКЗ» // Археологічні дослідження в Україні 2012. Київ–Луцьк. С. 107–108 (в соавторстве с Ю.Л. Беликом).
- Каталожные описания. Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. СПб. Кат. 1–2; 135.1.1, 14, 15, 19, 20–25; 135.2.1; 135.3.1–4, 135.4.1; 135.5; 138.1; 139.1–4; 140.1; 141.1; 157.1–3; 158.1; 159.1; 163.1; 164.1; 165.1; 183.2–3; 203.1–19; 204–215; 218.1–2; 220; 223.1–3. С. 294–295; 430, 433–441, 451–452, 465–469, 481, 504–526 (в соавторстве с А. Хензель, С.В. Кузьминых).

2014

- Боспор в первой четверти V в. до Р.Х. К истории Пантикапея начала эпохи классики // ДБ. Т. 18. М. С. 452–504 (в соавторстве с Ф.В. Шеловым-Коведяевым).
- Excavations at Panticapaeum // Juliette de la Genière (ed.), Le CVA aujourd'hui. Le Cratère à volutes: destinations d'un vase de prestige entre Grecs et non-Grecs. Actes du Colloque international du *Corpus Vasorum antiquorum* de Paris, 26–27 octobre 2012. Du CVA du Musée Pouchkine aux fouilles de Panticapée. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Cahiers du Corpus Vasorum Antiquorum. France № 2). Paris. P. 285–308 (в соавторстве с О.В. Тугушевой).
- Исследования совместной Пантикапейской (Боспорской) экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина (РФ) и КРУ «Керченский ИКЗ» (Украина) // Археологічні дослідження в Україні 2013. Київ. С. 15–17 (в соавторстве с Ю.Л. Беликом).
- Пантикапей // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М. С. 235–237.

2015

- Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея: о времени основания апойкии и к локализации раннего теменоса // ПИФК. № 1 (47). Москва — Магнитогорск — Новосибирск. С. 261–281.

Составитель Д.В. Журавлев

LAUDATIO PRIMA

ДОРОГОЙ ПЕТРОВИЧ!

Прими от меня, не обессудя, наше, твоих давних знакомцев, обычное к тебе обращение. А заодно и пару простых, как тост, слов от того, кто одновременно принадлежит и поколению твоих младших товарищей, и когорте теперь уже ветеранов-пантикапейцев. В общем, салют из начала, да и самому началу, 1970-х.

Потому, что я, ей-Богу, не вижу в твоей личности принципиальных перемен, во всяком случае, в худшую сторону, и это — здорово. Отлично не оплыть, не потухнуть и не протухнуть, не забронзоветь, не утратить романтизма, юного задора, любопытства, свежести взгляда, радости распознавания нового. Не стать умственно робким и по-прежнему понимать, что чем меньше носишься со своей репутацией, тем она значительнее и надежнее.

Вынести в заголовок те слова, что ты читаешь, побудила меня сама многослойность сразу пришедшего на ум числительного, и поддался я этому, в общем-то, безыскусному, если не сказать простецкому, искушению без малейших колебаний. Ибо говорить — и от души — о превосходном я буду и далее.

Например, ни мгновенья не сомневаюсь, что слагать подобные тексты *в твою честь* мне придется еще не раз и не два. Надеюсь, как минимум, пять. Да, конечно, ты формально преодолел виртуальную середину жизни тому уж десять лет. Но кто будет считать? И что это, попросту, иное, как не очередной этап взрослости? Сейчас, если угодно, зрелой — не более, но и не менее того. Уверен, тебе предстоят многие и благая лета, а с ними и бесчисленные раскопочные сезоны во славу науки и Отечества, в течение которых ты будешь только восходить из силы в силу.

Твой юбилей замечателен во всех отношениях. Ты, раз за разом блестяще показывающий нам Пантикапей в совершенно (опять полисемия!) новом свете, отмечаешь его в тот же год, когда мы справляем 70 лет Боспорской археологической экспедиции того самого Музея изящных искусств, где ты, не побоявшись двойных, тройных и более нагрузок музейной работы, трудишься всю жизнь.

Разве это не особенно символично, что ты — ровесник начала по-настоящему научных, систематических, планомерных раскопок на горе Митридат? Раскопок, методику которых ты поднял на новую высоту. Там, где другие пройдут, не поведя бровью, ты в перепадах рельефа и подтесах всегда умел разглядеть надежные образы былого величия античного полиса. И ныне твоя проницательность вознаграждена монументальными цоколями оборонительных сооружений Пантикапея периода его основания.

Это уже не реконструкция по выборкам, и сама по себе надежная, это, как говорят в Одессе — «берэш в руки — маешь вэшъ». Что это, как не знак того, что до итогов тебе куда как далеко, что жизнь и дело лишь в самом начале, что на земле тебе, ох, как много предстоит? Верю, Пантикапей даст еще и ранние эпиграфические документы — развернутые граффити и надписи на камне и бронзе, — на посрамление всем скептикам и пустым доктринерам. Как он принес уже массу материала VII в. до Р.Х. и укрепления начала VI в. Только такой суперакрибист, как ты, может позволить себе не увлечься подобным количеством находок и не сделать вывод, что полис и был основан в VII в., а искать синхронные этой дате строительные остатки. Ну кто еще будет столь ответственным?!

Другой бы опасался, что ждать придется долго, а ты и в ус не дуешь. Молодец! Значит, резерв прочности у тебя достаточен.

Спору нет, результатов твоих действительно праведных трудов и теперь предостаточно. Так ведь кто скажет, что не по заслугам? Ты в правильном смысле слова педант — скрупулезен, внимателен к мелочам, прекрасно видишь землю, чувствуешь памятник, анализируешь итоги очередной поле-

вой кампании, движешься в нужную сторону и находишь то, что должно быть найдено, без проды-ху работаешь, тщательно проверяя и перепроверя каждое свое действие, и прочая, прочая, прочая. По усердию и награда, которая пришла к тебе, когда ты в полном расцвете.

Да, несомненно. Да здравствует акмэ твоего таланта на долгие десятилетия! Но есть и еще кое-что, что притягивает к тебе удачу. Я не помню, чтобы ты когда-нибудь завидовал чужому успеху. Ты ему радовался. Ты ни разу не пожалел, что, как настоящий Патриот, отдал годы службе в армии и «отстал» от сокурсников, с которыми начинал учиться в университете, не гнался за ними, «задрав штаны». Ты не считал, что упустил время, что тебя обошли — и все успел.

Ты не изнывал от недостатка материала, даже если он был тебе позарез нужен. Переживал, бесспорно — но как-то без надрыва и показухи, не теряя бодрости духа и стратегического оптимизма, веры в себя, свои силы и правильность сделанного выбора. И все приходило к тебе во благовре-мье.

А когда на тебя обрушивались беды и напасти, не сдавался, не впадал в уныние, не нянчился с эмоциями, извлекал нужные уроки и искал во всем путь к развитию. Наконец, ты не осуждал и не осуждаешь тех, кто не может идти прямым путем, сам оставаясь очень (иногда кажется — черес-чур!) требовательным к себе и не превращаясь одновременно в добрячка и казенного бодрячка.

Одно меня смущает. Ты давно готовый доктор наук. Есть более важное, на что можно употребить время, вместо того, чтобы тратить его на написание «кирпича»? Так кому, как не тебе, и защищать-ся по докладу, например, о пространственном и архитектурном развитии Пантикапейского полиса? Кто ж тебя не примет к защите и не защитит? Какой ВАК усомнится в твоём праве и твоей квали-фикации, при таком-то числе первоклассных публикаций и отчетов?

И не надо кокетничать с хронологией: мол, защищаться в 70 уже «не тово-с», как говорил извест-ный гоголевский персонаж. Напротив, такому, подобно Фабию, кунктатору, как ты, — самая пора. Полноте-с, милостивый государь, ерунда-с эта арифметика.

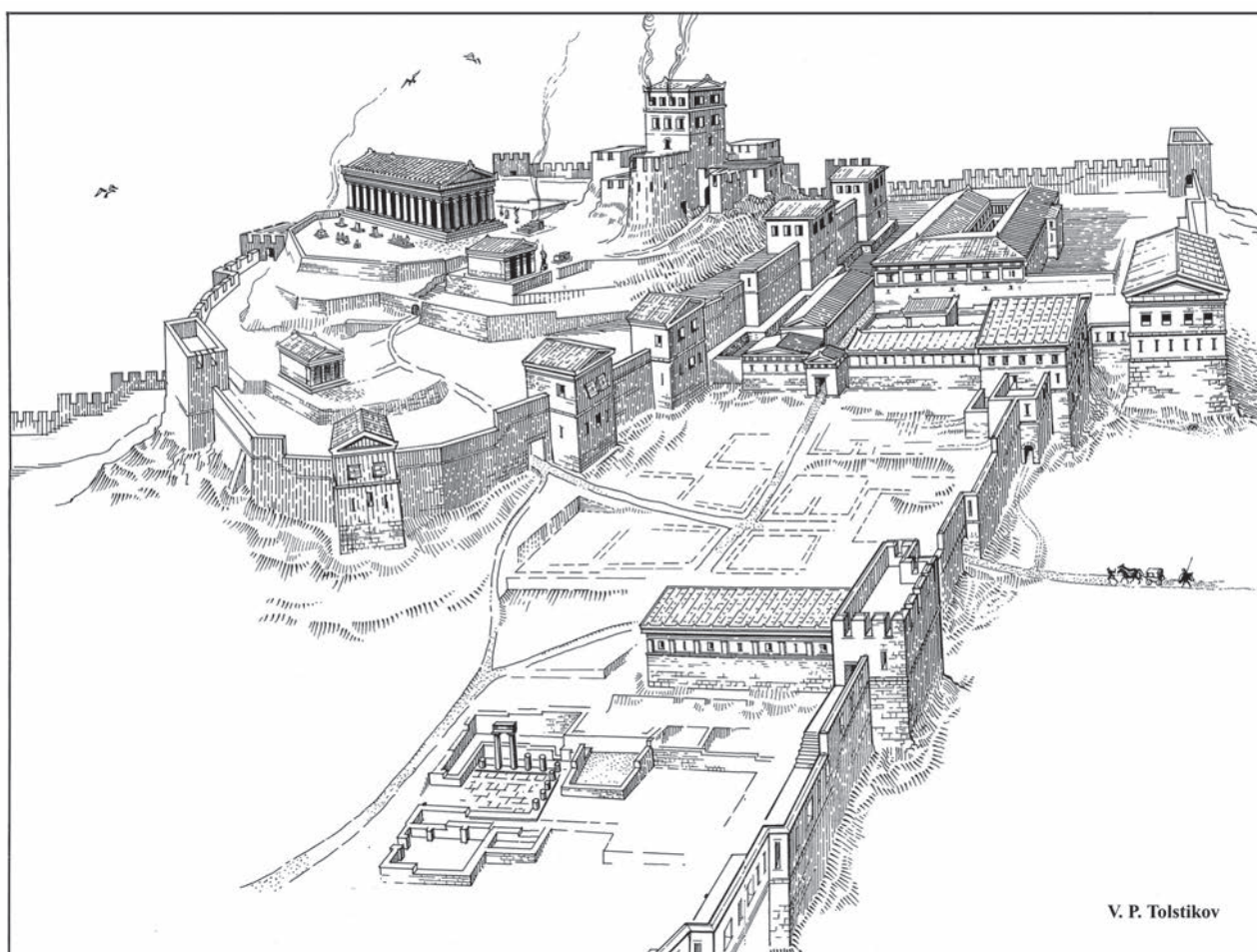
В самом деле, ты встречаешь свой возраст со счетом 7:0 в твою пользу. По-прежнему четыре дня в неделю на татами, как во время тренировок, коим я был свидетелем почти 40 лет тому назад. Ты в прекрасной форме, на зависть «высоколобым» заседателям, кто и после сорока уже едва скрипят, а то и громко стонут, не зная, во что бежать от самих себя, давя из себя продукцию, как геморрой.

Mens sana in corpore sano? Ничуть: все наоборот. Когда дух крепок и непокобелым, то и с физикой все в порядке.

Еще не вечер! А значит — вперед и вверх, Петрович!

Искренне твой
Федор Шелов-Коведяев
Москва, 11–12 марта 2015 года

ПАНТИКАПЕЙ — СТОЛИЦА БОСПОРА

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ В 1945 г.¹

Археологическая экспедиция для раскопок Пантикапея в 1945 г. была организована Институтом Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР совместно с Гос.Муз.Изобр.Искусств им. А.С. Пушкина. Кроме того в экспедиции принимали участие следующие учрежд., командировавших своих научных сотрудников и студентов. Гл. управление охраны памятников Архитектуры при Ком. Делах Архитектуры СКК СССР, Керченский музей, МГУ, Московский Гор.Педаг.Институт.

План работы экспедиции диктовался потребностями настоящего времени: необходимостью уточнить границы заповедника для новой планировки города и провести обследования, вызванные земляными работами, связанными с войной.

Для решения этих задач экспедиция производила исследования южного склона Долгой скалы, восточной покатости 1-го кресла Митридата и северного склона недалеко от Эспланадной улицы. Кроме того были обследованы немецкие траншеи, которыми гора Митридат сильно изрезана на всем ее протяжении от 1-го кресла до Золотого кургана.

Равнина, располагающаяся у подошвы южного склона Долгой скалы по проекту новой планировки Керчи должна быть отведена под индивидуальное жил. строительство. Обследования этого урочища, произведенные с учетом как топографических данных, так и наблюдений над почвенными отложениями в отрезках многочисленных воронок от взрывов, наглядно показали что застройка может быть допущена за исключением прилегающих к данной местности трех больших курганов.

При этой застройке, как и при любых земляных работах в Керчи, необходим надлежащий археологический надзор.

Обследование немецких траншей было произведено в 25 пунктах между 1-м Креслом Митридата и Долгой Скалой, преимущественно над южным склоном. Зачисток стенок немецких траншей в районе 1-го Кресла обнаружены остатки богатых городских напластований римского времени (I–IV вв. н.э.). Далее на запад, ближе ко Второму Креслу и непосредственно за ним, городские остатки, датируемые тем же временем, сначала становились более тощими, а затем постепенно исчезали в районе между вторым Креслом и «Сахарной головой». Этот район в древнее время был занят кладбищем, которое тянулось на Запад на значительном пространстве.

Вверху северной покатости горы Митридат, на восток от 2-го Кресла при обследовании обреза стенок немецкой траншеи была вскрыта площадь значительно большая (24 кв.м), чем в других пунктах. Архитектурные остатки, обнаруженные на рассматриваемой площади, относятся к двум слоям. К 1-му верхнему слою, датируемому примерно III в. н.э., относится кладка № 3 из уложенного елочкой рваного камня, достигающая 3-х метров в длину. Ко 2-му слою, датируемому примерно I в. н.э., относятся остатки дома, погибшего от пожара. К довольно сильно поврежденной кладке № 7 из рваного камня примыкал глинобитный пол (на глубине 2,73 м). Над полом залегал мощный слой сажки местами смешанной с золой и углем. Над этим слоем и частично в нем найдены большие куски кровельной черепицы.

Вверху южного склона горы Митридат, к востоку от Второго Кресла, был обнаружен большой пифос (глиняная бочка), от которого сохранилось несколько менее половины. Остальные части были уничтожены немцами при земляных работах. Сохранность сосуда плохая, он оказался разбитым на много кусков, а отдельные фрагменты его расслаивались на небольшие части. Как показывают семь свинцовых скреп, расположенных одна над другой, еще в древности в пифосе появилась большая трещина, и он был подвергнут ремонту.

¹ Рукопись статьи хранится в научном архиве Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника в Керчи (НА ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 115, л. 39-40). Подготовка статьи к печати — Н.В. Быковская, Г.В. Кулакова.

поверх. К довольно сильно подверженной кладке (X7) из рваного камня, на
мелкой гипобазальти (на глубине 2,7 м). Над этим залегал тонкий слой сап-
пировидной смеси с золой и углем. Над этим слоем и расположено в нем нагро-
мождение извести изобильной горючести.

Вверху южного склона гора Мурндаг, к востоку от вершины Кресла, был
обнаружен обильный пирокс (гипобазальт), от которого сохранилось несколько
мелких поделок. Крайние части были уничтожены земными работами
создания плотины, он оказался разбитым на много кусков, а верхнюю
часть его распадавшую на небольшие части. Как показывают сам свин-
цовая смесь, растрескивающаяся вна излом, еще в известности в пироксе были
большая трещина и он был подвержен трещинам.

Рассказы охоты части пока не в известности склона Мурндага были
звук смеси:

1) Недалеко от развалин памятника Сидельниковскому у самого под-
ножья плотины через толщу горной породы и в 20 м от основания
Кресла и 2) Над сгоревшим зданием - бурею. Это происходило в результате из-
менения части. Показатель - его Архив (Кремль).

На первом этапе была вскрыта плотина около 76 кв. метров. Соб-
людая требования техники безопасности, работы проводились в два этапа, что
сначала раскоп, представлявший собой излом, был не отбрасывал, а криволи-
нейно и сильно утолщен. Показательный криволинейный слой представлял собой с высоты
плотины горной. Вскрытая часть ее, до глубины 0,76 м, отнесена к разному слою
(1-й и 2-й). Кроме того обнаружена мелкая кладка (X9), состоящая из 3-х рядов
каменной кладки. Кладка, по всей высоте, представляла собой смесь, к ней
с внутренней стороны примешивалась каменная смесь. В конце каменной кладки обнаружен
большой блок, представляющий часть монументального архитектурного сооружения.

Обнаруженная на развалинах у памятника Сидельниковскому архитектурная
часть, представляла собой монументальный пирокс. Вполне вероятно, что эта часть
состоит из одного и того же монументального здания, возведенного в монументальном
стиле. Это здание имело сложную форму и представляло собой часть, что было на-
много выше. Работы были закончены до глубины 5,56 м. Неоднородность не-
много выше разбитой каменной кладки и пирокс (пирокс или же нагромождение пирокса
монумента) не дали возможности идти до основания.

Над тем, что было найдено в результате изучения криволинейного памятника на
вершине склона Мурндага был разбит раскоп на высоте части склона, над сгорев-
шим зданием Мурда. Высота этого раскопа была около 180 кв. метров. Там был обнаружен
разбитый в южной части монументальный пирокс, не очень тонкий слой (1) пирокса бе-
лой, глубиной 0,30-1,00 м. К этому слою примешивалась южная часть пирокса
из рваного камня (2). Кроме того была найдена часть поздней-монументального здания (16 м).

Который доведен до глубины 3-х метров от поверхности и похищен на поверхность. В этом слое (II) была обнаружена потемневшая кладка №7, представлявшая с 40 всевозможных камней. Кладка, видимо, представляла собой открытую сферу. Хотя и не кладка была хитроумный состоит она из очень хороших квадратов, нечетко оформленных блоков и даже многоугольных камней. Между большими камнями между собой была прокладана тонкая плава камней. Этого ряда камней достает места, образование их и образование не очень ясно.

После этого нам исследованный короткий показатель слоя над сферой, затем мы идём к следующему типу этого участка акциона (Кремль) в древности. Как показывает значительное количество фрагментов посуды IV-V в. до н.э., жизнь здесь шла непрерывно в течение всего этого времени. Однако во время раскопок 1952 нам не удалось обнаружить нештатные культурные слои раннего времени. Видно, что были повреждены были больших пластовых работах I в. до н.э., когда была сооружена ангарная сфера №7. Значительно менее интенсивной была деятельность на этом участке в последующую темную эпоху. Вещные находки были обильны и разнообразны. Обнаружено значительное количество фрагментов керамики, расписанной и рельефной посуды, глиняных грузил, terra-cotta статуэток и проч. Среди находок упомянутой культуры, очень тщательно исполненную солонку IV в. до н.э., на которой выгравирована надпись, упоминающая о победе двух царей: Тиглат и Нахашка.

Всё это можно отнести к этому среднему отложению посуды, найденных в раскопках. Значительное количество относится к очень раннему времени - первой половине IV в. до н.э. Это в некоторой степени подбуждает возбудить вопрос о времени возникновения Тандикайла. Можно думать, что столица Босфора древнее других тандикайских городов, расположенных на обоих берегах Керченского пролива.

Раскопки на сев. окраине Мизидата, примерно в 1 км. от сев. окраины устья, имели площадь 160 кв. м. Работа здесь была доведена до глубины 3,40 метра, причем обнаружено много культурных напластований, заканчивающихся слоем зерновой земли и многочисленной посуды от II в. до н.э. до, примерно, IV в. н.э. Зерновая земля служила тандикайцам римского времени своеобразной заменой глиняных бочек-пифосов. Они имели размеры и агрегативные близкие последним. Зернохранилища имели грушевидную форму, глубина их равнялась, примерно, двум метрам. Такую вакапанную в земле грушу - видную или обрамленную нависающие над ней плоские плиты, которые образовали горловину. Иной раз горловина была сужена узкой, что в значительной мере может пропускать воздух, что и было с большими грудами.

Полностью открыта воронка, резко резко пожелтая шерка недретно отса-
нок камней. Когда была обн. застопана зерном, её закрывали крышки - от-
таковой считала. Писемная каменная пилота с окрестностями углями. Все
раскопано нами были вогнаны в культурном слое. Поэтому в срезах на горной
многообразие обломки посуды косяк пилотная, раковины молотковой и др.
В этих местах встречаются каменные пилоты вальсера, на дне одной были
обнаружены монументальная кларка, другая была переделана довольно голубой
палат. целикавого пола.

В отличие от более богатых находок на возвышенном склоне Мундара, находки
на раскопе над Эсинамандной имеют более скромный характер. Там почти нет
обломков посуды, разукрасенной посуды, преобладают фрагменты посуды
кучонной и колдовской посуды.

На южном склоне горы и югу от Эсинамандного раскопа были
обнаружены два больших керамических блока. Один из них представ-
ляет асимметричную тару, украшенную резными красноватыми
орнаментами и двумя розетками. Характер поребрика орнамента очень
своеобразен - видимо мастер следовал не воссозданным в образце,
а凭记忆ным образцам. О познанных образцах мы можем
попытаться представить по обломкам шуркашки, украшенной резной
росеткой, которая была найдена в Керли при раскопках в конце
прошлого столетия.

Второй пример представляет большой обломок керами-
ческой посуды с ярусами, украшенными сложной прогнировкой.
На внутренней стороне его вырезана частично сохранившаяся
надпись, в которой упоминается имя Боспорского царя Птаверка
Юлия. На внешней поверхности обломка четко заметно место
применения правого края с ярусами.

Такая вырезка илюминирование работ экспедиции.
Однако должно отметить, что наши выводы носят еще
предварительный характер и не исключена возможность, что
в дальнейшем могут быть сделаны какие-либо существенные дополнения.

Помимо этого уже и в ближайшее время можно ожидать, что
произведет в 1945 г. сравнительно небольшие работы, наряду
с ранее произведенными раскопками XIX-XV вв., могут быть
в связи с этим мажореского исследования Пантикапей.

Предполагается задумать его в будущем исследовать
археологический памятник города, установление его границ
и их передвижение в различные периоды, его планировку, который
имел различные части города и, прежде всего, его акрополя.

С этим вопросом тесно связано изучение прилегающих к
городу отдельных урочищ, захоронений, кладбищам
и проч. Решение всех этих задач может дать полную
картину древнего Пантикапея.

Проф. В. Д. Блаватский

25/IX 45.

Керли

Раскопки верхней части покатости восточного слоя Митридата велись в двух местах:

1. Недалеко от развалин памятника Стемповскому у самого подножья площадки перед монументом героям, павшим в боях за освобождения Крыма.
2. Над старым зданием музея. Эти раскопки затронули одну из главнейших частей Пантикапея – его Акрополь (Кремль).

На первом участке была вскрыта площадь около 76 кв. метров, соблюдая требования техники безопасности, работу пришлось вести таким образом, что стенки раскопа, представлявшего открытый котлован, были не отвесными, а крутыми и шли уступами. Раскопанный культурный слой представлял осыпь с верхней площади горы. Верхняя часть ее, до глубины 0,76, относится к римскому времени (I–III в. н.э.). Ниже была обнаружена невысокая кладка № 9, сложенная из трех рядов каменных блоков. Кладка, по всей вероятности, представляет опорную стену; к ней с внутренней стороны прилегает каменный бут. В числе камней кладки обнаружен большой блок, представляющий часть ионийского архитрава.

Обнаруженные на раскопе у памятника Стемповскому архитектурные фрагменты представляют исключительный интерес. Вполне вероятно, что части баз колонн и архитрава относятся к одному и тому же монументальному зданию, возведенному в ионийском ордере возможно храму. Это здание стояло скорее всего где-то недалеко от того места, где были найдены его части. Работы здесь были доведены до глубины 5,56 м, необходимость копать уступами и невозможность раздвинуть границы раскопа к югу (так как там находилась площадка монумента) не дали возможности дойти до материка.

Для того, чтобы получить более полную картину культурных напластований на восточном склоне Митридата был разбит раскоп на верхней части склона, над старым зданием музея. Площадь этого раскопа была около 180 кв. м. Там был обнаружен главным образом в южной части исследованной площади, не очень мощный слой (I) римского времени, глубиной 0,30–1,00 метра. К этому слою относилась только одна вымостка из рваного камня (II). Ниже залегал толстый слой позднеэллинистического времени (I в. до н.э.), который доходил до глубины 3-х метров от поверхности и покоился на материке. В этом слое (II) была обнаружена монументальная кладка № 7, тянувшаяся с востока на запад. Кладка, видимо, представляла собой опорную стену. Характер кладки явно хищнический состоит она из очень хороших квадратов, небрежно отесанных блоков и даже многоугольных камней. Число рядов камней достигает шести, чередование их соблюдается не очень точно.

Произведенные нами исследования восточной покатости горы над старым зданием музея рисуют след. картину жизни этого акрополя в древности. Как показывает значительное количество фрагментов посуды VI–II вв. до н.э., жизнь здесь шла непрерывно в течение всего этого времени. Однако во время раскопок 1945 г. нам не удалось обнаружить неповрежденные культурные слои раннего времени. Видимо они были повреждены при больших планировочных работах I в. до н.э., когда была сооружена опорная стена № 7. Значительно менее интенсивной была деятельность на западном участке в последующую римскую эпоху. Вещевые находки были обильны и разнообразны. Обнаружено значительное количество фрагментов чернолаковой, расписной и рельефной посуды, глиняных грузил, терракотовых статуэток и прочее. Среди находок упомянем миниатюрную, очень тщательно исполненную солонку IV в. до н.э., на которой выцарапана надпись, упоминающая о победе двух греков: Гигента и Натайка.

Особо нужно отметить, что среди обломков посуды, найденных в раскопе, значительное количество относится к очень раннему времени – первой половине VI в. до н.э. Это обстоятельство побуждает выдвинуть вопрос о времени возникновения Пантикапея. Можно думать, что столица Боспора древнее других эллинистических городов, основанных на обоих берегах Керченского пролива.

Раскоп на северном склоне горы Митридата, несколько выше Эспланадной улицы, имел площадь 160 кв.м. Работы здесь были доведены до глубины 3,40 м, причем обнаружено шесть культурных напластований, заключавших семь черновых ям и многочисленные вымостки от II в. до н.э. до примерно IV в. н.э. Зерновые ямы служили пантикапейцам римского времени своеобразной заменой глиняных бочек-пифосов. Они имели размеры и очертания близкие последним. Зернохранилища имели грушевидную форму, глубина их равнялась примерно двум метрам. Такую выкопанную в земле грушевидную яму обрамляли нависавшие над ней плоские плиты, которые образовывали горловину. Иной раз горловина была столь узкая, что взрослый человек может протиснуться через нее лишь с большим трудом. Горловину окружала воронкообразно расположенная кладка небрежно оте-

санных камней. Когда яма была засыпана зерном, ее закрывали крышкой, таковой служила плоская каменная плита с округленными углами. Все раскопанные нами ямы вырыты в культурном слое. Поэтому в стенках их торчат многочисленные обломки посуды, костей животных, раковины моллюсков и прочее. В иных местах выступают каменные плиты вымосток, на дне одной ямы обнаружена монументальная кладка, другая яма перерезала довольно толстый пласт цемянкового пола.

В отличие от более богатых находок на восточном склоне Митридата, находки на раскопе над Эспланадной имеют более скромный характер. Там почти нет обломков разукрашенной посуды, преобладают фрагменты простой кухонной и хозяйственной посуды.

На крутом склоне горы к югу от Эспланадного раскопа были обнаружены два больших мраморных блока. Один из них представляет архитектурную часть, украшенную резным крестообразным орнаментом и двумя розетками. Характер порезки орнамента очень своеобразен – видимо мастер следовал не высеченным в мраморе, а живописным образцам. О подобных образцах мы можем получить представления по обломкам штукатурки, украшенной фресковой росписью, которые были найдены в Керчи при раскопках в конце прошлого столетия.

Другой мрамор представляет большой обломок верхней части постамента статуи, украшенной сложной профилировкой. На лицевой стороне его вырезана частично сохранившаяся надпись, в которой упоминается имя Боспорского царя Тиберия Юлия. На верхней поверхности обломка четко заметно место прикрепления правой ноги статуи.

Таковы вкратце изложенные итоги работ экспедиции. Однако должно отметить, что наши выводы носят еще предварительный характер и не исключена возможность, что в дальнейшем могут быть сделаны к ним существенные дополнения. Тем не менее, уже и в настоящее время можно сказать, что произведенные в 1945 г. сравнительно небольшие работы, наряду с ранее производившимися раскопками XIX–XX вв., могут лечь в основу систематического исследования Пантикапея.

Первоочередными задачами его являются исследование археологической топографии города, установление его границ и их передвижения в различные периоды, его планировка, истории жизни различных частей города и, прежде всего, его Акрополя. С этими вопросами тесно связано изучение прилегающих к городу отдельных урочищ, занятых свалками, кладбищами и проч. Решение всех этих задач может дать полную историю древнего Пантикапея.

Проф. В.Д. Блаватский
25/IX 45 г. Керчь

EXCAVATION OF PANTIKAPAION IN 1945

V.D. Blavatskiy

This unpublished article of the leading scholar of the Northern Black Sea region in Antiquity has been recently discovered in the archives of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve. It presents an overview of the first season of archaeological exploration of the site by the Bosporan Expedition, which has begun in 1945, right after the Second World War.

**РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ 1945 г.:
ПАМЯТНИКООХРАННЫЙ АСПЕКТ
(по материалам архива Восточно-Крымского заповедника)**

Самым значимым событием в истории исследований античных памятников Керченского полуострова в первое после Великой Отечественной войны десятилетие следует считать возобновление археологических раскопок городища Пантикапей летом 1945 года силами объединенной экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Экспедицию возглавил В.Д. Блаватский, который в то время руководил созданным в 1944 г. в ГМИИ отделом археологических раскопок и экспедиций. Научные результаты раскопок Пантикапея 1940-х – 1950-х годов известны именно благодаря трудам В.Д. Блаватского¹.

Кроме чисто научных задач, экспедиция была призвана решить и ряд памятникоохранных проблем, связанных с восстановлением разрушенного в годы войны города: прежде всего, уточнить границы территорий на г. Митридат по северному и южному склону, которые должны были стать заповедными². Границы заповедника были обозначены еще в 1933 году в пределах 16,2 га³, однако из-за утраты в годы войны планов и другой документации возникла необходимость в работах по уточнению границ охранной зоны.

Для Керченского историко-археологического музея возобновление археологических раскопок Пантикапея летом 1945 г. имело особое значение. В архиве Восточно-Крымского заповедника сохранились документы, которые дают представление о том, в каких условиях и при каких обстоятельствах начинала работать Боспорская экспедиция, а также позволяют оценить итоги ее работы в области охраны античного наследия. Среди этих документов особое место занимает автограф В.Д. Блаватского — его статья «Раскопки Пантикапея в 1945 г.», датированная 25 сентября 1945 г., представляющая собой, по сути, первый краткий предварительный отчет о результатах работы экспедиции.⁴

Исследования Пантикапея, его городища и некрополей в XIX — первой половине XX вв. представляли собой приоритетное направление в деятельности Керченского музея. Директора Керченского музея А.Б. Ашик, К.Р. Бегичев, А.Е. Люценко, К.Е. Думберг, В.В. Шкорпил, Ю.Ю. Марти внесли посильную лепту в изучение столицы Боспорского царства. Накануне Великой Отечественной войны Керченский музей принимал участие в совместных экспедициях, организованных с целью исследования этого памятника ведущими научными и музейными учреждениями страны.

Хранящиеся в архиве заповедника документы 1944–1945 гг. отображают картину тотального разрушения Керченского музея. Потери военного времени были столь масштабны, что в полной мере и по сей день оценить их не представляется возможным из-за утраты довоенных учетных документов. Наиболее ценные экспонаты, как известно, при приближении немецких войск были вывезены в Армавир. В официальных документах в послевоенное время перемещенные накануне оккупации ценности были признаны погибшими⁵. В период оккупации в Германию из фондов Керченского музея было вывезено несколько партий музейных предметов⁶.

¹ См., напр., Блаватский 1946; 1947а; 1947б; 1948; 1949; 1950; 1951; 1952; 1951; 1950; 1957; 1962.

² Блаватский 1947, 105.

³ Федосеев 2002, 171.

⁴ НА ВКИКМЗ, оп.2, ед. хр. 115, л. 39-40.

⁵ НА ВКИКМЗ, оп.2, ед. хр. 140, л. 1-17.

⁶ Иванова 1948, 185.

На момент освобождения Керчи в апреле 1944 г. оставшиеся в музее коллекции находились в состоянии хаоса. В отчете за 1944 год директор музея Е.С. Пичахчи сообщила о том, что фонды музея «свалены в общую кучу», часть экспонатов и вовсе «извлечена из груды хлама», а от научного архива музея уцелели «жалкие обрывки»⁷. По воспоминаниям жителей Керчи, очевидцев освобождения города, во дворе музея высилась груда книг, журналов, бумаг. Остатки коллекций находились повсюду — «в шкафах, ящиках, на планшетах, стеллажах и пр.»⁸. Даже беглая ревизия уцелевших коллекций позволила сделать вывод о том, что большая и лучшая часть довоенного собрания, архива и библиотеки безвозвратно утрачена.

Не менее фондовых коллекций пострадали и недвижимые памятники — курганы, склепы, а также здания, принадлежавшие музею. Общая сумма ущерба, нанесенного, согласно бухгалтерским документам, зданиям и сооружениям музея, составила 1345286 руб., а балансовая стоимость оставшегося имущества была оценена в 69171 тыс. руб.⁹ Учитывая все это, директор музея В.И. Юдин в плане на I квартал 1945 г. с горечью написал: «Немецко-фашистские варвары сделали все, чтобы Музей, существовавший более ста лет, прекратил свою научную и экспозиционную деятельность»¹⁰.

Уже в середине апреля 1944 г. в музее была создана новая администрация. В ее задачу входило не только установление объема потерь, но и обеспечение восстановления основных функций музея. В отчете за 1944 г. директор музея пишет о серьезных повреждениях основного здания музея, второго, располагавшегося на г. Митридат, о разрушениях Мелек-Чесменского и Царского курганов, склепа с изображением Деметры, катакомб и территорий раскопок. Среди этого списка — и «заповедник» на г. Митридат.

Уже в первые месяцы после освобождения города вновь принятыми в штат сотрудниками музея была начата работа по разборке коллекций и перемещение их в защищенные помещения. Своими силами были отремонтированы экспозиционные залы, обустроены комнаты для хранения коллекций, квартиры для сотрудников, сделано все, чтобы наладить коммунальную инфраструктуру (водоснабжение и электрические сети).

В числе первоочередных задач, сформулированных и частично решенных в течение 1944 г., было открытие экспозиции, посвященной истории Керчи в годы Великой Отечественной войны, и небольшой фондовой выставки¹¹. Тогда же во всей своей остроте встал вопрос об охране античных памятников. Одной из главных задач стало восстановление границ заповедника на г. Митридат. Его границы в довоенные годы были определены на местности, но, как уже отмечалось выше, ввиду утраты документов в военное время возникла необходимость в проведении работ с целью выявления границ городища. В сложившихся условиях Керченский музей не располагал ни средствами, ни научным потенциалом для того, чтобы организовать эти работы самостоятельно.

Летом 1944 г. в Керчи побывали представители Академии наук СССР и Музея изобразительных искусств им. Пушкина, которые вместе с сотрудниками Керченского музея обследовали античные памятники. Вероятно, именно тогда и была достигнута договоренность о проведении в сезоне 1945 г. объединенной археологической экспедиции на городище Пантикапей.

В переписке с В.Д. Блаватским руководством музея были приняты на себя определенные обязательства по решению ряда организационных вопросов, связанных с экспедицией. В.И. Юдин писал: «Сейчас мы готовы принять экспедицию, как бы велика численно она не была, и обеспечим ей благоприятные условия на все время ее пребывания здесь. 1-й секретарь горкома ВКП(б) тов. Сирота Н.А. обещал обеспечить экспедицию рабочей силой в количестве 40 чел. Кроме того, нами непосредственно завербовано 10 чел. Профессор Блаватский рассчитывал на 70 чел. В настоящих условиях Керчи цифру в 50 чел. следует считать более чем удовлетворительной»¹².

⁷ НА ВКИКМЗ, оп.9, ед. хр. 137, л. 2-2 об.

⁸ НА ВКИКМЗ, оп.9, ед.хр. 137, л. 1 об.

⁹ НА ВКИКМЗ, оп.6, ед. хр. 665, л. 2.

¹⁰ НА ВКИКМЗ, оп.9 ед. хр. 119, л. 7.

¹¹ В 1944 г. часть музейных предметов была выставлена в экспозиции выставки, разместившейся в четырех комнатах первого этажа. Действовала выставка в поистине экстремальных условиях: поскольку стекол не было, часть окон в залах пришлось застеклить обломками стекол, а часть заложить камнем. Не имели стекол и витрины, в которых выставлялись экспонаты. Только во втором квартале 1945 г. через керченский исполком музей смог получить 20 кв. м стекла и застеклить окна, выходящие на улицу.

¹² НА ВКИКМЗ, оп. 9 ед. хр. 138, л. 4.

Рис. 1. Здание Керченского историко-археологического музея на горе Митридат. 1930-е гг.

Рис. 2. Здание Керченского историко-археологического музея на горе Митридат. 1940-е гг.

Рис. 3. Выставка фондовых коллекций Керченского историко-археологического музея. Август 1945 года

Рис. 4. Выставка фондовых коллекций Керченского историко-археологического музея. Август 1945 года

Кроме участия в решении проблем, связанных с обеспечением экспедиции рабочими и подготовкой «опорной» базы Боспорской экспедиции, сотрудники музея взялись за проведение предварительной работы по выявлению границ памятника. Один из видов такой работы заключался в сборе сведений «о древних памятниках у старожилов». В течение апреля–июня 1945 г. сотрудники музея уточнили местонахождение ряда расписных склепов на г. Митридат, которые во время военных действий использовались населением города как бомбоубежища. Многие склепы были повреждены снарядами и танками. В результате обследований северного склона г. Митридат удалось зафиксировать точное местонахождение двенадцати расписных склепов¹³.

Боспорская экспедиция прибыла из Москвы в Керчь в субботу 4 августа. Для всего состава экспедиции, насчитывавшей 27 человек, музеем были предоставлены помещения, а также отдельные комнаты для руководства экспедиции, комната для фотолaborатории, склада продуктов и инвентаря. При музее же была организована и кухня.

Наряду с этим сотрудникам экспедиции руководством музея была предоставлена возможность «ознакомления и проведения научных работ в фондах музея и в экспозиционных залах по ряду сохранившихся экспонатов и некоторых коллекций (остродонные амфоры, коллекция клейменных ручек амфор, надгробных плит, статуй, терракот и пр.)»¹⁴.

Приезд экспедиции был ожидаем руководством музея еще и потому, что с этим событием увязывалось первое послевоенное заседание Ученого совета, предназначенное для того, чтобы с научными работниками из столицы обсудить первое послевоенное положение о Керченском музее. Такой Совет состоялся 17 сентября 1945 г.

В.Д. Блаватский способствовал решению еще одной проблемы Керченского музея, заключавшейся в недостатке квалифицированных сотрудников. Достаточно сказать, что в течение апреля — декабря 1944 года пост директора музея занимали три человека, не имевшие необходимой квалификации. К работе в музее в этот период привлекались люди, не обладавшие опытом музейной работы. Показательно, что первые финансовые документы музея — ведомости на зарплату — в 1944 году были написаны на обороте документов из разоренного музейного архива (!). Карточная система распределения продовольствия и других товаров не способствовала привлечению в музей новых работников. Фактически в штате музея в первые послевоенные годы находилось девять человек, из которых только трое могли быть отнесены к научному составу: директор музея, его заместитель по научной части и главный хранитель, а первый научный сотрудник появился в музее только в 1946 г.

Между тем выполнение задач, связанных с восстановлением жизни музея — инвентаризацией коллекций, их реставрацией, да и просто ведением научной и просветительской работы, требовало квалифицированных кадров. В ходе переписки с ГМИИ и Московским университетом директору музея удалось получить согласие на присылку, хотя бы на несколько месяцев, на временную работу студентов-дипломников, которые могли бы оказать помощь в работе с фондовыми коллекциями. Выпускники Московского университета М.Г. Воробьева¹⁵ и Н.Я. Мерперт¹⁶ прибыли на работу в Керченский музей летом; параллельно предполагалась и их работа в составе Боспорской экспедиции. Студенты-дипломники были отправлены в Боспорскую экспедицию для сбора материалов к дипломной работе и музейной практики. Они были приняты в штат музея и проработали с 16 июня по 23 сентября. В архиве заповедника сохранился отчет М.Г. Воробьевой и Н.Я. Мерперта на имя зав. кафедрой археологии истфака МГУ проф. А.В. Арциховского¹⁷. В течение нескольких месяцев

¹³ НА ВКИКМЗ, оп. 9 ед. хр. 138, л. 9.

¹⁴ НА ВКИКМЗ, оп. 9 ед. хр. 138, л. 15.

¹⁵ По данным из архива заповедника, М.Г. Воробьева работала в Москве реставратором в Государственном музее изобразительных искусств.

¹⁶ Николай Яковлевич Мерперт (1922–2012), советский и российский археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Германского археологического института, лауреат Государственной премии Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член редколлегии периодических изданий и журналов «Советская археология», «Российская археология», «Вестник древней истории», исследователь памятников археологии Балкан, Кавказа, Ближнего Востока, и степной полосы Евразии в эпоху бронзы и раннего средневековья. В школьные годы в Государственном историческом музее (г. Москва) посещал кружок по археологии, который в то время вели В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов и Б.А. Рыбаков. Принимал участие в Великой Отечественной войне. В марте 1942 г. после ранений был комиссован по инвалидности, после чего вернулся в Москву и поступил на исторический факультет Московского государственного университета.

¹⁷ НА ВКИКМЗ, оп. 9 ед. хр. 138, л. 18–19.

они активно участвовали в работе музея, прежде всего в инвентаризации коллекций: ими было проверено 850 музейных предметов из раскопок Пантикапея 1930 года. Кроме того, они помогли в организации выставки, посвященной строительному делу Боспора. Руководствуясь своими научными интересами, Н.Я. Мерперт подобрал для экспозиции из фондов музея материал, характеризующий строительное дело Боспора, и даже смонтировал макет черепичной крыши и части стены, покрытой расписной штукатуркой¹⁸. Античная кровельная черепица из городов Северного Причерноморья станет темой его научной работы, которая будет опубликована позже¹⁹.

Силами тех же внештатных работников в музее были выполнены и первые работы по реставрации музейных предметов. Необходимость выполнения этих работ диктовалась, как это часто бывает, потребностями строящейся экспозиции. В июле — августе 1945 года ими были очищены и склеены более тридцати предметов: надгробия из известняка, чернолаковая краснофигурная керамика, светильники, терракоты, а также очищены от продуктов коррозии несколько бронзовых предметов. Последние только благодаря этой реставрации и могли быть использованы для экспозиции на выставке. Отобранные в фондах М.Г. Воробьевой боспорские ойнохонии стали темой ее дипломной работы. Известно, что в период работы Боспорской экспедиции в августе — сентябре 1945 г. она руководила работой студентов из экспедиции, которые участвовали в разборке коллекций.

Стажеры из Московского университета вместе с сотрудниками Керченского музея приняли участие в восстановительных работах на Царском кургане, лапидарии, на Мелек-Чесменском кургане.

О М.Г. Воробьевой и Н.Я. Мерперта В.И. Юдин писал: «Это был очень удачный выбор. Мы получили серьезных и работоспособных товарищей, которые эффективно участвуют в инвентаризации фондов... Они приехали сюда на временную работу, и в октябре уедут обратно в Москву. Но я надеюсь договориться с ними на постоянную работу в Музее»²⁰.

В разборке и определении музейных предметов из разоренных фондовых коллекций Керченского музея принимали участие не только стажеры из Московского университета, но и другие сотрудники Боспорской экспедиции, которые участвовали и в следующих первоочередных работах — обследовании склепа Деметры, укреплении фресок, а также в производстве обмеров Мелек-Чесменского кургана²¹.

В целом Керченским музеем накануне приезда Боспорской экспедиции в Керчь были приняты все меры к созданию условий, которые обеспечивали бы продуктивную работу экспедиции. Директор музея писал в отчете: «Мы искренне были рады приезду членов Боспорской экспедиции, создали все возможные благоприятные условия для ее пребывания здесь и не только содействовали выполнению поставленных перед экспедицией задач, но и обеспечили для ее членов проведение научных занятий, предоставив им возможность ознакомления, зарисовок, фотографирования и описания музейных экспонатов. Не случайно начальник экспедиции проф. В.Д. Блаватский сказал мне перед отъездом, что за многолетнюю его работу в экспедициях он впервые встретил столь радушный прием и столь благоприятные условия, которые были оказаны Керченским музеем в 1945 г.»²². О «поддержке местной общественности и местного музея», которые встретили сотрудников экспедиции «с большим вниманием и радушием», писала и М.М. Кобылина в одном из документов, хранящемся в архиве заповедника²³.

Боспорская экспедиция стала подлинной школой для целой плеяды молодых ученых, ставших впоследствии крупными специалистами в различных областях археологии и древней истории. В их числе Т.М. Арсеньева, Т.В. Блаватская, Г.А. Кошеленко, И.Б. Зеест, И.Т. Кругликова, Н.И. Соколовский, Н.Я. Мерперт, И.Р. Пичикян, Н.П. Сорокина, Г.А. Цветаева, Д.Б. Шелов и другие.

Ценные знания и навыки получили и сотрудники Керченского музея, которые приняли активное участие в работе экспедиции. Это главный хранитель Б.А. Жеребцов, работавший старшим на одной из раскопочных площадок, и заместитель директора по научной работе А.П. Иванова, трудившаяся в качестве ассистента на площадке раскопа²⁴; напомним, что других научных работников в музее попросту не было.

¹⁸ НА ВКИКМЗ, оп. 9 ед. хр. 138, л. 3.

¹⁹ Мерперт 1951.

²⁰ НА ВКИКМЗ, оп. 9 ед. хр. 138, л. 3-3 об.

²¹ Блаватский 1947, 115.

²² НА ВКИКМЗ, оп. 9 ед. хр. 138, л. 15-16.

²³ НА ВКИКМЗ, оп. 2 ед. хр. 115, л. 34 об.

²⁴ Блаватский 1947, 105.

Рис. 5. Раскопки Боспорской экспедиции на г. Митридат. Сентябрь 1948 г.

Рис. 6. Раскопки на г. Митридат, 1953 г. Слева направо — А.И. Чуистова, Н.И. Сокольский, Ф.Т. Гусаров, Р. Рыбаков, Б.А. Рыбаков, З.А. Рыбакова, И.Д. Марченко

Директор музея В.И. Юдин предполагал, что в перспективе Керченский музей сможет участвовать в экспедиции и самостоятельным отрядом. В отчете за 1945 г. Комитету по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР он писал: «Мы надеемся, что комитет в 1946 г. разрешит научным работникам Керченского историко-археологического музея включиться в Боспорскую экспедицию АН СССР в качестве самостоятельного отряда, т. е. участие в полевой археологической работе на территории Керченского полуострова является основной базой всей научно-исследовательской работы Керченского музея, имеющего в прошлом большие заслуги в этой области и внесшего значительный вклад в русскую и мировую археологическую науку». Кроме дани традиции, он обращал внимание на то, что «археологические раскопки являются основным источником пополнения коллекций Керченского музея, сильно пострадавших от немецко-фашистских захватчиков»²⁵. По его подсчетам, участие сотрудников Керченского музея в экспедиции в качестве самостоятельного отряда потребовало бы затрат в размере 20–25 тыс. руб.²⁶ Надо сказать, что эта сумма была совершенно несопоставима с ассигнованиями, которые выделялись музею. Так, например, весь бюджет музея в 1944 г. составлял при запланированных 79800 руб. — по факту — всего 50 тыс. рублей²⁷. Финансирование следующего 1945 г. было бóльшим — около 200 тыс. рублей²⁸, а 1946 г. — 250 тыс. рублей²⁹.

Завершая полевой сезон 1945 г., В.Д. Блаватский сформулировал первоочередные задачи в области изучения Пантикапея следующим образом: «Исследование археологической топографии города, установление его границ и их передвижения в различные периоды, его планировка, история жизни различных частей города и, прежде всего, его Акрополя. С этими вопросами тесно связано изучение прилегающих к городу отдельных урочищ занятых свалками, кладбищами и проч. Решение всех этих задач может дать полную историю древнего Пантикапея»³⁰.

Исследования Пантикапея силами объединенной, а затем и отдельной экспедиции ГМИИ им. Пушкина при участии сотрудников Керченского музея продолжались и в последующие годы. Одной из центральных проблем стала проблема охраны территории городища в период между полевыми сезонами, поскольку, несмотря на то, что работы по определению границ охранной зоны заповедника продвигались, межевание территории проведено не было, и, соответственно, не была организована и охрана этой территории (вплоть до 1955 г.).

В архиве заповедника сохранились документы, которые позволяют понять, в каком направлении развивалась ситуация с охранной зоной Пантикапея. К началу 1950-х годов она приняла угрожающий для сохранности памятника характер. Массовое гражданское и военное строительство не только вело к тому, что на территории городищ появлялись несанкционированные хозяйственные постройки, но и к прямому разрушению кладок античных построек, служивших источником строительного материала и местом для стихийных свалок. Так, например, в июле 1952 г., вероятно, после приезда экспедиции, представителями Керченского горисполкома, Керченского музея, Боспорской экспедиции, от имени которой документ подписала И.Д. Марченко, а также В.Д. Блаватский, был составлен акт о том, что «городище Пантикапей находится в угрожающем состоянии в связи с отсутствием постоянной охраны»³¹. Комиссия установила, что «на раскопах предшествующих лет произведены значительные разрушения; почти полностью забран камень с раскопа Думберга, разобраны стены древних веков до н.э., произведен взрыв части скалы, прорыта дорога для машин к скале и к раскопу. Северная часть раскопа Думберга засыпается мусором (с прилегающих улиц)»³². Согласно выводам, сделанным комиссией, такое положение дел сложилось потому, что памятник «до сих пор находится без постоянного присмотра из-за отсутствия постоянного сторожа и обходчика»³³. Для предотвращения разрушений, по мнению членов комиссии, следовало провести межевание границ заповедника, оградить его и обеспечить постоянную охрану.

²⁵ НА ВКИКМЗ, оп. 9, ед. хр. 138, л. 10-10 об.

²⁶ НА ВКИКМЗ, оп. 9, ед. хр. 138, л. 10 об.

²⁷ НА ВКИКМЗ, оп. 6, ед. хр. 665, л. 10.

²⁸ НА ВКИКМЗ, оп. 6, ед. хр. 6 л. 5 об.

²⁹ НА ВКИКМЗ, оп. 6, ед. хр. 667, л. 5 об.

³⁰ НА ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 115, л. 40 об.

³¹ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 190, л. 105.

³² НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 190, л. 105.

³³ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 190, л. 105.

Акты с подобными выводами составлялись и в последующие месяцы: в октябре 1952 г. — директором Керченского музея Ф.Т. Гусаровым, заместителем по научной части Л.И. Чуистовой и представителем научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР Л.И. Антроповым, которые вместе обследовали ряд памятников. Они констатировали, что вследствие отсутствия ограждения на территории г. Митридат происходит захламление территории. Но самое печальное — ввиду отсутствия штатной охраны «растащены» почти все «остатки раскопа Думберга», а также произведен взрыв «небольшой части материковой скалы на территории того же раскопа», осуществленный в декабре 1951 г. одной из строительных организаций³⁴. И снова предложение — определить охранную зону, запретить вывоз мусора, установить ограду.

Кроме гражданских организаций, к вывозу камня из античных построек, который использовался в качестве строительного материала, в некоторых случаях были причастны и представители воинских частей. Один из таких случаев произошел 23 декабря 1952 г., когда сотрудники музея застали солдат за разборкой кладок на раскопах Думберга, Эспланадного, а также раскопа 1949 г. Камень солдаты, как следует из акта, аккуратно «укладывали в штабеля», готовя его к вывозке. Несмотря на требование зам. директора Л.И. Чуистовой прекратить работы, они продолжались, и только вмешательство вызванного на место начальника Керченского гарнизона и командира части положило конец этому вандализму. Начальники вывели солдат, но от подписи в акте отказались³⁵. Военным было предложено уложить камень обратно, «однако камень уложен не был», а на другой день он был «вывезен этой же частью (похищен)»³⁶.

Конечно, составлением актов, фиксирующих ситуацию, дело не ограничивалось. В соответствии с практикой того времени, вопрос об охране памятников инициировался для обсуждения и принятия мер на различных уровнях и Керченским историко-археологическим музеем, и органами охраны памятников. Известно, что эти проблемы обсуждались в июле 1951 г. и в октябре 1952 г. на бюро горкома партии, где главе исполнительной власти — председателю городского исполнительного комитета Е. Завгороднему было рекомендовано «оградить» заповедник на г. Митридат, поставить охрану, произвести благоустройство заповедника³⁷.

Однако прибывшие в Керчь старший инспектор по охране памятников облкультпросветотдела Уткин и научный сотрудник Крымского филиала АН СССР Бабенчиков вынуждены были констатировать в своей записке, адресованной в обком КПСС, что решения горкома не выполнены, и это привело «к значительным разрушениям памятников, в особенности комплексных раскопов на г. Митридат.»³⁸. В записке виновным в таком положении дел был назван заведующий горкультпросветотделом Черкез, который «в течение трех месяцев не принял никаких мер по охране памятников» и, имея на руках акты, «составленные сотрудниками Керченского музея на разрушение памятников, не поставил в известность руководство Горисполкома»³⁹.

Разумеется, дело было не только в том, что кто-то из должностных лиц не обладал информацией о состоянии дел. На осуществление охранных мероприятий на городище Пантикапей необходимы были значительные средства, которых попросту не было. В выводах этой докладной записки авторы предложили установить сторожевые посты на г. Митридат и двух других памятниках — Тиритаке и Мирмекки, для чего просить облисполком выделить Керченскому горисполкому «лимит сторожевой охраны». Горисполкому было рекомендовано в первом квартале 1953 г. приступить к «сооружению ограды и благоустройству заповедника на г. Митридат». И, наконец, самое примечательное: представители органов охраны памятников считали необходимым «просить облисполком поддержать ходатайство Керченского исполкома от 16 января 1953 г. перед Советом Министров РСФСР об отпуске средств в сумме 500 тыс. рублей на сооружение ограды и благоустройство горы Митридат и о выделении сторожевой охраны»⁴⁰.

Спустя несколько месяцев Керченский исполком своим решением № 278 от 23 апреля 1953 г. утвердил охранную зону археологического заповедника на горе Митридат. Решением исполкома было запрещено «самовольное проведение земляных и строительных работ, вывоз грунта, камней,

³⁴ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 190, л. 98.

³⁵ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 190, л. 103.

³⁶ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 189, ч. 2, л. 122.

³⁷ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 189, ч. 2, л. 122.

³⁸ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 189, ч. 2, л. 122.

³⁹ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 189, ч. 2, л. 124.

⁴⁰ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 189, ч. 2, л. 124.

Рис. 7. И.Д. Марченко. Конец 1940-х-1950-х гг.

Рис. 8. И.Д. Марченко. 1967 г.

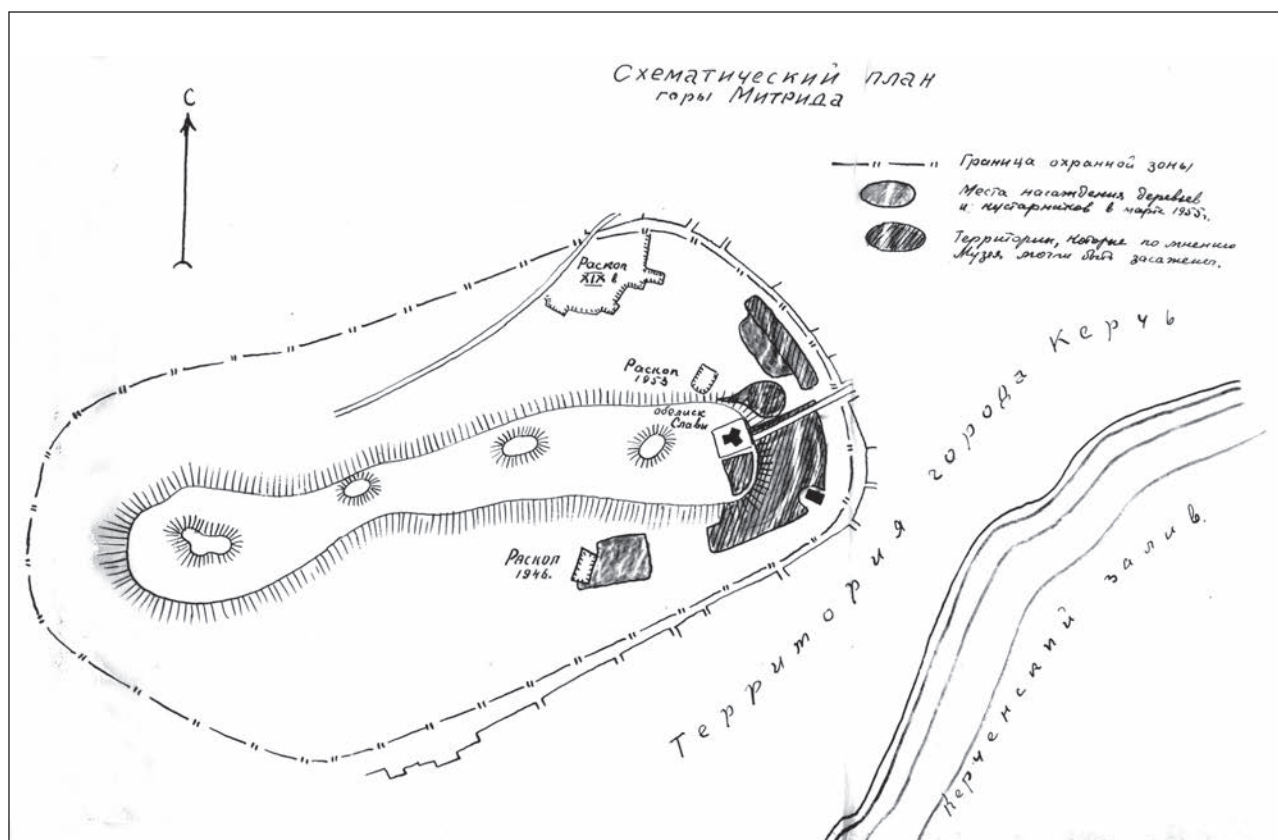

Рис. 9. План охранной зоны с показанием территорий, засаженных деревьями в 1955 г.

отдельных фрагментов древних сооружений, вывоз на территорию заповедника строительного и прочего мусора как организациям, так и частным лицам», а также выпас скота⁴¹.

Однако деньги на производство межевания и ограждение заповедной зоны на г. Митридат выделены не были. И вновь в это время сотрудники музея фиксируют ряд вопиющих нарушений в пределах античного городища — выборку камня из античных построек, а, главное, развернутую коммунальным хозяйством кампанию по посадке деревьев, следствием которой стали множественные нарушения (до 0,70 м) культурного слоя⁴².

В марте 1955 г. по распоряжению горисполкома трест по благоустройству начал озеленение Митридата: посадку деревьев на склонах. О масштабе работ можно судить, например, по корреспонденции, помещенной в газете «Керченский рабочий» от 22 марта 1955 г., рассказавшей читателям, что в течение только одного воскресного дня проведены работы по «расчистке склонов горы от камней» и вырыто 880 ям под «древесные насаждения». Предполагалось, что на склонах Митридата будет высажено 30 тыс. саженцев крымской сосны, 10 тыс. лиственных деревьев, 20 тыс. кустарников.

Несмотря на протесты музея, в течение нескольких недель работы по посадке деревьев продолжались, и только после того, как протесты были поддержаны столичными учеными (в архиве заповедника сохранились телеграммы из государственной инспекции по охране памятников истории и искусства, а также директора ИИМК), они были прекращены.

Следует отметить, что власти города, принимая решение о посадке на Митридате деревьев, руководствовались самыми добрыми намерениями. В городе, только приходившем в себя после разрушительной войны, была развернута программа благоустройства, предусматривавшая обустройство пляжей, ремонт дорог и озеленение города, заключавшееся в восстановлении уничтоженных парков и скверов. В архиве заповедника хранится копия письма, отправленного председателем Керченского исполкома Е. Завгородним директору ИИМК профессору А.Д. Удальцову. В нем он пишет о том, что памятники должны служить «местом для посетителей и экскурсий», вследствие чего исполком, «выполняя неоднократные требования избирателей... решил благоустроить ряд участков на горе Митридат», где «предусмотрено засадить деревьями и кустарниками участки захлампленные, изрытые окопами, а также участки, раскопанные в дореволюционное время, превратив эти места в зеленые рощи», которые станут защитой от оползней⁴³. Е. Завгородний, пообещав в июле — августе 1955 г. провести работу по межеванию охранной зоны памятника, просил прислать схему, согласно которой будет определена охранная зона с участками для озеленения. От имени горисполкома он просил, чтобы работники института, на которых будет возложено составление схемы, учли не только «перспективы дальнейших исследований Пантикапея», но и «интересы города, который не может больше обходить гору Митридат в смысле ее благоустройства»⁴⁴.

В связи с этими событиями вопрос о необходимости определения на местности границ заповедника был поднят вновь. В сентябре 1955 г. на заседание Керченского исполкома был приглашен В.Д. Блаватский. После его доклада исполком принял решение № 522 от 12 сентября 1955 г.⁴⁵ Констатируя, что гора Митридат и Золотой курган являются «выдающимися историко-археологическими памятниками общесоюзного значения», исполком признал, что «охрана этих памятников стоит не на должном уровне». В качестве мер по улучшению ситуации исполком принял решения об утверждении «заповедной» и «охранной» зоны г. Митридат и ее «продолжения до Золотого кургана», на которой запрещалось «какое-либо хозяйственное использование», в том числе «распашки, застройки, насаждение деревьев и кустарников», прокладка новых дорог, устройство свалок, выпас скота и другие работы.

Граница заповедной зоны устанавливалась «на нижней части склонов непосредственно вдоль линии современной городской застройки, включая район старого кладбища». На южном склоне из заповедника исключалась часть нижнего склона, ограниченная с востока продолжением линии 3-го Босфорского переулка, и с севера — нижней линией телеграфных столбов. На западе территория заповедной зоны включала восточный склон «Долгой горы». В районе Золотого

⁴¹ НА ВКИКМЗ, оп.7, ед. хр. 190, л. 56.

⁴² В фондах заповедника хранятся найденные при рытье ям античные артефакты, которые были сданы в музей жителями города.

⁴³ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 189, ч. 2, л. 91–92.

⁴⁴ НА ВКИКМЗ, оп. 7, ед. хр. 189, ч. 2, л. 92.

⁴⁵ НА ВКИКМЗ, оп.7, ед.хр.189 ч. 1, л. 86–87.

кургана граница заповедной зоны проходила «вдоль подошвы возвышенности, на которой расположен курган, включая сохранившуюся часть древнего рва и вала, примыкающую к Золотому кургану».

Территория между заповедной зоной вокруг Золотого кургана и заповедной зоной вокруг горы Митридат согласно принятому решению считалась охранной, и на основании постановления Совета министров от 14 октября 1948 г. за № 3898 все хозяйственные мероприятия в охранной зоне должны были согласовываться с Керченским историко-археологическим музеем. Под наблюдение музея отводились все земляные работы на территории северных склонов. Исполкому Керченского городского совета предлагалось «усилить разъяснительную работу среди населения о значении и целях охраны памятников и охранной зоны», и «просить Президиум АН СССР увеличить раскопочные работы на г. Митридат».

Из скудного городского бюджета исполком своим решением выделил 4 тыс. рублей «на первоочередные работы по созданию заповедника за счет операционных расходов по коммунальному хозяйству» и, понимая, что город не в состоянии профинансировать весь комплекс необходимых мероприятий, направил в облисполком просьбу «обратиться в Совет Министров УССР об утверждении г. Митридат и Золотого кургана историко-археологическим заповедником всесоюзного значения с передачей его в ведение Академии наук».

Следует отметить, что к тому времени Керченский историко-археологический музей дважды менял свою подчиненность. В 1954 г. из ведения органов управления музеями Российской Федерации он поступил в ведение Министерства культуры УССР, а в июне 1955 г. в соответствии с постановлением Совета Министров УССР № 528 от 21 апреля 1955 г. был переведен «в группу учреждений местного подчинения». Это решение означало совершенно иной уровень финансирования, который не мог позволить выполнить задачи по охране всего комплекса античных памятников. В результате окончательные решения об утверждении охранной зоны Пантикапея были приняты Постановлением Совета Министров УССР только в 1965 г., а затем закреплены решениями Крымского облисполкома в 1969 г., в 1979 г. и 1980 г.; окончательно установленная охранная зона Пантикапея составила 127,0 га.

Таким образом, работа по установлению границ заповедной зоны городища Пантикапей, начатая в 1945 г. Боспорской экспедицией, получила логическое завершение прежде всего благодаря совместной деятельности Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Керченского историко-археологического музея, органов охраны памятников и других организаций.

Литература

- Блаватский В.Д. 1946: Раскопки Пантикапея в 1945 г. // Советский Крым. 2, 117–126.
- Блаватский В.Д. 1947а: Пантикапейские раскопки 1945–1946 гг. // Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ. 2, 10–15.
- Блаватский В.Д. 1947б: Раскопки Пантикапея в 1945 г. // КСИИМК. 17, 105–115.
- Блаватский В.Д. 1951: Материалы по истории Пантикапея. План города // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 19, 9–62.
- Блаватский В.Д. 1952: Исследования города Пантикапея // Археология и история Боспора. I. Симферополь, 43–54.
- Блаватский В.Д. 1957: Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // Пантикапей. МИА. 56, 5–95.
- Блаватский В.Д. 1953: Новые данные о строительстве Пантикапея (по материалам раскопок 1945–1949 гг.) // СА. XVII, 163–182.
- Блаватский В.Д. 1962: Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей. МИА. 103, 6–85.
- Иванова А.П. 1948: Керченский государственный историко-археологический музей им. А.С. Пушкина // ВДИ. 1, 185–187.
- Мерперт Н.Я. 1951: Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 19. М., 227–235.
- Федосеев Н.Ф. 2002: Керченский музей древностей // ВДИ. 1, 154–178.

EXCAVATION OF PANTIKAPAION IN 1945: THE PRESERVATION ASPECT (based on the archival material of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve)

N.V. Bykovskaya

The renewal of archaeological excavations of the ancient Pantikapaion under the joint auspices of the Institute of the History of Material Culture of the Soviet Academy of Sciences and of the Pushkin State Museum of Fine Arts became one of most significant events in the history of exploration of the ancient sites of the Kerch Peninsula after the Second World War. In addition to the purely scholarly problems, this expedition had to deal with a number of problems of the site preservation. First and foremost, the extent of the protected area of the site had to be established, especially on the northern and southern slopes of the Mound Mithridates. This work towards establishing the borders of the ancient site came to fruition in the 1950s–1960s, and was a joint venture of the Pushkin State Museum of Fine Arts, of the Kerch Historic-Archaeological Museum, and of the State Department of Historic Preservation.

ДРЕВНИЙ ПАНТИКАПЕЙ КАК ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА СОВРЕМЕННОЙ КЕРЧИ

Среди античных памятников, состоящих на учете в Восточно-Крымском историко-культурном заповеднике, особое место принадлежит городищу Пантикапей, расположенному на вершине горы Митридат в центре современной Керчи, а также на склонах и вокруг горы под современной застройкой. Культурный слой памятника на Митридате достигает местами тринадцати метров.

Минуло 26 веков со дня основания Пантикапея, столицы могущественного Боспорского царства. Город пережил множество внутренних войн, нападений варваров, землетрясений, но жизнь на этом месте никогда не прекращалась. В разные времена город носил названия Воспро, Черкио и Корчев. Пронесли историческим вихрем судьбы сменявших друг друга народов, культур, государств, а Пантикапей и сегодня возвышается над всем Восточным Крымом, двумя морями и Керченским проливом. Соседствуя с символом Великой Победы — Обелиском Славы города-героя Керчи, Пантикапей остается историко-архитектурной доминантой современного города. Пантикапей сегодня не только символизирует, но и осуществляет связь времен, народов и поколений.

Обусловлено это несколькими обстоятельствами. Во-первых, территориальным расположением в самом центре города и ландшафтными особенностями: Митридат является самой высокой точкой города (рис. 1), что было использовано архитекторами XIX в. при проектировании оси Большой Митридатской лестницы, которая символизировала связь вновь построенного города с его античным прошлым. Вторая составляющая — это не прекращающаяся в продолжении 26 веков общественная жизнь на городище и сопредельной территории. И, наконец, третье обстоятельство, способствующее циклическому возрождению жизни «вечного города» — это ведущая в древней столице вот уже в течение двух столетий научно-исследовательская работа, направленная на его изучение и сохранение.

Рис. 1. Гора Митридат с высоты птичьего полета

«Метрополия всех милетских городов Боспора», город, «где была постоянная резиденция боспорских царей», «очень большой город» — так в древности называли Пантикапей. Древнегреческие и латинские авторы, а также тексты боспорских надписей на постаментах статуй, декретов и посвящений на плитах, сохранили хотя и разрозненную, но весьма ценную информацию относительно некоторых важнейших исторических событий боспорской истории, а также упоминания о столице Боспора — Пантикапее.

В ряду достоверных сообщений древних авторов первым стоит свидетельство греческого историка Диодора Сицилийского, который сообщает, что на вершине Пантикапейского холма находится постоянная резиденция боспорских царей, для обозначения которой автор использует термин «басилея». Предание о том, что уже Левкон I — третий из династии Спартокидов, правивший в 389/88–349/48 гг. до н.э., имел резиденцию в Пантикапее, которая в тексте именуется дворцом, сохранил другой античный автор — Полиен. Сам факт наличия акрополя зафиксирован Страбоном, оставившим краткое, но точное и выразительное описание Пантикапея: «Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окруженный в 20 стадий, с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для 30 кораблей, есть также акрополь».

История археологических раскопок на Боспоре и в Пантикапее насчитывает примерно двести лет. Начало изучения Пантикапея относится к началу XIX столетия, когда Крым и Керченский полуостров и, в первую очередь, городище Пантикапей с расположенными вокруг него величественными курганами, становятся местом паломничества историков, филологов, любителей древностей, писателей. Сочинения и путевые заметки таких путешественников и историков, как П.И. Кеппен, И.М. Муравьев-Апостол, П. Сумароков, Ф. Дюбуа де Монпере и других содержат ряд ценных сведений относительно виденных ими древностей.

Открытие в 1830 году древних золотых сокровищ в кургане Куль-Оба стало эпохальным событием в истории боспорской археологии. Оно надолго приковало внимание и к Пантикапейскому городищу, и к его обширным некрополям. Раскопки, проходившие под патронажем императорского двора, обогатили коллекции Эрмитажа многочисленными шедеврами античного искусства. Созданный для хранения древностей и производства раскопок Керченский музей древностей стал на долгие десятилетия форпостом археологической науки в регионе. Раскопки Пантикапея и его некрополей, проводившиеся на протяжении XIX — начала XX веков, дополнили не только сокровищницы Эрмитажа и других всемирно известных музеев, но и стали источником наших знаний об истории, экономике, богатой полиэтничной культуре Боспорского царства.

Систематические исследования Пантикапея начинаются с 1945 г. Благодаря работам Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина, созданной в 1945 году по инициативе профессора В.Д. Блаватского, совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР, раскопки Пантикапея приобрели плановый характер. В работе Экспедиции в разные годы приняли участие сотрудники ГМИИ: И.Д. Марченко, Н.А. Сидорова, Ю.Е. Чистяков, Н.М. Лосева, А.К. Коровина, В.С. Забелина, Ю.А. Савельев, а также специалисты из других научных, музейных и учебных заведений.

В 1959 г. Боспорскую экспедицию Музея возглавила И.Д. Марченко, прошедшая серьезнейшую школу практической работы в Фанагорийской и Боспорской экспедициях. С именем Ирины Дмитриевны, руководившей экспедицией до 1976 года включительно, связан целый ряд ярких открытий. К ним относятся раскопки обширного участка застройки Пантикапея рубежа VI–V веков до н.э. Ее же усилиями были открыты хорошо сохранившиеся остатки монументального здания III–II веков до н.э. с колоннадой дорического ордера, который она определила как «пританей» древнего Пантикапея. Позднее Ирина Дмитриевна организовала частичное восстановление этого уникального сооружения методом анастилоза, т. е. из подлинных, обнаруженных на месте древних деталей. Проект натурной реставрации был разработан и осуществлен под руководством архитектора Б.Л. Альтшуллера.

В 1972–1976 годах И.Д. Марченко была начата программа комплексных исследований в районе вершины Первого кресла горы Митридат. Целью являлось определение границ и выяснение системы застройки акрополя Пантикапея. Следует отметить, что, несмотря на признававшуюся большинством предшествующих исследователей важность такого рода изысканий и отдельные попытки их осуществления, целенаправленно они ранее не осуществлялись.

Благодаря раскопкам, проводившимся в течение семидесяти лет Боспорской экспедицией, удалось выявить основные особенности характера застройки Пантикапея, его топографию. Система городской

застройки представляется следующей. С конца V в. до н.э. по IV в. н.э. застройка Пантикапея осуществлялась на террасах, опоясывающих гору Митридат. Территория города постоянно расширялась. Уже с начала IV в. до н.э. в нее входили все склоны Первого кресла Митридата, а в III в. до н.э. в границы города вошло пространство западнее Скалистого выступа. Со II в. до н.э. в черту города включаются склоны Второго кресла Митридата. Из литературных источников известно, что город украшали храмы различных греческих богов, общественные здания и статуи, имелся театр.

На самой вершине горы находилась цитадель. Крепкие стены с башнями окружали город со всех сторон и прикрывали дорогу, шедшую по вершине хребта горы и фланкированной с востока полукруглой башней. В ходе раскопок обнаружены остатки стен, снабженных бастиянами, и вырубленные в скале обходные коридоры. Раскопана также система укреплений акрополя с севера. Наиболее существенные перестройки относятся к концу II — началу I в. до н.э.

События конца II—I вв. до н.э. привели к сильным разрушениям Пантикапея. Пострадали не только укрепления цитадели и крупные общественные здания, но и жилые кварталы. В начале I века производятся ремонтные работы и перестройка укреплений цитадели. На акрополе появляются богатые жилые дома. Об их убранстве свидетельствуют обломки многоцветной штукатурки, архитектурные детали, фрагменты мраморных скульптур. Для Пантикапея первых веков нашей эры характерно выделение ремесленных кварталов с мастерскими, рыбозасолочными цистернами и винодельческими комплексами.

С 1977 года по настоящее время Боспорскую экспедицию ГМИИ им. А.С. Пушкина возглавляет заведующий Отделом искусства и археологии Древнего мира Владимир Петрович Толстиков, в течение восьми лет участвовавший в раскопках Пантикапея под руководством И.Д. Марченко. Из наиболее значимых в научном отношении результатов Боспорской экспедиции за последние более чем тридцать лет планомерных раскопок следует отметить открытие, впервые за историю изучения городища, остатков пяти древнейших жилых сооружений — землянок, относящихся к середине — второй половине VI в. до н.э., т. е. начальному периоду существования этой милетской колонии.

Также впервые на западном плато вершины Первого кресла Митридата была открыта группа построек, пришедших на смену примитивным землянкам. Они образовывали архитектурный ансамбль, возведенный на основе ортогональной системы планировки. В центральной части ансамбля возвышалось круглое в плане здание — толос.

Эти уникальные постройки, а также ряд других сооружений относятся к одному из важнейших периодов ранней истории Пантикапея, когда из небольшого поселения он превращается в городской центр полиса. Есть основания предполагать, что именно в этот период возводятся и первые укрепления пантикапейского акрополя, основания которых раскопаны на северном склоне западного плато вершины Первого кресла Митридата.

К весьма существенным результатам, достигнутым В.П. Толстиковым в рамках программы изучения акрополя, следует отнести открытие обширного дворцового комплекса эллинистического периода — легендарной базилики боспорских Спартокидов, которую безуспешно искали многие археологи прежних лет. В ходе раскопок дворца были найдены не только основания стен и вымостки дворца, но и относящиеся к нему ордерные детали и их фрагменты. Их изучение позволяет осуществить графическую реконструкцию этого здания.

Центральное здание базилики представляло собой в плане правильный прямоугольник, внешние стены которого были возведены из рустованных квадров на мощных фундаментах. Здание имело по крайней мере два этажа и обрамленный двухъярусной колоннадой двор. К северу от центрального здания дворцового комплекса раскопками было открыто прекрасно сохранившееся прямоугольное основание небольшого храма, сооруженного в дорическом ордере. Терракоты, происходящие из слоя разрушения храма, указывают на то, что в нем почиталось, по-видимому, несколько божеств — прежде всего, бог вина Дионис и богиня любви Афродита.

С севера храмовый участок и весь ансамбль базилики замыкало здание казармы, в которой размещался отряд гарнизона, оборонявшего башню и резиденцию боспорских царей. В остатках этой башни в специальной камере, располагавшейся в северо-восточном ее углу, обнаружена высеченная в скальном массиве цистерна для хранения воды. Здесь было сделано открытие, которое может иметь исключительное значение для ранней истории христианства, а именно граффито, которое представляет собой изображение прямого креста, образованное двумя перекрещивающимися прямоугольниками. По мнению исследователей, это — одно из наиболее ранних, если не самое раннее, из археологически датируемых изображений важнейшего христианского символа.

Эта находка может служить подтверждением тому, что к началу II столетия н.э. христианство было достаточно широко распространено не только в Малой Азии, но имело тайных приверженцев и на Боспоре, скорее всего в низших слоях общества, например, среди строительных рабочих.

Экспедиции ГМИИ удалось открыть и другие остатки укреплений акрополя, в том числе основание цитадели на скалистой вершине Первого кресла горы Митридат, вырубленное специальными подтесами в скале. Это был изолированный форт, господствовавший над всей территорией акрополя. Центральная башня служила, очевидно, и маяком, и важнейшим звеном в системе световой и дымовой сигнализации — античного «телеграфа», связывавшего столицу Боспорского царства с периферийными и пограничными пунктами и рубежами обороны. Здесь, на самой вершине горы Митридат, в ходе раскопок в северном скальном коридоре цитадели были обнаружены две уникальные римские золотые монеты — ауреусы. Нумизматические находки такого типа редки, более того — ауреусы Юлия Цезаря никогда ранее не были обнаружены при раскопках не только на Боспоре, но и во всем Северном Причерноморье.

К северо-востоку от цитадели, на Новом Верхнем Митридатском раскопе, открыты остатки святилища Артемиды-Гекаты, в одном из высеченных в скале помещений которого, наряду с фрагментами скульптуры, найдена крышка мраморного культового стола с посвяительная надпись от имени царевны Сенамотис, жены Гераклида, дочери великого скифского царя Скилура.

Благодаря археологическим исследованиям Боспорской экспедиции ГМИИ удалось в значительной степени выяснить особенности системы обороны акрополя Пантикапея и выявить планировку основных элементов сложной фортификационной системы акрополя.

Верхнее плато, на котором размещались храм Аполлона Врача и ряд святилищ с культовыми сооружениями, было отделено от лежавшего ниже западного плато. Таким образом, в случае, даже если противнику удалось бы преодолеть мощные укрепления, защищавшие западное плато акрополя с расположенным на нем укрепленным дворцовым ансамблем, гарнизон резиденции боспорских царей имел возможность продолжать активное сопротивление, находясь под прикрытием цитадели и фортификации верхнего плато акрополя. Аналогичная система обороны, к примеру, использовалась на акрополе одного из крупнейших античных центров Малой Азии — Пергама.

Особое значение для понимания истории Боспорского царства имеют находки последних лет. Впервые за десятилетия археологических исследований на Пантикапее удалось на сравнительно большой площади выявить культурные слои древнейшего города. Как правило, находки, которые указывают на время основания Пантикапея, были обнаружены в перемешанных слоях. В последние годы обнаружены ранние непотревоженные участки культурного слоя древнего города. Находки из этих слоев относятся к первой половине VI в. до н.э., а отдельные — к концу VII в. до н.э. При этом впервые были обнаружены строительные остатки столь раннего периода. Эти замечательные открытия подтверждают, что Пантикапей был основан в первой четверти VI в. до н.э.

Особого внимания заслуживают переданные в фонды Восточно-Крымского музея-заповедника уникальные находки, сделанные в строительных комплексах акрополя Пантикапея. Украшением наших коллекций стали многочисленные фрагменты ионийской расписной и аттической черно- и краснофигурной керамики, терракоты, керамические клейма, изделия из металла. Кроме керамических находок, в фонды заповедника поступили десятки архитектурных деталей, а также великолепные образцы древнегреческой и римской пластики, созданные древними мастерами, которые с полным основанием можно отнести к шедеврам. В 2012 г. впервые за всю историю раскопок на Боспоре был найден цилиндрический светильник открытого типа из белого мрамора, датирующийся по известным комплексам периодом между 625 и 575 гг. до н.э. В том же году впервые на городище Пантикапей удалось обнаружить фрагменты скифской конской упряжи, которые, по предположению исследователей, датируются первой четвертью V в. до н.э. Самые интересные находки из раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ, переданные в Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, можно будет увидеть на юбилейной выставке в залах историко-археологического музея, которая будет работать в течение 2015 г.

Следует отметить одну особенность, которая отличает работу Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Ежегодно по окончании полевого сезона на раскопе проводились и проводятся работы по первичной консервации и частичной музеефикации открытых раскопками строительных объектов. Как отмечалось выше, в 1976 г. впервые в практике музеефикации античных городищ в Северном Причерноморье на Пантикапее был применен метод анастилоза — научно обоснованной натурной реконструкции архитектурного объекта на подлинном основании из подлинных деталей,

обнаруженных на месте. Этот подход на основе принципов, сформулированных В.П. Толстиковым, получил свое развитие в деятельности экспедиции в последние годы. В Пантикапее проводится первичная консервация целого ряда строительных объектов с использованием исключительно экспедиционных ресурсов.

Кроме того, за последние четыре года Керченским историко-культурным заповедником на городище Пантикапей были проведены и другие работы. Частично вывезены отвалы с Северного раскопа, которые затрудняли работу экспедиции и перекрывали вид на монументальные постройки первых веков н.э., что открывает возможность дальнейшего исследования этой территории. В последние годы начата установка ограждения городища по границе землеотвода, а на территории памятника установлены информационные щиты с аннотационными текстами. В перспективе планируется строительство новой сторожки и введение сторожевой охраны в ночное время суток.

Вместе с тем, на сегодняшний день, с учетом произошедших в жизни Крыма перемен, как нам представляется, необходимо ставить перед собой более масштабные задачи, поэтому мы работаем над проектом создания археологического парка на античном городище Пантикапей. Мы в полной мере отдаем себе отчет в том, что это грандиозная и амбициозная задача, над реализацией которой должен работать коллектив из представителей различных учреждений, состоящий из археологов, реставраторов, историков, архитекторов. В ходе реализации этого проекта нам предстоит опробовать передовые методики реставрации, решить ряд проблем. И у нас имеется творческий потенциал для решения этой проблемы.

Есть, однако, и ряд других проблем, над решением которых нам предстоит работать. Так, на сегодняшний день при том, что охранный зона Пантикапея, одного из крупнейших античных городищ Северного Причерноморья, согласно документам достигает 127 га и включает северный, северо-восточный, южный и западный склоны Митридатовой гряды, общая площадь земель, выделенных из системы землепользования и переданных на баланс Восточно-Крымскому заповеднику, составляет 6,521 га. Территория землеотвода с севера и северо-востока ограничена улицами Н. Рыбакова и Эспланадной, с юго-востока — Большой Митридатской лестницей, с юга — площадкой Обелиска Славы и дорогой, ведущей на вершину горы. А площадь распространения культурного слоя составляет зону регулируемой застройки. Свою задачу мы видим в том, чтобы в целях сохранения нашего культурного наследия и продолжения исследования памятника площадь отведенных заповеднику земель была увеличена.

Большие надежды мы возлагаем на законодательство Российской Федерации. Под солнцем «Крымской весны» должны расцвести не только подснежники и не только крымская культура, но и еще — производственный и туристический факторы. Поэтому очень важен базовый закон в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия — Федеральный закон от 5 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации». Этот закон предусматривает серьезные меры ответственности за вред, наносимый памятникам, а 22 января 2015 года вступил в силу еще один Федеральный закон № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия...». Этот закон значительно расширяет полномочия органов охраны памятников и укрепляет основополагающие принципы их деятельности в сфере государственной охраны и сохранения культурного наследия. Учитывая факторы сегодняшнего дня, Восточно-Крымский историко-культурный заповедник вплотную подошел к разработке и воплощению в жизнь комплексной стратегии сохранения культурного наследия на Керченском полуострове и проводит не только работу по включению в свой состав археологических памятников Ленинского сельского района и крепости Еникале, но и разрабатывает практические меры по сохранению объектов культурного наследия.

Вместе с тем, мы отдаем себе отчет и в том, что территория античного Пантикапея — это не только территория древнего города, на которой ведутся археологические раскопки. Сегодня Керчь с 26-ти вековой историей является одним из самых древних, и вместе с тем современных городов России. И поэтому Пантикапей достоин сыграть свою новую роль — быть всегда востребованным.

Безусловно, военная история Керчи, одним из узнаваемых символов которой стала гора Митридат, сделала территорию Пантикапея священным местом для жителей современного города. Обелиск Славы был возведен воинами Отдельной Приморской армии в 1944 г. — в год, когда еще шла война. Это был первый памятник воинам, погибшим за наше Отечество. С тех пор во все времена керчане 9 мая поднимаются на гору Митридат, чтобы почтить память погибших воинов, помянуть

Рис. 2. Пританей. Фестиваль «Боспорские агоны»

их, поплакать и научить детей своих ценить подаренную нам жизнь. А 8 мая наша молодежь идет с факелами на священную гору отдать дань героям-освободителям.

Понимая значение военной истории античного Пантикапея и города-героя Керчи, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник проводит большую Международную научную конференцию «Военно-исторические чтения». Примечательным и особенным в ней является охватываемый исторический период — от античности до современности. Это дает возможность проанализировать огромный временный промежуток и понять алгоритмы войн, и их особенности в разные исторические моменты.

В последние годы мы решились на еще один смелый эксперимент, связанный с античным наследием. Вот уже второе десятилетие в Керчи летом проходит международный фестиваль античного искусства «Боспорские агоны». Фестиваль стал местом встречи популярных артистов, режиссеров, театральных коллективов разных стран. В течение последних лет сценической площадкой для театров, ставящих произведения античных авторов, стала площадка перед Пританеем (рис. 2). Развертывающиеся на фоне аутентичных построек действия античных трагедий производят неизгладимое впечатление на зрителей и способствуют популяризации античного наследия.

Родился фестиваль не случайно, сойдя со ступеней Большой Митридатской лестницы, из древнего города в трудное кризисное время девяностых, когда друг с другом соседствовали, с одной стороны, оптимистично-восторженное ожидание нового, вдохновенность переменами, и, с другой — духовный надрыв, отсутствие чувства преемственности и укорененности. Это тенденции современной духовной ситуации, в которой, на наш взгляд, важно выработать некий комплексный подход к познанию жизни, соединить данные науки с художественной интуицией и духовно-мировоззренческими прозрениями.

Качественные преобразования общества требуют постоянной сверки с историческим прошлым, умения учиться у него, находить в нем определенные параллели, умения искать ответы на современные проблемы — все это особенно важно, когда мы рассматриваем мировоззренческие вопросы, в центре которых стоит человек. В этой связи обращение к истокам, к античным корням нашей цивилизации в форме культурного проекта массовых празднеств-мистерий «Боспорские агоны» становится актуальной задачей антропологического значения.

Фестиваль античного искусства, приближенный к историческим реалиям прошлого, осуществил поворот к осознанию истинной ценности самого древнего города России, изменил облик Керчи от закрытой территории к открытому всему миру уникальному культурному центру и туристическому объекту. Будучи многоструктурным и многофункциональным, он сумел объединить в себе античное театральное, музыкальное, хореографическое, литературное искусство. А главное — ни в одной керченской школе выпускные вечера или большие праздники города уже не обходятся без почитаемой Деметры и других античных героев, и это означает, что наши дети, горожане любят и знают историю. Итоги эксперимента мы оцениваем положительно.

Все вышесказанное обязывает нас с учетом многослойности нашей истории работать над проектом сохранения уникальной территории горы Митридат и ее бережного использования. В перспективе предполагается создание комплекса с условным названием «Старый город», предусматривающего не только музеефикацию городища Пантикапей, но и ремонт подъездных путей, благоустройство прилегающих территорий, реконструкцию Митридатской лестницы, создание рекреационных зон для экскурсантов. В ареале действия этого проекта окажутся и другие объекты Восточно-Крымского музея-заповедника, расположенные у подножья горы Митридат — Картинная галерея, Технологическая модель склепа Деметры, сценическая площадка в районе Картинной галереи с их экспозиционными возможностями. Задача проекта — комплексная регенерация памятников археологии, истории и культуры, сохранение традиционных форм хозяйствования и природопользования.

Гора Митридат с расположенным на ней городищем Пантикапей — это исторически сложившийся центр современной Керчи с античными памятниками и городской застройкой XIX — начала XX веков, с обелиском Славы и другими объектами военного времени и уникальными ландшафтными зонами. Свою основную задачу мы видим в том, чтобы сохранить это культурное наследие и передать его последующим поколениям.

ANCIENT PANTIKAPAION AS THE DOMINANT HISTORIC-ARCHAEOLOGICAL FEATURE OF THE MODERN-DAY KERCH

T.V. Umrikhina

The article analyzes some topographical features of the ancient Pantikapaion and presents a brief history of archeological investigations of this site by the Bosporan Expedition under the auspices of the Pushkin State Museum of Fine Arts. It also discusses the problems of musefication of the excavated ancient architectural remains and organization of an open-space museum in the interests of the city.

ПРОТОКОРИНФСКИЕ КОТИЛЫ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ*

(См. рис. 1–2 на вкладке)

Дорогому Владимиру Петровичу
с пожеланиями новых открытий!

Городище Пантикапей (совр. г. Керчь, Республика Крым, РФ), бывшая столица Боспорского царства, изучается с первой половины XIX в. С 1945 года, т. е. последние 70 лет, регулярные раскопки ведутся Боспорской (Пантикапейской) экспедицией Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Полевые сезоны 2009–2014 гг. позволили впервые открыть здесь хорошо сохранившийся на значительном участке древнейший слой конца VII — первой половины VI вв. до н.э. Это открытие сделано на Новом Верхнем Митридатском раскопе, расположенном на северном крае верхнего плато горы Митридат¹. В древнейшем слое памятника открыт обширный ранний материал, в том числе протокоринфские котилы с фризами псовой охоты на зайца; будучи одними из самых древних расписных сосудов, найденных в Пантикапее, они датируются последней третью VII в. до н.э.

Это фрагментированные миниатюрные (выс. 4 см) расписные коринфские котилы на низком кольцевом поддоне. Они декорированы горизонтальным фризом высотой 2 см, в котором изображены бегущие друг за другом вправо собаки. Фриз обрамлен двойными линиями. По краю одной из котил идут группы вертикальных штрихов. Кольцевидное основание и ручки сосудов покрыты лаком. Внутренняя поверхность также сплошь покрыта коричневатым лаком. Фигурки собак переданы силуэтно, в упрощенных формах. Они отличаются удлинёнными пропорциями, показаны с характерными вытянутыми хвостами и острыми ушками. Передние лапки значительно короче задних и оторваны от линии земли.

Котилы происходят из предматерикового слоя древнейшего ядра городища². Этот слой содержит мало датирующего материала. Наиболее важны фрагменты клазоменских (тип III–IV по Sezgin, 635/630–575 гг. до н.э.)³ и лесбосских красноглиняных амфор (тип 2–3 по Bîrzescu, первая половина VI в. до н.э.)⁴. Данная хронология в целом поддерживается и фрагментами расписной ионийской керамики, среди которых выделяются венчики «полосатых» киликов и часть тарелки с концентрическими кругами лака поверх белой обмазки⁵. Здесь же был найден и фрагментированный коринфский арибалл среднего коринфского периода⁶.

* Авторы выражают сердечную благодарность В.П. Толстикову, начальнику Пантикапейской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина, за предоставленный материал, фотографии и рисунки, а также за всестороннюю поддержку и консультации.

¹ Толстиков, Муратова 2013, 176–193. Итоги последнего полевого сезона и контекст находки протокоринфских сосудов обсуждались в докладе В.П. Толстикова «Результаты раскопок Пантикапея в 2014 г.» на Отчетной сессии ГМИИ им. А.С. Пушкина 19 февраля 2015 г.

² Фрагменты первой котилы найдены в квадрате 20а Нового Верхне-Митридатского раскопа (25 шт., отм. + 2.95), еще один фрагмент ее края с ручкой — на площади 20; 20а Нового Верхне-Митридатского раскопа, в штыке 24, к западу от кладки № 45. Вторая котила была найдена в квадрате 20а Нового Верхне-Митридатского раскопа. Она происходит из надматерикового штыка (26 шт., отм. + 2.71): Опись находок совместной российско-украинской Пантикапейской (Боспорской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина и КИКЗ 2013 года, № 133; Толстиков, Белик 2014, 7.

³ Sezgin 2004, 169–185.

⁴ Bîrzescu 2012, Taf. 10, № 115; Ильина, Чистов 2012, табл. 6, № 12–16.

⁵ Опись находок совместной российско-украинской Пантикапейской (Боспорской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина и КИКЗ 2013 года, № 139.

⁶ Опись находок совместной российско-украинской Пантикапейской (Боспорской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина и КИКЗ 2013 года, № 170.

Серия миниатюрных котил с комбинацией ориентализирующих мотивов и геометрического орнамента появилась в поздний протокоринфский период⁷. Хронология коринфской вазописи была составлена Х. Пайном по результатам раскопок в Перахоре⁸. Ключевым памятником для хронологии поздней протокоринфской и ранней коринфской керамики являются ранние слои Селинунта, основанного в 629–628 гг. до н.э. колонистами из Мегары⁹. Обширная научная дискуссия на эту тему привела к следующим датам: поздний протокоринфский период — 650–630 гг. до н.э., переходный — 630–620/615 гг. до н.э., ранний коринфский — 620–595/590 гг. до н.э.¹⁰ Среди ранних находок в Селинунте есть и котила с фризом охоты¹¹. Миниатюрные котилы с изображением псовой охоты происходят и из слоя разрушения в Старой Смирне (610–600 гг. до н.э.)¹². Их находят и в позднем протокоринфском, и в раннем коринфском археологическом контексте, например, в Коринфе¹³. Также в раннем коринфском контексте (уровни 10 и 9, не позднее 600–590 гг. до н.э.) они обнаружены в Токре¹⁴. Р. Хоппер отмечает, что арибаллы и котилы в стиле «бегущих собак» известны в раннем коринфском контексте погребений на Сицилии и на Родосе, но не позже¹⁵. Таким образом, подтверждается интервал бытования котил этого типа в рамках 630–590 гг. до н.э. Это соответствует датировке древнейшего слоя Пантикапея и отмечает его нижнюю хронологическую границу.

Интересно, что котилы из раскопок Старой Смирны особенно близки пантикапейским по форме и качеству росписи. Датировка котил по форме и деталям росписи затруднительна, но можно отметить их общее развитие от более стройных, с узким и тонким концентрическим основанием, с изогнутыми стенками, к более широким в основании, с прямыми стенками¹⁶. В этом отношении котилы из Пантикапея принадлежат к наиболее ранним образцам¹⁷.

Такие котилы были очень популярны как посвященные сосуды. Они известны, например, в комплексе керамики из храма Афины в Старой Смирне¹⁸, среди находок в святилище Аполлона и Артемиды на Паросе¹⁹. Как мы уже отмечали, они часто входят в состав погребальных даров. Поэтому можно предположить, что фриз со сценой охоты имеет некоторую символическую нагрузку.

Фриз с изображением бегущих по кругу собак широко известен в позднегеометрической вазописи разных центров и, вероятно, составляет часть героической картины мира. На миниатюрных протокоринфских котилах они появляются как сокращенный вариант больших эпических вазописных программ коринфского мастера Киджи и его круга, ок. 640–630 гг. до н.э. Ядро этой группы составляют такие знаменитые экземпляры, как ваза Киджи²⁰, арибалл МакМиллана²¹, арибалл в Берлине²² и ойнохоя из Эрифр²³. Все они украшены чередующимися горизонтальными фризами со строгой последовательностью: в нижнем фризе, самом низком (1–2 см), изображена охота мальчиков на зайца; выше — кавалькада юношей и охота на льва; еще выше — батальная сцена с участием фаланг гоплитов. В интерпретации Дж. Харвита эта программа показывает этапы взросления и воспитания мужчины-воина на примере агональных сюжетов, жанровых и мифологических²⁴. Фриз с охотой на зайцев более подробно проработан в росписи вазы Киджи. В ней раскрывается некоторый сюжет: мальчики прячутся в кустах, подстерегая зайцев, придерживают собак и подают друг другу знаки; один из охотников уже несет на плечах добычу. Контуры и внутренний рисунок фигур гра-

⁷ Weinberg 1941, 40.

⁸ Payne 1940.

⁹ Thus. VI. 4. Diod. XIII. 59 относит основание города к 650 г. до н.э.

¹⁰ Amyx 1988, 397–428; Hopper 1949, 182; Payne 1931, 22–24; Villard, Vallet 1958, 16–26.

¹¹ Payne 1931, 23, fig. 9 c.

¹² Anderson 1958–1959, 143, pl. 23, fig. 2, No 72–74, 113. См. также Cook 1985, 25–28.

¹³ Например, Amyx, Lawrence 1975, 121, 146, pl. 63, 112, No An 118, An 238.

¹⁴ Tocra I, pl. 25, No 341–350; Tocra II, 7, 13, pl. 6, No 1889–1894.

¹⁵ Hopper 1949, 185; см. также Payne 1931, 279.

¹⁶ Hopper 1949, 218.

¹⁷ Ср. CVA Hague 1, Pl. 1.10; CVA Berlin 6, Taf. 33; Афины, Национальный Археологический музей, инв. 943; 944.

¹⁸ Anderson 1958–1959, 25–28.

¹⁹ Парос, Археологический Музей, инв. 143970.

²⁰ Рим, Национальный Этрускский Музей Виллы Джулия, инв. 22679.

²¹ Лондон, Британский музей, инв. 1889. 4–18.1.

²² Берлин, Античное собрание, инв. 3773.

²³ См. Akurgal 1992, 84, fig. 1a.

²⁴ Hurwit 2002, 17.

вированы, волосы персонажей покрыты пурпуром. На арибалле МакМиллана высота фриза меньше 1 см и оставлена только одна фигурка мальчика, зато помимо зайца в качестве добычи появляется маленькая лиса или ласка. Роспись остальных ваз вообще обходится без человеческих фигурок. А следующий этап обобщения — фризы на миниатюрных котилах, в которых показаны только расплывчатые силуэты собак и зайцев, а гравировка деталей и накладные краски не применяются.

Протокоринфская керамика имела широкое распространение в Средиземноморье, особенно в его западной части. Однако она практически не известна в Северном Причерноморье. В большинстве древнейших центров этого региона наиболее ранними являются сосуды среднего коринфского периода²⁵. Несколько иная картина складывается лишь на материале из раскопок Березани, где известны котилы протокоринфского и переходного периода с линейным декором²⁶.

Еще Н.А. Сидорова писала, что из раскопок Пантикапея происходят немногочисленные фрагменты рядовых коринфских сосудов VI в. до н.э.²⁷ В последние два года, в связи с открытием ядра поселения, эта ситуация изменилась, так что мы имеем возможность анализировать новые для Северного Причерноморья типы коринфской керамики.

Литература

- Буйских А.В. 2013: Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев.
- Букина А.Г. 2010: Коринфская художественная керамика // Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Государственного Эрмитажа. Том II. [Труды Государственного Эрмитажа LIV]. СПб., 7–140.
- Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. 2012: Комплексы и напластования конца VII — середины VI в. до н.э. Находки / Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Том 2: Исследования на острове Березань в 2005 — 2009 гг. СПб., 20–41, табл. 1–55.
- Сидорова Н.А. 1962: Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 103. М., 94–148.
- Толстиков В.П., Белик Ю.Л. 2014: Отчет о раскопках Пантикапея в 2013 году. М.
- Толстиков В.П., Муратова М.Б. 2013: К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI — первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1, 176–193.
- Akurgal M. 1992: Eine protokorinthische Oinochoe aus Erythrai // IstMitt. 42, 83–96.
- Amyx D.A. 1988: Corinthian Vase-Painting of the Archaic Period / California Studies in the History of Art, 25. Los Angeles—London.
- Amyx D.A., Lawrence P. 1975: Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well / Corinth. Results of Excavations cond. by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. VII, Part II. Princeton, New Jersey.
- Anderson J.K. 1958–1959: Old Smyrna: The Corinthian Pottery // ABSA. Vol. 53/54, 138–151.
- Bîrzescu Iu. 2012: Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren / Histria. XV. București.
- Boardman J., Hayes J. 1966: Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits I / The British School at Athens. Supplementary Volumes. No 4.
- Cook J.M. 1985: On the Date of Alyattes' Sack of Smyrna // ABSA. 80, 25–28.
- CVA Berlin 6: Corpus Vasorum Antiquorum, Deutschland, Berlin, Antikenmuseum ehemals Antiquarium. Band 6 / Bearb. von C. Dehl-von Kaenel. München, 1986.
- CVA Hague 1: Corpus Vasorum Antiquorum, Pays-Bas, Musée Scheurleer (La Haye). Fasc. 1 / Par C.W. Lunsingh Scheurleer. Paris, 1927.
- Hopper R.J. 1949: Addenda to "Necrocorinthia" / ABSA. Vol. 33.
- Hurwit J.M. 2002: Reading the Chigi Vase // Hesperia. Vol. 71, No 1, 1–22.
- Payne H.G.G. 1931: Necrocorinthia. Oxford.
- Payne H.G.G. 1940: Perachora. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology at Athens (1930–1933). Oxford.

²⁵ Буйских 2013, 187.

²⁶ Букина 2010, 30.

²⁷ Сидорова 1962, 139.

- Sezgin Yu.* 2004: Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries / Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archeological Museum of Abdera. Abdera, 20–21 October 2001 / A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Tzannes and Y. Ersoy (Eds). Thessaloniki, 169–183.
- Villard F., Vallet G.* 1958: La date de fondation de Sélinonte: les données archéologiques // BCH. 82, 16–26.
- Weinberg S.S.* 1941: What is Protocorinthian Geometric Ware? // AJA. 45. 1, 30–44.

PROTO-CORINTHIAN KOTYLAI FROM THE EXCAVATIONS OF PANTIKAPAION

O.Yu.Samar, N.S. Astashova

Excavations of the ancient Pantikapaion have been going on since the first half of the 19th century. For the past 70 years the Bosporan (Pantikapaion) Expedition of the Pushkin State Museum of Fine Arts has been excavating the site on a regular basis. During the 2009–2014 field seasons, a well-preserved section of the city's earliest level dating from the late 7th — first half of the 6th century BC has been uncovered for the first time. This discovery was made in the New Upper Mithridates Sector on the northern edge of the upper plateau of Mound Mithridates. A significant proportion of the materials date from the last third of the 7th century BC: Klazomenian and Lesbian amphorae of various types, North Ionian ware. This article provides an overview of this rich material and focuses on the most ancient vases found in Pantikapaion thus far — the Proto-Corinthian kotylai with hound-hunt scenes.

ТАРЕЛКИ ВОСТОЧНО-ГРЕЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ 2011–2014 ГОДОВ

(См. табл. 1–7 на вкладке)

Раскопки ГМИИ им. А.С. Пушкина на Новом Верхнем Митридатском раскопе, идущие с 2007 года, за последние четыре сезона дали большое количество восточно-греческой керамики, в целом предвительно датированной первой половиной VI в. до н.э. Значительную часть находок, особенно в 2014 г., составили фрагменты тарелок. Материал представлен только североионийской керамикой, неоднороден как по сохранности, так и по характеру росписи, однако весьма интересен в художественном отношении и особенно с точки зрения хронологии. Некоторые типы тарелок отсутствуют. Так, пока не найдено примеров росписей конца VII в. до н.э. с фризами, заполненными фигурами животных. Другие же варианты декора, напротив, насчитывают значительное число экземпляров. Но среди них много фрагментов малых размеров, так что нельзя с полной уверенностью говорить, к какой именно форме принадлежал тот или иной дошедший до нас кусочек — была то тарелка на высокой ножке или на низком кольцевидном поддоне, с прямым горизонтально отогнутым краем или с коротким вертикальным.

Всего выделено 75 фрагментов тарелок, которые делятся на две хронологические группы: первая, меньшая, датируется 600–575 гг. до н.э., вторая, охватывающая основную массу материала, относится к 580–560 гг. до н.э.

В раннюю группу, во-первых, входят фрагменты с орнаментальной росписью во фризах (табл. 1). Все они принадлежали тарелкам с прямым горизонтально отогнутым краем и неглубокой полого понижающейся к центру чашей с уплощенным дном, у всех низкий кольцевидный поддон. Снаружи и внутри поверхность покрыта плотной светлой обмазкой сероватого или желтовато-кремового тона. Основная часть росписи выполнена плотным черным лаком, только местами, в более тонком слое, при обжиге приобретшим коричневатый тон. Помимо лака использованы серо-белая краска и пурпур. Фрагмент 2013 оп. 51 (табл. 1, 1) демонстрирует схему росписи максимально полно — по отогнутому краю идет полоса «разорванного меандра», подчеркнутого сверху и снизу полоской лака, по вертикальной кромке края — широко расставленные короткие лаковые мазки. В центральном медальоне, на дне тарелки, «цветок» из чередующихся бутонов и лепестков ромбовидной формы, выше широкий кольцевой фриз с бутонами и цветами лотоса, соединенными внизу дугами стеблей; между ним и орнаментом края по черному лаку положены полосы пурпура, обрамленные узкими белыми линиями. По контрасту с внутренней стороной роспись наружной подчеркнута лаконично — две лаковые полосы одна подле другой в верхней части стенок, одна в середине и еще одна вокруг кольцевидного основания. На остальных фрагментах эта схема читается в большей (2013 оп. 64, 2014 оп. 13, 2014 оп. 205 — табл. 1, 2–4) или в меньшей (2013 оп. 10, 2014 оп. 81, 2014 оп. 165, — табл. 1, 5–7) степени.

К фрагментам, найденным недавно на Новом Верхнем Митридатском раскопе, можно добавить еще три с аналогичным декором из раскопок Музея предыдущих лет. Характерно, что все они были найдены недалеко от места нынешних работ: один на Восточном раскопе в сезоне 1973 года (М–73 В I/9–10, № 383)¹, второй — на Новом Верхнем Митридатском в 1979 году (М–79 НВМ 18/2–3 № 74)², третий — на Верхнем Митридатском раскопе в 1952 году (М–455)³; правда, последний относится к иному типу тарелок — не с горизонтально отогнутым краем, но с коротким вертикальным.

¹ CVA Pushkin Museum 8, pl. 31, 1.

² CVA Pushkin Museum 8, pl. 31, 3.

³ CVA Pushkin Museum 8, pl. 31, 2.

Тарелки с фризом цветов и бутонов лотоса широко распространены по Средиземноморью⁴, встречаются они и в Северном Причерноморье. Один из лучших примеров — тарелка, найденная на Березани в 1971 г.⁵, к нему можно добавить ряд фрагментов из раскопок там же в последние годы⁶. Есть примеры подобных росписей и среди находок в Ольвии⁷.

Второй тип декора, характерный для первой четверти VI в. до н.э., — с так называемым «триглифно-метопным» фризом (табл. 2). Он хорошо известен по находкам североионийских тарелок в разных центрах Средиземноморья, но в раскопках Пантикапея пока представлен единичными примерами. От росписи одной тарелки (2014 оп. 161 — табл. 2, 1) сохранилась малая часть фриза, в котором цветы лотоса чередовались с группами вертикальных язычков (уцелел тонкий конец одного лепестка и значительная часть семи язычков). В отличие от большинства тарелок рассматриваемого периода, наружная сторона этой была покрыта не обмазкой, но черным лаком, с двумя пропущенными полосами в верхней части. В Пантикапее в 1974 г. на Восточном раскопе были найдены еще два фрагмента тарелок⁸, на которых сохранилась верхняя часть группы язычков от подобного «триглифно-метопного» фриза, исполненных, однако, более тщательно и аккуратно, нежели на фрагменте 2014 г.

Композиции с чередующимися цветами лотоса и группами язычков представлены на фрагментах тарелок, найденных в Ольвии⁹, а также в Навкратисе¹⁰ и в святилище Деметры в Катании¹¹. А.В. Буйских, М. Венит и А. Паутассо относят их к первой четверти VI в. до н.э., У. Шлотцауер — ко второй четверти столетия.

Помимо названных выше, в фондах Отдела хранится еще только один фрагмент с «триглифно-метопным» фризом, правда, иного типа, найденный в 1949 году на Верхнем Митридатском раскопе (М-арх 232)¹². Здесь растительные мотивы заменены геометрическими: в «метопах», чередуясь, заключены темный прямоугольник или светлое поле с крестообразно расположенными штрихами, отмечающими середину каждой из его сторон, но не сходящимися в центре. Н.А. Сидорова датировала этот фрагмент второй четвертью VI в. до н.э. Близкую композицию — «метопы» с темным квадратом в центре, разделенные двумя вертикальными линиями, — демонстрирует фрагмент тарелки, найденной в Навкратисе, где этот декор сочетается с традиционным «разорванным меандром» по краю и группой из волнистой и прямых линий в верхней части стенки. Датирован фрагмент первой четвертью VI в. до н.э. и предположительно является продукцией Теоса¹³. К этому же времени относится еще один пример, также из раскопок Навкратиса, где «триглифно-метопный» фриз идет по краю тарелки; здесь в «метопах» чередуются темные квадраты и т. н. quatrefoil — четырехлепестковый «цветок» с точкой в каждом лепестке¹⁴.

Последний мотив особенно интересен для нас в связи с еще одной находкой на Новом Верхнем Митридатском раскопе — фрагментом тарелки с коротким вертикальным краем, достигавшей в диаметре 28 см (2013 оп. 115 — табл. 2, 2). Роспись ее необычна — «триглифно-метопных» фризов здесь два. Первый, как и в навкратийском фрагменте, занимает место традиционно идущего по краю орнамента «разорванного меандра». Он также разделен на «метопы» парными вертикальными линиями, и внутри каждой — аналогичный «цветок» с четырьмя лепестками. Под этим фризом располагался еще один, от которого уцелело три вертикальных прямых лепестка почти полностью и краешек четвертого; они, чередуясь, были исполнены пурпуром и лаком. В обломе фрагмента справа сохранилась незначительная часть розетты — две маленькие точки и сегмент лакового пятна между ними.

⁴ Fairbanks 1928, pl. XXXV, 324.7, 323.6; Schaus 1985, pl. 22, No. 363; Venit 1988, pl. 25, No 89–91; Dehl 1995, Taf. 64. No 3511; Taf. 65 No 3561, 3563 a, b; Pautasso 2009, tav. B, No 144.

⁵ Борисфен — Березань 2005, № 60 (инв. Б71.60).

⁶ Ильина, Чистов 2012, табл. 19, 4, 5, 7.

⁷ Буйских 2013, рис. 44, кат. 3. 221; 3. 223.

⁸ CVA Pushkin Museum 8, pl. 33, 4.

⁹ Буйских 2013, рис. 45, кат. 3.226.

¹⁰ Fairbanks 1928, pl. XXXV, 323. 5; Venit 1988, pl. 27, No 101 (Alexandria 17240); pl. 29, No 113 (Alexandria 9351); Schlottzauer 2012, Taf. 4, Abb. e-f, Nau 18, 19.

¹¹ Pautasso 2009, tav. B, No 147, 160.

¹² CVA Pushkin Museum fasc. 8, pl. 31. 5.

¹³ Schlottzauer 2012, Taf. 6, Abb. e-f, Nau 25 (Br.Mus. GR 1924.12-1.1107).

¹⁴ Venit 1988, pl. 21, no.74 (Alexandria 17166).

Орнаментальный мотив в виде квадрата с четырехлепестковым «цветком» встречается не так часто. На Восточном раскопе горы Митридат в 1975 году был найден совсем небольшой (4,5 × 2,3 см) фрагмент края тарелки с подобным фризом из квадратов с «цветком» и разделяющих их парных вертикальных линий¹⁵. Н.А. Сидорова, датировав его первой половиной VI в. до н.э., указала, что такой «цветок» есть на некоторых североионийских сосудах, в частности, на фрагменте крышки из Истрии он включен в полосу, обрамляющую фриз с бегущими козлами¹⁶. Этот же орнамент сходным образом использован на фрагментированном закрытом сосуде из раскопок датской археологической экспедиции в сирийском Телль Сукасе; автором публикации он датирован второй четвертью VI в. до н.э.¹⁷ Там же было найдено два фрагмента тарелок, в декоре которых использован подобный quatrefoil¹⁸. Наконец, в собрании Гос. Эрмитажа хранится фрагмент тарелки из раскопок Березани (Б74–5), по краю которой идет орнамент меандра, прерываемого квадратом с этим же «цветком»¹⁹.

Второй фриз, из чередующихся групп язычков и розетт, более привычен, но в данном случае также имеет свои особенности. Уцелевшая в обломе фрагмента малая часть розетты была составлена из довольно крупных круглых лепестков и мелких точек между ними, сердцевинной ей служила лаковая точка, обрамленная одним-двумя концентрическими кругами. Именно такие розетты использованы в росписи фрагментов тарелок из раскопок святилища в Селинунте²⁰ и из Навкратиса, причем последний, возможно, следует связать с клазоменским производством (KlazAI/II) (?)²¹.

«Триглифно-метопный» фриз с чередующимися розеттами и группами вертикальных язычков встречается на целом ряде тарелок первой четверти VI в. до н.э. Так, на Березани найдено несколько подобных примеров, в том числе в сезоне 2006 года — фрагментированная тарелка с близкой схемой росписи²²; правда, на ней ниже края идет традиционный мотив «разорванного меандра», но под ним фриз, в котором группы из 7 прямых язычков чередовались с ромбами и розеттами; центр тарелки занимала большая розетта из 15 (?) лепестков. Датирована березанская тарелка 600–575 гг. до н.э. К этому же периоду (590–570 гг. до н.э.) Г. Шаус отнес найденный при раскопках Кирены фрагмент тарелки с меандром по краю и расположенным ниже фризом, от которого сохранились точечная розетта и группа из трех прямых листочков²³.

Приведенные выше параллели позволяют остановиться на первой четверти VI в. до н.э. как наиболее вероятной дате московского фрагмента 2013 оп. 115.

Третий вариант декора представлен двумя фрагментами средней части чаши: в медальоне остроконечные бутоны чередуются с группами из трех язычков, они исполнены лаком или пурпуром (табл. 2, 3–4); в одном случае (2013 оп. 106) медальон обрамляет волнистая полоса, во втором (2013 оп. 107) — ряд точек, причем его наружная сторона не покрыта ни обмазкой, ни лаком. К сожалению, для первого фрагмента невозможно определить тип ножки; у второго сохранилась незначительная часть кольцевидного поддона.

Комбинация из бутонов и групп язычков встречается на ряде фрагментов из раскопок Ольвии и Березани, они отнесены авторами публикаций к первой четверти VI в. до н.э.²⁴ Первой третью этого столетия датирована фрагментированная тарелка из святилища в Селинунте с необычно узкими и длинными концами бутонов²⁵. В то же время Г. Шаус отнес фрагмент тарелки из раскопок Кирены с очень близким мотивом в центре дна ко времени между 580 и 560 гг. до н.э.²⁶, опираясь на аналогичную композицию фрагмента из Токры²⁷. Следует отметить, что прежде фрагментов тарелок с подобной росписью в раскопках Пантикапея не встречалось.

¹⁵ CVA Pushkin Museum 8, pl. 35, 5.

¹⁶ Samos VI,1, Taf. 116, No 963.

¹⁷ Ploug 1973, pl. VIII, No 154.

¹⁸ Ploug 1973, pl. XV, No 290-291.

¹⁹ Posamentir, Solovyev 2007, Abb. 1b, No 26.

²⁰ Dehl 1995, Taf. 65, No 3553.

²¹ Schlottzauer 2012, Taf. 8, Abb. a-b, Nau 31, S. 89-90 (Br. Mus. GR 1924.12-1.31).

²² Борисфен — Березань 2005, № 61 (инв. Б383); Ильина, Чистов 2012, табл. 28, 3 (инв. БЭ 2006.46/234).

²³ Schaus 1985, pl. 19, No 331.

²⁴ Буйских 2013, рис. 45, 3, кат. 3. 232; Ильина, Чистов 2012, табл. 38, 6.

²⁵ Dehl 1995, Taf. 64, No 3507.

²⁶ Schaus 1985, pl. 23, No 392.

²⁷ Tocra I, pl. 34, No 633.

Вторая, бо́льшая группа фрагментов, датируется 580–560 гг. до н.э. В ней представлены обломки тарелок разных типов: на высокой ножке, на низком кольцевидном поддоне, с прямым горизонтально отогнутым краем или с коротким вертикальным. Чаще всего внутренняя сторона тарелки расписана по одной схеме: по краю орнамент «разорванного меандра»; ниже, в верхней части стенки — широкое поле черного лака, по середине которого проложена полоса пурпура, обрамленная тонкими линиями белой краски; донце занимает медальон, выделенный чаще всего одной-двумя тонкими лаковыми линиями и заполненный крупным «цветком» из чередующихся округлых бутонов с острым кончиком и ромбовидных листочков; сердцевиной его служит круг лака, обрамленный двумя-тремя концентрическими кругами. В зависимости от размера тарелки число лепестков и бутонов может варьироваться от 6 до 12, меняется и количество концентрических колец сердцевин «цветка». Датировка подобных тарелок опирается, прежде всего, на данные закрытого комплекса в Токре, где было найдено 50 целых и фрагментированных тарелок с подобной росписью.

Тарелки на высокой ножке, с цилиндрическим стержнем, слегка расширяющимся к невысокому коническому основанию (табл. 3), представлены находками 2014 года — фрагментированной чашей с корнем такой ножки (2014 оп. 188 — табл. 3, 1) и четырьмя фрагментами самих ножек с очень незначительной частью расписного донца, декор которого — более или менее полно сохранившиеся лепестки и бутоны «цветка» с круглой сердцевинкой (2014 оп. 65, 2014 оп. 47, 2014 оп. 68, 2014 оп. 150 — табл. 3, 2–5). Стержень и основание ножки сплошь покрыты светлой обмазкой, по которой жидким лаком желтовато-коричневых или сероватых тонов нанесены редкие полосы. Из находок прошлых десятилетий к этой группе фрагментов можно добавить еще два, 1945 и 1975 годов, первый (М–45 Ст. оп. 139) обнаружен у памятника Стемповскому, второй (М–75 В оп. 676) — на Восточном раскопе. Лучшими аналогиями данному типу сосудов могут служить две почти идеально сохранившиеся тарелки из раскопок Березани²⁸.

Бо́льшим числом фрагментов представлены тарелки с аналогичной композицией на дне — чередующиеся округлые остроконечные бутоны и ромбовидные лепестки, но на кольцевидном поддоне. Полный профиль дают только два фрагмента (2013 оп. 8, 2014 оп. 18 — табл. 4, 1–2); оба они принадлежали тарелкам с прямым горизонтально отогнутым краем. Еще несколько фрагментов относятся к средней части подобных тарелок, где от росписи уцелели нижние части бутонов и лепестков и сердцевина «цветка» (2013 оп. 11, 2012 оп. 5, 2014 оп. 128, 2012 оп. 4 — табл. 4, 3).

Кроме того, небольшую группу составляют фрагменты края и прилегающей части стенки, на которой видны концы бутонов и лепестков центрального «цветка»; среди них есть как тарелки с прямым горизонтальным краем (2011 оп. 6, 2014 оп. 167, 2014 оп. 80, 2014 оп. 135 — табл. 4, 4–5), так и с коротким вертикальным (2013 оп. 213, 2014 оп. 11, 2014 оп. 129, 2014 оп. 190 — табл. 5, 1–4).

Значительно больше сохранилось фрагментов края с частью стенки, к сожалению, слишком маленькой, чтобы хотя бы предполагать форму ножки и тип декора в медальоне; среди них также представлены оба варианта — с прямым горизонтально отогнутым краем (2012 оп. 91, 2014 оп. 172, 2014 оп. 200, 2014 оп. 127, 2014 оп. 136, 2014 оп. 137, 2012 оп. 55, 2012 оп. 88, 2014 оп. 46, 2014 оп. 82, 2014 оп. 78, 2013 оп. 9) и с коротким вертикальным (2013 оп. 102, 2014 оп. 50, 2014 оп. 109, 2014 оп. 149, 2014 оп. 160).

При общей схеме росписи ширина полос лака и краски в верхней части стенок варьируется, иногда они «раздвигаются», и между ними появляются светлые пропущенные полосы в цвете обмазки. Кроме того, даже в росписи одного сосуда нередко используется лак разной плотности, который при обжиге приобретает оттенки от плотного черного до светло-коричневого и полупрозрачного золотистого, благодаря чему многие фрагменты выглядят очень нарядными, а одна и та же композиция смотрится по-разному.

Пантикапейские тарелки рассматриваемой группы находят многочисленные параллели по всему Средиземноморью. Самые ранние их примеры относятся исследователями к началу VI в. до н.э., но основная масса датируется между 580–560 гг. до н.э.²⁹

Описанная схема росписи может слегка изменяться за счет ввода дополнительных элементов. Так, в нескольких фрагментах медальон обрамлен полосой небольших точек (2014 оп. 125, 2014 оп. 79, 2014 оп. 188, 2011 оп. 51 — табл. 5, 5–6), причем в роспись последнего введены еще и мелкие

²⁸ Борисфен — Березань 2005, №№ 62, 63 (инв. Б52, Б89. 37).

²⁹ Ильина, Чистов 2012, 24.

крестообразные мазочки между удлинёнными концами лепестков и бутонов. Полоса точек вокруг медальона встречается на тарелках различного типа и с разным центральным мотивом³⁰, но она, кажется, не получила особого распространения.

Наряду с «цветком» из бутонов и лепестков медальон тарелки может занимать большая розетка с множеством узких прямых листочков. В собрании Музея она представлена всего одним образцом (2013 оп. 52 — табл. 5, 7), да и в целом этот мотив, видимо, также был не столь популярен. Аналогичные композиции известны на фрагментах из раскопок Навкратиса³¹, Кирены³² и Ольвии³³ и датируются довольно широко — от 590/570 гг. до н.э. (Шаус) до первой половины — середины VI в. до н.э. (Буйских).

Мотив центрального «цветка» или розетки обыгрывается вазописцами многократно. Не все существующие варианты представлены среди пантикапейских находок последних лет. Но помимо уже названных, несомненно, следует выделить еще один тип тарелок (2013 оп. 161, 2014 оп. 212, 2014 оп. 131, 2014 оп. 9 — табл. 6, 1–4). В нем поверхность всех фрагментов с обеих сторон покрыта обмазкой и декорирована полосами. Снаружи, исполненные лаком разной плотности, они расположены на равном расстоянии друг от друга. Внутри широкой полосой выделен край, под ним узкая лаковая линия, за которой до медальона в центре также ритмично идут полосы лака. В медальоне (в одном случае он сохранился почти целиком, еще в двух — только частично) располагалась розетка, напоминающая звезду, с узкими прямыми и широко расставленными лепестками.

Тарелки с подобным декором в Северном Причерноморье, помимо Пантикапея, найдены на Березани³⁴, в Ольвии³⁵; встречаются они и на Самосе³⁶. Все имеют широкую неглубокую чашу со слегка загнутым вовнутрь коротким краем и высокую ножку; датируются достаточно широко — от первой четверти до первой половины VI в. до н.э.; по замечанию Ю.И. Ильиной, эти тарелки «близки продукции, связываемой с эолийскими мастерскими»³⁷.

Абсолютное большинство тарелок рассматриваемых типов по краю декорировано орнаментом «разорванного меандра». Но и здесь встречаются свои вариации. Выше уже приводились отдельные примеры первой четверти VI в. до н.э., где этот мотив заменялся «триглифно-метопным» фризом. В группе, датируемой 580–560 гг. до н.э., его место иногда занимает волнистая полоска.

Среди находок на Новом Верхнем Митридатском раскопе есть три подобных примера. Это фрагменты тарелок с прямым горизонтально отогнутым краем (2012 оп. 90, 2013 оп. 103, 2013 без № — табл. 7, 1–3). Снаружи ниже края положены три полосы лака близко друг к другу, еще одна идет по средней части стенки. Внутри поверхность покрыта обмазкой, по которой исполнена роспись: волнистая полоса края обрамлена сверху и снизу тонкой линией лака, пространство между ней и медальоном залито лаком, в середине этого поля полоса пурпура, подчеркнутая линиями белой краски. К сожалению, все фрагменты невелики по размерам, донная часть их не сохранилась, только в одном случае (2013 оп. 103) в самом обломе уцелело несколько точек, образовывавших полосу, когда-то обрамлявшую медальон.

Такая же комбинация (волна по краю и точки вокруг медальона) есть на фрагментах тарелок из раскопок Кирены³⁸; только волнистая полоска присутствует на фрагментах в собрании музея в Гейдельберге³⁹ и среди находок в Телль Сукасе⁴⁰.

Последняя группа фрагментов, найденных на Новом Верхнем Митридатском раскопе — от небольших тарелочек с плоским отогнутым краем и прилегающей частью стенки чаши, довольно мелкой в двух случаях (2013 оп. 194, 2014 оп. 221) и более глубокой в трех других (2014 оп. 105, 2014 оп. 106, 2014 оп. 111) (табл. 7, 4–8). Наружная их сторона лишена декора или обмазки, лишь

³⁰ Fairbanks 1928, pl. XXXV, 323. 4; Точка I, pl. 34, No 633; Schaus 1995, pl. 22, No 371; Pautasso 2009, tav. VIII, No 150.

³¹ Fairbanks 1928, pl. XXXV, 324. 8.

³² Schaus 1995, pl. 22, No 372; 25, No 411.

³³ Буйских 2013, 63, рис. 43, 3, кат. 3.213.

³⁴ Ильина, Чистов 2012, табл. 19, 6 (инв. БЭ 2005.22/162); 44, 5 (инв. БЭ 2007.19/178).

³⁵ Буйских 2013, 70, рис. 48, кат. 3.245.

³⁶ Samos IV, 123, Taf. 32, No 243.

³⁷ Ильина, Чистов 2012, 27.

³⁸ Schaus 1995, pl. 23, No 385–386.

³⁹ CVA Heidelberg 1, Taf. 2, 10 (inv. I 17).

⁴⁰ Ploug 1973, pl. XV, No 288.

однажды (2013 оп. 194) переход от края к тулову отмечен двумя полосками темно-коричневого лака. Отогнутый край покрыт обмазкой (2013 оп. 194, 2014 оп. 221), покрашенным лаком (2014 оп. 105, 106) или оставлен незакрашенным (2014 оп. 111), по нему ритмично расположены группы из четырех вертикальных штрихов, исполненных красно-коричневой или белой краской; на стенках самой чаши — одна-две полосы темно-коричневого лака разной ширины.

Первый фрагмент с аналогичным декором был найден в Пантикапее на Верхнем Митридатском раскопе еще в 1949 году; Н.А. Сидорова отнесла его ко второй половине VI в. до н.э., опираясь на датировку близкого сосуда из Истрии⁴¹. Сегодня подобные неглубокие тарелочки, встречающиеся во многих Средиземноморских центрах, датируются начиная с 580 г. и до середины VI в. до н.э.⁴²

Рассмотренная группа фрагментов представляет собой только малую часть находок восточно-греческой керамики, обнаруженной в ходе работ на Новом Верхнем Митридатском раскопе. Но даже такой ограниченный материал наглядно свидетельствует, что уже в начале VI в. до н.э. в Пантикапее присутствует довольно большое количество керамики, характерной для указанного времени, и в следующие десятилетия оно будет только возрастать. С другой стороны, на раскопах, лежащих ниже по склону, за прошедшие десятилетия работ было обнаружено сравнительно небольшое число сколько-нибудь выразительных фрагментов тарелок, и происходят они главным образом с ближайших к Новому Верхнему Митридатскому раскопу Восточного и Верхнего Митридатского участков. Такая разница в распределении материала может рассматриваться как еще один аргумент в пользу уже высказывавшегося исследователями предположения о важнейшей роли верхнего плато горы Митридат в начальный период существования Пантикапея⁴³.

Литература

- Борисфен — Березань 2005: Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж 23 июня — 11 сентября 2005 г. / С.Л.Соловьев (ред.). СПб.
- Буйских А.В. 2013: Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев.
- Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. 2012: I. Ранний период (конец VII – первая половина VI в. до н.э.). Находки; II–А. Античный город на Березани. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб., 20–41; 63–73.
- Dehl- von Kaenel Ch. 1995: Die archaische Keramik aus dem Malophoros–Heiligtum in Selinunt. Berlin.
- Fairbanks A. 1928: Catalogue of Greek and Etruscan Vases. I. Early Vases, Preceding Athenian Black-Figured Ware. Boston—Cambridge (Mass.).
- Pautasso A. 2009: Stipe votiva del santuario di Demetra a Catania. La ceramica Greco-Orientale. Catania.
- Ploug G. 1973: Sukas II. The Aegean, Corinthian and Eastern Greek Pottery and Terracotas. København.
- Schaus G.P. 1995: The East Greek, Island and Laconian Pottery // The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya. Final Reports. Vol. II. / D. White (ed.). Philadelphia.
- Schlotzhauer U. 2012: Untersuchungen zur archaischen griechischen Keramik aus Naukratis // Griechische Keramik des 7. und 6. Jhs.v.Chr. aus Naukratis und anderen Orten in Ägypten. Archäologische Studien zu Naukratis III / U. Hökmann (Hrsg.). Worms, 23–194.
- Tugusheva O., Tolstikov V. 2014: Excavations at Panticapaeum // Cahiers du CVA France, fasc. 2. P., 285–299.
- Venit M.S. 1988: Greek Painted Pottery from Naukratis in Egyptian Museums. Winona Lake, Ind.

⁴¹ CVA Pushkin Museum 8, 69, pl. 37, 3.

⁴² Ploug 1973, pl. XV, No 307; Schaus 1995, pl. 24, No 407-409; Tocra I, pl. 37, No 682-697; Ильина, Чистов 2012, табл. 28, 5 (инв. БЭ 2008.23/179).

⁴³ Подробнее см. Tugusheva, Tolstikov 2014.

EAST GREEK PLATES FROM THE EXCAVATION OF PANTIKAPAION: FIELD SEASONS 2011–2014

Tugusheva O.V.

The excavations carried out in the New Upper Mithridates Sector during the last four field seasons (2011–2014) have yielded a large quantity of East Greek pottery, which is generally dated to the first half of the 6th century BC. A significant proportion of the finds consisted of the plate fragments. The material includes only North Ionian pottery; it is particularly interesting from the point of view of chronology.

Altogether 75 plate fragments have been identified, which can be divided into two groups. The first, smaller group, dates from 600–575 BC. It consists of fragments with two zones of decoration: a lotus and bud frieze or a metope-triglyph ornament and a central floral pattern, and a bud-tongue pattern in the medallion. Alongside the standard decorative motifs, less common ones also appear, such as a square with a so-called quatrefoil.

The second group, which accounts for the bulk of the material, dates from 580–560 BC. It consists of fragments of stemmed plates or plates with a low ring base, with a broad horizontal rim or a short vertical one. In addition to the traditional floral pattern in the center of the plate, stripes of glaze, added purple and white in the upper part of the wall and key pattern on the rim, less common motifs are also encountered: wave pattern on the rim, a row of dots around the medallion and so on.

Comparisons with similar materials found in other sectors of the Mound Mithridates demonstrate that the vast majority of the North Ionian plates dating from 600–560 BC originate precisely from the New Upper Mithridates Sector. The difference in distribution of the material can be regarded as yet another argument in favor of the suggestion that the Upper plateau of the Mound Mithridates played a major role during the initial period of Pantikapaion's existence.

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ РАННЕГО ПАНТИКАПЕЯ – ВОТИВНЫЕ ПОДНОШЕНИЯ*

(См. рис. 1–2 на вкладке)

Уж много дней рекою Океаном
Навстречу дню, расправив паруса,
Мы бег стремим к неотвратимым странам...
Максимилиан Волошин,
Одиссей в Киммерии, 17 октября 1907

В процессе работ, проводимых Боспорской археологической экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина на Новом Верхнем Митридатском раскопе городища Пантикапей в 2010–2013 г., было открыто одиннадцать фрагментов терракотовых протом, статуэток и фигурных сосудов, происходящих из архаических слоев (рис. 1, 1–11).

Изготовленные из глины, сотнями оттиснутые в формах, терракоты являлись недорогими, а потому и самыми доступными дарами. Принесенные в храм или святилище, они, наряду с другими многочисленными ритуалами, способствовали установлению и поддержанию отношений между смертными и богами по принципу *do ut des*¹. Возможно, именно их дешевизной можно объяснить почти полное отсутствие информации о глиняных фигурках в литературных и эпиграфических источниках, где гораздо чаще упоминаются единичные дорогостоящие посвящения из мрамора и бронзы².

Рассматриваемые фрагменты статуэток найдены в перемещенных слоях, что не позволяет с уверенностью соотнести их с конкретными строительным комплексами. Однако, как и большинство архаических терракот, они были предназначены для отправления культов общественного или частного характера.

Наиболее ранняя статуэтка открыта в горизонте, датированном концом VI — началом V в. до н.э. От нее сохранился фрагмент лица: правый глаз и прядь волос (рис. 1, 6; Пан–2012, оп. № 44). Терракота изготовлена из тщательно отмученной глины коричневого тона с примесью слюды. Лицевая сторона оттиснута в хорошо профилированной форме. Детали доработаны стеклом, на поверхности прослежены следы белой грунтовки под краску. Четкий рисунок миндалевидного глаза с мягко моделированной бровью и тонкие параллельно лежащие волны прически указывают на восточно-греческое происхождение. Аналогичные целые статуэтки (рис. 2, 7–8) представляют собой погрудное или в полный рост изображение девушки³. Она одета в ионийский хитон и гиматий, длинные волнистые волосы разделены на прямой пробор и собраны повязкой. Персонаж держит что-то в одной руке — по всей вероятности, голубя. Свободной рукой девушка слегка отводит хитон в сторону, воспроизводя жест, хорошо знакомый по мраморным фигурам ионийских и афинских кор⁴. Возникший в восточной Греции в начале второй четверти VI в. до н.э., этот иконографический тип стал одним из наиболее востребованных в мелкой пластике, просуществовав вплоть до начала V в. до н.э. Замещая голубя в руках девушки гранатом, цветком или ланью, мастера изменяли интерпре-

* Авторы присоединяются к *хору* поздравлений и выражают искреннюю признательность юбиляру за бесценный многолетний опыт, полученный ими на раскопках Пантикапея.

¹ Burkert 1985, 66–75.

² Uhlenbrock 1992, 16.

³ Размер этих статуэток варьируется от 16 до 27 см.

⁴ Higgins 1954, 45–46; pls. 10, 12, 13, 57; Higgins 1967, pl. 13. Пример мраморной скульптуры данного типа (кора с птицей в руке), датированный между 550–525 гг. до н.э., происходит из Милета (Berlin Antikensammlung, 1574): см. Buschor 1935–1960, Heft I, No. 125.

тацию статуэтки⁵. Наряду с традиционной трактовкой персонажа как богини, прижимающей к груди характерный для нее атрибут, Р.А. Хиггинс предлагает видеть в изображенной фигуре адоранта, приносящего свой дар: фрукт, птицу или животное⁶.

Небольшая толщина рассматриваемого фрагмента позволяет предположить, что статуэтка была полый и, как множество подобных терракот являлась арибаллом (сосудом для благовоний) или его имитацией⁷. Стилистически близкие терракоты происходят из некрополей Южной Ионии, Камира (Родос), Навкратиса, Эретрии, Сиракуз, Селинунта⁸, где время их бытования определено периодом с 540–520 до 500 гг. до н.э.

Упрощенный вариант данного типа представляет найденная в этом же слое фигурка стоящей девушки с голубем в правой и опущенной вдоль тела левой рукой (рис. 1, 11; Пан–2012, оп. № 31). Сохранилась лицевая сторона статуэтки, голова и ступни утрачены. Терракота изготовлена из малоазийской однородной глины светло-коричневого тона в слабо профилированной форме. Абрисом переданы грудь, руки, а также спускающиеся на плечи косы и птица. Фигура покрыта белой обмазкой и окрашена в красный цвет. Принимая во внимание все вышеперечисленное, рассматриваемый экземпляр следует датировать началом V в. до н.э.⁹ Подобные статуэтки, выполненные с различной степенью детализации, производились в это время и боспорскими коропами¹⁰.

По всей вероятности, к концу VI в. до н.э. относятся открытые в этом же горизонте фрагменты шеи и правого плеча массивной мужской фигуры (рис. 1, 7а, б; Пан–2012, оп. № 13). Несмотря на плохую сохранность статуэтки, технология ее производства очевидна. Она была изготовлена в двух профилированных матрицах из однородной светло-коричневой глины. После соединения деталей лицевой и тыльной стороны швы были тщательно заглажены; пряди волос вылеплены от руки и проработаны стеклом. На целых терракотах, размер которых варьируется от 6 до 15 см, полный молодой и, как правило, безбородый мужчина стоит на полусогнутых ногах (рис. 2, 1). Непропорционально большая голова почти сливается с туловищем. Черты лица трактованы схематично. Часть волос уложена вдоль лба в виде валика из плотно скрученных фестонов, остальная масса заплетена в тонкие косички, заправлена за уши и спадает на плечи и шею. Большая грудь и толстые жировые складки на спине и животе придают фигуре рыхлость. Руки не отделены от тела и сложены спереди.

Подобные статуэтки, прозванные в литературе «тучными демонами», появились в архаический период в Восточной Греции, откуда распространились повсеместно. Фрагменты терракоты такого же типа, но более крупных размеров, были найдены и в пантикапейской мастерской V в. до н.э., открытой в 1962 г. на Новом Эспланадном раскопе¹¹. Формы для их производства, так же как и в вышеописанном случае, применяли для изготовления арибаллов¹².

Ш. Блинкенберг предположил, что данный персонаж представляет собой египетское синкретическое божество Пта-Сокар-Осириса¹³. В современной литературе более распространено мнение, что статуэтки изображают эллинизированную версию египетского Беса, олицетворяющего изобилие и плодородие¹⁴. Судя по количеству сохранившихся фрагментов, этот иконографический тип был необычайно популярен в Средиземноморье¹⁵.

⁵ Olynthus, XIV, pl. 108, 364; Higgins 1954, pl. 10; Paul 1959, Taf. 22, 69. Варьируется не только животное/птица/предмет, но некоторые особенности позы: иногда используется правая рука, иногда — левая. На двустороннем арибалле в коллекции музея Метрополитан девушка держит птицу обеими руками (MMA 30.11.6).

⁶ Higgins 1954, 45.

⁷ О роли духов и ароматных масел в античности, см., например, Dierichs, Siebert 2006; Арсентьева, Ананич 2007. О культовом использовании благовоний в различных ритуалах, см. Goldstein 1978, 1–3; Burkert 1985, 108, 241.

⁸ Higgins 1954, 48.

⁹ Olynthus, XIV, pl. 108, 364; Paul 1959, Taf. 22, 69.

¹⁰ Кобылина 1974, 47, табл. 58, 5.

¹¹ Кобылина 1974, 49, табл. 57, 3.

¹² См. MMA 1993.11.4.

¹³ Blinkenberg 1931, 559–560.

¹⁴ Mertens 1992–1993, 10.

¹⁵ Хиггинс называет этот тип карликом (“dwarf”). Подобные статуэтки и арибаллы были найдены в большом количестве на Родосе (Камир), Мелосе, Эфесе, Сиракузах: Higgins 1954, 56–58. Известны также несколько подвариантов этого типа — с обезьянкой или с маленьким человечком на плече: Higgins 1954, pls. 18, 88; 18, 93; Winter 1903, Taf. 213, 1–6.

Другой тип, не менее распространенный в архаический период, воспроизводит фрагментированная статуэтка, происходящая из слоя конца VI в. до н.э. (рис. 1, 1; Пан–2011, оп. № 34). Сохранилась лицевая сторона женской головы: округлое лицо с большими выпуклыми глазами и тонко очерченными веками, толстым коротким носом, небольшим ртом с несколько приподнятыми уголками полных губ и маленьким, выступающим вперед подбородком. Волосы разделены на прямой пробор над лбом и убраны за уши; выше на голове они скреплены повязкой. Несколько длинных скрученных прядей спускаются на плечи, основная часть волос волнистой массой падает на спину. Целые фигурки изображают стоящую женщину с низко посаженной головой и опущенными вдоль тела руками. На ней длинный, достигающий до щиколоток легкий ионийский хитон, сложенный спереди в складку. Сверху надет гиматий, верхний край которого пропущен под правой рукой и застегнут на левом плече¹⁶.

Э. Бушор предположил, что моделью для этих терракот послужила найденная на Самосе статуя малоазиатского производства, изображающая идущего юношу и отличающаяся от описанных фигурок только прической.¹⁷ Дата ее создания — 550–540 г. до н.э. — служит *terminus post quem* для периода бытования терракот этого типа. В результате совместной находки на Родосе аналогичной статуэтки и чаши, расписанной в стиле Эпиктета, верхняя граница определяется концом VI в. до н.э.¹⁸ Подобные терракоты также открыты в Финикии (Тортоза), на Родосе, Фере, Самосе, в Акраганте и Мегаре Гиблейской¹⁹. В Северном Причерноморье они найдены в горизонте последней четверти VI — начала V в. до н.э.²⁰

Статуэтка, открытая в верхнем слое заполнения архаического дома, изображает богиню, торжественно восседающую на троне с горизонтальными выступами (рис. 1, 2; Пан–2011, оп. № 35). Сохранилась верхняя часть фигуры; утрачены лицо, левая половина бюста и правый выступ кресла. Терракота изготовлена из однородной, с мелкими блестками слюды, желтоватой аттической глины в двух матрицах. Лицевая сторона оттиснута в профилированной, тыльная — в немоделированной форме; терракота сплошная. Доработка деталей стеком не прослежена, на поверхности остались следы бурой и коричневой краски.

Аналогичные целые статуэтки представляют женщину в stefane, поверх которой наброшен край спадающего на спину покрывала (рис. 2, 2–3).²¹ Опущенные на колени руки не отделены от тела. Узкий ионийский хитон плотно облегает фигуру, сквозь него проступают очертания груди и рук. Ступни ног стоят строго параллельно друг другу на прямоугольном выступе трона. Фигура представлена очень компактно, со спокойным и плавным контуром.

Тип богини на троне иконографически близок к так называемым статуям Бранхидов, которые стояли вдоль «священного пути», ведущего в храм Аполлона в Дидимах. Подобные фигурки появились в материковой Ионии, на Родосе и Самосе в середине — третьей четверти VI в. до н.э., а в конце VI в. до н.э. и в Аттике, где просуществовали до начала V в. до н.э. В период ранней архаики восточно-греческие варианты делались полыми, аттические, напротив, были сплошными. Последние экспортировались по всему Средиземноморью, вплоть до Этрурии и Леванта²².

Изучая пропорции соотношения частей тела, детали одежды и атрибуты, Р.А. Хиггинс выработал хронологическую последовательность создания этих терракот в различных мастерских²³. Так, рассматриваемая статуэтка, имеющая характерные выступы в верхней части спинки трона, датируется третьей четвертью VI в. до н.э.

Иконографически близкая ей терракота найдена в горизонте последней четверти VI — начала V в. до н.э. (рис. 1, 9; Пан–2010, оп. № 10). Сохранился верх торса, левая грудь утрачена. Судя по следам сколов, руки богини не лежали вдоль тела, а были вытянуты вперед, как на довольно редко

¹⁶ Winter 1903, Taf. 42, 5; Heuzey 1923, 76, 224, pl. XII, 5; Скуднова 1970, табл. 28, 6; Ходза 2005, 17.

¹⁷ Buschor 1935–1960, Heft III, 46–47, fig. 160–162.

¹⁸ CIRh 1931, IV, 289, fig. 319.

¹⁹ Winter 1903, Taf. 42, 5.

²⁰ Денисова 1981, 25, табл. II, а; ГЭ, № М.56–2329.

²¹ Blinkenberg 1931, pl. 96, 2137; Breitenstein 1941, pl. 13, 124; 20, 174; Higgins 1954, pl. 85, 655–658; 1967, 72; Mollard-Besques 1954, I, pl. II; Olynthus 1933, pl. 20–21.

²² Higgins 1954, 171.

²³ Higgins 1954, 175.

встречающихся аттических статуэтках²⁴. Фигурка сплошная и изготовлена из местной боспорской глины в профилированной форме в начале V в. до н.э.

К тому же универсальному типу «богини на троне» относится и фрагмент женской головы в стефане с покрывалом, открытый в слое конца VI — начала V в. до н.э. (рис. 1, 3). Фигурка формована из однородной светло-коричневой аттической глины в двух слабо моделированных матрицах и была полой внутри. Эти технологические особенности в совокупности с иконографией позволяют датировать ее концом VI в. до н.э.

К началу V в. до н.э. следует отнести фрагмент головы богини, происходящий из позднего архаического слоя (рис. 1, 4; Пан–2012, оп. № 29). Довольно широкое лицо правильной овальной формы обрамлено тремя рядами туго завитых каштановых локонов. Миндалевидные глаза слегка выпуклые, на губах застыла улыбка. Наброшенная поверх низкой стефаны накладка мерно спадает на плечи. Статуэтка изготовлена из аттической глины в двух формах: лицевая сторона оттиснута в профилированной матрице, тыльная не детализирована. На поверхности прослежены остатки белой грунтовки и красной краски.

Более тысячи фрагментов статуэток рассматриваемого типа было открыто на Афинском акрополе в ходе раскопок ботросов храмов Афины и Артемиды Бравронии²⁵. Очевидно, что они были принесены в дар богиням. Следует отметить, что большая часть этих фигурок не имеет атрибутов, позволяющих идентифицировать изображенного персонажа. Некоторые представляли Афины с рельефным или нарисованным горгонеионом²⁶ или, вероятно, Артемиду с олененком в руках (рис. 2, 2)²⁷. Это позволило Р.А. Хиггинсу предположить, что неопознанные персонажи аттического производства изображали Афины. Л.Р. Фарнелл и Д. Брук, напротив, подчеркивают, что нет никаких оснований для того, чтобы связывать этот тип с культовым изображением какого-то конкретного божества²⁸. Возможно, именно отсутствие атрибутов делало подобные статуэтки универсальными приношениями и способствовало их огромной популярности.

Поздний вариант аттического типа богини на троне представляет девушку в более свободной позе. Левой рукой она прижимает к груди предмет (цветок, птицу или яйцо), правая утрачена; ионийский хитон плотно облегает фигуру (рис. 1, 10; Пан–2013, оп. № 157). Статуэтка происходит из перемещенного слоя начала III в. до н.э. Для конкретизации ее датировки следует отметить, что со второй половины V в. до н.э. производство фигурок этого типа прекращается не только в мастерских Ионии, Аттики, но и Северного Причерноморья²⁹.

Одним из самых распространенных видов терракот в конце VI — начале V в. до н.э. была протомы — одностороннее изображение верхней части фигуры человека или животного с выступом для подвешивания сзади. Фрагмент большой протомы ионийского типа³⁰, воспроизводящий правое ухо и прядь волос, был открыт при расчистке кладки № 28 (рис. 1, 5; Пан–2012, оп. № 45). Этот объект являлся северной стеной монументальной постройки, возведенной, по предварительным данным, на рубеже первой — второй четверти V в. до н.э. Терракота изготовлена из плотной, хорошо отмученной глины коричнево-оранжевого цвета; оттиснута в профилированной матрице, поверхность тщательно заглажена.

По всей вероятности, этот фрагмент относится к типам протом, которые имеют форму закругленной сверху и срезанной снизу пластины (рис. 2, 4, 6). Изображена голова и верхняя часть торса. На голове — невысокая стефана, поверх которой наброшено покрывало. Края спадают вниз нерасчлененной массой, обрамляя лицо, скрывают плечи, шею и верх груди. Лицо имеет форму овала, сужающегося книзу. Волнистые пряди волос, трактованные параллельными рядами мелких квадратиков, окаймляют лоб. Удлиненные глаза, подчеркнутые рельефными валиками век, поставлены неглубоко. Внешний уголок глаз немного поднят, рот растянут в «архаической улыбке». Маленький и крутой подбородок выдвинут вперед; нос прямой и довольно крупный. Большие уши украшены круглыми дисковидными серьгами.

²⁴ Winter 1903, Taf. 45, 1, 3; Taf. 49, 2.

²⁵ Higgins 1954, 177, pl. 86, 662.

²⁶ Köster 1926, Taf. 26; Winter 1903, Taf. 48, 2.

²⁷ Heuzey 1903, 59, fig. 2. Winter 1903, Taf. 49, 8–10; Taf. 50, 7, 9.

²⁸ Higgins 1954, 175.

²⁹ Кобылина 1961, 10, табл. II, 3. Варианты типа см.: Winter 1903, Taf. 49, 1, 6; Taf. 50, 8, 11.

³⁰ Примерный размер целого изображения головы составил бы 38 см, бюста — 67 см.

Многочисленная группа протом этого типа была найдена при раскопках фависсы святилища на акрополе Линда. Публикуя происходящий из него материал, Ш.Ш. Блинкенберг предположил их ионийское происхождение³¹. В свою очередь, Р.А. Хиггинс, исследуя аналогичные линдийским терракоты из некрополя Камира (Родос), отнес их к изделиям местных родосских короoplastов³². Анализ стратиграфии фависсы Линда позволяет говорить, что подобные протомы использовались в качестве вотивов не ранее конца VI в. до н.э.³³ С другой стороны, показательно, что в погребальных комплексах Камира терракоты этого типа появляются лишь около 500 г. до н.э. и прослежены до 460 г. до н.э.³⁴ Однако на Делосе подобные протомы были найдены в комплексах 550–520 гг. до н.э.³⁵ Это обстоятельство ставит под сомнение версию о родосском происхождении рассматриваемых терракот.

В науке существуют и другие мнения относительно места зарождения данной иконографии. Так, П. Кноблаух считал самыми древними протомы ионийского стиля, обнаруженные на Самосе, которые он отнес к началу второй половины VI в. до н.э.³⁶ А. Ломонье, в свою очередь, полагал, что указанный тип терракот сложился в каком-то восточноионийском центре, в Милете или Эфесе, между 550–530 гг. до н.э.³⁷

Таким образом, примерно в середине VI в. до н.э. терракотовые протомы прочно входят в репертуар восточно-греческих короoplastов, а к концу VI в. до н.э. они становятся одним из самых популярных даров божествам в греческих святилищах от Северного Причерноморья до Сицилии³⁸. На Боспоре они найдены в Пантикапее³⁹, Тиритаке⁴⁰, Нимфее⁴¹, Феодосии и Фанагории⁴².

Принимая во внимание ритуальный характер этой категории терракот, некоторые исследователи предполагали, что на них представлены адоранты⁴³, однако безусловное преобладание женских фигур над мужскими, а также однотипность воспроизведенных на них персонажей позволили усомниться в этом. В классической работе У. Роуза о вотивах подчеркивается, что самым распространенным типом приношения от благодарного почитателя является изображение самого божества⁴⁴. Следуя этой традиции, образ на протомах часто соотносят с конкретным божеством, как правило, хтоническим или связанным с плодородием — Деметрой, Корой и Афродитой⁴⁵. С другой стороны, протомы, как правило, находят в святилищах, не связанных с хтоническими божествами — например, Афины, Геры, Афродиты, Артемиды, а также Пана и Нимф, Аполлона⁴⁶.

Уникальной является находка горла фигурного арибалла, происходящего из слоя конца VI в. до н.э., от которого сохранился лишь небольшой фрагмент: горлышко и часть левого уха и надбровной дуги кошачьего хищника (рис. 1, 8; М–2013, оп. № 17). Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины с мелкими включениями кварца, известняка и магнетита. Лицевая сторона формована в хорошо профилированной матрицах с рельефным обозначением сохранившихся деталей, поверхность доработана стеклой. Иконографически близкие сосуды были найдены в некрополях Камира и Накратиса и представляют голову Геракла в львином шлеме (рис. 2, 5а–б)⁴⁷. Высказано предположение об их производстве в мастерских Южной Ионии во второй половине — конце VI в. до н.э.⁴⁸

Фигурные терракотовые арибаллы, например, в форме голов воинов в шлемах, известны в восточной Греции с конца VII — начала VI в. до н.э.⁴⁹ Они использовались для хранения не толь-

³¹ Blinkenberg 1931, 36, 91.

³² Higgins 1954, 19–21, 67; 1967, 61–62.

³³ Blinkenberg 1931, 36, 501.

³⁴ Higgins 1954, 25–26, figs. 135, 140–143, 145–146.

³⁵ Laumonier 1956, 60.

³⁶ Knoblauch 1937, 167.

³⁷ Laumonier 1956, 73–74.

³⁸ Uhlenbrock 1988, 19. О распространении протом в Эгейском бассейне см. Croissant 1983, 13–15.

³⁹ Силантьева 1974, табл. 2, 2–3.

⁴⁰ Марти 1941, 20.

⁴¹ Худяк 1952, рис. 42, 2.

⁴² Блаватский 1951, рис. 15, 4, 6; Финогенова 2000, 5.

⁴³ Blinkenberg 1931, 589.

⁴⁴ Rouse 1902, 357.

⁴⁵ Croissant 1983, 2–3; Muller 2009, 82–84.

⁴⁶ Uhlenbrock 1988, 141, not. 17.

⁴⁷ BM 1886, 1401, 1402.

⁴⁸ Walters 1903, pl. 120, B286; Higgins 1954, pl. 46, 50.

⁴⁹ См. MMA 41.162.74; 06.1021.31.

ко благовоний, но и оливкового масла, которым регулярно пользовались при занятиях спортом⁵⁰. В таком контексте изображение воина или Геракла было особенно уместно. Скорее всего, именно как предметы, встречающиеся в обиходе всех греческих юношей и мужчин, они попадали в качестве вотивов в храмы и святилища.

Подводя итог, отметим, что появление терракот на верхнем плато горы Митридат фиксируется не ранее середины — третьей четверти VI в. до н.э. Открытые фрагменты относятся к «родосско-ионийскому» и аттическому «койне» иконографических типов, распространенных в архаический период в Средиземноморье⁵¹. Количество этих типов было довольно ограниченным: стоящие и сидящие преимущественно женские фигуры, протомы, арибаллы.

Множество споров до сих пор вызывает идентификация представленных на терракотах персонажей. Кого изображают эти стоящие и сидящие женщины: богинь, жриц или адорантов — незамужних девушек и/или матерей семейства⁵²? Как быть с тысячами терракот без каких-либо атрибутов⁵³ или со статуэтками, чьи атрибуты могут быть интерпретированы двояко⁵⁴?

В результате исследования известных комбинаций атрибутов, элементов одежды и поз архаических терракот и последующей их корреляцией с сохранившимися фрагментами каменной скульптуры, может быть предложена следующая интерпретация вышеописанных типов. Стоящие и сидящие персонажи без атрибутов и со «спорными» атрибутами представляют две возрастные, а потому социальные категории. Так, стоящие фигуры иконографически очень близки статуям кор, и, возможно, изображают незамужних, но готовых к браку девушек. Сидящие персонажи находят параллели с вотивными и погребальными малоазийскими скульптурами женщин — матерей аристократических семей, принимающих участие в трапезе, и, соответственно, передают образ замужних женщин⁵⁵. В свою очередь, протомы, являясь знаковой частью целых статуэток (стоящих или сидящих), могут быть интерпретированы как «сокращенные» изображения адорантов. Их одежда, в особенности покрывало, подчеркивает семейный (т. е. замужний) и социальный статус этих персонажей⁵⁶.

Среди различных проблем, связанных с импортом/экспортом продукции в античности, в данном случае терракотовых статуэток, весьма интересен вопрос существования каких-то принципов распределения продукции по конкретным регионам. Интересно, что проведенный Дж. Уленброк анализ многочисленных терракот-вотивов, происходящих из примерно полусотни средиземноморских культовых комплексов периода архаики, позволил установить зависимость между направлениями торговли и популярностью отдельных типов. По ее мнению, именно разделение Средиземноморья на зоны коммерческого влияния являлось основным фактором в появлении тех или иных типов терракот в рассмотренных ею регионах, в то время как культовые потребности играли минимальную роль⁵⁷.

В связи с этим следует отметить, что так называемые восточно-ионийские статуэтки, протомы и арибаллы, рассмотренные в данной статье, относятся к достаточно обширной группе терракотовой продукции, которая до недавнего времени связывалась с островом Родос. Однако проведенные анализы глины подтвердили ее милетское происхождение⁵⁸. Интересно также, что наличие большого количества фигурных арибаллов в святилищах, где было найдено много восточно-ионийских (милетских?) терракот, послужило указателем на то, что схема распространения этой терракотовой продукции была напрямую связана с торговлей благовониями. Так, в материковой Греции в период архаики находки восточно-ионийских терракот единичны, здесь доминирует продукция из Коринфа,

⁵⁰ См., например, Miller 2004, 14–16, figs. 12–13.

⁵¹ Huysecom-Naxhi, Muller 2007, 233.

⁵² Huysecom-Naxhi, Muller 2007, 236–240.

⁵³ Например, сидящая на кресле/троне женщина: если сохранился горгонеийон, ее идентификация как Афины не оспаривается. В случае его отсутствия статуэтка, особенно в русскоязычной научной литературе, получает безличное название «богиня на троне».

⁵⁴ Хорошим примером является статуэтка, изображающая стоящую девушку с птицей в руке. Этот сюжет обычно трактуется как Афродита или как адорант с приношением.

⁵⁵ Huysecom-Naxhi, Muller 2007, 240–242.

⁵⁶ Muller 2009, 94–95.

⁵⁷ Uhlenbrock 1988, 146.

⁵⁸ Jones 1985, 673; Uhlenbrock 1988, 147.

Аргоса и Аттики⁵⁹. В свою очередь, в остальном Средиземноморье преобладают восточно-ионийские (милетские?) экземпляры. Коринф, по всей вероятности, монополизировал торговлю благовониями в материковой Греции⁶⁰, в то время как милетская экономическая «сфера влияния» простиралась от Северного Причерноморья до Сицилии.

Рассмотренные выше фрагменты терракот, найденные в архаических горизонтах Пантикапея на верхнем плато горы Митридат, представляют наиболее распространенные в исследуемый период типы продукции восточно-греческих и аттических мастеров. Начиная с конца VI в. до н.э. они начинают тиражироваться в местной коропластике.

Литература

- Арсентьева Е.И., Ананич Е.Б. (ред.) 2007: Аромат древности. Каталог выставки. СПб.
- Блаватский В.Д. 1951: Материалы по истории Пантикапея // МИА. 19. М., 9–62.
- Денисова В.И. 1981: Коропластика Боспора (По материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л.
- Кобылина М.М. 1961: Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.
- Кобылина М.М. 1974: Мастерские пантикапейских коропластов // САИ. Г1–11. 3. М., 47–53.
- Леви Е.И. 1970: Терракоты из Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Г1–11. 1. М., 33–49.
- Марти Ю.Ю. 1941: Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // МИА. 4 М.–Л., 26–31.
- Русяева А.С. 1982: Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.). Киев.
- Скуднова В.М. 1970: Терракоты из Нимфея // САИ. Г1–11. 2. М., 83–89.
- Силантьева П.Ф. 1974: Терракоты Пантикапея // САИ. Г1–11. 3. М., 5–37.
- Финогенова С.И. 2000: Античные протомы в системе жертвоприношения // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней / Л.И. Акимова (ред.). М., 213–222.
- Ходза Е.Н. 2005: Вослед Прометею. СПб.
- Худяк М.М. 1952: Раскопки святилища Нимфея // СА. XVI, 233–281.
- Blinckenberg Ch. 1931: Lindos. Fouilles de l'Acropole 1902–1914. I. Les petits objets. B.
- Breitenstein N. 1941: Danish National Museum. Catalogue of Terracottas: Cypriote, Greek, Etrusco-Italian and Roman. Copenhagen.
- Burkert W. 1985: Greek Religion. Berkeley.
- Buscho E. 1935–1960: Altsamische Standbilder. Heft I–III. B.
- Croissant F. 1983: Les protomés féminines archaïques: recherches sur les représentations du visage dans la plastique grecque de 550 à 480 av. J.-C. Athènes — Paris.
- Dierichs A., Siebert A.V. 2006: Duftnoten: was Griechen und Römern in die Nase stieg. Hannover.
- Goldstein M.S. 1978: The Setting of the Ritual Meal in Greek Sanctuaries, 600–300 B.C. Berkeley.
- Heuzey L. 1923: Catalogue des figurines antiques de terre cuite. Musée national du Louvre. P.
- Higgins R.A. 1954: Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. Volume I: Greek: 730–330 B.C. L.
- Higgins R.A. 1967: Greek Terracottas. L.
- Huysecom-Haxhi S., Muller A. 2007: Déesses et/ou mortelles dans la plastique de terre cuite. Réponses actuelles à une question ancienne // Pallas. 75, 231–247.
- Jones R.E. 1985: Greek and Cypriot Pottery: a Review of Scientific Studies. Athens.
- Knoblauch P. 1937: Studien zur archaisch-griechischen Tonbildnerei in Kreta, Rhodos, Athen und Boeotien. Bleicherode am Herz.
- Koster A. 1926: Die griechischen Terrakotten. B.

⁵⁹ Uhlenbrock 1988, 148–149. Любопытно, что аттические статуэтки появляются за пределами материковой Греции только в конце VI в. до н.э., в то время как керамическая аттическая продукция наводняет все рынки уже во второй половине VI в. до н.э.

⁶⁰ Uhlenbrock 1988, 149.

- Laumonier A.* 1956: Les figurines de terre cuite. (Exploration archéologique de Délos, tome 23). P.
- Mertens J.R.* 1993: Recent Acquisitions: Perfume Container in the Form of a Fat Boy // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 51.2, 10.
- Miller S.G.* 2004: Ancient Greek Athletics. New Heaven — London.
- Mollard-Besques S.* 1954: Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs, étrusques et romains. I: Époques préhellénique, géométrique, archaïque et classique. P.
- Muller A.* 2009: Le tout ou la partie. Encore les protomés: dédicataires ou dédicantes? // Le donateur, l'offrande et la déesse. Systèmes votifs dans les sanctuaires de déesses du monde grec/ C. Prêtre (ed.). Liège, 81–95.
- Olynthus 1933. Excavations at Olynthus. Directed and edited by D.M. Robinson. Baltimore, pt. VII (The terracottas, lamps and coins found in 1934 and 1938). Baltimore — London — Oxford.
- Paul E.* 1959: Antike Welt in Ton. Leipzig.
- Rouse W.H.D.* 1902: Greek Votive Offerings: An Essay in the History of Greek Religion. Cambridge.
- Uhlenbrock J.P.* 1988: The Terracotta Protomai from Gela: A Discussion of Local Style in Archaic Sicily. Roma.
- Uhlenbrock J.P.* 1992: History, Trade, and the Terracottas // Expedition. 34. 1–2, 16–23.
- Walters H.B.* 1903: Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. L.
- Winter F.* 1903: Die Typen der figürlichen Terrakotten. Band 3.1. Berlin — Stuttgart.

TERRACOTTA FIGURINES OF THE EARLY PANTIKAPAION AS VOTIVE GIFTS

T.A.Ilyina, M.B. Muratova

This article analyzes recent terracotta finds excavated from 2010 through 2013 in the New Upper Mithridates Sector of the ancient Pantikapaion. The figurines are examined from the point of view of iconography and development of types. Issues of their possible meaning and use are also discussed.

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА V–IV ВВ. ДО Н.Э. С ПРОЧЕРЧЕННЫМ И ШТАМПОВАННЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ

(См. рис. 1–6 на вкладке)

Прочерченный и штампованный орнамент на чернолаковой керамике появляется впервые на аттических сосудах незадолго до середины V в. до н.э. и довольно быстро становится популярным¹. Элементы орнамента оттискивались штампами или прочерчивались циркулем до нанесения лакового покрытия². Во второй половине V и в IV в. до н.э. он располагался преимущественно на внутренней поверхности донцев открытых сосудов для питья. На протяжении небольшого хронологического отрезка, в третьей четверти V в. до н.э., таким образом украшалась внешняя поверхность миниатюрных закрытых сосудов, в частности, амфорисков, поильников, а также классических канфаров ранних форм и кружек.

В предлагаемой статье будет представлен предварительный анализ материалов, полученных в результате многолетних систематических исследований в центральной части городища Пантикапей, проводившихся Боспорской археологической экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина; материалы хранятся в фондах музея (раскопки до 1992 г.)³.

Из всей коллекции 494 экземпляра, поддающиеся атрибуции и более или менее узкому датированию, относятся к хронологическому промежутку от конца второй четверти V до конца IV в. до н.э. Чуть менее половины от этого числа (214 фрагментов и целых форм) украшены штампованным и прочерченным орнаментом. Все они являются продукцией аттических мастерских. Стоит отметить, что представленный на памятнике набор сосудов в целом характерен для античных поселений⁴, а значительное разнообразие форм уступает, пожалуй, лишь Афинам — основному центру производства чернолаковой керамики в указанный период в античном мире. Поэтому особенно интересно рассмотреть, насколько полно отражены различные элементы украшений на той посуде, которая привозилась в столицу Боспора.

Самые ранние образцы из Пантикапея — это так называемые килики на низком поддоне или стемлессы (*Stemlesses*) по классификации Б. Спаркса и Л. Талькотт⁵. По морфологическим особенностям они относятся к группе больших, варианту с выделенным краем (*Large, inset lip*), и датируются концом второй четверти V в. до н.э.⁶ Орнаментальная композиция археологически целого экземпляра состоит из комбинации сдвоенных окружностей, лепестков, схематичных стеблей, листьев плюща и ягод в виде тройных миниатюрных кругов на ветках (рис. 1, 1)⁷. Прямых аналогий подобному орнаменту пока не найдено, но отдельные элементы, такие как листья плюща и ягоды, являются наиболее ранними среди штампов, использовавшихся для украшения чернолаковой керамики и наиболее редкими. Они так и не получили широкого распространения в качестве деталей штам-

¹ Sparkes, Talcott 1970, 22; Pemberton 1997, 57–61.

² Corbett 1955, 176–180; Sparkes, Talcott 1970, 23.

³ Толстиков 2007, 244. Выражаю глубокую признательность В.П. Толстикову за предоставленную возможность работать с этой коллекцией.

⁴ Schäfer 1968; Sparkes, Talcott 1970; Drougou 1991; Rotroff 1997; Hannestad, Stolba, Hastrup 2002; Брашинский 1980; Егорова 2009; Масленников 2012 и др.

⁵ Sparkes, Talcott 1970, 98.

⁶ Sparkes, Talcott 1970, 101–102.

⁷ Ранее опубликован: Егорова 2014, 182, рис. 6, 4.

пованного декора, но эпизодически встречаются на аттических сосудах вплоть до конца V в. до н.э.⁸ Примечательно, что в пантикапейской коллекции это не единственный такой сосуд. Второй фрагмент стемлесса аналогичной формы также украшен листьями плюща и еще одним из самых ранних орнаментальных элементов — овами (рис. 1, 2).

Уже в середине V в. до н.э. появляется орнамент, состоящий из центральной розетты в сочетании с зонами прямой, а с 430 г. до н.э. перекрестной штриховки, часто разделенными рядами ов или 11/13-ти лепестковых пальметт традиционной формы⁹. Подобным образом украшались преимущественно сосуды типа больших стемлессов двух вариантов: с выделенным краем и «изящного класса» (*Large, inset lip, delicate class*) до конца V в. до н.э. (рис. 1, 3–7). В Аттике такие комбинации элементов иногда встречаются и на других формах (например, на кубковидных скифосах)¹⁰, но в материалах из Пантикапея они не представлены.

На протяжении третьей четверти V в. до н.э. увеличивается количество типов сосудов со штампованным и прочерченным орнаментом, с одной стороны, и набор орнаментальных элементов — с другой. Это связано, в первую очередь, с нарастающей популярностью такой керамики в Аттике, а также с ростом аттического импорта в Пантикапей в указанный период (рис. 1, 8). Из новых форм с украшением внутренней поверхности дна появляются еще один вариант больших стемлессов с прямым венчиком (*Large, plain rim*) и чаши типа болсал (*Bolsal*). На них наносились уже новые комбинации элементов. Во-первых, это чередование зон пальметт, соединенных или несоединенных дугами, и ов (рис. 2, 1, 2); во-вторых, пальметты на центральном круге в обрамлении ряда перевернутых пальметт (рис. 2, 3). Кроме того, именно для третьей четверти V в. до н.э. характерно декорирование внешней поверхности некоторых форм сосудов. В Пантикапее найдены два фрагмента и один археологически целый канфар *muna B* на поддоне с низкими ручками, а также фрагмент амфориска (рис. 2, 4–7). Рисунки не дублируются. Представлены сочетания треугольников и ов; пальметт и ов; треугольников и свастикообразного меандра; соединенных дугами пальметт и традиционного меандра. Это далеко не все комбинации, существовавшие в Аттике, но самые распространенные¹¹. Из перечисленных элементов только треугольники характерны исключительно для орнаментации внешней поверхности сосудов, применение остальных было гораздо разнообразнее. Археологически целый канфар из Пантикапея имеет прямые аналогии форме и орнаменту в материалах Афинской агоры¹².

Временем расцвета штампованного орнамента можно считать последнюю четверть V в. до н.э. Именно в этот период орнаментировалось максимальное количество форм чернолаковой посуды. В Пантикапее найдено одиннадцать различных вариантов. К уже упомянутому большому стемлессам с прямым венчиком и «изящного класса» (рис. 2, 8) добавились и так называемые «ренийские чаши» (*Rheneia cup*) (рис. 2, 9); продолжают выпускаться чаши типа болсал (рис. 3, 1–3); появляются два варианта кубковидных скифосов (*Cup-skyphos*): с тонкими и массивными стенками (*Heavy wall, Light wall*) (рис. 3, 4–6). Наибольшим разнообразием отличались миски. Они представлены пятью различными вариантами: с отогнутым наружу и загнутым внутрь краем (рис. 4, 1, 2), глубокие с прямыми стенками (экземпляров, сохранивших верную часть, не найдено, но они имеют очень характерную моделировку поддона, не оставляющую сомнений в принадлежности к этому варианту) (рис. 4, 3, 4), с профилированной внешней поверхностью (также хорошо определяются по форме поддона) (рис. 4, 5, 6) и глубокие миниатюрные миски (рис. 4, 7). Сам набор элементов, характерных для этого периода, в целом даже беднее, чем в середине — третьей четверти V в. до н.э. (рис. 5, 1). Уходят в прошлое плющ и цветы из точек, треугольники и меандр. Из новых появляются только цветы лотоса, как одна из разновидностей пальметт, однако они встречаются крайне редко и не заходят в IV в. до н.э. (рис. 5, 1)¹³. При этом количество сосуществовавших тогда комбинаций элементов было максимальным. Наша коллекция насчитывает 12 различных модификаций.

⁸ Sparkes, Talcott 1970, 250, 274, 317, pl. 47–48, 208, 553, 1151.

⁹ Sparkes, Talcott 1970, 26–27.

¹⁰ Corbett 1949, pl. 87; Sparkes, Talcott 1970, 277, pl. 26, 581–583, 592.

¹¹ Sparkes, Talcott 1970, pl. 47.

¹² Sparkes, Talcott 1970, 281, pl. 47, 633; Taf. 93, 528, 2 (прямая аналогия формы); Sparkes, Talcott 1970, 281, pl. 47, 635 (прямая аналогия орнаменту); Kuze-Götte, Tancke, Vierneisel 1999, 137, в. 2, 528. Ранее опубликован: Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2002, 264, табл. VIII, III, 10.

¹³ Sparkes, Talcott 1970, 26.

В частности, одним из самых популярных становится орнамент, состоящий из зон пальметт, соединенными дугами и отделяющихся друг от друга рядами ов (рис. 3, 4; рис. 4, 1, 5, 6). Он наносился главным образом на миски различных типов и крайне редко на ранние формы кубковидных скифосов¹⁴. Другой очень характерный орнамент: 4–5 пальметт, соединенные дугами, окружены рядом ов, вписанных в двоянную окружность. К нему часто добавлялась центральная окружность малого диаметра, в которую иногда вписывались овы (рис. 3, 5, 6; рис. 4, 7). Он возникает как стандартная комбинация на внутренней поверхности донцев кубковидных скифосов¹⁵ и является, по сути, модификацией одного из орнаментов на стемлессах третьей четверти V в. до н.э. (рис. 2, 1, 2). В последней четверти этого столетия он становится более популярным и единообразным. Так украшались все, за исключением одного (рис. 3, 4), найденные в Пантикапее кубковидные скифосы, датирующиеся соответствующим хронологическим промежутком, а также несколько экземпляров мисок. Появление таких форм как кубковидные скифосы, которые характеризуются более узкой, чем у стемлессов, внутренней поверхностью дна, приводит к уменьшению диаметра орнаментальных композиций. Еще один вариант орнамента: отдельные пальметты, соединенные попарно дугами над двоянной окружностью (рис. 4, 3, 4). Иногда они располагались в два ряда один над другим. Такой вид декора характерен только для одного типа посуды — глубоких мисок с прямыми стенками (*Deep wall*)¹⁶.

В этот же период начинают использовать и более простые схемы: зоны, орнаментированные пальметтами, соединенными дугами, которые получили широкое распространение только в IV в. до н.э. (рис. 2, 9); пальметты над рядом прямых или перевернутых ов (рис. 3, 3; рис. 4, 8); несколько пальметт на центральной окружности малого диаметра (рис. 3, 1; рис. 4, 9, 10); ряды ов (рис. 4, 11); отдельные пальметты (рис. 4, 2).

Максимальное разнообразие в комбинациях элементов орнаментов (четыре модификации) представлено на мисках. Интересно, что ранние миски с загнутым внутрь краем становятся популярными в столице Боспора практически сразу после начала их производства и распространяются здесь гораздо шире, чем в Аттике.

С первой четверти IV в. до н.э. ситуация несколько меняется. Уменьшается общее количество украшенных в такой технике сосудов, что связано с началом падения чернолакового импорта в Пантикапей в этот период, более заметным во второй четверти столетия¹⁷ (рис. 1, 8). Но если рассмотреть процентное соотношение украшенной штампом и простой чернолаковой керамики этого времени, оно существенно не меняется. Число орнаментальных комбинаций сокращается до шести. С начала IV в. до н.э. уже не встречаются центральные розетты и штрихованные зоны, из ранних элементов сохраняются композиции из пальметт, ов, окружностей и дуг. Появляются новые комбинации, в частности, сгруппированные в центре пальметты, которые первоначально украшали донца чаш типа болсал (рис. 4, 12, 13), но впоследствии стали очень распространены и на других типах сосудов.

В начале IV в. до н.э. в Аттике начинают выпускать новые типы посуды. Первоначально их украшают аналогично более ранним формам со сходными конструктивными деталями. Позже у них формируется свой набор элементов. К таким типам относятся кубковидные канфары с формованным краем (*Cup-kantharos, moulded rim*) и чашевидные канфары классического типа с округлым туловом (*Bowl-kantharos Classical type bowl-shaped*)¹⁸. На ранние экземпляры наносился орнамент, аналогичный тому, что использовался на кубковидных скифосах (рис. 3, 4–6), позже диаметр рисунка еще больше уменьшается и появляются упрощенные модификации (рис. 5, 2, 3). Во второй декаде IV в. до н.э. впервые встречаются насечки как добавление к комбинации с пальметтами в центре и в качестве самостоятельного орнамента¹⁹. В Пантикапее найден единственный фрагмент миски с профилированной внешней поверхностью с насечками на дне, датирующийся по аналогии формы именно этим временем (рис. 5, 4)²⁰.

¹⁴ Например: Sparkes, Talcott 1970, 291, pl. 57, 783, 792, 793, 799.

¹⁵ Sparkes, Talcott 1970, 269–279, fig. 5–6, 598–618; Knigge 2005, 148, Taf. 82, 282, Abb. 38, 303; Kuze-Götte, Tancke, Vienneis 1999, No 443, 5, Taf. 74; Morgan, Arafat 2001, 384, fig. 25, 26.

¹⁶ Sparkes, Talcott 1970, 294, fig. 8, 815.

¹⁷ Егорова 2014, 190.

¹⁸ Sparkes, Talcott 1970, 279, fig. 6, 652; Knigge 2005, 188, Abb. 38, 229.

¹⁹ Sparkes, Talcott 1970, 30.

²⁰ Sparkes, Talcott 1970, 294, fig. 8, 822.

Со второй четверти IV в. до н.э. интерес к керамике со штампованным и прочерченным орнаментом сокращается. Идет явное упрощение орнаментальных схем. Насечки практически полностью вытесняют овы, которые еще эпизодически встречаются только до третьей четверти IV в. до н.э. Самыми распространенными схемами становятся сгруппированные в центре пальметты, окруженные несколькими рядами насечек (рис. 5, 5); соединенные дугами пальметты, иногда с центральной окружностью, в обрамлении нескольких рядов насечек (рис. 5, 6, 8) или просто насечки (рис. 5, 7). В пантикапейском материале прослеживается резкое снижение количества и разнообразия чернолаковых сосудов, украшенных подобным образом. Выявлено всего три типа: уже существовавшие ранее чаши типа болсал (рис. 5, 5) и миски с загнутым внутрь краем (рис. 5, 8), а также новая форма (рис. 5, 6, 7) — кубковидные канфары с прямым краем (*Cup-kantharos, plain rim*). Последние орнаментируются абсолютно однотипно, по описанным выше схемам.

Аналогичная ситуация складывается и в третьей четверти IV в. до н.э., с той лишь разницей, что в этот период появляются тарелки с валикообразным краем (*Plate rolled rim*) с их широкой открытой плоской поверхностью, позволяющей максимально увеличить диаметры орнаментальных композиций (рис. 6, 1, 2). Однако это не привело к их усложнению. Основной мотив — пальметты, соединенные дугами в кругу насечек или просто насечки. Начиная с середины IV в. до н.э. заметно снижается качество исполнения как всей композиции в целом, так и отдельных элементов. Орнамент часто выполнен столь небрежно, что можно определить последовательность его нанесения. Она во всех случаях одинакова: насечки — пальметты — дуги (например: рис. 6, 3).

К концу столетия наблюдается общий подъем импорта и, соответственно, увеличивается общее количество и разнообразие форм орнаментированных вещей. Это четыре варианта мисок (рис. 6, 3–6), тарелки с валикообразным краем (рис. 6, 1, 2) и кубковидные канфары с формованным краем (*Cup-kantharos, moulded rim*) (рис. 6, 7). Однако оно так и не выходит на уровень конца V в. до н.э., что связано в первую очередь с общим снижением интереса к украшенной штампом чернолаковой керамике в раннеэллинистическую эпоху²¹. Комбинации элементов орнаментов не изменились в сравнении с предшествующим периодом и сохранялись впоследствии на протяжении всей эпохи эллинизма.

Подводя итог, можно констатировать, что сосуды, украшенные штампованным орнаментом, попадают в Пантикапей практически сразу после того, как их выпуск был налажен в Аттике. К концу V в. до н.э. их количество и разнообразие форм заметно возрастает, а с начала IV в. до н.э. начинает постепенно снижаться. Первоначально украшались различные варианты чаш типа стемлесс, имевшие широкую открытую внутреннюю поверхность донцев, причем некоторые их формы появились задолго до распространения данного типа орнаментации. Этой участи избежали популярные в тот же период скифосы по причине своих конструктивных особенностей — глубокого вместилища, исключающего свободный обзор внутренней поверхности дна. Далее, с третьей четверти V в. до н.э., номенклатура типов существенно возрастает.

В пантикапейском материале отчетливо прослеживаются связи некоторых форм сосудов с определенными типами орнаментов. Так, стемлессы «изящного класса» украшались центральной розеткой, окруженной зонами с прямой или перекрестной штриховкой, и различными модификациями этой комбинации; кубковидные канфары с прямым краем — сгруппированными в центре пальметтами, иногда соединенными дугами, окруженными несколькими рядами насечек или только насечками; глубокие миски — пальметтами, соединенными дугами попарно; миниатюрные миски — четырьмя сгруппированными в центре пальметтами. Вероятнее всего, это обусловлено тем, что сюда за редким исключением попадали наиболее распространенные типы.

В Пантикапее встречаются все основные элементы орнаментов, известные в Аттике (рис. 5, 1). Выделяются пятнадцать комбинаций этих элементов с различными модификациями, увеличивающими количество вариантов изображений до двадцати двух. Таким образом, чернолаковая керамика из столицы Боспорского царства отражает почти весь спектр орнаментальных мотивов, характерных для определенного времени и определенных форм сосудов, выпускавшихся в аттических мастерских.

²¹ Rotroff 1997, 37.

Литература

- Брашинский И.Б. 1980: Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V — III вв. до н.э. Л.
- Егорова Т.В. 2009: Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.
- Егорова Т.В. 2014: Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н.э. из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. // ДБ. 18, 174–195.
- Масленников А.А. 2012: Чернолаковая посуда с поселений «царской» хоры европейского Боспора // ДБ. Suppl. III. 2, 165–199.
- Толстиков В.П. 2007: Акрополь Пантикапея — столицы Боспора Киммерийского // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.). Москва — Киев — Запорожье, 244–257.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2002: К хронологии застройки Западного плато акрополя Пантикапея. Подвальное помещение второй половины V века до н.э. // ДБ. 5, 260–285.
- Corbett P.E. 1949: Attic Pottery of the Later Fifth Century from the Athenian Agora // *Hesperia*. 18, No 4, 298–351.
- Corbett P.E. 1955: Palmette Stamps from an Attic Black-Glaze Workshop // *Hesperia*. 24. No 3, 172–186.
- Drougou S. 1991: Hellenistic Pottery from Macedonia. Thessaloniki.
- Hannestad L., Blinkenberg Hastrup H., Stolba V.F. 2002: Black-Glazed, Red-Figure, and Grey Ware Pottery // *Panskoye I. The Monumental Building U6. Vol. 1* / L.Hannestad, V.F.Stolba, A.N. Sčeglov (eds.). Aarhus, 127–149.
- Knigge U. 2005: Der Bau Z. Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd. XVII. München.
- Kuze-Götte E., Tancke K., Vierneisel K. 1999: Die Nekropole von der mitte des 6. bis zum ende des 5. Jahrhunderts. Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd. 7. München.
- Morgan C., Arafat K. 2001: Fine Pottery of the Archaic — Early Hellenistic Periods in the Collection of the Temryuk Museum (Taman Peninsula) // G.R. Tsetskhladze (Ed.). *Colloquia Pontica*. Vol. 6. Leiden — Boston — Köln, 365–398.
- Pemberton E.J. 1997: Corinthian Black Glazed Pottery with Incised and Stamped Decoration // *Hesperia*. 66. No. 1. 49–97.
- Rotroff S.I. 1997: Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora. Vol. XXIX. New Jersey — Princeton.
- Schäfer J. 1968: Hellenistische Keramik aus Pergamon. Pergamenische Forschungen. Bd. 2. B.
- Sparkes B.A., Talcott L. 1970: Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, 4th Centuries B.C. The Athenian Agora. Vol. XII. New Jersey — Princeton.

BLACK-GLAZED POTTERY OF THE 5TH–4TH CENTURIES BC WITH INCISED AND STAMPED ORNAMENT FROM THE EXCAVATIONS OF PANTIKAPEION

T.V. Egorova

This article presents a preliminary analysis of the corpus of the black-glazed pottery with incised and stamped ornaments of the mid-5th — late 4th centuries BC, excavated in the central Pantikapaion by the Bosporan Archaeological Expedition of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Steady influx of this kind of ceramics to Pantikapaion from Attica started right after the ceramic production had begun. All basic elements of the ornaments known during this period are present. It is possible to identify fifteen combinations of these elements with various modifications. Apparent connections of certain types of vessels with particular types of ornaments are noticeable.

ДВА НОВЫХ ГРАФФИТИ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

(из архива В.Д. и Т.В. Блаватских)*

(См. рис. 1, 3 на вкладке)

Среди материалов из архива семьи Блаватских, поступившего в мемориальный кабинет-библиотеку В.Д. Блаватского в Отделе классической археологии ИА РАН после смерти Татьяны Васильевны, были обнаружены два поддона сосудов с граффити. Они имеют шифр, позволяющий определить место и год их находки. К одному из доньев¹ была приложена записка, сделанная рукой Т.В. Блаватской. В ней содержатся предварительные наблюдения о типе сосуда, его датировке и прочтение граффити. Судя по шифрам, оба донца происходят из раскопок Пантикапея 1967 и 1969 гг. В эти годы И.Д. Марченко продолжала исследования на Новом Эспланадном раскопе². Будучи сотрудником ГМИИ им. А.С. Пушкина и руководителем Боспорской экспедиции, И.Д. Марченко имела право вывозить часть археологических находок в Москву для пополнения фондов музея новыми экспонатами. Исследовательница была дружна с четой Блаватских и, зная их интерес к боспорской эпиграфике, по всей вероятности, передала им для ознакомления и последующей публикации эти находки³. Можно предположить, что В.Д. Блаватский предложил заняться ими супруге, но, по неизвестной причине, они остались не опубликованными.

1. Первое граффито (полевой шифр М–69, НЭ, 128/11, № 162) вырезано на внешней стороне кольцевого поддона, покрытого черным лаком (?) сероглиняного сосуда (рис. 1). Этот поддон был найден при исследовании участка между двумя домами (№ 17 и № 18) на Новом Эспланадном раскопе в слое конца VI — начала V в. до н.э.⁴ Относительно этого фрагмента Т.В. Блаватская писала: «Донце серой глины — черный лак, закрытый сосуд — разновидность амфоры, похожей на пелику — не может быть датирована по черепку (хотя м.б. конец VI в. *зачеркнуто и написано сверху*. — Н.З.) — начало V в.⁵)» (рис. 2)⁶. Можно добавить, что на внешней стороне поддона сохранилось черное покрытие (лак?), имитирующее металлическую поверхность. Глина мелкозернистая, темно-серого цвета, высокого качества. Отмеченные характеристики позволяют отнести эту пантикапейскую находку к группе восточно-греческих сосудов, датирующихся не позднее конца VI — начала V в. до н.э.⁷ Поддон как полагала И.Д. Марченко, мог принадлежать не только пелике, но и

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-01-00122а.

¹ Граффито № 1.

² Расположение Нового Эспланадного раскопа см.: Толстиков, Муратова 2013, 191, рис. 13.

³ Среди бумаг семьи Блаватских имеются черно-белые фотографии публикуемых находок, датированные 1974 г.

⁴ «...Ножка сероглиняной лощеной ойнохои VI в. до н.э. с аккуратно процарапанной надписью ΕΥΑΡΧΟΕΙΜΙ» (Марченко 1970, 12).

⁵ Из этой даты следует, что Т.В. Блаватская относила донце пелики к концу VI в. до н.э. или началу V в. до н.э.

⁶ Заметка сделана карандашом на оборотной стороне бумажной карточки. Она была вложена в пакет с донцем.

⁷ По материалу сосуд напоминает глину лесбосских сероглиняных амфор. Существуют различные греческие, в том числе и восточно-греческие, подражания этрусской керамике стиля Буккери, отличающейся однородным «черным покрытием» поверхности сосуда, имитирующим металлическую поверхность, и темно-серой глиной в толще черепка (см., например: Борисковская 1971, 29–41). В настоящее время сложилась концепция о происхождении и бытовании сероглиняной столовой керамики в античных городах Северного Причерноморья. Она сводится к тому, что в позднеархаическое и классическое время существовал восточно-греческий импорт этой керамики в города Северного Причерноморья. В этот же период и позднее появилось местное, в частности, скифское производство сероглиняной керамики, имитирующей греческие столовые сосуды. О сероглиняной столовой керамике в Ольвии позднеархаического и раннеклассического времени: Krapivina, Lejpuskaja 2009, 67–76. Подробнее о сероглиняной столовой керамике см.: Pontic Grey Ware 2009.

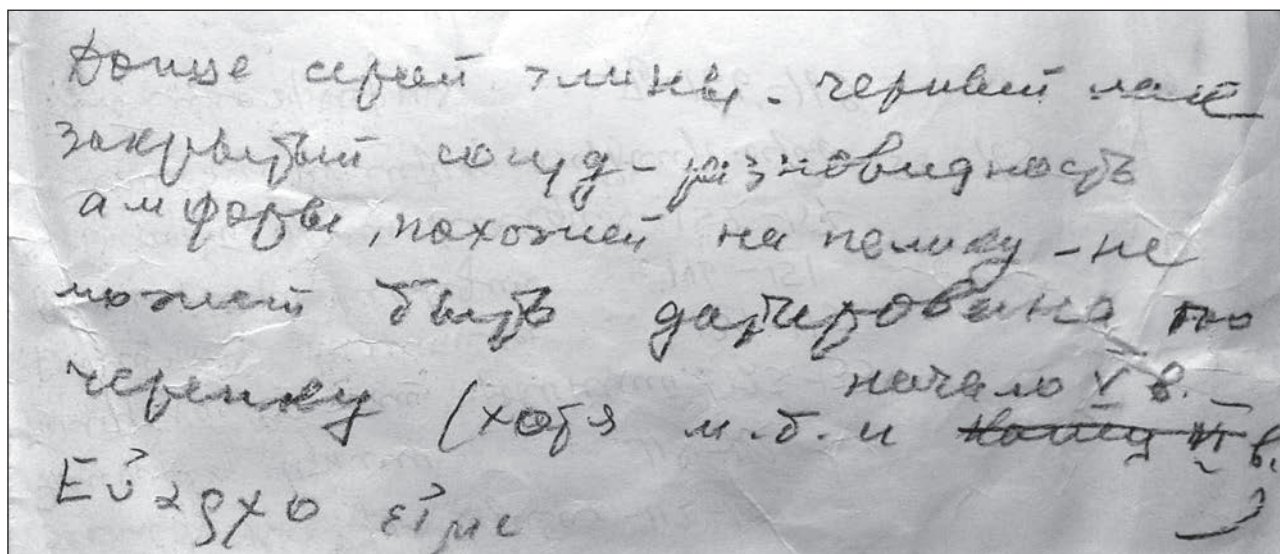

Рис. 2. Записка, сделанная карандашом Т.В.Блаватской

ольпе или ойнохое. Следует отметить, что это не первая находка такого типа сосудов с граффити в Пантикапее. Например, Ю.Г. Виноградов опубликовал граффито Минииды на горле «темнолощеной» сероглиняной ойнохой, которая относится к той же группе керамики, что и рассматриваемый поддон, но датируется по палеографии надписи 2–3-й четвертью VI в. до н.э.⁸. Рассматриваемое граффито выполнено аккуратными, соразмеренными буквами высотой 0,6 см. Эпсилон имеет близкую к «прямоугольной» форму, средняя горизонталь буквы немного короче верхней и нижней горизонтальных линий; ипсилон образована из двух изогнутых наружу линий — левая, короткая, примыкает к центру правой, длинной, вертикали; ро вырезано на высокой ножке с маленькой круглой верхушкой; хи — в форме двух равновеликих, расставленных не широко и пересекающихся в центре линий; омикрон в форме круга той же высоты, что и остальные буквы; мю имеет наклоненные к центру боковые гаспы. Подобные начертания букв известны по надписям первой половины V в. до н.э.⁹. Учитывая контекст находки и дату сосуда, датировку граффито можно сузить до времени не позднее начала V в. до н.э.

Надпись: «Εὐαρχὸ εἰμί». Перевод: «Я принадлежу Эварху».

Граффито относится к группе хорошо известных владельческих надписей, имеющих структуру: *pothen* в *gen. sing.* + *εἰμί*. Среди близких аналогий, происходящих из античных поселений и городов Северного Причерноморья, упомянем все то же граффито Минииды из Пантикапея: «Μυνίος εἰμί πρόχος»¹⁰, граффито «Μητροδώρὸ εἰμί» на поддоне чернолаковой чаши второй половины VI в. до н.э. с о. Березань¹¹, надпись «Ἰκέσιὸ εἰμί»¹², вырезанную на литейной форме из Ольвии первой четверти V в. до н.э. Надпись Эварха демонстрирует признаки ионийского диалекта, для которого характерна передача конечного дифтонга *ou* посредством долго *o* (*ou* > *o*) в *gen. sing. masc.*¹³. Имя Εὐαρχος относится к группе композитных имен. Имена, начинающиеся на εὐ (славный, доблестный), пользовались популярностью в греческом мире¹⁴. Второй композит имени -αρχος характерен

⁸ Ю.Г. Виноградов предполагал лесбосское происхождение *прохуса* (Виноградов 1974, 56 (со ссылкой на мнение И.Д. Марченко)).

⁹ Ср. Книпович, Болтунова 1962, 7–8, табл. 1. Например, аналогии формам *эпсилон*, *ро*, *альфы* встречаются в граффито Эпикрата, которое датируется второй половиной VI — началом V в. до н.э. (Толстиков и др. 2004, 348 сл., рис. 11, 1); близки формам *эпсилон*, *ро*, *мю* идентичные буквы в письме о продаже раба Фауллы, датирующемся около 530–510 гг. до н.э. (Vinogradov 1998, 160 f., № 3 = SEG XLVIII 1024).

¹⁰ Виноградов 1974, 57, рис. 1.

¹¹ Яйленко 1982, 283, рис. 2–17, № 7.

¹² Денисова 1994, 78–87.

¹³ Преобладание ионийского диалекта в надписях боспорских городов во второй половине VI–IV вв. до н.э. — общеизвестный факт. Из последних работ см. Тохтасьев 2011, 673–676.

¹⁴ Подборку легко найти в соответствующих томах LGPN.

для аристократических имен греков VI–IV вв. до н.э. и выступает одним из видимых критериев социального статуса их носителей¹⁵. Имя Εὐαρχος не было широко распространено в Северном Причерноморье. В сводах граффити Ольвии и региона Боспора Киммерийского оно пока не было отмечено¹⁶. Это имя засвидетельствовано в IV–III в. до н.э. в Пелле, Македония¹⁷. В Малой Азии оно встречается на керамических клеймах Гераклеи в IV–III в. до н.э. и Синопы в III в. до н.э.¹⁸ В то же время наибольшая концентрация носителей имени Εὐαρχος наблюдается в Аттике, где оно встречено 11 раз¹⁹; в Центральной Греции (от Мегар до Фессалии) — 36 раз²⁰.

Вероятно, имя Εὐαρχος следует относить к числу имен пантикапейской аристократии второй половины VI — начала V в. до н.э. Напомню, что И.Д. Марченко предполагала, что восточногреческая пелика (ойнохоя, ольпа) принадлежала человеку, который проживал в одном из пантикапейских домов (№ 17 или № 18 по ее нумерации), между которых поддон с граффито и был найден²¹.

2. Второе граффито вырезано на внешней стороне поддона чернолакового аттического килика, тип «Crasow class and related», третья четверть VI в. до н.э.²² (полевого шифр: М 67, 122/13, № 126) (рис. 3). Находка происходит из мусорной ямы последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э., которая была открыта на Ново-Эспланадном раскопе в 1967 г.²³ Граффито вырезано аккуратными, равновеликими буквами. Характерные особенности шрифта таковы: *пи* с укороченной левой гостой; «узкая» *сигма* с вытянутыми по вертикали верхним и нижним усиками; *ню* с косыми вертикальными гастами, создающие эффект наклона буквы слева направо; *альфа* с аккуратной перекладиной в центре буквы; *миу* вырезано с расставленными в стороны боковыми гастами, ее внутренние вертикали перекрещены в нижней части, почти у основания буквы.

Надпись: ΣΠΑΝΑΜΙ

Месторасположение граффито характерно для владельческих надписей. Исходя из этого, можно предположить, что в надписи указано личное имя владельца килика Σπαναμι. Полагаем, что это форма dat. sing. Соответственно, номинатив имени должен быть Σπαναμις. Однако владельческие маркировки писались, как правило, в gen. sing. на поддонах сосудов. Поэтому не исключена интерпретация граффито как Σπαναμι(ος). Имя Σπαναμις не известно в древнегреческой антропонимии. Встречается имя Σπάνος, у которого корневой композит совпадает с корневым композитом рассматриваемого имени²⁴. В происхождении личного имени Σπάνος мнения исследователей расходятся. Так, Л. Робер усматривал в нем греческий антропоним от прил. σπάνος (безбородый, безусый)²⁵. Однако в изданных на сегодня томах LGPN имя Σπάνος пока не отмечено. Л. Згуста склонялся к малоазийскому, из региона Ликии или Писидии, а не греческому, происхождению имени Σπάνος. Он указывал при этом, что И. Сундваль считал возможным связывать происхождение Σπάνος с антропонимом Σβηνωμις, засвидетельствованным в надписях города Артанада, в Исаврии (юго-западная часть Малой Азии)²⁶. В надписях из этого города встречаются падежные формы этого имени: Σβηνωμις, Σβηνωμιος (gen.), Σβηνωμι (dat.)²⁷. Имеющиеся версии наводят

¹⁵ Как правило, аристократические имена содержали следующие композиты: ἀριστο-, -αγορης, -αρης, -αρχος, στρατο-, ἵππο-, -κρατης, -μαχος, νικο-, -φανης, -φορος и некоторые другие.

¹⁶ См.: Масленников, Сапрыкин 2007; Русяева 2010; Емец 2012.

¹⁷ LGPN IV, s.v.

¹⁸ LGPN Va, s.v.

¹⁹ LGPN IIa, s.v.

²⁰ LGPN IIIb, s.v. Отметим, что на островах Эгейского моря, Кипре и Киренаике оно встречается 8 раз, а на таком обширном пространстве, каким являются регионы Пелопонесс, Западная Греция, Сицилия, Великая Греция — 25 раз: LGPN I, IIIa.

²¹ Марченко 1970, 12.

²² Sparkes, Talcott 1970, 1, 89–90; 2, pl. 18, No 392.

²³ По заключению И.Д. Марченко, яма 647 изначально предназначалась для хранения зерна, но после осыпи бортов стала использоваться как мусорная (Марченко 1968, 3–4). Керамика из слоя заполнения ямы характерна для последней четверти VI – первой четверти V в. до н.э.: фрагменты хиосских пухлогорлых амфор, эолийских красноглиняных (тип со «стаканообразной ножкой»), клазоменских амфор, фрагменты чернофигурного килика с изображением глаз и сирен и пр. (Марченко 1968, 3–4).

²⁴ Zgusta 1964, 476, № 1465: Τερμιλας Μολεσεως Σπάνου (из региона Писидии).

²⁵ Zgusta 1964, 476, № 1465.

²⁶ Zgusta 1964, 458, № 1385. О месторасположении Артанаты см.: Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Vol. 2, Map 66: Taurus, B 2. Artanada.

²⁷ Zgusta 1964, 458, № 1385.

на предположение, что имя Σπαναμῖς можно рассматривать как вариант передачи антропонима Σβηνωμῖς²⁸. Данное имя было ассимилировано в соответствии с фонетическими особенностями, свойственными произношению жителей Пантикапея в третьей четверти VI в. до н.э. Этот процесс отразился в двух изменениях. В имени Σβηνωμῖς звонкий β в сочетании σβ перешел в глухой π (σπ), поскольку сочетание фрикативного звука со звонким губным (σβ) не характерно для древнегреческого языка, в отличие от сочетания фрикатива с глухим губным (σπ)²⁹. Колебания в передаче некоторых фонем в негреческих именах — явление нередкое в боспорских надписях. В.Ф. Гайдукевич обратил внимание на два варианта написания имени архонта Спартока на Боспоре: Σπάροδοκος, отмеченное в граффити Герее из Мирмекия, и Σπάρτοκος, известное по боспорским надписям III в. до н.э.³⁰ Первый вариант сохранил форму имени, известную по легенде на монете одноименного одрисского царя 424 г. до н.э. и встреченную также у Фукидида³¹. Второй вариант написания — уже местный, боспорский. Укажем также колебания в передачах согласных звуков в варварских именах: Σπαρόβαῖς (КБН 965) и Σφαρόβαῖ (КБН 956); Φαδῖναμος (КБН 36, 1263, 1288 и др.) и Φαζῖναμος (КБН 1278, 1281, 1282 и др.).

Второе изменение в имени Σβηνωμῖς коснулось долгих гласных: произошло сокращение (η, ω > α) перед смычными ν и μ: Σβηνωμῖς > Σπαναμῖς³². Можно предполагать, что имя Σπαναμῖς, вырезанное на поддоне килика, представляет местный (пантикапейский?) вариант «варварского» имени Σβηνωμῖς, происходящего из юго-запада малоазиатского этноязыкового ареала³³. Если наши рассуждения правомочны, то список антропонимов, происходящих из Малой Азии, для ранней истории Пантикапея пополнился еще одним. В соответствии с имеющимися данными, для Боспора V–IV вв. до н.э. насчитывается (с оговорками) более 40 имен³⁴.

Итак, ранняя история Пантикапея обогатилась двумя источниками, которые укладывают в ранее намеченные рамки этнокультурного формирования населения города во второй половине VI – начале V в. до н.э. Они содержат два новых имени, Εὐαρχος и Σπαναμῖς, которые происходят из греческого и, по всей видимости, малоазиатского (юго-западная часть Малой Азии) ономастикона соответственно. Оба граффити относятся к группе полноценных владельческих надписей, которые, как правило, вырезались на внешней стороне поддонов сосудов. Местонахождение поддонов сосудов с владельческими маркировками в пределах частных домовладений на территории раннего Пантикапея проясняет возможную причину маркировки владельцами своей посуды. Имеющиеся артефакты следует связывать с особенностями древнегреческого образа жизни. Оба сосуда, на поддонах которых вырезаны публикуемые надписи, имеют отношение к культуре греческого симпозиа: пелика (ольпа, ойхойя) использовались для воды, а килик — для питья уже разбавленного водой вина во время заключительного этапа пира.

Литература

- Борисковская С.П. 1971: Вазы Буккери с рельефами из района Вульчи // ВДИ. 1, 29–41.
 Виноградов Ю.Г. 1974: Прохус Минииды из Пантикапея // ВДИ. 4, 56–67.
 Гайдукевич В.Ф. 1966: Вотив Герее из Мирмекия // Культура античного мира. М., 70–76.
 Денисова В.И. 1994: Литейная форма мастера Гикесия из Ольвии // Археологические вести. 3. СПб., 78–87.

²⁸ Окончание -ις может восходить к хетто-лувийскому суффиксу -z(z)i < и.-е.*-tjo-, см.: Тохтасьев 2012, 315, прим. 5.

²⁹ Словари приводят только σβέννυμι (тушить, гасить) и производные от него формы (σβέσις, σβεστήρ и т.п.), тогда как слов на σπ- значительно больше.

³⁰ Гайдукевич 1966, 70–76.

³¹ Гайдукевич 1966, 74.

³² В частности, использование α вместо η встречается в пантикапейских надписях IV–I в. до н.э.: ἀρετᾶς (КБН 124, I в. до н.э.), στάλαν (КБН 129, I в. до н.э.): ναός (КБН 991, 1014: IV в. до н.э.) см: КБН, 1965, 798, 1. 5. А.И. Доватур усматривал в этом явлении влияние дорийского диалекта. Отметим, что надписями зафиксировано колебание между α и η в личных именах: Ματρώδορος (КБН 764, I в. н.э.) и Μητρώδορος (КБН 207, IV в. до н.э.).

³³ Высказанная гипотеза о происхождении имени Σπαναμῖς является попыткой первичного осмысления нового антропонима из ранней истории боспорской столицы.

³⁴ С.Р. Тохтасьев выделяет 48 имен 62-х носителей (Тохтасьев 2012, 313–360), тогда как В.П. Яйленко насчитывает не более 20 имен (Яйленко 2010, 120–182).

- Емец И.А. 2012: Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.
- Книпович Т.Н., Болтунова А.И. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 3, 3–32.
- Русяева А.С. 2010: Античные граффити Ольвии. Керчь — Симферополь.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. 2007: Граффити и дипинти хоры античного Боспора. БИ. Supplementum 1, Керчь — Симферополь.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2004: Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // ДБ. 7, 344–365.
- Толстиков В.П., Муратова М.Б. 2013: К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI — первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1, 176–193.
- Тохтасьев С.Р. 2011: Греческий язык на Боспоре: общее и особенное // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции / М.Ю.Вахтина и др. (ред.). СПб., 673–682.
- Тохтасьев С.Р. 2012: Этническая и демографическая история Северного Причерноморья по данным эпиграфики и ономастики. СПб.
- Яйленко В.П. 1982: Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М.
- Яйленко В.П. 1995: Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире / Л.П.Маринович, С.Ю.Сапрыкин (ред.). М., 204–272.
- Яйленко В.П. 2010: Тысячелетний боспорский рейх. М.
- Barrington Atlas of the Greek and Roman World: Map-by-map. Ed. Richard J.A.Talbert. Princeton, 2000.
- Krapivina V., Lejpuskaja N. 2009: Grey Table Ware from Late Archaic — Early Classical Complexes of the Central Quarter of Olbia Pontica // Pontic Grey Ware. International Conference Buchares — Constanța, September 30th — October 3rd 2008. Pontica XLII. Supplementum I. Constanța, 67–76.
- Pontic Grey Ware 2009: Pontic Grey Ware. International Conference. Bucarest–Constantza, September 30th — October 3d, 2008. Pontica XLII. Supplementum I. Constanta.
- Sparkes B.A., Talcott L. 1970: Black and Plain Pottery of the 6, 5 and 4 Centuries B.C. The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton; New Jersey.
- Vinogradov Ju.G. 1998: The Greek Colonization of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // The Greek Colonization of the Black Sea Area. Stuttgart, 152–178.
- Zgusta L. 1964: Kleinasiatische Personennamen. Prag.

Архивные материалы

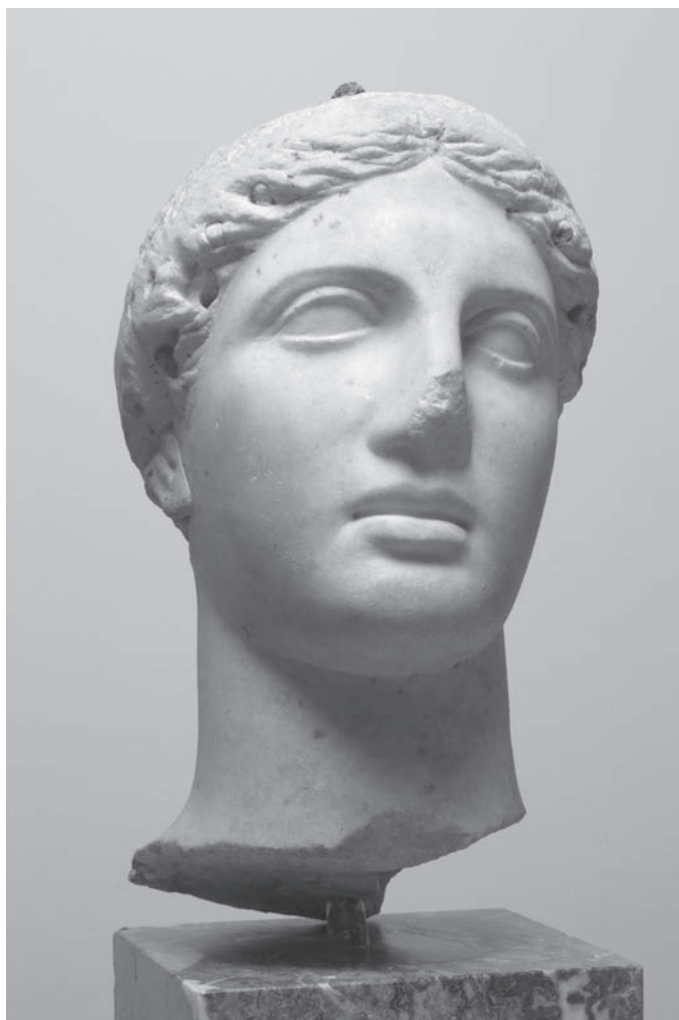
- Марченко И.Д. Отчет о раскопках Пантикапея за 1967 и 1968 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3809.
- Марченко И.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1969 и 1970 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4315.

TWO NEW GRAFFITI FROM PANTIKAPEIAION (FROM THE ARCHIVE OF V.D. AND T.V. BLAVATSKIY)

N.V. Zavoikina

In this article two new graffiti on ceramic vessels are published for the first time. They were discovered by chance among the papers of the Blavatsky family archive, kept in the V.D. Blavatsky Memorial Study and Library at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science. Both graffiti were found in the course of archaeological excavation in Kerch in 1967 and 1969. The first inscription, “I belong to Evarchos,” is incised on a foot of an East Greek jug — either pelike or olpe — dating to the late 6th–early 5th century BC. The second graffito is found on a foot of an Attic cup of the 3rd quarter of the 6th century BC and also bares the owner’s name: “Spanamis”.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

ЕЩЕ РАЗ О «ЗЕМЛЯНОЧНОМ ПЕРИОДЕ» В РАННЕЙ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

Подготавливая статью для сборника-Festschrift'a в честь Владимира Петровича Толстикова, выдающегося отечественного исследователя античного Северного Причерноморья, мы, естественно, постарались подобрать для рассмотрения такой сюжет, который самому юбиляру был бы не чужд. Более того, Владимиру Петровичу доводилось специально писать по этой проблеме (хотя она, пожалуй, и не входила в круг его наиболее приоритетных интересов). Подчеркнем, что речь идет именно о дискуссионной, даже животрепещущей *проблеме*, на почве изучения которой отнюдь нет согласия между специалистами. Свою точку зрения на нее автор этих строк в очень краткой, тезисной форме обозначил несколько лет назад¹; а здесь мы разовьем свою аргументацию более подробно и, кроме того, добавим один новый тезис (не исключаем, что этот последний покажется коллегам действительно *свежим*).

Одним из вопросов, дискутирующихся в историографии Северного Причерноморья, является такое обстоятельство, как определенное распространение земляночного и полуземляночного домостроительства на раннем этапе существования греческих колоний в регионе. Лишь через несколько десятилетий (часто приходится прочесть такую формулировку, как «через 70–80 лет», иными словами, через два человеческих поколения) после их основания происходит широкий переход к возведению наземных жилых построек привычного для эллинов типа.

У теории «земляночного периода» выявились как решительные сторонники, так и не менее решительные противники². К числу первых относится, естественно, С.Д. Крыжицкий³ (собственно, с ним в первую очередь и ассоциируется «земляночная теория»), а также, например, В.С. Долгоруков⁴, Ю.А. Виноградов⁵, А.М. Бутягин⁶, С.Б. Буйских⁷, С.И. Финогенова (теперь — с оговорками⁸) и др.

¹ Суриков 2011.

² В нашу задачу здесь никак не входит давать исчерпывающую историографию и библиографию вопроса. Более того, крайне ограниченный лимит объема, отпущенного на статью, прямо препятствует этому. Поневоле приходится ограничиться некоторыми выборочными указаниями (имеем в виду как авторов, так и ссылки на их работы). Остается надеяться на то, что главнейшее все-таки будет нами отмечено.

³ С.Д. Крыжицкий писал об этом очень много. См., например: Крыжицкий 1982, 41, 51, 66 и др.; 1984, 204–205; Kryzhitskiy 2007, 12, 18–19.

⁴ Крыжицкий, Долгоруков 1984, 198. Ср. также цитату из неопубликованной работы В.С. Долгорукова, приведенную в: Завойкин 2009, 188. В.Д. Кузнецов оговаривает, что В.С. Долгоруков, раскапывавший именно Фанагорию, «ошибочно считал землянками две ямы, каждая общей площадью менее 3 м²» (Кошеленко, Кузнецов 2010, 426). С этим суждением, бесспорно, следует согласиться. О специфике фанагорийской ситуации см. ниже.

⁵ Ю.А. Виноградов писал по этой проблеме тоже немало, всегда отстаивая принятую им точку зрения. См., например: Виноградов 1995, 157 слл.; 1999; 2000.

⁶ Он наиболее акцентированно изложил свою позицию в небольшой работе: Бутягин 1999 (хотя касался рассматриваемого здесь вопроса и в других своих исследованиях). Как мы увидим, при некоторой общей «базе» воззрения Ю.А. Виноградова и А.М. Бутягина имеют существенные разногласия, в которых мы — на стороне последнего).

⁷ Buyskikh 2007, 25, 27.

⁸ Открытую в Гермонассе полуземлянку порядочной площадью 16–17 кв. м, датируемую первой половиной VI в. до н.э., эта исследовательница ныне трактует так: «Это сооружение вряд ли можно считать жилым помещением, поскольку расположение очага, занимавшего его большую часть, не способствовало хозяйственным целям» (Финогенова 2010, 512–513). Процитированная фраза нас озадачила. Не исключаем влияния на С.И. Финогенову весьма категоричных взглядов В.Д. Кузнецова.

В рамках той же точки зрения (на наш взгляд, в целом верной; оговорки, касающиеся хронологии, см. ниже) оказывается и В.П. Толстиков⁹. Что же касается ее противников, то тут рельефно выступают имена В.Д. Кузнецова¹⁰ и А.А. Завойкина¹¹ (почему именно их — станет ясно, когда наша статья подойдет к завершению).

Точку зрения последних можно адекватно охарактеризовать, например, следующими цитатами: «Представляется, что необходимость греков жить на протяжении 70–80 лет в столь некомфортных, малопригодных для них условиях, на которые их обрекают современные исследователи, стала бы веской причиной лишь для того, чтобы признать несостоятельность их колониционных усилий в данном регионе...»¹². Или: «Невозможно себе представить, чтобы создатели этой (древнегреческой. — И.С.) культуры не могли построить себе дома, в которых они жили в метрополии и которые имели длительную историю своего развития, а якобы заимствовали (*sic!*) у туземного населения традицию жить в буквальном смысле слова в ямах»¹³.

Как видим, полемика идет в достаточно остром ключе. Кстати, не все сторонники теории «земляночного периода» объясняют его именно заимствованием идеи у туземцев. Хотя есть и такие, прежде всего — Ю.А. Виноградов, который эксплицитно пишет: «...Следует согласиться с теми исследователями, которые видят в земляночном домостроительстве один из феноменов греческой колонизации Северного Причерноморья, объясняя его *влиянием материальной культуры местного населения*». Эллины восприняли «традицию домостроительства *варварских племен Прикубанья*...»¹⁴.

Тут, нам кажется, уместен ответный сарказм оппонентов данной точки зрения, которые замечают по этому поводу: «Адаптация эллинов к местным условиям и заимствование ими местных строительных традиций является своего рода эвфемизмом для обозначения простой, в сущности, мысли о том, что греки научились у местного населения выкапывать в земле ямы, которые не имели стен и нормальной крыши, и жили в них»¹⁵.

Однако же среди тех, кто признаёт наличие ранних греческих землянок в Северном Причерноморье, есть и ученые, отрицающие «варварское» влияние на этот феномен. Приведем следующее высказывание А.М. Бутягина: «Греческие колонисты приносят с собой *собственную традицию земляночного домостроительства*. Вряд ли можно говорить даже о заимствовании идеи, так как грекам, несомненно, было знакомо строительство землянок»¹⁶. Схожим образом мыслит и С.Б. Буйских.

* * *

Те, кто в принципе отрицает реальность «земляночного периода», обосновывают свою позицию с помощью двух групп аргументов: археологического и общеисторического характера. На археологических аргументах остановимся лишь вкратце, поскольку сознаём собственную недостаточную компетентность в данной сфере. Однако сразу бросается в глаза вот что. Да, В.Д. Кузнецову и А.А. Завойкину удастся вполне успешно показать: в ряде случаев то, что принималось исследователями за остатки землянок, в действительности было ямами, погребками, подвалами и т. п. Но, подчеркнем, именно *в ряде случаев*, а не во всех; таким образом, проблема смягчается, но не снимается: полностью и безоговорочно доказать фиктивность «земляночного периода» не получается.

Так, мы ни слова не возразим против категоричной формулировки В.Д. Кузнецова: «Следует совершенно определенно сказать, что, по крайней мере, в Кепках и Фанагории в процессе раскопок не обнаружены конструкции, которые можно называть землянками, в которых жили эллинские переселенцы»¹⁷. Но вот, например, в Мирмекии — ситуация иная. Сам А.А. Завойкин вынужден признать: «Для самого раннего периода жизни Мирмекии известны *только* (курсив наш. — И.С.)

⁹ См. прежде всего: Толстиков 2001, 387 слл.

¹⁰ Кузнецов 1995; 2001, 245; 2009, 297; Кошеленко, Кузнецов 2010, 422 слл. (соответствующие строки явно написаны В.Д. Кузнецовым).

¹¹ Завойкин 2009, 186–193 (с прекрасным обзором состояния изученности вопроса); 2013, 83–84, 383–385.

¹² Завойкин 2009, 186.

¹³ Кузнецов 2009, 207, прим. 9.

¹⁴ Виноградов 1995, 158–159; курсив наш.

¹⁵ Кошеленко, Кузнецов 2010, 422.

¹⁶ Бутягин 1999, 22–23, курсив наш.

¹⁷ Кошеленко, Кузнецов 2010, 426.

сооружения, именуемые “полуземлянками”...»¹⁸. И ведь вполне логично, что именно Ю.А. Виноградов и А.М. Бутягин, раскапывавшие Мирмекий, оказываются в числе главных адептов «земляночной» теории.

Автор этих строк не скрывает, что он — на их стороне, но при этом является противником любых крайностей и абсолютизаций. Так, с одной стороны, видимо, нельзя навязывать «земляночный период» как нечто обязательное, «иже не прейдеши». С другой стороны, точно так же нельзя и, как выражаются, «выплескивать с водой ребенка», то бишь — применительно к нашей ситуации — делать приблизительно такой вывод: коль скоро где-то в эллинских колониях на раннем этапе их существования не было землянок, — то, стало быть, их не было и *нигде*. Столь категоричный вывод уж слишком явно противоречил бы фактам.

Собственно, и у самого А.А. Завойкина кое-где проскальзывают более компромиссные формулировки, например: «...“Наземное домостроительство” в Пантикапее началось не через 70–80 лет после его основания, а значительно раньше... И в Тиритаке... наземное домостроительство фиксируется... лет через 20–30 после того, как она была основана»¹⁹. Тут речь идет (хочет того или не хочет автор) скорее уже не о полном отрицании «земляночного периода», а о том, что он: а) не имел абсолютного характера; б) был не столь продолжителен, как ранее представлялось. В этом исследователе, считаем, прав.

Что же касается общеисторических соображений, тот же А.А. Завойкин с иронией пишет по поводу доводов сторонников концепции «земляночного периода»: «От этой “закономерности” веет некой мистикой, будто оракул, благословивший колонистов на поиски новой родины, наложил запрет первым двум-трем поколениям жить в обычных греческих домах... Уклоняясь от обсуждения вопроса, какие, собственно, ресурсы были необходимы для того, чтобы семья могла позволить себе постройку сырцового дома, вынужден заострить внимание лишь на том обстоятельстве, что семьи были разные и по численности, и по достатку, даже на первых порах. Следовательно, если только не предполагать какую-то “запрещающую регламентацию” со стороны гражданского коллектива, ничто не мешало бедным жить, как им хочется, а другим — обеспечить себе и своей семье привычный образ жизни. Ведь речь идет не об общественных постройках, а о частном домостроительстве»²⁰.

В связи с приведенными суждениями хотелось бы заметить следующее. В том-то всё и дело, что общественные постройки для греков полисной эпохи были приоритетнее частных. Нужно учитывать менталитет эллинов, этих «полисных существ» (пожалуй, именно такой перевод аристотелевского ζῶον πολιτικόν будет корректнее, чем традиционное «политическое животное»), для которых сфера публичного была несравненно важнее, нежели сфера частного.

Несомненно, первое, о чем заботились на новом месте, — нормальное функционирование гражданской и религиозной жизни (для этого нужны были общественные постройки и храмы), второе — безопасность (элементы оборонительных структур), и только в третью очередь думали о комфорте частной жизни. Греки были людьми в целом не изнеженными (это в их среде возникло дожившее до наших дней представление о «восточной роскоши» как чем-то предосудительном); они вполне могли при необходимости на протяжении десятилетий мыкаться в условиях, которые нам не показались бы человеческими, — лишь бы с полисом было всё в порядке. Это для нас, людей постиндустриальной эпохи, в особенной степени важны такие вещи, как домашний уют, бытовые удобства и т. п., а для грека было значительно важнее, чтобы существовали, скажем, пританей и святилища — особенно учитывая тот хрестоматийный факт, что у себя дома грек-гражданин проводил меньше времени, чем в центрах гражданской жизни города.

Сказанным объясняется многое: и тот факт, что в Пантикапее, возможно, уже в «земляночный период» возводится на акрополе храм Аполлона²¹, и то обстоятельство, что в раннем Мирмекии «поселение, состоявшее из комплекса грубых полуземлянок, было укреплено согласно греческим традициям»²², и ряд других нюансов.

¹⁸ Завойкин 2013, 99.

¹⁹ Завойкин 2009, 191.

²⁰ Завойкин 2009, 186–187.

²¹ Завойкин 2009, 187, прим. 35. Храм Аполлона на пантикапейском акрополе теперь уже и сам В.П. Толстиков датирует более ранним временем, нежели он делал это раньше.

²² Виноградов 1995, 158.

Подведем пока некоторые предварительные итоги. Во-первых, навязывать неизбежность «земляночного периода» для любой северопонтийской греческой колонии мы *не должны* (а тем более не должны автоматически переносить эту реалию в какие-либо иные регионы расселения эллинов-колонистов). Во-вторых, безоговорочно отрицать наличие такого периода для тех или иных конкретных поселений мы точно так же *не должны*. Перед нами пусть не обязательное, но все-таки достаточно распространенное явление. В-третьих, продолжительность «земляночного периода», видимо, все-таки следует сократить (здесь А.А. Завойкин прав): она, похоже, несколько преувеличена в предшествующей литературе и в действительности составляла не два человеческих поколения (70–80 лет), а скорее одно поколение.

* * *

Но почему же именно землянки? Как мы видели, Ю.А. Виноградов, вслед за рядом других специалистов, считает возможным говорить о заимствовании идеи у местных варварских племен. Между тем А.М. Бутягин справедливо указывает на ряд принципиальных различий в конструкции греческих и варварских земляночных построек интересующего нас типа, прибавляя то не менее резонное соображение, что применительно к таким простейшим строениям, как землянки, вряд ли вообще имеет смысл говорить о заимствовании идеи.

Среди причин первоначального обитания эллинских колонистов в землянках называют, например, ограниченность экономического и демографического потенциала первопоселенцев, их желание «присмотреться» к малознакомой местности прежде, чем прочно в ней обосновываться, и т. п. Как нам представляется, необходимо уделить должное внимание еще одному фактору, а именно — фактору климатическому. Он до сих пор не то чтобы не принимался в расчет, но рассматривался на достаточно общем и абстрактном уровне. Если же присмотреться конкретнее, внимательнее к данному фактору и всем его импликациям, может оказаться, что он являлся едва ли не самым значимым.

Как известно, «нормальный» древнегреческий жилой дом весьма мало приспособлен к такому природному явлению, как *длительные холода*. В силу ряда своих особенностей он не мог (в отличие, например, от русской избы или от той же землянки) сколько-нибудь долго хранить тепло. Да, собственно, греки метрополии и не ощущали в этом особой нужды: сам тип эллинского (и в целом средиземноморского) жилища был порожден очень мягкими климатическими условиями. Имеем в виду прежде всего короткие и теплые субтропические зимы (и, между прочим, даже такие зимы порой заставляли эллинов в своих жилищах испытывать дискомфорт).

Если Эгейская Греция — это типичные сухие субтропики средиземноморского типа, то северопонтийский регион представлял (и представляет) собой юг умеренной климатической зоны. Единственное исключение — узкая полоска Южного берега Крыма, являющийся, кажется, самым северным в Евразии «кусочком субтропиков»: но в этом районе в интересующую нас эпоху греческие колонии не возникали, потому он и не будет нас интересовать.

В чем же принципиальное различие? Говорим сейчас не о последствиях, скажем, для экономики (если вспомнить об основных компонентах «средиземноморской триады», то прекрасно известно, что зерновые в Северном Причерноморье росли много лучше, чем в Эгее, а виноградарство, напротив, давало более скудные — и количественно, и качественно — результаты, что же касается культивирования оливы, то оно на Северном Понте вообще не смогло привиться), а специально о тех условиях, которые влияли на типы жилища и жилищного строительства.

Если лето в Северном Причерноморье принципиально не отличается от собственно греческого (оно точно так же жаркое и сухое), то зима имеет совершенно иной характер. Выстуженные массы воздуха с севера беспрепятственно вторгаются в регион через степи, не сдерживаемые никакими естественными преградами²³. Как следствие, зимы продолжительны и, главное, даже не просто холодны, а морозны, то есть с регулярной возможностью температур ниже нуля по Цельсию (вещь абсолютно немыслимая для Эгеиды²⁴), к тому же с устойчиво лежащим снежным покровом.

²³ Единственной преградой такого рода являются Крымские горы, что и порождает специфический феномен ЮБК.

²⁴ См. таблицу температурных показателей по Греции в книге: Карпюк 2010, 198–199.

Все знают, что Причерноморье (особенно Северное) воспринималось людьми античности как страна с чудовищно суровым климатом. В связи с этим от времен Геродота до времен Овидия и позже постоянно циркулировали разного рода гиперболизированные рассказы. Не место здесь разбираться, сколько в этих «страшилках» истины, а сколько преувеличений, и в какой мере они отражают реальные тогдашние условия в регионе. Ясно, во всяком случае, что они запечатлели общераспространенные представления, а только это сейчас для нас и важно.

Пугали греков, подчеркнем, прежде всего понтийские *зимы*, а не что-либо иное. Это четко прочитывается уже у «отца истории» (Herod. IV. 28–31). В частности, один из характерных топосов, встречающихся в данной связи в нарративной традиции, — лопнувший от холода бронзовый сосуд, наполненный водой (например: Strabo. II. 74). Как остроумно замечает С.Г. Карпюк²⁵, подобный случай означает всего-навсего то, что какое-то время температура держалась на уровне ниже –4°C. Нам подобная цифра никак не покажется экстремальной, но вот тут-то и нужно чувствовать разницу в ощущениях между нами, акклиматизированными обитателями средней полосы, и уроженцами Средиземноморья.

Именно суровые зимы, повторим, должны были стать одним из главных «бичей» для греческих колонистов по их прибытии в Понт. Лето, в сущности говоря, им можно было проводить и попросту на свежем воздухе (равно как и на родине), а вот от зимних холодов нужно было как-то спасаться; привычный же для эллинов тип жилого дома, как отмечалось выше, такой защиты в полной мере не обеспечивал. Как ни парадоксально, неказистая землянка лучше выполняла эту функцию — особенно если теплоизоляцию усиливали обмазкой стен и пола, а А.М. Бутягин как раз подчеркивает, что эллинские жилые землянки в Северном Причерноморье, в отличие от заглубленных хозяйственных помещений, имели обмазку²⁶.

Надо сказать, что еще лучшую защиту от холода давали бы бревенчатые срубные постройки, и можно предполагать, что таковые также использовались. Картина «грек в избе» выглядит курьезом, однако исключать подобные реалии тоже не стоит (разумеется, какие-то археологические следы изба вряд ли оставила бы). Впрочем, ввиду ограниченности лесных ресурсов на Боспоре такой вариант не мог стать основным. Мы, впрочем, предполагаем, что было одно достопримечательное исключение (в каком-то смысле хранящее в себе «ключ» ко всей этой историографической коллизии), и его мы коснемся в самой последней части данной статьи.

Резонанс и вопрос: почему же впоследствии произошел переход от землянок к «нормальным» греческим домам? Как нам представляется, следует говорить о постепенной акклиматизации, после которой понтийские холода не казались уже чрезмерными и не заставляли прятаться от них. Сами колонисты, скорее всего, так и не смогли до своей смерти полноценно акклиматизироваться; совсем другое дело — их дети, которые родились уже в условиях нового климата и для которых он поэтому был привычным и не вызывал дискомфорта. Акклиматизация детей поселенцев была облегчена еще и генетическим фактором: ведь матерями большинства из них наверняка были местные жительницы (у греков был обычай женщин в колонизационные экспедиции не брать).

Сказанное объясняет разрыв в поколение и больше между основанием боспорских колоний и окончанием «земляночного периода»: последнее могло произойти тогда, когда родившиеся в колониях дети выросли и стали главами ойкосов, а их отцы уже ушли из жизни. Иными словами, боспорское земляночное строительство не имело прямого отношения к влиянию туземцев²⁷, а было обусловлено совсем другими причинами.

* * *

И, наконец, финальный тезис — тот самый, относительно которого мы в самом начале статьи высказались в том духе, что именно он может оказаться достаточно свежим (во всяком случае, то сопоставление исторических и естественнонаучных данных, которое мы сейчас осуществим, кажется, никем еще не было сделано).

²⁵ Карпюк 2010, 50.

²⁶ Бутягин 1999, 23.

²⁷ Как может заметить читатель, в рамках данной статьи вообще не рассматривается гипотеза, согласно которой землянки в ранних греческих апоикиях в Северном Причерноморье — это жилища не греков, а варваров. Апологетом этой идеи в последнее время выступает С.Л. Соловьев (см., например: Соловьев 1992), но сторонников у него мало.

Выше специально подчеркивалось, что два главных в отечественной историографии противника концепции «земляночного периода» — В.Д. Кузнецов и А.А. Завойкин. И это, несомненно, связано с тем, что они раскапывают именно Фанагорию. Перед нами — какое-то просто-таки «зеркальное отражение» отмеченного выше случая с Ю.А. Виноградовым и А.М. Бутягиным. Если последние, работая в Мирмекии, землянки *нашли* и, соответственно, из этого исходят, то первые, на протяжении многих лет исследуя Фанагорию, жилых землянок в ней *не нашли* и, соответственно, исходят из этого.

Иными словами, и мы должны исходить из того, что в Фанагории (и, видимо, в соседних Кепях) «земляночный период» действительно не имел места. Как сие объяснить? Тот аргумент, что теосцы прибыли основывать Фанагорию позже, в тот момент, когда в окрестных полисах уже утвердилось нормальное наземное жилищное строительство, в принципе, мог бы работать, но Кепы, возникшие в первой половине VI в. до н.э.²⁸, не вписываются в постулируемую картину.

Так почему же данные полисы оказываются в роли, так сказать, особого случая? Это оказалось ясным из совсем недавно вышедшей статьи «Почвы Фанагории»²⁹. Мы, историки, будучи гуманитариями, обычно без большой охоты читаем работы по естественнонаучной проблематике, но вот тут как раз имело место скорее исключение. Скрупулезные выкладки А.Л. Александровского привели его к ответственному (и неожиданному, как он отмечает, даже для него самого) выводу о том, что состав античных почв Фанагории (обусловленный, как понятно, характером растительности, которая существовала тогда в этой местности) оказывается уникальным, не имеющим аналогий во всем таманском регионе и, в частности, принципиально отличающимся даже от почв расположенной довольно неподалеку Гермонассы.

Имеет смысл процитировать дословно некоторые важные пассажи из рассматриваемой статьи. О погребенной почве Фанагории говорится: «последняя занимает особое место и отличается не только от современных почв Таманского полуострова, но и от почв своего времени»³⁰. Она имеет *лесной* генезис. «Фанагория возникла среди дубравы и некоторое время существовала возле нее»³¹. А, скажем, относительно почвы под культурным слоем Гермонассы указано: «Она тоже была погребена в VI в. до н.э., т.е. одновременно с фанагорийской, но имеет типичный для региона — степной генезис»³².

Сознавая всю значимость высказанных тезисов, автор повторяет вновь и вновь: «...Погребенная почва Фанагории отличается не только от типичных почв Тамани (суглинистых черноземов), но и от фоновых почв (супесчано-песчаных), и от почв на поверхности культурного слоя (суглинистых черноземов)»³³... Всё это позволяет предположить, что Фанагория возникла на месте леса. Анализ угольков из нижней части культурного слоя и с поверхности погребенной почвы показывает, что это были широколиственные леса, представленные в основном дубом. Также в древостое участвовали клен, ясень, бук и граб. Хвойные породы отсутствовали. С возникновением Фанагории начинается антропогенный этап развития природы в районе города³⁴... Развитие почвенно-растительного покрова Фанагории и в Гермонассе протекало по-разному... В районе Фанагории степь возникла лишь благодаря человеку³⁵... Длительность лесной стадии была довольно велика и составляла около 1000 лет, предположительно в интервале от 3600 лет назад до времени основания Фанагории в VI в. до н.э.³⁶».

Итак, что же мы в итоге имеем? В тот момент, когда теосские беженцы прибыли к берегам Таманского залива, на месте, избранном ими для поселения, шумел тысячелетний лес! Возможно, именно потому-то эта местность и не была до них никем освоена, поскольку эллинские колонисты, естественно, искали в первую очередь безлесные места, позволяющие сразу, без дополнительных усилий по расчистке, заняться земледелием. Фанагорийцы оказались в регионе последними, и им

²⁸ Журавлев, Кузнецов 2010, 541.

²⁹ Александровский 2013.

³⁰ Александровский 2013, 122.

³¹ Александровский 2013, 123.

³² Александровский 2013, 122.

³³ Александровский 2013, 123.

³⁴ Александровский 2013, 126.

³⁵ Александровский 2013, 127.

³⁶ Александровский 2013, 128.

пришлось, как говорится, брать то, что осталось. Но «нет худа без добра»: подобное лесное соседство позволило им не прибегать к земляночному строительству, а возводить на первых порах деревянные дома. Не приходится сомневаться, что в таком старом лесу можно было найти известное количество стволов достаточной толщины для сооружения жилищ. Антропогенный фактор, само собой, привел к тому, что лес через какое-то время был сведен; но тогда уже фанагорийские греки, как и все их соседи, вернулись, акклиматизировавшись, к строительным традициям метрополии (см. выше). Очевидно, сказанное о Фанагории можно отнести и к находившимся совсем близко Кепам.

Литература

- Александровский А.Л. 2013: Почвы Фанагории // Фанагория: Результаты археологических исследований. Т. 1. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 / В.Д. Кузнецов (ред.). М., 108–135.
- Бутягин А.М. 1999: К вопросу о генезисе земляночного домостроительства в Северном Причерноморье // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского: К 100-летию со дня рождения. Тезисы докладов. М., 22–23.
- Виноградов Ю.А. 1995: Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 3, 152–160.
- Виноградов Ю.А. 1999: Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum+. 3, 101–115.
- Виноградов Ю.А. 2000: К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева / В.Ю. Зуев, Л.В. Шадричева (ред.). СПб., 227–232.
- Журавлев Д.В., Кузнецов В.Д. 2010: Кепы // Античное наследие Кубани / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). Т. 1. М., 541–555.
- Завойкин А.А. 2009: О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 13, 176–205.
- Завойкин А.А. 2013: Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь — Керчь.
- Картюк С.Г. 2010: Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция). М.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. 2010: Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). Т. 1. М., 409–426.
- Крыжицкий С.Д. 1982: Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 1984: Жилые дома // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР / Г.А. Кошеленко и др. (ред.). М., 204–207.
- Крыжицкий С.Д., Долгоруков В.С. 1984: Градостроительство // Античные государства Северного Причерноморья / Г.А. Кошеленко и др. (ред.). М., 198–201.
- Кузнецов В.Д. 1995: Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сборник. 6, 99–126.
- Кузнецов В.Д. 2001: Полис на Боспоре (эпоха архаики) // ДБ. 4, 237–253.
- Кузнецов В.Д. 2009: Причерноморские греки в варварской земле // ДБ. 13, 280–304.
- Соловьев С.Л. 1992: Особенности домостроительства Нижнего Побужья VI — нач. III вв. до н.э. в контексте греко-варварского взаимодействия в Северо-Западном Причерноморье // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара) / Б.А. Раев (ред.). Ч. 1. Новочеркасск, 44–52.
- Суриков И.Е. 2011: Раннебоспорские землянки: свидетельство контактов с местным населением или модификация эллинских традиций? // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции / М.Ю. Вахтина и др. (ред.). СПб., 59–63.
- Толстиков В.П. 2001: Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 4, 385–426.
- Финогенова С.И. 2010: Гермонасса // Античное наследие Кубани / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). Т. 1. М., 511–526.

- Buyetskikh S.B.* 2007: Contacts between Greeks and Non-Greeks on the Lower Bug in the Sixth and Fifth Centuries BC // *Classical Olbia and the Scythian World: From the Sixth Century BC to the Second Century AD* / D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.). L., 23–35.
- Kryzhitskiy S.D.* 2007: Criteria for the Presence of Barbarians in the Population of Early Olbia // *Classical Olbia and the Scythian World: From the Sixth Century BC to the Second Century AD* / D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.). L., 17–22.

ONCE AGAIN ON THE “DUGOUT PERIOD” IN THE EARLY HISTORY OF GREEK COLONIES IN THE NORTH PONTIC REGION

I.E. Surikov

In scholarly literature, there exists an influential view that the early Greek colonists in the Northern Black Sea area initially lived in dugouts and semi-dugouts, and started building the Mediterranean style houses only 70–80 years (two human generations) later. The staunch opponents of this theory are V.D. Kuznetsov and A.A. Zavoykin; both of them, characteristically, excavate and study the site of the ancient Phanagoria.

This article proposes that there is no need to postulate a ubiquitous “dugout period” for the whole region, although it is impossible to deny the existence of the early Greek dugouts found at many sites. Perhaps they functioned for shorter period — for one generation instead of two. Furthermore, it is suggested that the Greek colonists were building the dugouts for the reasons of purely climatic character. North Pontic winters were too severe for living in the Mediterranean-style houses, therefore, an ordinary dugout could have saved the Greeks from the frosts. Wooden constructions (akin to a typical Russian izba) might have worked even better. These, however, required ample supply of wood. Perhaps the lack of the early dugouts in Phanagoria should be explained by the fact that this city emerged in a forest.

ОБ ОДНОМ АРХАИЧЕСКОМ ПОГРЕБЕНИИ ТУЗЛИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (по материалам научного архива ИИМК РАН)¹

Некрополь на м. Тузла (Темрюкский район Краснодарского края) принадлежит к интереснейшим памятникам Таманского полуострова. Он является чрезвычайно важным источником при рассмотрении широкого круга вопросов, связанных с особенностями погребальной практики греков и смешанного греко-варварского населения и, в целом, для понимания особенностей развития греческой культуры в регионе Северного Причерноморья. Раскопки некрополя начались еще в начале 50-х гг. XIX в., причем, как это часто случается, захоронения в юго-восточной части м. Тузла привлекали внимание не только ученых, но и грабителей². Н.П. Сорокина в 1957 г. опубликовала обобщающее исследование, посвященное погребальному обряду и вещественному материалу этого памятника³. Сравнительно недавно вышла в свет статья С.В. Кашаева, проделавшего огромную работу с архивными данными и научными публикациями, что позволило ему реконструировать целый ряд важнейших комплексов курганных погребений⁴. Дальнейшая обработка и введение в научный оборот архивных материалов, связанных с раскопками некрополя на м. Тузла, а также другого близлежащего некрополя у бывш. хутора Кротенко (между мысами Тузла и Панагия), являются необходимыми для полноценного научного издания всего комплекса находок на современном уровне. Будем надеяться, что такая работа в будущем будет проделана.

В данной статье мы рассмотрим комплекс лишь одного погребения могильника на м. Тузла, принадлежащего к архаическому времени — грунтовую могилу 1, открытую В.В. Шкорпиллом в 1913 г. (погребение I/III 2013 по нумерации, принятой в работе Н.П. Сорокиной). Вещи из этого захоронения известны и неоднократно издавались. Достаточно подробные данные об этом комплексе можно найти в дневнике раскопок В.В. Шкорпила⁵. Согласно его описанию, земляная «гробница № 1»⁶ находилась «против забора Южного кордона», то есть недалеко от оконечности мыса⁷. Она была выявлена на глубине 1,03 м и представляла собой яму, перекрытую досками, поверх которых была положена морская трава и насыпан слой песка, «смешанного со множеством устричных скорлуп». Длина могилы составляла 0,70 м, ширина 0,48 м, глубина — 1,17 м. Она содержала костяк, лежавший головой на восток; у его правого колена были найдены обломки «амфоры милетского стиля, с двухствольными ручками (высота сосуда 0,285 м), украшенной двумя почти одинаковыми изображениями горного козла, и раздавленный чернолаковый килик на высокой подставке с двумя желтыми поясками на наружной стороне и красным кружком на дне. За левым плечом костяка стоял сосудик (выс. 0,105 м) с такою же облицовкой, какой покрыта амфора, украшенный темными полосками на туловище, венчике и ручке; плечи сосуда украшены волнистой линией темного цвета». В рапорте № 84 от 24 ноября 1913 г., направленном В.В. Шкорпиллом в Археологическую Комиссию, содержится подробное описание всех трех сосудов, найденных в погребении (находки 1913 г. №№ 33–35)⁸.

¹ Работа над статьей велась в рамках проекта РГНФ, грант № 13-01-00016а.

² Об истории исследований Тузлинского некрополя см. Сорокина 1957, 6; Кашаев 2013, 360 сл.

³ Сорокина 1957.

⁴ Кашаев 2013.

⁵ Шкорпил 1913, л. 60.

⁶ Нумерация дана по дневнику В.В. Шкорпила.

⁷ Шкорпил 1918, 140. См. также Кашаев 2013, 363, рис. 2.

⁸ Шкорпил 1913, 61.

Судя по размерам «земляной гробницы», комплекс содержал детское захоронение. Традиция перекрывать яму досками, покрытыми сверху слоем песка, смешанного с раковинами моллюсков, типична для погребений Тузлинского некрополя VI–V вв. до н.э.⁹, она зафиксирована и для других некрополей Таманского полуострова.

Сосуды из погребения 1/III 1913, как и другие находки из раскопок, были переданы в Археологическую Комиссию. Через год они были изданы Б.В. Фармаковским в статье «Милетские вазы из России» и датированы в пределах первой половины VI в. до н.э.¹⁰ Б.В. Фармаковский отметил тот факт, что в отличие от некрополя Ольвии, где подобные сосуды часто находят в комплексах вместе с чернофигурной керамикой (ионийской и аттической), инвентарь таманского захоронения представлен исключительно образцами восточнотракийской посуды¹¹. Ученый полагал, что этот факт свидетельствует в пользу того, что «древне-милетский стиль доживает в России, может быть, до половины VI в. до Р.Х.». К вопросам датировки сосудов и возможной дате самого погребения 1/III 1913 мы обратимся ниже. Как уже упоминалось, в захоронении были обнаружены три сосуда, привезенные в Северное Причерноморье из Восточной Греции: столовая амфора, лекиф и килик. Кратко остановимся на каждом из них.

1. Столовая амфора¹², украшенная с обеих сторон изображениями горного козла (рис. 1, 1–2). Это, безусловно, самая интересная находка из комплекса погребения. На горле амфоры — крупная простая «плетенка», на плечевом фризе между двустовальными ручками с каждой стороны изображена крупная фигура козла, опустившегося на передние ноги, с головой, повернутой назад. Заполнительный орнамент в виде крупных крестов и точек обрамляет изображения. Среднюю и нижнюю часть сосуда покрывают узкие и широкие пояса лака. Такие амфоры в стиле Late Wild Goat, украшенные лишь одним фризом, достаточно широко представлены в продукции североионийских центров. Р. Кук полагал, что их производство началось ок. 610 г. до н.э.¹³ Однако мнение А.В. Буйских, считающей, что для имеющегося массива такой керамики предпочтительней остается датировка от начала VI в. до н.э., представляется нам более обоснованным¹⁴. Фрагменты амфор, украшенных фигурами козлов на плечевых поясах, были найдены при раскопках Токры в слое 580–560 гг. до н.э.¹⁵, что позволило выделить их в отдельную стилистическую группу (Tosra type).

Амфоры этого типа и их фрагменты известны также по раскопкам архаических слоев и комплексов греческих колоний Северо-Западного Причерноморья — Истрии¹⁶, Березани¹⁷ и Ольвии¹⁸. Целый ряд экземпляров был найден в греческих центрах Боспора — Пантикапее¹⁹, Мирмекии²⁰, Гермонассе²¹, Кепах²². Еще одна интересная амфора этого типа²³, приобретенная В.В. Шкорпиллом для Археологической Комиссии у частных лиц в Керчи, судя по его указанию, также происходит из Тузлинского некрополя — из раскопанного грабителями погребения²⁴. Эта амфора имеет интересную особенность: на метопах ее плечевого фриза на двух сторонах сосуда представлены разные животные — бык и козел. Роспись ее выполнена более тщательно по сравнению с росписью амфоры из погребения 1/III 2013, детали изображений подчеркнуты белой накладной краской.

⁹ Сорокина 1957, 8.

¹⁰ Фармаковский 1914, 14, табл. XI, 1–3.

¹¹ Фармаковский 1914, 14, прим. 1.

¹² Фармаковский 1914, табл. XI, 1; Сорокина 1957, табл. I.

¹³ Cook, Dupont 1998, 56.

¹⁴ Буйских 2013, 45–46.

¹⁵ Tosra I, 12.

¹⁶ Alexandresku 1978, 35–36, cat. No 2–11, pl. 1.

¹⁷ Копейкина 1968, 44 сл.; Kerschner 2006, Abb. 7, 10, 12.

¹⁸ Буйских 1913, 45 сл.

¹⁹ Сидорова 1962, 31–33; 151, табл. 7.

²⁰ Виноградов 1992, 114, рис. 3 а–г; Vinogradov, Butyagin, Vakhtina 2003, 833, fig. 3, 2; Лебедева 2004, 154 сл., рис. 1–2.

²¹ Финогенова 2006, 339–340, табл. 2, 1–2; 2010, 514, рис. 4.

²² Николаева 1977, 150–151, рис. 1–2.

²³ Руднева 1912, 104 сл., табл. XII–XIII; Сорокина 1957, табл. 5.

²⁴ Шкорпил 1914а, 40–41. Об этом сосуде В.В. Шкорпил также писал в примечании на л. 186 отчета о раскопках 1911 г.: «Возле Тузлы найдены также ионийские амфоры, изданные Н.А. Энман и С.Д. Рудневой в ИАК, вып. 45, стр. 92 сл.». Первая из них — известная клазоменская амфора с изображением лани. См. Энман 1912, табл. VII–XI; Книпович 1955, 360, рис. 3; Сорокина 1957, табл. 2.

Рис. 1. Амфора из погребения 1/III 1913 некрополя на м. Тузла (по материалам научного архива ИИМК РАН). 1 – с негатива II 34990, инв. № 16159; 2 – с негатива II 34989, инв. № 16158

В варварском мире региона находки амфор этого типа достаточно редки. Один экземпляр был обнаружен в комплексе скифского кургана у с. Шандровка (Павлодарский р-н Днепропетровской обл.) в Приорелье²⁵. Небольшой фрагмент фриза амфоры²⁶, на котором сохранились лишь часть передней ноги козла и четырехлепестковая розетка (рис. 2), происходит из раскопок скифского горизонта Немировского городища в лесостепном Побужье.

По стилю росписи амфору из погребения 1/III 2013 некрополя на м. Тузла, по-видимому, можно отнести к одному из позднейших экземпляров керамики LWG и датировать в пределах второй четверти VI в. до н.э., вероятно, временем ближе к середине столетия.

2. В погребении 1/III 2013 был также найден небольшой ионийский арибаллический лекиф²⁷, украшенный росписью в виде волнистой линии под горлом и поясами из широких и узких полос на тулове (рис. 3, 1). Этот сосуд принадлежит к группе ионийской керамики с росписью в виде полос и волнистых линий, основную массу которой обычно датируют широко в пределах второй половины VI в. до н.э.²⁸ К этому времени, по-видимому, принадлежат лекифы с подобным орнаментом, обнаруженные при раскопках греческих центров Северного Причерноморья и их некрополей — Березани²⁹, Ольвии³⁰, Пантикапея³¹, в комплексах погребений 3/1938 г. некрополя Гермонассы³² и могилы 121 (76) Тузлинского некрополя, раскопанной В.В. Шкорпилом в 2011 г.³³ Похожий лекиф, имеющий более стройные пропорции, хранится в Ялтинском музее и, вероятно, происходит с территории Боспорского государства³⁴. Известны находки подобных лекифов и на варварской перифе-

²⁵ Мухопад 1988, 110 сл., рис. на с. 111.

²⁶ Вахтина 1998, 133, рис. 3, 9; Vakhtina 2007, Taf. 65, 3, 1.

²⁷ Фармаковский 1914, табл. XI, 3; Сорокина 1957, табл. 7, 1.

²⁸ См. Буйских 2013, 116.

²⁹ Борисфен-Березань 2005, кат. №№ 77, 82.

³⁰ Буйских 2013, кат. №№ 9, 28, 9, 29.

³¹ Шкорпил 1905, 27, рис. 23; Вдовиченко 2008, рис. 20, 6.

³² Гайдукевич 1959, рис. 15, 1.

³³ Сорокина 1957, 11, рис. 4, 2.

³⁴ Вдовиченко 2008, рис. 125, 12.

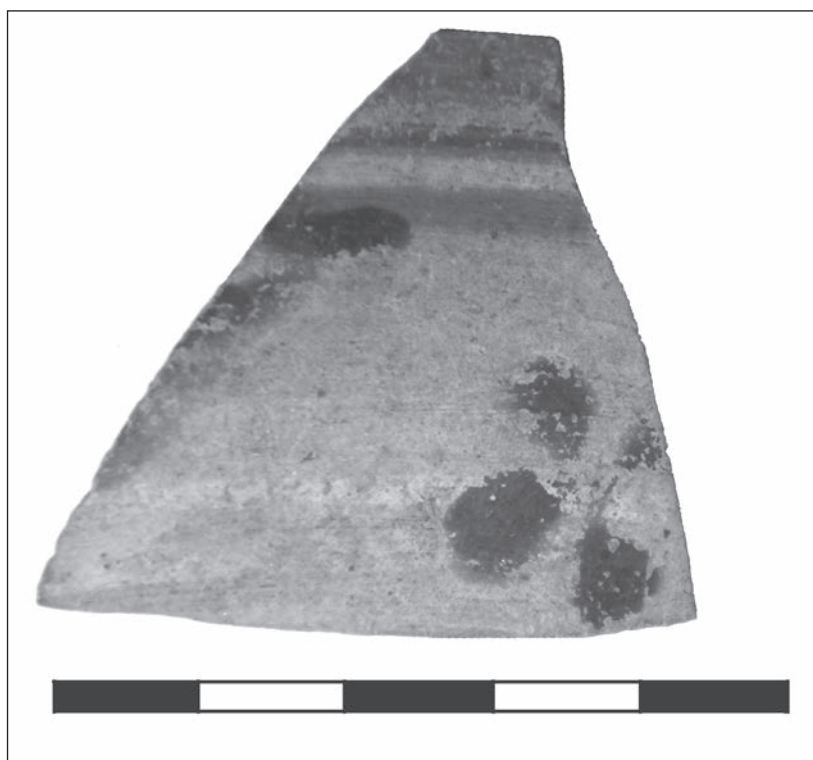

Рис. 2. Фрагмент плечевого фриза амфоры из Немировского городища в Побужье (по VakhCna 2007, Taf. 65: 3, 1)

рии. Сосуд этого типа входил в состав комплекса богатого скифского воинского погребения кургана 491 у с. Макеевка³⁵ и кургана 423 у с. Журовка³⁶ в лесостепном днепровском Правобережье.

Представляется, что арибаллический лекиф из погребения 1/III 2013 мы также могли бы предварительно поместить в рамки второй половины VI в. до н.э. Правда, исследователи отмечают, что импорт ионийской керамики с «полосатой» росписью в Северное Причерноморье начался раньше, вероятно, еще на рубеже VII–VI вв. до н.э., что фиксируют единичные закрытые комплексы, в составе которых представлена посуда этой группы³⁷. Однако «сузить» дату того или иного экземпляра можно лишь на основании надежной датировки комплексов, основанной на анализе других категорий вещей.

Упоминание В.В. Шкорпил о сходстве «облицовки» лекифа и амфоры³⁸, найденных в этом погребении, позволяет высказать предположение, что лекиф также мог принадлежать к продукции северо-ионийских мастерских.

3. Третий сосуд из погребения 1/III 2013 — ионийский килик на высокой ножке (рис. 3, 2)³⁹. В своем рапорте в АК В.В. Шкорпил описал его как «фрагментированный чернолаковый килик с красным дном и двумя горизонтальными светло-красными полосками на наружной стороне»; в дневнике раскопок содержится уточнение, что сосуд имел красный кружок на внутренней поверхности дна⁴⁰. Эта особенность, как и сходство формы и характера орнамента в виде двух светлых поясов — узкого в нижней части тулова и широкого в средней его части, сближает килик из погребения 1/III с киликом, найденном в комплексе грунтовой могилы 96 некрополя Ольвии, датированном

³⁵ Онайко 1966, кат. № 160, табл. VI, 2; Галанина 1977, табл. 12, 8.

³⁶ Онайко 1966, кат. № 121, табл. VI, 6. Мы сознательно не привлекаем здесь в качестве аналогий близкий и, очевидно, синхронный тип арибаллического лекифа, украшенный, в отличие от тузлинского экземпляра, поясами широких и узких полос, но не имеющий в составе декора волнистых линий. См., например: Онайко 1966, кат. № 121, табл. VI, 3.

³⁷ Буйских 2013, 116.

³⁸ Шкорпил 2013, л. 61.

³⁹ Фармаковский 1914, табл. XI, 2; Сорокина 1957, 10, рис. 2, 3; табл. 8, 1.

⁴⁰ Шкорпил 1913, л. 60–61.

Рис. 3. Сосуды из погребения 1/III 19131 на м. Тузла (с негатива II 38153, инв. № 19423 научного архива ИИМК РАН). 1 – арибаллический лекиф; 2 – килик

В.М. Скудновой 530-ми гг. до н.э.⁴¹ Сходную форму и орнамент в виде двух поясов имеет и килик из грунтовой могилы 7 Ольвийского некрополя, относящейся к 530-500 гг. до н.э.⁴² Представляется, что килик из погребения 1/III Тузлинского некрополя близок типу Х по классификации Дж. Хейса⁴³. Его возможно отнести к «смешанной» группе восточногреческих киликов, для которых характерно аттическое влияние⁴⁴. Действительно, форма и орнаментация тузлинской чаши близки аттическим киликам с росписью в виде полос на тулове (band-cups)⁴⁵. Согласно классификации ионийских чаш, предложенной У. Шлотцауером, форма и декор килика из погребения 1/III сходны с экземплярами, относящимися к типу 9, вариантам 3 и 4, время бытования которых определено автором в рамках 570/60 — 500/490 гг. до н.э. для варианта 3 и 570/60 — 520/510 гг. до н.э. для варианта 4⁴⁶.

Похожий экземпляр был обнаружен в грунтовом погребении 3/1938 некрополя Гермонассы (Таманского поселения), упоминавшегося выше⁴⁷. Инвентарь этого захоронения был «богаче», в него, кроме керамики, входили металлические украшения и бусы⁴⁸. Здесь также были найдены восточногреческие сосуды — столовая амфора с росписью в виде полос лака, а также арибаллический лекиф и килик, близкие тем, что были найдены в могиле Тузлинского некрополя.

Исходя из обзора вещевого комплекса погребения 1/III 2013 Тузлинского некрополя, наиболее вероятной его датой представляется конец второй — начало третьей четверти VI в. до н.э.

В литературе существуют различные точки зрения о том, кто был захоронен в некрополе на м. Тузла, с каким из известных поселений можно соотнести этот памятник. Так, М.И. Ростовцев относил его к Гермонассе⁴⁹. В.В. Шкорпил полагал, что Тузлинский некрополь (как и некрополь у бывш. хут. Кротенко) можно считать некрополем Таманского поселения, которое он отождествлял с Корокондамой или же Кепами⁵⁰. В.Ф. Гайдукевич, напротив, считал, что из-за удаленности Тузлинского некрополя от Тамани (расстояние между ними составляло 6–8 км) он не может соотноситься с Таманским поселением. Как и другие некрополи в этом районе, он, по-видимому, был оставлен жителями поселений, основанных на м. Тузла, среди которых важнейшим центром была Корокондама⁵¹. Н.П. Сорокина также связывала Тузлинский некрополь с Корокондамой, которую она лока-

⁴¹ Скуднова 1988, 92–93, кат. № 136, 10.

⁴² Скуднова 1988, 43–44, кат. № 27, 8.

⁴³ Тоса I, 114; см. также Cook, Dupont 1988, 131, fig. 18.1f.

⁴⁴ Boardman, Hayes 1966, 116.

⁴⁵ Boardman, Hayes 1966, 118–119, cat. 1397, 1401.

⁴⁶ Schlottzauer 2012, 334, Taf. 95. 616; 125.197.

⁴⁷ Гайдукевич 1959, рис. 16.

⁴⁸ Гайдукевич 1959, 166, рис. 14.

⁴⁹ Ростовцев 1925, 289.

⁵⁰ Шкорпил 19146, 3.

⁵¹ Гайдукевич 1959, 154–155.

лизовала в северо-западном углу Таманского полуострова⁵². Основываясь на изучении материалов некрополя, она пришла к заключению, что в VI–V вв. до н.э. население Корокондамы было этнически неоднородным: «наряду с синдами там жили ионийские греки»⁵³. Е.Г. Кастанаян полагала, что нельзя пока что однозначно ответить на вопрос, какому населению принадлежал Тузлинский некрополь, хотя и отмечала близость устройства его гробниц и гробниц раннего некрополя Пантикапея⁵⁴. Приходится признать, что ответить на этот вопрос, вероятно, сейчас не представляется возможным. Однако даже самое поверхностное знакомство с материалами архаических погребений некрополя на м. Тузла показывает, что большинство из них совершено по обряду, чрезвычайно близкому тому, который фиксируется для ранних некрополей боспорских городов, и содержит достаточно характерный набор восточногреческих сосудов. К ним принадлежит и грунтовое захоронение 1/III 2013, возможно, относящееся не к самым ранним комплексам, но, безусловно, принадлежавшего к «пласту» древнейших погребений.

Литература

- Березань–Борисфен: 2005. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог Выставки / С.Л. Соловьев (ред.). СПб.
- Буйских А.В. 2013: Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, имитации). Киев.
- Вахтина М.Ю. 1998: Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. VI, 122–139.
- Вдовиченко И.И. 2008: Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь.
- Виноградов Ю.А. 1992: Исследования на городище Мирмекия // АИУ за 1992 г. 31–33.
- Гайдукевич В.Ф. 1959: Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. 69, 154–238.
- Галанина Л.К. 1977: Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. Д1–33. М.
- Кастанаян Е.Г. 1959: Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 69, 257–295.
- Кашаев С.В. 2013: Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) // РАЕ. 3, 360–409.
- Книпович Т.Н. 1955: Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.). М. — Л., 356–391.
- Копейкина Л.В. 1968: Группа родосских амфор с острова Березань // СГЭ. XXIX, 44–47.
- Лебедева Е.В. 2004: Редкая находка ионийской амфоры из Мирмекия // ХСб. 13, 154–162.
- Мухопад С.Е. 1988: Расписная родосско-ионийская амфора из с. Шандровка в Приорелье // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы / И.Ф. Ковалева (ред.). Днепропетровск, 110–117.
- Николаева Э.Я. 1977: Фрагмент архаического сосуда из Кеп // История и культура античного мира / М.М. Кобылина (ред.). М., 150–153.
- Онайко Н.А. 1966: Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. Д1–27, М.
- Ростовцев М.И. 1925: Скифия и Боспор. Л.
- Руднева С.Д. 1912: Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // ИАК. 45, 104–110.
- Сидорова Н.А. 1962: Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 103, 94–148.
- Скуднова В.М. 1988: Архаический некрополь Ольвии. Л.
- Сорокина Н.П. 1957: Тузлинский некрополь (Труды ГИМ. Памятники культуры. XXVI). М.
- Фармаковский Б.В. 1914: Милетские вазы из России // Древности. 25, 47–61.
- Финогенова С.И. 2006: Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // ДБ. 9, 337–354.

⁵² Сорокина, 1957, 48.

⁵³ Сорокина, 1957, 53.

⁵⁴ Кастанаян 1959, 288–289.

- Финогенова С.И. 2010: Гермонасса // Античное наследие Кубани / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). Т. I. М., 510–526.
- Шкорпил В.В. 1914а: Кубанская область. Раскопки В.В.Шкорпила // ОАК за 1911 г., 37–42.
- Шкорпил В.В. 1914б: Отчет о раскопках в г.Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 56, 1–74.
- Шкорпил В.В. 1918: Кубанская область. Раскопки В.В.Шкорпила // ОАК за 1913/1915 г., 140–148.
- Энман Н.А. 1912: Ионийская амфора с Таманского полуострова // ИАК. 45, 92–103.
- Alexandrescu P. 1978: La céramique d'époque archaïque et classique (VII–IV s.) / Histria IV. București.
- Boardman J., Hayes J. 1966: Excavations at Tocra 1963–1965. The Archaic Deposits I (BSA, suppl. vol. 4). L.
- Cook R.M., Dupont P. 1998: East Greek Pottery. L. — N. Y.
- Kerschner M. 2006: Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan im Akademischen Kunstmuseum der Universität Bonn und im Robertinum der Universität Halle-Wittenberg // Istanbulur Mitteilungen. 56, 129–156.
- Schlotzhauer U. 2012: Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet. Bohum (Diss.).
- Vakhtina M.Yu. 2007: Archaic East Greek Pottery from Nemirovo // Frühes Ionien eine bestandsaufnahme // Milesische forschungen. 5, 511–517.
- Vinogradov Yu.A., Butyagin A.M., Vakhtina M.Yu. 2003: Mirmekion-Pothmeus. Two “Small” Towns of Ancient Bosphorus // Ancient Greek Colonies in the Black Sea, II (Publications of the Archaeological Institute of the Northern Greece, 4) / D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos (eds.). Thessaloniki, 707–758.

Архивные материалы

- Шкорпил В.В. 1911: О раскопках заведующего Керченским музеем древностей // Научный архив ИИМК РАН, д. 7/1911.
- Шкорпил В.В. 1913: О раскопках заведующего Керченским музеем древностей в Керчи и на Тамани в 1913 г // Научный архив ИИМК РАН, д. 4/1913.

ABOUT ONE OF THE ARCHAIC BURIALS FROM THE NECROPOLIS AT THE CAPE TUZLA (BASED ON THE MATERIALS FROM THE SCHOLARLY ARCHIVE OF THE INSTITUTE OF HISTORY AND MATERIAL CULTURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE)

M.Yu. Vakhtina

The article deals with the materials discovered in the grave I/III at the Tuzla necropolis, excavated by V.V. Shkorpil in 1913. This complex contained three East-Greek vessels — a Late Wild Goat style amphora, a lekythos and a cup. Based on these pottery items, it is concluded that the burial should be dated from the end of the second — beginning of the third quarters of the 6th century BC.

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ АРХАИЧЕСКОЙ ГЕРМОНАССЫ

(См. рис. 1–7 на вкладке)

Основными показателями для определения торговых связей Гермонассы являются археологический материал, преимущественно керамический, найденный в некрополях и городских слоях города, опубликованный в ряде статей, в отчетах о раскопках, а также сами археологические находки, хранящиеся в ряде музеев (ГИМ, ГМИИ им А.С. Пушкина и Таманский музейный комплекс).

До недавних раскопок Гермонассы считалось, что она была основана в середине VI в. выходцами из Ионии, на раннем этапе своего существования будучи небольшим торговым поселением — эмпорием. Однако самые ранние памятники, судя по немногочисленным находкам, которые встречены в слоях, лежащих непосредственно на материке, относятся ко второй четверти VI в. до н.э.¹ Археологический материал показывает, что, будучи торгово-посредническим пунктом, Гермонасса уже имела активные торговые связи с восточно-ионийскими центрами, о чем свидетельствуют многочисленные находки, представленные преимущественно продукцией этих регионов. Гермонасса — единственный античный город на Азиатском Боспоре, имеющий мощные напластования, самый ранний культурный слой которого лежит на глубине 9,5–10 м, будучи перекрыт мощными средневековыми слоями, что в какой-то степени было причиной того, что нижний горизонт культурного слоя был открыт всего лишь на пяти участках: в центральной и восточной части городища (пл. XXVII–XXVIII, раскопки 1952, 1955–1957 гг.)², на юго-восточном участке (раскопы III, X)³, а также на Северо-Восточном (раскопки 2002–2003 гг.)⁴ и Северном раскопах (раскопки 1985, 2010 гг.)⁵.

Ценные сведения для раскрытия данной темы дает материал раннего гермонасского некрополя, располагавшийся к западу от городища и исследованный в 1931, 1938, 1940 гг.⁶

Суммируя данные самых ранних архаических слоев, мы опираемся в первую очередь, как уже было сказано выше, на керамический материал, который в настоящее время хорошо разработан в отечественных и зарубежных исследованиях⁷. Его происхождение указывает на те центры, откуда он был привезен в Гермонассу, а, следовательно, определяет пути торговли этого города. В задачу автора не входит анализ материала с художественной точки зрения и его атрибуция. Основной акцент работы сделан на происхождении поступивших в Гермонассу изделий в определенные исторические периоды жизни города.

Важное место среди находок не только на первом этапе существования города, но и последующего времени принадлежит амфорной таре, данные о которой могут быть представлены здесь, к сожалению, в достаточно обобщенном виде. О многочисленности этого материала говорит тот факт, что на Северо-Восточном раскопе, например, на площади чуть больше 200 кв. м в слое было найдено 2–2,5 тыс. фрагментов амфор, среди которых (в большинстве своем это стенки) преобладают экземпляры хиосских пухлогорлых амфор с белой облицовкой: характерные для этого времени амфоры с воронкообразным горлом, с красной широкой полосой на горле и ручках⁸.

¹ Зеест 1961, 53–59; Зеест 1974, 85–96; Коровина 2002, 30.

² Зеест 1974, 85.

³ Зеест 1974, 84–85.

⁴ Финогенова 2002, 2–19, табл. 42, 47, 48, 60; Финогенова 2003, 4–16, табл. 3, 4, 58–63, 67, 68, 73, 76–83, 85–86.

⁵ Финогенова 1985, 223–333, табл. 5–6; Финогенова 2010, 6–16, рис. 19, 25–28, 33 (е, ж, з), 37–38, 56–57, 161–163.

⁶ Шкорпил 1914, 21; Гайдукевич 1959, 155–187.

⁷ Зеест 1960; Сидорова 1962, 94–148; Абрамов 1993; Монахов 1999.

⁸ Зеест 1960, 83.

Сохранилось много горл хийских амфор с нанесенными на них бурой краской изображениями кружков, полос или крестов. Указать конкретные цифры в отношении того или иного центра не представляется возможным из-за отсутствия полных описей этого материала на протяжении всех лет раскопок ранних слоев городища. Однако даже опираясь на выборочные сведения, относящиеся к отдельным годам раскопок, надо отметить преобладание фрагментов хийских амфор над аналогичным материалом близлежащих к нему центров: Фасос, Лесбос, Самос. В связи с этим, учитывая данные, приведенные А.К. Коровиной за 16 лет работ только на двух раскопах (Северном и частично Нагорном), можно констатировать, что фрагменты хийских амфор в ранний период существования города составляют половину от общего количества амфорного материала⁹. Аналогичная картина наблюдалась и в архаических слоях на пл. XII–XV Северного раскопа¹⁰. Изобилие привезенных в Гермонассу хийских амфор является убедительным доказательством интенсивного ввоза хийского вина в Гермонассу, на что в свое время обратила внимание и И.Б. Зеест, анализируя архаический материал Восточного раскопа¹¹. По-видимому, именно Хиос был одним из первых наиболее активных торговых партнеров древней Гермонассы. Типы амфор, найденных в Гермонассе, характерны для всех городов восточного Причерноморья: это, как правило, помимо хийских, клазоменские, лесбосские, фасосские амфоры, амфоры Менды и некоторых неизвестных центров, в количественном соотношении не столь многочисленных, как хийские. В связи с определением малоазийских центров важное наблюдение было сделано П. Дюпоном в отношении самосских амфор. На основе лабораторных исследований из амфор самосского происхождения были выделены милетские амфоры, что позволяет включить Милет в круг торговых партнеров Северного Причерноморья¹². В Гермонассе конкретных данных о наличии самосской или милетской керамической тары, к сожалению, нет.

Соотношение ввозимого товара, по данным амфорного материала, в разных центрах Боспора было различным. Так, например, И.Б. Брашинский на основе амфорных клейм с Елизаветовского городища констатирует преобладание гераклеийских амфор, что составляет половину от всех клейм¹³. Конкретные и уточненные данные по ввозу вина и оливкового масла в Патрей дает А.П. Абрамов¹⁴ на основе материала середины VI–V в. до н.э.: он приходит к выводу, что на первом месте по объему ввоза вина стоят амфоры Лесбоса со стаканообразными доньями, за ними на втором месте следуют амфоры Хиоса, и Менды, а главным экспортером оливкового масла были Клазомены, Самос и, возможно, Афины¹⁵. Учитывая территориальную близость Патрея и Гермонассы, эти выводы какой-то степени приемлемы и для последней.

Подавляющее большинство фрагментов художественной керамики из ранних слоев Гермонассы относится к различным группам восточно-греческой керамики VI в. до н.э. Вопросы локализации ее центров в настоящее время вызывают многочисленные споры среди исследователей-искусствоведов. Для раскрытия вопроса о торговых связях Гермонассы в архаический период ее жизни важно не только зафиксировать общее направление торговых маршрутов из различных центров Восточного Средиземноморья, но и по возможности конкретно определить каждого торгового партнера. Наиболее многочисленна керамика восточно-ионийской группы, среди которой обобщенно можно выделить южную (Милет, Самос) и северную (наиболее известны Хиос и Клазомены); остальные центры не конкретизированы.

Один из наиболее ранних типов восточно-греческой художественной керамики представлен двуручными тонкостенными чашами типа глубоких киликов, внешняя сторона которых украшена фризом из точечных розетт, чередующихся с группами вертикальных заостренных книзу лучей. Ниже фриза расположена полоса темного лака. Иногда поверхность сосуда снаружи покрыта широкими полосами пурпура. Несколько фрагментов этих сосудов обнаружено в 1957 г. в ямах на Восточном раскопе¹⁶. В 2003 г. на Северо-Восточном раскопе было найдено несколько

⁹ Коровина 2002, 35.

¹⁰ Финогонова 2003, табл. 8 (1.2); Финогонова 2009, рис. 25, 28 (1), 11, 32; Финогонова 2010, табл. 18, 19, 25, 26.

¹¹ Зеест 1968, 144 сл.

¹² Dupont 1982, 203–206; 1983, 34; Кузнецов 2010, 457.

¹³ Брашинский 1984, табл. 15 (6, 7), 16 (5, 6).

¹⁴ Абрамов 1992, 256.

¹⁵ Абрамов 1992, 254.

¹⁶ Зеест 1974, 85, рис. 4; Сидорова 1987, 110, рис. 1–3.

ко фрагментов от чаш с фризами из розетт и вертикальных палочек¹⁷. Среди множества мелких фрагментов выделяется большой кусок глубокой чаши со слегка отогнутым наружу краем, переходящим в плавно расширяющиеся плечики и сужающимся ко дну туловом¹⁸ (ГМИИ, инв. № Ф-1659; рис. 1). Данный сосуд выделяется размерами среди многочисленных чаш, имеющих аналогичный декор, но меньший размер: ее диаметр по краю составляет 18–20 см. На северном раскопе в 2010 г. в слоях конца VI — нач. V в. н.э. было найдено не менее 15 фрагментов восточно-ионийских сосудов с орнаментом в виде заостренных книзу лучей, точечных розетт, концентрических кружков¹⁹.

Связывать производство подобных сосудов с каким-то одним ионийским центром не представляется возможным; вероятно, они могли изготавливаться во многих центрах Восточного Средиземноморья (Северной Ионии) с VII в. до н.э. вплоть до второй половины VI в. до н.э., но общепринято, что основной период их производства падает на первую половину VI в. до н.э.²⁰ Таким образом, эти сосуды могли попасть на Таманский полуостров раньше, чем был основан город, т. е. на той стадии, когда Гермонасса была еще эмпорием.

С этим же ранним периодом жизни города связаны сосуды, с изображениями бегущих козлов, нарисованных в технике «пропущенной линии», т. е. с силуэтной прорисовкой туловища, залитого красной или бурой краской²¹. В 2003 г. на Северо-Восточном раскопе Гермонассы только на одном небольшом участке фрагментов тарелок с подобными сюжетами было найдено не менее 12 экземпляров²² (рис. 2). Несколько фрагментов было найдено в ямах на Восточном раскопе²³. В научной литературе эти сосуды связывают с северо-ионийской группой класса Власто, имевшей родосское происхождение. Изображения животных часто сопровождаются орнаментом из точек, кольцевых розетт или крестиков; эта керамика характерна для первой четверти VI в. до н.э.²⁴

Третья группа восточно-греческих сосудов, встреченная в ранних слоях Гермонассы, представлена фрагментами тарелок и блюд с отогнутым горизонтальным краем, по которому проходит полоса незамкнутого меандра или помещены гирлянды лотосов. Их центральная часть обычно заполнена многолучевой звездой. Такие сосуды были во множестве найдены на восточном раскопе. Н.А. Сидоровой было отмечено, что глина, из которой были изготовлены тарелки с меандром, варьировалась по цвету и включениям в ней, что не позволяет определить какой-то один конкретный центр их производства, обозначив лишь обобщенно район Северной Ионии первой половины VI в. до н.э.²⁵

К восточно-греческой группе, возможно, относятся и сосуды, представленные кувшинами с рядом чередующихся точек, нанесенных черным лаком и белой накладной краской, расположенные в месте перехода горла в плечики. Иногда точки расположены попарно²⁶. Дополняет декор двойная полоса черного лака, проходящая по центру тулова. Найденные в архаических слоях фрагменты принадлежат семи кувшинам. Помимо сходного орнамента, их отличает ровный розовый цвет глины с мелкими включениями извести и слюды, а также гладкий красноватый ангоб, придающий поверхности лощеный характер. На самосское происхождение одного фрагментированного кувшина из могилы второй половины VI в. до н.э. указывает характерная для этого центра глина²⁷.

К группе ионийской керамики относятся и кувшины, украшенные прямыми и волнистыми полосами лака. С предыдущими сосудами их роднит не только характер глины, но и сходная обработка поверхности. Установить точно центр производства пока не представляется возможным, хотя глина, близкая по характеру к родосской, указывает на ее восточно-ионийское происхождение.

¹⁷ Финогенова 2003, табл. 12 (1), 16 (1), 20 (4).

¹⁸ Финогенова 2006, 338, рис. 3 (1).

¹⁹ Финогенова 2010, рис. 55, 56, 57.

²⁰ Сидорова 1987, 110, рис. 2.

²¹ Сидорова 1987, 110, рис. 1 (г, д).

²² Финогенова 2006, 339–341, табл. 17 (10).

²³ Зеест 1974, 85, рис. 3; Сидорова 1987, 110, рис. 3 (а, б).

²⁴ Сидорова 1987, 110.

²⁵ Сидорова 1984, рис. 3, 4.

²⁶ Финогенова 2009, рис. 56.

²⁷ Гайдукевич 1959, 159.

Анализируя привозной материал Гермонассы середины VI – начала V в. до н.э., можно говорить, что среди ряда импортеров существовала определенная специализация: например, с первой половины V в. до н.э. ввоз лутериев осуществлялся практически исключительно из Синопы²⁸.

Наряду с северо-ионийской керамикой в архаических слоях Гермонассы найдены фрагменты сосудов некоторых центров материковой Греции, торговавших в VI в. до н.э. с этим городом. Наиболее ранние из них являются фрагментам коринфской керамики. Значительная часть из них относится к сосудам типа скифосов, кофонов, пиксид, небольших чаш второй половины VI в. до н.э., отдельные образцы которых были встречены на Нагорном и на Северо-Восточном раскопах в слоях конца VI — начала V в. до н.э.²⁹.

В 2003 г. на Северо-Восточном раскопе были найдены два фрагмента крышки леканы с изображением стоящих в геральдической позе друг против друга пантер, выполненных по светлой обмазке жидким лаком с процарапанными контурами (рис. 3). Судя по характеру глины, оба фрагмента относятся к коринфскому производству первой половины VI в. до н.э.³⁰ Они расписаны с явным использованием элементов, свойственных для коринфских изделий: геральдическая постановка фигур, их статичность, роспись пурпуром. В греческих центрах восточной части Черного моря коринфская керамика с сюжетными изображениями встречается реже — в отличие от западных центров, например, Березани³¹. В Гермонассе такая керамика найдена пока в единственном экземпляре, хотя о находках фрагментов коринфских сосудов второй половины VI в. до н.э. в Гермонассе бегло упоминают И.Б. Зеест и Н.А. Сидорова.³²

Среди ранних находок этой группы на Северо-Восточном раскопе был обнаружен коринфский скифос конца VI в. до н.э., украшенный скромным декором в виде тонких вертикальных линий, расположенных в нижней части сосуда, под широким чернолаковым фризом с тонкой пурпурной полосой³³. Но большинство коринфских изделий, как отметила А.К. Коровина, датируется началом V в. до н.э.³⁴ По сравнению с хиосскими сосудами коринфские изделия VI в. до н.э. малочисленнее, и это свидетельствует о том, что торговля с Коринфом была не столь развита, как с Восточной Ионией.

Таким образом, опираясь на археологические данные, можно утверждать, что самые ранние находки, обнаруженные в городских слоях Гермонассы, относятся ко времени ранее первой половины VI в. до н.э. К тому периоду, когда Гермонасса только приобретала статус города, относятся лишь редкие экземпляры. Анализ материала показывает, что подавляющее большинство керамики было привезено из восточно-греческих центров (Северная Иония), что вполне логично, если учесть, что и сам город был основан выходцами из Ионии.

Во второй половине VI в. до н.э. по-прежнему значительная доля привозной продукции поступает из Восточно-Ионийского региона. Ранний архаический некрополь³⁵, расположенный к юго-западу от городища, дал много раннего материала, относящегося ко второй половине VI в. до н.э. Так, в погребении № 5 (раскопки 1931 года) был найден типичный для ионийской керамики глубокий килик, тулово которого изнутри и снаружи было орнаментировано чернолаковыми поясками³⁶. Такой же глубокий килик был найден в 1938 г. в погребении № 3. В той же могиле были обнаружены два ионийских сосуда: арибаллический лекиф и амфора, расписанные широкими полосами лака³⁷. Два глубоких килика с поясками лака происходят из могил второй половины VI в. до н.э. (найлены в погребениях №№ 14 и 16, раскопки 1938 г.)³⁸. Концом VI в. до н.э. датируется глубокий килик, найденный в могиле западного некрополя Гермонассы³⁹. Раскопками 1940 г. была открыта ионийская амфора с двумя поясками лака по тулову и волнистой линией по горлу⁴⁰.

²⁸ Финогонова 2009, 10.

²⁹ Сидорова 1987, 111, рис. 6; Коровина 2002, 39, рис. 11, табл. 4 (1, 2); Финогонова 2006, 340, табл. 1 (11).

³⁰ Финогонова 2005, 341, табл. 2 (3).

³¹ Букина 2010, №№ 168, 169, 175, 178.

³² Зеест 1955, 116; Сидорова 1978, 111.

³³ Финогонова 2006, 340, табл. 1 (11).

³⁴ Коровина 2002, табл. 4 (1–2).

³⁵ Гайдукевич 1959, 154–238.

³⁶ Гайдукевич 1959, рис. 6.

³⁷ Гайдукевич 1959, 165–166, рис. 15 (1, 2).

³⁸ Гайдукевич 1959, 166, рис. 16.

³⁹ Гайдукевич 1959, 159, рис. 6.

⁴⁰ Гайдукевич 1959, 183, рис. 54.

Среди глубоких киликов второй половины VI в. до н.э. с поясками черного лака, имеющих сходную форму (глубокое вместилище, высокая коническая ножка, отогнутый наружу венчик) наблюдаются некоторые различия в характере глины. Для ионийской керамики характерна глина светло-розового цвета, насыщенная большим количеством мелкой слюды, однако некоторые чаши имеют глину более темного цвета, а другие — светло-желтую без примесей. И хотя эти отличия в глинах позволяют предполагать, что изготовлены они были в разных центрах, по-видимому, все эти сосуды происходят из восточно-греческого региона, откуда они во второй половине VI в. до н.э. были привезены в Гермонассу. Говоря о восточно-греческой керамике, мы, к сожалению, не всегда можем точно назвать конкретный центр ее производства, а, следовательно, и проследить торговые пути, которые связывали город с ее импортерами.

Из различных центров Восточного Средиземноморья на протяжении всего VI в. до н.э. в Гермонассу поступали различные кувшины и амфоры, орнаментированные горизонтальными полосами лака внутри и снаружи или волнистым орнаментом по тулову и по плечам. Эти сосуды, входящие в группу под обобщающим названием «полосатой ионийской керамики», встречены как в городских слоях, так и в архаическом некрополе⁴¹.

Некоторые сосуды с волнистым орнаментом имеют светлую глину с небольшими включениями слюды, которые Р.В. Шмидт относит к самосскому производству⁴², что уже позволяет говорить о конкретном центре Восточного Средиземноморья. К этой же группе ионийской керамики относится и амфора с двумя ассиметрично расположенными ручками на чечевицеобразном тулове, украшенном двумя поясками лака⁴³ (ГМИИ, инв. № Ф-1603, рис. 4).

Несколько центров-импортеров восточно-греческого круга, откуда в Гермонассу поступали товары в конце VI в. до н.э., определены достаточно точно. Так, значительная доля привозной расписной керамики приходится на Хиос. Художественная керамика середины — второй половины VI в. до н.э. представлена типичными хиосскими изделиями: небольшими кувшинчиками, отдельные фрагменты которых во множестве встречаются в архаических слоях города, и двуручными кубками, по белой ангобированной поверхности которых проходит узкая полоса лака или двойная гирлянда из листьев плюща⁴⁴. В 2003 г. на северо-восточном раскопе были найдены фрагменты двух таких кубков с росписью внутри; на одном из них по краю на фоне темного лака, покрывавшего внутреннюю поверхность кубка, были представлены побеги лотоса, нарисованные красной краской с белой окантовкой; на другом — розетка, разделенная внутри белой краской на сегменты⁴⁵. Один почти целый экземпляр был найден в 1969 г. на нагорном раскопе⁴⁶. С 1963 по 1984 гг. на северном раскопе в ранних слоях было найдено несколько фрагментов (не менее чем от 20 экземпляров) хиосских сосудов, один из них сохранился почти полностью⁴⁷.

В архаических слоях помимо вышеназванных центров неоднократно встречали фрагменты расписных сосудов, привезенных из Клазомен. Фрагменты клазоменских сосудов конца VI в. до н.э. были найдены в заполнении мусорной ямы на Восточном раскопе. И.Б. Зеест ограничилась лишь их упоминанием без конкретного описания⁴⁸. Клазоменские вазы привозились в греческие колонии Северного Причерноморья на протяжении всего VI в. до н.э. Наиболее многочисленная группа клазоменских сосудов имела характерный декор в виде «чешуйчатого» орнамента, в котором насчитывается не менее трех вариантов в зависимости от росписи помещенных внутрь чешуек точек или расположения самих чешуек. Несмотря на однотипность орнамента, изображения «чешуек» разнятся в деталях: иногда внутри каждой из них нарисована точка, нанесенная белой краской, в некоторых случаях она дополнена темной сердцевинкой; варьируются их очертания. Судя по глине, красноватой или серовато-коричневой с немногочисленными включениями слюды, все сосуды с чешуйчатым орнаментом имеют клазоменское происхождение. Отдельные фрагменты ваз с чешуйчатым декором были найдены на всех раскопах, где были открыты слои второй половины VI в. до н.э.:

⁴¹ Гайдукевич 1959, 181, рис. 54, 166, рис. 15, 16 (2), 25; Финогонова 1984, табл. 49 (2).

⁴² Шмидт 1952, 241, 242.

⁴³ Коровина 2002, 38, рис. 10.

⁴⁴ Сидорова 1987, рис. 5; Коровина 2002, табл. 4 (4–5); Финогонова 2009, табл. 38 (1–2).

⁴⁵ Финогонова 2003, 8, табл. 24 (2, 4).

⁴⁶ Коровина 2002, табл. 4–5. Инв. № Ф-1585; Сидорова 1987, 111, рис. 5.

⁴⁷ Коровина 2002, табл. 4 (4), инв. 1585.

⁴⁸ Зеест 1961, 54.

в 1964 и в 1984 гг. на Нагорном и Северном раскопах⁴⁹, в 1957 г. на Восточном раскопе⁵⁰, в 1996 г. на Северо-Восточном раскопе⁵¹.

Наряду с «чешуйчатым» орнаментом на клазоменских вазах встречается тип декора с фигурными изображениями, роспись которых нанесена неровным коричневатым лаком с использованием пурпура, белой накладной краски и резьбы по глине. В Гермонассе эти нарядные клазоменские изделия встречены в единичных экземплярах. В 2002–2003 гг. на Северо-Восточном раскопе было найдено четыре небольших фрагмента, на одном из которых был нарисован танцующий комаст в набедренной повязке⁵². Три остальных черепка еще более фрагментарны: на одном из них сохранилась оливковая ветвь с частью одежды, на другом — часть головы силена с окладистой бородой, с пышными волосами, перетянутыми венком из оливковой ветви, на третьем — верхняя часть мужской груди с перевязью из оливковой ветви⁵³. На фоне многочисленной тарной клазоменской керамики малочисленность художественных изделий этого же центра, возможно, говорит об их дороговизне: для торговцев, везущих вино в города Северного Причерноморья, они не были ходовым товаром, в отличие, например, от хиосской продукции⁵⁴. На этом фоне выделяется чернофигурная ваза, найденная в 1926 г. в некрополе близ Тамани. Это — знаменитая гидрия третьей четверти VI в. до н.э. с петухами и сиренами⁵⁵ (ГМИИ, инв. № П 16 1364, рис. 5).

С середины VI в. до н.э., как уже было отмечено выше, восточно-греческая керамика постепенно теряет свои первенствующие позиции: растет процент привозных изделий из Аттики, уже со второй половины VI в. до н.э. чернолаковая керамика значительно преобладает над расписной. Как отмечает Н.А. Сидорова, ей удалось найти лишь два фрагмента аттических чернофигурных ваз, относящихся к более раннему времени⁵⁶.

В Гермонассе присутствуют почти все формы сосудов, производимые аттическими керамистами этого времени: кратеры, амфоры, килики различных форм, скифосы, рыбные блюда, тарелки, лекифы, канфары, светильники. Многочисленные фрагменты чернолаковой керамики всегда составляют значительную часть от общего количества столовой посуды. На Восточном раскопе в архаических слоях конца VI – начала V в. до н.э. (раскопки 1957 г.) И.Б. Зеест отметила многочисленные находки чернолаковых киликов на высокой ножке и край открытого аттического светильника⁵⁷.

Материал раннего (западного) некрополя также дал аттическую чернолаковую керамику конца VI в. до н.э. Например, в могиле второй половины VI в. до н.э. западного некрополя был найден чернолаковый арибаллический лекиф второй половины VI в. до н.э.⁵⁸ Чернолаковая керамика в изобилии поступает из Аттики и в более позднее время. Так, в могилах первой половины — середины V в. до н.э. часто встречаются чернолаковые килики как на высоких ножках, так и на кольцевых поддонах, разного рода чашки⁵⁹.

В ранних слоях довольно частой находкой являются тарелки и неглубокие миски, расписанные изнутри полосами красной краски, иногда с небольшим кружком в центре⁶⁰. Расписная керамика также представлена различными типами сосудов, она составляет довольно многочисленную группу, причем в некоторых случаях удается установить мастерскую и имя автора росписи⁶¹. Обилие фрагментов чернофигурных сосудов, в большинстве случаев небольших, вынуждает ограничиться только общими выводами с указанием типов сосудов и описанием лишь отдельных из них.

На фоне аттической керамики, в массе своей относящейся ко второй половине VI в. до н.э. — первой половине V в. до н.э., выделяются несколько экземпляров; например, среди находок последних лет особого внимания заслуживает чернофигурный глубокий килик на низком кольцевом под-

⁴⁹ Коровина 2002, 12, табл. 5 (7–11).

⁵⁰ Зеест 1961, 54.

⁵¹ Финогенова 1996, рис. 77 (3); Финогенова 2006, 341–342, табл. 2 (5–8).

⁵² Финогенова 2006, 342.

⁵³ Финогенова 2006, 343, табл. 2 (9, 10, 12).

⁵⁴ Кузнецов 2005, 267.

⁵⁵ Losseva 1929, 43.

⁵⁶ Сидорова 1987, 111, рис. 6.

⁵⁷ Зеест 1961, 54–56.

⁵⁸ Гайдукевич 1959, 158, рис. 3 (1).

⁵⁹ Гайдукевич 1959, 171–173, рис. 30, 31, 36, 39, 41, 43.

⁶⁰ Финогенова 2003, 341–343.

⁶¹ Коровина 2002, табл. 7, 8, 9.

доне с изображением возлежащих Диониса и Ариадны, относящийся к 500 г. до н.э. (ГМИИ, инв. № Ф-1661⁶², рис. 6), фрагмент ойнохой с изображением льва⁶³ и найденный в 2003 г. на Северо-Восточном раскопе килик, относящийся к так называемым чашам Сиана 560–550 гг. до н.э. (ГМИИ, инв. № Ф-1662⁶⁴, рис. 7).

Ранние чернофигурные сосуды аттического производства представлены многочисленными мелкофигурными киликами 550–525 гг. до н.э. Фрагменты таких киликов (*lip cup* и *band cup*) в Гермонассе находили неоднократно: в 1982 г. на Северном и в 2003 г. на Северо-Восточном раскопах⁶⁵. Из Аттики была привезена чернофигурная ольпа (или кувшин) с изображением воина в шлеме — 520–510 гг. до н.э.⁶⁶, найденная в 1985 г. (ГМИИ, инв. № Ф-1590).

К третьей четверти VI в. до н.э. относится небольшой фрагмент чернофигурного скифоса с изображением части фигуры петуха, расписанного пурпуром, и накладной белой краской по блестящему черному лаку⁶⁷. К концу VI в. до н.э. (520–510 гг. до н.э.) относится горло чернофигурной амфоры с двойным рядом пальметт, вырастающих из восьмеркообразной плетенки⁶⁸ (ГМИИ, инв. № Ф-1379), найденное в 1969 г. на Нагорном раскопе, предположительно относящееся к группе Леагра. Сходный мотив декора украшает фрагменты пяти киликов⁶⁹, различающихся незначительными деталями, касающимися формы пальметт или манеры их исполнения. Дж. Бизли⁷⁰ отметил, что эти килики, входящие в группу «чаш с растительным орнаментом», появились в конце VI в. до н.э. и просуществовали почти столетие, до конца V в. до н.э. Хотя этот мотив декора неоднократно встречен и на мелких фрагментах киликов, небольшие нюансы в росписи не позволяют отнести их к одному временному периоду; по-видимому, эти сосуды происходят из одной мастерской и завозились в Гермонассу на протяжении нескольких десятков лет, с конца VI по начало V в. до н.э. Чернофигурную керамику аттического производства конца VI в. до н.э. неоднократно находили на Северном и Нагорном раскопах⁷¹. Среди привозных сосудов, привезенных из Аттики, многочисленны килики с пальметтами, фланкирующими ручки с двух сторон⁷². В 1968 г. на Нагорном раскопе был найден фрагмент аттического глубокого килика (или скифоса) конца VI в. до н.э. с изображением квадриги, относящегося к группе СНС⁷³ (ГМИИ, инв. № Ф-1373). К тому же времени относится аттический чернофигурный лекиф той же группы, обнаруженный в одной из могил западного некрополя⁷⁴.

На фоне сюжетных композиций выделяется лаконичностью декора сильно фрагментированный аттический килик последней четверти VI в. до н.э., орнаментированный горизонтальными полосами лака⁷⁵. Подобные сосуды бытуют с первой половины VI в. до н.э. С середины VI в. до н.э. вплоть до середины V в. до н.э. количество привозных аттических изделий значительно возрастает.

В первой четверти V в. до н.э. импорт аттической чернофигурной керамики продолжает оставаться довольно заметным. Следует отметить многочисленные находки глубоких киликов и лекифов, происходящих из так называемой мастерской Хаймона. Многие из них имеют на двух сторонах сосуда одинаковый сюжет: между пальметтами изображена квадрига с Аполлоном, держащим в руках кифару, Дионисом с рогом изобилия и женским божеством. В Гермонассе подобных киликов найдено не менее пяти экземпляров, а с учетом фрагментов с подобным сюжетом становится очевидным, что их в Гермонассу было привезено значительно больше.

По-видимому, в конце VI — начале V в. до н.э. (время бытования этих изделий) аттическая мастерская, приписываемая мастеру Хаймону, была активным импортером своей продукции. Аналогичные

⁶² Финогонова 2006, табл. 3 (1).

⁶³ Сидорова 1987, 11, рис. 7 (б).

⁶⁴ Финогонова 2005, 427, рис. 4.

⁶⁵ Коровина 2002, табл. 9 (2); Финогонова 2006, 314–315, табл. 2 (12–18).

⁶⁶ Коровина 2002, табл. 7(3).

⁶⁷ Сидорова 1987, 112, рис. 9 (д).

⁶⁸ Коровина 2002, табл. 8 (5).

⁶⁹ Финогонова 2006, 346, табл. 3 (26).

⁷⁰ Beazley 1956, 196.

⁷¹ Коровина 2002, табл. 7 (4), 9 (1–7).

⁷² Сидорова 1987, 112 рис. 9а; Финогонова 2006, 345, табл. 3 (1).

⁷³ Коровина 2002, табл. 7 (2).

⁷⁴ Гайдукевич 1959, 166, рис. 19.

⁷⁵ Сидорова 1987, 112, рис. 8.

изделия неоднократно встречались во многих античных центрах Северного Причерноморья⁷⁶. Роспись этой мастерской отличается беглостью и небрежностью исполнения, что говорит о расширении массового производства и выходе на широкий рынок, одним из объектов которого была Гермонасса.

Среди аттической чернофигурной привозной керамики последней трети VI в. до н.э. многочисленную группу составляют килики с глазами, в большом количестве найденные в Пантикепее⁷⁷. Однако в Гермонассе их почти нет. Вероятно, подобные изделия не были популярны в городе, и туда поставлялась продукция других мастерских.

Итак, анализ архаического материала, привезенного в Гермонассу, показывает, что с самого начала существования города его основными торговыми партнерами были восточно-ионийские центры, в первую очередь Хиос. С середины VI в. до н.э. серьезную конкуренцию им составила Аттика, которая удерживала свое первенство в торговле с античными центрами Северного Причерноморья, в том числе и с Гермонассой, на протяжении не одной сотни лет. Судя по материалу раскопок, каждый регион, торговавший с Гермонассой, имел определенную специализацию: например, Хиос предпочитал торговать своим вином, которое славилось во всем античном мире, и за редким исключением керамическими изделиями. Аттика была главным поставщиком чернолаковой и расписной керамики, тогда как фрагментов аттической тарной керамики в Гермонассе не найдено.

Торговые отношения всегда предполагают соблюдение взаимных интересов обеих торгующих сторон. Если о ввозимых в Гермонассу товарах мы можем судить по вещественному материалу, найденному во время раскопок, то ответным торговым шагом был, по-видимому, экспорт зерна, в изобилии ввозившегося в Грецию из всех городов Понта, в том числе и из Гермонассы, имевшей обширную сельскохозяйственную хору, отдельные поселения на которой известны со второй половины VI в. до н.э.⁷⁸

Говоря о самом механизме торговли в бассейне Черного моря, интересную мысль высказал В.Д. Кузнецов, ставящий под сомнение само существование прямых непосредственных связей между городами-импортерами и античными полисами Северного Причерноморья. Было высказано предположение, что купцы распродавали товар по пути своего следования, не имея цели завоза в какой-то определенный город. В качестве доказательного аргумента приводится сходство торгового ассортимента во всех античных центрах этого региона⁷⁹. Конечно, это предположение имеет право на существование, но для подтверждения его пока что нет достаточных данных.

Литература

- Абрамов А.П. 1992: Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора / Г.А. Кошеленко (ред.). М., 247–259.
- Абрамов А.П. 1993: Античные амфоры. Периодизация и хронология. БС. 3.
- Абрамов А.П., Паромов Я.М. 1993: Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 2, 25–98.
- Брашинский И.Б. 1984: Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.
- Букина А.Г. 2010: Коринфская художественная керамика // ТГЭ, LIV. СПб., 7–140.
- Гайдукевич В.Ф. 1949: Боспорское царство. М. — Л.
- Гайдукевич В.Ф. 1959: Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 69, 155–187.
- Гарбузов Г.П. 2005: Признаки древнего землеустройства в районе центральной гряды Таманского полуострова // ДБ. 8, 98–121.
- Горбунова К.С. 1983: Чернофигурные аттические вазы Эрмитажа. Л.
- Зеест И.Б. 1955: Раскопки Гермонассы / КСИИМК. 58, 114–121.

⁷⁶ Горбунова 1983, 172–175; Сидорова 1984, 103, рис. 24 (а, б); Коровина 2002, 39–40, рис. 12; Финогенова 2006, 346, табл. 4 (1–3).

⁷⁷ Сидорова 1984, 95, рис. 9 (в, д, е).

⁷⁸ Абрамов, Паромов 1993, 68; Паромов 2006, 370.

⁷⁹ Кузнецов 2010, 456–461.

- Зеест И.Б. 1960: Керамическая тара Боспора // МИА. 83.
- Зеест И.Б. 1961: Архаические слои Гермонассы // КСИА. 83, 53–58.
- Зеест И.Б. 1968: Об одной особенности экономического развития Гермонассы // Археология и культура Северного Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич (ред.). Л., 144–148.
- Зеест И.Б. 1974: Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 4, 82–87
- Коровина А.К. 2002: Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М.
- Кузнецов В.Д. 2005: Клазоменская керамика из Фанагории // ДБ. 8, 267–273.
- Кузнецов В.Д. 2010: Фанагория — столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. I / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред). М., 431–467.
- Паромов Я.М. 2006: Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // ДБ. 10, 365–388.
- Монахов С.Ю. 1999: Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов.
- Сидорова Н.А. 1984: Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959–1969 гг.) // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. 7 / И.Е. Данилова (ред). М., 71–110.
- Сидорова Н.А. 1987: Архаическая керамика из раскопок из раскопок Гермонассы // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. 8 / И.Е. Данилова (ред). М., 110–125.
- Финогенова С.И. 1984: Отчет о раскопках Гермонассы в 1984 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Архив отдела Искусства и археологии античного мира.
- Финогенова С.И. 1985: Отчет о раскопках Гермонассы в 1985 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Архив отдела Искусства и археологии античного мира.
- Финогенова С.И. 2002: Отчет о раскопках Гермонассы в 2002 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Архив отдела Искусства и археологии античного мира.
- Финогенова С.И. 2003: Отчет о раскопках Гермонассы в 2003 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Архив отдела Искусства и археологии античного мира.
- Финогенова С.И. 2005: Очерки истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 8, 422–436.
- Финогенова С.И. 2006: Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // ДБ. 9, 337–354.
- Финогенова С.И. 2009: Отчет о раскопках Гермонассы за 2009 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Архив отдела Искусства и археологии античного мира.
- Финогенова С.И. 2010: Отчет о раскопках Гермонассы за 2010 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Архив отдела Искусства и археологии античного мира.
- Шкорпил В.В. 1914: Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК, 56, 1–74.
- Шмидт Р.В. 1952: Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 25, 223–248.
- Beazley J.D. 1956: Attic Black-figure Vase-Painters. Oxford.
- Dupont P. 1982: Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est // PdP. 37, 200–266.
- Losseva N.M. 1929: Zwei klazomenische Vasen // AA. Bd. 44, 43.

ON THE MERCANTILE RELATIONS OF THE ARCHAIC HERMONASSA

S.I. Finogenova

In the course of archaeological excavations of the archaic Hermonassa numerous finds of the mid-6th — early 5th century BC have emerged. They testify to the fact that the city had active mercantile contacts in the early years of its existence. For the most part, the storage and tableware originated from the East Greek centers: Chios, Klazomenai, Miletus. In the second half of the 6th century BC, alongside the goods from the Eastern Mediterranean, the ceramic items produced in the centers of the mainland Greece, such as Attica and Corinth, were also imported to Hermonassa, although they were not as numerous.

This picture changes in the middle of the 6th century BC: the quantities of the East Greek ceramics diminish, whereas the Attic production becomes more plentiful. This balance remains more or less unchanged until the early 4th century BC.

ФРАГМЕНТЫ АТТИЧЕСКОГО ЧЕРНОФИГУРНОГО КРАТЕРА VI В. ДО Н. Э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ КИТЕЯ

(См. рис. 1–4 на вкладке)

В 1989–1995 годах экспедиция Государственного музея истории религии вела археологические раскопки на западной границе центрального участка Китейского некрополя. На невысоком склоне, обращенном к закату солнца, образованном подъемом скального массива к востоку от пахотного поля между кряжем Джург-Оба и береговой линией, были заложены четыре раскопа: XVIII, XIX, XX, XXVII. За семь полевых сезонов здесь было открыто, исследовано и доследовано после грабителей более 50 погребальных и погребально-поминальных комплексов. Среди них оказались остатки склепов со стенами, сложенными из блоков известняка, и полом, вымощенным плитами; склепы-катакомбы с пещеровидными камерами; грунтовые, плитовые, вырубные могилы; детские известняковые саркофаги; могилы со следами кремации, ритуальные площадки с захоронениями лошадей, собак и следами огня. Многие из них использовались неоднократно, что затрудняло определение времени их сооружения и первоначального использования.

Самый ранний закрытый комплекс — грунтовая могила № 87 с протофасосской амфорой и чернолаковым киликом, датируется третьей четвертью V в. до н.э.¹; самый поздний — двухкамерная катакомба гуннского времени — первой половиной V в. н.э.² Найденный на ритуальных площадках и в межмогильных промежутках массовый материал (фрагменты амфорной, расписной, чернолаковой, буролаковой, краснолаковой, чернолощеной, красноглиняной, светлоглиняной, сероглиняной и лепной керамики, а также медные монеты и бронзовые фибулы) имел достаточно большой хронологический разброс: в основном от IV в. до н.э. до I–II вв. н.э. К более раннему времени, V в. до н.э., относились лишь некоторые, сравнительно немногочисленные обломки хиосских и фасосских амфор, чернофигурных сосудов и археологически целый аск.

XIX раскоп по разнообразию и разновременности открытых в нем комплексов почти не отличался от всех остальных. Здесь находились грунтовая могила № 114 второй четверти IV в. до н.э.; склеп № 100 с вымощенным полом II–I вв. до н.э.; грунтовые могилы со следами кремации №№ 99, 136, 137 II–I вв. н.э.; вырубная могила № 90 I в. до н.э. — I в. н.э. и две грунтовые могилы № 131 и 135 первых веков н.э. Найденный в мешаном слое XIX раскопа материал (фрагменты импортных и боспорских амфор, чернолаковых киликов и канфаров, «мегарских» чаш, финикийская подвеска из полихромного стекла, обломки буролаковых и краснолаковых сосудов), как и в соседних, в основном не выходил за рамки IV в. до н.э. — первых веков н.э.

Но в северо-восточном углу раскопа, над склепом № 100, на глубине 0,5–0,6 м от дневной поверхности, в скоплении камней и щебня, на 12 кв. метрах были найдены 46 человеческих черепов и скопление беспорядочно лежащих (преимущественно длинных) костей людей. Среди поддающихся определению оказались костные останки нескольких детей и подростков, взрослых и пожилых (до 65 лет) мужчин и женщин (примерно в равном соотношении). Судя по их местонахождению (над склепом II–I вв. до н.э.), это коллективное захоронение относится к римскому или еще более позднему времени. К западу — северо-западу от него, в том же слое на площади 4 × 4 м на протяжении нескольких сезонов (1990–1992 гг.) встречались небольшие разрозненные фрагменты чернофигурного сосуда архаического времени.

¹ Хршановский 2004, 384–385, рис. 1.

² Ханутина, Хршановский 2009, 58–69.

Как уже отмечалось, позднеэллинистический склеп № 100 находился ниже костей и черепов коллективного захоронения, как и расположенные южнее грунтовые могилы №№ 99 (II–I вв. до н.э.) и 114 (второй четверти IV в. до н.э.). Разрыв во времени с обломками архаического сосуда слишком велик, чтобы напрямую связывать их между собой. Можно было бы предположить, что они происходят из разрушенного архаического погребения, однако комплексы этого времени (конца VI в. до н.э.) на некрополе пока неизвестны: самые ранние могилы (№№ 9, 24, 31, 87) относятся к V в. до н.э.³ На основании имеющихся сегодня данных Е.А. Молев относит основание Китея к концу VI — началу V в. до н.э. Среди самых ранних находок в городских слоях он выделяет фрагменты чернофигурного сосуда типа ольпы (второй половины VI в. до н.э.), а в культурном слое некрополя — фрагменты протофасосских амфор, чернофигурного кратера и аска⁴.

Однако в данном случае явная «асинхронность» фрагментов чернофигурного кратера археологическому контексту XIX раскопа (да и всего этого участка некрополя в целом) склоняет к мысли о том, что они были преднамеренно вторично использованы, скорее всего, при совершении тризны. Подобные факты нередко отмечались на некрополях Илурата и Китея⁵. В пользу этого предположения может свидетельствовать как отсутствие остальных частей сосуда, так и неслучайный, как представляется, «набор» найденных расписных фрагментов: голова Диониса, нога сатира, листья плюща, бутоны лотоса... Для древних греков кратер, на котором изображен бог Дионис со свитой сатиров, не мог не иметь сакрального смысла. Теоретически он, как и некоторые другие расписные сосуды, мог быть изначально предназначен для использования в погребальном ритуале⁶. Однако, судя по стандартному размеру, форме, росписи с обычным дионисийским сюжетом (насколько о нем можно судить по имеющимся фрагментам), этот кратер вполне мог вначале предназначаться для смешивания вина с водой на симпозиисе, а затем превратиться в погребальный инвентарь.

При предполагаемом вторичном использовании (возможно, теми, кто уже не был знаком с греческой мифологией, не узнавал Диониса «в лицо» и не соотносил «изображение ноги» с ногой сатира) фрагменты расписного кратера в качестве элементов тризны могли быть наделены иным смыслом. В соответствии с ведийской традицией соотнесения тела жертвы с трехчастной структурой мира, голова и ноги (по анатомическому коду) адекватны «верхнему» — небесному — и «нижнему» — хтоническому — мирам⁷. Подтверждением правомерности такой интерпретации археологического материала, помимо прочего, стали результаты палеозоологического анализа костных останков животных из тризн боспорских некрополей: в них тоже выявлено преобладание «голов и конечностей»⁸. Туловище жертвенного животного, коррелирующее со «срединным» профанным миром, в этом случае намеренно исключалось из жертвенного ритуала.

В греческой погребальной традиции листья плюща и бутоны лотоса имели свой смысл, символизируя бесконечный круговорот в цикле «жизнь–смерть–возрождение»⁹. При вторичном использовании фрагментов с их изображением они могли восприниматься уже не как «плющ» и «бутон лотоса», а просто как растительный орнамент, сохраняя при этом свою семантику.

Откуда были принесены найденные фрагменты: из города живых или из «города мертвых», где находятся остальные части архаического сосуда, как он ранее использовался — неизвестно и, скорее всего, узнать никогда не удастся. Однако принадлежность этого чернофигурного кратера первому поколению китейцев не вызывает сомнения.

* * *

На основе хранящихся в фонде Государственного музея истории религии фрагментов можно предположительно реконструировать аттический чернофигурный кратер (рис. 1–4) (хотя теоретически это могут быть и фрагменты нескольких кратеров одинакового типа). Форма, размеры и элемен-

³ Молев 1991, 88–90; Хршановский 2004, 384–385, рис. 1.

⁴ Молев 2010, 23–25, рис. 21.

⁵ Хршановский 2014, 433–438.

⁶ См. например: Blegen, Palmer, Young 1964, 80; Smith 1976; Schiering 1983.

⁷ См. Хршановский 2000, 249–250.

⁸ См. Каспаров 1996, 39.

⁹ Chevalier, Gheerbrant 1996, 546, 616–617; Бидерманн 1996, 151–152.

ты декора позволяют предположить, что это разновидность, которая получила название «кратер с колоннами/колонками» (*column-krater*, *cratère à colonnette*, *der Kolonnenkrater*) благодаря специфической форме ручек¹⁰. Эта разновидность кратера характерна для чернофигурной афинской вазописи VI в. до н.э., в то время как другая разновидность — «чашевидный кратер» (*calyx-krater*) более часто встречается в краснофигурной; «кратер с волютами» (*volute-krater*) является редкой разновидностью. Кратер с колоннами был заимствован аттическими гончарами у коринфских. Наиболее ранние аттические экземпляры Томрис Бакир связывает с мастерской Мастера Несса (*The Nettos Painter*); они датируются последней третью VII в. до н.э. Значительное коринфское влияние можно проследить в аттических кратерах первой четверти VI в. до н.э., но постепенно происходит развитие и видоизменение формы, а также схемы и элементов декора. Для кратеров середины столетия характерны более изящные удлинённые пропорции, расположение фигур не в нескольких, как в Коринфе, а в одном регистре, занимающем большую часть тулова. Начиная с 540-х годов формы еще более вытягиваются, а наиболее распространенной становится схема, при которой декор сосредотачивается в двух крупных «панелях» (по одной на каждой стороне), обрамленных орнаментами, причем наиболее частым является вариант с пояском с «язычками» (*tongue-band*) сверху (в месте соединения шейки с туловом) и поясками с вертикально ориентированной ветвью плюща по сторонам. На верхней части венчика чаще всего располагается узор в виде цепи бутонов лотоса (*chain of lotus buds*), на свесе венчика — узор в виде ветви плюща с листьями.

В собрании музея имеется три крупных и несколько мелких фрагментов верхней части венчика, украшенных узором в виде цепи бутонов лотоса, соединённых стебельками (*interconnected lotus-bud chain*). Между стеблями, соединяющими бутоны, расположены жирные черные точки. Также имеется два крупных и несколько мелких фрагментов свеса венчика, украшенных орнаментом в виде попарно расположенных вертикально вверх и вниз относительно горизонтального стебля листьев плюща. Такие орнаменты, расположенные на означенных местах, характерны для декора аттических кратеров последней трети VI в. до н.э. и встречаются на вазах, атрибутированных разным вазописцам и группам мастеров. К сожалению, размеры фрагментов не позволяют вынести суждение о диаметре венчика, но мы можем предположить размеры кратера исходя из высоты свеса, ширины венчика, а также крупных фрагментов тулова и представлений о размерах аттических чернофигурных кратеров с колоннами последней трети VI в. до н.э. (высота кратера в среднем 31–37 см, диаметр венчика в среднем 28–33 см, диаметр основания ножки в среднем 16–19 см).

Помимо описанных выше, в музее имеются несколько фрагментов тулова, на которых сохранился орнамент в виде вертикально ориентированного пояса попарно расположенных горизонтально (вершиной вправо и влево) относительно вертикального стебля листьев плюща. Наличие этого орнамента позволяет сделать вывод о том, что фигуративные сцены на обеих сторонах кратера были заключены в своеобразные «панели» с орнаментальным обрамлением. Расположение композиций в «панелях» характерно для многих аттических чернофигурных кратеров последней трети VI – начала V в. до н.э., хотя эта композиционная схема не была единственно возможной: также пользовалось популярностью расположение фигур вокруг тулова кратера даже без перерыва под ручками. На наиболее крупном из фрагментов тулова помимо части орнаментального обрамления представлена согнутая в колене и поднятая как бы в танце или скачке нога (сохранилось колено и вся нога ниже колена)¹¹. Судя по тому, что нога обнажена и не имеется никаких элементов одежды, а также исходя из наличия на другом фрагменте кратера голов Диониса и сатира, можно предположить, что нога принадлежит сатиру. Нога ориентирована вправо, она находится почти вплотную к орнаментальному обрамлению, т.е. это правый нижний фрагмент одной из «панелей» с фигуративными росписями на кратере. На втором фрагменте сохранились части двух (?) ног копытного животного¹². На одной ноге можно различить бабку и часть копыта, другая сильно повреждена из-за многочисленных сколов. Контуры бабки, копыта, голени и несколько шерстинок переданы гравировкой. Судя по тому, что ноги вплотную придвинуты к орнаментальному обрамлению, они являются задними ногами

¹⁰ Ручки состоят из выступа, соединённого с туловом вазы двумя вертикально ориентированными цилиндрическими элементами (что при определенной доле воображения напоминает фрагмент антаблемента и две поддерживающие его колонны). Подробнее об этой разновидности кратера см.: Bakir 1974.

¹¹ Фрагмент ранее был опубликован: Коллекция античных древностей ГМИР 2007, 40.

¹² Это может быть нога коня, мула, осла; точнее определить невозможно, так как все эти животные встречаются на кратерах с дионисийскими сценами.

животного, ориентированного влево. Это также правая нижняя часть одной из «панелей». Соответственно два описанных фрагмента принадлежат разным сторонам кратера. Длина ноги сатира от колена до стопы составляет приблизительно 6 см, соответственно, можно предположить, что высота изобразительного поля («панели») была около 20 см (без орнаментального обрамления).

На следующем фрагменте сохранилась часть орнамента в виде «язычков» (*tongue-band*; в отечественной науке его также называют «палочным орнаментом»¹³) и две головы: Диониса в венке (скорее всего, из листьев плюща) и, по-видимому, сатира, который стоит или идет за Дионисом¹⁴. Орнамент в виде язычков в верхней части тулова кратера в месте крепления горла сосуда характерен для аттических чернофигурных кратеров с колоннами последней трети VI в. до н.э. Он встречается в двух вариантах: с чередующимися черными и красными язычками и просто с черными. Последний вариант и представлен на имеющемся в музее фрагменте. Голова и шея Диониса сохранились полностью, отсутствует лишь нижняя часть бороды. На шее, волосах и бороде имеются сколы. Контуры венка, бороды, волос, уха, глаза, пазухи носа, усов и губ даны гравировкой. В венке поверх черного лака внутри гравированных листиков плюща охрой нанесены пятна (в результате обжига они приобрели пурпурный цвет). Между Дионисом и сатиром расположена ветвь с листьями, изображенная в виде толстой черной линии и круглых черных пятен вдоль нее, помещенных сверху и снизу. При изображении «язычков» и этой ветви использован только силуэтный рисунок, дополнительные цвета и гравировки отсутствуют. От головы сатира сохранилась лишь прядка волос над лбом и передняя часть лица с глазом, носом, усами, губами и фрагментом бороды. Глаз, губы, верхний контур бороды переданы при помощи гравировок, также имеется почти невидимая полоска белой краски (по-видимому, для обозначения усов). Размеры и сохранность остальных фрагментов не позволяют предположить их место, элементы орнаментальной или фигуративной росписи на них отсутствуют или же таковы, что интерпретировать их невозможно. Вся совокупность фрагментов позволяет вынести суждение о датировке кратера последней четвертью VI в. до н.э.

Для предположений о принадлежности тому или иному мастеру наиболее перспективным является фрагмент с головами. Самые близкие изображения голов, особенно головы Диониса, можно видеть на кратерах, амфорах и вазах других форм, объединенных Дж. Д. Бизли в Группу Леагра (*The Leagros Group*)¹⁵. Бизли охарактеризовал ее как «очень большую и важную группу чернофигурных vaz, современных краснофигурным работам «пионеров» (Евфрония, Финтия, Евфимида) и их компаньонов и последователей»¹⁶. Имя «Леагр» (по-видимому, один из афинских юношей, восхищавший современников своей красотой) в форме «Леагр прекрасен» встречается на черно- и краснофигурных афинских вазах, датированных последней четвертью VI в. до н.э., именно это имя и дало название группе¹⁷. В качестве аналогий могут быть названы изображения Диониса на чернофигурных гидриях из Вюрцбурга (Вюрцбург, Университет, Музей Мартина фон Вагнера L 321¹⁸ и L 318¹⁹), на чернофигурной амфоре из Собрания древностей в Мюнхене (инв. 1406, J 592)²⁰, из Собрания древностей Берлина (F 1845)²¹, из Фьезоле²² и проч. Но наиболее близкой по силуэту, характеру гравировок (венки, волосы, борода, пазуха носа, рот, усы, глаз) можно назвать голову Диониса на фрагменте амфоры инв. Р 7446 из раскопок афинской агоры²³ (рис. 4) (исключение составляет лишь отсутствие на фрагменте из Китея гравированной брови, которая присутствует на фрагменте из раскопок афинской агоры). Этот фрагмент датирован 510–500-ми гг. до н.э., атрибутирован Группе Леагра и обозначен как перекликающийся с Мастером Ахелоя (*recalls the Acheloös Painter*)²⁴. Китейский фрагмент с головой Диониса

¹³ См., например: Горбунова 1983, 121, кат. 87.

¹⁴ Фрагмент ранее был опубликован: Коллекция античных древностей ГМИР 2007, 40; Молев 2010, 92, рис. 132.

¹⁵ Beazley 1956, 354–391.

¹⁶ Beazley 1956, 354.

¹⁷ См., например: Beazley 1986, 74–80; Mommsen 1999, 1203.

¹⁸ Beazley 1956, 364, No. 50; BAPD No 302045.

¹⁹ Beazley 1956, 364, No. 55; BAPD No 302050.

²⁰ Beazley 1956, 368, No 108; CVA, München, Museum antiker Kleinkunst 1, 25–26, Taf. (130, 132) 36. 2, 38. 1–3.

²¹ Beazley 1956, 370, No 136; CVA, Berlin, Antikenmuseum 5, 43–45, Beilage E1, Taf. (2174, 2177, 2184, 2201) 29. 3, 32. 1–2, 39. 1–2, 56. 1.

²² Beazley 1956, 368, No. 109; CVA, Fiesole, Collezione Constantini 1, 9, Tav. (2519, 2522) 7. 3, 10. 1–2.

²³ Moore, Philippides, von Bothmer 1986, pl. 23, No 197.

²⁴ Moore, Philippides, von Bothmer 1986, 127.

также можно сопоставить с аналогичным изображением на амфоре из Собрания древностей в Мюнхене (SL 459), атрибутированной Группе Леагра и самому Мастеру Ахелоя²⁵. Мастер Ахелоя — один из чернофигурных афинских вазописцев, получивший свое условное имя благодаря изображению речного бога Ахелоя на одной из атрибутированных ему ваз. Бизли причисляет «вазы Мастера Ахелоя и те, что выполнены в его манере... к длинному “Списку Леагра”, поскольку они являются центральными экземплярами леагровского стиля»²⁶. Окончательное суждение о фрагментах кратера из Китея, таким образом, будет следующим: они принадлежат аттическому кратеру с колоннами, который можно датировать последней четвертью VI в. до н.э., по форме и декору причислить к Группе Леагра и сопоставить с работами Мастера Ахелоя на основе особенностей трактовки головы Диониса.

Литература

- Бидерманн Г. 1999: Энциклопедия символов. М.
- Горбунова К.С. 1983: Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.
- Каспаров А.К. 1996: Фаунистические остатки с некрополей боспорских городов Илурад и Китей // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб.
- Коллекция античных древностей ГМИР 2007: Коллекция античных древностей Государственного музея истории религии. СПб.
- Молев Е.А., Шестаков С.А. 1991: Некрополь Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж — Белгород.
- Молев Е.А. 2010: Боспорский город Китей. Симферополь — Керчь.
- Ханутина З.В., Христановский В.А. 2009. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции / В.Ю.Зуев (ред.). СПб., 58–69.
- Христановский В.А. 2000: Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н.э. — IV в. н. э. (по материалам археологических некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней / Л.А. Акимова, А.Г. Кифишин (ред.). М.
- Христановский В.А. 2004: Новые погребальные комплексы V–IV вв. до н.э. на некрополе Китея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сб. научных материалов. БЧ V / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 384–390.
- Христановский В.А. 2014: Асинхронные вещи в погребально-поминальных комплексах и святилищах (по материалам некрополей Китея и Илурадского плато) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Сб. научных материалов. БЧ. XV / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 433–438.
- Bakir T. 1974: Der Kolonnenkrater in Korinth und Attika zwischen 625 und 550 v. Chr. Würzburg.
- Beazley J.D. 1956: Attic Black-figure Vase-Painters. Oxford.
- Beazley J.D. 1986: The Development of Attic Black-Figure. D. von Bothmer M.B. Moore (Eds), Berkeley.
- Chevalier J, Gheerbrant A. 1996: The Penguin Dictionary of Symbols. N. Y.
- Mommsen H. 1999: Leagros-Gruppe // DNP. Bd. 6. Sp. 1203.
- Moore M., Philippides M., von Bothmer D. 1986: The Athenian Agora. Vol. XXIII. Attic Black-Figured Pottery. Princeton, New Jersey.
- Smith H.R.W. 1976: Funerary Symbolism in Apulian Vase-Painting. Berkeley.
- Blegen C.W., Palmer H., Young R.S. 1964: Corinth. Results of Excavations Conducted by The American School of Classical Studies at Athens. Vol. VIII. The North Cemetery. Princeton, New Jersey.
- Schiering W. 1983: Die griechischen Tongefäße. Gestalt, Bestimmung und Formenwandel (= Gebr.-Mann-Studio-Reihe). 2, wesentlich veränderte und ergänzte Auflage. B.

²⁵ Beazley 1956, 369, No. 121; CVA, München, Ehemals Museum antiker Kleinkunst 9, 27–28, Beilage D1, Taf. (2315, 2316, 2326) 18. 1, 19. 1–2, 29. 5.

²⁶ Beazley 1956, 354.

FRAGMENTED BLACK-FIGURED KRATER OF THE 6TH CENTURY BC FROM THE NECROPOLIS OF KYTAION

A.E. Petrakova, Z.V. Khanutina, V.A. Khrshanovskiy

The article deals with the fragments of an Attic black-figured column-krater, excavated from the necropolis of Kytaion during the seasons of 1990–1992. Dimensions and the decoration allow a tentative reconstruction of the krater; the vessel might be associated with the Leagros Group, whereas the head of Dionysos is reminiscent of the type found on the vases decorated by the Acheloös Painter.

ДЕМЕТРА В КИТЕЙСКОМ СВЯТИЛИЩЕ КОНЦА V–IV ВВ. ДО Н.Э.

(См. рис. 1–2 на вкладке)

В Китейском центральном городском святилище Деметра изначально была наиболее почитаемой богиней. В настоящее время есть все основания полагать, что в период возникновения города и святилища во второй половине V в. до н.э. последнее было местом отправления культа Деметры — главного культа земледельческого населения Боспора вообще и Китея в частности. Судя по votивным артефактам, обнаруженным при раскопках сакральных комплексов в Нимфее¹, Мирмекии² и Китее, культ этот, видимо, был уже сложившимся со своими обрядами и праздниками. Особое значение почитание Деметры получило в классическую эпоху, когда производство зерна и торговля хлебом превратились в важнейшие отрасли экономики государства³. Именно конец V — IV в. до н.э. стали периодом, когда ритуалы и церемонии в честь этой богини достигают наибольшей интенсивности. Следует заметить, что с IV в. до н.э. в этом же святилище вместе с Деметрой и Корой стали почитаться Афродита и Великая Мать (Кибела) вместе с Гераклом и Дионисом (Иакхом), что указывает на влияние элевсинских мистерий при отпращивании культа Деметры.

О том, что раннее городское святилище Китея являлось местом почитания Деметры, свидетельствует целый ряд признаков.

Во-первых, несомненна его связь со скалами, камнями и расселинами в период возникновения. Материковая скала на центральном плато имеет следы подтески, расселины в ней были расширены, и именно в них совершались первые жертвоприношения⁴. Связь подобных мест с хтоническими ритуалами в честь Деметры неоднократно отмечал Павсаний (I. 8. 1; 15. 1; 42. 1; 43. 3). Впоследствии над этими фависсами стал нарастать холм, достигший за тысячелетнюю историю города высоты более 12 м и занявший площадь около 5000 м² в центральной части городища.

Отметим также, что среди многочисленных костных останков животных, приносимых жителями Китея в жертву и поедаемых на последующих ритуальных трапезах, кости свиньи, животного Деметры⁵, в ранних слоях святилища составляют 73% от остальных⁶. В последующие периоды (со второй половины IV в. до н.э.) их количество снижается до 24%, но они есть. Причем в расселинах и над ними чаще всего присутствовали кости ног и челюсти свиней, что свидетельствует о традиции принесения в жертву головы и конечностей, маркирующих животное⁷. В этой связи показательными выглядят находки двух глиняных лепных фигурок поросят, выполненных весьма реалистично, с выделением деталей⁸ (рис. 1, 7). Такие фигурки носили явно votивный характер⁹: было заманчиво принести в жертву маленькую глиняную модель вместо живого поросенка, которого можно было использовать в ритуальной трапезе.

Обращает на себя внимание и большое количество светильников в Китейском святилище. В центральной его части (раскопки 1970–1995 гг.) они составляют 70% от общего их количества, найденных на городище. На восточной окраине святилища, в сакральном комплексе, также связанном

¹ Худяк 1962, 39, табл. 25, 1–2.

² Гайдукевич 1987, 78, 93, 96, рис. 127–128.

³ Сапрыкин 1983, 60–63.

⁴ Молева 1989, 48; Молева 2002, 18.

⁵ Фрезер 2006, 490–492.

⁶ Молев 2015, в печати.

⁷ Каспаров 1996, 39.

⁸ Кузина, Молева, Матукина 2010, 308, № 53.

⁹ Ходза 1997, 63–65.

с культом Деметры, их обнаружено еще несколько десятков. Самые ранние из них относятся ко второй половине V – первой половине IV в. до н.э. Они самые разные: чернолаковые, краснолаковые, гончарные и лепные¹⁰. Все они, за исключением нескольких многорожковых, имеют нагар на носиках, позволяющий судить о том, что их использовали по прямому назначению в ритуальных действиях. Кстати большая часть этих светильников (102) была найдена в слоях второй половины V–IV вв. до н.э.¹¹, когда культ Деметры в святилище был еще преобладающим. Такие находки во всех античных святилищах трактуются как атрибуты культа Деметры — Кору в его элевсинском варианте, сопровождавшемся ночными церемониями¹². Одним из первых исследователей, обративших внимание на близость культа Деметры и Кору к элевсинским праздникам, стал С.Ю. Сапрыкин¹³.

Неоднократные находки глиняных моделей культовых лепешек или печений (рис. 1, 8), фаллических хлебцев, миниатюрных лепных и гончарных сосудов для приношения каши, также отражают почитание двух богинь — Деметры и Кору¹⁴. Все такие вотивы, связанные с зерном и его прорастанием¹⁵, в значительной степени отражали представления о жизни, смерти и бессмертии души. Начиная с IV в. до н.э. эти идеи воплотились и в росписях боспорских склепов¹⁶.

Самыми доказательными находками для культовой интерпретации раннего Китейского святилища являются граффити и терракоты.

Процарапанные надписи на сосудах для вина и винопития в основном представлены аббревиатурами и монограммами. Полных граффити в святилище единицы. Такова была традиция нанесения посвящений в Китее. Конечно, можно отрицать их связь с культами и именами богов¹⁷. Однако тот факт, что все эти надписи (около 300) были найдены в китейских святилищах, оспорить невозможно. Кроме того, некоторые из них, в частности те, которые были обнаружены в районе фависс и рядом с ними, имеют археологический контекст, свидетельствующий о возможности их связи с культом Деметры и Кору. Почитание этих богинь представлено в таких памятниках эпиграфики довольно ярко, в том числе и в элевсинском варианте. Так, в слое конца V — начала IV вв. до н.э. было найдено полное посвящение «Триаде» (ΤΡΙΑΔΙ), четко процарапанное на горле хиосской амфоры¹⁸. В данном случае трудно подразумевать другую триаду кроме Деметры–Кору–Иакха. Совместное посвящение в виде аббревиатур и монограмм Деметре и Иакху (ΔΗ ΙΚΧ) и Деметре, Коре, Иакху (ΚΔΙ — в монограмме) на донцах чернолаковых киликов, вероятно, также имеют отношение к элевсинским влияниям на культ Деметры в Китейском святилище¹⁹.

Кроме того известна часть надписи ΔΗΜ на фрагменте венчика чернолакового килика. Она вполне могла изначально содержать полное имя Деметры²⁰. Там же найдены граффити, содержащие сокращения в виде букв ΔΜ, ΔΗ, а также отдельные буквы Δ и Κ²¹. Кстати, А.С. Русяева считает их посвящениями Деметре и Коре, а отдельную букву Κ — обозначением имени Кору²².

Однако наиболее яркими находками, иллюстрирующими культ Деметры и Кору в Китейском святилище, являются терракотовые статуэтки. В центральной части зольника их не так много, но все они довольно выразительны. На культовой площадке в восточной части святилища их найдено более 50²³. Наиболее архаичным выглядит фрагмент полой объемной терракоты, изображающей спину богини со спускающимися на нее девятью спиралевидными локонами (рис. 1, 1). Он идеально соответствует статуэтке, изображающей сидящую на кубовидном троне богиню, происходящую из Киммерика. И.Т. Кругликова связывает эту находку с культом Деметры и датирует ее V в. до н.э.²⁴

¹⁰ Молев 2010, 206–207.

¹¹ Молев 2010, 205.

¹² Новосадский 1887, 178; Журавлев, Завойкин 2004, 194.

¹³ Сапрыкин 1983, 66.

¹⁴ Передольская 1954, 119–120; Русяева 1979, 42.

¹⁵ Грейвс 1992, 66.

¹⁶ Зинько 2007, 115; 117.

¹⁷ Шауб 2007, 309–310.

¹⁸ Молев 2010, каталог граффити № 199.

¹⁹ Молев 2010, каталог граффити № 19, 88.

²⁰ Молев 2010, каталог граффити № 29.

²¹ Семичева 1997, 138, 140; Молев 2010, каталог граффити № 14, 22, 58.

²² Русяева 1979, 47.

²³ Кузина, Молева, Матукина 2010, 280.

²⁴ Кругликова 1974, 83, табл. 27, 1.

Близка ей по типу статуэтка без головы, также представляющая сидящую на троне богиню в иератической позе с руками, сложенными на коленях и тоже найденную в слое рубежа V–IV вв. до н.э. (рис. 1, 2). Вероятно, в таких статуэтках, найденных в районе фависс с жертвоприношениями Деметре, можно видеть образ этой богини земледелия и плодородия²⁵.

К традиционным изображениям Деметры можно отнести верхнюю часть объемной терракоты (голова, шея, плечи), представляющей богиню в высокой stefane, покрытой спускающимся на плечи покрывалом, со строгими, классически правильными чертами лица, разделенными на прямой пробор волнистыми волосами, забранными под головной убор (рис. 1, 3). Эта статуэтка найдена в восточной части святилища и характерна для иконографии Деметры в IV – первой половине III в. до н.э.²⁶ Похожие терракоты были найдены в различных боспорских городах на территориях са-кральных комплексов²⁷.

Большинство остальных терракот сильно фрагментированы: это головы или обломки туловищ женских божеств. Но среди них стоит отметить некоторые — в частности, нижнюю часть статуэтки двух богинь, сидящих на троне: сохранились края одежды и обнаженные стопы ног. Этот фрагмент, как и изображения девичьих фигурок с тимпанами (рис. 1, 4), позволяют исследователям видеть в них участниц ритуалов в честь Деметры.

В связи с этим культом заслуживают упоминания и десятки фрагментированных протом, представляющих Деметру в ее хтоническом воплощении с руками, помещенными на груди. Такие протомы были найдены в основном в восточной части зольника и относятся к IV–III вв. до н.э. Уровень мастерства их изготовления значительно варьируется: от тщательно проработанных, оттиснутых в хороших формах, до крайне схематизированных, расплывчатых, но узнаваемых изображений (рис. 1, 5–6).

Самой интересной и значительной из всех терракот, изображающих Деметру, является односторонняя большая статуэтка (высота 24 см без головного убора, ширина неполная 8,5 см), представляющая поясное воплощение богини (рис. 2). Она склеена из четырех фрагментов и была изготовлена в односторонней форме с последующей доработкой стекой (лицо и прическа) и раскраской. Глина ее желтая, мелкослоистая, с мелкими коричневыми включениями и золотистыми блестками. Вероятнее всего, она происходит из какого-то эгейского островного центра. Найдена она была вместе с другими, уступающими ей по художественному значению терракотами и протомами на культовой площадке с алтарями в восточной оконечности китейского святилища, где с конца V в. до н.э. управлялись культы Деметры и Великой Матери (Кибелы). Протома представляет собой терракотовый высокий рельеф, детально проработанный в фас и с боков. Богиня представлена в поясном изображении в плоском, трапециевидном калафе и покрывале. О форме калафа можно судить по верхнему, правому краю покрывала, спускающемуся с головы вдоль всей фигуры и сохранившего явные следы темно-красной краски. Сам калаф отбит.

Лицо богини, тщательно проработанное после формовки, овальное, классически правильное: лоб широкий, глаза большие, с веками, выполненными в виде рельефных валиков, нос прямой, губы полные, хорошо очерченные, плотно сжатые, подбородок округлый, выступающий, шея длинная. Пышные волнистые пряди волос разделены на прямой пробор и забраны назад, под головной убор. В правом ухе Деметры — небольшая круглая серьга. На лице и шее имеются значительные остатки тонкой белой обмазки. В складке губ — ярко красная краска. Силуэт терракоты контурный, практически нерасчлененный. Из деталей туловища хорошо проработана полная правая рука, изящным жестом поддерживающая покрывало на уровне груди. В сочетании с желтым цветом глины, наличие остатков красок (темно-красной, белой и ярко-красной) делает рельеф полихромным. На оборотной его стороне в области головы сделана от руки поперечная перемычка для укрепления лица и головного убора. Верхняя и левая часть протомы утрачены. Контекст находок этого рельефа дает дату — последняя четверть V в. до н.э. Эту датировку подтверждает иконография богини и имеющиеся реплики²⁸.

Итак, исходя из анализа целого ряда находок остеологического материала и различного рода вотивов из нижних слоев китейского святилища, можно сделать вывод о том, что в первые десятиле-

²⁵ Молева 1995, 6–7.

²⁶ Кузина, Молева, Матукина 2010, 286–287, рис. 2, 2.

²⁷ Силантьева 1974, табл. 14, 1; Денисова 1981, табл. VI, а.

²⁸ Winter 1903, Taf. 71 (Апроц); 247, 3 (Беотия); 249, 1–5 (Родос); Higgins 1959, No 237, pl. 41 (Родос); № 239. pl. 40 (Родос).

тия своего существования оно было посвящено богине плодородия и земледелия Деметре, которая, вероятно, почиталась вместе со своей дочерью Корой. В отправлении этого культа в Китее ярко прослеживается его хтоническая сущность: приношения в фависсы и ботросы, наличие алтарей со сквозными отверстиями, отсутствие обгорелых костей, светильники с закопченными носиками. Как справедливо заметил И.Ю. Шауб, «земледельческий, хтонический и сотерический аспекты присутствовали в образе Деметры в неразрывном единстве»²⁹. Он же высказал предположение, что на Боспор почитание этой богини было принесено из Милета, и там некоторые особенности этого культа, в частности, ярко выраженная хтоническая сущность, получили местное развитие³⁰. Это в полной мере прослеживается в материалах китейского святилища конца V – начала IV вв. до н.э.

Однако, начиная с первой половины IV в. до н.э., votивные находки (терракоты, граффити, раковины, украшения, кости коз и птиц) свидетельствуют о почитании в этом же святилище Афродиты Урании. Причем культы этих богинь не подменяли друг друга, хотя функции Афродиты Урании во многом сходны с теми, что связаны с культом Деметры³¹. Обряды в честь Афродиты в святилищах Деметры и Кору имели место и в других боспорских сакральных комплексах: Сиреновой бухте на Азовском побережье Керченского полуострова³² и Береговой 4 на Тамани³³. Вопрос, прозвучавший в статье А.А. Завойкина: «Выступает ли здесь Афродита в качестве равноправной соалтарницы элевсинских богинь или же присутствие ее изображений должно объясняться в рамках элевсинских традиций?» остается открытым. Вполне вероятно, что в Китее Афродита начала почитаться в первой половине IV в. до н.э. как персонаж элевсинских празднеств, имеющих отношение к Деметре и Коре. Впоследствии же, ближе к III в. до н.э., ее культ стал настолько популярным, что приобрел самостоятельное значение и стал отправляться в отдельно выгороженном небольшом теменосе.

Отметим также, что с IV в. до н.э. в Китейском святилище, в местах почитания Деметры и Кору, ярко прослеживается и поклонение Великой Матери (Кибеле), что также сочетается с элевсинскими традициями и имеет аналогии в боспорских святилищах в Сиреновой бухте и Береговой 4. Культ Кибелы, как и культ Афродиты, со временем приобретает все большее значение, а к первым векам н.э., вероятно, становится доминирующим в Китее. Эта богиня, воплощавшая в себе материнские функции по отношению ко всему живому (природе, животным, человеку), подательница жизни и смерти становится очень популярной.

Однако культ Деметры в Китейском святилище не был забыт. Обряды в честь нее по-прежнему осуществлялись в районе фависс, над которыми уже вырос многометровый холм. Там, как и раньше, хотя и в меньших количествах, встречаются кости свиней, светильники и хтонические алтарики.

Литература

- Гайдукевич В.Ф. 1987: Античные города Боспора. Мирмекий. Л.
Денисова В.И. 1981: Коропластика Боспора. Л.
Журавлев Д.В., Завойкин А.А. 2004: Светильники из святилища элевсинских богинь «Береговой 4» // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 191–199.
Завойкин А.А. 2007: Афродита на святилище Деметры и Кору // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 179–185.
Зинько Е.А. 2007: Миф о Коре–Персефоне в боспорской монументальной живописи // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 115–117.
Каспаров А.К. 1996: Фаунистические остатки с некрополей боспорских городов Илурата и Китея // Животные и растения в мифоритуальных системах. СПб.
Кругликова И.Т. 1970: Статуэтки из Киммерика // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Г 1–11. М., 82–83.

²⁹ Шауб 2005, 66.

³⁰ Шауб 2005, 69–70.

³¹ Завойкин 2007, 182.

³² Масленников 2007, 275, 308.

³³ Завойкин 2007, 181–182.

- Кузина Н.В., Молева Н.В., Матукина А.Н. 2010: Комплекс терракотовых статуэток из Китейского святилища (раскопки 2007–2009 гг.) // ДБ. 14, 276–312.
- Масленников А.А. 2007: Сельские святилища Европейского Боспора. М.
- Молев Е.А. 2010: Боспорский город Китей. Симферополь — Керчь.
- Молев Е.А. 2015: Жизнеобеспечение боспорского города Китея по археозоологическим данным (раскопки 1970–1995 гг.) // Археологические вести (в печати).
- Молева Н.В. 1989: О характере раннего Китейского святилища // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях / Р.Ф. Филиппова (ред.). Л., 42–51.
- Молева Н.В. 1995: Греческое и варварское в религиозном мировоззрении городской общины Китея // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул.
- Молева Н.В. 2002: Китейский зольник — городское святилище // Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 16–23.
- Новосадский Н.И. 1887: Елевсинские мистерии. СПб.
- Передольская А.А. 1954: Об отражении обряда «всезерния» в терракотах V в. до н.э., найденных в Северном Причерноморье // МИА. 33, 114–122.
- Русяева А.С. 1979: Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев.
- Сапрыкин С.Ю. 1983: Культ Деметры в Боспорском царстве // Из истории античного общества. Вып. 1. Горький, 59–71.
- Семичева Е.А. 1997: Граффити Китейского святилища // Боспор и античный мир / Е.А.Молев (ред.). Н. Новгород, 136–142.
- Силантьева Л.Ф. 1974: Терракоты Пантикапея // САИ. Г1–11. Ч. III. М. 5–37.
- Фрезер Д. 2006: Золотая ветвь. М.
- Ходза Е.Н. 1997: К вопросу об анималистических изображениях в античной коропластике // Тр.ГЭ. XVIII. Л., 63–73.
- Худяк М.М. 1962: Из истории Нимфея. Л.
- Шауб И.Ю. 2005: О культе Деметры на Боспоре // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 65–70.
- Шауб И.Ю. 2007: Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.
- Higgins R.A. 1959: Catalogue of the Terracottas in Department of Greek and Roman Antiquities of British Museum. L.
- Winter F. 1903: Die Typen der figurlichen Terrakotten. Buch 1. B.

DEMETER IN THE SANCTUARY OF KYTAION IN THE LATE 5TH–4TH CENTURIES BC

N.V. Moleva

The article investigates the cult of Demeter in the sanctuary of the Bosporan city of Kytaion based on the archaeological materials. The possible dates of the existence of the cult and its particular features are discussed. In addition, several most important monuments pertaining to this cult are published here for the first time

ФАНАГОРИЯ. ВЕРХНИЙ ГОРОД. ОБЪЕКТ 815

(См. рис. 1–3 на вкладке)

Каждому археологу-практику очевидно не только то, что в ходе полевых исследований он открывает новый исторический источник, но также и то, что открыть его можно только один-единственный раз. И очень многое зависит от того, сколь тщательно и профессионально это открытие было сделано. В этом смысле можно утверждать, что в какой-то мере археолог сам «делает» источник о прошлом. Истинное мастерство «демиурга» в данном случае заключается в том, чтобы как можно точнее «прочитать подлинник» и как можно меньше «добавить от себя». Некий парадокс в том, что в принципе это возможно в том лишь случае, когда исследователь обладает особым чутьем, большим полевым опытом и обширными знаниями о материальной и духовной культуре общества, оставившего изучаемые им материальные свидетельства прошлого. Чем больше вкладывает себя археолог в свой полевой труд, тем меньше должны быть заметны следы его деятельности... По крайней мере, пока не придет время интерпретации источника.

Владимир Петрович Толстиков с большим успехом «читает» Пантикапей уже сорок лет. Масштабы его открытий на этом памятнике вызывают удивление и искреннее уважение. Благодаря трудолюбию и беззаветной преданности юбиляра древней столице Боспорского царства, мы узнали о ней, пожалуй, больше, чем за все предшествующие годы раскопок памятника. И мы, его коллеги, всегда с нетерпением ожидаем все новых открытий на горе Митридат, позволяющих вносить уточнения в детально разработанную В.П. Толстиковым периодизацию жизни исторического центра Пантикапея¹. В свете новейших данных исследователю приходится вновь и вновь обращаться и к некоторым давно открытым комплексам, играющим иной раз ключевую роль в понимании общей ситуации для того или иного периода истории города. Так было, например, с широко известным «Домом эмпория», исследованным В.Д. Блаватским на Верхнем Митридатском раскопе². В.П. Толстиков высказывал сомнения в том, что древнейшие находки из этого сооружения (в частности ионийская ойнохоя с изображением магических глаз и фризом с амфорами) относятся к периоду ее строительства и жизни, поскольку происходят не с полов помещения, а из ямы (№ 63), расположенной ниже уровня пола. На этом основании он утверждал, что «к настоящему времени на территории Пантикапейского городища не открыто пока остатков ни одной наземной постройки, относящейся ко времени ранее второй половины VI в. до н. э.»³. Теперь же, благодаря раскопкам самого юбиляра, очевидно, что этот тезис должен быть пересмотрен⁴.

В своей заметке мне тоже хотелось бы сосредоточить внимание на одном лишь строительном комплексе, открытом в Фанагории в 2014 г., значение которого также представляется чрезвычайно важным для разработки периодизации жизни исторического центра (акрополя) города на раннем этапе.

Два года назад мы с В.Д. Кузнецовым уделили специальное внимание характеристике сооружений V в. до н.э., возникших на «Верхнем городе» после общего в этом районе разрушения в пожаре домов первого строительного периода (вторая половина VI в. до н.э.)⁵. В частности отмечалось, что наряду с наземными домами, построенными из сырцового кирпича, также погибшими в пожаре уже во второй четверти V в. до н.э., здесь были выявлены котлованы, прорезавшие древнейший культурный слой и заглубленные в материковый песок. Большая их часть была засыпана тоже во

¹ Первый ее вариант был предложен исследователем более двадцати лет назад (Толстиков 1992), и она продолжает корректироваться им по сей день (Толстиков 2015, 282–291).

² Блаватский 1957, 13–14, рис. 7; 1962, 8–10.

³ Толстиков 2001, 387.

⁴ Толстиков 2015, 282 сл., 287 сл., рис. 2.

⁵ Завойкин, Кузнецов 2013, 182–189.

второй четверти V в. до н.э. (вероятно, в 470-х годах⁶), и лишь некоторые из них функционировали во второй половине того же столетия (1 — в третьей четверти, 3 — в последней). Объединяя все эти постройки в рамках *второго периода*, мы предлагали его членение на три последовательных этапа. Первый из них (ок. 500–460/50 гг. до н.э.) характеризовался тем, что котлованы «сосуществуют» с наземными постройками из сырцового кирпича (дома 294 и 464), которые были построены после разрушения всех домов второй половины VI в. до н.э., а погибают они вследствие военного катаклизма во второй четверти следующего столетия. Мы допускали вероятность, что синхронизация объектов этих двух категорий — всего лишь следствие грубости наших датировок материала. «В принципе можно допустить, что котлованы возникают вскоре *после* разрушения сырцовых домов (но в пределах той же второй четверти V в. до н.э.⁷) и не были синхронны наземным сооружениям (предположительно, общественного характера)». «Обратную последовательность, — нам казалось еще недавно, — представить себе невозможно».

Минувший полевой сезон впервые предоставил в наше распоряжение бесспорное стратиграфическое свидетельство, опровергающее умозрительное предположение: перекрытие заполнения котлована (815) сырцовою стеной дома (819) на каменном фундаменте в северной ее части (рис. 1, 2). Углубленный в материк объект располагался у западного борта раскопа. Значительная его часть в верхней четверти (как и северная часть стены 819) была уничтожена углом траншеи XIX века. Котлован имел подпрямоугольную в плане форму (4,05 × 3,55 м) с закругленными углами. Ориентирован он по сторонам света. Прослеженная его глубина достигает 0,9 м⁸. Борта котлована отвесные, без обмазки. Дно плоское, горизонтальное, у восточного бортика (немного ближе к СВ углу) располагалась неглубокая овальная ямка (1,35 × 0,60 × 0,23 м), назначение которой установить не представляется возможным (вероятно, для каких-то хозяйственных или производственных нужд). Котлован заполняла чрезвычайно плотная желтая (желто-серая, внизу с бурыми включениями) глина, в толще которой (наряду с фрагментами керамики), в нижней четверти были расчищены плохо сохранившиеся фрагменты древесины, по всей видимости, остатки перекрытия, следы которого (с элементами плетения) отчетливо читались в виде бурого тлена и на поверхности пола. (Впрочем, не исключено, что тлен на полу — это следы его циновочного покрытия). Следов подпорных столбов на полу обнаружено не было, так что судить о конструкции перекрытия невозможно. В СВ углу котлована рядом с овальной ямкой была вкопана хиосская амфора, точнее — ее нижние две трети. Нанесенное красной краской на тулово крупное дипинто позволяет уверенно синхронизировать этот тарный сосуд с хиосскими амфорами из амфорного склада 290Б, засыпка которого, как было отмечено выше, относится к 70-м годам V века⁹.

В числе находок из объекта представлены многочисленные фрагменты амфор: стенок различных центров — 1126; хиосских последней четверти VI — первой четверти V и второй четверти V вв. до н.э. — 12 и 34 соответственно; самосских последней четверти VI — первой половины V в. до н.э. — 8; золийских красноглиняных (*КТБ* 9) второй половины VI — первой четверти V в. до н.э. — 11; лесбосских сероглиняных первой половины V в. до н.э. — 7; протофасосских последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э. — 36; «с раздутым горлом на высокой ножке (*КТБ* 27), датируемых со второй четверти V в. до н.э. — 3; «круга Фасоса» и фасосских, не определимого точно варианта — 3 и 11¹⁰; мендейских — 2, в том числе археологически целый сосуд, о котором пойдет еще речь. Кроме них найдены: 4 фрагмента лутериев; обломки простой гончарной посуды без покрытия (кувшин — 15, миска — 4, чаша — 3); 2 фрагмента донца флакона; фрагменты ионийской посуды (стенки — 10; кувшин/ольпа — 5, килик — 2, миска — 3, светильник — 4); фрагменты аттической чернолаковой и расписной посуды (стенки: открытых сосудов — 39; закрытых — 4, в их числе 1 чернофигурный: сохранилось изображение щита и части шлема, ок. 510–500 гг. до н.э. (Phanyllis Group E, the Group of the Hoplite-leaving-home)¹¹; ольпа — 2; килик — 25, в том числе

⁶ См. Завойкин, Монахов, Кузнецова 2013, 226.

⁷ Особо отметим, что засыпка двух позднейших котлованов этой серии (290Б и 274) датируется примерно 470-ми гг. до н.э.

⁸ Судя по тому, что пятно заполнения в районе северо-восточного угла прочитано примерно с уровня залегания камней фундамента стены 819, эта цифра близка изначальной.

⁹ Ср. Завойкин, Монахов, Кузнецова 2013, рис. 17, 18.

¹⁰ Не исключено, что из девяти ручек фасосских амфор часть относится к протофасосской таре.

¹¹ Аналогия: Lynch 2011, fig. 25. Определения и датировка расписной посуды выполнены Ю.Н. Кузьминой, которой я выражаю сердечную благодарность.

1 чернофигурный: на венце орнамент в виде двух рядов точек, разделенных тонкой полосой лака, под венцом — фрагмент изображения крыла сфинкса, ок. 500 г. до н.э. (The CHC-Group)¹²; скифос — 4; миска — 2; лекана — 1: фрагмент росписи в виде лучей, вторая половина VI — начало V в. до н.э.; лекиф — 1; светильник — 2); миниатюрный двухрожковый светильник красной глины без следов копоти (высота — 2,2 см, диаметры: венца — 4,4 см, поддона — 4 см; сколы по венцу, в дне пробита дыра); фрагмент терракотовой статуэтки — нижняя часть ноги (от колена) сидящей фигуры; изделия из бронзы: трехлопастной наконечник стрелы; фибула — 1; скоба с отверстием — 1.

Как мы видим, в целом верхняя датировка находок из объекта не выходит за пределы второй четверти V в. до н.э., если не считать того, что ножка амфоры *КТБ 27* датируется в пределах второй и третьей четвертей столетия. Однако отсутствие хотя бы мелких фрагментов аттической посуды с врезным или штампованным орнаментом позволяет настаивать на том, что засыпка котлована произошла ранее середины века. Самое время несколько подробнее описать мендеевскую амфору (рис. 3)¹³, не только потому, что представленный ее вариант сравнительно редок, но и потому, что она важна для уточнения хронологии комплекса.

Сразу подчеркну, что данный сосуд относится именно к продукции Менды, а не к группе амфор, чем-то напоминающих мендеевские по форме, но, судя по глине, не всегда имеющих отношение к производству этого прославленного винодельческого центра¹⁴. По классификации С.Ю. Монахова наша амфора представляет сосуд пифодинного типа, шаровидного варианта I-B¹⁵. Вслед за И.Б. Брашинским¹⁶ исследователь датирует все амфоры этого варианта третьей четвертью (или только 40–30-ми годами) V в. до н.э., ссылаясь на комплексы курганов №27/1966 и №30/1967 Елизаветовского могильника, а также на нимфейский склад 1978 года¹⁷.

Публикуемая амфора имеет все морфологические признаки, декор в виде полосы красной краски в нижней части тулова и характеристики глиняного теста, свойственные мендеевской таре. Поэтому нет необходимости приводить подобное ее словесное описание. Параметры публикуемой амфоры таковы. *Высоты*: в целом — 561, венца — 14, ручки — 115, ножки — 42, выемки в подошве — 8 мм; *диаметры*: тулова — 398, венца — 130, ножки — 66, выемки в ее подошве — 24 мм; *сечение* ручки — 52 × 23 мм. В сравнении с большинством других амфор этого варианта, ее отличает то, что максимальный диаметр тулова приходится строго на половину высоты¹⁸, в то время как у тех он немного выше¹⁹. Контекст фанагорийской находки не оставляет сомнений в том, что датировку данного варианта мендеевской тары необходимо расширить до второй четверти V в. до н.э. Кстати сказать, К. Филис датирует амфоры интересующего нас варианта из некрополя Аканфа, ссылаясь на диссертацию М. Лавалы²⁰, второй и третьей четвертями V в. до н.э.²¹

Таким образом, время сооружения и бытования объекта 815 в целом почти не выходит за пределы второй четверти V в. до н.э., а вероятно, приходится на интервал ок. 480–470 гг. до н.э. (как и упомянутого комплекса 490Б). Это дает нам право датировать последующий этап наземного домостроительства на «Верхнем городе», начиная с указанного рубежа. Ранее мы ошибочно, как это теперь выясняется, относили общую гибель в пожаре домов в этом районе города к 70-м годам V в. до н.э., хотя, должен признаться, имелись некоторые основания для сомнений в справедливости данной датировки, искусственно перенесенной с заглубленных объектов на наземные постройки. Я имею ввиду тот факт, что фрагменты (включая и крупные части) хиосских амфор, найденные в

¹² Аналогии: Nazarčuk 2010, B-65; Agora 23, 298–290, pl. 105, 1580, 1588, 1607.

¹³ Лежала в развале в ЮЗ углу котлована, примерно в середине толщи заполнения.

¹⁴ Например, ср. Roberts 1986, 68, No 424, fig. 43, 424.

¹⁵ Монахов 2003, 90–91, табл. 61, 1–5.

¹⁶ Брашинский 1980, 111, табл. III/IX. 38.

¹⁷ См. Монахов 1999, 125, табл. 41, 1, 2. Также (ок. 440–425 гг. до н.э.) датируется мендеевская амфора (P 2377) этого варианта из колодца R 13:4 афинской агоры (см.: Grace 1979, fig. 43; Papadopoulos, Paspalas 1999, 161, fig. 2), в котором было найдено пять целых сосудов.

¹⁸ Также у амфор из Никония (раскопки 1986 г., контекст находки не известен) и у амфоры, найденной в море у о. Змеиный (Монахов 2003, табл. 61, 1, 5).

¹⁹ Ср. Lawall 1995, 122.

²⁰ Lawall 1995, 120–124, fig. 37. Исследователь датирует раннюю стадию бытования мендеевских амфор первой половиной V в. до н.э., отмечая их редкость; правда, сосуды этого периода представлены в датированных комплексах только фрагментами.

²¹ Filis 2013, 71, fig. 13c-d.

слое разрушения сырцовых домов, тоже датируемые в пределах второй четверти V в. до н.э., не всегда обладали морфологическими (и дополнительными — дипинти на горлах и туловах) признаками, характерными для амфор из котлованов (хотя таковые тоже здесь присутствовали). Они явно несколько более поздние и синхронизируются с ранней частью тарных хиосских сосудов из фанагорийского комплекса «холм Г» (вариант III-B, по С.Ю. Монахову)²². Поскольку в целом этот комплекс может быть датирован ок. 460–440 гг. до н.э., то с определенной долей условности гибель сырцовых построек на «Верхнем городе» допустимо определять интервалом ок. 460–450 гг. до н.э., что отчасти синхронизирует данное событие и с реперным комплексом афинской агоры N 7:3²³, вернее было бы сказать — наш комплекс «смыкается» с его нижней хронологической границей.

Поскольку дальнейшие возможности хронологического анализа комплекса 815 и сырцовых домов, построенных после того, как котлован был засыпан, исчерпаны, нам в рамках рассуждений о периодизации ранней истории «Верхнего города» осталось лишь сказать несколько слов о временном соотношении углубленных конструкций и домов предшествующего периода. Поскольку время существования в этом районе котлованов исчисляется с рубежа первой и второй четверти V в. до н.э., а гибель позднеархаических домов определяется нами в пределах рубежа VI/V — первых двух десятилетий V вв. до н.э., мы лишены пока возможности более точно и обоснованно судить о том, был ли какой-то временной разрыв между гибелью одних и сооружением других. Остается лишь надеяться на то, что систематическое изучение расписной керамики из комплексов и детальный анализ клада ранних боспорских монет, найденного под руинами дома 205 (первого строительного периода)²⁴ позволят в будущем пролить свет на данный вопрос. Но не исключено, что нас порадуют и новые открытия на раскопе...

Литература

- Блаватский В.Д. 1957: Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. 56, 5–95.
- Блаватский В.Д. 1962: Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 103, 6–85.
- Брашинский И.Б. 1980: Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.
- Завойкин А.А. 2013: Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // ДБ. 17, 132–152.
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. 2013: «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н.э. (проблемы периодизации и урбанистики) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. XIV Боспорские чтения / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 182–189.
- Завойкин А.А., Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2013: Склад амфор 290Б из Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. 1 (Фанагория. Результаты археологических исследований. 1) / В.Д. Кузнецов (ред.). М., 206–229.
- Кузнецов В.Д., Завойкин А.А. 2010: О мастерских фанагорийских ювелиров (?) второй половины VI в. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. XI Боспорские чтения / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 256–265.
- Монахов С.Ю. 1999: Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов.
- Монахов С.Ю. 2003: Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва — Саратов.
- Толстиков В.П. 1992: Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора / Г.А. Кошеленко (ред.). М., 45–98.
- Толстиков В.П. 2001: Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 4, 385–427.

²² Завойкин 2013, 138–139, рис. 2, 6, 9.

²³ Boulter 1953, особо: 104, No 150, pl. 39, 150. В этом комплексе был найден остракон Перикла, сына Ксантиппа, соотносимый с остракофорией 443 г. (абсолютный *terminus ante quem*), но возможно и с более ранним событием (Boulter 1953, 99, No 131). Отсюда дата комплекса — ок. 460/450–440 гг. до н.э.

²⁴ Кузнецов, Завойкин 2010, 256–265; Фанагория 2008, 50–51.

- Толстиков В.П. 2015: Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея: о времени основания апойкии и к локализации раннего теменоса // ПИФК. 1, 282–302.
- Фанагория 2008: Фанагория. По материалам Таманской экспедиции ИА РАН / В.Д. Кузнецов (ред.). М.
- Boulter C. 1953: Pottery of the Mid-Fifth Century from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia* 22, 2, 59–115.
- Filis K. 2013: Transport Amphorae from Akanthos // *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea III (Pontica. XLVI, Suppementum II)*. Constanța, 67–87.
- Grace V.R. 1979: Amphoras and Ancient Wine Trade (Excavations of Athenian Agora. Picture Book 6). Athens.
- Lawall M. 1995: Transport Amphoras and Trademarks: Imports to Athens and Economic Diversity in the Fifth Century BC. Ph.D. dissertation. University of Michigan.
- Lynch K.M. 2011: The Symposium in Context: Pottery from a Late Archaic House near the Athenian Agora // *Hesperia*. Supplement 46. Princeton.
- Nazarčuk V.I. 2010: Black-Figured Pottery // *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD*. Vols. 1–2. Aarchus, 143–170.
- Papadopoulos J.K., Paspalas S.A. 1999: Mendian as Chalkidian Wine // *Hesperia* 68. 2, 161–188.
- Roberts S.R. 1986: The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit in the Athenian Agora // *Hesperia* 55. 1, 1–74.

THE “UPPER-CITY” OF PHANAGORIA. CONTEXT N 815

A. Zavoikin

This article examines a rectangular foundation pit 815 dating from the first half of the 4th century BC. It was excavated in the “Upper City” sector of Phanagoria in 2014. This pit is very important in helping to determine stratification and chronology of the sector. The pit was sealed by remains of a mud-brick wall on a stone plinth, destroyed in the second half of the 4th century BC. Based on the analyses of the architectural remains preserved inside this pit, it is possible to outline a general picture of the building activities in the central Phanagoria in the first half of the 5th century BC. After the area was destroyed by fire in the second half of the 6th century BC, the mud-brick houses and pits seemed to have functioned in 480–470 BC. The houses of the later period are dated to 460s BC.

ГЕРМА ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ*

(См. рис. 1–2 на вкладке)

Раскопки в Фанагории в настоящее время сосредоточены в центре городища, на акрополе. Общая площадь раскопа «Верхний город» достигает 2550 кв. м. В течение 2007–2009 гг. в западной части этого раскопа были открыты остатки большого здания общественного назначения, которое погибло в очень сильном пожаре. Восточная же его часть была исследована в 1999 г.; она занимала площадь не менее 400 кв. м. Тогда здание было датировано II–I вв. до н.э. По сегодняшним оценкам, общая площадь здания оценивается в более чем 800 кв. м. При этом вскрыт не весь комплекс, т. к. его продолжение уходит за пределы раскопа, под южный борт. Местоположение этого здания (на акрополе), его размеры, находки (прежде всего монетные) и датировка гибели (60-е годы I в. до н.э.) дают основания уверенно говорить о его связи с восстанием Фанагории против Митридата в 63 г. до н.э., о котором сообщает Аппиан (App. Mithr. 108)¹.

В развалинах здания среди следов пожара была обнаружена почти полностью сохранившаяся герма (рис. 1–2). Ее высота 29,2 см. Герма фаллическая, полая внутри, внизу открытая². Нижняя часть столбика частично отбита. Почти полностью утерян один из боковых выступов. Голова была отбита, видимо, при падении во время пожара, и находилась рядом со столбиком. Глина коричневато-красная, с мелкими блестками слюды, с небольшим количеством черных непрозрачных включений и небольшими кавернами, образовавшимися в результате выгорания мелких органических частиц. В середине толстого черепка серый закал. Весьма интересна технология изготовления гермы. Если сам столбик выглядит как недавно выполненное изделие, то с головой дело обстоит гораздо сложнее. Складывается впечатление, что она составлена из двух частей, лицевой и затылочной, вылепленных по-разному. С одной стороны, лицо и верхняя часть головы до диадемы сделаны тщательно. При первом же взгляде становится очевидным, что герма явно носит портретные черты (рис. 2). При этом лицевая часть выглядит так, как будто она изготовлена либо раньше, чем остальные части изделия³, либо специально для замены уже готовой традиционной статуэтки: глаза, брови, губы, волосы потеряли четкость, несколько затерты. Нос (особенно его кончик) стал меньше, чем был изначально. Однако в целом портретное сходство с оригиналом, видимо, не потеряно. С другой стороны, верхушка головы и затылок сделаны крайне грубо. По сути дела, мастер при помощи инструмента, напоминающего лопаточку, лишь придал форму задней стороне головы. При этом затылочная часть выровнена под одну плоскость с задней поверхностью столбика. Совершенно очевидно, что статуэтка не была рассчитана на то, что ее будут видеть сзади. Общее впечатление таково, что при изготовлении гермы лицевая сторона была взята от какой-то другой статуэтки, либо была изготовлена специально для замены головы Гермеса в уже сделанной герме. Затем эта лицевая часть была вмонтирована в комок глины, которой была придана форма головы. При внимательном рассмотрении статуэтки хорошо видно, что глина на поверхности лица несколько шершавая, черты лица немного расплывчаты. В то же время поверхность затылочной части, шеи и столбика ровная, заглаженная инструментом и пальцами мастера.

При характеристике лица следует обратить внимание на следующие детали. Само лицо пропорциональное. Волосы кудрявые, с завитками. Однако прическа несколько уплощенная, поскольку ха-

* Автор выражает свою признательность А.А. Завойкину за замечания, сделанные им при прочтении рукописного варианта статьи. Естественно, что вся ответственность за недочеты лежит на мне.

¹ Абрамзон, Кузнецов 2010, 59–85; 2011, 64–94.

² См.: Lullies 1931, 71–78 (Körperherme).

³ Однако следует заметить, что глина всей статуэтки совершенно одинакова, что вносит некоторый элемент неуверенности в предположение о более позднем изготовлении головы: если бы ее сделали позднее, то вероятным было бы использование для этого другой глины.

раактер материала не дает возможности полноценно показать ее предполагаемую пышность. Нос большой, его сохранность неудовлетворительна. На правой щеке видны бакенбарды, на левой — они заглажены. На голове отчетливо видна диадема в виде валика глины. К сожалению, из-за очень грубой обработки затылочной части головы мы не знаем точно, имелся ли сзади узел со свободно развевающимися концами. Как известно, именно такой узел был признаком царского статуса⁴. Впрочем, наличие самой по себе диадемы на герме дает основание полагать, что такой узел наличествовал, и мы имеем дело с портретом царской персоны. Поскольку герма была найдена в здании, в котором находились дети Митридата VI Евпатора во время восстания Фанагории против понтийского царя, то, на первый взгляд, вполне логичным выглядит предположение о том, что статуэтка изображает именно его.

Вопрос о сохранившихся изображениях Митридата Евпатора весьма непрост. Ему посвящена довольно значительная литература⁵. Самыми аутентичными считаются его изображения на монетах⁶. При этом ранний тип его изображений является более реалистичным, чем поздний. На нем Митридат представлен типичным эллинистическим владыкой⁷. На более поздних монетах представлен идеализированный портрет царя, который уже мало похож на Митридата: он показан юношей с развевающимися волосами, прообразом его становится Александр Великий, которому Митридат подражает и новым воплощением которого себя считает⁸. При определении тех или иных изображений, которые приписываются Митридату (прежде всего, сохранившиеся головы от мраморных статуй), исследователи вынуждены опираться в своих определениях именно на монеты. Однако многие специалисты скептически относятся к этому методу. Р. Смит указывает на важное различие между портретами римских императоров и эллинистических царей. Если первые изготавливались по установленному образцу, сохраняли свою индивидуальность и узнаваемость, то вторые (особенно скульптурные портреты) имели мало отношения к индивидуальности царя, а являлись скорее выражением идеи царской власти, царственности (royalty). Отсюда следует, что нельзя говорить о наличии надежной связи между изображениями царей на монетах и их скульптурными портретами⁹. Тем не менее нельзя не согласиться с мнением о том, что поскольку только монеты дают возможность говорить более или менее уверенно об облике Митридата, мы не можем отказаться от попыток идентификации того или иного изображения с понтийским царем.

В настоящее время более или менее уверенно определен круг скульптурных портретов, изображающих, по мнению специалистов, Митридата Евпатора. Однако рассмотрение этого сложного вопроса не входит в задачу данной статьи. Нам важнее выделить те портретные черты царя, которые вполне могут свидетельствовать о том, что данное изображение действительно принадлежит Митридату VI Евпатору. Среди таких черт обычно выделяют такой признак, как бакенбарды на лице Митридата¹⁰. Он считается одним из решающих. На нашей терракоте бакенбарды сохранились, как уже говорилось, на правой щеке персонажа.

Таким образом, если суммировать все данные о публикуемой герме, то получим следующее. Терракота найдена в здании на акрополе Фанагории, которое можно идентифицировать как резиденцию Митридата, сгоревшую во время восстания 63 г. до н.э. Герма определенно изображает царскую персону, о чем свидетельствует диадема на ее голове. Изображение несет на себе явные черты портретного сходства с каким-то конкретным индивидом, о чем свидетельствуют не только характерные черты лица, но и бакенбарды. На основании всех этих фактов можно вполне уверенно полагать, что прототипом портрета на герме являлся именно Митридат VI Евпатор.

Находка такой статуэтки в жилой резиденции, где находились дети царя, вписывается в контекст находок герм в частных домах. Эти гермы выступали в качестве *θεοὶ πατρίοι*, под защитой которых

⁴ Smith 1988, 35.

⁵ Smith 1988, 99 ff; Erciyas 2006, 147 ff; Højte 2009, 145–162; Kreuz 2009, 131–144; Неверов 1968, 235–239; 1971, 86–95; Круглов 2005, 253–261; Сапрыкин 2009, 280–317; 2014, 308–324; Савостина 2011, 248–263.

⁶ При раскопках царской резиденции в Фанагории был найдена серебряная тетрадрахма Митридата, сильно попорченная огнем (рис. 2, 9).

⁷ Smith 1988, 99; Højte 2009, 148.

⁸ Stewart 1990, 223; Højte 2009, 149; Неверов 1968, 236; 1972, 110–118; Сапрыкин 2009, 281.

⁹ Smith 1988, 3; 32; см. также: Kreuz 2009, 133.

¹⁰ Erciyas 2006, 147; Højte 2009, 148; Неверов 1968, 236–237; Сапрыкин 2009, 288.

находился дом¹¹. Герма с головой Митридата выступала не только в роли почитаемого изображения царя, но и служила в качестве защиты его детей, находившихся вдалеке от родителя.

Литература

- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2010: Фанагорийское восстание 63 г. до н.э. (Новые нумизматические материалы) // ВДИ. 1, 59–85.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2011: Новые данные о восстании 63 г. до н.э. в Фанагории // ВДИ. 2, 64–94.
- Круглов А.В. 2005: Портрет боспорского царя в коллекции Эрмитажа // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 253–261.
- Неверов О.Я. 1968: Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея // СА. 1, 235–239.
- Неверов О.Я. 1971: Митридат и Александр: к иконографии Митридата VI // СА. 2, 86–95.
- Неверов О.Я. 1972: К иконографии Митридата Евпатора // Труды ГЭ. 13, 110–118.
- Савостина Е.А. 2011: Царь Боспора. Скульптурный портрет в собрании Эрмитажа: проблема атрибуции // ДБ. 15, 248–263.
- Сапрыкин С.Ю. 2009: Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Москва — Тула.
- Сапрыкин С.Ю. 2014: Митридат Евпатор или Аспург? К идентификации портрета царя из Пантикапея // ДБ. 18, 308–324.
- Erciyas D.B. 2006: Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithridatids in the Central Black Sea Region of Turkey. Leiden — Boston.
- Højte J.-M. 2009: Portraits and Statues of Mithridates VI // Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Black Sea Studies 9 / J.-M. Højte (ed). Aarhus, 145–162.
- Kreuz P.-A. 2009: Monuments for the King: Royal Presence in the Late World of Mithridates VI // Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Black Sea Studies 9 / J.-M. Højte (ed). Aarhus, 131–144.
- Lullies R. 1931: Die Typen der griechischen Herme. Königsberg.
- Rückert B. 1998: Die Herme im öffentlichen und privaten Leben der Griechen. Regensburg.
- Smith R.R.R. 1988: Hellenistic Royal Portraits. Oxford.
- Stewart A. 1990: Greek Sculpture. An Exploration. Vol. 1. New Haven — London.
- Wrede H. 1986: Die antike Herme. Mainz am Rhein.

A HERM FROM THE EXCAVATIONS OF PHANAGORIA

V.D. Kuznetsov

This article deals with a rare find — a terracotta herm — found in the course of excavations of Phanagoria. It is interpreted as a representation of Mithridates VI Eupator, the king of Pontus.

¹¹ Wrede 1986, 49–50; Rückert 1998, 184.

СИНДСКИЙ ЦАРЬ ГЕКАТЕЙ*

События, связанные с правителем синдов Гекатеем, относятся к концу V — началу IV в. до н.э. и непосредственно предшествуют включению подвластных ему земель в состав Боспорского государства. Они стали ключевым моментом в истории греко-синдских взаимоотношений и предопределили создание на берегах Боспора Киммерийского той политической структуры, в рамках которой властные полномочия определялись двойственной терминологией «архонт» и «царь». Главным источником сведений о Гекатее является сохранившийся в «Стратегемах» Полиэна (II в. н.э.) рассказ о его жене, царице Тиргатао (Polyaen. VIII. 55). Помимо этого дополнительный свет на ряд обстоятельств его жизни пролила случайная находка на Семибратнем городище каменного блока со стихотворным посвящением от имени боспорского царя Левкона I. Наиболее приемлемый вариант его перевода гласит: «Исполнив обет, Левкон, сын Сатира, поставил [это изваяние] Фебу Аполлону, тому, что в Л[абрисе], — владыке сего города лабритян, — [архонт] Б[оспора] и Феодосии, изг[навши] битвой и (военною) силой из земли синдов Октамасада, сына Гек[атея], царя синдов¹, который (Октамасада), лишая отца [его собственной] власти, на[пал] на этот город»². Таким образом, выяснилось, что Семибратнее городище носило в древности название Лабрис, и здесь находилась царская резиденция. Об этом недвусмысленно говорят последние строки надписи: Октамасада, свергая своего отца с престола, напал на этот город, и здесь произошла решающая битва, после которой мятежник был изгнан за пределы синдской территории.

Судя по всему, Гекатей родился около 435 г. до н.э., когда Синдика уже прошла начальный этап развития контактов с соседними народами. За несколько десятилетий до этого фактор возросшей внешней опасности со стороны скифов, видимо, ускорил создание племенного союза во главе с синдами, куда вошли тореты, дандарии и псессы. Одновременно общие интересы в этом отношении могли укрепить греко-варварские связи на территории Азиатского Боспора. Свидетельством тому служит раскопанный в 1852 г. К.Р. Бегичевым в непосредственной близости от Фанагории курган 6 (ФК 6)³. Высота насыпи, которая достигала 15,6 м⁴, позволяет с полным правом отнести его к категории «царских». Особенности конструкции этого комплекса и погребального обряда демонстрируют прямые параллели с известными Семибратними курганами (СК), принадлежность которых представителям царской династии синдов не вызывает сомнений. В центре кургана был обнаружен расположенный над материком сырцовый склеп с провалившимся перекрытием из толстых деревянных брусев. Размеры его сравнительно невелики: 3,6 × 3,2 м = 11,5 кв. м, да и сопровождающий инвентарь достаточно скромный. На дне склепа находились два плохо сохранившихся костяка в простых деревянных

* Работа выполнена в рамках проекта «Элита Боспора Киммерийского. Традиции и инновации в аристократической культуре» Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государства в мировой истории».

¹ В данном случае термин «царь» носит достаточно условный характер, поскольку его употребление по отношению к Гекатею в имеющихся источниках отражает лишь признание его значимости в роли вождя сильного в военном отношении племенного союза.

² Тохтасьев 2004, 144–180.

³ Данные о раскопках ФК 6 из дневника К.Р. Бегичева (НВА ГИМ, ф. 1, Отдел археологии, группа Б, д. 6, лл. 2–5) существенно дополняют ранее имевшуюся информацию (Ростовцев 1925, 349–350). Более подробно о работах 1852 г. в Фанагории см.: Застрожнова 2014, 469–481.

⁴ Расчет размера насыпи произведен на основании измерений, осуществленных К.Р. Бегичевым: сырцовый склеп высотой до 2,5 аршинов (= 1,8 м) находился на глубине 2 сажень (= 4,26 м) от поверхности кургана и на расстоянии 4,5 сажень (= 9,58 м) от его подошвы.

саркофагах. Один из них, с бронзовыми скобами и ножками, принадлежал мужчине, облаченному в железный панцирь. Слева от него находились обломки меча, копий и более 140 бронзовых и железных наконечников стрел. Другой саркофаг содержал остатки женского костюма, возле которого были найдены более десятка штампованных золотых бляшек с изображениями розеток, летящей птицы, овода, сфинксов и лежащего оленя⁵. Возможно, они украшали головную повязку, а обнаруженные там же удлиненные подвески и шарики с петельками близки по форме деталям ожерелья из СК 2. Часть бляшек (птица, сфинкс, олень) полностью аналогична бляшкам из нимфейского кургана 24, относящегося ко времени около середины V в. до н.э.⁶ Отметим также пару массивных спиралевидных подвесок с пирамидками из зерни на концах, которые считаются изделиями боспорских мастерских и по классификации Л.Ф. Силантьевой связаны с вариантом II а, датирующимся третьей четвертью V в. до н.э.⁷ В правом углу склепа и у входа стояли по две амфоры, в каждой из которых «найден по золотой подвеске в виде продолговатых остроконечных шариков». В первом случае возле амфор обнаружено несколько бронзовых наконечников стрел и наконечник копья.

Рядом с основным погребением оказалась конская могила из сырцового кирпича площадью около 6 кв. м с четырьмя скелетами лошадей и бронзовыми уздечными наборами. С учетом всех находок вряд ли будет преувеличением отнести сооружение этого погребального комплекса ко времени вскоре после 450 г. до н.э. Для V в. до н.э. ему нет равных ни на территории Великой Скифии и Синдики, ни на Боспоре. Для синхронных скифских памятников наивысшим показателем является высота 7,1 м (Новогригорьевка 5, Великая Знаменка 1), а для территориально и хронологически близких Нимфейских курганов — 6 м⁸.

Появление в окрестностях столицы Азиатского Боспора огромного погребального комплекса, который К.Р. Бегичев в своем дневнике назвал самым большим «из всех видимых на берегах Босфорского залива», может говорить о том, что именно Фанагория имела наиболее интенсивные контакты с синдами на раннем этапе существования созданного ими «царства»⁹. Видимо, ФК 6 был возведен в тот период, когда еще не сложилась система, в избытке обеспечивавшая синдскую элиту товарами престижного потребления. Собственно, за исключением оружия, явно изготовленных на заказ нескольких золотых подвесок и нашивных бляшек, они здесь практически отсутствуют, да и все многочисленное золото относится к сопровождающему женскому погребению. В данном случае высочайший социальный статус подчеркивался не помещенным в могилу богатством, а количеством труда, затраченного для увековечения памяти умершего, судя по всему, бывшего первым правителем Синдики, при котором завершилось военное противостояние со скифами. Не исключено, что начало мирного периода во взаимоотношениях с ними увенчал династический брак этого вождя с представительницей скифского царского рода.

После окончательной ликвидации скифской угрозы для Боспора¹⁰ созданный для противостояния ей союз неизбежно должен был переродиться в новую систему отношений. Надо полагать, что в этой ситуации синды, приобщившиеся к благам эллинской цивилизации, попытались реализовать свой возросший военный потенциал, контролируя сельскую территорию Таманского полуострова. Данная модель, очевидно, предполагала не только регулярное получение даров в виде оружия, дорогих тканей, посуды и ряда ремесленных изделий, но и плату за беспрепятственный провоз продуктов и необходимых товаров в боспорские города¹¹. Определенные доходы должна была приносить и охрана от нападений других варваров торговых путей, которые вели, прежде всего, в район меотских городищ Среднего Прикубанья.

Развитию греко-синдских взаимодействий в V в. до н.э. немало должно было способствовать появление в глубине Синдики стационарного поселения с торговой ориентацией, по-видимому, расположившегося на месте зимника местного кочевого населения. В дальнейшем оно стало извест-

⁵ ДБК, табл. XXII, 12, 13, 17, 18, 20, 21.

⁶ Силантьева 1959, 71, рис. 38, 16, 18.

⁷ Силантьева 1976, 125–126, рис. 3а.

⁸ Силантьева 1959, 83; Тереножкин, Мозолевский 1988, 247.

⁹ Соответственно в сооружении кургана могли принять участие и граждане Фанагории.

¹⁰ Что касается регулярных скифских походов в Синдику или перекочевков, связанных с внеэкономической эксплуатацией племен Прикубанья (Виноградов 2005, 224 и сл.), то в рассказе Геродота об этом говорится в настоящем времени (Herod. IV. 28), что делает их вполне вероятными вплоть до середины V в. до н. э. (Молев 1997, 27).

¹¹ Ср.: Завойкин 2010, 215–216.

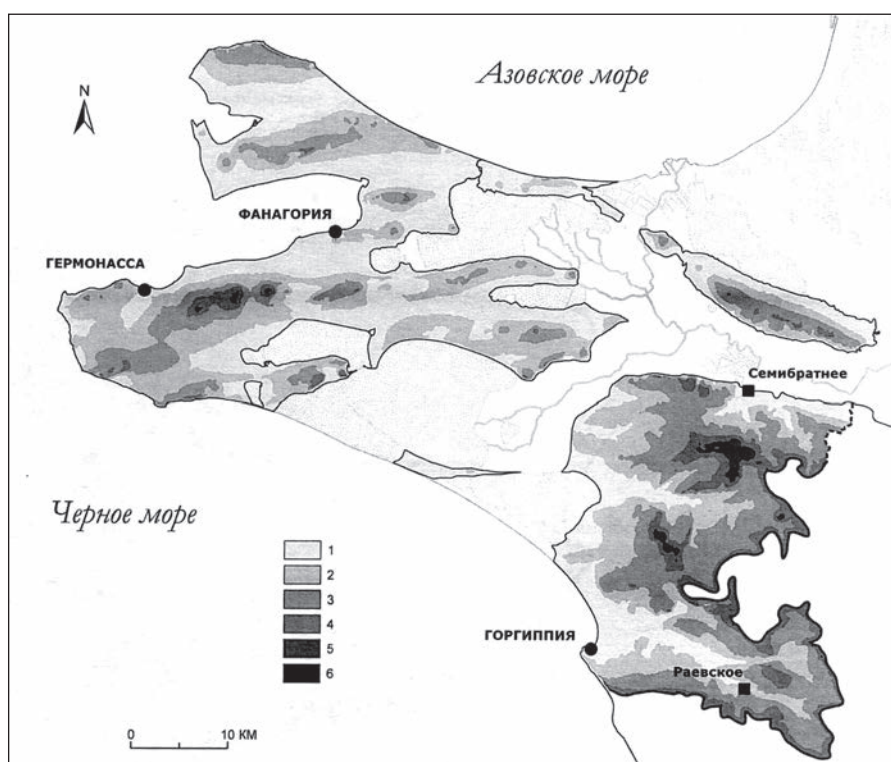

Рис. 1. Таманский полуостров в V-IV вв. до н.э. (по Д.Кельтербауму)

ным как Лабрис (Семибратнее городище). Найденные в северной части поселения наиболее ранние образцы амфорной тары и расписной керамики позволяют отнести его основание ко времени не ранее самого начала V в. до н.э.¹² Скорее всего, на первых порах Лабрис имел статус эмпория под варварским протекторатом¹³, где на более или менее постоянной основе проживали представители греческих городов, заинтересованных в торговых связях с синдами¹⁴.

Местоположение Лабриса оказалось чрезвычайно удобным, поскольку в интересующий нас период Таманский полуостров представлял собой архипелаг из трех островов, а на месте современной дельты Кубани находился морской пролив с глубинами, достаточными для плавания кораблей (рис. 1)¹⁵. Таким образом, эмпорий «располагался в непосредственной близости от пролива и имел прямой выход к морю» как минимум, до рубежа н.э. или несколько более раннего времени¹⁶, что объясняет неоднократные находки в культурных слоях городища раковин морских мидий. Период, когда здесь отсутствовали какие-либо рубежи обороны, оказался непродолжительным, что свидетельствует о нестабильности обстановки и невозможности для синдов полностью контролировать ситуацию в регионе в тот период. Ранняя линия укреплений, очевидно, возведенная около 480 г. до н.э. при помощи греческих союзников, имела овальную форму, соответствующую первоначальной бессистемной застройке прибрежной территории.

В конце второй четверти V в. до н.э. Лабрис единовременно расширяется в южном направлении за счет пристройки дополнительной оборонительной линии, имеющей трапециевидную в плане форму¹⁷. Это могло быть связано с прибытием на левый берег Гипаниса (Кубани) небольшой группы эпойков (около 130–150 семей)¹⁸. По крайней мере, с этого времени Лабрис определенно

¹² Каменецкий 2003, 72; Вдовиченко 2006, 32.

¹³ Ср.: Hansen 1997, 29; Цецхладзе 1999, 198–199.

¹⁴ Ср.: Колобова 1951, 208–210; Марченко, Житников, Копылов 2000, 248–252.

¹⁵ Журавлев, Шлотцауер, Кельтербаум 2010, 69–70, рис. 1.

¹⁶ Журавлев и др. 2010, 108.

¹⁷ *Terminus post quem* в данном случае дает находка в кладке стены башни на восточной линии обороны южной части Лабриса большого фрагмента горла развитого варианта III–В пухлогорлой хиосской амфоры (Монахов 2003, 18, табл. 6, 4–8).

¹⁸ Горончаровский 2009, 156.

существовал как греческий центр в Синдике. Не случайно для Семибратнего городища отмечался «специфически античный набор керамики»¹⁹, а в коллекции происходящих отсюда образцов изысканной аттической расписной керамики «основная масса находок относится ко второй половине V в. до н.э.»²⁰. Видимо, с этого времени через Лабрис в Прикубанье направляется основной поток товаров, что значительно расширило возможности синдских вождей в отношении получения даров и различных ценностей. Уже к концу 440-х гг. до н.э. этот центр становится основной точкой притяжения синдской элиты, а неподалеку от него начинает формироваться курганный некрополь с захоронениями представителей правящей династии.

Если проанализировать Семибратние курганы с точки зрения социальных позиций и исходить из принятого деления курганов скифской знати по высоте насыпей на четыре группы²¹, то в категорию «царских» (с высотой от 11 м) попадают только три комплекса: СК 4 (≈ 440–430 гг. до н.э.) — 12,8 м, СК 6 (≈ 410–400 гг. до н.э.) — 11,4 м и СК 1 (≈ 385–375 гг. до н.э.) — 14,9 м²². Таким образом, на протяжении примерно шестидесяти лет здесь были погребены три верховных правителя синдов (около 435, 405 и 380 гг. до н.э.), последним из которых и был Гекатей.

Резко возросшее благосостояние синдской знати демонстрирует самый ранний из Семибратних курганов — СК 2 высотой 6 м (≈ 450–440 гг. до н.э.), принадлежавший всего лишь члену «царского» рода. Некоторые пластинки чешуйчатого панциря погребенного плакированы золотом. С остатками горита связана большая серебряная с позолотой пластина, на которой имеется двухъярусное изображение оленихи с олененком и орла, несущего в когтях зайца. Золотыми бляшками расшиваются целый полог, а возможно, и одежда погребенного, шею которого украшают такие золотые изделия, как массивная гривна, несколько витков пронизей и ожерелье. В состав погребального инвентаря включаются вещи, связанные с пиршественной тематикой: первоклассные серебряные сосуды (килик с изображением Беллерофонта и фиала с головками силенов), серебряный рог с наконечником в виде головы льва и набор бронзовой посуды (таз, два киафа, ситечко). Наблюдающаяся здесь концентрация престижных предметов как символов власти позволяет с уверенностью говорить о начавшемся обособлении «царского» рода среди прочих аристократических семей по крайней мере за десятилетие до рождения Гекатея.

Поскольку последний правитель синдов носил греческое имя, можно предположить, что уже при жизни деда Гекатея связь царского рода с Лабрисом была подкреплена браком его наследника с местной эллинкой. Очевидно, тогда здесь и появилась периодически посещаемая царская резиденция²³, а скоро, но вряд ли ранее 425 г. до н.э., началась чеканка серебряных монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ, т. е. от имени всего племени. Это указывает на сохранение у синдов элементов родоплеменной структуры власти, когда руководство племенем осуществляется от имени его членов, а царь выступает как «первый среди равных». В любом случае принятие важных политических решений, видимо, не могло осуществляться без участия представителей синдской аристократии.

Образцом для лабрисских резчиков монетных штемпелей могла стать синхронная пантикапейская чеканка, в которой наиболее востребованным номиналом был диобол. При этом важно отметить, что «синдские» монеты, безусловно, предназначались для внутривоспольского обращения и ежедневного оборота, на что указывает присутствие среди них мелких номиналов — геммоболов и тетартемориев. Специфика состава использовавшегося металла²⁴ может объясняться тем, что монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ делались из царских запасов серебра, которое могло иметь самое различное происхождение — например, пришедшие в негодность серебряные изделия, поступавшие в качестве даров²⁵. Разумеется, синдские правители, предоставляя сырье для чеканки, определяли и ее «дизайн». При этом выбирались сюжеты, соответствовавшие определенным религиозным представлениям или политической ориентации. В символике ранней серии

¹⁹ Каменецкий 2003, 71.

²⁰ Вдовиченко 2006, 35.

²¹ Мозолевский 1979, 152, 156–157, табл. 4.

²² Более подробно о комплексах Семибратних курганов: Горончаровский 2014, 553–618.

²³ Ср.: Хазанов 2008, 420–421. Примером подобного рода отношений является ситуация, сложившаяся в Ольвии, где скифский царь Скил имел «дом обширных размеров и богато устроенный», жил «месяц или более того», после чего покидал город, возвращаясь туда довольно часто (Herod. IV. 78–79).

²⁴ Смекалова, Дюков 2001, 28.

²⁵ Терещенко 2001, 16; Тохтасьев 2001, 68.

«синдских» монет (рис. 2, 1), на реверсе которых помещалось изображение совы (≈ 425 –415 гг. до н.э.), прослеживается связь с эмиссией, выпущенной от имени скифского царя Скила в Никонии. Это наблюдение можно связать с преобладанием на данном этапе среди синдской элиты сторонников своего рода «иранской» партии. Отсюда женитьба Гекатей на дочери царя иксоматов Тиргатао и скифское царское имя Октамасад, данное его сыну. Усиление позиций «греческой» партии, которую со временем возглавил Гекатей, вероятно, связано со сменой типа реверса на изображение конской головы (≈ 415 –390 гг. до н.э.), продержавшееся вплоть до конца «синдской» чеканки (рис. 2, 2).

Рис. 2. «Синдские» монеты: 1 – с изображением совы на реверсе; 2 – с изображением головы коня

Очевидно, Гекатей был воспитан в эллинском духе, мог читать и писать по-гречески. Выбор имени, достаточно редкого для боспорской ономастики (КБН 117, 121, 130, 1137)²⁶ вряд ли был случаен и, скорее всего, связан с культом Великой богини, владычицы всего сущего. По-видимому, как одна из ее ипостасей рассматривался образ Гекаты, покровительствовавшей охоте, пастушеству, разведению коней и даровавшей победу на войне (Hes. Theog. 421–452). Эту хтоническую богиню со змеями в волосах ираноязычные кочевники Северного Причерноморья могли соотносить с горгоной Медузой. В частности, ее изображения имеются на бронзовой пластине (рис. 3), украшавшей панцирь царя, погреб-

²⁶ Самым ранним примером такого рода является эпитафия из Пантикапея, датирующаяся концом IV в. до н.э. (КБН 117).

бенного в СК 4 и на 28 золотых бляшках из СК 6 — места захоронения непосредственного предшественника Гекатея, очевидно, его отца. В данном случае уместно привести мнение Д.С. Раевского по поводу широкого распространения горгонеионов в Скифии: «Чисто греческая семантика сама по себе не могла обеспечить популярности горгонеиона у скифов — требовалась еще интеграция в местную мифологию»²⁷. Это заключение в полной мере применимо и к артефактам из Семибратних курганов, где оказались востребованными образы, созданные в иной культурной среде.

Не исключено, что сложные греко-синдские отношения облегчили задачу включения к концу V в. до н.э. греческих полисов Азиатского Боспора в состав владений боспорского царя Сатира I (433/2–389/8 гг. до н.э.). Во всяком случае, именно он вернул Гекатею утраченную по неизвестным причинам власть и тем самым в значительной мере подчинил Синдику своему влиянию. Сложившаяся ситуация наглядно демонстрирует обращенное к Гекатею требование Сатира жениться на его дочери, предварительно устранив прежнюю жену, и отказаться от этого, очевидно, было абсолютно невозможно. Эта вторичная женитьба, вероятно, поставившая под вопрос наследственные права Октамасада, в конечном итоге вызвала затяжную войну, развязанную Тиргатао при содействии иксоматов²⁸ и других меотских племен на территории Азиатского Боспора около 390 г. до н.э. Первый этап ее завершился трехсторонним соглашением между Тиргатао, Гекатеем и Сатиром I²⁹. Ситуация резко изменилась после неудачного покушения на Тиргатао, новых военных действий, развернувшихся на Азиатском Боспоре, и смерти Сатира во время осады Феодосии (Polyaen. VIII. 55).

Имя Октамасада в связи с событиями второго этапа войны с Тиргатао не упоминается, но его участие в них весьма вероятно. Именно тогда он мог захватить и контроль над Синдикой, и Лабрис. Новый боспорский царь Левкон I поставил перед своим братом Горгиппом задачу достижения мира любой ценой, и в данном контексте Гекатей в сообщении Полиена вообще не фигурирует. Изгнать узурпатора из Лабриса и земли синдов стало возможным, судя по титулатуре Левкона в посвящении, найденном на Семибратнем городище, только после захвата Феодосии. Обычно это событие относят к концу 80 — началу 70-х гг. IV в. до н.э.³⁰, но борьба за Феодосию могла успешно завершиться и гораздо раньше, уже в первые годы правления Левкона I³¹. Вслед за этим Гекатею снова была возвращена власть, а относительно дальнейшей судьбы Октамасада мы не знаем ничего. Если допустить, что он вскоре погиб, то появляется гипотетическая возможность связать сравнительно невзрачный СК 3 (≈ 390–385 гг. до н.э.) высотой всего 3,2 м с захоронением погребенного без особой пышности царского сына³².

Последний период правления Гекатея, судя по всему, оказался недолгим, и после его смерти уже ничто не могло помешать Левкону I в силу родственных связей с угасшей династией включить всю Синдику в состав своих владений. С большой долей вероятности можно предположить, что синдский царь был похоронен своим преемником со всеми приличествующими почестями там же, где нашли последнее пристанище его предки и ближайшие родственники. Такой ситуации как нельзя лучше соответствует отдельно стоящий СК 1 (≈ 385–375 гг. до н.э.), выделяющийся среди прочих Семибратних курганов своей высотой. В его конструкции наиболее ощутимо влияние античной архитектуры, поскольку тут был обнаружен самый ранний на Боспоре оштукатуренный склеп размерами 6,4 × 3,6 м. Предлагаемая нами датировка этого погребального комплекса совпадает со временем появления в нимфейском посвящении Теопротида наиболее раннего варианта титулатуры Левкона I с включением в нее подчиненных Боспору варварских племен³³.

Рис. 3. Бронзовая пластина с изображением головы горгоны Медузы

²⁷ Раевский 2006, 174; см. также: Шауб 2007, 96.

²⁸ Другие варианты этого этнонима — иксибаты (Гекатей Милетский), язаматы (Эфор и др.) и яксаматы (Клавдий Птолемей, Аммиан Марцеллин). В вопросе об их этнической принадлежности большинство исследователей сходится в том, что это ираноязычные кочевники (Каменецкий 1971, 166–170).

²⁹ Ср.: Молев 1997, 68.

³⁰ См., напр.: Гайдукевич 1949, 59; Жебелев 1953, 171; Блаватская 1959, 93; Виноградов 2005, 257.

³¹ Блаватская 1993, 44; Молев 1997, 75.

³² Горончаровский 2014, 590.

³³ Соколова, Павличенко 2002, 101–103.

Литература

- Блаватская Т.В. 1959: Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М.
- Блаватская Т.В. 1993: Посвящение Левкона I // РА. 2, 34–48.
- Вдовиченко И.И. 2006: Расписная керамика Семибратнего городища // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. / С.Л. Соловьев (ред.). СПб., 32–35.
- Виноградов Ю.А. 2005: Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху / К.К. Марченко (ред.). СПб., 211–296.
- Гайдукевич В.Ф. 1949: Боспорское царство. М. — Л.
- Горончаровский В.А. 2009: Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // БИ. XXII, 150–187.
- Горончаровский В.А. 2014: Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. XXX, 553–618.
- Жебелев С.И. 1953: Северное Причерноморье. М. — Л.
- Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Поротов А.В., Шлотцауер У. 2010: Боспор Кубанский // БЧ. XII, 106–114.
- Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д. 2010: Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н.э. // SYMBOLA. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / А.А.Масленников, Н.А.Гаврилюк, А.А.Завойкин (ред.). Вып. 1. М. — Киев, 69–80.
- Завойкин А.А. 2010: Периодизация освоения греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. (соотношение письменных и археологических источников) // АМА. 14, 203–217.
- Застрожна Е.Г. 2014: Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. // БИ. XXX, 469–481.
- Каменецкий И.С. 1971: О язаматах // Проблемы скифской археологии. МИА. 177, 165–170.
- Каменецкий И.С. 2003: К датировке Семибратнего городища // МИАК. 3, 67–76.
- Колобова К.М. 1951: Из истории раннегреческого общества (о Родос IX–VII вв. до н.э.). Л.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000: Елизаветовское городище на Дону. М.
- Мозолевский Б.М. 1979: Товста Могила. Київ.
- Молев Е.А. 1997: Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород.
- Монахов С.Ю. 2003: Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов.
- Раевский Д.С. 2006: Мир скифской культуры. М.
- Ростовцев М.И. 1925: Скифия и Боспор. Л.
- Силантьева Л.Ф. 1959: Некрополь Нимфея // МИА. 69, 5–107.
- Силантьева Л.Ф. 1976: Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. XVII, 52–56.
- Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. 2001: Монетные сплавы государств Причерноморья. СПб.
- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. 2002: Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hyperboreus. 8. Fasc. 1, 99–121.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. 1988: Мелитопольский курган. Киев.
- Тереженко А.Е. 2001: «Синдские» монеты — монеты синдов // IX Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. СПб., 15–16.
- Тохтасьев С.Р. 2001: Еще раз о синдских монетах и Синдском царстве // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства / В.Ю. Зуев (ред.). Ч. I. СПб., 63–79.
- Тохтасьев С.Р. 2004: Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. 3, 144–180.
- Хазанов А.М. 2008: Кочевники и внешний мир. СПб.
- Цецхладзе Г.Р. 1999: О полисном статусе городов античного Боспора // ДГВЕ. 1996–1997 / А.В. Подосинов (ред.). 193–200.
- Шауб И.Ю. 2007: Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб.
- Hansen M.H. 1997: A Typology of Dependent Poleis // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre. 4 / M.H. Hansen, K. Raafaub (eds.). Stuttgart, 29–37.

SINDIAN KING HEKATAIOS

V.A. Goroncharovskiy

The historical events associated with the Sindian ruler Hekataios directly preceded the inclusion of his lands into the Bosporan Kingdom. They have become a focal point in the history of the Graeco-Sindian relationships of the late 5th — early 4th centuries BC. Linked to these events is a development of a settlement known as Labrys (Semibratnee) located in the center of the Sindian territory. From the end of the second quarter of the 5th century BC Labrys existed as a Greek city with a necropolis containing the tumulus tombs of the members of the ruling dynasty was located nearby.

This article analyzes the Semibratnie barrows (SK) from the point of view of their size; it is argued here that there exists a correlation between the height of the tumulus mounds and the social standing of their occupants. Only three tumuli of the Semibratnee necropolis are deemed tall enough to qualify as “royal”: the SK 4 (≈440–430 BC) — 12.8 m high; the SK 6 (≈410–400 BC) — 11.4 m high; and the SK 1 (≈385–375 BC) — 14.9 m high. Thus, it seems that at least three rulers of the Sindoi were buried here. It is proposed here that Hekataios was buried in a separate SK 1 tumulus, distinguished by its height among the other barrows.

His Greek name possibly indicates that his mother was a Greek woman from Labrys. The name itself, which does not occur often in the Bosporos, is most likely theophoric and is related to Hecate.

The change of imagery on the coins with the legend ΣΙΝΔΩΝ — from an owl (425–415 BC) to a horse's head (415–390 BC) is explained here by the gradual weakening of the relationships between the Sindians and the Scythians and by the strengthening of the ties with the Greeks. The Bosporan king Satyr I (433/2–389/8 BC) is known to have had a great influence on the Sindoi and their rulers. The Sindian lands get absorbed into the Bosporan Kingdom after the death of Hekataios.

ЕЩЕ РАЗ О РЕСКРИПТЕ «НЕИЗВЕСТНОГО ЦАРЯ» ИЗ АРХИВА КОССКОГО ХРАМА АСКЛЕПИЯ. 1. КРИТИКА «БОСПОРСКОЙ ВЕРСИИ»

У этой статьи довольно странная судьба. Более десяти лет назад, в самом конце 2004 года, мой коллега А.С. Балахванцев проинформировал меня о новой трактовке анализируемой ниже надписи. Я с энтузиазмом и практически целиком принял его аргументацию, расширив и дополнив ее в том, что касалось непосредственно истории Вифинского царства — той темы, над которой я тогда интенсивно работал, подготавливая к печати соответствующую монографию. В таком виде данный сюжет впервые и нашел воплощение в печатном (хотя и довольно кратком) виде, войдя в мою изданную на следующий год книгу¹. Однако в дальнейшем позиции авторов не удалось свести к полному консенсусу, и наши с А.С. Балахванцевым исследования продолжались далее уже, скорее, в «расходящихся» направлениях, поскольку я пересмотрел некоторые из наших прежних выводов. После публикации статьи А.С. Балахванцева в «Вестнике древней истории»² я решил представить вниманию коллег собственную версию, взяв за основу текст, подготавливаемый нами ранее совместно (чем и объясняются некоторые текстовые совпадения в наших работах). На данный момент мне представляется необходимым оспорить целый ряд тех положений, которые были высказаны моим коллегой (включая итоговый вывод о личности автора рескрипта). Несмотря на это, я все же надеюсь, что наши пути раскрытия проблемы и полученные результаты все-таки не столько исключают, сколько взаимно дополняют друг друга.

Основной смысл данной работы, разумеется, состоит в том, чтобы дать собственную трактовку «письма неизвестного царя», направленную, в конечном итоге, на установление личности его автора. Сделать это оказывается возможным при решении нескольких задач, каждая из которых в рамках обозначенной темы приобретает вполне самостоятельное значение. В данной части работы будет предпринято обращение к двум из них. Во-первых, следует остановиться на некоторых пассажах текста надписи, которые допускают иное понимание, нежели предлагаемое А.С. Балахванцевым (и более ранними исследователями). Во-вторых, по моему мнению, данная им критика «боспорской версии» происхождения документа, с одной стороны, чрезмерно лаконична (мой коллега рассмотрел относительно ее явно не все аргументы *pro et contra*), а с другой, на мой взгляд — иногда не вполне корректна³, что побуждает к более подробному ее рассмотрению.

* В работе над статьей мне оказали ценную помощь Д.В. Журавлев, Е.В. Кузнецова, Ю.Н. Кузьмина, которым я приношу искреннюю благодарность. Разумеется, все возможные ошибки и неточности должны быть отнесены исключительно на мой счет. В сокращенном виде данная работа была представлена в виде докладов на международной конференции “The Bosporan Kingdom”, организованной университетом г. Орхус (Дания, март 2009), а также на конференции «Античная эпиграфика и история Северного Причерноморья» памяти Ю.Г. Виноградова (Москва, декабрь 2011). Данная версия работы выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ «Полис и надполисные структуры в греко-римском мире: формы и эволюция взаимоотношений».

¹ Габелко 2005, 214–218, 429, 478–481 (раздел о правлении Зиэла написан совместно с А.С. Балахванцевым, что и было мною отмечено на с. 7 и 167).

² Балахванцев 2011.

³ Приведу здесь один пример. Разделяя мнение А.С. Балахванцева об относительной непопулярности культа Асклепия на Боспоре (что косвенно свидетельствует против идентичности «неизвестного царя» с боспорским правителем), не могу признать справедливой его аргументацию. Указанная коллегой сомнительность граффито, на котором обычно вычитывают сокращение имени Асклепия (Толстой 1953, № 182) едва ли может каким-то образом свидетельствовать против конкретного сообщения Эратосфена и Страбона (Strabo. II. 1. 16) о существовании в Пантикапее храма Асклепия

Наконец, следует отметить и еще одно: не случайным представляется появление этой статьи именно в сборнике, посвященном юбилею Владимира Петровича Толстикова, вся плодотворная научная деятельность которого связана с исследованием археологии и истории Боспорского царства и в особенности его столицы Пантикапея. Я, ни в коей мере не причисляя себя к специалистам по истории Северного Причерноморья, все-таки взял на себя смелость построить свою работу в значительной степени на полемике со статьей, написанной Владимиром Петровичем в соавторстве с другим замечательным ученым, его близким другом и коллегой, сыгравшим важную роль и в моей жизни — покойным Юрием Германовичем Виноградовым⁴. Бывая в Керчи и заходя в гости в экспедицию Владимира Петровича, который принимал меня с неизменным радушием, я не раз обсуждал с ним отдельные положения этой работы и высказывал сомнения в справедливости предлагаемой им и Ю.Г. гипотезы. Беседы эти были очень интересны и содержательны, но обе спорящие стороны остались, как говорится, «при своих». Я надеюсь, что Владимир Петрович не обидится на меня за то, что я решил поместить в посвященный ему сборник статью, в которой я высказываю идеи, отличные от тех, которые были сформулированы им и Ю.Г. Виноградовым — как, без сомнения, не обиделся бы на это и Юрий Германович.

* * *

Итак, предметом анализа в данной работе служит так называемое «письмо неизвестного царя» — один из документов, связанных с мероприятиями косцев по реорганизации устраивавшихся ими празднеств в честь Асклепия и преобразованию их из местных в общеэллинистические в 242 г. до н.э. (SEG XII 370 = Rigsby 1996, No 12 = IG XII. 4. 213).

Следует еще раз кратко обратиться к существующим на сегодня точкам зрения относительно авторства рескрипта. «Сиракузская» гипотеза Р. Херцога — Г. Клаффенбаха, согласно которой отправителем письма был сын Гиерон II или его сын Гелон⁵, получила некоторую поддержку и в дальнейшем⁶, хотя эту гипотезу едва ли возможно принять: Дж. Риццо не предлагает собственного обоснования сицилийского происхождения надписи с помощью каких бы то ни было новых аргументов (для чего требовалась бы, в первую очередь, попытка опровержения аргументов Л. Робера, приводимых далее, — однако итальянский исследователь о них даже не упоминает)⁷, а строит собственные гипотезы о положении дел на Сицилии, принимая версию Херцога-Клаффенбаха без какой-либо критики. Точка зрения Л. Робера, согласно которой слова автора письма о «подлинном родстве» с Косом и о признании родства некоторыми эллинами на самом деле должны свидетельствовать о варварском происхождении царя-отправителя, которым мог оказаться царь Боспора Киммерийского⁸ получила широкое распространение⁹ и была, в частности, воспринята Ю.Г. Виноградовым, использовавшим данные рескрипта для реконструкции политической и династической истории Боспора во второй половине III в. до н.э.¹⁰

(Балахванцев 2011, 82–83, прим. 54) (равно как и попытка С. Ю. Сапрыкина оспорить эту информацию посредством анализа археологического памятника, вообще имеющего очень косвенное отношение к рассматриваемому вопросу — Сапрыкин 2002).

⁴ Толстиков, Виноградов 1999 (анализ археологических материалов в этой содержательной работе принадлежит В.П. Толстикову, а эпиграфических — его соавтору).

⁵ Herzog, Klaffenbach 1952, 9–10, 30. Впрочем, упомянутые выше наиболее информативные моменты рескрипта при допущении о связи его автора с Сицилией никакого конкретного подтверждения не находят (кроме разве что общего происхождения: Дейномениды были знатным дорийским родом; см.: Высокий 2004, 150–258; 393–403). Под «сестрой» правителя может упоминаться его супруга Дамарета (что и было предложено публикаторами надписи), как известно, действительно игравшая важную роль в управлении государством; что же до упоминания «сограждан», то оно в данном контексте остается не вполне ясным.

⁶ Rizzo 1973, 15–20.

⁷ Ср. Толстиков, Виноградов 1999, 299, прим. 31.

⁸ Rober J. et L. 1953, 157.

⁹ Seyrig 1963, 8–9. Not. 4; Sherwin-White 1978, 112–113, not. 153; Curty 1995, 48; Rigsby 1996, 123, not. 43; Lücke 2000, 133. Следует отметить, однако, что дальнейшей конструктивной разработке в перечисленных исследованиях эта идея не подвергалась: обычно все ограничивалось только кратким изложением мнений предшественников.

¹⁰ Толстиков, Виноградов 1999, 294–296. Ю.Г. Виноградов, развивая идею Л. Робера, сопоставил информацию анализируемого здесь декрета с данными схолий к «Ибису» Овидия (310–311), где говорится о династических смутах боспорских правителей. К сожалению, исследователь ограничился в основном только анализом и переводом сткк. 14–28 надписи, почти не рассматривая ни ее начало, ни конец.

128

сомненно, упоминает свое (недавнее?) воцарение, что может иметь для него политическую актуальность и значимость¹³. Данное допущение было использовано Ю. Г. Виноградовым для уточнения вех династической истории Боспора этого периода: воцарение Левкона II, дата которого по иным источникам надежно не определяется, он отнес именно к 243/242 г. до н.э.¹⁴

Сткк. 13–14: τηλικούτων καὶ το[ιούτων φιλανθρώπων προ]- ἰ ὑπαρχόντων ἡμεῖν πρὸς [ύμᾱς]. Здесь речь ведется о неких благодеяниях, оказанных автором письма косцам, что, казалось бы, свидетельствует против мнения К. Ригсби о том, будто данный документ фиксирует *первый* дипломатический контакт между «неизвестным царем» и жителями Коса¹⁵. Эта информация вступает в некоторое противоречие и с приведенным выше пассажем о недавнем воцарении автора письма; вероятно, оно может быть снято только при допущении, что «неизвестный царь» подразумевает тут суммарно не только собственные контакты с косцами, но и отношения с ними его отца (ср. сткк. 24–25, 36). Все это создает картину (возможно, несколько утрированную автором рескрипта) давних и прочных отношений его династии с Косом, чему в истории Боспора, как будет показано далее, вроде бы подтверждений нет.

Сткк. 14–20 (в стк. 14 возможно восстановление вместо ὄντων δὲ τινων νῦν более акцентированное δ' οὐκ ὀλίγων, принятое Ю.Г. Виноградовым и А.С. Балахванцевым): один из самых запутанных, но, вместе с тем, важных пассажей текста, в котором автор объясняет то, что он не смог отправить послов-феоров на Асклепией. К. Ригсби справедливо заключает: «Ссылка делается на будущее, но загадка состоит в том, что послы уже высказали царю порицание за что-то, что не может быть отождествлено с неудачей в отправке феоров на Асклепией. Другая возможность — что нечто воспрепятствовало косским феорам (τούτοις, стк. 15), и он приносит за это извинения»¹⁶. По мнению Ю.Г. Виноградова, причиной этого стали «тревожность ситуации и шаткость позиций... власти Левкона» после недавнего восшествия на трон¹⁷. В.П. Толстиков в частных беседах со мной не раз отмечал, что, с его точки зрения, с упоминанием о трудностях «неизвестного царя» могут быть сопоставлены накапливаемые в течение последних нескольких лет археологические данные о масштабных разрушениях на пантикапейском акрополе приблизительно в середине III в. до н.э. (в результате сильного землетрясения?)¹⁸. Тем не менее, едва ли эти «форсмажорные» обстоятельства могли вызвать порицание косских феоров и требовать столь многословного извинения.

Стк. 20: имя «сестры» царя А.С. Балахванцев восстанавливает как Лисандра (ошибочно написав Λυσάνδρα через *йоту*)¹⁹. Ю. Г. Виноградов, исходя из собственной трактовки исторического контекста надписи, предлагал дополнение ἀδελφ[ή] μ[ου] Ἀλκαθόῃ υἱοῖ τε²⁰. Однако сам факт наличия детей в этом браке на момент создания надписи остается неустановленным ни в «боспорской», ни в «вифинской» версии. Кажется вероятным, что при имени сестры-супруги мог стоять титул царицы, как, например, в надписи RC 36 (стк. 2). Соответственно, предлагаю ἀδελφ[ή] μ[ου] βασιλίσσα Λυσάνδρα] либо ἀδελφ[ή] μ[ου] Λυσάνδρα καθῶς — последнее слово приведено согласно мнению К. Ригсби, принятому в IG XII. 4.

Стк. 21: καὶ οἱ ἡμέτεροι πολῖται. Появление в тексте упоминания «сограждан» царя, как единодушно отмечено всеми исследователями — уникальный случай в эллинистической эпиграфике. Л. Робер отмечает, что ни один Лагид, Селевкид, Атталид не говорил о οἱ ἡμέτεροι πολῖται. Тем не менее, справедливости ради здесь надо отметить, что Филетер, основатель династии Атталидов, не имевший еще царского титула, в посвящениях из беотийских Феспий именуется просто пергамцем (OGIS 310 l. 5; 311 l. 6; 749 l. 5; 750 l. 1) (хотя, как известно, изначально пергамского гражданства он не имел, так как происходил из пафлагонского полиса Тиоса). Это хотя и не прямая, но некоторая аналогия словоупотреблению нашей надписи.

¹³ Rigsby 1996, 124; Толстиков, Виноградов 1999, 299, прим. 32.

¹⁴ Толстиков, Виноградов 1999, 296.

¹⁵ Rigsby 1996, 114.

¹⁶ Rigsby 1996, 124.

¹⁷ Толстиков, Виноградов 1999, 295.

¹⁸ Ср. Толстиков 1999.

¹⁹ Балахванцев 2011, 75; обоснование — с. 81. Так звали сестру третьего вифинского царя Зизла (Arr. Bithyn. F 63 Roos). О том, как это имя могло попасть в ономастикон вифинской династии, см. Зелинский 2012.

²⁰ Толстиков, Виноградов 1999, 294.

Сткк. 23–27: «...наше подлинное родство и вас достойно, и нам приятно, важнейшее доказательство чему воспоследовало от нашего отца... как наглядно представленное им самим» («наглядно представленное» несколько лучше вписывается в контекст, нежели предлагаемое Ю.Г. Виноградовым и ранее принятое нами с А.С. Балахванцевым «обнаруженное»). Акцентирование внимания на «персональном» аспекте родственных связей, соединяющих с косцами не только и «сограждан» царя — также исключительно редкий и необычный случай.

Наконец, в сткк. 27–30 автор говорит, что «некоторые из (остальных) эллинов» уже признали родство с ним, положив начало дружбе, и надеется на дальнейшее развитие этих отношений. «Боспорская версия» вновь не дает этим словам никакого объяснения.

Сделанные замечания убеждают в справедливости мнения тех исследователей, у которых нет безоговорочной уверенности в адекватности гипотезы Л. Робера²¹. При ближайшем рассмотрении данная атрибуция оказывается весьма уязвимой для критики. Исходя из посылки, что «неизвестный царь» должен был быть изначально варварского происхождения, и именно для дезавуирования данного обстоятельства ему потребовалось акцентировать свое родство с косцами, А.С. Балахванцев привел достаточно убедительные аргументы в пользу того, что у боспорских Спартокидов в III в. до н.э. (несмотря на неясность вопроса об их этническом происхождении) не было никакой необходимости доказывать свое родство с греками в силу их глубокой эллинизации²². Однако этот важный факт, на мой взгляд, все же не приходится считать *окончательным* доказательством ложности «боспорского следа». Во-первых, немногочисленные показателями того, что эллины могли воспринимать боспорских правителей как варваров (хотя варваров «благородных», не испорченных цивилизацией) — причем относящиеся именно ко второй половине III в. до н.э.! — все-таки существуют²³. Во-вторых, пример карийских Гекатомнидов показывает, что эта династия, будучи явно негреческого происхождения, преуспела в поддержке греческой культуры и эллинских полисов в своей стране и за ее пределами, так что в определенном смысле они могли восприниматься современниками как эллины²⁴; письменные источники порой именуют их, подобно тем же боспорским Спартокидам, тиранами или архонтами²⁵ — несмотря на временную и географическую разницу, этот факт может в некоторой степени представить аналогию, работающую на гипотезу Л. Робера и его последователей. Наконец, исследователь, на мой взгляд, все-таки учел не все свидетельства в пользу возможной боспорской атрибуции надписи, о которых не следует умалчивать. Поэтому для опровержения этой версии следует привлечь новые доказательства.

²¹ Определенные сомнения в ее адекватности высказывает и К. Ригсби (Rigsby 1996, 123). В новом исследовании видный специалист по истории Коса К. Бураселис считает, что это «многословное письмо скорее эллинизированного, нежели эллинистического царя» может происходить «из внутренней Малой Азии» (Buraselis 2004, 15). Соглашаясь с общим направлением мысли исследователя, нельзя не отметить, что число эллинистических (или даже «эллинизированных») малоазийских государств в середине III в. до н.э. было отнюдь не велико, и это делает перспективной попытку более точного установления автора письма. Если обратиться все же к «внутренней Малой Азии», то здесь в это время существовали Пафлагонское, Понтийское, Каппадокийское царства. О первом из них вообще не известно практически ничего; ни о каких контактах Понта с Косом для середины III в. до н.э. также информации не имеется. Что же до Великой Каппадокии, то известна надпись с Коса, фиксирующая отношения полиса с царским домом Ариартидов примерно для рубежа 180-х – 170-х гг. до н.э. (Pugliese-Caratelli 1972, 182–185; Piejko 1983, 200–207), но этим дело и исчерпывается. Никаких указаний на какие бы то ни было «особые отношения» между Косом и каппадокийским царским домом в этом документе не содержится.

²² Балахванцев 2011, 77–78.

²³ Во фрагментах стоика Хрисиппа нравам скифов уподобляются обычаи боспорского правителя Левкона и его рода (F. 691. 6; 14 ap. Plut. De stoic. repugn. cp. 20 p. 1043 bc; 21 ap. Plut. De comm. not. cp. 7 p. 1061d) или τοῦ Βοσπόρου βασιλέων τῶν περὶ Λεύκωνα (692. 5 ap. Strabo. VII. 3. 8). Хотя эти высказывания не несут точного этнического оттенка и имеют, скорее всего, обобщенно-морализаторский характер, их необходимо принимать во внимание.

²⁴ В ссылке А.С. Балахванцева на то, что «Демосфен, перечисляя лиц, получивших свободу от уплаты налогов за свои заслуги перед Афинским государством, никак не выделяет... Левкона из числа других награжденных ателией иностранцев: Эпикерда из Кирены, коринфских изгнанников, граждан Фасоса, византийцев Архиппия и Гераклида (Dem. XX. 30, 41, 52, 59, 60, 67), чье эллинство не вызывает никаких сомнений» (Балахванцев 2011, 77), не учтено то хорошо известное обстоятельство, что в IV в. до н.э. афиняне активно предоставляли самые различные и весьма значимые льготы, вплоть до предоставления гражданства, совсем уж не-эллинам, включая персидских сатрапов или сидонского царя Стратона (и никак не подчеркивали при этом их несомненно варварское происхождение); см. об этом, к примеру: Рунг 2000.

²⁵ Мавсол как тиран: Hdt. VII. 99; Ps.-Arist. Oik. II. 2, 13, 1348a Bekker; архонт: Suda. s. v. Μαύσωλος.

В частности, не следует *a limine* отвергать вариант собственно греческого происхождения Спартокидов, обосновывавшегося прежде некоторыми историками — без подробного, впрочем, обоснования²⁶. Способна ли она как-то связать боспорскую династию с Косом? В этом свете приобретает особый вес высказанное относительно недавно весьма прозорливое, хотя и сделанное «мимоходом» замечание относительно письма «неизвестного царя»: «Впрочем, не может не вызвать недоумение и необходимость боспоритов доказывать свое родство с эллинами. Быть может в документе речь идет о каких-то родственных отношениях *не с эллинством вообще, а именно с косцами* (курсив мой. — О.Г.)? Если это так, то и аргумент о том, что данный рескрипт относится к Спартокидам, теряет свою силу»²⁷. А.А. Завойкин, похоже, действительно прав: таковых отношений при ближайшем рассмотрении не обнаруживается. Так, недавно гипотеза об эллинских (отчасти, по крайней мере) корнях Спартокидов получила нового сторонника в лице известного английского специалиста А.Дж. Грэйма, предположившего фрако-фасосское происхождение династии на основании анализа именника боспорских правителей²⁸. Воздерживаясь от детального анализа интересных построений английского ученого, отмечу лишь, что и они, буде даже окажутся верными, никак не могут свидетельствовать в пользу боспорской атрибуции письма «неизвестного царя» из косского архива, так как никаких особо прочных связей между ионийским Фасосом и дорийским Косом не прослеживается (а наличие таковых между Косом и автором рескрипта, как показывает текст надписи, несомненно). С другой стороны, практически нет конкретных данных и о каких-либо контактах между дорийским Косом и ионийскими по преимуществу полисами Боспора в III в. до н.э.²⁹, на что сторонники «боспорской» гипотезы предпочитают не обращать внимания. Таким образом, возможный «греческий след» в генеалогии Спартокидов также никоим образом не может привести нас к установлению боспорского происхождения «неизвестного царя».

Упоминание в тексте рескрипта «сограждан» царя — безусловно, уникальное явление в эллинистической эпиграфике, которое, однако, не удастся надежно интерпретировать и с привлечением боспорского материала: ведь ни один Спартокид, насколько нам известно, тоже не называл так жителей своей столицы! Л. Робер и его последователи, к сожалению, не объяснили подробно, каким образом эта клаузула приводит к выводу об авторстве именно боспорского царя. Ни характеристика Левкона I как «пантикапейца» в декрете аркадян (КБН 37)³⁰, ни знаменитый пассаж Диодора, рассказывающий об обращении к народному собранию пантикапейцев Эвмела, обещавшего восстановить отеческий образ правления и подтвердить их традиционные привилегии (Diod. XX. 24)³¹, пожалуй, недостаточны для того, чтобы безоговорочно разделить уверенность Л. Робера и Ю. Г. Виноградова в боспорском происхождении документа. Напротив, детальное изучение граффити, обнаруженных в храмовом комплексе Нимфея, позволяет выявить определенную эволюцию в социальной психологии боспорского общества на протяжении первой половины III в. до н.э., что приводит С. Р. Тохтасева к правомерному вопросу: «Каким образом Спартокидам не позже, чем к концу правления Периса-

²⁶ Блаватская 1959, 26; Блаватский 1976, 56.

²⁷ Завойкин 2001, 164, прим. 50. А.С. Балахванцев по непонятным для меня причинам оборвал эту важную цитату, где практически предвосхищена гипотеза о неадекватности «боспорской версии», на полуслове (Балахванцев 2011, 77, прим. 15).

²⁸ Graham 2002.

²⁹ Как, к примеру, нет ни одного (!) уроженца Коса среди иностранцев, зафиксированных на Боспоре по данным КБН. Разумеется, между Боспором и Косом существовали торговые связи, как об этом свидетельствуют амфорные материалы. По европейскому Боспору на рубеже IV–III вв. до н.э. на различных поселениях косский импорт занимал до 20% амфорного материала (Ломтадзе, Масленников 2004, 152 сл.), что, конечно, составляет довольно заметную часть от общего объема. В азиатской части Боспора в это время экспорт мог быть еще более значительным (Улитин 2004, 147). Что же касается собственно III в. до н.э., то здесь ситуация гораздо сложнее: небольшое число комплексов и недостаточная разработка типологий амфор не дают возможности получить точные данные. Впрочем, о полном отсутствии каких-либо связей говорить не приходится: так, С.Ю. Монахов считает, что косская продукция поступала на Боспор вплоть до середины II в. до н.э. (Монахов 1999, 532). При этом необходимо учитывать, что наличие торговых контактов, разумеется, отнюдь не обязательно свидетельствует о существовании сколько-нибудь интенсивных политических взаимоотношений между Косом и Боспором, каковые подразумевает надпись (в трактовке сторонников «боспорской» гипотезы).

³⁰ Хотя справедливости ради эта надпись должна была быть отмечена в несколько ином контексте, чем это делает А.С. Балахванцев, подчеркивая неотличимость Спартокидов от греков (Балахванцев 2011, 77) — именно как свидетельство специфических отношений между боспорскими правителями и их подданными, хотя и в более раннее время.

³¹ Толстиков, Виноградов 1999, 295; ср. Rigsby 1996, 123.

да I, удалось превратить немалую, судя по всему, часть граждан боспорских полисов в подданных, в людей, отказавшихся от полисных идеалов даже на уровне самосознания?»³². Эти перемены в отношении боспорского населения к режиму Спартокидов, пожалуй, существенно уменьшают вероятность упоминания в тексте надписи именно пантикапейцев как «сограждан» своего царя (хотя тут, разумеется, возможны самые разнообразные нюансы, уловить которые при нынешнем состоянии источников пока что невозможно).

Кроме того, «боспорская» гипотеза, даже будучи весьма подробно разработана Ю.Г. Виноградовым, не объясняет ни того, почему Алкатоя, жена боспорского царя Левкона II, которого он считает автором надписи, должна считаться его сестрой³³ (тогда как в «вифинской версии» — неважно, в моей трактовке или А.С. Балахванцева — она таковой является «по факту»), ни (пожалуй, самое важное!) информации о том, что связи с косцами установил и доказал родство с ними отец царя.

Наконец, нельзя не остановиться и на географическом аспекте «боспорской гипотезы». Она требует допущения, что косские феоры специально направились в Северное Причерноморье, не посетив по пути более ни одного государства Понтийского бассейна (в том числе и те полисы, которые могли бы считаться родственными дорийцам-косцам — хотя это, конечно, *argumentum e silentio*). Наиболее приближенной к Боспору точкой, которой достигли косские послы, судя по дошедшим до нас надписям, бесспорно, является резиденция Зиэла Вифинского³⁴, но расстояние между Вифинией и Боспором все-таки весьма значительно. При всей фрагментарности сведений из архива храма Асклепия, имеющиеся надписи позволяют довольно детально реконструировать маршруты миссий, направленных гражданами Коса в 242 г. до н.э., и данная информация, как правило, связана с посещением ими нескольких пунктов из одного региона, находящихся относительно недалеко друг от друга³⁵. На этом фоне фиксация точки назначения одной из них в Пантикапее (при полном отсутствии информации о каких бы то ни было других пунктах) выглядит довольно странно.

Подводя итог данной работы (который, однако, является промежуточным для рассмотрения ключевого вопроса об авторстве «неизвестного царя» в целом), можно с еще большей уверенностью повторить: в связи со всем вышесказанным версия о составлении письма в Пантикапее кажется весьма сомнительной. Это — главный «негативный» результат исследования надписи. Что же касается «позитивного» вывода, то он связан с «вифинским следом» — в этом наши с А.С. Балахванцевым позиции отчасти совпадают, хотя предложенную им и прежде разделявшуюся мной версию об отождествлении автора послания с Зиэлом я теперь склонен воспринимать критически. Но это, как говорится — совсем другая история...

Литература

Балахванцев А.С. 2011: «Новый» рескрипт Зиэла Вифинского // ВДИ. 1, 74–92.

Блаватская Т.В. 1959: Очерки политической истории Боспора. М.

³² Тохтасьев 2006, 426.

³³ К сожалению, исследователь исходит из боспорской атрибуции документа как из бесспорно доказанного Л. Робером факта и уже на этой основе пытается трактовать упоминание в тексте «сестры» и реконструировать родственные связи внутри боспорского царского дома (Толстиков, Виноградов 1999, 295–296), тогда как анализ для придания ему надлежащей корректности следовало бы вести в прямо противоположном направлении: исходя из упоминания «сестры» постараться понять, приложима ли эта ситуация к Боспору. Более того, если следовать мнению М.И. Ростовцева (Rostowzew 1931, 124), разделяемому и самим Ю.Г. Виноградовым, о том, что употребленный Овидием в адрес супруги царя Алкатои эпитет *pia* мог означать перевод греческого *εὐσεβής*, становится непонятным, почему же у нее не было почетного прозвища Филадельфа, вполне ожидаемого в такой ситуации. Наконец, как отметил К. Ригсби, в боспорских надписях *ἀδελφή* для обозначения супруги царя не встречается: в них употребляется обычное *βασιλίσσα* (Rigsby 1996, 124).

³⁴ По мнению К. Ригсби, послы, упоминаемые в этой надписи, были теми же, что посетили Зиэла в Вифинии (Rigsby 1996, 124), но это допущение недоказуемо. К этой мысли, однако, надлежит вернуться во второй части работы.

³⁵ См. список маршрутов восьми косских посольств, составленный К. Халлофом: IG. XII. 4. 207–208.

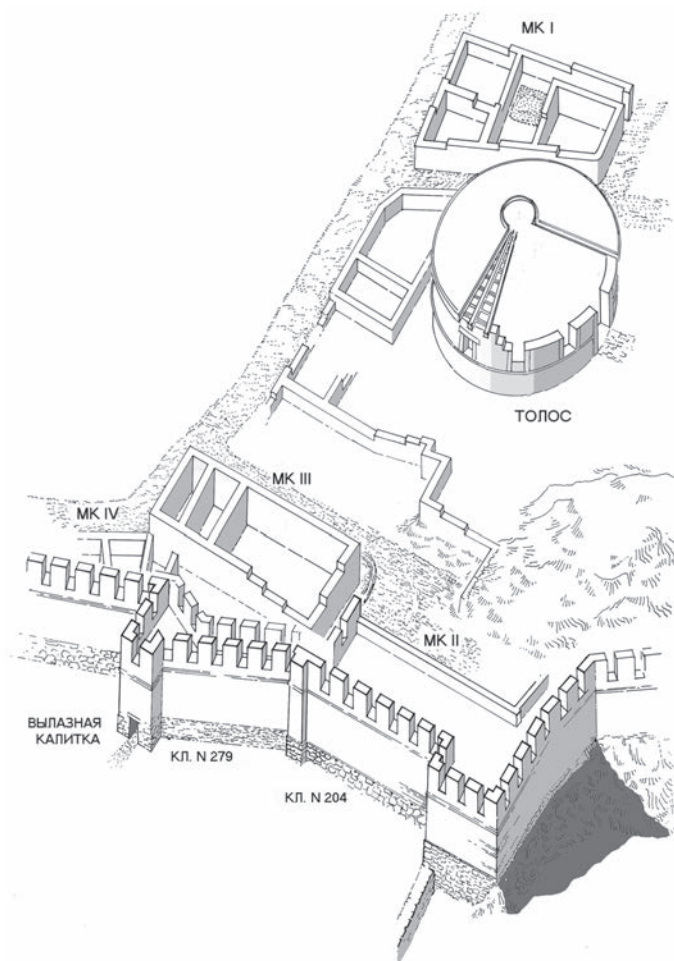
- Блаватский В.Д. 1976: Об именах Спартокидов // Художественная культура и археология античного мира / Н.И. Сокольский (ред.). М.
- Высокий М.Ф. 2004: История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н.э. СПб.
- Габелко О.Л. 2005: История Вифинского царства. СПб.
- Завойкин А.А. 2001: «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // ДБ. 4, 150–181.
- Зелинский А.Л. 2012: Об имени Лисандра в династической истории раннего эллинизма // *Studia historica*. XII, 75–83.
- Ломтадзе Г.А., Масленников А.А. 2004: К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре европейского Боспора // ПИФК. XIV, 142–160.
- Монахов С.Ю. 1999: Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов.
- Рунг Э.В. 2000: Некоторые аспекты предоставления проксении Стратону, царю Сидона (К интерпретации IG. II² 141 = Tod. II, 139) // Античность: эпоха и люди / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 28–38.
- Сапрыкин С.Ю. 2002: Был ли на Боспоре храм Асклепия? // Северное Причерноморье в античное время / П.П. Толочко (ред.). Киев, 186–190.
- Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. 1999: Декрет Спартокидов из дворцового храма на Акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: Архивные материалы, публикации, статьи / А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов (ред.). М., 284–304.
- Толстиков В.П. 1999: К проблеме землетрясения III в. до н. э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей. Материалы международной конф., посвящ. 60-летию Нимфейской экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. Тез. докл. СПб., 72–75.
- Толстой И.И. 1953: Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.
- Тохтасьев С.Р. 2006: К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. 10, 416–428.
- Улитин В.В. 2004: Амфоры Пашковского могильника 6 // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар, 146–185.
- Buraselis K. 2004: Some Remarks on the Koan *Asylia* (242 B.C.) against its International Background // The Hellenistic *Polis* of Cos. State, Economy and Culture. Proceedings of an International Seminar organized by the Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University, 11–13 May, 2000 / Höghammar (ed.). Uppsala, 15–20.
- Curty O. 1995: Les parentés légendaires entre cités grecques. Genève.
- Graham A.J. 2002: Thasos and the Bosporan Kingdom // AEW. I/1, 87–95.
- Herzog R., Klaffenbach G. 1952: *Asylieurkunden aus Kos*. B.
- Lücke S. 2000: Syngeneia. Epigraphisch-historische Studien zu einem Phänomen der antiken griechischen Diplomatie. Frankfurt am Main.
- Piejko F. 1983: A Decree of Cos in Honor of the Cappadocian Royal Couple // PP. XXXVIII, 200–207
- Pugliese-Caratelli G. 1972: La regina Antiochide di Cappadocia // PP. XXVII, 182–185.
- Rigsby K.J. 1996: *Asylia*. Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley — Los Angeles — London.
- Rizzo F.P. 1973: La Sicilia e le potenze ellenistiche al tempo delle guerre Puniche. I. Rapporti con Cos, l'Egitto e l'Etolia. Palermo.
- Rober J. et L. 1953 // BE, 155–158.
- Rostowzew M. 1931: *Skythien und der Bosporus*. Bd. I. B.
- Seyrig H. 1963: Monnaies hellénistiques, I. Royaume du Bosphore Cimmérien // RN. V, 7–64.
- Sherwin-White S.M. 1978: Ancient Cos: An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period. Göttingen.
- Welles Ch.B. 1953. Rev. Herzog R., Klaffenbach G. *Asylienurkunden aus Kos*. B., 1952 // Gnomon. 25 (6), 396–399.

**ONCE AGAIN ON THE ‘RESCRIPT OF THE UNKNOWN KING’
FROM THE ARCHIVE OF THE COAN TEMPLE OF ASCLEPIUS:
1. THE CRITICISM OF THE ‘BOSPORAN VERSION’**

O.L. Gabelko

The article presents additional arguments against the attribution of the “letter of an unknown king” from the archive of the Coan temple of Asclepius to the Bosporan ruler Leucon II and outlines the ways of further elaboration on the “Bithynian version” proposed by the author together with A.S. Balakhvantsev.

ФОРТИФИКАЦИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Реконструкция В.Н.Шолохова

ГОРОДСКИЕ СТЕНЫ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЙ ТИРИТАКИ*

(См. рис. 1–6 на вкладке)

В последнее десятилетие в центральной части городища Тиритака в результате археологических раскопок¹ впервые были открыты на значительных площадях строительные комплексы и слои, характеризующие самые ранние страницы истории этой эллинской апойкии. Было установлено, что общая мощность свиты культурных напластований позднеархаического времени в центральной части верхнего города составляет в среднем более 1,4 м. Стратиграфически в них можно выделить два слоя, соответствующих разным строительным периодам. К наиболее раннему I строительному периоду, который датируется второй третью VI в. до н.э., относятся первые постройки колонистов. Это три заглубленные в материк непритязательные небольшие сооружения, а также расположенные рядом хозяйственные ямы. Культурные напластования I строительного периода по всей площади раскопа отчетливо не выделяются, лишь в отдельных местах зачищены небольшие участки. В целом этот горизонт представлен заглубленными в материк объектами, фиксируемые лишь с уровня предматерикового слоя – темного стерильного слоя погребенной почвы. Все эти комплексы выявлены в восточной части раскопа XXVI (рис. 1)².

Во II строительном периоде, который датируется последней третью VI – первой третью V в. до н.э., отчетливо выделяются две фазы (II–А, II–Б), границей которых служат горизонт пожаров и разрушений. В рамках фазы II–А в Тиритаке начинается строительство сырцово-каменных домов на всем исследуемом участке (рис. 2). В последнее десятилетие VI в. до н.э. эти постройки сгорают, но затем быстро восстанавливаются. В рамках последующей фазы II–Б происходит перестройка отдельных помещений зданий и сооружение новых хозяйственных объектов. Завершается эта фаза сильным пожаром и разрушениями, которые можно датировать 480–470-ми гг. до н.э.³

Остатки позднеархаических построек и ранее исследовались в разных частях Тиритаки⁴. Это позволило предположить, что общая площадь города в конце VI в. до н.э. составляла не менее 5 га⁵. На каком-то этапе ранние постройки были окружены крепостной стеной. Время ее сооружения датировалось исследователями, производившими раскопки на Тиритаке, в промежутке от конца VI до первой половины V в. до н.э. Так, Ю.Ю. Марти открыл в 1932–1934 гг. в юго-западной части нижнего города (раскопы I–II) под стеной эллинистической башни I остатки более ранних фортификационных сооружений. Основываясь на найденных фрагментах керамики, он датировал эту крепостную стену позднеархаическим временем⁶. В 1933–1936 гг. на западной окраине нижнего города исследователи открыли еще один участок ранней крепостной стены (кладка № 106) шириной свыше 2 м, которую они датировали концом VI – началом V в. до н.э.⁷ В нижнем ряду ее фундамента

* Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

¹ С 2002 г. исследования на городище Тиритака проводит Боспорская охранно-археологическая экспедиция Центра археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра» и Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (ныне Научно-исследовательский центр Истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского).

² Зинько и др. 2014, 22–64.

³ Зинько и др. 2014, 64–291.

⁴ Гайдукевич 1952; 1958.

⁵ Зинько 2012.

⁶ Марти 1941, 13–14.

⁷ Книпович, Славин 1941, 42.

были положены лицевой стороной вниз два каменных изваяния кеми-обинской культуры⁸. Здесь же у стены № 106 обнаружено значительное скопление фрагментов аттических чернофигурных сосудов конца VI – начала V вв. до н.э., ранняя чернолаковая керамика и обломки ионийской керамики⁹.

Позднее на раскопе I–II в предвоенный период В.Ф. Гайдукевич расширил площадь исследования вокруг башни II и открыл остатки ранней крепостной стены шириной около 1,70–1,80 м. Оборонительная стена сохранилась не только под кладкой башни, но и тянется от нее на юго-восток на протяжении почти 7 м, притом строго параллельно эллинистической куртине I¹⁰. Подошвой стены, которая сохранилась на высоту всего лишь 1–2 ряда кладки, служит материк в виде плотного слежавшегося морского песка. В 1936 г. в целях выявления древнейшей южной крепостной стены на всем протяжении куртины I, от башни II до башни I, был расширен раскоп. Значительная часть ранней стены на этом пространстве оказалась полностью разобрана, и только непосредственно около башни I обнаружены небольшие остатки фундамента стены. Продолжение того же фундамента ранней крепостной стены перекрыто башней I и лишь немного выступает за линию ее фасада. В.Ф. Гайдукевичем остатки этой ранней городской стены были датированы первой половиной V в. до н.э.¹¹

В 1937 г. на западной окраине верхнего города был заложен раскоп XIV, который в последующие годы стал одним из основных, и в 1940 г. его площадь составила 1187,5 кв. м. Здесь были исследованы остатки двух домов и ранней крепостной стены (стена № 2), которая тянется в юго-восточном направлении на протяжении 15,25 м. Северной оконечностью крепостная стена № 2 вплотную примыкает к стене № 23 позднеархаического дома. На этом участке стена № 2 имеет толщину почти 2 м, а противоположный конец – 1,70 м. Наибольшая сохранившаяся высота стены № 2 – 1,23 м. Остатки аналогичной, но сильно разрушенной крепостной стены (№ 2а) сохранились и дальше на север между домами¹². В.Ф. Гайдукевич предположил, что это остатки оборонительной стены, ограждавшей западную сторону Тиритаки. К тому же характер кладки этой западной крепостной стены имел полное сходство с ранее открытой южной крепостной стеной на раскопе I. Ранняя городская стена Тиритаки, по мнению В.Ф. Гайдукевича, была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному скоротечному набегу и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников. Эту крепостную стену на западной окраине верхнего города исследователь датировал концом VI – началом V в. до н.э.¹³, а раннюю стену в юго-западной части нижнего города – первой половиной V в. до н.э.¹⁴

Впоследствии исследователи не так часто обращались к анализу городских крепостных сооружений Тиритаки, хотя и сделали некоторые существенные замечания. Так, К.Э. Гриневич датировал самые ранние фортификационные сооружения, «с известной долей осторожности», серединой V в. до н.э.¹⁵ Позднее В.П. Толстиков предлагает новую дату возведения ранних стен – первая четверть V в. до н.э. (около 480 г. до н.э.)¹⁶. К этой дате начала строительства городских стен Тиритаки впоследствии присоединились и другие исследователи¹⁷. Однако стоит напомнить, что при раскопках на участке XIV В.Ф. Гайдукевичем не была исследована вся свита культурных слоев даже в местах обнаружения позднеархаических построек. Поэтому проводимые с 2008 г. работы на новом раскопе XXVII¹⁸, включившем и центральную часть старого участка XIV, позволили внести важные изменения в хронологию строительства городских стен Тиритаки. На протяжении около 15 м не только была повторно открыта западная крепостная стена (рис. 3), но и впервые исследованы ее основание и вся свита культурных напластований с внешней стороны этой куртины. Было установлено, что до сооружения на этом участке городской крепостной стены здесь располагались сырцово-каменная постройка (СК–III), от которой сохранилось несколько стен помещений (рис. 4). Выявленные фраг-

⁸ Книпович, Славин 1941, рис. 50–52.

⁹ Книпович, Славин 1941, рис. 54–57.

¹⁰ Гайдукевич 1952, 18, рис. 5.

¹¹ Гайдукевич 1952, 19–20.

¹² Гайдукевич 1952, 87.

¹³ Гайдукевич 1952, 88–89.

¹⁴ Гайдукевич 1952, 20.

¹⁵ Гриневич 1946, 163–164.

¹⁶ Толстиков 1984, 33.

¹⁷ Виноградов, Горончаровский 2009, 49.

¹⁸ В этих работах принимали участие польские археологи под руководством А. Твардецкого.

менты позднеархаической ионийской и аттической чернофигурной керамики последней трети VI в. до н.э. позволили отнести эту постройку к фазе II–А второго строительного периода. Среди находок особо следует отметить несколько фрагментов стенок небольшого аттического кратера 530–510 гг. до н.э. с изображением гоплита (рис. 5).

В последнее десятилетие VI в. до н.э. эта постройка, как и другие дома на соседнем раскопе XXVI, разрушается, и на перекрывающих каменные основания сырцовых развалах и слое пожара возводится городская крепостная стена, при этом часть помещений оказывается за пределами стены. Западная куртина (стена № 7) на этом участке имела толщину от 1,7 до 1,8 м, а ее кладка была постелистая, двухлицевая, с внутренней забутовкой из более мелких камней. Западный фас стены аккуратно сложен из довольно больших (до 0,80 х 0,30 х 0,25 м) слегка обтесанных известняковых камней и сохранился на высоту 4–5 рядов до 1 м. На основании стратиграфии установлено, что западная куртина строится после первого пожара в Тиритаке в конце VI в. до н.э., а слой следующего пожара около 480–470 г. до н.э. уже соприкасается с этой стеной на уровне нижнего ряда камней кладки (рис. 6)¹⁹. Слои этих пожаров выявлены и в центральной части города. Пожар и разрушения в Тиритаке в конце VI в. до н.э. можно связывать с какими-то военными событиями на европейском побережье Боспора Киммерийского, которые, вероятно, были вызваны известными из письменных источников морскими экспедициями персов к северному побережью Понта в последние десятилетия VI в. до н.э.²⁰

На основании археологических исследований последнего десятилетия Тиритака предстает как ранний и довольно крупный городской центр европейского побережья Боспора Киммерийского, имеющий в последней трети VI в. до н.э. определенные элементы регулярной квартальной застройки с достаточно четко распланированными безордерными многокамерными домами типичной схемы, характерными для архаического периода Греции. После военного нападения в конце VI в. до н.э., сопровождавшегося разрушениями и пожарами, город укрепляется крепостной стеной, которая на отдельных участках была возведена прямо на месте разрушенных домов.

Литература

- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. 2009: Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб.
- Гайдукевич В.Ф. 1952: Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 25. М., 15–134.
- Гайдукевич В.Ф. 1958: Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 85. М., 149–218.
- Гриневич К.Э. 1946: Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. 2. 160–165.
- Зинько В.Н. 2012: Основы городской планировки Тиритаки в VI–V вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Материалы XIII Боспорских чтений / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 152–156.
- Зинько В.Н. 2013: Военно-политическая история европейского Боспора (в свете новейших археологических открытий) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Материалы XIV Боспорских чтений / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 195–199.
- Зинько В.Н. 2014: Хронология строительства крепостных стен боспорского города Тиритака // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Материалы XV Боспорских чтений / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 177–182.
- Зинько В.Н. (при участии А.В. Буйских, И. Глушек, А.К. Каспарова, М.А. Котина, А.С. Русяевой, Т.Н. Шевченко) 2014: Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V в. до н.э. Киев.
- Книпович Т.Н., Славин Л.М. 1941: Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 4, 37–60.
- Марти Ю.Ю. 1941: Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // МИА. 4, 11–24.

¹⁹ Зинько 2014, 180.

²⁰ Зинько 2013, 198–199.

Толстиков В.П. 1984: К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. 3, 24–48.

CITY WALLS OF TYRITAKE DURING THE LATE ARCHAIC PERIOD

V.N. Zinko

This article presents the results of exploration of the early fortifications of the Bosporan city of Tyritake. The date of their construction – last decade of the 6th century BC – is substantiated by the accompanying archaeological finds. These walls were built on top of a destruction stratum containing traces of fire. The stratum containing traces of a subsequent fire dating from 480–470 BC corresponds to the bottom row of the masonry of the city walls of Tyritake.

ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ХОРЫ АНТИЧНОГО БОСПОРА*

Начнем с общеизвестного: констатации скудости наших источников. На это сетовал еще более полувека назад признанный авторитет в области отечественного военного (и не только) антиковедения — В.Д. Блаватский¹. Должно отметить при этом, что, во-первых, в отношении письменных свидетельств он был и остается абсолютно правым. К дошедшим до нас соответствующим нарративным и эпиграфическим документам за все это время почти ничего не добавилось. А то немногое, что составляет содержание слова «почти», является всего лишь косвенными указаниями на некие имевшие место военные действия. Мы имеем в виду, прежде всего, такие недавно изданные и прокомментированные надписи, как посвящение «царя» Аргота и энкомий из Пантикапея. Напротив, во-вторых, в плане археологии, перемены произошли весьма существенные. Это касается как темы осады и обороны боспорских городов, так и аналогичных вопросов применительно к пространствам его достаточно обширной хоры. Напомним, В.Д. Блаватский в своей классической работе оперировал в основном лишь первой группой материалов², а в отношении обороны сельской территории рассматривал только т. н. полевые погранично-оборонительные сооружения (валы и рвы) да остатки укреплений в районе древнего Киммерика — то, что было тогда более или менее известно. Не останавливаясь вовсе на последующих успехах и достижениях городской военной археологии, отметим лишь, что в области «сельской» таковые связаны с раскопками Н.И. Сокольского, немного позднее и уже в настоящее время Н.А. Онайко, А.А. Малышева, Э.Я. Николаевой, Н.И. Сударева — на Таманском п-ове, а также И.Т. Кругликовой, Н.И. Винокурова, В.Г. Зубарева, В.К. Голенко и С.Б. Ланцова в Восточном Крыму. Превосходные работы В.П. Толстикова, особенно его «обобщение»³, как бы подытожили данные исследования на уровне начала 90-х годов прошлого века. По роду своих основных полевых изысканий и увлечений уделил внимание этой тематике и автор данных строк.

Что же мы имеем на сегодняшний день? Совсем не собираясь осветить все достижения в области этой проблематики и тем более представить весь новый археологический материал, обратимся лишь к некоторым более или менее общим вопросам и частным наблюдениям.

Итак, из всей обширной “*militaria*”, казалось бы, самым наглядным было предложить читателю новые сведения по сельской фортификации. Мы чуть было не употребили здесь термин «полиоркетика», куда более чтимый у специалистов, но применительно к большинству весьма неприятных по своей сохранности, облику и даже реконструкциям укреплений на боспорской хоре посчитали его непомерно «возвышенным». (И то дело — куда им до знакомых теперь многим соотечественникам и коллегам нередко весьма и весьма импозантных классических «развалин» в различных местах обширного античного мира, которые обычно и иллюстрируют соответствующие исследования и популярные издания). Разумеется, это вовсе не значит, что жизнь боспорского горожанина и тем более поселянина была в меньшей, чем где бы это ни было степени наполнена разного рода военными коллизиями, а то и драматизмом. Строили, нападали и оборонялись — как могли и как умели — и здесь. Может быть, даже приглашали специалистов (а порой — перебежчиков или

* Статья написана в рамках работ по проекту гранта РФФИ № 13-06-00081 («Структура сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора»).

¹ Блаватский 1954, 4.

² Блаватский 1954, 91–112.

³ Tolstikov 1986, 167–178.

дезертиров) и читали «учебники». Но, оставив в стороне различные аспекты собственно фортификации, остановимся только на некоторых, скорее методических, нежели информативных моментах нашей темы.

Вначале еще одно отступление общего плана, касающееся именно сельской территории. Совершенно очевидно, что таковая (особенно наиболее удаленная от центров, так сказать, пограничье) по определению всегда была самым слабым звеном в общей системе обороны античных (и не только) государств. Вместе с тем не менее очевидно и то, что античная экономика в целом — это, прежде всего, аграрная экономика, так что борьба (во всех смыслах этого слова: и оборона, и нападение, и их планирование) за сельскую территорию, в сущности, была главной военно-политической задачей классической (полис — цивитас) античной государственности на протяжении многих веков ее доимперского существования. Бесчисленные пограничные (и не только) конфликты греческих полисов и монотонное упорство римских крестьян-воинов, медленно, но верно расширявших границы земельных владений своего Города — прекрасные тому примеры. Город как сосредоточение власти, ремесел, культуры и абсолютизированного богатства (деньги, ценности и прочее, относительно легко уносимое), конечно, был самой непосредственной, желанной целью любой военной компании. Но стратегической задачей было именно отстаивание или приобретение земельных угодий. Надо думать, аналогичные военные мотивы, разумеется, с известным своеобразием, действовали и в районах антично-варварской периферии, в частности, на Боспоре. Упомянув греко-римско-италийский город, следует также напомнить, что, став таковым (то есть не только общинным центром), он уже достаточно быстро, хотя и не сразу, обзаводился все более совершенствовавшимися оборонительными сооружениями (и в районах колонизации подчас даже быстрее, нежели в ряде признанных центров метрополии). Причем, как считается, вплоть до IV в. до н.э. и в области теории, и по части практики собственно фортификация как бы опережала полиоркетику, если понимать под последней по большей части осадное дело. Действительно, и читатель без труда найдет этому немало примеров, хотя бы в трудах Фукидида и Ксенофонта, военные кампании чаще всего сводились к опустошению именно сельской территории, а точнее — ее угодий и поселений, включая, естественно, захват пленных, скота, вырубку виноградников и оливковых рощ, засыпку колодцев и т. п. Города научились брать штурмом, а не измором или предательством лишь некоторое время спустя, когда в армиях воюющих сторон основная роль стала принадлежать наемникам-профессионалам. Впрочем, Филипп II, согласно молве, еще предпочитал стенобитным «баранам» «золотых» ослов, что тоже вряд ли было случайным, учитывая своеобразие контингента его армии. Эти общеизвестные положения в значительной степени применимы и к античному Боспору, поскольку вряд ли в подавляющем большинстве случаев и почти на протяжении всей его тысячелетней истории вероятный и реальный противник вообще мог вести «правильную» и успешную осаду городов. Об исключениях, известных и неизвестных, в том числе археологически засвидетельствованных, мы выше условились не говорить.

Иное дело — пространства хоры: ближней (городской) и дальней (государственной = царской). Но и тут мы постараемся избежать конкретных примеров (описаний и реконструкций) фортификации, как поселенческой (усады, городища), так и «полевой», погранично-оборонительной (валы, рвы, сторожевые башни). Остановимся лишь на рассуждениях о критериях или, лучше сказать, более-менее достоверных и убедительно истолкованных археологических признаках разного рода военных событий. При этом подчеркнем, что памятники сельской территории с одной стороны, в силу выше сказанного, как правило (а вернее — по идее) не должны бы представлять для исследователей сколько-либо значительного интереса. С другой — их по большей части хроно-стратиграфическая «простота» и «узость», наряду с территориальной спецификой, в отличие от городов — также по понятным причинам — делают такие объекты даже более информативным источником.

Данное утверждение, как и некоторые последующие предположения, по своей очевидности, не требует точной «персонификации» и вполне может быть следствием как кабинетных измышлений, так и полевой практики. Но поскольку именно последней автор, волею судеб, посвятил более четырех десятилетий жизни, ему (как небезызвестному герою не менее известного фильма) можно доверять в большей степени. Тем более, что различные вопросы специфики исторического развития двух основных территориальных массивов боспорской хоры (Таманский п-ов с сопредельными пространствами и Восточный Крым) в последние годы стали темой специальных изысканий целого коллектива антиковедов и нескольких экспедиций. Тем не менее, предупредим, что нижеприводи-

мые сведения в полной мере отражают лишь итоги работ на ограниченном числе памятников также достаточно ограниченной территории, к тому же близких в плане хронологии и местонахождения (и то, и другое имеет свои «плюсы» и «минусы»). Информация о прочих — и, подчеркнем, подчас самая важная и яркая — еще ждет своего оглашения. Мы имеем в виду прежде всего весьма значительные по площади многолетние и результативные раскопки таких городищ Восточно-Крымской «глубинки», как Артезиан (Н.И. Винокуров) и у с. Белинское (В.Г. Зубарев). На азиатском же Боспоре новые интересующие нас материалы происходят в последнее время главным образом из его юго-восточных районов.

Итак, о военных действиях, так сказать, в поле, сколь бы масштабными они ни были, без надлежащей, надежной локализации (а точнее — даже документации), наличие которой для рассматриваемого периода абсолютно нереально, судить можно лишь по случайно сделанным находкам, да и то если они не единичны и не слишком удалены территориально. У исследователей военного дела самых разных эпох, вплоть до Первой Мировой войны, пожалуй, не много найдется примеров историко-археологических совпадений такого рода: даже место знаменитой в отечественной истории Куликовской битвы время от времени подвергается сомнению. Таких «счастливых случаев» в практике разведочно-полевых изысканий последних десятилетий на пространствах, составлявших в древности сельскую территорию античного Боспора, мне не известно.

Теперь о более вероятных примерах «поселенческого плана». Тут наши возможности, как будто бы заметно шире, а фактология — достаточно многочисленна и убедительна. Остановимся на них, исходя, как только что писалось, в основном из полевых изысканий в Крымском Приазовье. Напомним, что здесь почти полностью или в значительной степени было раскопано более десятка археологических памятников. Во всяком случае, везде речь идет о нескольких сотнях и даже тысячах кв. м их площади. Это позволяет с большим основанием судить о степени сохранности и причинах разрушения строительных остатков, особенностях соответствующих им культурных напластований и стратиграфии, общей и «частной» планировке и хронологии, степени «закономерности» и «случайности» некоторых категорий находок и т. п. В какой-то мере всех этих материалов мы ранее уже касались, но их интерпретация и наши выводы отчасти будут новыми.

Прежде всего, о военных действиях определенной (то есть достаточно большой) интенсивности могут свидетельствовать состояние строительных остатков и особенности характеристики грунтов (в том числе зольно-мусорных и строительно-террасно-субструкционных), связанных либо с ними самими, либо с устранением их последствий (если оставались те, кому вскорости или после было возможно это делать). Перестройки, разумеется, могли быть не только следствием восстановительных работ, и отличить одни от других далеко не просто. К тому же не будем забывать, что города разрушаются не только «от вандализма людей и животных». Кроме самого главного врага всего сущего — времени, были и природные силы. В первую очередь, упомянем здесь землетрясения, ведь Крым и Тамань — весьма сейсмоопасные районы. Методика выявления их последствий на древних строительных объектах — тема особого разбирательства и споров среди специалистов по палеосейсмологии. Не забудем также о подвижках грунтов (на склонах, под воздействием сейсмолычков или эрозии почв) и береговой абразии. Теоретически разрушения и деформации построек в таких случаях, скорее всего, не сопровождались локальными или всеобщими пожарами. Более того, сама деформация кладок стен почти наверняка является показателем именно природного воздействия. Да и вообще, их преднамеренное разрушение, разумеется, если речь идет о жилых и хозяйственных постройках, в ходе военных действий представляется все же не столь обязательным. Иное дело — пожар кровли, вызванный специально, «со стороны», или в панике, возникший от домашних очагов в «минуты роковые».

На сельских поселениях Восточного Крыма вне зависимости от их хронологии и местоположения основой всех строений является т. н. «рваный» местный камень-известняк. В условиях достаточно высоких температур горения при столь же достаточном времени он может трескаться, крошиться, покрываться копотью и оранжево-рыжей коркой. Кровля же, за исключением черепичной, существовавшей на части пригородных усадеб, усадебных комплексах и крепостях (последние — несколько более поздние) «царской» хоры, судя по многолетним и многочисленным наблюдениям и примерам, в подавляющем большинстве случаев была растительного происхождения (камыш, ветки, может быть, доски), хотя и, скорее всего (в определенной мере) — водо- и огнестойкой (глиняно-земляная обмазка). Среди достаточно многочисленных обломков черепицы с главных центров «цар-

ской» хоры в Приазовье изредка попадаются обгорелые или, скорее, закопченные. Но это еще не повод для утверждений об их пребывании в пожаре, тем более вызванном военными действиями.

Есть, хотя не очень многочисленные и яркие, археологические примеры применения на некоторых из рассматриваемых поселений и сырцовой кладки (верхние ряды высоких стен на основных усадебных комплексах IV–III в. до н.э.). Но в большей степени они, видимо, были характерны для части объектов (усадб, крепостей, фортов) I в. до н.э. — I в. н.э. Кстати, там, особенно на поселении Чокракский мыс, выявлены не только развалы горелых сырцовых кирпичей, но и участки прогоревшей до рыхлого, оранжево-розового «пепла» сырцовой же кладки. Этот сильнейший пожар охватил большую часть центрального здания комплекса, явно сопровождая его окончательную гибель. С учетом находок фрагментов деформированной в огне посуды и особенно обломка бронзового шлема, трех каменных ядер (см. ниже) и, очень вероятно, значительного монетного клада⁴ картина военного разгрома в конце I в. до н.э. представляется тут вполне убедительной.

Относительно использования саманной кладки точной информации у нас нет — как, соответственно, и о том, как таковая ведет себя под воздействием сильного огня. В завершении этой части работы скажем и о полах. Следы воздействия огня на плитках вымосток или глиняно-земляных либо из утрамбованной известняковой крошки (что крайне редко, и это примечательно) полах кое-где фиксировались. Но почти не припомню случаев, чтобы это был действительно сильный обжиг, да еще с горелым слоем от кровли и т. п. Участки пола около очагов, вернее, печей, в счет не идут. Да и сами глинобитно-земляные полы принято было периодически или подмазывать, или обжигать для «профилактики». Что же касается связующего раствора кладок, то таковым, по большей части являлся самый подручный материал: земля или глина с землей. Чисто глиняные промазки применялись не часто — в лучших кладках основных зданий усадебных комплексов «царской» хоры и укреплений конца I в. до н.э. Ни о каком «цементе» боспорские поселяне, очевидно, так никогда и не узнали. Отсюда следует, что прочность, точнее, долговечность большинства кладок была весьма относительной, а степень их разрушаемости зависела не только от всего вышеперечисленного, но и была, так сказать, заложена изначально. Для памятников хоры Таманского п-ова, естественно, многое из вышеупомянутого имело совсем другое содержание по причине обусловленного местной природой разного набора основных строительных материалов. Впрочем, о пожарах и разрушениях сырцовых построек т. н. батареек писалось многими и уже довольно много⁵. Строительная же ситуация на юго-востоке Азиатского Боспора была, судя по результатам недавних раскопок, близкой к крымской, в том числе и в отношении следов военных действий.

Все только что сказанное, естественно, имело или, по большей части, могло иметь, отношение к нашей теме лишь с учетом того, что перед нами картина конечного (а не «промежуточного») разрушения и гибели поселения. Вряд ли на Боспоре конфликты между кем бы то ни было достигали такого же ожесточения, как в хрестоматийном случае с Римом и Карфагеном, и все захваченные укрепления и населенные пункты срывались до основания. Таких примеров нам не известно. Обычно заброшенные развалины могли служить местом выборки камня и т. п., но это уже другая история.

Многokrатно сложнее, по понятным причинам, обстоит дело с выявлением строительных последствий военных действий на многослойных сельских объектах, даже если это относительно недолговременные оборонительно-поселенческие структуры. Строительные периоды или в данном контексте этапы бытования построек, особенно если мы имеем дело с качественными строительными работами, правильной планировкой (перепланировкой), наличием вполне жизнеспособного коллектива, достаточного времени и иных ресурсов, по большей части не оставляют следов предшествовавших, даже «катастрофических» разрушений природного или антропогенного характера. В первом случае, конечно, возможна археологическая фиксация «учтенных уроков» (отступления линий кладок стен от берегового обрыва, сооружение подпорных стен и контрфорсов, забутовка ям и трещин в скале и даже смена общей территории застройки и т. п.). Примеры таких «исправлений» имеются (Генеральское западное, Полянка, Казантип западный 2). «Выученные уроки» антропогенного происхождения — это досыпки валов, расчистка и углубление рвов, увеличение толщины кладок оборонительных стен или вообще возведение их заново либо в других местах, закладка прежних ворот или калиток и др.

⁴ Абрамзон 2011, 59–94.

⁵ Толстиков 1992, 41–65.

Что же касается изменений в общей («поселенческой») или частной («помещенческой») планировке и назначении, то это, скорее, следствие иных (демографо-социальных и культурно-бытовых) причин. Нельзя при всем этом обойти молчанием и такой совершенно необычный и малопонятный, но неоднократно засвидетельствованный раскопками факт, как преднамеренная закладка действовавших до «последнего момента» дверных проемов (проходов) на поселении Полянка. Подчеркнем слово «действовавших», поскольку иных в ряде случаев просто не остается. И если относительно сакральных помещений и объектов (святилищ) это было, по-видимому, неким неординарным, хотя и как-то объяснимым действием, то в отношении обычных, жилых и хозяйственных построек остается только развести руками. Ну, разве что их обитатели поступали согласно известному житейскому правилу: «уходя, гасите свет». А что? Все нужное, не говоря уже о ценном, забрали, очаги-печи потушили, золу вынесли, пол подмели, деревянные двери (ценность!) унесли с собой, а проход заложили камнями, чтобы... ну, на всякий случай. И ушли. Почему? Судя по времени (последняя четверть I в. до н.э.) — поводов было предостаточно. И военные страхи среди них далеко не последнее. Может, думали вернуться, но... Именно такое впечатление оставляют результаты многолетних раскопок этого городища (практически — ни одной целой вещи в пустых помещениях!), хотя при всем этом есть и вовсе необъяснимые «аномалии»: крупный «клад» монет! Забыли в суматохе?!

Теперь об индивидуальных находках и массовом материале. В целом как бы все понятно. Сколько-нибудь ценных и целых вещей, кроме, разумеется, необнаруженных кладов, в случае успеха нападающей стороны остаться вроде бы как не должно. В случае неудачной осады — возможны варианты, но их уже не проследить в условиях продолжения жизни поселения. Теперь о кладах. Таковых на рассматриваемых памятниках Приазовья известно пять-шесть (включая Чокракский), и все они монетные⁶. Первый — происходит с поселения Семеновка и связан, по всей видимости, с его захватом и разорением около 60–70 гг. III в. н.э. Затем — только что упоминавшийся Поленкинский. Их, напомним, в сущности два. Один большой (более 1200 монет) в амфоре, стоявшей в углу помещения (какой же это клад!?). Другой — много меньше: кучка монет («кошелек», «домашняя касса») на полу, по соседству. Тоже не спрятан, а скорее потерян. Есть полудостоверная информация (но не сам факт находки) о кладе пантикапейских монет начала III в. до н.э. с поселения (усадебного комплекса) Генеральское западное⁷. Наконец, клад медных боспорских монет, найденный якобы близ села Золотое или даже в его дальних окрестностях (третья четверть III в. до н.э.)⁸. Небольшой по числу монет клад конца II в. до н.э. происходит откуда-то из сельской округи Феодосии⁹. Все клады, как мы видим, разного времени. Вообще же о монетных кладах, условно говоря, с хоры Боспора следует вести особый разговор, причем соответствующая информация разной достоверности заметно преобладает именно с его азиатской части. Пашут ли там больше и глубже, население «любопытнее» или по другой какой причине?

Перстни, серьги, браслеты, зеркала, медальоны, россыпи бус и прочие, как правило, медные украшения могли быть потеряны или брошены по разным причинам и изредка встречаются при раскопках. Кажется, чаще на поселении Генеральское западное. Ну и, вспомним, естественно, традиционный вопрос: «Золота много нашли?», задаваемый всякий раз дилетантами-туристами и прочей праздноватающей публикой. Я обычно отвечаю: «Что нашел — все мое!» или же: «Какое у них золото! Вишь, одна битая посуда!». И, действительно, не находил. Почти: две монеты в помещении, покинутом в третьей четверти VI в. н.э. Что, впрочем, тоже примечательно.

Кстати, о посуде. За исключением, пожалуй, упоминавшегося Чокракского мыса, нет примеров находок обгорелых фрагментов керамики. Сколько-нибудь примечательных же «собраний» целых изделий не встречено во время раскопок ни разу, кроме как (по большей части лепной), на городище у с. Семеновка. Там даже куриный суп поест не успели...

Наконец, о самом, вроде бы очевидном: находках оружия и предметов воинского облачения. Невозможно этой теме уже касались. Теперь подведем самые общие итоги с учетом данных за последние два десятилетия. Прежде всего, и старые, и новые раскопки, даже самые масштабные, под-

⁶ Клады и вообще все сопутствующие им обстоятельства из раскопок городища Артезиан мы по понятным причинам здесь не затрагиваем: это отдельная тема.

⁷ Абрамзон, Фролова 2008, 129 сл.

⁸ Абрамзон 2011, 15–54.

⁹ Абрамзон 2011, 55 сл.

тверждают, что таковые вещи вообще попадаются редко. И не удивительно: оружие и доспех, даже сильно поврежденные, всегда представляли определенную, а иногда и значительную (материально-утилитарную или даже сакральную) ценность — как непосредственно, так и в качестве сырья. Поэтому при возможности воинское снаряжение, как правило, тщательно собиралось, хранилось, ремонтировалось, если это требовалось или, в крайнем случае, шло на детали и переплавку. Так было во все времена и во всех войнах. Лишь случайно затерявшиеся или вовсе малопригодные обломки имели шанс дойти до современного исследователя (разумеется, погребальные и сакральные комплексы в данном случае не рассматривались вовсе). К таковым относятся три наконечника копий (разных типов) и один — дротика (?), обнаруженные на трех приазовских поселениях IV–III вв. до н.э.: Пустынный берег I, Казантип западный и Генеральское западное. На последнем, а также на Чокракском мысу были встречены и медные чешуйки с отверстиями, возможно, от панцирей. Про обломки шлема позднеэллинистического типа выше уже упоминалось. Вряд ли мы можем судить о том, с кем именно (греками или скифами) их можно связать.

В определенной степени исключением можно считать наконечники стрел и камни, использованные для метания (ядра). Хотя, безусловно, их тоже по возможности подбирали и применяли снова. Остановимся вначале на стрелах. Информативность их (как и каменных ядер, см. ниже) сама по себе довольно ограниченная. Но все же при известных условиях (в закрытых комплексах, точной фиксации, специфике слоя, количестве) они небезынтересны в рассматриваемом контексте, хотя и элемент случайности или, лучше сказать, невоенного их истолкования (охота, потеря) остается достаточно существенным.

В свое время мы уже публиковали соответствующую сводку и общую характеристику наконечников стрел. Отметим еще раз, что в подавляющем большинстве это медные (бронзовые) трехгранные или трехлопастные, втульчатые наконечники типов и форм, характерных для колчаных наборов т. н. скифского типа IV — начала III в. до н.э. На памятниках эллинистического времени они единичны. А на еще более поздних их сменяют железные черешковые и даже костяные, которых еще меньше. Должно оговориться при этом, что находки наконечников стрел «скифского» типа при раскопках поселенческих объектов соответствующего времени на хоре европейского Боспора вообще не столь большая редкость. Это довольно небольшие, как известно каждому, артефакты, к тому же нередко плохой сохранности. Последнее обстоятельство объясняет, почему далеко не всегда они попадают в поле зрения археолога непосредственно на раскопе и даже в окончательную, коллекционную опись, а, следовательно, и в отчет. Поэтому всякая их статистика требует некоторой корректировки в сторону увеличения. Вот как она выглядит для Приазовских поселений (по данным раскопок ВКАЭ).

Памятники IV–III вв. до н.э. и слои этого времени на многослойных объектах: Золотое (селище) — 2 (трехлопастные); Пустынный берег II — 1 (трехгранный); Генеральское западное (Юго-западный склон) — 5 (3 трехгранных и 2 трехлопастных); Генеральское западное — 24 (18 трехгранных, из них один костяной втульчатый, 6 трехлопастных); Салачик — 1 (трехлопастной); Бакланья скала — 2 (трехлопастные); Чокракский мыс — 1 (трехлопастной); Мыс Зюк — 9 (5 трехгранных, 4 трехлопастных).

Поселения и слои второй трети III — конца II в. до н.э.: Казантип восточный 2 — 1 (трехгранный); Крутой берег — 2 (один железный, черешковый, трехлопастной, один бронзовый, трехлопастной); Полянка — 2 (трехгранные); Мыс Зюк — 5 (все трехлопастные).

Уверенно I в. до н.э.: Генеральское восточное — 1 (трехлопастной); Полянка — 1 (железный, черешковый, трехлопастной); Чокракский мыс — 1 (трехгранный).

Наконец, с поселений Зеленый мыс и мыс Зюк из слоев разрушения VI в. н.э. происходят две костяные черешковые стрелы.

Много это или мало? Ответим на этот вопрос позднее, а пока обратимся к каменным ядрам. Этим по своему любопытным находкам как-то уже давно (со времен Н.И. Сокольского) практически не уделялось внимания. Между тем, они хотя и не часто, но регулярно попадают при раскопках боспорских городов и даже сельских поселений. Не претендуя на всеобщее «обобщение», приведем лишь уточненную и дополненную сводку из наших раскопок, вновь предварив ее несколькими оговорками. Итак, традиция использования специально подобранных или даже обработанных камней в качестве оружия дальнего боя, как, несомненно, догадывается читатель, теряется во мраке тысячелетий. Несомненно также и то, что со временем данный способ поражения противника был усо-

вершенствован за счет изобретения специального ремня (праща), а много (точно неясно насколько) позже — специальных механизмов, основанных на способе накопления и быстрого освобождения энергии для броска посредством эффекта лука или закрутки волокон и ремней. Эти усовершенствования и развития привели к известной стандартизации формы и веса самих снарядов. Для пращей использовались, как правило, относительно небольшие, но все-таки достаточно тяжелые, подчас продолговатые камни, нередко природного происхождения (морская галька, известняковые конкреции), а также глиняные и металлические (свинцовые), специально отлитые «желуди». Это уже признак своего рода военной квалификации. Как известно, существовали не только соответствующие воинские подразделения, но и своего рода этно-территориальная специализация — например, пращники с Балеарских островов и Крита. Находки свинцовых снарядов на пространствах боспорской хоры нам пока не известны, что по-своему показательно. Что же касается простых камней несколько или даже существенно большего размера и веса, то тут соответствующие предметы, особенно если они единичны, можно трактовать как угодно, так что здесь следует быть максимально осторожным.

Снарядам для камнеметных машин, каким бы ни был их «калибр», естественно, придавалась круглая форма, а также хотя и не абсолютно одинаковые, но близкие размеры и вес. Тут уже требовалась более тщательная предварительная работа, включавшая не просто сбор, но и складирование камней-снарядов вблизи размещения машин. В эллинистическо-римской военной практике камнеметы, как известно, применялись и при осаде, и при обороне, а в собственно римской — даже и в полевых условиях. Но в отношении боспорской «глубинки» все это в полной мере, надо думать, было маловероятным. К тому же не следует забывать, что и здесь, и в городах хорошо подобранные или даже обработанные камни в обыденной жизни вполне могли иметь, так сказать, двойное назначение. Прежде всего, это касается камней из твердых пород (кремень, гранит, мрамор и др.), не встречающихся, собственно, на территории Тамани и большей части Восточного Крыма. Они, скорее всего, по большей части использовались в хозяйственных нуждах (терочники, резе — разновесы и пробки). Но даже если рассматривать округлые достаточно большие камни из общедоступного относительно мягкого известняка, то и тогда это еще не значит, что перед нами ядра для баллист. Охота для обитателей сельской территории на протяжении веков являлась вполне обычным делом, важным хозяйственным подспорьем, и соответствующие изыскания палеозоологов это подтверждают. А судя по известной вазовой росписи, даже в классической Греции на мелкую дичь (зайцев) охотились просто камнями. Но вернемся к «основной версии».

Еще раз напомним, что по результатам раскопок античных поселений Приазовья к середине 90-х годов прошлого века было учтено 51 ядро весом от 70 до 650 г. Приведем обновленные сведения, вновь разбив наши памятники на хронологические группы. Для экономии объема статьи размеры и вес каждого из ядер в данной сводке сознательно опускаются. Не учитываются и камни твердых пород, скорее всего, бытового и хозяйственного назначения.

1. Генеральское западное — 48 (min. 78 г, max. 750 г); Генеральское западное (Юго-западный склон) — 7 (min. 90 г, max. 360 г); Бакланья скала — 2 (260 и 340 г).

2. Сюрюташ — 5 (min. 84 г, max. 254 г); Крутой берег — 1 (1004 г)

3. Салачик (слой I в. до — I в. н.э.) — 1 (165 г); Генеральское восточное — 2 (70 и 150 г); Полянка — 8 (min. 84 г, max. 571 г); Чокракский мыс — 3 (min. 235 г, max. 550 г); мыс Зюк — 2 (265–285 г); башня-форт близ Узунларского вала — 20 (min. 45 г, max. 280 г)

Информацией об аналогичных находках на восточно-крымских сельских памятниках первых веков н.э. мы не располагаем. На приазовских (Зеленый мыс, Генеральское восточное, Мыс Зюк, слой этого времени) таковых пока не найдено вовсе, что уже показательно. Остановимся несколько подробнее на приведенных цифрах.

Во-первых, бросается в глаза большое количество ядер с поселения (усадебного комплекса) Генеральское западное. Ядра отсюда (за исключением единичных легких конкреций) изготовлены из местного мшанкового или более твердого, т. н. мраморовидного известняка. Большинство их имело вес порядка 350–550 г, то есть это вполне увесистые снаряды... для чего? А вот тут необходимо сделать некоторые уточнения. В отечественной историографии мне известно две попытки классификации такого рода артефактов в зависимости от их веса¹⁰. Что касается указанного «среднего» веса ядер (около 1 греческой мины) то, вроде бы господствует мнение об их универсальности: кам-

¹⁰ Сокольский 1962, 242 и сл., Акопян 1986, 232–236.

ни могли бросать руками, с помощью пращи, а также малых камнеметных машин¹¹. Никто за прошедшие десятилетия этого не проверял, а все зарубежные публикации, да и все, что приходилось видеть автору, относилось к гораздо более тяжелым снарядам. По крайней мере, вряд ли случайно то, что находки ядер весом около и более одного килограмма были сделаны только при раскопках крупных боспорских городов (Пантикапей, Фанагория, Нимфей). Не исключено, что это (около 2,5 мин) и есть некий самый низший предел «калибра» для баллист. Иными словами, для боспорской «сельской» полиоркеттики камнеметные машины во все времена, скорее всего, были непозволительной роскошью. Напомним, в нашем «собрании» имеется лишь одно ядро, в полной мере отвечающее таким требованиям, но следует ли из этого соответствующий вывод? Судя по рангу городища, с которого оно происходит (поселение Крутой берег — памятник эллинистического времени) это сомнительно. Правда, в этом (как и почти во всех прочих) случае нам неведомо: кем, а главное — откуда было выпущено это ядро. К счастью, есть и исключение, о котором мы в свое время уже писали. Оно касается именно усадебного комплекса Генеральское западное. Дело в том (и новые материалы только подтверждают это), что локализация находок наконечников стрел и каменных ядер показывает здесь весьма примечательную закономерность. (Как, оказывается, полезно копать на значительной площади и, так сказать, примыкающее к границам застройки памятника пространство!). Почти все стрелы были обнаружены во рвах (причем нередко в бортах их контрэскарпов) или непосредственно вблизи внешних стен построек и внутри них. А подавляющее большинство ядер — как бы наоборот: также во рвах или между ними. Получается, таким образом, что нападавшие оставили свой «след» в виде стрел, а оборонявшаяся сторона отвечала им (кроме прочего?) ядрами, причем, за единичным исключением, последние были зафиксированы на расстоянии от нескольких до 15–25 метров от внешних стен и башен усадьбы. Иными словами: камни могли быть брошены обороняющимися (сверху!) руками. Неоднократно упоминавшаяся нами неординарность и, возможно, особый статус данного памятника, в том числе и наличие ярко выраженных фортификационных сооружений (башни, стены, две линии рвов и валов) позволяют предположить, что его обитатели и по уровню соответствующей подготовки, достатку и «рангу» вполне могли позволить себе иметь и использовать небольшие камнеметные машины. Параметры башен вроде как были достаточными для их размещения. В таком случае защитники усадьбы могли обстреливать противника уже на стадии его подготовки к атаке, то есть, на расстоянии 100–140 м¹². Единичная находка ядра приблизительно в 100 м от «линии обороны» (рукой не добросишь!) как будто бы подтверждает вероятность этого. Повторим также, что данный памятник — единственный из всех синхронных, имевший собственно фортификационные сооружения. В последующие эпохи они становятся общепринятыми, но вряд ли достаточными для размещения баллист ввиду отсутствия «классических» башен и относительно небольшой ширины стен. Правда, первое обстоятельство, хотя бы отчасти, возмещалось наличием по углам и вдоль куртин прямоугольных или подпрямоугольных неглубоких выступов — своего рода бастiónов. Особенно показательно в этом плане самое большое из Приазовских городищ — Золотое восточное (Сююрташ). Теоретически на его укреплениях (на первом «этаже») вполне можно было поставить камнеметную машину даже среднего калибра. Специфика рельефа местности позволяла при этом соблюсти необходимый запас высоты. Однако, как мы видели, никаких сопутствовавших находок сделано тут не было. Это же обстоятельство свидетельствует как будто бы и об отсутствии машин почти у всех вероятных противников обитателей боспорской «глубинки», исключая, естественно, Рим.

Второй по-своему показательный пример: коллекция лежавших в кучке ядер с пола (первого этажа) башни-форты близ Узунларского вала. Материалы этих раскопок также уже публиковались. Примечательно, что среди них нет ни одного весом, как уже писалось, более 280 г, да и такое всего одно. Остальные либо были совсем маленькими (40–80 г), либо 115–175 г. Иными словами, перед нами, скорее всего, типичный «арсенал» для пращи, максимальный вес снарядов которой обычно не превышал вышеуказанных цифр (самый большой показатель — исключение). Впрочем, быть может, он варьировался (в два раза?) в зависимости от дистанции предполагаемого броска.

Наконец, вернемся к статистике, вернее, оценке вероятности военной событийности. Значительные, как уже отмечалось, масштабы раскопок в Приазовье позволяют это сделать. Итак, приве-

¹¹ Сокольский 1962, 246.

¹² Толстиков 1977, 163.

денные цифры находок стрел и ядер: это много или мало, вернее, это случайность или отражение неких военных реалий? Своего рода «модулем» этого можно считать степень насыщенности культурного слоя того или иного памятника теми или иными категориями находок. При всей спорности определения одного посредством соотношения числа находок и раскопанной площади, эти цифры все же более объективны, нежели только первые, так сказать, сами по себе — тем более, если эти площади «покрывают» почти всю или хотя бы большую часть конкретного археологического объекта. Итак, вот как выглядит это соотношение по наиболее важным и «представительным» памятникам Приазовья.

Стрелы/Ядра: Золотое-селище (400 кв. м) — 0,005/—; Сююрташ (3375 кв. м) — —/0,0015; Пустынный берег II (850 кв. м) — 0,0011/—; Генеральское западное (Юго-западный склон) (3300 кв. м) — 0,0012/0,0021; Генеральское западное (4550 кв. м) — 0,053/0,01; Салачик (650 кв. м) — 0,0015/0,0015; Генеральское восточное (400 кв. м) — 0,0025/0,005; Бакланья скала (2525 кв. м) — 0,0008/0,0008; Крутой берег (2225 кв. м) — 0,0009/0,0045; Полянка (3350 кв. м) — 0,0009/0,0024; Чокракский мыс (2000 кв. м) — 0,001/0,0015; мыс Зюк (2900 кв. м) — 0,0051/0,0007; Зеленый мыс (1050 кв. м) — 0,00095/—; Башня на Узунларском валу (175 кв. м) — —/0,114.

Арифметика» эта, что и говорить, неказиста, но за ее нулями — больше объективности. Таким образом, среди памятников первой хронологической группы (IV–III вв. до н.э.) аномальны (на порядок и даже больше выше, чем на остальных) соответствующие показатели с усадебного комплекса Генеральское западное. На прочих они примерно одинаковы. В целом городища эллинистического времени демонстрируют очень невысокий уровень насыщенности слоя рассматриваемыми находками. Да и на поселениях (слоях) I в. до н.э. он тоже низок (пример с башней-фортом, естественно, выпадает из этого ряда). Впоследствии явные или не очень следы военных действий фиксируются на приазовских городищах около третьей четверти III в. н.э., а затем уже ближе к концу VI в.

Подведем итоги, какими бы, вопреки заявленной теме и не совсем по нашей вине, территориально ограниченными они не оказались. По всей видимости, событийная реконструкция для раннего периода предполагает, что некое военное столкновение имело место лишь вокруг центра всех памятников этого района («царской хоры»). Прочие были оставлены без боя и быстро пришли в запустение. Помимо вышесказанного это подтверждается и таким неоспоримым археологическим фактом, как находка неубранных (незахороненных) человеческих костей (скелет и черепа), а также костей, по крайней мере, двух лошадей в специальной яме-ловушке и на дне рвов «Генеральской» усадьбы. Данное обстоятельство наряду, естественно, с выше рассмотренными (относительное обилие находок стрел и ядер) в равной степени может иметь как хронологическое, так и событийное последствия. В первом аспекте оно (также помимо прочего) заставляет из двух возможных дат такого противостояния (некая война со скифами в середине третьей четверти IV в. до н.э., упомянутая в речи, приписываемой Демосфену [XXXIV. 8], и куда более значимые по своим последствиям потрясения середины второй четверти следующего века) склониться ко второму варианту. Что же касается второго, то, скорее всего, мы вынуждены допустить печальный для защитников «Генералки» итог этого противоборства. Правда, еще одна неожиданная находка была сделана как бы по соседству, вероятно, на территории местного некрополя. Поскольку и она была опубликована, охарактеризуем ее совсем кратко. В кости руки раскопанного здесь мужского захоронения оказался застрявший наконечник «скифской» стрелы. Костные ткани уже начали зарастать, но... Оснований для более точной датировки этого археологического комплекса нет, поэтому можно делать разные предположения о судьбе защитников «царской» усадьбы.

Для эллинистической эпохи у нас нет как будто бы никаких материалов, бесспорно свидетельствующих о военных потрясениях, следствием которых было прекращение жизни на Приазовских городищах. Ее, видимо, надо искать в других сферах. Отдельные находки и наблюдения позволяют лишь предположить, что таковые могли иметь место ранее.

Первый век до нашей эры, точнее его последняя четверть, проиллюстрирована материалами, демонстрирующими военное напряжение. Одни поселения были, скорее всего, в спешке оставлены (Полянка, башни на валу?), другие погибли в ходе некоего конфликта (Чокракский мыс, Новоотраденская усадьба), третьи пострадали, но сохранились (мыс Зюк).

Несколько слов и о вероятной реконструкции финальной ситуации с многочисленными «варварскими» селищами Восточного Крыма эпохи первого расцвета Боспорского государства. В свете всего сказанного можно предложить несколько вариантов. Военные действия носили быстротечный

характер и завершились полным успехом нападавших. Теоретически, их последствия можно трактовать альтернативно. Первый вариант — они были еле уловимы: случайно оброненные, неценные вещи повседневного пользования (ценные не успели ни спрятать, ни растерять), да столь же редкие предметы вооружения (почти исключительно — наконечники стрел) и оставленные под развалинами убитые (такие единичные случаи зафиксированы). Либо же следов такого нападения не осталось вовсе: нападавшие не успели или не захотели разрушить или сжечь дома, население разбежалось или, скорее всего, было уведено. Если в дальнейшем «все наладилось», то и судить не о чем; если же нет, и жизнь пресеклась окончательно, то картина соответствует вышеописанной, и в помещениях достаточно много разбитой посуды. Но из сотен этих поселений раскопкам были подвергнуты совсем немногие и по большей части на небольшой площади. Поэтому всякая не только категоричность, но и просто утвердительность выводов и наблюдений исключается. Оборонять же эти поселения ввиду отсутствия всяких укреплений, а не исключено, и сколь-либо способного к этому населения, скорее всего, вообще не имело смысла. В ряде случаев есть примеры следовавших через непродолжительное время локальных расчисток завалов и перестроек жилых и хозяйственных строений, впрочем, недолговременных. Кое-кто уцелел и пытался вернуться?

Последующих военных коллизий на пространствах боспорской хоры мы сознательно в данной работе касаться не будем. Завершая, с горечью приходится констатировать, что статья вышла «куцей». Широкой историко-археологической и территориальной картины не получилось. Правда, не по нашей вине.

Литература

- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2008: Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. Симферополь — Керчь.
- Абрамзон М.Г. 2011: Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Симферополь — Керчь.
- Акопян А.М. 1986: Каменные ядра из Арташата // Проблемы античной культуры / Г.А.Кошеленко (ред.). М., 232–237.
- Блаватский В.Д. 1954: Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Сокольский Н.И. 1962: Каменные ядра из Пантикапея // МИА. 103. М., 241–249.
- Толстиков В.П. 1977: К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея в IV–I вв. до н.э. // ВДИ. 3, 156–166.
- Толстиков В.П. 1992: Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. X. М., 41–65.
- Tolstikov V.P. 1986: La fortification comme source pour l'histoire du Bosphore antique // La fortification dans l'histoire du monde grec. Actes du Colloque international “La fortification et sa place dans l'histoire politique, culturelle et sociale du monde grec”. Valbonne, décembre 1982. Éditions du CNRS. Paris, 167–177.

MILITARY FACTOR IN THE HISTORY OF CHORA OF THE ANCIENT BOSPOROS

A.A. Maslennikov

This article examines new archaeological materials from the Bosporan *chora* (the region of the Crimean shore of the Azov Sea in particular) that could point to any traces of warfare on this territory. Particular attention is paid to the analysis and interpretation of the arrowheads and stone balls. The latter ones were used in a variety of ways, including, to a limited extent, as projectiles for the catapults. The sites of the Crimean shore of the Azov Sea dating from different historical periods are examined and compared. Examples of historical reconstructions and plausible historical developments are also included.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ АХТАНИЗОВСКАЯ 4

(См. рис. 5–6, 15, 18, 24–26, 28 на вкладке)

Поселение Ахтанизовская 4, расположенное на северо-западном берегу Ахтанизовского лимана (рис. 1), исследуется Таманской археологической экспедицией Исторического музея с 2004 г. Хотя материалы раскопок уже были частично опубликованы¹, представляется, что хронология наиболее поздних оборонительных сооружений требует подробного рассмотрения.

О наличии укрепленной части этого памятника было известно еще задолго до начала его раскопок². Правда, в тот период предполагаемая цитадель поселения ассоциировалась с т. н. «батареями» — крепостями первых веков н. э.³ Раскопки показали, что эта версия не подтверждается ни конструкцией сооружений, ни датирующим материалом, который был обнаружен в соответствующих слоях и напластованиях.

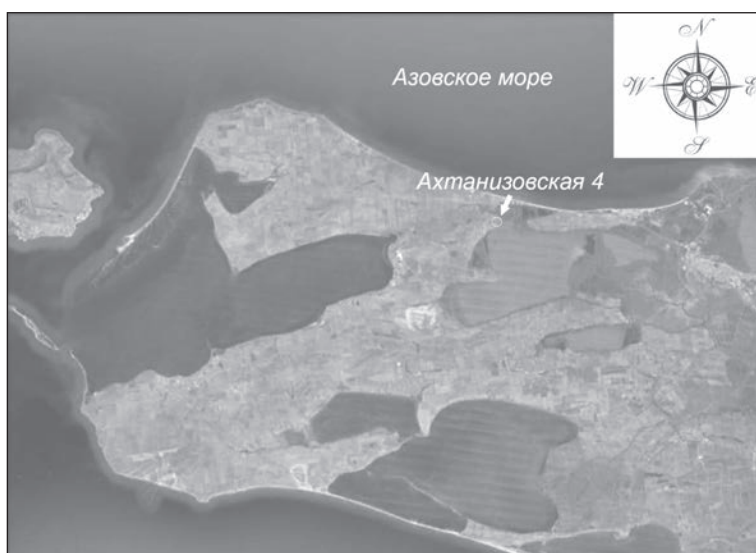

Рис. 1. Космосъемка Таманского полуострова с указанием расположения поселения Ахтанизовская 4

Конструкция оборонительных сооружений цитадели

Цитадель памятника находится на мысу, расположенном в северо-западной части Ахтанизовского лимана (рис. 2). В рельефе эта часть памятника представляет собой невысокий холм с плоской вершиной и пологими склонами, возвышающийся над лиманом на 7–7,6 м. Размеры предполагаемого

¹ Ломтадзе, Камелина 2008; Ломтадзе 2010; 2011; 2013.

² Паромов 1994.

³ Сокольский 1963; 1967; 1975; Паромов 1994, 175–176.

Рис. 2. Аэрофотосъемка района расположения поселения Ахтанизовская 4

укрепления по топосъемке и аэрофотосъемке составляют около 108×112 м. К сожалению, в годы Великой Отечественной войны именно в этой, удобной с точки зрения обороны, точке располагалась немецкая зенитная батарея, капониры и окопы которой не только исказили древний рельеф, но и разрушили часть античных сооружений.

Исследования в южной части предполагаемой цитадели позволили выявить остатки части сооружения, стены которого, исходя из их конструкции и толщины, должны быть признаны оборонительными. На сегодняшний день на площади ок. 500 кв. м вскрыты участки стен протяженностью по линии северо-запад — юго-восток 14,3 м, по линии юго-запад — северо-восток — 15 м (рис. 3–6). Характер открытого сооружения полностью пока однозначно выяснить не удастся, т. к. никаких построек и комплексов внутри стен не обнаружено. Вероятнее всего, это связано с сильными разрушениями древних напластований, причем не только в годы Великой Отечественной войны, но и в более раннее время (по крайней мере, в XVII–XVIII вв. на исследуемом холме находилось мусульманское кладбище). Вместе с этим, хорошая сохранность стен на отдельных участках, позволяет рассмотреть их конструкцию (рис. 4). Фундамент кладки был заглублен в культурный слой поселения. В нижней части траншеи первоначально был уложен слой мелкой гальки, поверх которого был сооружен фундамент высотой в два ряда камней, на который сверху, в свою очередь, были положены камни цоколя. Кладка трехслойной двухпанцирной стены цоколя была скреплена глиняным раствором. Панцири сложены из крупных и средних по размеру камней ($0,6 \times 0,7$ м; $0,45 \times 0,65$; $0,37 \times 0,7$ м; $0,2 \times 0,3$ м), в том числе и обработанных блоков керченского известняка. Между панцирями находится забутовка из мелких необработанных камней. На цоколе, вероятнее всего, покоилась несохранившаяся сырцово-кирпичная стена. Конструкция стен интересна тем, что на тех участках, где цоколь сохранился наиболее хорошо, в верхней части кладки прослеживаются сквозные «пазы», расположенные перпендикулярно к линии кладки через равные промежутки (от 1,4 до 1,7 м), шириной от 0,31 до 0,36 м с плоским тесаным основанием. Можно предположить, что они были предназначены для закрепления деревянных балок или фахверков. В среднем толщина стен составляет от 1,65 до 2,00 м. Сохранившаяся максимальная высота на отдельных участках достигает 1 м. Конструкция сохранившихся остатков стен и их размеры позволяют предположить, что нами вскрыты остатки укрепленной башни или башнеобразной постройки, являющейся частью оборонительной цитадели поселения Ахтанизовская 4. Это может частично объяснить и отсутствие перегородок и поперечных стен внутри конструкции.

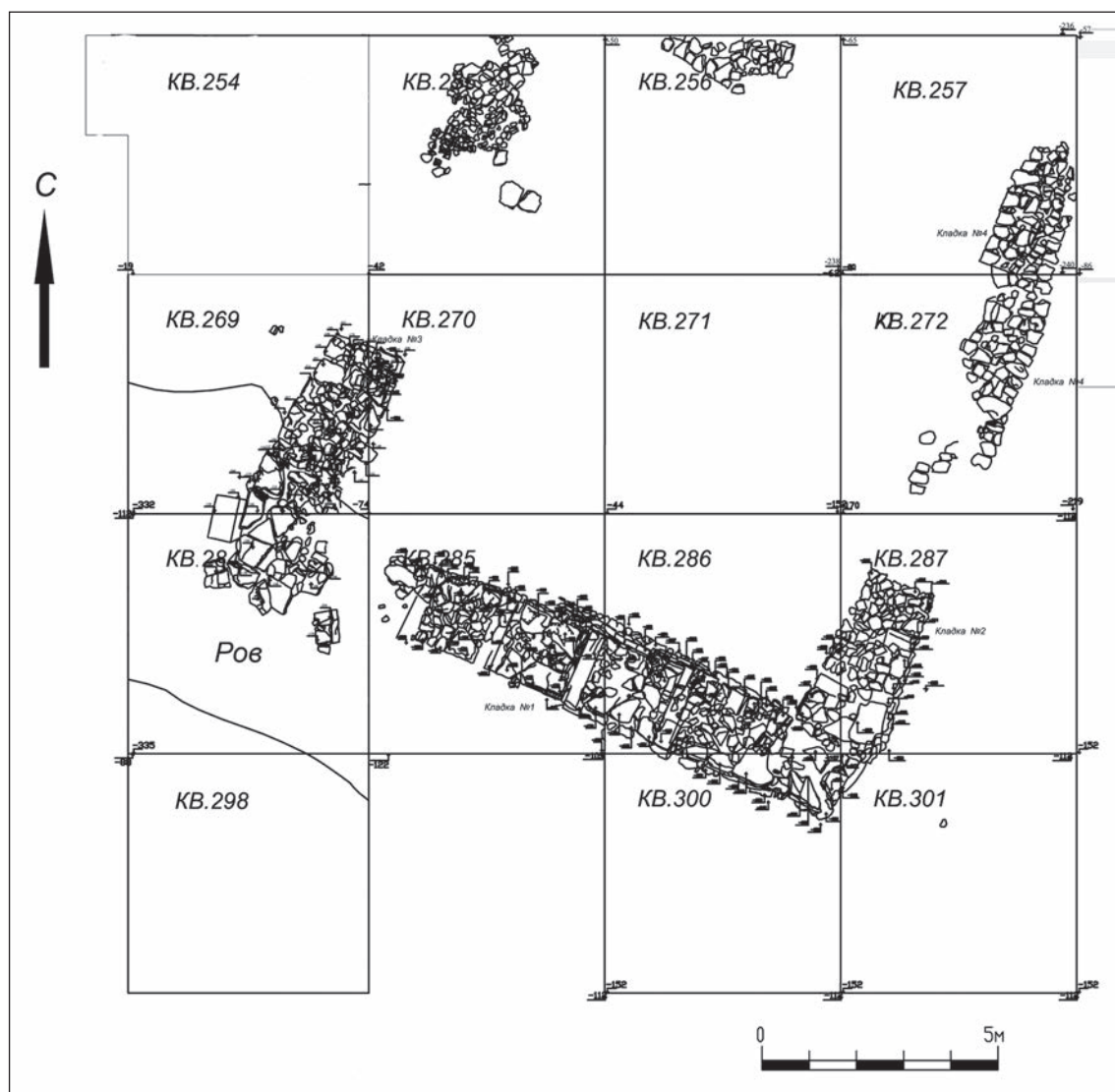

Рис. 3. План остатков укреплений

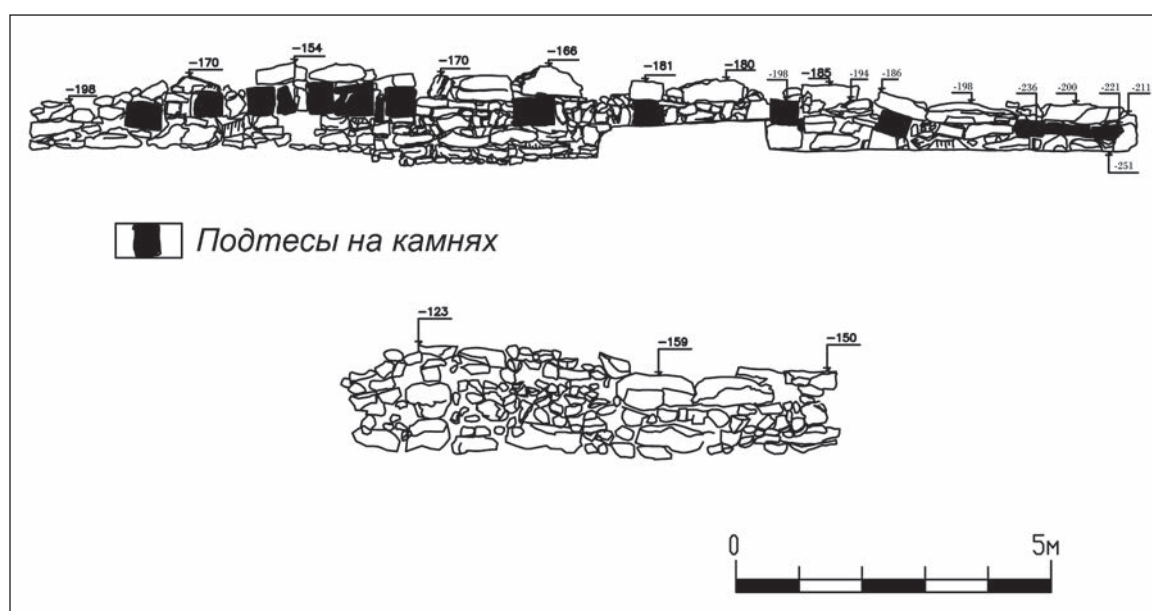

Рис. 4. Фасы наиболее хорошо сохранившихся участков оборонительных стен

Наше сооружение не является чем-то уникальным для Боспора. Наиболее близкая аналогия — «резиденция Хрисалиска» у поселка «За Родину», исследованная в 70-х гг. XX века Н.И. Сокольским. Центральным зданием этого комплекса являлась цитадель размерами в плане 20,83 × 17,5 м, расположенная в возвышенной части памятника⁴. Конструкция стен цитадели была аналогичной описанной нами. Помимо этого, остатки аналогичных укреплений были исследованы на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана⁵ и на территории современного поселка Пересыпь⁶. Нельзя не вспомнить близкие по конструкции башни на Узунларском валу⁷ и дома башенного типа в Анапском и Новороссийском районах⁸.

Строительство этих сооружений традиционно связывается с мероприятиями по созданию общепеннобоспорской оборонительной системы в эпоху Асандра, разрушение же большинства из них относят к т. н. «Полемоновой войне» конца I в. до н.э.

Датирующий материал из слоев, связанных со временем постройки и разрушения оборонительных сооружений

Задачу датирования время существования цитадели поселения несколько упрощают два обстоятельства. Во-первых, описываемое оборонительное сооружение является наиболее поздним античным объектом поселения (его перекрывают только слои, относящиеся к новейшему времени, и упомянутое выше мусульманское кладбище⁹). Вторым немаловажным обстоятельством для датировки соответствующих сооружений является то, что в последние два раскопочных сезона под юго-восточным углом «цитадели» была обнаружена часть оборонительного рва предшествующего времени (рис. 3, 7–8)¹⁰. Судя по всему, ров был специально засыпан перед строительством стен цитадели. Интересно, что в разрезе отчетливо виден достаточно мощный золистый слой под основанием кладки стены (рис. 8), хотя больше нигде на исследованном участке не были обнаружены следы какого-либо значительного пожара. Хотя ров еще исследуется и время его сооружения нами пока окончательно не установлено, датировку самых поздних находок из слоя его засыпки мы вполне можем использовать в качестве *terminus post quem* для даты строительства оборонительных стен.

С этой точки зрения надо обратить внимание на фрагменты тарных амфор, найденные в заполнении рва (рис. 9, 1–8). Все они, за исключением отдельных экземпляров, датируются в пределах II — третьей четверти I вв. до н.э. Датирующими можно считать позднейшие варианты классической синопской тары¹¹ (рис. 9, 3, 6–8), красноглиняные позднеэллинистические гераклеийские амфоры (рис. 9, 4) конца II — начала I вв. до н.э.¹², фрагменты колхидских амфор (рис. 9, 5) этого же времени, а также хорошо известный тип светлоглиняных амфор с двустольными ручками, также относящийся к производству Гераклеи Понтийской (рис. 9, 1–2). Если говорить о датировке последних, то, судя по изгибу ручек, их можно отнести к раннему хронологическому варианту C1a, выделенному С.Ю. Внуковым¹³. Помимо амфор, важнейшее значение имеют находки в заполнении рва монет. Это две понтийских монеты синопского чекана первой четверти I в. до н.э., горгиппийская монета первой половины I в. до н.э. и монета Асандра (рис. 22, 1, табл. 1, № 7, 9, 12, 14). Все это позволяет нам датировать его засыпку, а, следовательно, и строительство наземных укреплений не ранее третьей четверти I в. до н.э.

⁴ Сокольский 1976, 44–53.

⁵ Сокольский 1976, 86.

⁶ Коровина 1968, 54–83.

⁷ Масленников 2003, 75–87, 97–102, рис. 43–51, 66–69.

⁸ Сизов 1899, 105–109; Крушкел 1968, 213–220; Онайко, Дмитриев 1982, 106; Алексеева 1988, 66–85.

⁹ Единичные находки более позднего времени, конечно, встречаются (например, в верхних напластованиях была найдена монета Рискупорида V), но слоев и сооружений, связанных с ними, пока обнаружено не было. Помимо этого, можно упомянуть отдельные находки X–XII вв.

¹⁰ Исследование рва еще не закончено, но уже можно говорить о том, что ширина его составляла не менее 7 м, а глубина более 2 м.

¹¹ Монахов 2003, 155, табл. 105; Lomtadze, Zhuravlev 2004, 207, fig. 4.

¹² Внуков 2003, 198–199, рис. 75; Lomtadze, Zhuravlev 2004, 207–209, fig. 5.

¹³ Внуков 2003, 52–53, рис. 14, 1.

Рис. 7. Стратиграфический разрез участка заполнения рва, перекрытого кладкой оборонительной стены

Рис. 8. Стратиграфический разрез исследованной части оборонительного рва

Для того, чтобы установить время разрушения укреплений и фактического запустения поселения Ахтанизовская 4, необходимо рассмотреть наиболее поздние находки из слоя, перекрывающего остатки оборонительных стен. Надо отметить, что следов мощного пожара или каких-либо преднамеренных разрушений сооружений на исследованном участке нами не зафиксировано. При этом сохранность стен и соответствующего слоя разная, что связано с перекопами нового и новейшего времени.

На территории цитадели за все годы раскопок было найдено более полусотни монет, большинство из которых поддается определению¹⁴. Подавляющая их часть относится ко II–I вв. до н.э. Наиболее поздние по времени монеты, относящиеся к слоям, связанным с разрушением укреплений и запустения поселения — это монеты Асандра 40-х — 20-х гг. I в. до н.э. (табл. 1, № 1, 15, 19–20, 22–23).

Наиболее массовыми находками из датированных слоев, естественно, являются обломки керамической тары. Значительную ее часть занимают светлоглиняные гераклеийские сосуды с двустольными ручками. Надо отметить, что в интересующих нас слоях этот тип представлен практически всеми хронологическими вариантами (рис. 9, 9–13; 10, 1–8) за исключением наиболее поздних¹⁵. Несколько в меньшем количестве представлены в нашей коллекции коричневоглиняные колхидские амфоры (рис. 10, 9–15). Основная их часть относится к вариантам Kx1A и Kx1B¹⁶ по классификации С.Ю. Внукова. Помимо этого, отметим позднесинопские

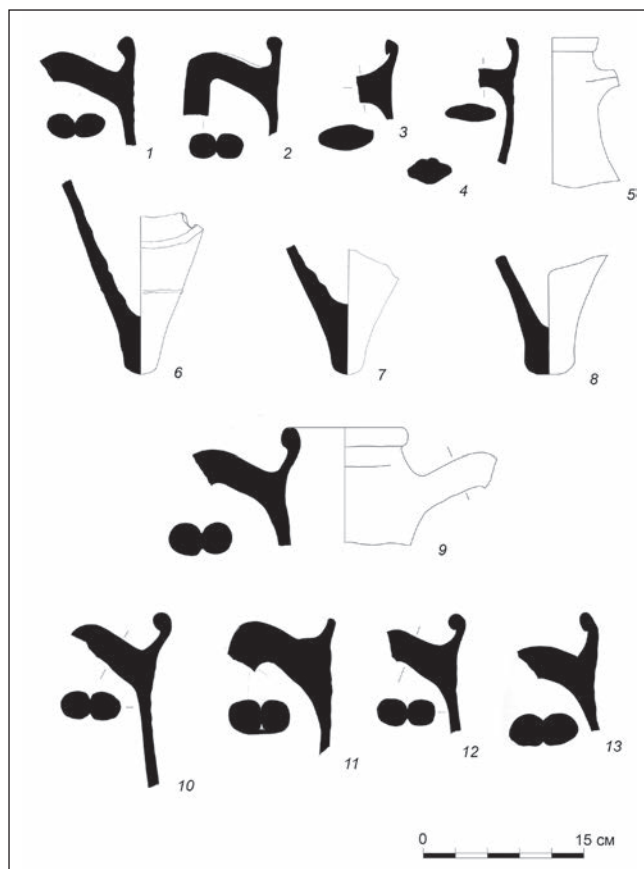

Рис. 9. Фрагменты амфор из заполнения рва и слоев, связанных с оборонительными стенами

¹⁴ Благодарю Н.А. Фролову и Е.В. Захарова за помощь в определении монет.

¹⁵ Внуков 2003, 47–80.

¹⁶ Внуков 2003, 173–194.

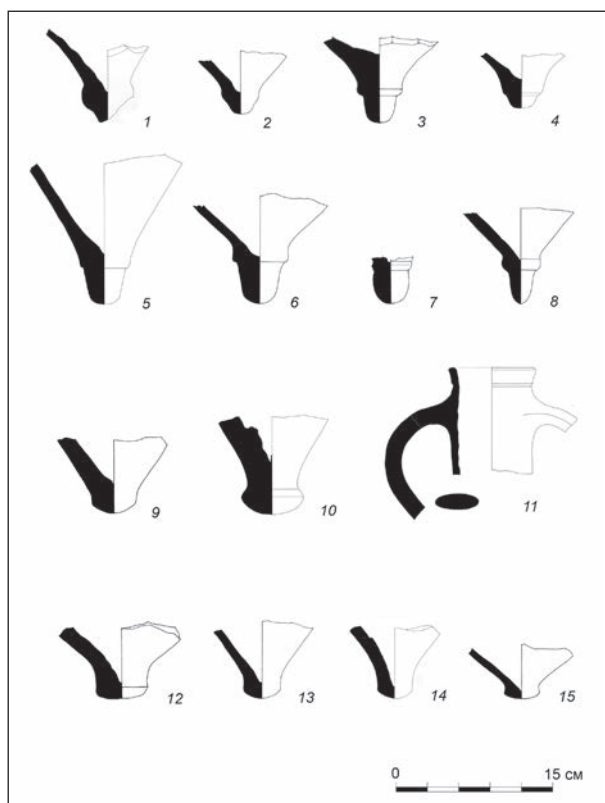

Рис. 10. Фрагменты амфор из слоев разрушения оборонительных сооружений

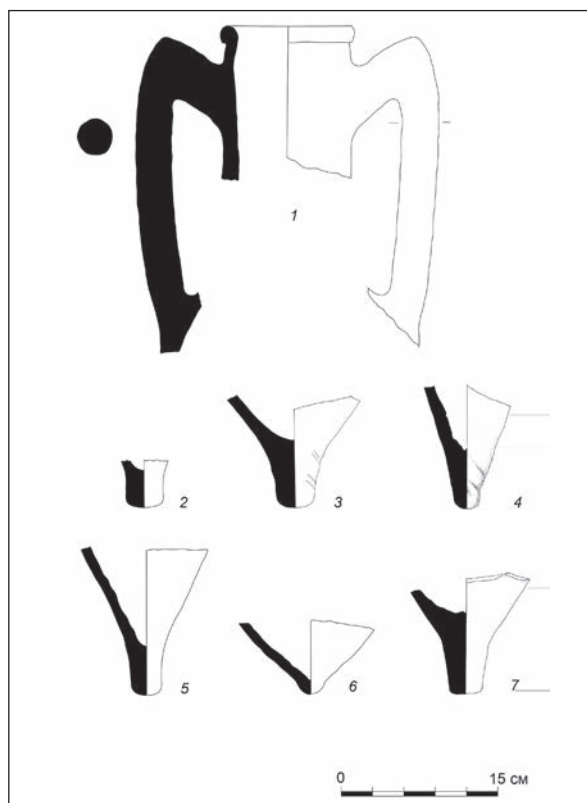

Рис. 11. Фрагменты амфор из слоев разрушения оборонительных сооружений

(рис. 11, 3–5) и позднееродосские амфоры (рис. 11, 2, 7). Встречены также фрагменты псевдородосских светлоглиняных амфор (рис. 11, 1)¹⁷ и «кубанских» красноглиняных позднеэллинистических амфор (рис. 11, 6)¹⁸.

Нельзя не заметить, что представленный амфорный комплекс по составу схож с описанным выше материалом из заполнения рва. Вместе с тем заметно некоторое его хронологическое отличие. Оно выражается в наличии более поздних вариантов гераклейских амфор с двустольными ручками, а также псевдородосской тары, появляющейся, видимо, не ранее середины — второй половины I в. до н.э.¹⁹ Подобный состав импортной керамической тары достаточно убедительно связывается современными исследователями с памятниками, разрушенными в последней четверти I в. до н.э. в ходе т. н. «Полемоновой войны»²⁰. Эту датировку также подтверждает отсутствие в наших материалах светлоглиняных узкогорлых амфор. Одним из ярких примеров подобных комплексов являются подробно опубликованные находки из башен на Узунларском валу²¹.

В целом, в этом же хронологическом диапазоне датируются и ряд других находок. Найденные в большом количестве фрагменты краснолаковых и буrolаковых столовых сосудов относятся всего к нескольким формам. Это кубки и чаши (рис. 12, 1–5, 7–8, 10–11), а также блюда и миски (рис. 13, 1–7; 18, 1). Близкими, а иногда аналогичными формами представлена чернолаковая сероглиняная керамика (рис. 12, 6, 9; 13, 8–11; 14).

Показательны находки кубков с полусферическим вместилищем и горизонтальными канавками по верхнему краю тулова (рис. 12, 5–11; 14, 5; 17; 18, 2), производство которых связывают, в том числе, с пергамскими, книдскими и эфесскими мастерскими²². В Северном Причерноморье

¹⁷ Внуков 2003, 96–102.

¹⁸ Limberis, Marčenko, Monachov 2013, 167–168, fig. 2-3.

¹⁹ Внуков 2003, 197.

²⁰ Внуков 2006, 152–153.

²¹ Масленников 2003, 81, рис. 48–49.

²² Meyer-Schlichtmann 1988, 11, 227, Kat. 179, Taf. 40, No 37; Rotroff 1997, 222, fig. 101, pl. 135, No 1700; Kögler 2005, 52, fig. 2; Kögler 2010, 126–128, 155–157, 382, 392, Taf. 12, 16, Abb. 18, 22, 30, 67, E. 131–133, 295–297, 301–303, Imp. 27.

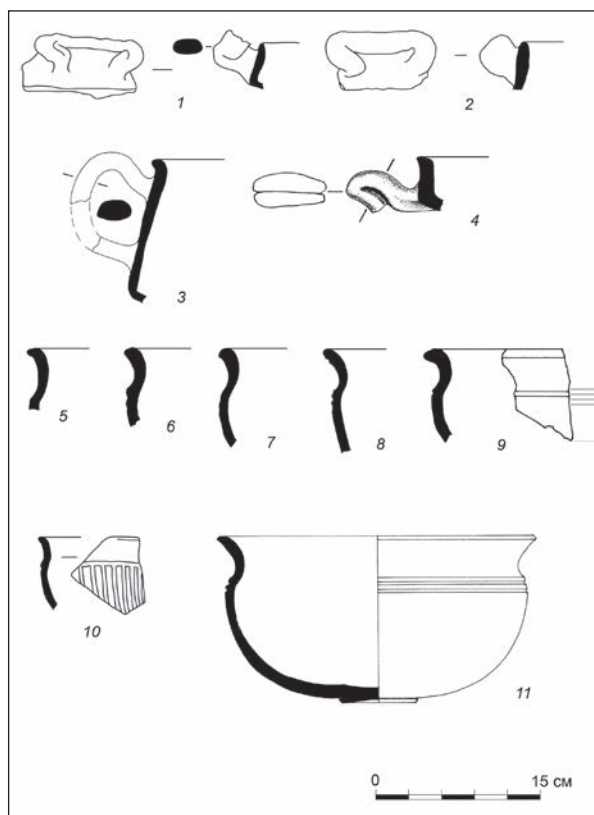

Рис. 12. Краснолаковые и чернолаковые кубки из слоев разрушения оборонительных сооружений

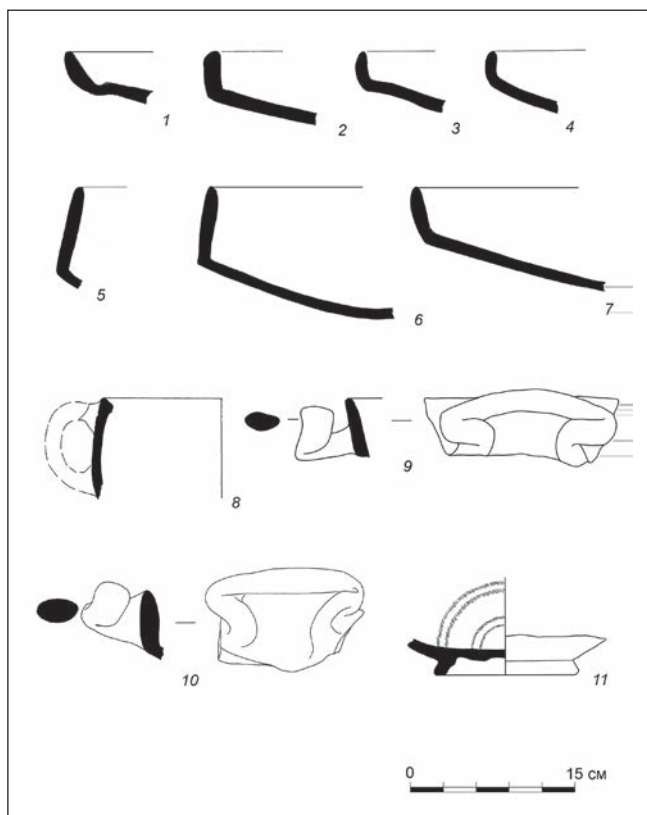

Рис. 13. Фрагменты краснолаковой и чернолаковой посуды из слоев разрушения оборонительных сооружений

подобные кубки известны из ряда хорошо датированных комплексов²³.

Широко представлены фрагменты скифосов, чаш с коническим туловом и вертикальным бортиком (рис. 12, 1–4; 13, 5–6, 8–11) и блюд (рис. 13, 1–4; 14). Все они находят множество аналогий в материалах Средиземноморья и Причерноморья²⁴. Характерной особенностью сероглиняной чернолаковой керамики является штампованный орнамент на дне чаш и блюд (рис. 14, 5–12), хотя в единичных случаях он встречается и на краснолаковых сосудах (рис. 18, 1). Хорошо известны формами представлены простые (рис. 15, 4) и краснолаковые бальзамарии (рис. 15, 5–6), ближайшие аналогии которым известны из раскопок «резиденции Хрисалиска»²⁵.

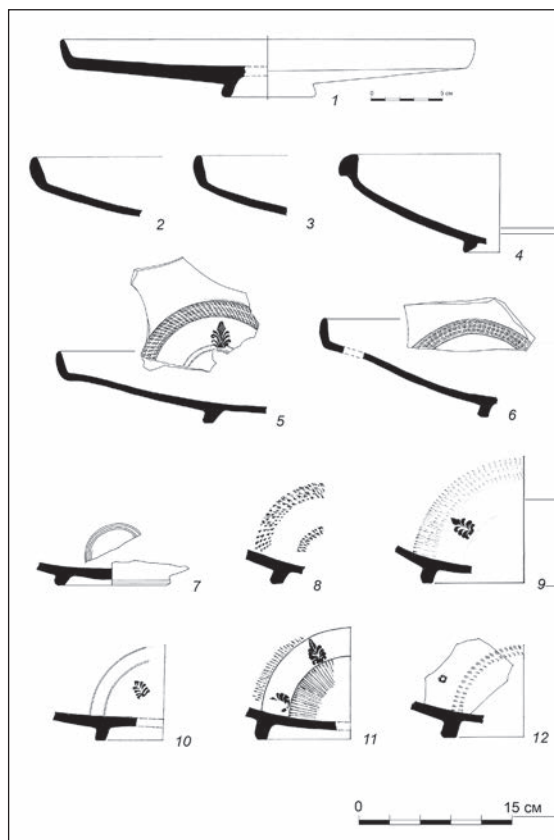

Рис. 14. Фрагменты чернолаковых блюд и мисок из слоев разрушения оборонительных сооружений

²³ Žuravlev, Demidenko, Treister 1997, 420–421, Abb. 7, 4; Tolstikov, Zhuravlev 2004, 274, pl. 99, 7–8; Масленников 2007, 148, рис. 69, 9, 70, 7.

²⁴ Robinson 1959, 62, pl. 4, 64, 66, g. 29, 33, 49, 52, f. 27, 29; Rotroff 1997, 233, fig. 96, pl. 124, No 1576–1579; Lomtadze, Zhuravlev 2004, 205–206, fig. 2, 1, 3, 5; Kögler 2010, 83–95; Сокольский 1976, рис. 48, 50, 52; Крапивина 1993, 74, 109, рис. 77; Зайцев 1998, рис. 2, 12–13; Ланцов, Труфанов 1999, рис. 4, 11–13, рис. 5, 16–17; Масленников 2003, 81, рис. 50; Масленников 2007, 48, рис. 27, 2–3; Журавлев 2011, 229–230, рис. 13, 2, 5, рис. 14, 1, 4–5.

²⁵ Сокольский 1976, рис. 54.

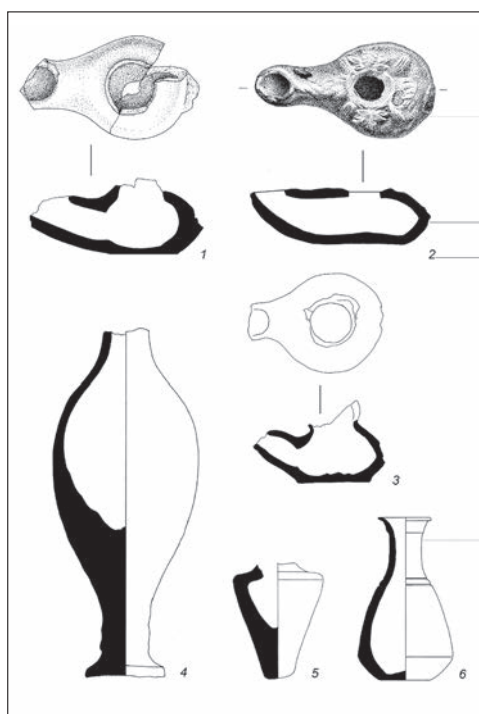

Рис. 15. Свечильники и флаконы из слоев разрушения оборонительных сооружений

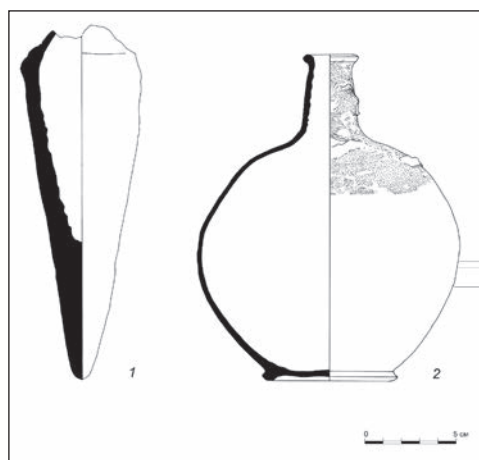

Рис. 16. Сосуды из слоев разрушения оборонительных сооружений: 1. Тулово амфориска; 2. Лагинос

Свечильников и их фрагментов в материалах поселения встречено не так уж и много. К датирующим можно отнести лишь несколько. Это два красноглиняных светильника типа «кувшинчика»²⁶ II–I вв. до н.э. (рис. 15, 1, 3)²⁷ и боспорский сероглиняный светильник с рельефным растительным орнаментом на щитке (рис. 15, 2)²⁸.

Фрагменты терракотовых статуэток, представленные в материалах поселения, также находят сюжетные аналогии в памятниках I в. до н.э. Это и широко распространенный сюжет — Геракл, борющийся с Немейским львом (рис. 19, 1)²⁹, а также фрагменты статуэток, изображающих женское божество (рис. 19, 2, 20, 1–3) и сидящих женщин, играющих на кифаре (рис. 20, 4)³⁰.

Отдельно отметим находку фигурного сосуда, вероятнее всего, датирующегося в пределах II–I вв. до н.э. (рис. 21, 2), близких аналогий которому пока найти не удалось, и фрагмента украшения предположительно бронзового канделябра (рис. 21, 1), параллели которому известны в материалах Помпей³¹.

К I в. до н.э. также относятся коническое тулово красноглиняного амфориска (рис. 16, 1)³² и, вероятно, лагинос с шаровидным туловом и отбитой ручкой (рис. 16, 2), покрытый в верхней части бурым лаком.

Хронология оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4

В целом приведенный комплекс находок находит многочисленные аналогии в материалах поселений I в. до н.э., которые уже приводились выше. Весьма важно, что большая часть этих памятников представляет собой оборонительные сооружения, связанные с мероприятиями Асандра по укреплению боспорских границ³³. Проведенный выше анализ материала показывает, что строительство и разрушение укреплений на поселении Ахтанизовская 4 произошло в достаточно короткий срок. Можно с уверенностью говорить о том, что строительство стен началось после засыпки оборонительного рва в пределах середины — третьей четверти I в. до н.э., а разрушение, вероятнее всего, приходится на время междоусобной (т. н. «Полемоновой») войны на Боспоре в последние полтора десятилетия I в. до н.э.³⁴

²⁶ Вариант 4.2 по: Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 93–105, №№ 560–594.

²⁷ Важно, что именно подобные светильники были массово найдены при раскопках дома Хрисалиска (Сокольский 1976, рис. 54, 2–4).

²⁸ Вариант 3.1 по: Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 134–135, №№ 658–660.

²⁹ Сокольский 1976, рис. 55, 13; Масленников 2007, 23, рис. 11, 3.

³⁰ Žuravlev, Lomtadze, Pina, Sudarev 2007, 233–234, Abb. 35–36; Масленников 2007, 413, рис. 172, 3, 6.

³¹ Lomtadze, Treister 2015.

³² Масленников 2003, 81, рис. 51; Rotroff 2006, 161–162, fig. 70, pl. 59.

³³ Эти события достаточно подробно рассмотрены в недавней монографии А.А. Масленникова (Масленников 2003, 211–213), что позволяет не останавливаться еще раз на хорошо освещенных вопросах.

³⁴ Масленников 1995; Болдырев 1999, 31, 35; Болдырев 2000; Внуков 2006, 140.

Этот вывод заставляет упомянуть несколько важнейших обстоятельств. Ближайшими к рассматриваемому нами поселению оборонительными сооружениями этого времени являются уже упоминавшийся выше «дом Хрисалиска»³⁵, укрепление в юго-западной части Ахтанизовского лимана³⁶ и цитадель городища, расположенного на территории современного поселка Пересыпь³⁷. Отметим, что все эти памятники располагаются в восточной и северо-восточной части современного Таманского полуострова³⁸, на западном берегу Ахтанизовского лимана. Возможно, ответ на вопрос о причинах подобного местоположения пограничных по виду укреплений дают нам итоги российско-германских палеогеографических исследований этого района. По мнению коллектива исследователей, на месте современного Ахтанизовского лимана в VI–II вв. до н.э. находился судоходный морской пролив, который обмелел и заилился к началу I в. до н.э.³⁹ К этому же времени прекращается жизнь на поселении Голубицкая 2, находящемся на западном берегу современного Ахтанизовского лимана, прямо напротив поселения Ахтанизовская 4⁴⁰.

Возможно, именно обмеление пролива в этой части Таманского архипелага создавало опасность для восточных рубежей Боспорского государства и требовало строительства в этом месте сигнально-оборонительной системы. Эта система, построенная Асандром, перестала существовать уже к рубежу эр. Судя по всему, после «Полемоновой войны», крепость и поселение в северо-восточной части станицы Ахтанизовская потеряли свое стратегическое значение⁴¹ и более не восстанавливались.

Таблица 1. Монеты из раскопок Ахтанизовская 4

№	Описание	Датировка	Место находки
2006			
1	Боспор Киммерийский. Пантикапей. Л.с. Голова Аполлона–Асандра вправо. О.с. Пасущийся пегас влево, легенда: ΠΑΝΤΙΚΑ/ ΠΑΙΤΩΝ. (Фролова 1977, 176, табл. IIIa, № 14). Медь.	49/48–21/20 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 285, шт. 3.
2007			
2	Понтийское царство. Амис. Л.с. Голова Персея в шлеме вправо. О.с. Пасущийся Пегас влево, под обрезом — легенда: ΑΜΙΣΕΟΥ и нечитаемая монограмма. (SNG BM, № 1212–1217, pl. XLV, 1212–1217). Медь.	Ок. 86–65 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 286, шт. 7.
2008			
3	Боспор Киммерийский. Л.с. Голова Диониса вправо. О.с. Лук в горите, слева монограмма. Фролова, Ireland 1999, 246, табл. XIV. Медь.	96/95–63 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 271, шт. 8.

³⁵ Сокольский 1976, 89–110.

³⁶ Сокольский 1965.

³⁷ Коровина 1968, 54–84.

³⁸ К сожалению, у нас пока нет материалов сколько-нибудь регулярных раскопок еще ряда крупных памятников этого района — таких, как крепости на территории станиц Голубицкая и Старотитаровская. Вполне вероятно, что эти и им подобные памятники в какой-либо степени связаны с теми же событиями второй половины I в. до н.э.

³⁹ Журавлев, Шлотцауэр 2011, 64–70; Kelterbaum et al. 2011.

⁴⁰ Материалы позднеллинистического времени поселения Голубицкая 2 пока не опубликованы, но, по мнению автора раскопок, они датируются не позднее начала I в. до н.э. (благодарю Д.В. Журавлева за устную информацию).

⁴¹ Отметим, что в архаическую и классическую эпоху в этом самом узком месте пролива (между поселениями Ахтанизовская 4 и Голубицкая 2), вероятнее всего, располагались одна из важнейших дорог и переправа через Голубицкий остров «на материк» (Ломтадзе 2013, 230–232).

№	Описание	Датировка	Место находки
4	Боспор Киммерийский. Пантикапей. Л.с. Голова Диониса вправо. О.с. Треножник и тирс, легенда: ΠΑΝ-ΤΙ-ΚΑΠΑΙ-ΤΩΝ. Фролова, Ireland 1999, 244, 245, табл. IX–XI. Медь	96/95–66/65 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 301, шт. 5.
2009			
5	Боспор Киммерийский. Л.с. Голова Диониса, вправо. О.с. Лук в горите, монограмма. Фролова, Ireland 1999, 246, табл. XIV.	96/95–63 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 272, шт. 6.
6	Боспорское царство. Пантикапей. Л.с. Голова безбородого сатира в венке, вправо. О.с. Две шапки Диоскуров, увенчанные звездами, легенда: ΠΑΝΤΙ. Шелов 1956, 220, № 101, табл. VIII, 101. Медь.	Посл. четверть II в. до н.э.	Раскоп III, кв. 272, шт. 6.
7	Понтийское царство. Синопа. Л.с. Голова Зевса в лавровом венке, вправо. О.с. Орел на молниях, под ним легенда — [ΣΙΝ]ΩΠΗ[Σ]. Синопа. SNG BM, № 1526, 1527, pl. LVI, 1526, 1527. Медь.	100–85 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 284, шт. 9 (заполнение рва).
2010			
8	Понтийское царство. Л.с. Эгида. О.с. Крылатая Ника, идущая вправо с ветвью. Имя города неразлично. Медь.	Ок. 100–65 гг. до н.э.	Кв. 254, яма 9.
9	Боспор Киммерийский. Горгиппия. Л.с. Голова Мена вправо; О.с. Дионис с виноградной гроздью и тирсом стоит влево, под ним — пантера, легенда: ΓΟΡΓΙΠ-ΠΙΕΩΝ. Фролова, Ireland 1999, 243, 244, табл. VIII; IX. Медь.	96/95–66/65 гг. до н.э.	Кв. 284, шт. 11 (заполнение рва).
2011			
10	Понтийское царство. Л.с. Эгида. О.с. Крылатая Ника, идущая вправо с ветвью. Имя города неразлично. Медь.	Ок. 100–65 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 242, шт. 4.
11	Понтийское царство. Синопа. Л.с. Голова Зевса в лавровом венке, вправо. О.с. Орел на молниях, под ним легенда — [ΣΙΝ]ΩΠΗ[Σ]. SNG BM, № 1526, 1527, pl. LVI, 1526, 1527. Медь	100–85 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 242, шт. 4.
12	Понтийское царство. Синопа. Л.с. Голова Ареса, вправо. О.с. Меч в ножнах. [ΣΙΝΩΠΗΣ]. SNG BM, № 1528–1530, pl. LVI, 1528–1530. Медь.	100–85 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 284, заполнение рва.
13	Боспорское царство. Пантикапей (?). Л.с. Восьмилучевая звезда (?). О.с. Не ясно. Медь.	Конец II в. до н.э. (?)	Раскоп III, кв. 226, шт. 2
14	Понтийское царство. Л.с. Эгида. О.с. Крылатая Ника, идущая вправо с ветвью. Имя города неразлично. Медь.	100–65 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 226, шт. 3

№	Описание	Датировка	Место находки
15	Боспор Киммерийский. Архонт Асандр. Л.с. Голова Ники вправо. О.с. Прора, надпись в две строки: ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ. Фролова 1997, 175, табл. IIIa, 116. Медь.	49/48–21/20 гг. до н.э.	Раскоп III, кв. 225, шт. 2
2014			
16	Боспор Киммерийский. Пантикапей. Л.с. Голова Диониса вправо. О.с. Треножник и тирс, справа монограмма. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ. Фролова, Ireland 1999, 244, 245, табл. IX–XI. Медь.	96/95–66/65 гг. до н.э.	Р. III, кв. 224, шт. 5.
17	Боспор Киммерийский. Л.с. Голова Диониса вправо. О.с. Горит, слева монограмма. Фролова, Ireland 1999, 246, табл. XIV. Медь.	96/95–63 гг. до н.э.	Р. III, кв. 210, шт. 2.
18	Боспор Киммерийский. Пантикапей. Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Орёл на молниях, слева монограмма. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ. Перечеканен на боспорском анонимном оболе. Фролова, Ireland 1999, 246, 247, табл. XV, XVI. Медь.	63–49/48 гг. до н.э.	Р. III, кв. 225, яма 23.
19	Боспор Киммерийский. Архонт Асандр. Л.с. Голова Ники вправо. О.с. Прора, надпись в две строки: ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ. Фролова 1997, 175, табл. IIIa, 116. Медь.	49/48–21/20 гг. до н.э.	Р. III, кв. 225, шт. 6, яма 23.
20	Боспор Киммерийский. Архонт Асандр. Л.с. Голова Ники вправо. О.с. Прора, надпись в две строки: ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ. Фролова 1997, 175, табл. IIIa, 116. Медь.	49/48–21/20 гг. до н.э.	Р. III, кв. 225, яма 23.
21	Боспор Киммерийский. Архонт Асандр. Л.с. Голова Ники вправо. О.с. Прора, надпись в две строки: ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ. Фролова 1997, 175, табл. IIIa, 116. Медь. Зазубрины по краям монеты.	49/48–21/20 гг. до н.э.	Р. III, кв. 284, ров.
22	Боспор Киммерийский. Фанагория. Л.с. Голова Аполлона–Асандра вправо. О.с. Ветвь или лук и стрела. ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ. Фролова 1997, 177, табл. IIIa, 17 или 18.	49/48–21/20 гг. до н.э.	Р. III, кв. 226, шт. 6.
23	Боспор Киммерийский. Пантикапей. Л.с. Голова Аполлона–Асандра вправо. О.с. Пасущийся пегас влево. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ. Фролова 1977, 176, табл. IIIa, № 14. Медь.	49/48–21/20 гг. до н.э.	Р. III, кв. 224, шт. 5.

Литература

- Алексеева Е.М. 1988: Горгияпия в системе Боспорского государства первых веков н.э. // ВДИ. 2, 66–85.
- Болдырев С.И. 1999: О характере пребывания Полемона на Боспоре // ДБ. 3, 11–17.
- Внуков С.Ю. 2003: Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. (Морфология). М.
- Внуков С.Ю. 2006: Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Часть II (Петрография, хронология, проблемы торговли). СПб.

- Внуков С.Ю. 2012: Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 4, 5–15.
- Журавлев Д.В. 2011: Новые находки позднеэллинистической керамики и светильников из Пантикапея // ПИФК. 4, 221–263.
- Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. 2010: Светильники второй половины III в. до н.э. — IV в. н.э. / Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция светильников. Том II. Киев.
- Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2011: Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М.Д. Бухарин (ред.). Т. 1. М., 264–271.
- Зайцев Ю.П. 1998. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье / Д.В. Журавлев (ред.). Тр. ГИМ. Вып. 102. М., 52–60.
- Коровина А.К. 1968. Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–63 и 1965 годы. // СГМИИ. IV / Н.А. Сидорова (ред.). М., 54–84.
- Крапивина В.В. 1993: Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев.
- Крушкел Ю.С. 1968: Античное здание в районе Гориппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич (ред.). Л., 213–220.
- Ланцов С.Б., Труфанов А.А. 1999: Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // ДБ. 2, 161–173.
- Ломтадзе Г.А., Камелина Г.А. 2008: Первые итоги исследования античного памятника на северо-востоке Таманского полуострова — «Ахтанизовская 4» // ДБ. 12/II, 340–376.
- Ломтадзе Г.А. 2009: Оборонительные сооружения Азиатского Боспора позднеэллинистического — раннеримского времени // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Материалы X Боспорских чтений / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 261–266.
- Ломтадзе Г.А. 2010: Античное укрепление на северо-востоке Таманского полуострова // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / А.А. Масленников, А.А. Завойкин, Н.А. Гаврилюк (ред.). М.; Киев, 164–165.
- Ломтадзе Г.А. 2011: Исследование античного памятника Ахтанизовская 4 на северо-востоке Таманского полуострова // АО 2008 года. М., 303.
- Ломтадзе Г.А. 2013: Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4 // ДБ. 17, 216–231.
- Масленников А.А. 1995: Полемон I на Боспоре // БС. 6, 158–167.
- Масленников А.А. 2003: Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.
- Масленников А.А. 2007: Сельские святилища Европейского Боспора. М.
- Паромов Я.М. 1994: Ахтанизовская «батарея» (укрепленное поселение на Таманском полуострове) // БС. 4, 175–178.
- Сизов В.И. 1899: Восточное побережье Черного моря // МАК. Ч. II, 105–109.
- Сокольский Н.И. 1963: Крепость на городище у хутора Батарея I // СА. 1, 179–191.
- Сокольский Н.И. 1965: Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 100, 86–96.
- Сокольский Н.И. 1967: Крепость на поселении Батарея II // КСИА. 109, 108–115.
- Сокольский Н.И. 1975: Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 143, 21–30.
- Сокольский Н.И. 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
- Фролова Н.А. 1997: Монетное дело Боспора. Середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э. Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. — 210/211 г. н.э. М.
- Фролова Н.А., Ireland S. 1999: О хронологии эмиссий монет на Боспоре в митридатовский период (110/109–63 гг. до н.э.) // ДБ. 2, 232–265.
- Шелов Д.Б. 1965: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.
- Kelterbaum D., Brückner H., Porotov A., Schlotzhauer U., Zhuravlev D. 2009: Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) — The Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2 // Die Erde. 142, 3, 235–258.

- Kögler P. 2005: Import, Export, Imitation. Trade and the Economic Power of Late Hellenistic and Early Imperial Knidos according to the Fine pottery // Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence / M.B. Briesse & L.E. Vaag (eds.) University of Southern Denmark. 50–62.
- Kögler P. 2010: Feinkeramik aus Knidos vom mittleren Hellenismus bis in die mittlere Kaiserzeit (ca. 200 v. Chr. bis 150 n. Chr.). Wiesbaden.
- Limberis N.Yu., Marčenko I.I., Monachov S.Ju. 2013: Une nouvelle série d'amphores hellénistiques: le type «Kouban» // Patabs III. Production and trade of amphorae in the black sea. Pontica XLVI. Suppl. II. / L. Buzoianu, P. Dupont, V. Lungu (eds.). Constanța, 165–183.
- Lomtadze G., Zhuravlev D. 2004: Amphorae from a Late Hellenistic Cistern at Pantikapaion // Transport Amphorae and Trade in the East Mediterranean / J. Eiring & J. Lund (eds.). Aarhus, 203–209.
- Lomtadze G., Treister M. 2015: Ancient Bronzes from the 1st-Century B. C. “Akhtanizovskaya-4” Settlement in the Taman Peninsula // Acta of the XVIIIth International Congress on Ancient Bronzes / P. Della Casa & E. Deschler-Erb (eds.) Zurich Studies in Archaeology. Vol. 10, 83–86.
- Meyer-Schlichtmann C. 1988: Die Pergamenische sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. V. Chr. — Mitte 2. Jh. N. Chr. B.; N. Y.
- Robinson H.S. 1959: Pottery of the Roman Period Chronology / The Athenian Agora. Vol. V. Princeton.
- Rotroff S.I. 1997: Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material / The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton.
- Tolstikov V., Zhuravlev D. 2004: Hellenistic Pottery from Two Cisterns on the Akropolis of Panticapaeum // ΣΤ' Επιστημοωική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Βόλοζ, 269–276.
- Žuravlev D.V., Demidenko S.V., Treister M.Yu. 1997: Kruglij Kurgan. Eine Gesamtvorlage des Materials aus den Grabungen des Barons V.G. von Tiesenhausen // Eurasia Antiqua. Bd. 3, 409–436.
- Žuravlev D.V., Lomtadze G.A., Il'ina T.A., Sudarev N.I. 2007: Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi // Eurasia Antiqua. 13, 215–255.

REGARDING THE DATING OF THE FORTIFICATIONS OF THE AKHTANIZOVSKAYA 4 SETTLEMENT

G.A. Lomtadze

This article deals with the chronology of the fortifications of the Akhtanizovskaya 4 settlement during the last period of its existence. The citadel was located on the cape in the north-western part of the Akhtanizovsky firth. According to the surveys and aerial photography, the size of the fortified area was about 108 by 112 meters. Instrumental for the dating of this edifice is a section of a moat discovered in 2012–2014. The moat was filled right before the building of the citadel. Based on the finds (fragments of amphorae and glazed ceramics, coins, terracotta figurines etc.) from the fill of the moat and from the stratum associated with the destruction of the citadel walls, it is possible to assume that the citadel was built in the middle — third quarter of the 1st century BC; it was most probably destroyed in the course of the internecine (the so-called Polemon) war in the Bosphoros, i.e. during the last 15 years of the 1st century BC.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КРЕПОСТИ АК-КАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ (ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА И РИМСКИЙ ПЕРИОД)*

(См. рис. 2–9 на вкладке)

История исследования

Первое упоминание городища Ак-Кая/Вишенное относится к первой половине XIX в.: в своих путевых заметках П.И. Кеппен среди прочих упоминает городище Кая на скале при имении генеральши Рудзевичевой, открытое А.Я. Фабром¹. Вторично городище было открыто в 1924 г. крымским краеведом А.П. Булавенко², а в 1947 году в рамках работы Белогорского отряда Тавро-Скифской экспедиции его обследовал П.Н. Шульц³.

В 1968 году визуальное обследование памятника провел И.А. Баранов, который обнаружил здесь средневековую керамику. В 1974–1976 гг. северная и северо-восточная части крепости были сильно разрушены во время колхозного хозяйственного строительства; в это время А.В. Белым здесь была собрана коллекция керамических клейм и других артефактов⁴. В 1984 г. городище было обследовано С.Г. Колтуховым, который констатировал здесь наличие культурного слоя III–II вв. до н. э. — III в. н. э., перекрытого средневековыми отложениями, и составил первый план городища⁵.

В 1999 г. все данные по этому памятнику были опубликованы в монографии С.Г. Колтухова⁶, который на тот момент считал, что в позднескифское время памятник представлял собой типичное убежище площадью около 1 гектара с прилегающим обширным поселением. Видимые на аэрофотоснимке конца 1970-х следы выборки оборонительных стен исследователь интерпретировал в качестве рва средневекового времени. В обобщающем своде О.Д. Дашевской памятник фигурирует как городище Ак-Кая⁷.

В 2001 г. на городище у с. Вишенное провела небольшие по объему работы Горно-Крымская экспедиция КФ ИА НАНУ под руководством В.Л. Мыца.

С 2005 по 2014 гг. памятник с небольшим перерывом (2010–2011 гг.) исследовался Крымской предгорной экспедицией Крымского филиала ИА НАН Украины и КРУ «Историко-археологический заповедник “Неаполь Скифский”»⁸ под руководством автора⁹. К настоящему времени здесь исследовано семь раскопов и семь шурфов, расположенных в различных частях крепости и за ее пределами. Общая исследованная площадь составляет около 2000 кв. м.

Современные результаты исследований показывают, что данный археологический комплекс представляет собой остатки трех последовательно сменивших одна другую крепостей, занимавших

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10125 «Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований».

¹ Тункина 2013, 333.

² Маркевич 1928, 5.

³ Шульц 1947.

⁴ Белый 1998, 11–13.

⁵ Колтухов 1991, 80–81.

⁶ Колтухов 1999, 21, 110–111.

⁷ Дашевская 1991, 47.

⁸ С января 2015 г. — ГБУ РК «Историко-археологический музей-заповедник “Неаполь Скифский”».

⁹ Зайцев 2013; 2014; Зайцев, Колтухов, Шкрибляк 2013.

обособленный участок скального плато с отвесными обрывами (рис. 1, 2), вытянутый с севера на юг и локализованный на правом берегу реки Биюк-Карасу, в 6 км к северу от г. Белогорска.

К настоящему времени оборонительные сооружения памятника открыты в шести раскопах, три из которых расположены на трассе северной стены, два — на восточной и один в южной части плато.

1. Раскоп в секторе 4В (2007 г.) (рис. 1, 1). Заложен на месте единственного уцелевшего участка башни (?) на месте сооружения силосной траншеи, уничтожившей весь западный фланг северной линии обороны. Площадь исследования — 50 кв. м, фактически здесь была проведена зачистка участка панциря длиной ок. 5 м, сложенного на глинистом растворе из крупных и средних известняковых камней. С юга к нему примыкал участок каменной забутовки шириной ок. 3 м. По центру сохранившегося участка проходил водосток в виде узкого ровного промежутка в каменной кладке, ориентированный с юга на север, в соответствии с естественным наклоном скалы. К югу, за пределами оборонительной стены, этот водосток переходил в размытое скальное углубление, заполненное культурным слоем.

2. Раскоп в секторе 4В (2007–2008 гг.) (рис. 1, 2) заложен по факту выступающих крупных камней в восточном борту упомянутой силосной траншеи. Исследованная площадь ок. 180 м, максимальная мощность культурных отложений более 2 м. Открыт участок основной оборонительной стены и примыкающей к ней под углом протейхизмы протяженностью до 11,5 м, ориентированный по линии северо-запад — юго-восток (рис. 3, 1). Толщина основной стены на этом участке достигала 2,2–2,4 м, сохранившаяся высота — более 2 м (рис. 4; 5, 1), техника — двухпанцирная, из мелких и средних камней на обильном глинистом растворе. Толщина протейхизмы, сложенной из крупных хорошо подобранных известняковых камней на глинистом растворе — 2 м, сохранившаяся высота — до 1 м (рис. 5, 2). В периболе был зачищен слой пожара с тремя разбитыми амфорами (рис. 11, 7–9) и россыпью сгоревшего зерна, перекрытый завалом обгоревших сырцовых кирпичей. С юга к стене примыкали более поздние сооружения позднеллинистического времени — квадратная в плане полуземлянка и каменные кладки наземных построек.

3. Раскоп в секторе 4С (2006–2008 гг.) (рис. 1, 3). Работы здесь были начаты на месте спуска, проделанного бульдозером в конце 1970-х гг. В западном его борту были выявлены выступающие камни частично разрушенной оборонительной стены и башни. Исследованная площадь на этом участке составила 225 кв. м, мощность культурных отложений превышала 2 м. В результате рас-

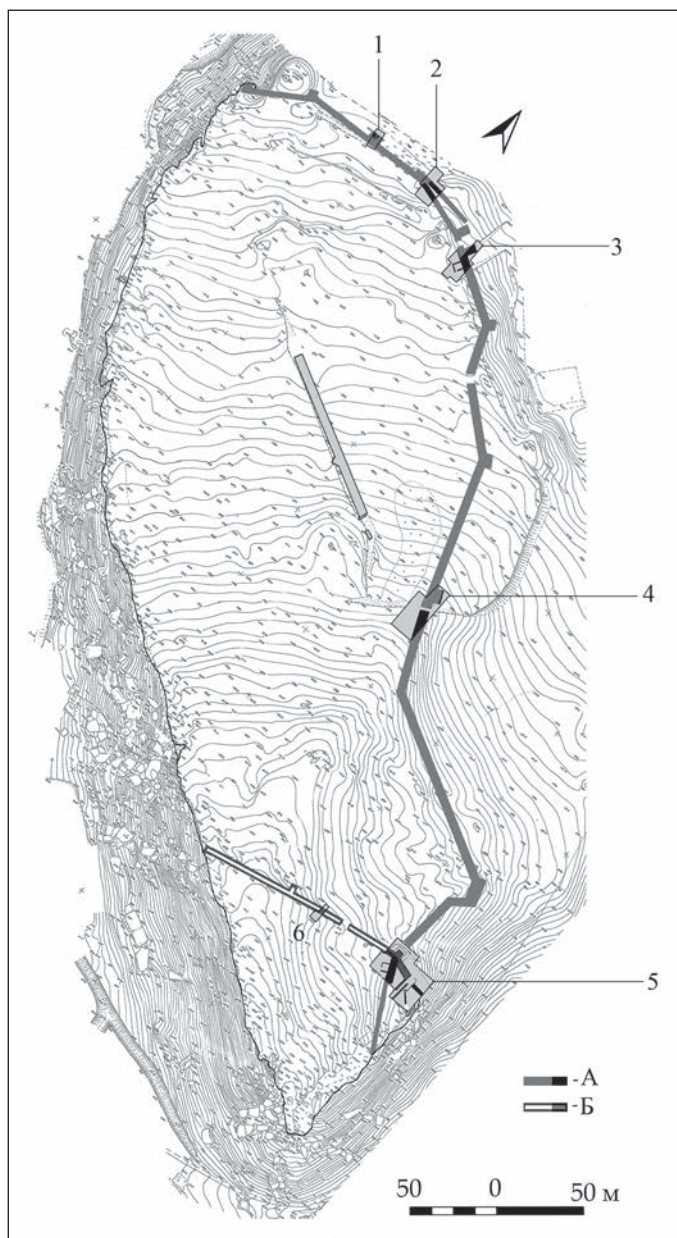

Рис. 1 Топографический план городища Ак-Кая/Вишенное с обозначением раскопов и реконструированных контуров оборонительных сооружений. Инструментальная съемка В.В. Семенова 2001 г, масштаб оригинала 1:500.

1,2 – раскопы в секторе 4 В, 3 – раскоп в секторе 4 С, 4 – раскоп в секторе 6Д, 5,6 – раскопы в секторе 8Е.

А – оборонительные стены эллинистического времени,

Б – оборонительные стены римского времени и периода ранне-го средневековья

копок был открыт отрезок оборонительной стены протяженностью 16 м, ориентированный по линии северо-запад — юго-восток (рис. 3, 2). Прослежено три периода в ее строительной истории: 1-й (первоначальная стена) — ширина в основании ок. 2,2 м, сохранившаяся высота внутреннего панциря до 1,8 м; 2-й — (дополнительный пояс, пристроенный с напольной стороны) — ширина ок. 2,3 м, сохранившаяся высота до 1,8 м; 3-й — башенный выступ, первоначально достигавший размеров 7 × 4,2 м, а затем с севера усиленный дополнительным поясом толщиной 1 м. Сохранившаяся высота башенного выступа — ок. 1,8 м (рис. 3, 2, в; 6), техника его возведения: однопанцирная кладка из необработанных известняковых камней на глинистом растворе со сплошной забутовкой (рис. 6).

С юго-западной стороны к оборонительной стене примыкало прямоугольное в плане сооружение размером 6 × 7 м, впущенное в более ранний культурный слой на глубину не менее чем 0,5 м и ограниченное по краям однопанцирной кладкой из крупных камней на глинистом растворе. В южном ее углу имеется проем-разрыв шириной 0,7 м, вся внутренняя поверхность помещения покрыта толстым слоем чистой и хорошо утрамбованной глины.

4. Раскоп в секторе 6D (2001, 2005, 2007–2009 гг.) (рис. 1, 4; 3, 3). Первоначально здесь, на месте выступающих из обреза грунта крупных камней, была сделана зачистка, выявившая выразительный культурный слой и каменную кладку, которая на следующем этапе работ (2005 г.) была интерпретирована в качестве оборонительной стены.

Общая площадь раскопа — 425 кв. м, из которых ок. 100 кв. м. в северной его части приходится на участок, снесенный до скалы в 1970-е гг. Мощность культурного слоя колеблется здесь в пределах 0,3–1,8 м, увеличиваясь в направлении стены. При этом верхние 0,5 м повреждены плантажной вспашкой. На исследованной площади открыт участок оборонительной стены протяженностью ок. 16 м, ориентированный по линии северо-запад — юго-восток с отклонением к северу. Состояние ее значительно хуже, чем в северной части городища: сохранность достигает максимальной высоты 1 м, а некоторые участки выбраны на камень полностью.

Строительная история сооружения в целом аналогична ситуации на раскопе сектора 4С. 1-й период — первоначальная стена, ширина которой в основании ок. 2,1 м (рис. 3, 3, а); 2-й период — дополнительный пояс, пристроенный с напольной стороны, шириной ок. 2,2–2,3 м (рис. 3, 3, б).

Сохранившаяся часть первоначальной стены ограничена торцом в виде поперечного панциря из поставленных на ребро известняковых камней. Это обстоятельство в сочетании с обнаруженной здесь на скале линзой пожарного слоя, заходящей за линию внутреннего панциря, позволяет реконструировать на этом месте калитку шириной до 1,5–2 м.

В северной части раскопа благодаря ступенчатому понижению скалы сохранилось большая часть основания башни, реконструируемые размеры которой составляют 12 × 7 м. Принадлежность ее ко 2-му или к 3-му строительному периоду однозначно не определяется, однако некоторые признаки и наблюдения позволяют отдать предпочтение первому варианту.

5. 1-й раскоп в секторе 8E (2008 г.) (рис. 1, б) площадью 40 кв. м. был заложен для проверки результатов магнитометрической разведки¹⁰. При их расшифровке на этом участке читалась четкая аномалия, ориентированная с запада на восток и визуально сопоставимая с валообразным всхолмлением, из которого выступали крупные камни, сдвинутые плантажной вспашкой.

В результате раскопок было установлено, что нижние блоки лицевой кладки оборонительной стены раннесредневекового времени были установлены на ряд уложенных плашмя крупных необработанных камней, которые в свою очередь подстилал более ранний слой плотного золистого суглинка. На основании ситуации во 2-м раскопе сектора 8E (см. ниже) можно сделать вывод, что здесь был открыт внешний панцирь оборонительной стены 4-го периода.

6. 2-й раскоп в секторе 8E (2009, 2012–2014 гг.) расположен в юго-восточной части плато, у места перехода восточных скальных обрывов в крутой задернованный склон (рис. 1, 5; 2). Первоначально здесь был заложен шурф для выяснения характера трех выступающих крупных камней (как потом выяснилось — часть северной стены башни 4-го строительного периода). В итоге общая исследованная площадь на этом участке достигла ок. 900 кв. м, а в ее границах был выявлен сложный узел разновременных фортификационных объектов, наложенных друг на друга (рис. 7; 8).

¹⁰ Проведена в 2008 г. С.Л. Смекаловым.

Специфика этого участка во многом определяется особенностью микрорельефа: относительно плоская в западной части раскопа скальная поверхность в восточном направлении довольно резко понижается уступами и наклонными площадками. В нижней части раскопа довольно крутой наклон скалы также усложнен несколькими монолитными выступами, образующими подобие массивной природной стенки. Значительный перепад высот в пределах раскопа также определил и колебания мощности культурного слоя от 1 м (западная часть) до 2,9 м (северо-восточная часть).

Первоначальная стена (рис. 8, а) на этом участке открыта в юго-западной части раскопа на протяжении ок. 15 м и ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Толщина ее основания составляет ок. 2,1 м, максимальная сохранившаяся высота — ок. 1,6 м. С северо-западной стороны кладка заканчивается четким торцом, в основании которого использован камень необычно больших размеров (рис. 10, 2).

Второй строительный период (как и на других участках) (рис. 8, б) представлен дополнительным поясом толщиной 2,3–2,8 м при максимально сохранившейся высоте ок. 1,5 м. В юго-восточной части, непосредственно у южного борта раскопа, этот пояс заканчивается четким торцом, с востока примыкающем к скальному выступу. На основании стратиграфических наблюдений с этим периодом также можно синхронизировать двухпанцирную кладку шириной 0,9 м, с запада пристроенную к торцу первоначальной стены (рис. 10, 2). Такая ситуация с объектами 1-го и 2-го строительного периодов на этом участке дополняется наличием к северу от них двух выразительных параллельных углублений, пересекающих скальный уступ в направлении запад — восток.

Все эти признаки могут свидетельствовать о наличии здесь древнейшего воротного проема с колеями для колес повозок (рис. 9, 1). Хорошая сохранность южной его части объясняется включением ее в массив более поздних оборонительных сооружений, а полное отсутствие западной — очевидной необходимостью наличия свободного пространства перед ними (см. ниже).

Ко второму строительному периоду также относится пристроенное изнутри и впущенное в более ранний культурный слой до скалы помещение размером 7 x 3,5 м с толстым глинобитным полом и однолицевыми кладками из крупных и средних камней на глинистом растворе. У южного угла этого сооружения зафиксирован проем шириной ок. 1 м.

Следующий, 3-й строительный период отмечен вспомогательными сооружениями на скальном склоне к востоку от основной стены. Здесь на разных уровнях были возведены несколько стен и заграждений (рис. 8, в), наличие которых в сочетании с естественным скальным выступом не позволяло противнику приблизиться к основной стене (рис. 9, 1).

4-й период был ознаменован значительной перепланировкой фортификационных сооружений участка и возведением новых объектов. Использование при этом юго-восточного отрезка предыдущей стены (рис. 9, 2) весьма вероятно, однако не подтверждено стратиграфическими наблюдениями.

Достоверными объектами этой фазы являются (рис. 8, г):

- Западный отрезок стены шириной 4 м (поглотивший южный откос раннего воротного проема). Ориентирован по линии запад-восток, северный панцирь поставлен практически на скалу, сохранился на высоту ок. 1 м; южный сохранился на высоту одного ряда, был возведен на более раннем плотном слое однородного золистого суглинка и перекрыт стеной раннесредневекового времени.

- Башня размером 3 x 4 м, с севера пристроенная к этой стене. Все три лицевые кладки сложены из средних и крупных известняковых камней, по-видимому, на грязевом растворе. Максимальная сохранившаяся высота башни — 1,8 м. «Тело» сооружения оказалось заполнено рыхлой каменной забутовкой вперемешку с мягким слоем однородного золистого гумуса.

- Стена-крепида, в плане имеющая форму дуги, была пристроена с востока к ранней оборонительной стене и направлена вниз по склону. В значительной степени этот объект оказался перекрыт оборонительной стеной раннесредневекового времени, поэтому был открыт отдельными участками. Его выразительным признаком является наличие только одного (северного) лица, сложенного из крупных известняковых камней на грязевом (?) растворе и сохранившееся на высоту до 2-х м (рис. 10, 1). Насколько удалось установить, этот фундаментальный панцирь с севера ограничивал мощный каменный завал, образовавшийся в результате деформации и последующего разрушения стены первых двух строительных периодов.

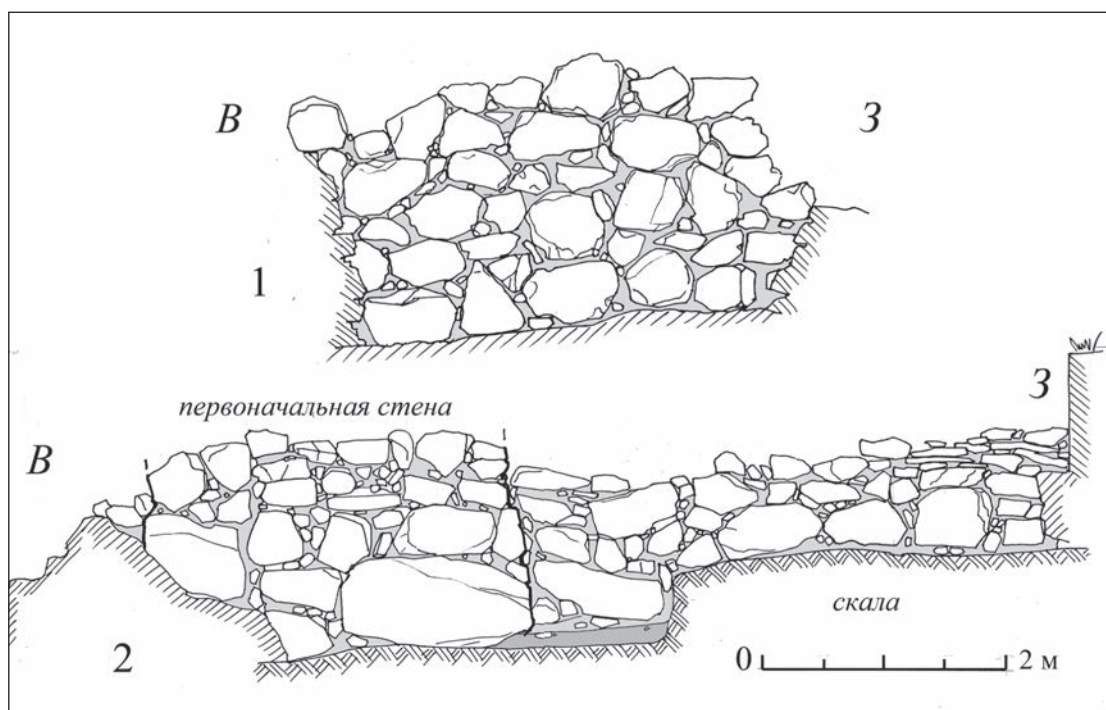

Рис. 10. Раскоп в секторе 8Е: 1 – Фасировка участка стены 4-го строительного периода, 2 – фасировка южного откоса воротного проема 1-го и 2-го строительных периодов

В восточной части этой стены под средневековыми кладками хорошо сохранился западный торец калитки, к которой с юга были пристроены две длинные параллельные кладки, образывавшие коридор протяженностью не менее 15 м и шириной от 1,5 до 2, 5 м.

– Крепида-терраса, открытая в северо-восточной части раскопа и ориентированная по линии северо-запад — юго-восток. Ее прослеженная длина составляет примерно 25 м, ширина однолицевой кладки, сложенной из средних и крупных камней на грязевом растворе, варьирует от 1 до 2 м. Основная функция данного сооружения — стабилизация грунтовой террасы, устроенной параллельно основной линии обороны ниже по склону.

5-й строительный период (рис. 8, д) относится к раннесредневековой эпохе, анализ объектов которой не входит в задачи данной работы.

Периодизация и хронология

Эллинистический период¹¹. Первоначальная крепость достигала площади ок. 10 га. Ее оборонительные сооружения в плане представляли собой ломаную линию общей протяженностью ок. 670 м, совмещенную со скальными обрывами в единый замкнутый контур (рис. 1, 1). Из них в результате строительной деятельности 1970-х гг. было полностью снесено ок. 130 м северной и ок. 50 м западной линий.

Предположительно (на основании изучения результатов аэрофотосъемки), в крепостной стене имелось трое ворот (южные, восточные и северные) и несколько калиток, одна из которых открыта в раскопе сектора 6Д.

Возникновения крепости относится к концу IV в. до н.э., а первая катастрофа, сопровождавшаяся пожаром (№ 1), случилась на начальном этапе ее существования — в 70-е гг. III в. до н.э.

¹¹ Диагностирующие находки эллинистического периода: целые формы и фрагменты амфор производства Херсонеса, Синоп, Родоса и других центров (среди которых около 150 ручек с клеймами), различных сосудов с лаковым покрытием, бронзовые монеты.

В подтверждение таких датировок можно привести находки херсонесских (рис. 11, 3¹², 4¹³) и синопских (рис. 11, 2¹⁴, 6¹⁵) клейм, а также комплекс из трех амфор (синопской, неопределенного средиземноморского центра и херсонесской¹⁶), происходящий из линзы пожара в периболе (сектор 4В) (рис. 11, 7–9). На ручке синопской амфоры было отсиснуто четко читаемое астиномное клеймо Θηρικλῆς Απολλωνίου¹⁷ (рис. 11, 7a).

Другой выразительный комплекс этого времени был обнаружен на поверхности скалы у откоса калитки в раскопе сектора 6D. Здесь в слое обугленного зерна были найдены две разбитые амфоры (рис. 11, 11¹⁸, 12¹⁹) и лепная курильница с вертикальными ребрами (рис. 11, 10).

Слой пожара затем был перекрыт мусорными отложениями небольшой мощности. На их поверхности зафиксирован горизонт глиняно-камышовых (турлучных) сооружений, которые ок. середины III в. до н.э. дважды гибли в пожарах (№№ 2 и 3). Приблизительно в это же время было предпринято двукратное утолщение оборонительной стены, пристройка к ней фундаментальных хранилищ с глинобитными полами (секторы 4С и 8Е), усложнение конструкций ворот (сектор 8Е) и, вероятно, возведение новых башен (Сектор 6D).

Некоторые данные, свидетельствующие в пользу предложенной датировки: синопские клейма с именем астиномов Ζῆνις Απολλοδώρου²⁰ (сектор 8Е, под подошвой пояса 2-го периода) (рис. 11, 5) и Μητροδώρος Αρισταγόρου²¹ (сектор 8Е, слой пожара 2/3 у юго-западной стены хозяйственного помещения с глинобитным полом) (рис. 11, 1a).

Третий период на основании многих данных может быть датирован концом III — первой четвертью II в. до н.э. Он, в частности, характеризуется созданием сложной системы передовых укреплений на юго-восточном фланге (сектор 8Е), укреплением откосов калитки в секторе 6D, возведением башенного выступа на северном фланге, в районе предполагаемых северных ворот (сектор 4С).

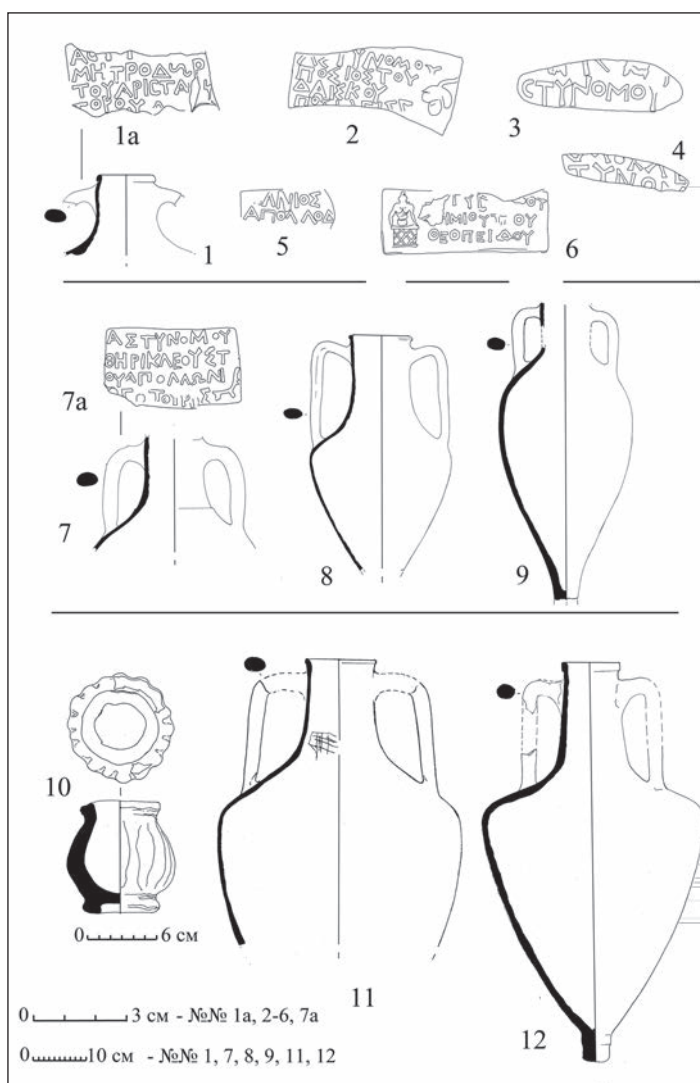

Рис. 11. Некоторые диагностирующие находки из раскопок городища Ак-Кая/Вишенное

¹² Астином Συρίκος, сектор 6D, на поверхности скалы у внутреннего панциря оборонительной стены. Первая хронологическая группа, подгруппа Б по: Кац 2007, 442.

¹³ Астином Δαμοκλῆς, сектор 4В, на поверхности скалы в промоине водостока. Первая хронологическая группа, подгруппа Б по: Кац 2007, 442.

¹⁴ Астином Πόσις Δαίσκου, сектор 6D, на поверхности скалы у внутреннего панциря оборонительной стены. 277 г. до н.э. по: Fedoseev 1999, 42.

¹⁵ Астином Φῆμιος Θεοπέιθου, сектор 4В, в верхней части заполнения промоины водостока. 217 г. до н.э. по: Fedoseev 1999, 43.

¹⁶ Тип 1в, конец IV — первая половина III в. до н.э. по: Монахов 1989, 57–58, табл. XIII, 57.

¹⁷ 275 г. до н.э. по: Fedoseev 1999, 42.

¹⁸ Неустановленный средиземноморский центр.

¹⁹ Родос с неклеяемыми ручками, вариант Корони (I-B) по: Монахов 2003, 115–116, табл. 79, 6.

²⁰ 248 г. до н.э. по: Fedoseev 1999, 43.

²¹ 256 г. до н.э. по: Fedoseev 1999, 43.

Таким образом, время активного строительства и полноценного функционирования фортификационных сооружений первой крепости относится к концу IV — первой половине II в. до н.э. После середины II и особенно в I в. до н.э. оборонительные сооружения городища Ак-Кая/Вишенное постепенно приходят в упадок²². Это выразилось в расползании внутреннего и внешнего панцирей стены, быстром накоплении вдоль них завалов крупных и средних камней, «зарастании» территории крепости слоем золистого гумуса, пристройкой непосредственно к оборонительным сооружениям землянок и хозяйственных ям.

Римский период. Вторая по хронологии крепость располагалась в южной части плато и достигала площади 1,1 га (рис. 1, 2).

Она занимала треугольный скальный мыс с отвесными западными и восточными обрывами. От обрыва до обрыва здесь была возведена оборонительная стена длиной ок. 150 м, в плане представляющая собой практически прямую линию (рис. 1, Б).

На восточном ее фланге открыты одна башня и калитка с пристроенным коридором (сектор 8Е). Период функционирования второй крепости охватывает время от рубежа эр до второй четверти — середины III в. н.э.²³; совершенно очевидно, что эта «малая» крепость возникла после длительного периода запустения оборонительных сооружений «большой».

В стратиграфической колонке второй крепости четко зафиксировано два пожара — около середины I и первой половины III в. н.э., после которого жизнь здесь прекратилась на несколько столетий.

Вопросы реконструкции и интерпретации оборонительных сооружений

Судя по параметрам нижней части и наклонам внешнего и внутреннего панцирей, максимальная высота каменной части первоначальной оборонительной достигала приблизительно 4-х метров. Судя по завалам обгоревших сырцовых кирпичей в периболе (сектор 4В) и на некоторых других участках, верхняя часть сооружения имела сырцовую надстройку. Очевидно, что ее устройство предполагало наличие зубцов достаточной толщины и высоты, вместе с которыми сооружение должно было достигать высоты 7–8 м. Очевидный (исходя из сравнительно малой ширины основания стены) дефицит пространства для нормального размещения защитников крепости позволяет предложить вариант реконструкции с навесной деревянной галереей, которая могла быть крытой (рис. 13, 1). Наличие такой навесной галереи могло бы объяснить сильную обожженность нижних камней внутреннего панциря и прилегающих участков скалы, что зафиксировано практически на всех раскопах. Полное отсутствие каких-либо признаков наземных сооружений в этих местах (столбовых ямок, каменных конструкций, глинобитных полов и т. п.) позволяет предположить, что охваченные огнем органические материалы (дерево, камыш) обрушились сверху во время или после штурма крепости.

Примечательно, что масштабная реконструкция оборонительных сооружений около середины III в. до н.э. также оказывается хронологически близка двум пожарным катастрофам (№№ 2 и 3), случившимся с незначительным интервалом.

Более чем двукратное утолщение каменного основания (в среднем до 4,5 м) должно было преследовать цель увеличения высоты каменного цоколя и сырцовой надстройки. Общая высота сооружения теперь могла достигать десятиметровой высоты. Однако главными преимуществами обновленных оборонительных стен теперь становились широкая и высокая галерея для защитников и отказ от навесных деревянных конструкций (рис. 12, 2).

Изменения и достройки 3-го строительного периода, вероятно, носили локальный характер и в целом не изменили общий облик оборонительной стены.

²² Зайцев 2014, 98–100.

²³ Диагностирующие находки: фрагменты и целые формы широкогорлых светлоглиняных амфор южнопонтийского производства с двустольными ручками типа С1А и узкогорлых типа А, красноглиняных амфор типа Зеест 84, характерных краснолаковых сосудов.

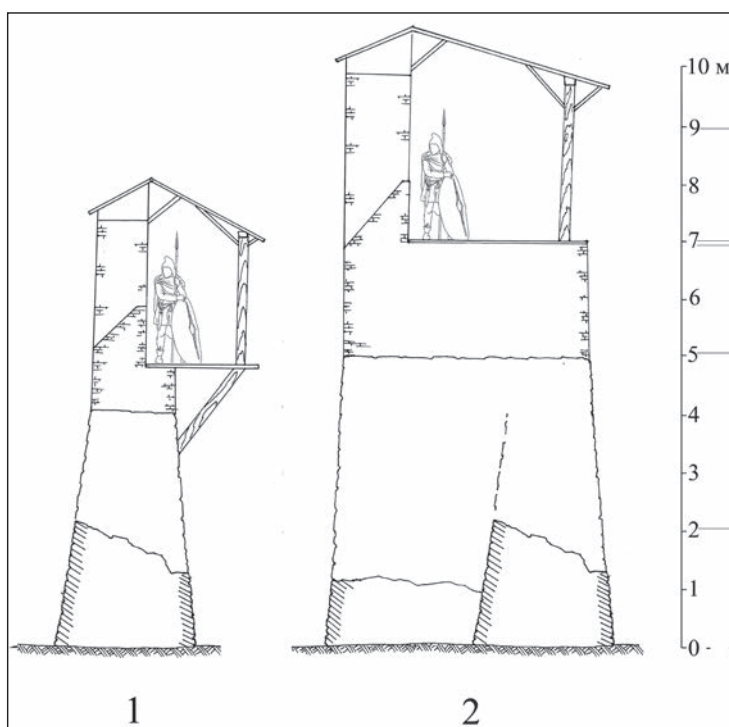

Рис. 12. Вариант реконструкции оборонительной стены городища Ак-Кая/Вишенное первого (1) и второго (2) строительных периодов

Целый ряд черт (использование бутового камня, применение слабых строительных растворов, специфический способ усиления стен путем пристройки дополнительных поясов, наличие пристроенных к стенам башен, имевших сплошную забутовку) позволяет считать крепость (городище) Ак-Кая типично позднескифским памятником, выразительным примером греко-варварской фортификационной школы Крымской Скифии²⁴.

С другой стороны, для причерноморских варваров были характерны плавные дуговидные трассы стен, оправданные при наиболее примитивном фронтальном способе обороны²⁵.

Очевидно, что планировка крепости Ак-Кая демонстрирует совершенно другие тенденции:

- Ломанная трасса стен с преобладанием тупых углов, что делает максимально эффективными возможности флангового обстрела.

- Наличие протейхизмы на северном, наиболее пологом и, следовательно, самом уязвимом для осадных орудий участке крепости.

- Изначальное устройство продуманной системы водостоков и сбора осадков, увязанной с оборонительными сооружениями (сектора 4В и 8Е).

- Детали устройства южных ворот (сектор 8Е): устройство проема в вершине тупого угла (хороший фланговый обстрел), подведение единственной дороги (колеи) вдоль оборонительной стены таким образом, что нападавший был вынужден двигаться, повернувшись к стене незащищенной правой стороной, блокирование склона перед основной стеной системой вспомогательных заграждений и террас (рис. 9, 1).

Все это говорит о том, что проектированием первой («большой») крепости Ак-Кая и ее разбивкой на местности занимались греческие инженеры-фортификаторы высокой квалификации, обладавшие передовыми знаниями.

В этой связи логично предположить, что феномен крепости Ак-Кая как раз и представляет пример (или источник) зарождения той самой «греко-варварской фортификационной школы», о которой упоминал С.Г. Колтухов.

²⁴ Колтухов 1999, 99. Однако не надо забывать, что все эти признаки были сформулированы для значительно более позднего периода — не ранее конца III, а скорее даже первой четверти II в. до н.э.

²⁵ Колтухов 1999, 85.

Совокупность всех данных, известных на сегодняшний день, позволяет считать городище Ак-Кая/Вишенное ключевой, вероятно столичной крепостью варварских территорий Крыма (а возможно и всего Северного Причерноморья) в III — первой половине II в. до н.э. Стратиграфическая колонка этого памятника показывает активное его участие в событиях этого промежутка времени (пожары 270-х и 250–240-х гг. до н.э.), однако для уверенных исторических реконструкций данных накоплено пока недостаточно.

Можно только предполагать большую роль этой крепости в междоусобной войне сыновей Перисада I в качестве ставки скифского царя Агара, куда бежал Перисад, сын Сатира²⁶, или же допускать отождествление данного памятника с известной крепостью Фат²⁷.

Также весьма вероятно заинтересованность некоего античного центра в формировании «центра варварской силы» у западных границ Боспорского царства, которым мог быть Херсонес Таврический, различными способами стимулировавший создание и функционирование мощной крепости в центральном Крыму.

Постепенная же утрата оборонительных функций крепости Ак-Кая с первой половины II в. до н.э. совпадает по времени с возникновением другого важнейшего позднескифского памятника — Неаполя Скифского, к которому, очевидно, и перешли функции столичного центра²⁸.

Небольшая по размерам, но также хорошо защищенная крепость, возникшая на этом месте в римское время, демонстрирует сохранение важности этого района в системе позднескифских территорий и коммуникаций, организованных в широтном направлении.

Литература

- Белый А.В. 1998: Фрагмент сосуда с изображением лошадей из поселения у с. Вишенное // Культура народов Причерноморья. 3. Симферополь, 11–13.
- Дашевская О.Д. 1991: Поздние скифы в Крыму (Свод археологических источников. Д 1 — 7). М.
- Зайцев Ю.П. 2013: Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III — I вв. до н.э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции / М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, Н.К. Жижина, С.В. Кашаев, Н.А. Павличенко, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский (ред.). СПб., 499–506.
- Зайцев Ю.П. 2014: Фортификация крепости Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / С.И. Лукьяшко (ред.). Ростов-на-Дону, 98–100.
- Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г., Шкрибляк И.И. 2013: Раскопки городища Ак-Кая // Археологічні дослідження в Україні. 2012 р. Київ. 41–44.
- Кац В.И. 2007: Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ. XVIII). Симферополь — Керчь.
- Колтухов С.Г. 1991: Пізньоскіфські поселення східної частини Передгірського Криму (матеріали до археологічної карти Кримської Скіфії) // Археологія. Київ. 4, 76 — 89.
- Колтухов С.Г. 1999: Укрепления Крымской Скифии. Симферополь.
- Маркевич А.И. 1928: К столетию исследования на городище Неаполя у Симферополя (1827–1927) // ИТОИАЭ. 3, 4–14.
- Монахов С.Ю. 1989: Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Опыт системного анализа. Саратов.
- Монахов С.Ю. 2003: Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов.
- Соломоник Э.И. 1952: О скифском государстве и его взаимоотношениями с греческими городами Северного Причерноморья // Археология и история Боспора / В.Ф. Гайдукевич (ред.). Симферополь, 103–128.

²⁶ Наличие такой ставки вблизи границ Боспорского царства в свое время предполагала Э.И. Соломоник (1952, 114).

²⁷ Локализацию крепости Фат в Крыму, на р. Салгир (притоком которой является р. Биюк-Карасу) предлагал еще В.В. Латышев.

²⁸ Зайцев 2013, 504–505.

- Тункина И.В. 2013: П.И. Кеппен, А.Я. Фабр и Ф. Дюбуа де Монпере как первооткрыватели позднескифских городищ Крыма // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова/ А.Н. Коваленко (ред.). Ростов–на–Дону, 324–340.
- Шульц П.Н. Отчет о работах Белогорского отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМК ССР и ГМИИ за 1947 г. // НА ОАСА. Инв. А. 2/3–78.
- Fedoseev N.F. 1999: Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire / D. Kassab Tezgör (ed.). Aix Provence, 27–35.

FORTIFICATIONS OF THE FORTRESS OF AK-KAYA IN CENTRAL CRIMEA (HELLENISTIC AND ROMAN PERIODS)

Yu.P. Zaitsev

This article presents an analysis of the Hellenistic and Roman fortifications of a settlement (fortress) Ak-Kaya/Vishennoe in central Crimea, to the north of Belogorsk.

This site, located on the right shore of the Biyuk-Karasu river, on a plateau on a natural rock with vertical cliffs, consists of the archaeological remains of three subsequent fortresses. The initial fortress was built in the late 4th century BC with its area reaching about 10 hectares. Sometime in the middle of the 3rd century BC a massive reconstruction of its fortification system took place. The third period of the fortress' existence (late 3rd — first quarter of the 2nd century BC) is characterized by the building of a new system of advanced fortifications on the south-eastern flank and by other improvements. Thus, the fortress was fully operational and was constantly being improved throughout the late 4th — first half of the 2nd century BC. Afterwards, the fortifications of the Ak-Kaya settlement gradually fall into despair.

The Roman fortress (1st — 3rd centuries BC) was located in the southern part of the plateau with an area of about 1.1 hectares.

Based on all the data known to this day, the Ak-Kaya/Vishennoe settlement should be considered the main fortress of the barbarian territories in Crimea (and possibly of all the North Pontic Area) in the 3rd — first half of the 2nd century BC.

The Ak-Kaya fortress was gradually losing its role after the first half of the 2nd century BC; this corresponds with the foundation and eventual flourishing of the Scythian Neapolis, which became the main center of the Crimean barbarians.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ РВЫ ТАНАИСА ВО II–I ВВ. ДО Н.Э.

(См. рис. 1–3, 5–6, 8, 10–11, 14, 20 на вкладке)

Мощные оборонительные рвы являются одной из особых черт городища Танаис. «Оно окружено валом, по внешней стороне которого, с востока, севера и запада тянутся рвы, между тем как южный склон вала переходит в спускающуюся к реке покатость берега», — отмечал П.М. Леонтьев уже в 1854 г.¹ На это обращали внимание многие исследователи. Но, как это ни парадоксально, вплоть до начала 80-х годов XX в. рвы оставались объектами, достаточно слабо изученными и наименее освещенными в публикациях. Пожалуй, первую сколь-нибудь подробную информацию о них можно найти у М.А. Миллера, который в 1940 г. с помощью студентов произвел съемку всех сохранившихся укреплений Танаиса (рис. 19)². Он сообщает следующее: «Городище окружено с западной и северной сторон искусственными рвами, которые и сейчас имеют сверху ширину пять м и на дне — 3,5 м, и глубину от основания вала — шесть м. Восточную стороною городище выходит к оврагу глубиною в десять м. В обрывах оврага обнажаются мощные отложения понтийского известняка, в котором видны глубокие пещеры, идущие частично под акрополь. Пещеры эти никогда не были обследованы, но возможно думать, что они представляют собою каверны, образованные деятельностью подземных вод»³. В последующие 50 лет единственными раскопочными работами, связанными с изучением структуры рвов были исследования 1961–64 гг. в восточной части раскопа VI. В эти годы здесь открывается участок оборонительного рва, ограждавшего Танаис с запада⁴. В результате работ установлено, что ров этот был создан в начале II в. н.э., одновременно с восстановлением оборонительных стен центрального четырехугольника. Верхняя его часть была вырыта в грунте, а нижняя на глубину 3,5–4 м вырублена в скале. Общая глубина его в древности составляла 7–8 м, ширина по дну — 6–6,5 м, ширина по верхнему краю — от 10 до 13 м. Восточный внутренний скат имеет крутизну около 70°, западный — около 50°. По мнению Д.Б. Шелова, ров мог быть заполнен водой и регулярно очищался от наносов⁵. «После того, как Танаис был разрушен в середине III в. н.э., ров был занесен грунтом. Новые обитатели города во второй половине IV в. н.э. не стали утруждать себя его очисткой, а лишь соорудили поверх затекшего слоя грунтовую насыпь, пересекавшую ров с юго-запада на северо-восток. По этой насыпи была проложена мощенная мелким камнем и черепками дорога шириной около 2 м»⁶.

К сожалению, в последующие десятилетия исследования рвов Танаиса больше не велось. Лишь в 1981 г. В.П. Толстиков, используя имеющиеся материалы 60-х гг., вновь возвратился к анализу особенностей и реконструкции этого «интереснейшего образца боспорского военного зодчества» в рамках своей диссертации, посвященной фортификации Боспора⁷. Он отметил, что фортификационные сооружения Танаиса и прежде всего его рвы, общая протяженность которых определялась примерно в 750 м, являются одним из наиболее грандиозных предстенных оборонительных сооружений в фортификации городов Боспора и, вероятно, всего Северного Причерноморья⁸. Кроме того,

¹ Леонтьев 1854, 409.

² Миллер 1958, 44–45.

³ Миллер 1958, 51.

⁴ Шелов 1972, 33–35.

⁵ Шелов 1966, 94; Шелов 1972, 35.

⁶ Шелов 1972, 312–313.

⁷ Толстиков 1981, 120 и сл.

⁸ Толстиков 1981, 145. Эта чрезвычайно важная для нас работа, к сожалению, не была опубликована.

на основании выявленных параметров рва (угла откоса эскарпа) оказалось возможным вычислить размеры городских оборонительных башен, располагавшихся у западных ворот. Их высота, с учетом брустверных стенок, могла достигать не менее 17 м (башня IVб) и 18–19 м (башня IIIб). Реконструируемая на данном участке высота стен II–III вв. н.э. достигала 9–11 м⁹. Всю оборонительную систему и планировку Танаиса первых веков нашей эры, по мнению В.П. Толстикова, следует рассматривать как результат развития местной боспорской архитектурно-планировочной схемы¹⁰.

Приведенными выше работами ограничивался, вплоть до конца XX в., весь перечень исследований о земляных фортификационных сооружениях Танаиса. Можно еще обратиться к описанию М.А. Миллером территории Западного района, мало изученной к моменту его последнего обследования в 1940 г. Он отмечал следующее: «К юго-западному наружному валу городища снаружи примыкает еще какое-то дополнительное небольшое укрепление, которое состояло из вала и рва... Вал плохой сохранности, занят и частично разрушен современными постройками, сохранился на протяжении 192 м. Снаружи вала в некоторых местах можно заметить остатки рва». Правда, далее автор описания отметил, что «укрепление это ни в какой конструктивной связи с укреплениями Танаиса не состоит» и относится к позднейшим сооружениям¹¹. Заплывшие остатки «рва» вдоль вала видны еще на photographиях конца 50-х гг. (рис. 1). Исследования этого вала на раскопе VII в 1957 г. в общем подтвердили выказанное ранее предположение. Было установлено, что он насыпан поверх мусорной свалки I–IV вв. н.э. «Грунт для насыпки брался здесь же, из-за чего вдоль северной кромки вала образовалась широкая впадина, составлявшая как бы ров перед валом»¹². В дальнейшем, после открытия в 1958–1963 гг. оборонительной стены № 2 (раскоп IX), ограничивавшей с севера эллинистический (западный) район города, и остатков западной оборонительной стены этого же района на раскопе XIII (в 1957 г.), тезис о возможном существовании раннего рва вокруг жилых кварталов, прилегавших к цитадели в первые века до нашей эры, был отвергнут окончательно. На северном участке обороны отмечалось «лишь небольшое естественное понижение местности в сторону поля», на западном, по предположению исследователей, оборонительная стена располагалась на ровном месте¹³. Казалось, что подобные сведения позволяют поставить точку в рассуждениях о ранних земляных оборонительных сооружениях города. В какой-то степени это получило отражение и в новейших исследованиях. Так, в диссертации В.М. Иванова (2005 г.), посвященной фортификации городов Северного Причерноморья, отмечается, что «применение рвов в Северном Причерноморье зафиксировано в основном на мелких поселениях хоры, так как крупные города часто основывались на местах с хорошей естественной защитой в виде крутых склонов или больших оврагов (как в Ольвии), выполнявших функции рвов»¹⁴. В качестве примера такой естественной защищенности причерноморских городов обычно приводится описание Диодором Сицилийским царской крепости: «... она стояла у реки Фата, которая обтекала ее и вследствие своей значительной глубины делала неприступной; кроме того, она была окружена высокими утесами и огромным лесом, так что имела всего два искусственных доступа, из которых один, ведущий к самой крепости, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся палисадами...»¹⁵.

Но преждевременность подобного суждения сейчас, на наш взгляд, вполне очевидна. Довольно небольшая полоса площади, открытой раскопками 50-х–60-х гг. XX в. вдоль внешних сторон ранних оборонительных стен Танаиса, в среднем достигавшей ширины около 2 метров, вряд ли может считаться весомым аргументом. Известно, что практика возведения масштабных линий обороны, включающих валы и рвы на значительных, даже вне городских стен открытых пространствах, была достаточно распространена на территории Восточного Крыма¹⁶. Предшествовавшее Танаису по времени Елизаветовское городище, находившееся в дельте Дона, даже несмотря на «весьма выгодное с военной точки зрения местоположение» и наличие естественных рубежей обороны, уже с середины

⁹ Толстиков 1981, 120.

¹⁰ Толстиков 1981, 145.

¹¹ Миллер 1958, 52.

¹² Арсеньева 1969, 98.

¹³ Шелов 1970, 130–131.

¹⁴ Иванов 2005, 246.

¹⁵ Diod. XX. 23. Перевод В.В. Латышева.

¹⁶ См., например, Масленников 2003.

IV в. до н.э. имело две линии искусственных укреплений¹⁷. Считается, что не позднее третьей четверти IV в. до н.э. обе линии обороны были разрушены. Однако уже вскоре Елизаветовское городище обретает новые, не менее мощные сооружения. Здесь вновь появляется ров, заполнявшийся водой из естественных проток Дона, шириной от 8 до 12,5 м и глубиной не менее 3 м, а также два вала по его краям и оборонительные стены толщиной около 3 м, находившиеся на наиболее уязвимых для защиты участках. Подходы к акрополю защищал «сухой» ров, шириной около 4 м, у внешней стороны рва располагался вал, вдоль внутренней стороны рва — двухметровой ширины каменная оборонительная стена с насыпью. Склоны рвов укрепляли каменные подпорные стены¹⁸. Правда, по мнению исследователей, появление столь сложной фортификации Елизаветовского поселения могло быть вовсе не связано с основанием здесь греческой колонии на рубеже IV–III вв. до н.э., а имело более глубокие корни, уходящие к памятниками скифского времени Северного Причерноморья¹⁹.

Учитывая опыт ближайших соседей Танаиса, вполне очевидно полагать, что равнинная местность, в которой он возник в первой четверти III в. до н.э., лишь с его южной стороны могла предоставить более или менее надежную защиту в виде крутого берега реки. Поэтому до недавнего времени оставалось не совсем ясным: почему же при наличии достаточно основательных оборонительных стен и башен, возведение которых относят к первой половине II в. до н.э., необходимость в мощном рве возникла лишь поле разрушений, учиненных царем Полемоном, при возобновлении интенсивного строительства в конце I в. н.э., то есть спустя более трех с половиной веков после основания города. Конечно, это можно объяснить резкой сменой военно-политической обстановки в момент его восстановления, проникновением в Северное Причерноморье новых традиций фортификационного искусства, связанных с римской военно-инженерной школой²⁰ или отсутствием в предшествующие столетия сильного неприятеля с должными навыками в полиоркетике. Но если слабая защищенность Танаиса (или даже полное ее отсутствие) для первых десятилетий его существования пока как-то объясняется относительным спокойствием в его округе²¹, то фиксируемая раскопками фортификационная активность города в первой половине II в. до н.э., связанная, как предполагают, с появлением в нижнедонских степях носителей раннесарматской культуры²², вряд ли ограничилась бы, на наш взгляд, возведением одних лишь оборонительных стен, пусть и достаточно мощных.

Начиная с 1998 г., новые археологические раскопки на ближайших подступах к цитадели внесли значительные коррективы в представления о территории и фортификации Танаиса III–I вв. до н.э., т. н. «дополемоновского» времени. Прежде всего это связано с открытием новых участков древней городской застройки к западу и югу от основного четырехугольника городища²³. Сейчас мы выделяем три одновременно существовавших на коренном берегу района, составлявших Верхний город (рис. 2): основной четырехугольник (цитадель или, как его называли исследователи XIX в., «акрополь»), Западный район и Западный пригород. Можно также предположить наличие аналогичной жилой застройки в нижней, прилегающей к реке части города (Нижний город)²⁴. Археологические данные свидетельствуют о том, что к концу первой четверти — середине II в. до н.э. в Танаисе уже имелась вполне сложившаяся инфраструктура с устойчивой планировкой и оборонительными укреплениями. На трех новых участках, о которых пойдет речь ниже, были выявлены фрагменты ранних фортификационных сооружений: оборонительных стен и, вероятно, одновременных с ними рвов. Все объекты располагались за пределами цитадели и имели неплохую сохранность, так как не входили в зону интенсивного строительства при восстановлении города в первых веках нашей

¹⁷ Марченко, Житников, Копылов 2000, 86–90. Укрепления, как отмечают исследователи, включали: клинообразные в поперечном сечении рвы, шириной 11–14 м и 8 м, прослеженной глубиной до 2,2 м и 2,85 м; валы из материкового выкида по их краям и турлучные ограды.

¹⁸ Марченко, Житников, Копылов 2000, 74–90, табл. 5–9.

¹⁹ Марченко, Житников, Копылов 2000, 88. Тем не менее, описание достаточно близкой по конструкции системы внешней обороны известно из трудов Филона Византийского (Philo. I. 69–73; см: Winter 1971, 273 ff.; Lawrence 1979, 85–86).

²⁰ Буйских 1991, 3.

²¹ Глебов 2007, 65; Глебов 2012, 31.

²² Полин 1992, 68; 117.

²³ Ильяшенко 2007, 23–39.

²⁴ Kozlovskaya, Ilyashenko 2013, 83–94.

эры. Они были перекрыты слоями городской свалки и лишь местами повреждены погребальными конструкциями позднейшего некрополя. Рвы исследовались в комплексе со стенами, прилежавшими к ним городскими улицами и домами. Это чрезвычайно важно, так как известны определенные трудности в установлении первоначальной даты сооружения рвов. Они, как правило, существовали длительное время, подвергались периодическим расширениям и чисткам²⁵. На упомянутом выше Елизаветовском поселении исследователи смогли установить время начала сооружения валов и рвов на основании стратиграфических данных, так как некоторые из них были впущены в предшествующие слои²⁶. Этот метод вполне проецируется на возможность датировки танаисского рва II–III вв. н.э., который частично разрушил участки ранней городской застройки. Однако на участках, о которых пойдет речь ниже, легче определить конечную дату использования рвов по наличию слоя перекрывавшего их мусора первых веков нашей эры или по повреждениям позднейшим рвом, у стен цитадели. Тем не менее, появление рвов на незаселенной территории, вероятно, могло совпадать или предшествовать строительству здесь же первых оборонительных стен, хронологические рамки существования которых более или менее определимы. Понятно, что сооружение земляных укреплений было менее затратным во всех отношениях мероприятием. Кроме того, вынутый при рытье рва камень, как правило, использовался в качестве строительного материала для фасовых слоев стены, а глина и щебень — для моделирования вала под стену или в качестве внутренней забутовки²⁷. Это в свою очередь является «зацепкой» при рассуждениях о возможной начальной дате ранних земляных укреплений вокруг города.

В сферу нашего описания в рамках данной статьи попадают три равноудаленных вновь открытых участка (раскопа), на которых были обнаружены остатки раннего рва вместе с оборонительными стенами (рис. 2). Результаты работ на них, проводившихся Нижне-Донской археологической экспедицией ИА РАН (руководитель Т.М. Арсеньева), уже появлялись в серии разрозненных отчетных публикаций. Однако здесь мы вновь возвращаемся к ним для попытки предварительной реконструкции общего облика внешних земляных фортификационных сооружений города III–I вв. до н.э.

Участок 1 (рис. 2, 1; 3–8). Раскоп XXV. Работы ведутся с 1999 г. силами отряда Варшавского университета (начальник раскопа Т. Шолль)²⁸. К настоящему времени исследованная площадь около 1000 м² (рис. 3; 4). Раскоп ориентирован по сторонам света, с небольшим отклонением на северо-восток. Отрезок оборонительного рва, обнаруженный здесь, проходил по линии С–Ю, ограничивая с запада Западный городской район. Длина выявленного участка — 20 м. Ров вырыт в материковой глине на общую глубину 2,5 м. Придонная часть на глубину до 0,8 м была вырублена в скале (рис. 5; 7). Ров в разрезе имел подтрапцевидную форму²⁹. Угол наклона стороны, обращенной к городу (эскарпа), составлял до 40°, внешний склон (контрэскарп) был более пологий, крутизной в 10–20°. Ширина рва по верхнему контуру 11–12 м. Ширина по дну 3,5 м. На дне рва, вдоль основания эскарпа была выдолблена в скале канава № 1 (по версии автора работ — «канал») с вертикальными стенками шириной 0,8 м и глубиной 0,5 м (рис. 5). В 3 м к востоку от основания эскарпа, на максимальной его высоте, угол наклона существенно менялся, переходя в почти горизонтальную поверхность — берму с наклоном менее 10°. Здесь, по линии С–Ю, располагалась другая канава (№ 2) вырытая в материковой глине (рис. 6). Она была подпрямоугольной в разрезе формы, шириной до 0,6 м и глубиной до 0,8 м. Далее к востоку на расстоянии 0,8 м от нее была обнаружена еще одна канава — № 3, которая также проходила по линии С–Ю. Ширина канавы № 3 — около 0,7 м, глубина — 0,6 м. Уровень дна канавы № 3 был выше на 1,5 м канавы № 2 (рис. 7). На ее дне располагались в линию вдоль западной стенки плоские камни, поставленные вертикально. Заполнение канавы № 3 составлял плотный грунт с мелкими камнями. В ней также обнаружено сравнительно немного вещественного материала: небольшие фрагменты родосских амфор и несколько невыразительных обломков косских сосудов. Канава № 3 прослежена в северной половине раскопа. В южной части (на квадратах 100, 109) ее линию продолжал ряд камней, располагавшийся по оси С–Ю³⁰. К востоку

²⁵ См об этом: Winter 1971, 269 ff.; Lawrence 1979, 279.

²⁶ Марченко, Житников, Копылов 2000, 76; 82.

²⁷ Lawrence 1979, 279; Буйских 1991, 103–105, рис. 38.

²⁸ Шолль 2008, 308–309; Scholl 2013, 320, pl. 1–3; Naumenko, Scholl 2014, 189, fig. 4, 11.

²⁹ Здесь и далее при воссоздании вероятных профилей рвов необходимо принимать во внимание значительное изменение их рельефа в результате длительного воздействия сточных вод и ветров.

³⁰ Naumenko, Scholl 2014, 199, fig. 11.

отклонялась к СЗ и ЮВ так, что угол между двумя куртинами составлял около 150°³¹. Пространство склона между канавой № 3 и куртинами было покрыто поверх материковой глины клиновидным в сечении слоем плотно утрамбованной скальной крошки (мергеля) и глины, вероятно, составлявшим горизонтальную платформу. Сохранившаяся толщина этой платформы у стен достигала 0,1 м, а толщина на склоне — 0,5 м (рис. 8). Вдоль внутренней стороны оборонительных стен, вплотную к ним проходила улица “b”, мощеная мелким камнем и дробленой керамикой. Вымостка была положена поверх материковой глины и лессовой подсыпки. Ширина улицы достигала 1,4 м. Напротив ворот находились остатки каменно-деревянной конструкции — моста, от которого сохранилась каменная опора, пересекавшая ров по линии запад-восток. В средней части длины моста почти по центру дна рва проходила водосточная канава (рис. 3; 5)³². На внешнем (западном) краю рва, в районе въезда на мост, находилась полоса вымостки, шириной 2,2–3 м, верхний горизонт которой состоял из плоских каменных плит. Плиты были положены на слой мелкого камня, скальной крошки и глины. С запада эту вымостку ограничивал каменный бордюр. Время существования указанных сооружений определялось в рамках II–I вв. до н.э. По мнению Т. Шолля, канавы № 2, канава № 3 и платформа из скальной крошки на внутреннем склоне рва изначально были сооружены под фундамент оборонительных стен ранних этапов строительства³³. В дальнейшем, как считает автор исследования, «во время царствования Митридата Евпатора» оборонительные сооружения были в значительной степени перестроены, сползающие в ров ранние стены частично разобраны, а к востоку от них возведены новые куртины I и II³⁴. Однако, на наш взгляд, при сравнении методов строительства и характера напластований этого района с другими известными участками ранних фортификационных конструкций можно говорить о практически единовременном сооружении рва с канавами №№ 1–3, мергелевой площадки и бруствера (вала), куртин I и II, а также улицы “b”³⁵. Судя по обнаруженным в основании улицы ручкам родосских амфор с клеймами, это могло произойти в начале — первой половине II в. до н.э.

Участок 2 (рис. 2, 2; 9–12). Раскоп VI. Работы осуществлялись в 2008–2012 гг. в рамках проектов, поддержанных РГНФ³⁶, силами отряда ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”» (начальник раскопа С.А. Науменко). Исследования проводились в непосредственной близости от внешней (западной) стороны западных ворот и башен цитадели, а также на склонах (восточном и западном) оборонительного рва II–III вв. н.э. Данное место оказалось чрезвычайно важным для исследования топографии ранней фортификации. Здесь соприкасались два городских района, разделенных оборонительной стеной: цитадель (восточный) и западный. В ходе первых этапов работ были открыты новые фрагменты ранних оборонительных стен и автономные входы в эти районы³⁷. В 2010–2012 гг. в западном и восточном склонах рва римского времени были обнаружены сохранившиеся участки рва II–I вв. до н.э. (рис. 9)³⁸, в результате чего стало возможным определить его присутствие к северу от северной оборонительной стены Западного района. В разные годы она получила несколько индексов: стена № 2 на раскопе IX (о ней говорилось выше), стена № 14 и стена № 14а на раскопе VI. В 11 м к западу от северо-западного угла эллинистической башни 3 были выявлены поворот этого рва на север и фрагмент его продолжения вдоль северо-западной половины городской цитадели. Последнее явилось подтверждением высказанного ранее предположения о возможном существовании единой системы рвов, окружавших цитадель и Западный район³⁹. К сожалению, ранний ров в этих местах был в значительной степени разрушен позднейшей фортификацией. Наиболее сохранившиеся участки находились на следующих квадратах: №№ 88–92 (на западном склоне рва римского времени), где выявлена оборонительная стена № 14а и полный профиль раннего

³¹ Подобное расположение стен (т. н. принцип «косых куртин»), предназначенное для более эффективного взаимного фланкирующего обстрела, известно и на других памятниках Северного Причерноморья (см. об этом: Кутайсов 1990, 60; Иванов 2005, 239–241).

³² Шолль 2007, 49, рис. 4, 5, 7, 8, 11; Scholl 2011, 58–60.

³³ Шолль 2008, 309.

³⁴ Шолль 2007, 52.

³⁵ Одновременность сооружения улицы “b” и куртин отмечается самим автором раскопок (Scholl 2013, 320).

³⁶ РГНФ, проекты №№: 08–01–18038е; 09–01–18021е; 10–01–00517е; 11–01–18072е; 12–01–18078е.

³⁷ Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2010, 315 и сл.

³⁸ Науменко 2014, 84–98.

³⁹ Ильяшенко 2007, 24–25.

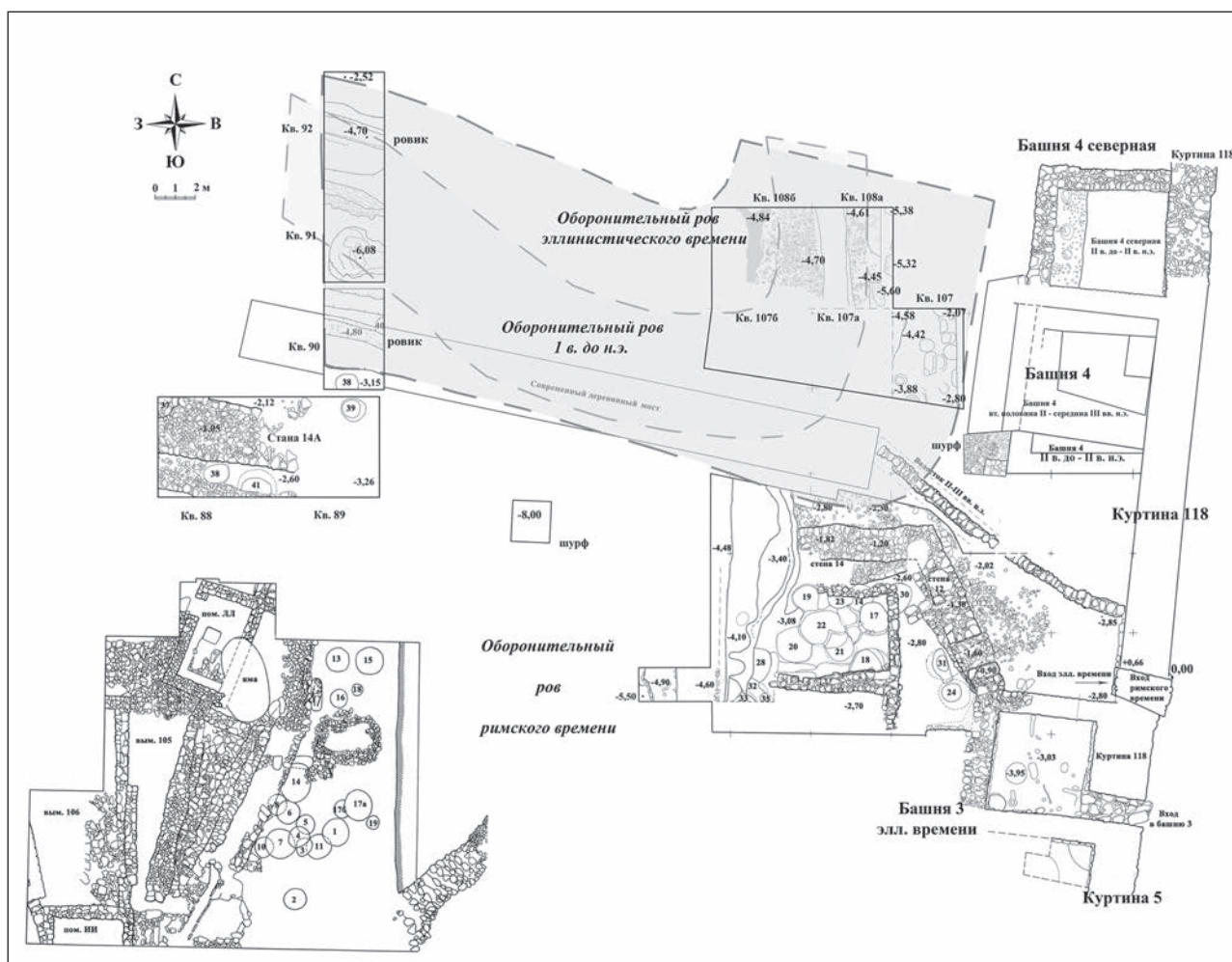

Рис. 9. Участок 2. Раскоп VI. Оборонительный ров II-I вв. до н.э. Общий план

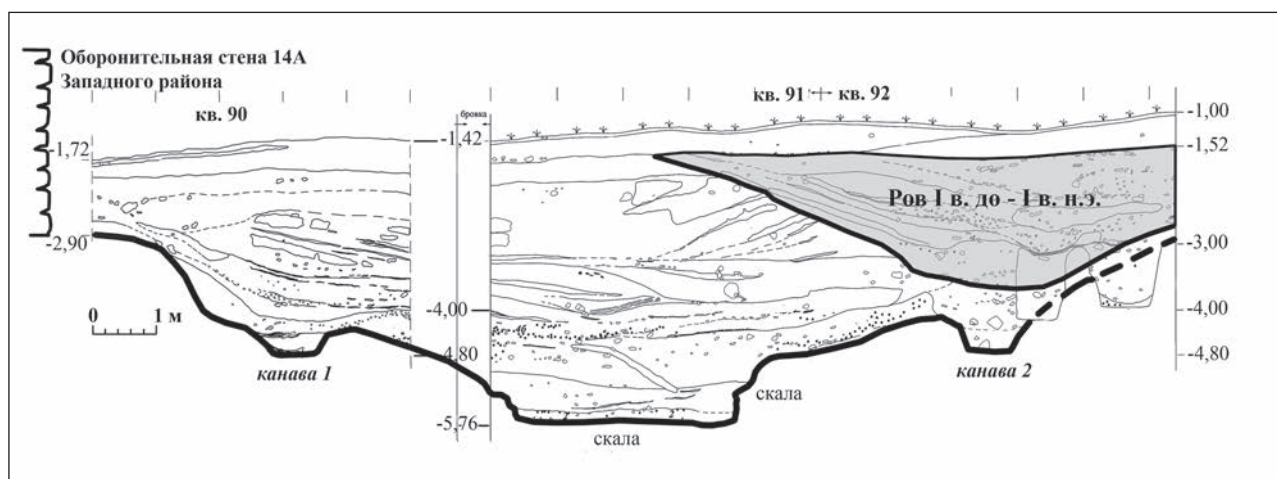

Рис. 12. Участок 1. Разрез рва. Вид с востока

рва к северу от нее, проходившего по линии запад-восток; № 110а (на восточном склоне рва первых веков нашей эры), где открыто продолжение в сторону цитадели северной оборонительной стены № 14, подсыпка и вымостка перед ее наружной частью, а также место поворота раннего рва на север; №№ 107, 108а (восточный склон рва первых веков нашей эры), на которых был обнаружен участок эскарпа раннего рва к западу от цитадели, проходившего по линии север-юг.

Обобщая данные на нескольких разрозненных квадратах раскопа VI, можно восстановить облик рва в этом районе. Выявленная ширина рва — до 13–14 м, глубина от уровня подошвы стены 14а — до 3,0 м (рис. 9; 10; 12). Ров вырыт в материковой глине, нижняя часть на глубину 1–1,3 м выбита в слое мергеля и скале. Ров имел подтрапециевидную в сечении форму с приблизительно равными углами наклона эскарпа и контрэскарпа — 40°. Склоны в скальной придонной части, на глубину до 0,4 м — вертикальные. Длина эскарпа — около 6 м, длина контрэскарпа — 7 м. Дно неровное, скальное, шириной 3,5–4,0 м. В средних частях склонов рва находились продольные канавы (канавы № 1 — в эскарпе, канавы № 2 — в контрэскарпе) шириной от 0,70–0,80 м до 1,0 м и глубиной не более 0,20–0,40 м. На дне канавы № 2 находилась полоса камней, уложенных в два ряда (рис. 10, 2). Переход от края канавы № 1 (в эскарпе), обращенного в сторону оборонительной стены, к новому склону оформлен в виде слегка наклонной площадки (угол наклона до 10°). Далее угол подъема склона в сторону стены составляет около 60°. Внутренний склон начинался на расстоянии не более 2,0–2,5 м от оборонительной стены. Ширина оборонительной стены на данных участках достигала 2,90 м. Она построена на внешнем склоне невысокого бруствера (вала), высотой до 0,7 м; шириной до 2,5 м, состоявшего, как на участке 1, из утрамбованного мергеля и глины, добытых при рытье рва (рис. 11; 15). Камни основания внутреннего фаса стены располагались несколько выше северного. Такая же мергелевая подсыпка покрывала и глинистый склон рва вдоль внешней стороны оборонительной стены. Поверх слоя мергеля находился плотный серый грунт с прослойками золы, на котором из аккуратно уложенных плиточек и щебня была сооружена вымостка. Прослеженная ширина вымостки — 1,20–1,30 м. Ее уровень слегка понижается от стены в сторону рва. Находки здесь крайне малочисленны: несколько обломков родосских амфор; 6 фрагментов лепных горшков; стенки и дно гончарного сосуда; несколько костей животных и рыб. Выше располагалась еще одна вымостка из мелких окатанных камней вперемешку со щебнем (рис. 11, 4). Прослеженная ширина около 1,60 м. Таким образом, вдоль внешней стороны оборонительной стены, как и на участке 1, была сооружена слоистая, клиновидная в сечении платформа, мощность которой увеличивалась до 0,7 м в сторону склона рва (рис. 11, 3, 4). Поверх вала вдоль внутренней стороны стены 14 находилась вымостка из мелких и средних камней, уложенных в один слой. Южный, внутренний край вала был вертикально подрезан и частично обложен камнями (на высоту трех рядов кладки)⁴⁰, наподобие бордюра. Получившаяся в результате банкетка могла представлять собой улицу, протянувшуюся вдоль оборонительной стены. Здесь также, на наш взгляд, есть некоторое сходство в методах строительства с участком 1, о котором говорилось выше⁴¹.

Участок 3 (рис. 2, 3; 13–16). Раскоп XXIII располагался на территории частного владения по улице Ченцова, д. 166 в х. Недвиговка, на расстоянии 298 м к ЮЗ от калитки в западной оборонительной стене цитадели. Работы на раскопе проводились с 1998 г. по 2002 г. силами отряда музея-заповедника (начальник раскопа С.М. Ильяшенко)⁴². Исследованная площадь составляет 810 кв. м.⁴³ Раскоп ориентирован по сторонам света. В ходе раскопок выявлены остатки предположительно пяти усадеб, три улицы и более 60 хозяйственных ям, существовавших здесь с конца III по конец I вв. до н.э. Жилые кварталы ограничивала с севера оборонительная стена № 37, ширина которой в основании достигала 2,8 м (рис. 13, 1; 15). Длина открытого участка — 15 м. Основание стены № 37 было положено поверх лессовой подсыпки. В верхнем горизонте забутовки внутренней части стены обнаружены небольшие фрагменты псевдокосских амфор I в. до н.э. — I в. н.э. Вполне вероятно, что относительно поздний материал попал в кладку в результате ремонта или разрушения конструкции.

⁴⁰ Эта глиняно-каменная конструкция получила в ходе работ наименование «стена № 15».

⁴¹ Улица “b”, проходившая вдоль куртин на раскопе XXV, также лежала поверх мощного слоя плотной глинистой подсыпки. Глинистая трамбованная подсыпка метровой толщины фиксировалась и вдоль внутренней стороны оборонительной стены № 2 на раскопе IX. Этот слой почти совершенно лишен каких-либо вещественных материалов, лишь изредка попадаются мелкие обломки стенок родосских амфор (Шелов 1962, 71; Болтунова 1969, 108).

⁴² Работы велись на средства РГНФ и Круизной компании «Ортодокс».

⁴³ Ильяшенко 2007, 24, рис. 3, 5.

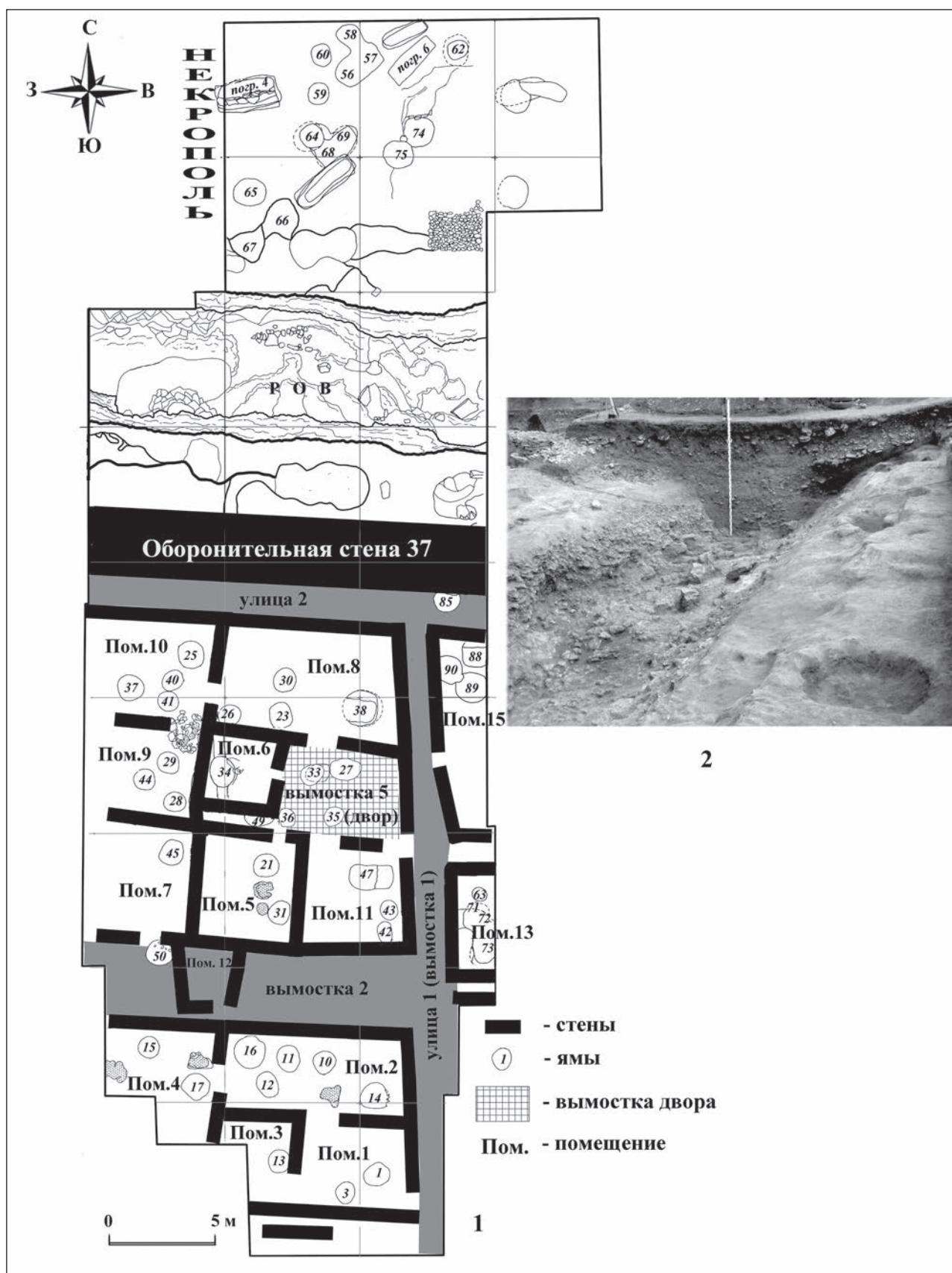

Рис. 13. Участок 3. Раскоп XXIII: 1 — общий план; 2 — вид рва с юго-запада

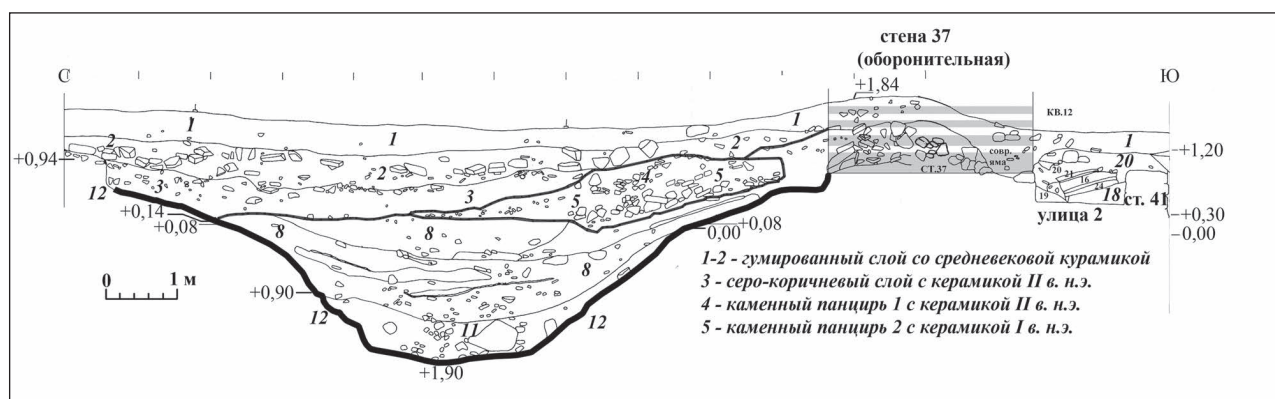

Рис. 15. Участок 3. Ров. Профиль в восточном борту

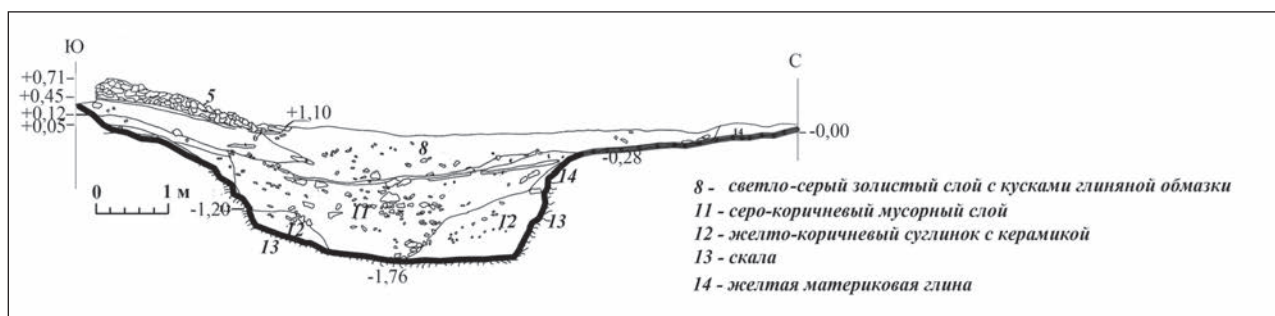

Рис. 16. Участок 3. Ров. Профиль в западном борту

Для датировки возможного времени сооружения оборонительной стены № 37, на наш взгляд, значимым является открытие под камнями ее основания небольшого жертвенника (0,60 м x 1,00 м), составленного из трех параллельных линий плоских камней среднего размера. Внутри контура конструкции находился слой золы, в котором обнаружены чернолаковый двуручный канфар⁴⁴ и фрагменты небольших чернолаковых тарелок. Этот набор посуды, вероятно, может указывать на дату возведения стены в первой четверти II в. до н.э. Между оборонительной стеной № 37 и усадьбами проходила узкая улица 2, шириной до 1,5 м. Здесь же, на расстоянии 1,5–2 м к югу от стены, был открыт ров, проходивший параллельно, по линии 3–В (рис. 13, 2; 14–16). Ров имел в сечении подтрапециевидную форму и был вырыт в материковой глине. Нижняя его половина, на глубину 1,5 м, вырублена в скале. Ширина рва по верхнему контуру — 10–11 м; у дна — 2,60–3,70 м. Глубина рва от основания оборонительной стены — 2,60 м. Крутизна эскарпа и контрэскарпа определялись по вырубке скалы. Они были приблизительно одинаковы с углом наклона в 45–65°. В придонной части склоны почти вертикальны. Глинистая поверхность склонов частично смыта на дно. Наклон бермы близ оборонительной стены составлял около 10°. Длина склонов — 5 м. В средней части внутреннего склона прослежен сильно замытый и поврежденный перекопами уступ. Дно рва неровное, бугристое. В восточной половине на дне рва вдоль основания эскарпа находились крупные камни, располагавшиеся в линию (рис. 14). Найденные в затеках материковой глины в придонной части рва фрагменты ручек родосских амфор с именами фабрикантов Эпигона I и Менекрата I относятся ко II хронологической группе⁴⁵. Они, по всей видимости, могут свидетельствовать в пользу совпадения времени сооружения рва и оборонительной стены № 37 над ним. К началу I в. н.э. ров почти полностью затек грунтом.

Обобщенные конструктивные черты рва II–I вв. до н.э. (в современном состоянии) могут выглядеть следующим образом. В сечении ров имеет трапециевидную форму. Его ширина по верхнему контуру: 11–14 м. Общая глубина: 2,5–3,0 м. Глубина придонной части, вырубленной в скале — 0,8–1,5 м, ширина по дну — 2,60–4,0 м, угол эскарпа — 40–65°, угол контрэскарпа — 20–65°. Рас-

⁴⁴ Циркунова 2006, 62–65; Егорова 2009, 151, кат. №№ 557 и сл.

⁴⁵ Кац 2007, 422–423.

положение канав: на дне (у основания эскарпа), в средней части эскарпа, в средней части контрэскарпа (на участке 2). Канавы имеют подпрямоугольную в сечении форму. Их ширина — 0,6–0,8 м, глубина — до 0,6 м. Расстояние между началом склона (эскарпа) и куртинами (по материку) — 1,2 м. Между канавами и оборонительными стенами находились искусственные платформы, клиновидные в сечении. Они состоят из слоев мергеля, глины и камней. Их толщина увеличивается в направлении от стен к центру рва. Толщина платформ у стен — 0,1 м; толщина на склоне — 0,5–0,7 м. Ширина — 1,2–2,4 м. Угол наклона около 10°. Валы (брустверы) состоят из мергеля и глины и располагаются вдоль внутреннего края рва. Сохранившаяся высота — 0,6–0,7 м, ширина — около 2,5 м. На участке 2 вал обложен камнем. Рвы, скорее всего, не заполнялись водой⁴⁶.

Для предположительной реконструкции облика оборонительной линии раннего Танаиса, вероятно, необходимо учитывать также наставления, имеющиеся у древних авторов. В известном трактате «О перенесении осады» Эней Тактик (IV в. до н.э.) рекомендовал «рыть с внешней стороны стены возможно более глубокий ров, чтобы подкоп вышел в ров и подкапывающие оказались на виду. Если у тебя будет возможность, то надо сложить во рву еще и стенку, возможно более прочную и из больших камней»⁴⁷. Филон Византийский (середина III в. до н.э.) видел необходимость сооружать вдоль внутреннего края рва валы из выкопанного при его рытье грунта. Толщина оборонительных стен должна составлять не менее половины или трети высоты⁴⁸. Здесь же, перед крепостной стеной, по его мнению, должно было располагаться дополнительное укрепление — протейхизма⁴⁹. Между протейхизмой и крепостной стеной он рекомендует делать платформы для катапульт⁵⁰. При обороне города это место могло предназначаться и для размещения части гарнизона⁵¹.

Не менее важными для нас являются и рекомендации Витрувия из трактата «Десять книг об архитектуре» (вторая половина I в. до н.э.): «Там, где с возвышенности можно по ровному месту подойти к стенам для приступа... надо, во-первых, делать как можно более широкие и глубокие рвы, а затем закладывать фундамент стены вала в дно рва и возводить его такой толщины, чтобы хорошо поддерживать насыпь. Точно так же с внутренней стороны подпорного сооружения находится фундамент другой стены на таком расстоянии от внешнего, чтобы можно было разместить там защитные войска, построив их во всю ширину вала в боевом порядке; когда же будут возведены фундаменты на таком расстоянии друг от друга, то поперек между ними надо поместить другие, связанные с внешним и внутренним фундаментами и расположенные гребнеобразно, наподобие зубцов пилы. При таком устройстве огромная тяжесть земляной насыпи, распределенная на мелкие части и не давя всем своим грузом, никак не сможет распереть подпорные сооружения стены»⁵².

Итак, опираясь на сведения античных авторов и наблюдения за стратиграфией на участках, можно восстановить этапы и методы сооружения танаисской оборонительной линии (рис. 17–18). На первом этапе рыли ров. Его заглубляли в скалу на 1,5 м, что было достаточно надежной защитой от возможных подкопов при штурме. Материковую глину и мергель, добытые в процессе земляных работ, использовали для вала, который насыпали вдоль внутреннего края рва, на расстоянии 2–4 м от него. Затем начинали возводить оборонительные стены. Для внутренней забутовки основания стен также использовалась материковая глина, мергель и мелкие обломки скалы. Глиняные склоны рва, вероятно, были укреплены каменными, деревянными или турлучными подпорными стенами, предохраняющими склоны и куртины от оползания в ров. С ними мы можем связать подпрямоугольные в разрезе канавы, прослеженные в эскарпе и контрэскарпе на участках 1 и 2. На участке 1 канава № 1 проходила по самому дну, вдоль основания эскарпа. На дне некоторых из канав сохранились ряды камней, которые могут быть остатками фундаментов таких подпор. На участке 3 была открыта линия достаточно крупных камней, располагавшихся на дне рва, вдоль основания эскарпа. Не ис-

⁴⁶ Известняковые отложения, в которых вырублены нижние части рвов, без специального покрытия глиной вряд ли бы могли удерживать воду.

⁴⁷ XXXVII. 1, 2. Перевод В.Ф. Беляева.

⁴⁸ Буйских 1991, 94 со ссылкой на Philo III. 1. 2.

⁴⁹ Philo I. I. 74, ср: Lawrence 1979, 87.

⁵⁰ Philo I. 32, ср: Lawrence 1979, 79. Правда, Филон считал, что вокруг города должно быть возведено три пояса укреплений, включающие рвы, валы и палисады (I. 1. 69–73) (Lawrence 1979, 85). Однако, по мнению Ф. Уинтера, там, где был только один ров у стен, протейхизмы были также эффективны, как и в системе многих линий обороны (Winter 1971, 280).

⁵¹ Lawrence 1979, 277.

⁵² V. 1. 6–7. Перевод Ф.А. Петровского.

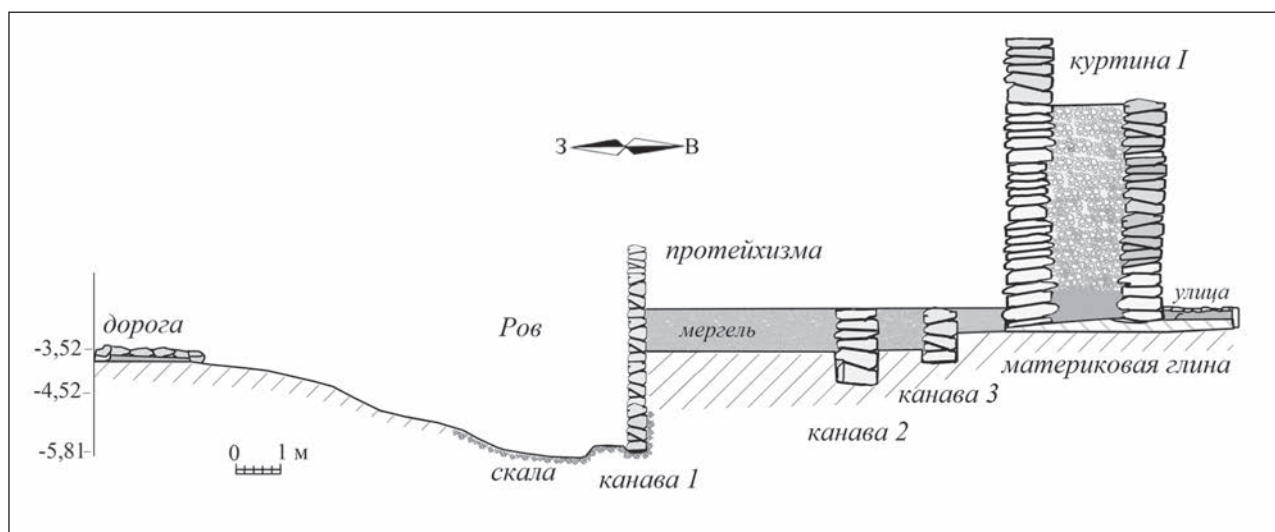

Рис. 17. Участок 1. Реконструкция оборонительной линии II-I вв. до н.э. (раскоп XXV)

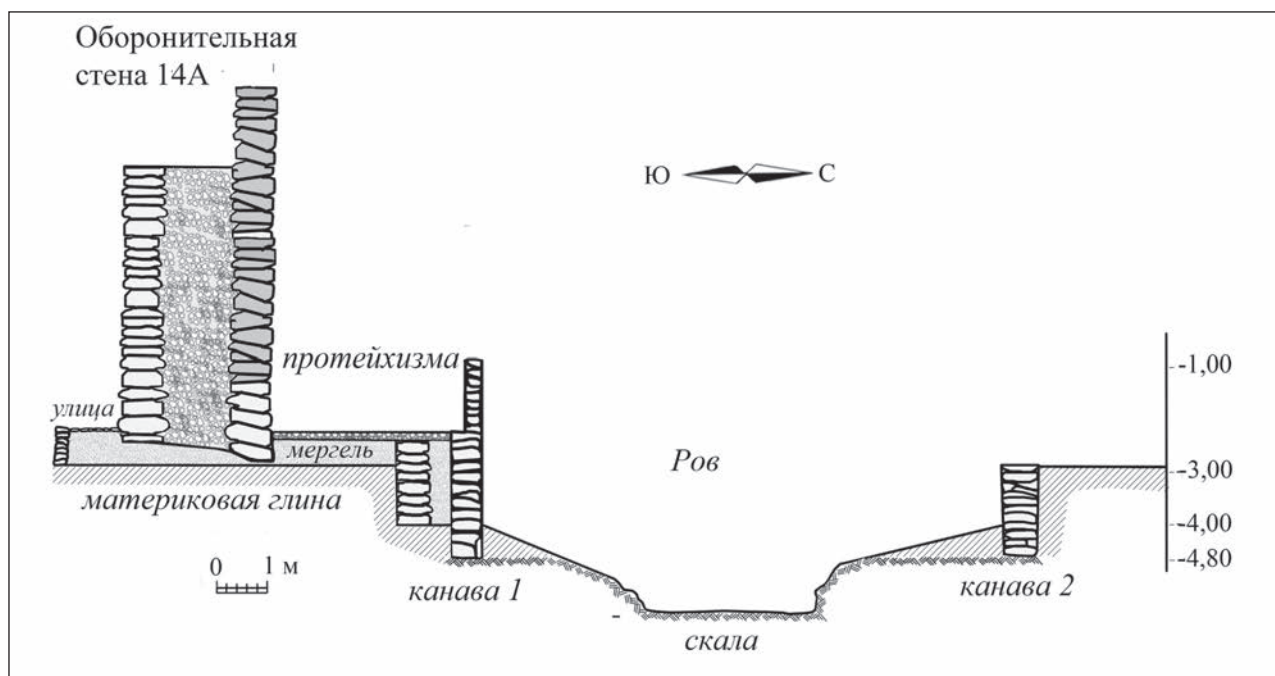

Рис. 18. Участок 2. Реконструкция оборонительной линии II-I вв. до н.э. (раскоп VI).

ключено, что внешние линии подпорных стен сооружались в качестве протейхизм с вступающими над поверхностью парапетами, высота которых была достаточной для прикрытия от разрушений стенобитными орудиями оснований куртин, а также защитников — от вражеских стрел. Возможная толщина подпорных стен (протейхизм?) — 1,8–2,9 м. Наибольшая толщина их могла быть у стратегически важных или наиболее уязвимых мест (ворот). Расстояние между куртинами и подпорными стенами: 1,2–2,4–3,5–7,5 м. На этом пространстве прослежены клиновидные глиняно-мергелевые подсыпки и каменные вымостки, платформы. На этих платформах, как мы помним, можно было разместить защитников и метательные машины. Подобная конструкция линии обороны позволяет объяснять отсутствие башен на достаточно длинных участках стен Западного района города. Вал из мергеля и глины, насыпанный вдоль внутреннего края рва, использовался в качестве площадки для основания стены, в некоторых местах он подпирает внутреннюю линию оборонительных стен (стены №№ 14, 14а — на участке 2, стены № 2 на раскопе IX) и, будучи обложен камнем, служил основанием для пристенных улиц.

Таким образом, сейчас мы уже можем уверенно говорить о наличии рва II–I вв. до н.э. в структуре общей оборонительной системы районов Верхнего города Танаиса. Реконструкция его линии предполагает, что он, так же как и ров первых веков нашей эры, проходил вдоль восточного и северного края цитадели (основного четырехугольника городища) (рис. 2). Далее ров тянулся вдоль северной половины западной границы цитадели и на расстоянии 8,5 м от эллинистической башни 4 почти под прямым углом поворачивал на запад, проходя на отрезке в 158 м вдоль северного фаса оборонительной стены 2 и защищая подступы к Западному городскому району. Затем он опять под почти прямым углом поворачивал на юг и на протяжении дальнейших 90 м шел вдоль западных фасаов куртин II и I. Приблизительно в 60 м от края террасы можно предполагать еще один поворот под прямым углом на запад, после которого ров тянулся вдоль северного фаса оборонительной стены № 37, ограничивая территорию так называемого Западного пригорода. Вероятная длина рва на данном отрезке могла составлять около 195 м. В этой самой крайней западной точке на расстоянии около 30–40 м к северу от края террасы, скорее всего, был новый поворот линии рва под углом 90° на юг. Отсюда он мог проходить с севера на юг, маркируя западную границу Верхнего города. Далее ров, вероятно, спускался вниз, по склону террасы, в сторону реки, вдоль границы Нижнего города. Сейчас на береговом склоне на месте этой предполагаемой линии достаточно четко прослеживается почти полностью засыпанная старая балка. Не исключено, что ее образование связано с существовавшим здесь во II–I до н.э. оборонительным рвом. Сильно заплывшая линия рва вдоль Западного пригорода местами также видна на современном горизонте⁵³. Таким образом, восстановимая к настоящему времени на территории Верхнего города длина раннего рва могла составлять не менее 1000 м. Мы можем предполагать также его продолжение по линии С–Ю в приречную часть, что было бы вполне естественным. В таком случае к его общей длине нужно добавить еще приблизительно по 150 м с восточной и западной стороны.

Не следует, на наш взгляд, сбрасывать со счета и рекомендации Филона, который, как уже говорилось выше, видел целесообразным сооружение вокруг города трех линий земляных оборонительных сооружений⁵⁴. В этой связи обратимся вновь к описанию П.М. Леонтьевым местности у Танаиса. Он отмечал, что вокруг города находился «безкуртанный пояс», который имел в ширину до ста саженей (215 м). Вдоль по его внешней стороне можно заметить почти непрерывные следы вала, в некоторых местах сохранившего довольно значительную высоту. Вал этот идет вокруг городища с трех сторон и имеет фигуру ломаной линии, приближающейся к дуге круга. Поверхность между внутренним и внешним валами гораздо ниже поверхности городища⁵⁵. По мнению М.А. Миллера, который нанес вал на план, он защищал с севера, запада и востока весь город с акрополем и выходил концами к береговому обрыву (рис. 19). Северная часть вала уже к 20-м гг. XX в. почти не сохранилась из-за того, что там находились огороды, и остатки вала ежегодно распахивались. Но даже такие остатки позволяли восстановить его положение на всем протяжении⁵⁶. Этот вал мог быть связан с системой обороны раннего Танаиса. По крайней мере, его западное крыло располагалось вблизи предполагаемой западной границы пригорода II–I вв. до н.э. На плане, сделанном М.А. Миллером, привлекает внимание еще одна деталь. В северо-западной и западной части этот вал (если съемка верна) имел две линии, располагавшиеся на расстоянии около 40 м друг от друга. Двойная линия вероятных валов также едва заметна на современном рельефе и космоснимках в 160 м и 200 м к северу, северо-западу и северо-востоку от цитадели (рис. 20). При этом между выступающими линиями вероятных валов видна довольно значительной глубины ложбина (заплывшие остатки рва?). Не исключено то, что создатели танаисской фортификации руководствовались теми же принципами, что и жители Елизаветовского городища с его двумя поясами обороны, а также принимали во внимание рекомендации, о которых писал Филон Византийский. Конечно, в подобных предположениях мы должны учитывать значительные антропогенные изменения, произошедшие в округе городища в римское время, а также особенно сильные разрушения в XIX–XX вв. Если же линия дополнительной обороны все-таки существовала, то получается, что она могла включать еще один-два вала и рва. Эта линия проходила на расстоянии от 50 до 200 м от городских куртин и

⁵³ Ильяшенко 2007, 23.

⁵⁴ Philo, I. 1. 69–73, Lawrence 1979, 85.

⁵⁵ Леонтьев 1854, 493.

⁵⁶ Книпович 1949, 24; Миллер 1958, 52.

сопровождая их «внутреннего» рва. В зону ее защиты могли попадать не только все районы Верхнего города, но и значительная часть территории некрополя II—I вв. до н.э.

Итак, можно полагать, что сформировавшийся в первой половине II в. до н.э. комплекс оборонительных сооружений Танаиса (ров, протейхизма, валы, куртины) возводился одновременно по единым правилам, учитывавшим известные методы фортификационного строительства. Естественно, что на этой линии в дальнейшем проводились работы, связанные с ремонтом и реконструкцией поврежденных участков, чисткой рвов и т. п.⁵⁷ Однако они, скорее всего, не изменяли основные принципы конструкций вплоть до общих разрушений города, связанных с акцией Полемона в конце I в. до н.э.

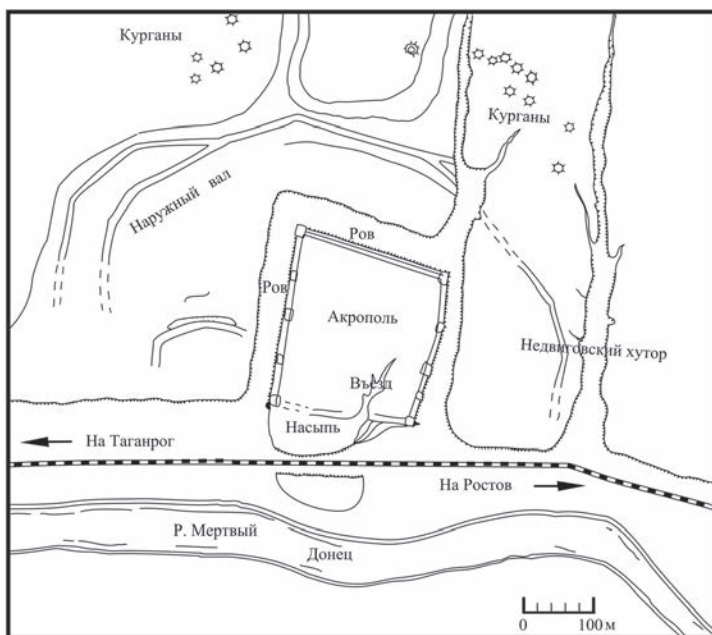

Рис. 19. План М.А. Миллера. 1940 г.

Литература

- Арсеньева Т.М. 1969: Исследования вала на западном участке городища Танаис (1957 г.) // Античные древности Подонья–Приазовья / Д.Б. Шелов (ред.). М., 98–103.
- Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. 2010: Укрепления в центре западной оборонительной линии Танаиса конца III — II вв. до н.э. // ПИФК. 1, 315–323.
- Болтунова А.И. 1969: Раскопки оборонительной стены западного района Танаиса (1958–1963 гг.) // Античные древности Подонья–Приазовья. МИА. 154 / Д.Б. Шелов (ред.). М., 104–135.
- Буйских С.Б. 1991: Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев.
- Глебов В.П. 2007: Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II / И.В. Сергацков (ред.). Волгоград, 59–82.
- Глебов В.П. 2012: Кочевники Нижнего Подонья IV–II вв. до н.э. Некоторые проблемы изучения // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Материалы международной научной конференции, Тирасполь, 16–19 октября 2012 г. / Н.П. Тельнов (ред.). Тирасполь, 28–33.
- Егорова Т.В. 2009: Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.
- Иванов В.М. 2005: Греческая фортификация Северного Причерноморья VI — первой половины I в. до н.э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.
- Ильяшенко С.М. 2007: Нижний и Верхний город Танаиса (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса. 2. Ростов–на–Дону, 23–39.
- Кац В.И. 2007: Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь — Керчь.
- Книпович Т.Н. 1949: Танаис. Историко-археологическое исследование. М. — Л.
- Кутайсов В.А. 1990: Античный город Керкинитида. VI–II вв. до н.э. Киев.
- Леонтьев П.М. 1854: Разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // ПроPILEИ. Сборник статей по классической древности. Книга IV / П.М. Леонтьев (ред.). М., 397–524.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000: Елизаветинское городище на Дону / Pontus Septentrionalis II. Tanais 2. М.

⁵⁷ Так, на участках 1 и 3, между внутренним краем рва и внешней стороной куртин появились новые горизонтальные каменные площадки (платформы), вероятно, сооруженные в конце I в. до н.э. Приблизительно в это же время на участке 2 (близ западных ворот цитадели) в затекшем раннем слое был вырыт новый ров, но уже более скромных параметров.

- Масленников А.А. 2003: Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.
- Миллер М.А. 1958: Дон и Приазовье в древности. Часть II. Древняя история (греко-скифо-сарматский период) // Институт по изучению истории СССР. Исследования и материалы Серия II (ротаторные издания) № 67. Мюнхен.
- Науменко С.А. 2014: Исследование западного оборонительного рва цитадели Танаиса в 2012 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2012 г. 28. Азов, 84–98.
- Полин С. В. 1992: От Скифии к Сарматии. Киев.
- Толстиков В.П. 1981: Фортификация античного Боспора. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.
- Циркунова И.В. 2006: Чернолаковый канфар из Западного пригорода Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. 13. Ростов–на–Дону, 62–65.
- Шелов Д.Б. 1962: Отчет о работах Нижне–Донской экспедиции в 1962 г. Архив ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”».
- Шелов Д.Б. 1966: Нижнедонская экспедиция 1962–1963 г. // КСИА. 107, 92–98.
- Шелов Д.Б. 1970: Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.
- Шелов Д.Б. 1972: Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Шолль Т. 2007: Пятнадцать лет раскопок Варшавского университета в Танаисе // Вестник Танаиса. 2. Ростов–на–Дону, 48–62.
- Шолль Т. 2008: Десять лет раскопок Варшавского университета в Танаисе // *Novensia*. 18–19, 307–338.
- Kozlovskaya V., Ilyashenko S.M. 2013: The Lower City of Tanais // *Exploring the Hospitable Sea. Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki*, 21–23 September 2012. BAR International Series 2498 / M. Manoledakis (eds.). Oxford, 83–94.
- Lawrence A.W. 1979: *Greek Aims in Fortification*. Oxford.
- Naumenko S., Scholl T. 2014: New Data on the Fortifications of Tanais from the Last Five Years of Excavations // *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Proceedings of the international conference, Warsaw, 27–28. November 2013* / A. Twardecki (ed.). Warsaw, 187–201.
- Scholl T. 2011: The Hellenistic Bridge at Tanais // *Archäologie der Brücken. Forgeschichte, Antike Mittelalter Neuzeit* / M. Prell (Hrsg/) / Regensburg, 58–60.
- Scholl T. 2013: The Fortifications of the Entrance Gate in the Western Defense Wall of Western Tanais // *Studies in Ancient Art and Civilization*, vol. 17 / E. Papuci-Władyka (ed.). Krakow, 319–324.
- Winter F.E. 1971: *Greek Fortifications*. Toronto.

DEFENSIVE DITCHES OF TANAIS IN THE 2ND–1ST CENTURIES BC

S.M.Ilyashenko, T.M.Arsenieva, S.A.Naumenko

Within the site of Tanais, in the course of the last two decades, the remains of a moat dating from the 2nd–1st centuries BC have been discovered. Recent investigations demonstrate that the fortification complex of Tanais — which included bastions, *proteichismae*, ramparts, and ditches — took shape in the first half of the 2nd century BC. It was built according to a consistent building plan using the fortifications methods of the period. The moat surrounded all areas of the Upper City from the east and west. Its approximate total length reached over 1000 meters.

КАМЕННЫЕ ЯДРА ИЗ ХАРАКСА

Saxa rotunda de fluuiis, quia pro soliditate grauiora sunt et aptiora mittentibus, diligentissime colliguntur; ex quibus muri replentur et tures; minima ad fundas siue fustibalos uel manibus iacienda; maiora per onagros diriguntur, maxima uero pondere formaque uolubili in propugnaculis digeruntur, ut demissa per praeceps non solum hostes obruant subeuntes sed etiam machinamenta confringant¹.

(Veget. IV, VIII)

Идея подготовить эту статью возникла во время визита одного из авторов в музей-заповедник «Танаис». В музейном зале в качестве экспоната стоит камнеметная машина, которую специально для экспозиции в 1983 г. сконструировал В.П. Толстиков. Благодаря любезности сотрудников музея нам удалось получить архивные фотографии, изображающие сегодняшнего юбиляра с коллегами вокруг этой машины в уже далеком 1983 г. (рис. 1). Сразу вспомнились зажигательные рассказы Владимира Петровича про камнеметы и площадки под них, катапульты и баллисты, тараны и противотаранные пояса... Поэтому мы и решили представить в юбилейный сборник небольшую статью, посвященную ядрам из римской крепости Харакс, расположенной на мысе Ай-Тодор на южном побережье Крымского полуострова. Благо и коллекции из этого памятника оказались в наших дружественных музеях...

Как известно, наиболее масштабные археологические исследования на Хараксе велись В.Д. Блаватским в 1931, 1932 и 1935 гг. К сожалению, после общей итоговой публикации автора раскопок², большая часть этих уникальных материалов не издана до настоящего времени. Материалы раскопок были переданы в Государственный исторический музей и Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, где они хранятся и поныне. В последние годы появились первые публикации — результаты обработки массового материала из этих раскопок³.

Среди разнообразных находок, обнаруженных в Хараксе, было открыто значительное количество каменных ядер. В.Д. Блаватский писал: «Следует отметить весьма многочисленные маленькие и особенно средних размеров (с кулак и больше) булыжники, служившие для метания вручную, а также применявшиеся для пращей и в качестве ядер баллист»⁴. Н.И. Сокольский также работал с каменными ядрами из Харакса, но ограничился лишь общими замечаниями⁵. Каменные ядра были найдены и при раскопках К.К. Орлова в 80-х гг. XX в.⁶, причем в одном месте было найдено их скопление из более чем 700 экземпляров⁷, но специально они не исследовались.

¹ «Пусть старательно будут собраны круглые камни из реки, так как по весу они тяжелее и более удобны для метания; пусть ими будут наполнены все стены и башни; маленькие бросаются из пращей, фустибалов или руками; более значительные кидаются из онагров; самые же большие по весу — те, которые по форме можно катить, поднимаются на бруствер стен, с тем, чтобы сброшенные вниз, они не только давили подошедших к стенам врагов, но и ломали их машинные сооружения» (Veget. IV, 8; перевод С.П. Кондратьева).

² Блаватский 1951а, 250–291.

³ Журавлев, Камелина 2005, 350–360; 2012, 63–69; Камелина 2012, 46–90.

⁴ Блаватский 1951а, 289. Об этих находках он упоминает и ранее (С. 251).

⁵ «Представляют интерес булыжные снаряды из Харакса (хранятся в ГИМ). Эти снаряды делятся на две группы: 1) большого размера, предназначавшиеся для камнеметов; 2) меньшего размера — для пращей или бросания вручную. Взятые на выборку камни первой группы весят 1650, 1405, 1025, 995 г; второй группы — 340, 285 г, а совсем малые — 70–80 г.» (Сокольский 1962, 243).

⁶ Орлов 1985, 332.

⁷ Орлов 1988, 26.

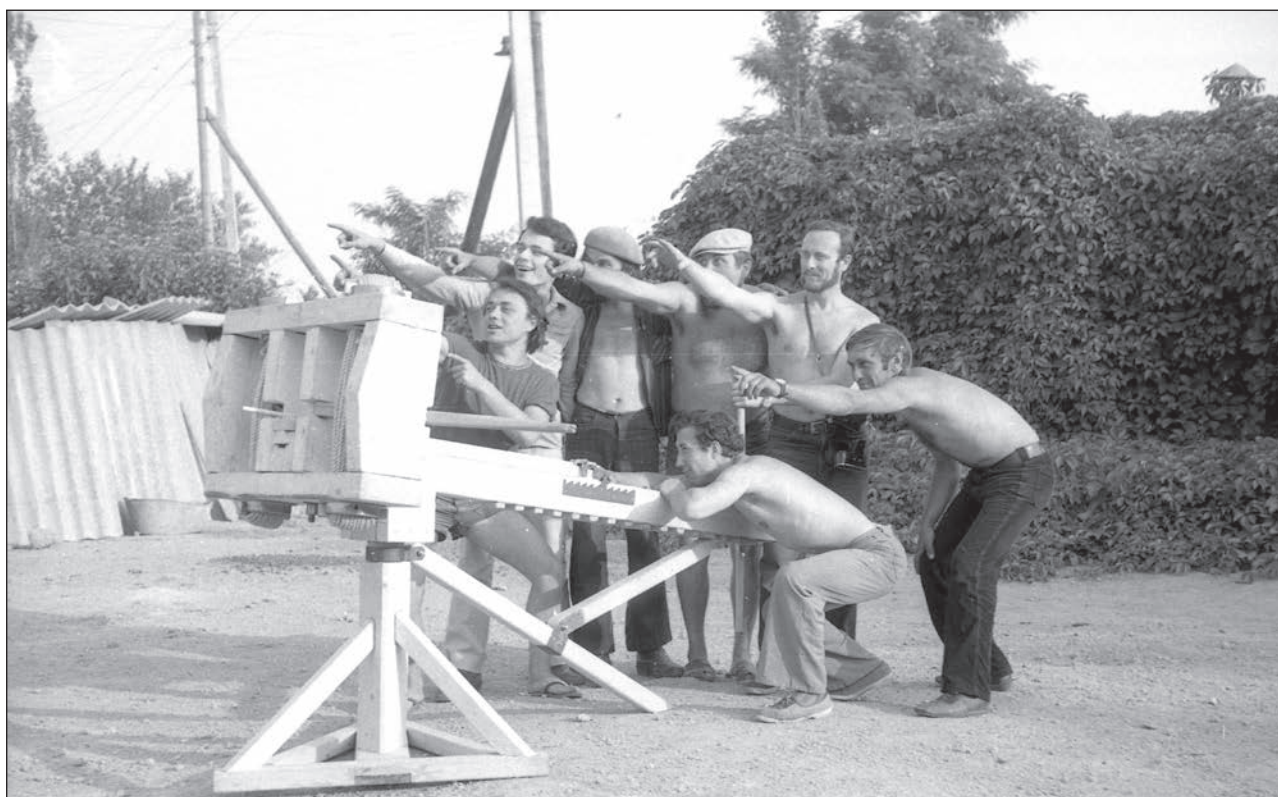

Рис. 1. Танаис. Июнь 1983 г. Катапульта и ее строители (автор реконструкции В.П. Толстиков). Слева направо: Г.В. Жуков, А.И. Анисимов, А.В. Кузнецов, В.Д. Ершов, В.П. Толстиков, В.В. Власов, П.П. Александров. Фото: В.Ф.Чеснок

На сегодняшний день в собрании двух московских музеев насчитывается в общей сложности более 200 каменных ядер⁸. В сводку, представленную в данной работе, вошли практически все находки, которые хранятся в ГИМ и ГМИИ⁹, лишь часть из них была отбракована из-за неподходящей для данной категории материалов формы; отдельные находки, атрибутированные как ядра, в действительности представляли собой терочники.

Каменным ядрам (как, впрочем, и многим другим категориям находок) в отечественной литературе «не везло» — их специальные публикации малочисленны¹⁰. При этом находки каменных ядер упоминались в отдельных публикациях (см. ниже) и даже иногда использовались для исторических выводов¹¹; на некоторых памятниках счет этих каменных снарядов идет на сотни¹². Лишь недавно появились подробные публикации каменных ядер с иллюстрациями и каталогом¹³, хотя и относящихся к более позднему времени. Справедливости ради отметим, что и в подробных изданиях предметов вооружения из других регионов ядрам не всегда уделялось много внимания¹⁴.

Всего в каталог включено 179 каменных ядра, которые по весу и размерам были условно разделены на 5 типов (табл. 1)¹⁵. Все ядра имеют местное происхождение, подобный морской галечник повсеместно встречается на побережье Черного моря рядом с крепостью. Следов какой-либо специ-

⁸ Авторы статьи выражают признательность хранителю коллекции Харакса в ГМИИ им. А.С. Пушкина О.Ю. Самар за возможность публикации каменных ядер.

⁹ По меткому выражению В.Д. Блаватского, «согласно традиции, распространенной в наших музеях, их принято считать метательными камнями для военных машин» (Блаватский 1947, 91).

¹⁰ Блаватский 1951б, 135–136; Сокольский 1962, 241–249; Акопян 1986, 232–236.

¹¹ Блаватский 1951б, 135–136; Атавин 2008, 170; Чхаидзе 2012, 122.

¹² Винокуров 2008, 109.

¹³ Карлов, Белый 2008, 161–190; Костылев 2012, 155–168.

¹⁴ См. например: James 2004, 230. Находки ядер даже не проиллюстрированы.

¹⁵ Н.И. Винокуров делит ядра, происходящие из городища Артезиан, на следующие группы: до 25 г, 25–70 г, 70–120 г, 120–170 г, 170–220 г, 320–370 г, свыше 370 г: 440–485 г, 620–680 г, 770–885 г, 900–1155, а самое большое ядро имело вес 4 кг. При этом большинство снарядов не выходило за пределы 25–140 г (Винокуров 2008, 109).

альной обработки ядер для придания округлой формы прослежено не было. Вероятнее всего, галечник собирали здесь же, недалеко от крепости, подбирая нужные по форме (округлые или немного вытянутой формы, уплощенные с двух сторон, или яйцевидной формы), весу и размеру¹⁶. Подобная практика сбора «природных ядер» была описана у Вегеция. Он советует собирать камни из реки, так как «по весу они тяжелее и более удобны для метания» (Veget. IV, VIII). На некоторых камнях отчетливо видны сколы и выщерблины: возможно, происхождение последних стоит связывать со следами использования.

Ниже представлена топография находок каменных ядер на территории крепости.

Тип 1 представлен 37 экземплярами весом 56–196 г (рис. 2). Эти ядра найдены на квадратах, расположенных около нижней и верхней оборонительных стен, а также на территории самой крепости. С территории крепости происходят 6 метательных снарядов (кат. 1–4, 6, 10) — с площади между раскопанным в XIX в. комплексом «палестры» и расположенной на северо-запад от него дорогой на маяк. Здесь было исследовано несколько строительных горизонтов, открыто 2 уровня разновременных вымосток и участок водопровода под ними. Три ядра (кат. № 5, 15, 28) происходят из квадратов, расположенных около западного угла терм. На кв. I были открыты остатки вымостки, примыкающей к зданию терм, к одному из помещений, датирующихся фрагментом черепицы с клеймом XI Клавдиева легиона. У внешнего панциря верхней оборонительной стены было найдено 14 каменных ядер (кат. № 7, 8, 11, 13, 14, 17, 24–26, 29–33). В пространстве между стенами обнаружено 6 метательных снарядов (кат. 12, 16, 18, 35, 37, 38).

Несколько каменных ядер найдены и у нижней оборонительной стены: у ее внутреннего панциря — 4 экземпляра (кат. № 19, 20, 21, 27); у внешнего панциря — только одно ядро (кат. № 34). У двух метательных снарядов информация о месте находки утеряна (кат. № 9, 22, 36).

Тип 2 представлен 11 каменными ядрами весом 200–300 г (рис. 3). Около помещения, расположенного у внутреннего панциря верхней оборонительной стены, обнаружено одно ядро (кат. № 45); у внешнего панциря верхней стены найдено 3 метательных снаряда (кат. № 41, 42, 47). В пространстве между оборонительными стенами найдены 3 экземпляра (кат. № 39, 43, 49). У внутреннего панциря нижней оборонительной стены найдено одно ядро (кат. № 38), у внешнего панциря этой стены — еще одно (кат. № 48). Сведения о месте находки утрачены у двух экземпляров (кат. № 40, 44).

К *типу 3* относится 39 ядер весом 308–498 г (рис. 3–5). На территории крепости ядра этого типа распределяются следующим образом: в раскопе около западного угла терм найден 1 экземпляр (кат. № 52), на площади, между раскопанным в XIX в. комплексом «палестры» и расположенной на северо-запад от нее дорогой на маяк — одно ядро (кат. № 62); в районе сохранившихся остатков вымостки, примыкающих к одному из помещений терм, которое датируется фрагментами черепицы с IX Клавдиевым легионом — 1 экз. (кат. № 76).

У внешнего панциря верхней оборонительной стены найдены 16 каменных метательных снарядов (кат. № 51, 53, 54, 57, 58, 59, 74, 75, 77, 83, 85, 86); в помещении у внутреннего панциря верхней оборонительной стены — 4 ядра (кат. № 65, 67, 72, 87). В пространстве между верхней и нижней оборонительными стенами — 4 экземпляра (кат. № 61, 64, 68, 82). У внешнего панциря нижней оборонительной стены найдено лишь одно ядро этого типа (кат. № 56). На территории некрополя в верхних штыках были обнаружены еще 9 метательных снарядов (кат. № 55, 56, 70, 71, 73, 76, 78, 80, 88). У 6 экземпляров сведения о месте находки утеряны (кат. № 50, 60, 63, 69, 84, 89).

К *типу 4* относятся 55 ядер весом 506–891 г (рис. 5–8). На территории крепости, в районе, где была выявлена монументальная стена (часть большого строительного комплекса «палестры»), найдено 2 снаряда (кат. № 101, 120). Верхняя оборонительная стена: в районе сохранившейся вымостки, рядом с помещениями, расположенными у внутреннего панциря верхней оборонительной стены обнаружено 5 ядер (кат. № 93, 99, 104, 126, 133); у внешнего панциря стены — 12 экземпляров (кат. № 97, 102, 110, 112, 113, 122, 124, 130, 137, 141, 142, 144); перед стеной — 4 ядра (кат. № 107, 109, 111, 123); по два каменных ядра найдено около помещения, расположенного у внутреннего панциря стены (кат. № 115, 131) и на участке внешней оборонительной сены (кат. № 111, 123), по одному — в месте пролома стены (кат. № 127) и между внутренним панцирем стены и Нимфеумом (кат. № 128). Из пространства между оборонительными стенами происходят еще 2 метательных снаряда

¹⁶ Собственно, именно место находки этих камней в римской крепости с концентрацией около стен и позволяет нам считать их метательными снарядами различного назначения.

(кат. № 103, 139). У внутреннего панциря нижней оборонительной стены найдено 2 ядра (кат. № 98, 119). С территории некрополя происходит только один экземпляр (кат. № 140). У 21 ядра сведения о точном месте находки утеряны (кат. № 90–92, 94–96, 100, 105, 106, 108, 114, 116, 117, 118, 121, 125, 129, 132, 135, 136, 143).

И, наконец, к *типу 5* относятся ядра весом 909–2298 г, которых было выявлено 35 (рис. 8–10). Внутри крепости такое ядро найдено лишь в одном экземпляре на квадрате, в котором была открыта стена — часть большого строительного комплекса «палестры» (кат. № 154). Наибольшее число находок сконцентрировано у верхней оборонительной стены: у ее внешнего панциря — 13 ядер (кат. № 151, 152, 153, 160, 162, 163, 168, 170, 171, 173, 175, 177, 178); рядом с помещением, пристроенным к внутреннему панцирю стены открыто еще 5 снарядов (кат. № 147, 157, 161, 167, 172); в складском помещении, расположенном рядом с внутренним панцирем стены — 1 ядро (кат. № 176). В пространстве между оборонительными стенами найден 1 экземпляр (кат. № 166). С территории некрополя происходит 2 метательных снаряда (кат. № 146, 174). У 12 ядер сведения о месте их находки утеряны (кат. № 145, 148, 149, 150, 155, 156, 158, 159, 164, 165, 169, 179).

Каменные ядра, относящиеся к типу 1–3 (весом до 500 г), вероятно, могли использоваться как снаряды для метания с помощью пращи (рис. 11, 1)¹⁷. В литературе приводится несколько вариантов веса пращевых ядер. Так М. Корфманн считает, что они могли весить 13–185 г, правда, приводит эти данные для Ближнего Востока¹⁸. Широкой известностью пользовались балеарские пращники, о которых сохранилось много данных в письменной традиции (Diod. V. 18; Liv. XXVIII. 29. 5; Veget. I. 16). Юлий Цезарь пишет о пращниках, метавших снаряды весом в римский фунт (327 г.) (Bel. Gal. II. 81). Д.А. Скобелев разделяет пращевые ядра на две группы: легкие — те, что весят менее 100 г, и относительно тяжелые от 200–500 г.¹⁹ Кстати, в Фанагории была найдена литейная форма для изготовления свинцовых «пуль» для пращи²⁰, сделанная из ручки хиосской амфоры.

Более крупные ядра, происходящие из Харакса (более 500 г, наши типы 4 и 5), могли применяться или для использования при помощи камнеметных машин (рис. 11, 2), или просто сбрасывались на врага со стен вручную. К сожалению, уточнить этот вопрос мы пока не в силах. Существующая большая и серьезная литература, специально посвященная римской артиллерии²¹, пока не может помочь нам в решении этого вопроса.

Каменные ядра из Харакса датируются временем существования крепости, однако до настоящего времени хронология памятника затруднительна. Традиционно считалось, что крепость на мысе Ай-Тодор возникает после похода Плавтия Сильвана в Таврику во второй половине I в. н.э. Эта дата основывалась на прочтении клейма с аббревиатурой VEX/G RAV SP и предположении М.И. Ростовцева, что первоначально крепость была основана как стоянка кораблей Равеннской эскадры. Долгое время эта точка зрения была общепринятой²². Лишь недавно Т. Сарновский убедительно показал, что эти клейма имеют иную расшифровку и относятся к более позднему периоду, не ранее второй четверти II в. н.э.²³ Время гибели крепости определяется как 40-е гг. III в. н.э.²⁴ В.Д. Блаватский полагал, что жизнь на Хараксе возобновляется в конце III в. н.э., и связывал с крепостью расположенный у внешнего панциря нижней оборонительной стены некрополь. К сожалению, без тщательного анализа подчас неопубликованных материалов уверенно связывать эти два памятника между собой сложно. Сам В.Д. Блаватский отмечал, что самостоятельного позднего слоя в крепости прослежено не было²⁵. Таким образом, каменные ядра из раскопок В.Д. Блаватского можно суммарно датировать второй четвертью II — серединой III в. н.э.

¹⁷ Подробнее о пращниках римского времени и их месте в римской армии см. Griffiths 1989, 255–279.

¹⁸ Korfmann 1973, 34–42.

¹⁹ Скобелев 2000. По воздействию каменные пращевые ядра относятся им к поверхностно-дробящим.

²⁰ Zangemeister 1885, XI, fig. I–II; Скобелев 2000, табл. 4, 24. Кат. СПб. 2010, 51 № 77; Алексинский 2013, 108–109. Хранится в ГЭ, Т 1870.35 (раскопки И.Е. Забелина). Мы признательны Е.В. Власовой за информацию об этой уникальной находке.

²¹ Marsden 1969; 1971; Baatz 1994; Campbell 2003; и др.

²² Ростовцев 1900; 1911; Блаватский 1951а, 259; Дьяков 1941, 94–97. Стоит отметить, что и авторы статьи в свое время разделяли эту точку зрения: Журавлев, Камелина 2005, 351–353.

²³ Сарновский 2006.

²⁴ Зубарь 1998, 131.

²⁵ Блаватский 1951, 280.

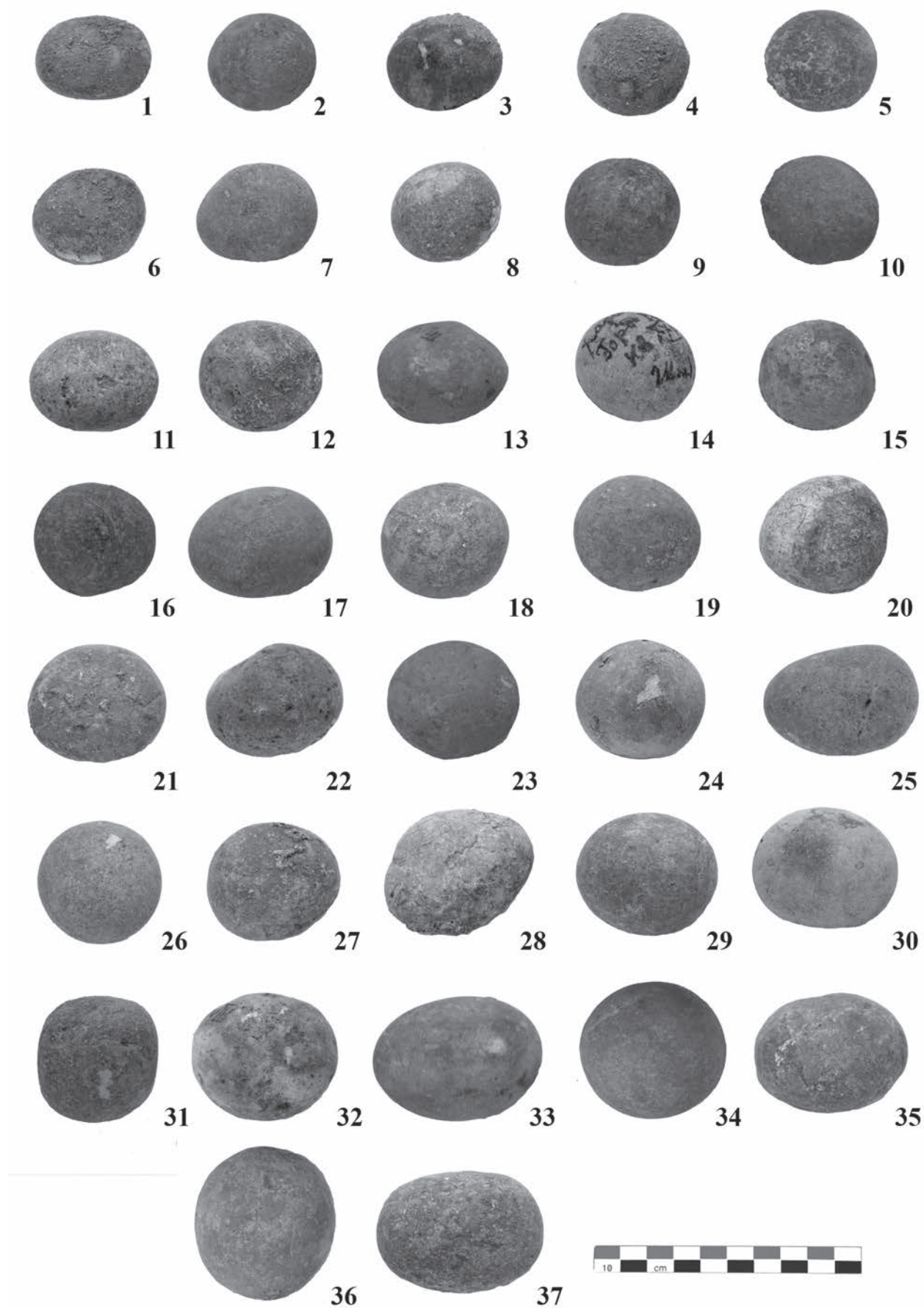

Рис. 2. Каменные ядра. 1-37 — тип 1

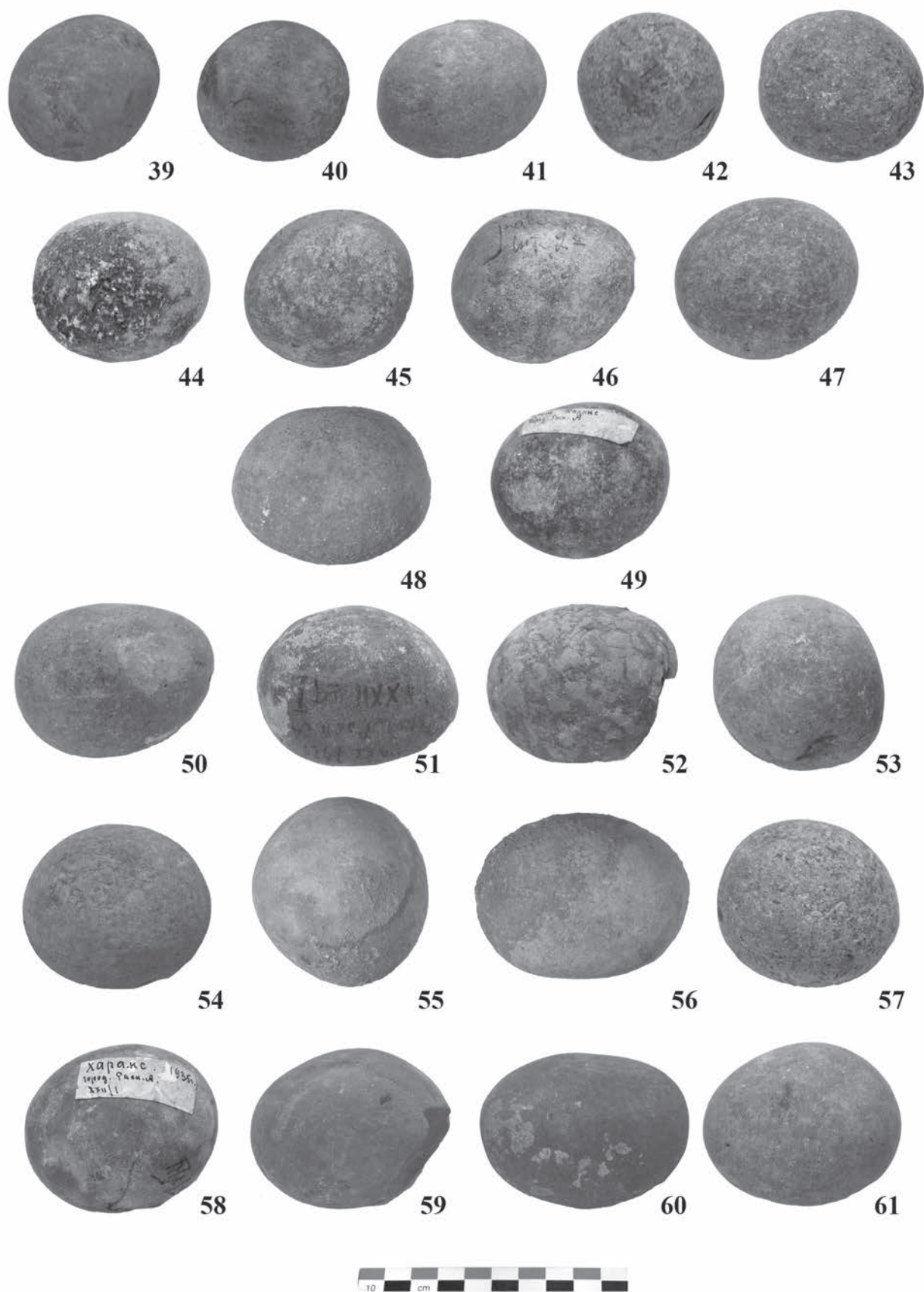

Рис. 3. Каменные ядра. 39-49 — тип 2; 50-61 — тип 3

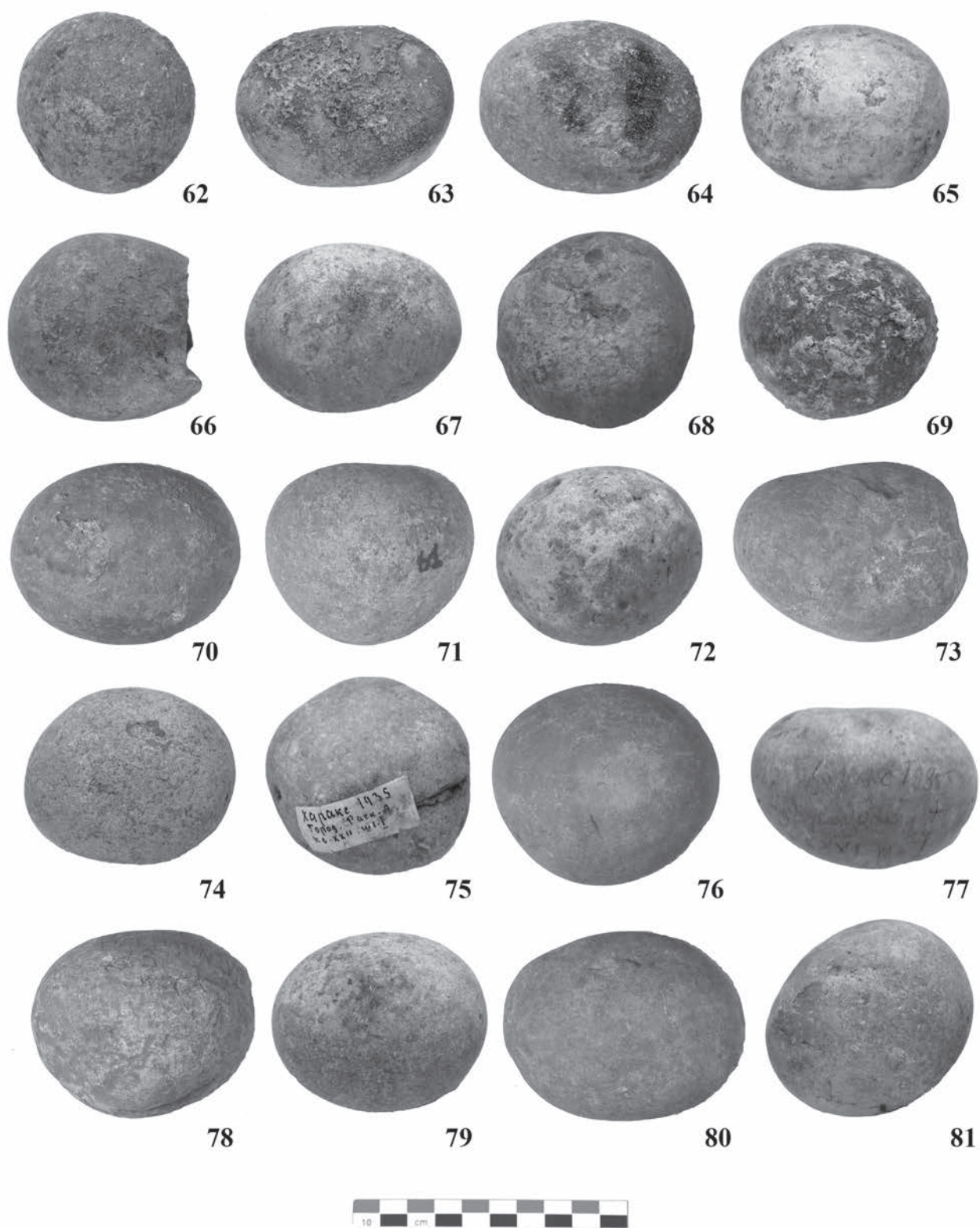

Рис. 4. Каменные ядра. 62–81 — тип 3

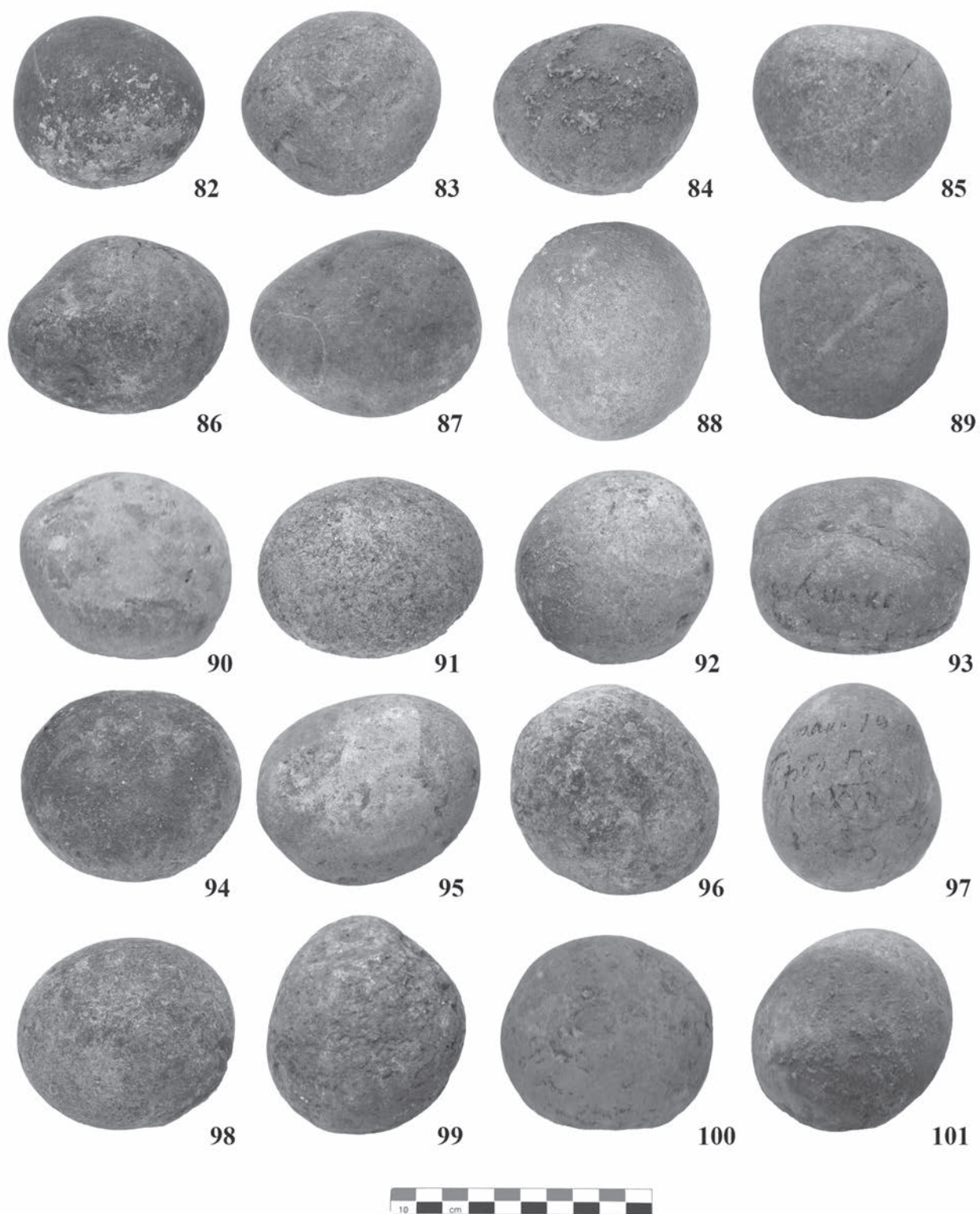

Рис. 5. Каменные ядра. 82–89 — тип 3; 90–101 — тип 4

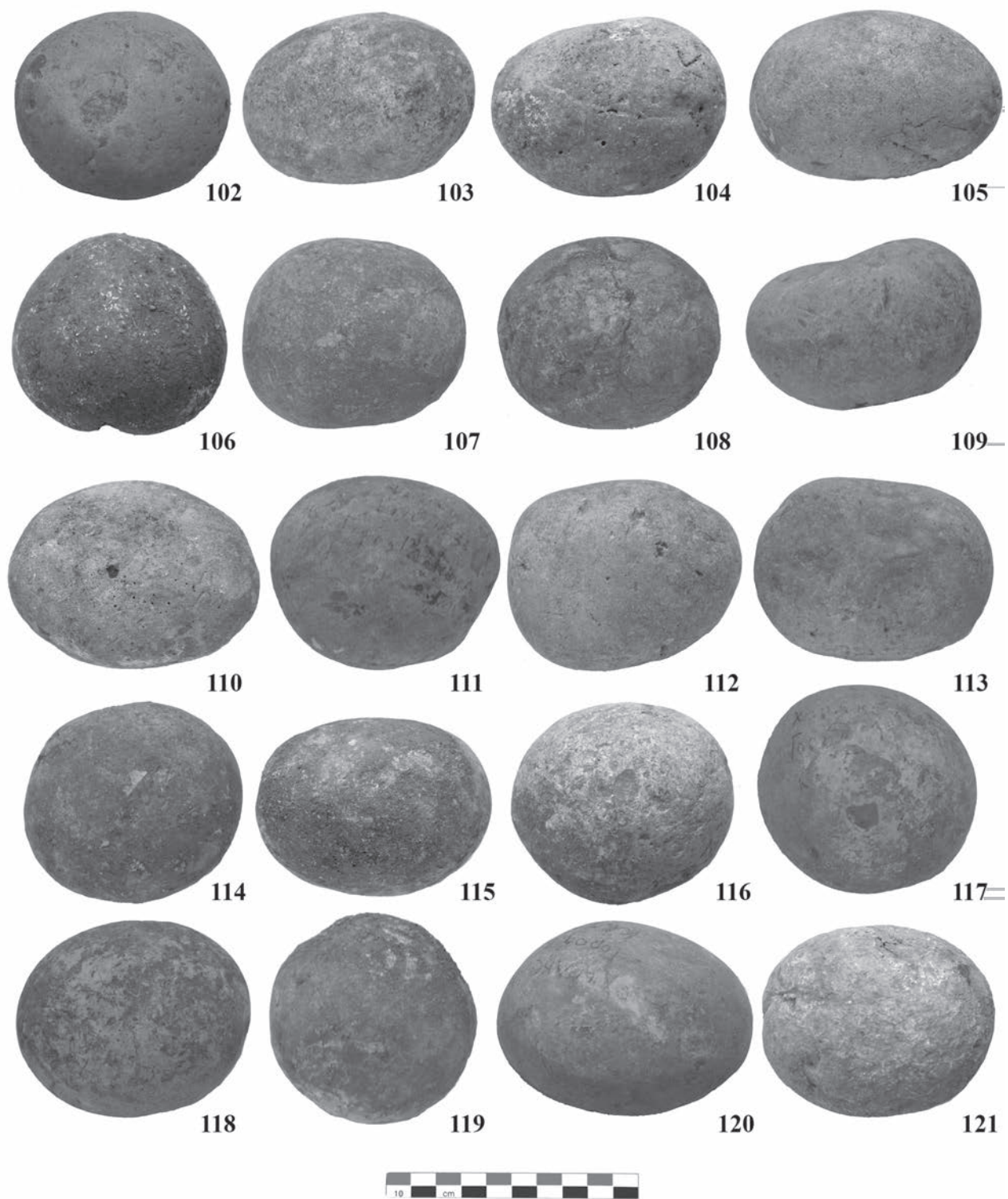

Рис. 6. Каменные ядра. 102–126 — тип 4

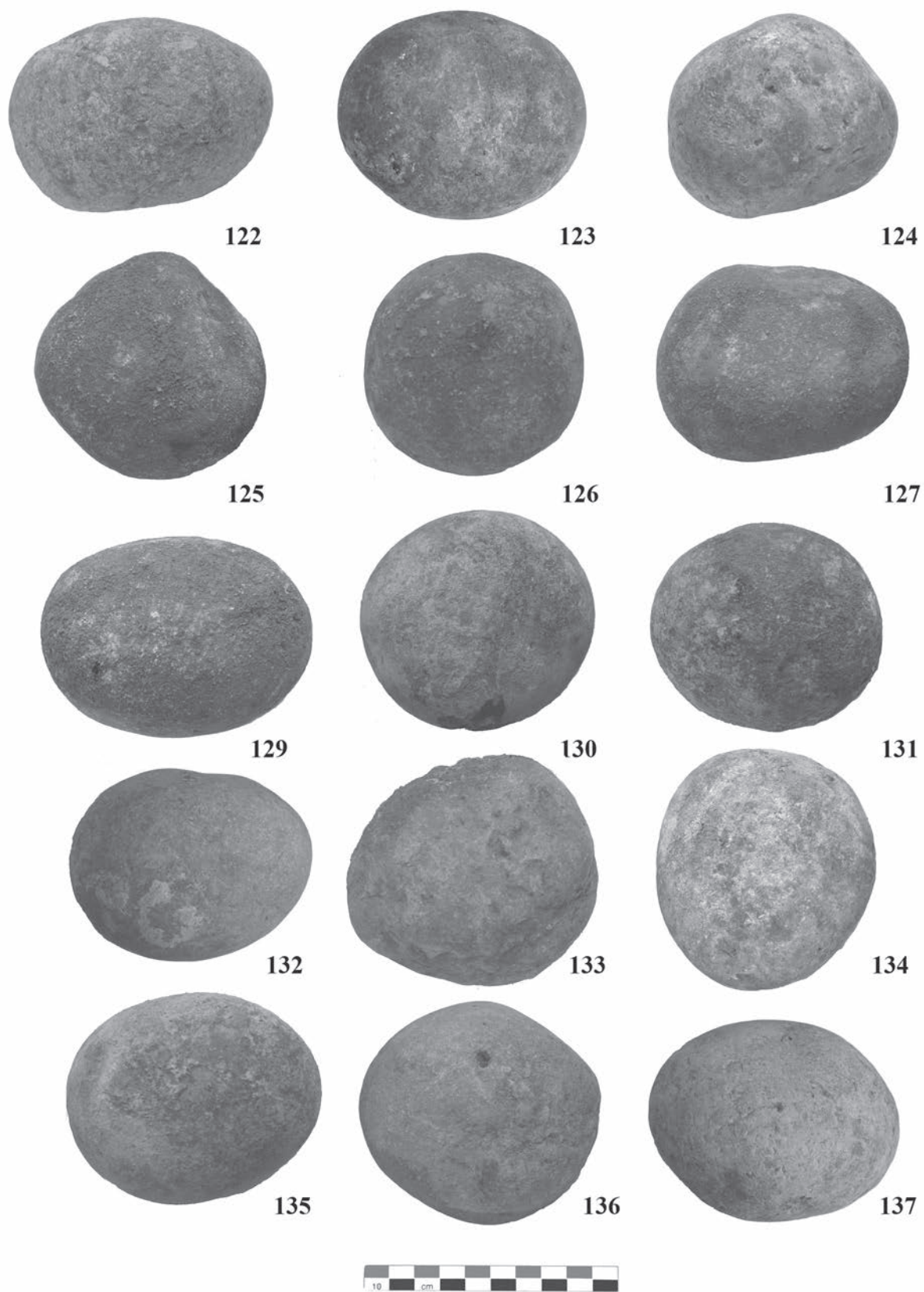

Рис. 7. Каменные ядра. 127–137 — тип 4

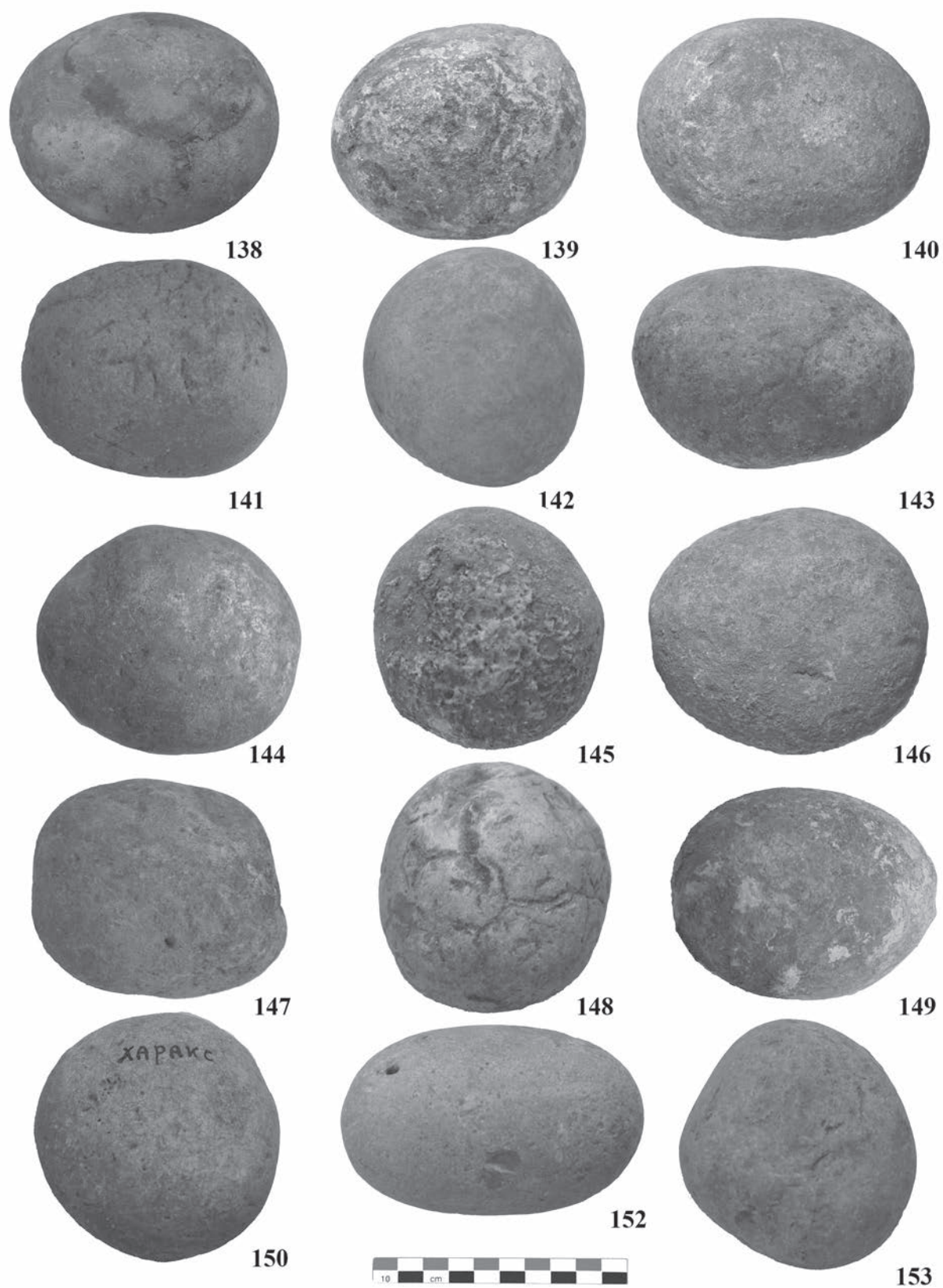

Рис. 8. Каменные ядра. 138–144 — тип 4; 145–153 — тип 5

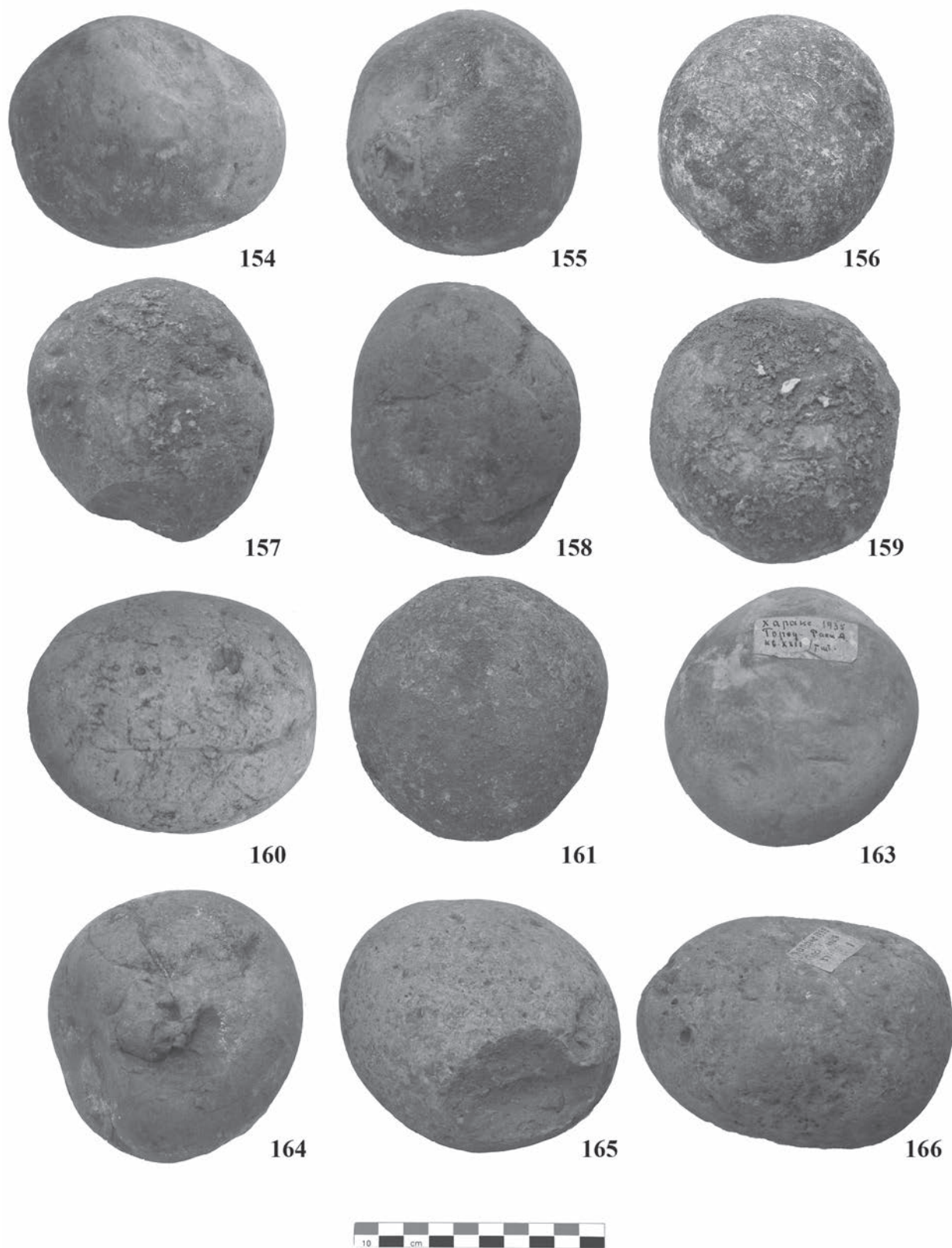

Рис. 9. Каменные ядра. 154–166 — тип 5

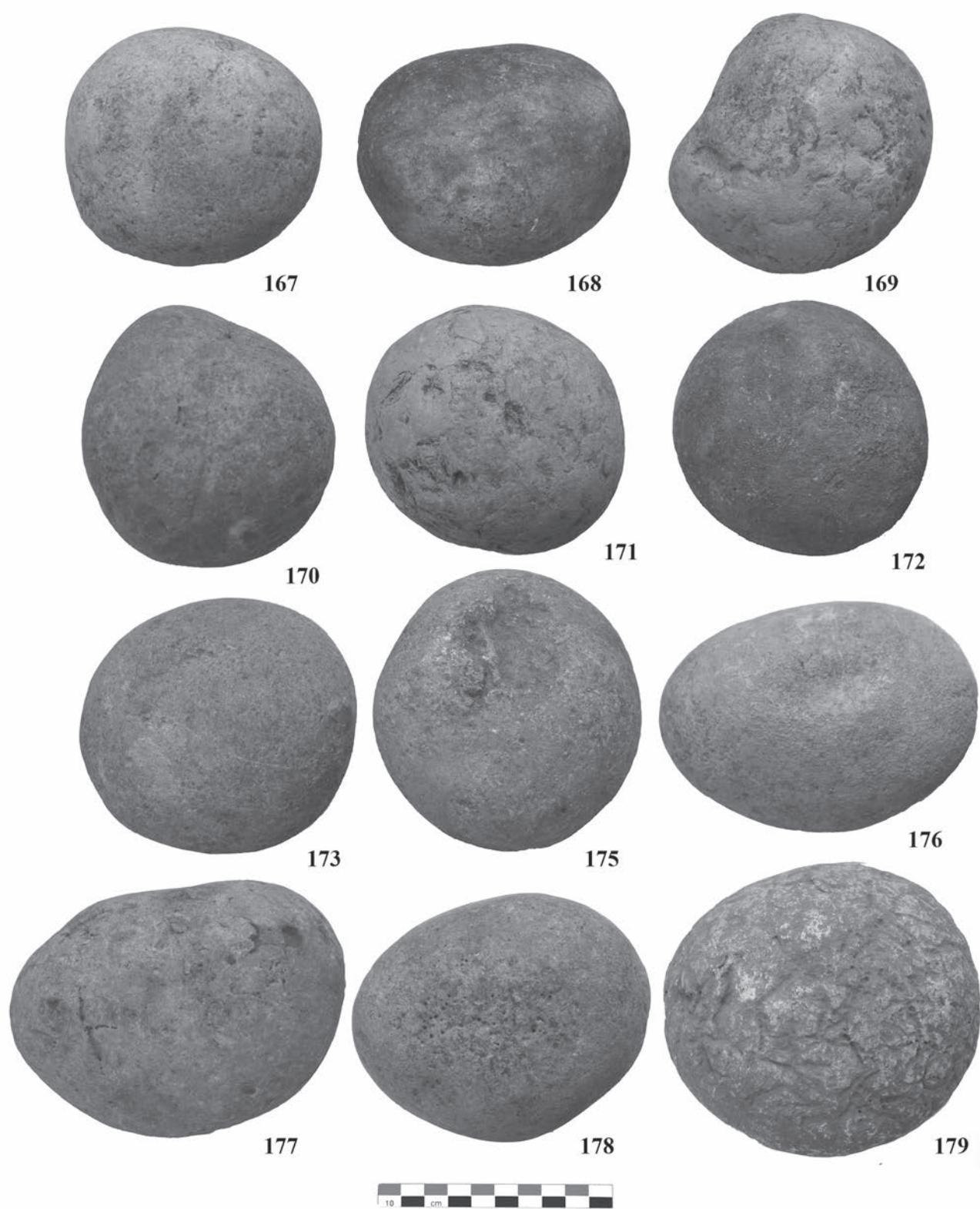

Рис. 10. Каменные ядра. 167–179 — тип 6

1

2

Рис. 11. Колонна Траяна (фрагмент LXVI). 1 – изображение пращников; 2 – изображение камнемёта

Находки каменных ядер различного калибра встречены при раскопках многих памятников Северного Причерноморья. Среди них Херсонес²⁶, Пантикапей²⁷, Илурад²⁸, Мирмекий²⁹, Тасуново³⁰, Артезиан³¹, укрепление на Узунларском валу и другие памятники Крымского Приазовья³², Фанагория³³; Кепы³⁴; несколько «сельских» поселений на Таманском полуострове³⁵; целый ряд других памятников Боспора, а также Арташат в Армении³⁶ за пределами этого региона. В большинстве случаев находки ядер лишь кратко упомянуты при описании прочих находок. Из других причерноморских памятников в качестве хорошего примера упомянем публикацию М. Лемке ядер из Нове³⁷.

Информация о метательных машинах в Северном Причерноморье крайне скудна. К сожалению, до настоящего момента находки здесь металлических деталей от военных механизмов нам неизвестны. У Аппиана сохранилось упоминание о действиях Митридата Евпатора, который, готовясь к очередной кампании против Рима, «приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил)» (App. Mithr. 107; перевод С.П. Кондратьева). Более подробная информация существует о боевых машинах Херсонеса. Отсюда происходит латинская надпись 370–375 гг. времени правления императоров Валента, Валентиниана и Грациана, свидетельствующая о наличии в составе городского гарнизона специального подразделения баллистариев³⁸. Еще одна строительная надпись времени императора Зенона также упоминает баллистариев³⁹. О баллистариях же говорит и Константин Багрянородный (Const. Porph. De adm. Imp. 53): «Собрав мужей из соседних крепостей, приготовив военные колесницы и поместив на них хироволистры, они оказались около города боспориан...». Впрочем, эти баллисты, скорее всего, стреляли не камнями, а специальными стрелами или дротиками с железными наконечниками⁴⁰. Насколько нам известно, в Северном Причерноморье подобный наконечник был найден лишь в мавзолее Неаполя Скифского⁴¹.

Определенные данные о размещении «артиллерии» Харакса дают раскопки 1970–1980-х гг. По предположению К.К. Орлова, верхняя оборонительная стена Харакса имела площадку шириной около 3 м, которая использовалась для установки метательных машин⁴². Им же было открыто «... сооружение, отличавшееся большими размерами (ок. 6 × 4 м), толщина стен которого 0,8–0,85 м... Эта постройка была, видимо, двухэтажной и, судя по местоположению и находящемуся неподалеку скоплению ядер для метательных орудий (более 700 шт.), служила помещением для караула или отряда баллистариев»⁴³. Увы, эти материалы не опубликованы и по сей день...

Завершая нашу небольшую публикацию, отметим, что призыв Н.И.Сокольского «шире вводить в научный оборот все найденные при раскопках ядра с тем, чтобы впоследствии, при достаточном

²⁶ Косцюшко-Валюжинич 1901, 34, 53; 1902, 69; 1905, 42. В 70-е – 80-е гг. XX в. подборку делали на основе фондовых материалов Херсонеса И.А. Антонова и О.Я. Савеля (Картотека каменных ядер / Сост. И.А. Антонова // Архив НЗХТ. Д. 6/№ (дело без номера, в фонде И.А. Антоновой); Картотека оружия (стрелы, мечи, копья, пращевники, панциря фрагменты, материалы к картотеке и пр.) / Сост. О.Я. Савеля // Фонды НЗХТ. Д. 6/№. Раздел «Пращевники, ядра»). На этих материалах базируется и единственная специальная публикация херсонесских ядер (Костылев 2012, 155–168). Кроме того, находки ядер известны и из цитадели. Благодарим С.Б. Сорочана за эту информацию.

²⁷ ОАК за 1873 г., XV; Сокольский 1962, 241–249.

²⁸ Гайдукевич 1958, 72, рис. 63, 2.

²⁹ Гайдукевич 1958, рис. 63, 1.

³⁰ Блаватский, Шелов 1955, 109.

³¹ Винокуров 2008, 109.

³² Присутствие в публикуемом сборнике статьи А.А. Масленникова с обзором этих находок избавляет нас от необходимости их перечисления.

³³ Блаватский 1951б, 135–136.

³⁴ Сокольский 1960, 56; 1961, 71.

³⁵ Поселения Тамань 6 («Суворовское»): Блаватский 1952, 74; Приморский 20: Паромов 1992, 413; Вышестеблиевская 6: Паромов 1992, 566; Вышестеблиевская 8: Паромов 1992, 570; Вышестеблиевская 12: Паромов 1992, 616.

³⁶ Акопян 1986, 232–236.

³⁷ Lemke 2010, 357–364.

³⁸ Ростовцев 1907, 5, № 2; IOSPE I², 449; Соломоник 1983, 28–30; № 3.

³⁹ Латышев 1896, 7–15, № 7.

⁴⁰ Зубарь 1993, 12–14, 1994, 135–136.

⁴¹ Зайцев 2001, 34, рис. 17, 4. Благодарим Ю.П. Зайцева за эту информацию.

⁴² Орлов 1985, 332; 1988, 21, 27.

⁴³ Орлов 1988, 26.

накоплении материала, можно было бы сделать более широкие выводы и более точно определять, классифицировать и датировать этот вид памятников»⁴⁴ остается в силе и сегодня.

Таблица 1

№	Место хранения, шифр	Вес, г	Размеры, см.	Место находки	Рис.
ТИП 1					
1	ГИМ 78411, оп. Б 506	58	4,3х3,2х2,7	Харакс 1935 г., город С, к югу от кв I	Рис. 2
2	ГИМ 78411, оп. Б 506	69	4,1х3,6х3,2	Харакс 1935 г., Город С, кв. I, под камнем № 5	Рис. 2
3	ГИМ 78411, оп. Б 506	69	4,4х3,7х3,1	Харакс 1935 г., Город С, к югу от кв. I	Рис. 2
4	ГИМ 78411, оп. Б 506	72	4,3х4,0х2,9	Харакс 1935 г., Город С, к югу от кв. I,	Рис. 2
5	ГИМ 78411, оп. Б 506	74	4,2х4,0х3,2	Харакс 1935 г., Город В, кв. I, шт. 8	Рис. 2
6	ГИМ 78411, оп. Б 506	74	4,4х3,8х3,1	Харакс 1935 г., Город С к югу от кв. I	Рис. 2
7	ГИМ 78411, оп. Б 506	75	4,6х3,7х2,9	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 2
8	ГИМ 78411, оп. Б 506	85	4,2х3,7х3,2	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVII, ½ ю-в, шт. 1	Рис. 2
9	ГИМ 78411, оп. Б 506	90	4,4х4,2х3,5	Без №	Рис. 2
10	ГИМ 78411, оп. Б 506	92	4,4х4,3х3,4	Харакс 1935 г. Город С, кв. I под камнем № 5	Рис. 2
11	ГИМ 78411, оп. Б 506	93	4,9х4,0х3,3	Харакс 1935 г., город А кв. XXII	Рис. 2
12	ГИМ 78411, оп. Б 506	100	4,7х4,2х3,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. VII, шт. 3	Рис. 2
13	ГИМ 78411, оп. Б 506	101	4,9х3,9х3,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 2
14	ГИМ 78411, оп. Б 506	102	4,6х4,1х3,8	Харакс 1935 г., Город А, XXII, шт. 1	Рис. 2
15	ГИМ 78411, оп. Б 506	103	4,3х4,1х4,1	Харакс 1935 г., Город В, кв. I, шт. 8	Рис. 2
16	ГИМ 78411, оп. Б 506	104	4,6х4,3х3,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. VIII, шт. 4	Рис. 2
17	ГИМ 78411, оп. Б 506	106	5,5х4,4х2,9	Харакс 1935, Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 2
18	ГИМ 78411, оп. Б 506	114	4,9х4,6х3,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. VII, шт. 3	Рис. 2
19	ГИМ 78411, оп. Б 506	115	4,8х4,5х3,8	Харакс 1935 г., Город А, кв. XIII с-з, шт. 3	Рис. 2
20	ГИМ 78411, оп. Б 506	116	4,9х3,8х4,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XIII, юго-запад	Рис. 2
21	ГИМ 78411, оп. Б 506	117	5,2х3,4х4,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. XIV, шт. 1	Рис. 2
22	ГИМ 78411, оп. Б 506	120	5,3х4,4х3,6	Без №	Рис. 2
23	ГИМ 78411, оп. Б 506	120	4,9х4,4х4,0	Харакс 1935 г., Город А, кв. V, шт. 3	Рис. 2
24	ГИМ 78411, оп. Б 506	124	5,0х4,6х3,7	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 2
25	ГИМ 78411, оп. Б 506	129	5,9х4,3х3,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 2
26	ГИМ 78411, оп. Б 506	129	5,0х4,8х3,9	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт. 1	Рис. 2
27	ГИМ 78411, оп. Б 506	137	5,1х4,6х4,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XIII с-з, шт. 3	Рис. 2
28	ГИМ 78411, оп. Б 506	141	5,8х4,6х3,8	Харакс 1935 г., Город В, кв. I, шт. 8	Рис. 2
29	ГИМ 78411, оп. Б 506	141	5,3х4,7х4,0	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт. 1	Рис. 2
30	ГИМ 78411, оп. Б 506	144	5,5х4,8х3,7	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 2
31	ГИМ 78411, оп. Б 506	150	4,5х4,8х4,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 2
32	ГИМ 78411, оп. Б 506	166	5,5х5,0х4,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 2
33	ГИМ 78411, оп. Б 506	171	6,3х4,8х4,0	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 2

⁴⁴ Сокольский 1962, 241.

№	Место хранения, шифр	Вес, г	Размеры, см.	Место находки	Рис.
34	ГМИИ инв. № отсутствует, по описи коллекции № 131	171	5,3х5х4,6	Харакс 1935 г., некрополь А, кв. 4, шт 5	Рис. 2
35	ГИМ 78411, оп. Б 506	173	5,8х5,2х4,2	Харакс 1935 г., Город А, кв. XII, шт. 1	Рис. 2
36	ГМИИ, без №	180	5,6х4,9х4,5	Харакс, 1935 г., некрополь,	Рис. 2
37	ГИМ 78411, оп. Б 506	188	6,3х4,9х4,3	Харакс 1935 г., Город А, кв. VIII, шт. 4	Рис. 2
38	ГИМ 78411, оп. Б 506	196	5,8х5,4х4,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XII, шт. 1	
ТИП 2					
39	ГИМ 78411, оп. Б 506	201	5,9х5,1х4,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. XII, шт. 2	Рис. 3
40	ГИМ 78411, оп. Б 506	211	5,8х5,3х4,9	Харакс 1935 г., Город А, кв. II, шт. 4	Рис. 3
41	ГИМ 78411, оп. Б 506	221	6,4х5,1х4,7	Харакс 1935 г., город А, кв. XXI, шт. 1	Рис. 3
42	ГИМ 78411, оп. Б 506	227	5,5х5,3х5,3	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVI ю-в четверть, шт. 8	Рис. 3
43	ГИМ 78411, оп. Б 506	243	6,1х5,6х5,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. VIII, шт. 4	Рис. 3
44	ГИМ 78411, оп. Б 506	274	6,7х5,9х4,9	Без №	Рис. 3
45	ГИМ 78411, оп. Б 506	275	6,5х6,05,0	Харакс 1935 г., Город А, кв. XIX. Шт. 1	Рис. 3
46	ГИМ 78411, оп. Б 506	281	7,0х5,7х4,2	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXVII, шт. 2а	Рис. 3
47	ГИМ 78411, оп. Б 506	288	6,8х5,9х5,0	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVI, ю-в часть ½ В ¼, шт. 4	Рис. 3
48	ГМИИ, инв. № отсутствует, по описи коллекции № 82	296	7х5,6х5,1	Харакс, 1935 г., Раскоп А, кв. 4,	Рис. 3
49	ГИМ 78411, оп. Б 506	299	6,7х6,1х5,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XII, шт. 6	Рис. 3
ТИП 3					
50	ГИМ 78411, оп. Б 506	308	7,3х5,6х5,2	Без №	Рис. 3
51	ГИМ 78411, оп. Б 506	309	7,5х6,0х4,9	Харакс 1935, Город А кв. XXII, шт. 1	Рис. 3
52	ГИМ 78411, оп. Б 506	311 (обломано)	7,1х5,7х5,7	Харакс 1935 г., Город В(?), кв. ?, шт. 1	Рис. 3
53	ГИМ 78411, оп. Б 506	315	6,8х6,2х5,2	Харакс, 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 3
54	ГИМ 78411, оп. Б 506	326	6,9х6,0х5,6	Харакс, 1935 г., Город А, кв. XVI юз, шт. 1	Рис. 3
55	ГМИИ, инв. № отсутствует, по описи коллекции № 28	326	6,7х6,2х5,7	Харакс. 1935 г., некрополь.	Рис. 3
56	ГМИИ, инв. № отсутствует, по описи коллекции № 8	330	7,5х6,1х5,2	Харакс, 1935 г., Раскоп А, кв. 4	Рис. 3
57	ГИМ 78411, оп. Б 506	337	7,0х6,3х5,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII,	Рис. 3
58	ГИМ 78411, оп. Б 506	340	7,2х6,3х5,2	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 3
59	ГИМ 78411, оп. Б 506	340	7,5х6,2х5,4	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVII/1/2 ю-в часть, шт. 1	Рис. 3
60	ГИМ 78411, оп. Б 506	342	7,8х6,1х4,9	Харакс 1935 г., без №	Рис. 3
61	ГИМ 78411, оп. Б 506	346	7,3х6,0х5,4	Харакс 1935 г., Город А, кв. VIII, шт. 4	Рис. 3
62	ГИМ 78411, оп. Б 506	348	6,8х6,4х5,7	Харакс 1935 г., Город С к югу от кв. 1	Рис. 4
63	ГИМ 78411, оп. Б 506	358	8,0х6,3х4,9	Без номера	Рис. 4
64	ГИМ 78411, оп. Б 506	359	8,0х6,3х4,9	Харакс 1935 г., Город А, кв. VIII, шт. 1	Рис. 4

№	Место хранения, шифр	Вес, г	Размеры, см.	Место находки	Рис.
65	ГИМ 78411, оп. Б 506	363 (обломано)	7,4х6,1х5,7	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт. 8	Рис. 4
66	ГИМ 78411, оп. Б 506	373	6,8х6,8х5,4	Харакс 1935 г., Город А XVIII сев. Ч., шт. 2	Рис. 4
67	ГИМ 78411, оп. Б 506	380–382	7,8х6,2х5,4	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт. 1	Рис. 4
68	ГИМ 78411 оп. Б 506	383	7,5х7,5х4,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. III, шт. 6	Рис. 4
69	ГИМ 78411, оп. Б 506	392	7,3х6,7х5,6	Без №	Рис. 4
70	ГМИИ инв. № отсут- ствует, по описи коллекции № 82	392	8,1х6,5х5,2	Харакс, 1935 г., некрополь, Раскоп А, кв. 4	Рис. 4
71	ГМИИ, инв. № отсут- ствует, по описи коллек- ции № 61	399	7,3х5,9х6,4	Харакс, 1935 г., некрополь, кв. 3, шт. 2–3	Рис. 4
72	ГИМ 78411, оп. Б 506	400	7,5х6,4х5,8	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт. 1	Рис. 4
73	ГМИИ, инв. № отсут- ствует, по описи коллек- ции № 22	404	8,1х6,3х5,5	Харакс, 1935 г., некрополь	Рис. 4
74	ГИМ 78411, оп. Б 506	405	7,7х6,5х5,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVI, шт. 10	Рис. 4
75	ГИМ 78411, оп. Б 506	416	7,7х7,3х5,2	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 4
76	ГМИИ, инв. № отсут- ствует	418	8,2х7,2х5	Харакс, 1935 г., некрополь, раскоп В, кв. 1, шт. 2	Рис. 4
77	ГИМ 78411, оп. Б 506	425	8,1х6,0х6,2	Харакс 1935 г., город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 4
78	ГМИИ, инв. № отсут- ствует	431	7,9х6,5х5,9	Харакс, 1935 г., некрополь, кв. 3, шт. 2–3	Рис. 4
79	ГИМ 78411, оп. Б 506	432	8,0х6,8х5,4	Харакс, 1935 г., город А IV, шт. 3	Рис. 4
80	ГМИИ, инв. № отсут- ствует	439	8,6х6,7х5	Харакс, 1935 г., некрополь А, кв. 5. Шт. 3	Рис. 4
81	ГИМ 78411, оп. Б 506	436	7,8х6,5х5,9	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXV, шт. 7	Рис. 4
82	ГИМ 78411, оп. Б 506	440	7,6х6,8х6,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XII, шт. 3	Рис. 5
83	ГИМ 78411, оп. Б 506	440	7,5х7,1х5,4	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 5
84	ГИМ 78411, оп. Б 506	458	7,9х6,9х6,2	Без №	Рис. 5
85	ГИМ 78411, оп. Б 506	471	7,7х6,9х6,4	Харакс, 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 5
86	ГИМ 78411, оп. Б 506	481	8,3х6,8х6,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 5
87	ГИМ 78411, оп. Б 506	487	8,7х7,2х5,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт. 1	Рис. 5
88	ГМИИ, инв. № отсут- ствует	497	7,9х7,4х5,9	Харакс. 1935 г., некрополь, Раскоп А, кв. 4.	Рис. 5
89	ГИМ 78411 оп. Б 506	498	7,4х7,3х6,6	Харакс 1935 г., Город А	Рис. 5
ТИП 4					
90	ГИМ 78411, оп. Б 506	506	8,1х7,2х6,1	Без №	Рис. 5
91	ГИМ 78411, оп. Б 506	506	8,7х7,4х5,4	Без №	Рис. 5
92	ГИМ 78411, оп. Б 506	514	7,2х7,2х6,9	Без №	Рис. 5
93	ГИМ 78411, оп. Б 506	515	8,2х6,8х5,9	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт. 1	Рис. 5
94	ГИМ 78411, оп. Б 506	522	8,5х7,6х5,4	Без №	Рис. 5
95	ГИМ 78411, оп. Б 506	525	8,7х7,2х5,5	Без №	Рис. 5

№	Место хранения, шифр	Вес, г	Размеры, см.	Место находки	Рис.
96	ГИМ 78411, оп. Б 506	526	8,5х7,5х5,8	Без №	Рис. 5
97	ГИМ 78411, оп. Б 506	529	7,9х6,9х6,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт.	Рис. 5
98	ГИМ 78411, оп. Б 506	545	8,5х7,7х5,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. XIII/с часть, шт. 3	Рис. 5
99	ГИМ 78411, оп. Б 506	554	8,4х7,4х6,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт. 1	Рис. 5
100	ГИМ 78411, оп. Б 506	567	7,9х7,8х6,2	Без №	Рис. 5
101	ГИМ 78411, оп. Б 506	576	7,8х7,2х6,8	Харакс 1935 г., Город В, кв. II, шт. 5 прирезка	Рис. 5
102	ГИМ 78411, оп. Б 506	578	8,4х7,4х6,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 6
103	ГИМ 78411, оп. Б 506	583	9,4х7,0х6,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. VIII, т. 4	Рис. 6
104	ГИМ 78411, оп. Б 506	586	9,3х7,8х5,3	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт. 1	Рис. 6
105	ГИМ 78411, оп. Б 506	586	10,0х6,4х6,6	Без №	Рис. 6
106	ГИМ 78411, оп. Б 506	591	8,5х8,1х5,8	Без №	Рис. 6
107	ГИМ 78411, оп. Б 506	605	8,8х7,8х5,8	Харакс 1935 г., Город А кв. XVII ½ юз часть, шт 1	Рис. 6
108	ГИМ 78411, оп. Б 506	614	8,8х7,9х6,1	Харакс 1935 г., Город В	Рис. 6
109	ГИМ 78411, оп. Б 506	620	9,4х7,2х6,1	Харакс 1935 г., Город А, XVI ю-в ¼, шт. 4	Рис. 6
110	ГИМ 78411, оп. Б 506	639	9,7х7,8х5,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 6
111	ГИМ 78411, оп. Б 506	646	8,9х7,6х6,7	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVII	Рис. 6
112	ГИМ 78411, оп. Б 506	646	8,9х7,2х6,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 6
113	ГИМ 78411, оп. Б 506	648	9,1х7,5х6,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 6
114	ГИМ 78411, оп. Б 506	649	8,8х8,3х6,4	Без №	Рис. 6
115	ГИМ 78411, оп. Б 506	652	9,2х7,0х6,9	Харакс 1935 г., Город А, кв. XIX. Шт. 1	Рис. 6
116	ГИМ 78411, оп. Б 506	656	8,5х7,8х7,3	Без №	Рис. 6
117	ГИМ 78411, оп. Б 506	660	8,5х7,9х7,3	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXV (?), шт. 2 (?)	Рис. 6
118	ГИМ 78411, оп. Б 506	670	9,2х7,8х6,2	Без №	Рис. 6
119	ГИМ 78411, оп. Б 506	675	8,2х8,1х7,3	Харакс 1935 г., Город А, кв. XIV, шт. 1	Рис. 6
120	ГИМ 78411, оп. Б 506	711	9,8х7,5х6,7	Харакс 1935 г., Город В, кв. II, шт. 8	Рис. 6
121	ГИМ 78411, оп. Б 506	713	8,9х7,5х7,1	Без №	Рис. 6
122	ГИМ 78411, оп. Б 506	713	10,4х7,1х6,4	Харакс 1935 г., Город А, XXII, шт. 1	Рис. 6
123	ГИМ 78411, оп. Б 506	724	10,3х8,2х5,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVII сев.ч., шт 2	Рис. 6
124	ГИМ 78411, оп. Б 506	743	8,8х7,5х7,5	Харакс 1935 г., Город А, XXII, шт. 1	Рис. 6
125	ГИМ 78411, оп. Б 506	750	9,0х8,8х6,9	Без №	Рис. 6
126	ГИМ 78411, оп. Б 506	757	8,7х8,5х7,2	Харакс 1935 г., Город А, кв. XX, шт. 1	Рис. 6
127	ГИМ 78411, оп. Б 506	765	9,7х7,5х6,9	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXI, шт.1	Рис. 7
128	ГИМ 78411, оп. Б 506	775	10,2х8,1х6,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVIII, шт. 2	
129	ГИМ 78411, оп. Б 506	780	10,3х7,5х6,9	Без №	Рис. 7
130	ГИМ 78411, оп. Б 506	788	9,3х8,7х7,3	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 7
131	ГИМ 78411, оп. Б 506	796	9,0х8,1х7,7	Харакс 1935 г., Город В (?), кв. XIX, шт. 1	Рис. 7
132	ГИМ 78411, оп. Б 506	801	9,8х7,6х7,3	Без №	Рис. 7
133	ГИМ 78411, оп. Б 506	809	9,7х8,7х6,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. XX. Шт. 1	Рис. 7

№	Место хранения, шифр	Вес, г	Размеры, см.	Место находки	Рис.
134	ГИМ 78411, оп. Б 506	811	9,9x8,7x6,6	Харакс 1935 г., Город В, кв. I, шт. 5	Рис. 7
135	ГИМ 78411, оп. Б 506	814	9,7x8,0x7,1	Без №	Рис. 7
136	ГИМ 78411, оп. Б 506	815	8,7x9,0x6,6	Без №	Рис. 7
137	ГИМ 78411, оп. Б 506	821	10,1x8,0x6,8	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII шт. 1	Рис. 7
138	ГИМ 78411, оп. Б 506	823	10,5x8,9x5,9	Харакс 1935 г., Нимфей, случайная находка	Рис. 8
139	ГИМ 78411, оп. Б 506	835	9,9x7,2x7,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. XII, шт. 3	Рис. 8
140	ГМИИ, инв. № отсутствует, по описи коллекции № 82	845	11x8,3x6,2	Харакс, 1935 г., некрополь, Раскоп А, кв. 4	Рис. 8
141	ГИМ 78411, оп. Б 506	858	10,2x8,5x6,6	Харакс, 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 8
142	ГИМ 78411, оп. Б 506	859	9,5x8,6x7,2	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 8
143	ГИМ 78411, оп. Б 506	877	11,0x8,0x6,6	Без №	Рис. 8
144	ГИМ 78411, оп. Б 506	891	10,4x9,0x6,3	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 8
ТИП 5					
145	ГИМ 78411, оп. Б 506	909	9,5x8,5x7,9	Без №	Рис. 8
146	ГМИИ, инв. № отсутствует, по описи коллекции № 82	910	10,5x9,3x6,1	Харакс, 1935 г., некрополь, раскоп А, кв. а	Рис. 8
147	ГИМ 78411, оп. Б 506	917	10,2x8,7x7,0	Харакс 1935 г., Город А, кв. XX, шт. 2	Рис. 8
148	ГИМ 78411, оп. Б 506	923	9,9x8,9x7,3	Без №	Рис. 8
149	ГИМ 78411, оп. Б 506	927	10,4x8,1x7,4	Без №	Рис. 8
150	ГИМ 78411, оп. Б 506	931	10,1x9,5x6,6	Без №	Рис. 8
151	ГИМ 78411, оп. Б 506	933	10,3x8,0x7,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	
152	ГИМ 78411, оп. Б 506	936	11,5x7,5x7,3	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 8
153	ГИМ 78411, оп. Б 506	996	10,5x8,9x7,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 8
154	ГИМ 78411, оп. Б 506	1005	11x8,9x7,1	Харакс 1935 г., Город В, кв. II, шт. 8	Рис. 9
155	ГИМ 78411, оп. Б 506	1006	10,3x9,3x7,2	Без №	Рис. 9
156	ГИМ 78411, оп. Б 506	1013	10,5x9,3x7,0	Без №	Рис. 9
157	ГИМ 78411, оп. Б 506	1037 (обломано)	10,5x9,5x7,0	Харакс 1935 г., Город А, кв. XIX, шт. 1	Рис. 9
158	ГИМ 78411, оп. Б 506	1064	10,1x8,6x8,5	Без №	Рис. 9
159	ГИМ 78411, оп. Б 506	1106	11,2x9,7x6,4	Без №	Рис. 9
160	ГИМ 78411, оп. Б 506	1138	11,4x9,4x7,0	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 9
161	ГИМ 78411, оп. Б 506	1148	10,1x10x7,8	Харакс 1935 г., Город А, кв. XX, шт. 1	Рис. 9
162	ГИМ 78411, оп. Б 506	1152	11,2x8,8x7,8	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	
163	ГИМ 78411, оп. Б 506	1154	10,5x9,2x7,6	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 9
164	ГИМ 78411, оп. Б 506	1220	11,3x10,5x7,4	Без №	Рис. 9
165	ГИМ 78411, оп. Б 506	1288 (обломано)	11,2x10x8,2	Без №	Рис. 9
166	ГИМ 78411, оп. Б 506	1309	11,9x9,2x7,7	Харакс 1935 г., Город А кв. XII, шт. 1	Рис. 9
167	ГИМ 78411, оп. Б 506	1316	10,8x9,8x8,5	Харакс 1935 г., Город А кв. XX, шт. 2	Рис. 10
168	ГИМ 78411, оп. Б 506	1317	11,0x9,0x8,8	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVII к ю-з	Рис. 10

№	Место хранения, шифр	Вес, г	Размеры, см.	Место находки	Рис.
169	ГИМ 78411, оп. Б 506	1341	11,2x10,2x8,6	Без №	Рис. 10
170	ГИМ 78411, оп. Б 506	1370	11,3x9,5x8,0	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 10
171	ГИМ 78411, оп. Б 506	1374	11,0x9,8x8,8	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 10
172	ГИМ 78411, оп. Б 506	1394	10,5x10,2x8,5	Харакс 1935 г., Город А кв. XIX, шт. 1	Рис. 10
173	ГИМ 78411, оп. Б 506	1411	11,5x10,7x7,5	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 10
174	ГМИИ, инв. № отсутствует, по описи коллекции № 82	1509	12,8x9,8x8	Харакс, 1935 г., некрополь, кв. 4.	
175	ГИМ 78411, оп. Б 506	1631	11,2x10,7x9,1	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 10
176	ГИМ 78411, оп. Б 506	1755	13,6x9,8x8,8	Харакс 1935 г., Город А, кв. XXVII, шт. 2	Рис. 10
177	ГИМ 78411, оп. Б 506	1955	13,7x10x8,9	Харакс 1935 г., Город А, кв. XVII, шт. 1	Рис. 10
178	ГИМ 78411, оп. Б 506	1649	12,4x10,0x9,5	Харакс, 1935 г., Город А, кв. XXII, шт. 1	Рис. 10
179	ГМИИ, инв. № отсутствует	2298	12,8x12,7x9,6	Без №	Рис. 10

Литература

- Акопян А.М. 1986: Каменные ядра из Арташата // Проблемы античной культуры / Г.А. Кошеленко (ред.). М., 232–237.
- Алексинский Д.П. 2013: Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.
- Атавин А.Г. 1993: Краснолаковая керамика IV–VI вв.н.э. из Фанагории // БС, 2. М., 149–171.
- Блаватский В.Д. 1947: Осада и оборона в античном Причерноморье // КСИИМК. XVI. М.–Л., 89–93.
- Блаватский В.Д. 1951а: Харакс // МИА. 19. М., 250–291.
- Блаватский В.Д. 1951б: Каменное ядро из Фанагории // КСИИМК. XXXIX. М.–Л., 135–136.
- Блаватский В.Д. 1952: Первый год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. XLVIII. М., 71–80.
- Блаватский В.Д., Шелов Д.Б. 1955: Разведки на Керченском полуострове // КСИИМК. 58. М. 100–113.
- Винокуров Н.И. 2008: Война на ближнем Боспорском пограничье и ее последствия (по материалам раскопок городища и некрополя Артезиан в Крымском Приазовье) // БИ. XIX. Симферополь — Керчь, 103–112.
- Гайдукевич В.Ф. 1958: Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 85. М.–Л., 9–148.
- Дьяков В.Н. 1941: Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ. 1, 87–97.
- Журавлев Д.В., Камелина Г.А. 2005: Клейма на строительных материалах из Харакса в собрании ГИМ // БИ. VIII. Симферополь — Керчь, 350–360.
- Журавлев Д.В., Камелина Г.А. 2012: Детали римского воинского снаряжения из Харакса в собрании ГИМ // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гузиной. Труды ГИМ. 191 / Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.). М., 63–69.
- Зайцев Ю.П. 2001: Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. 118 / И.И. Гузина, Д.В. Журавлев (ред.). М., 13–54.
- Зубарь В.М. 1993: Херсонесские баллистарии // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения М.Я. Сюзюмова, 21–23 сентября 1993. Тезисы докладов. Екатеринбург, 12–14.
- Зубарь В.М. 1994: Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.
- Зубарь В.М. 1998: Северный Понт и Римская империя. Киев.
- Камелина Г.А. 2012: Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены Харакса (по материалам раскопок В.Д.Блаватского в 1935 г.) // ПИФК. 2. 46–90.

- Карлов С.В., Белый А.В. 2008: Каменные метательные снаряды из раскопок укрепления Пенджере-Исар на Чуфут-Кале // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 3. Симферополь. 161–190.
- Кат. СПб. 2010. Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки / М.Б.Пиотровский (ред.). СПб.
- Костылев И.Г. 2012: Метательные снаряды из средневековой экспозиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» // ХСб. XVII. Симферополь, 155–168.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1901: Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. // ИАК. 1. СПб, 1–55.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1902: Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. 4, 51–119.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1905: Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. 16, 37–110.
- Латышев В.В. 1896: Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб. ОАК за 1873 г. СПб. 1876.
- Орлов К.К. 1985: Изучение Харакса // АО 1983 года. М., 331–332.
- Орлов К.К. 1988: Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / С.Н. Бибииков (ред.), Киев, 16–27.
- Паромов Я.М. 1992: Археологическая карта Таманского полуострова (Работа депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992 г.). М.
- Ростовцев М.И. 1900: Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. Март, 1–19.
- Ростовцев М.И. 1907: Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 23. СПб, 1–20.
- Ростовцев М.И. 1911: Святилища фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 40, 1–42.
- Сарновски Т. 2006: Плавтий Сильван и «эскадра-призрак» на Черном море в I в. н. э. // ВДИ. 1, 117–133.
- Скобелев Д.А. 2000: Праща: снаряды и способы метания в античности // Para bellum. 9. СПб. 75–96.
- Сокольский Н.И. 1960: Раскопки в Кепях в 1957 году // КСИИМК. 78. М., 53–63.
- Сокольский Н.И. 1961: Работы в Кепях в 1958 году // КСИА. 83. М., 66–72.
- Сокольский Н.И. 1962: Каменные ядра из Пантикапея // МИА. 103. М., 241–249.
- Соломоник Э.И. 1983: Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.
- Чхаидзе В.Н. 2012: Фанагория в VI–X веках. М.
- Campbell D. 2003: Greek and Roman Artillery. 399 BC — AD 363. Oxford.
- Baatz D. 1994: Bauten und Katapulte des Römischen Herres. Stuttgart.
- Griffiths W.B. 1989: The Sling and its Place in the Roman Imperial Army // Roman Military Equipment: the Sources of Evidence. Proceedings of the Fifth Roman Military Equipment Conference / C. van Driel-Murray (ed.). BAR International Series. 476. Oxford. 255–279
- James S. 2004: The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armour and other Military Equipment. London.
- Korfmann M. 1973: The Sling as a Weapon // Scientific American 229. October. 34–42.
- Lemke M. 2010. Stone projectiles discovered in the *Castra Legiones Novae* near Svishtov (BG) // ROMEC XVII. Proceedings. Zagreb. 357–364.
- Marsden E.W. 1969: Greek and Roman Artillery: Historical Development. Oxford.
- Marsden E.W. 1971: Greek and Roman Artillery: Technical Treatises. Oxford.
- Zangemeister C. 1885: Grandes Plumbae Latinae Inscriptae. Ephemeris Epigraphica. CILS. Vol. VI. Romae.

STONE PROJECTILES FROM THE ROMAN FORTRESS OF KHARAKS

D.V. Zhuravlev, G.A. Kamelina

The article presents an overview of the corpus of stone projectiles for catapults and slingshots discovered in the Roman fortress Kharaks in 1930th. These stone projectiles are kept in the collections of the State Historical Museum and of the Pushkin State Museum of Fine Arts.

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНИКИ АРХАИЧЕСКОЙ БЕРЕЗАНИ

(См. рис. 2–8 на вкладке)

Изучение античного поселения на острове Березань, благодаря хорошей сохранности и доступности для изучения культурных напластований и строительных остатков архаической эпохи, раскрывает перед исследователями памятника большой массив данных о греческой городской архитектуре этого времени — как рядовой, жилой, так и общественной. Многолетними систематическими раскопками в различных частях острова затронуты большие участки городской застройки второй половины VI — первой трети V в. до н.э., позволяющие судить как о планировке отдельных домохозяйств, так и о планировочной структуре поселения в целом — размерах кварталов, ширине и взаимном расположении улиц. Массовое строительство сблокированных в кварталы многокамерных жилых домов, т. е. возникновение уличной сети архаического Борисфена в настоящее время датируется началом третьей четверти VI в. до н.э. (предположительно 540-ми годами до н.э.)¹; причем большая часть этих сооружений просуществовала затем менее столетия². Строительные остатки, принадлежавшие архаическим домам Березани, как правило, представляют собой каменные цоколи стен, верхние части которых были сложены из сырцового кирпича. Кладки этих цоколей могут быть выполнены в различной строительной технике; зафиксированы также случаи, в которых несущие стены не имели каменных цоколей вовсе, а сырцовые кладки ставились непосредственно на грунт. Для устройства жилых домов наряду с наземными постройками нередко полуподвальные помещения и подвалы. В целом методы строительства, применявшиеся при возведении жилых и общественных построек Березанского поселения, достаточно типичны для античных урбанизированных центров Северного Причерноморья периодов поздней архаики и ранней классики, однако имеют и определенные локальные особенности, речь о которых пойдет ниже.

Цоколи стен, сложенные из камня

Самым распространенным типом кладки, применявшимся при строительстве домов Березанского поселения, была постелистая иррегулярная кладка, сложенная из небольших необработанных или грубо обколотых камней известняка (рис. 1, 4; рис. 2, 1–3). Подобные стены могут быть однослойными и двухслойными. В отдельных случаях в кладке использовались окатанные камни или более крупные округлые булыжники вулканических пород камня, по-видимому, доставленные на Березань в качестве корабельного балласта³. Использование окатанных камней характерно для наиболее ранних домов⁴. Так, например, массовое использование окатанных камней выявлено в кладках помещения 6 участка «О-Западный»⁵, принадлежавшего жилому дому, который возник в начале третьей четверти VI в. до н.э. и погиб в пожаре в последней четверти того же столетия. Этот примечательный факт, вероятно, иллюстрирует неразвитость добычи камня на самом раннем этапе каменно-сырцового наземного домостроительства Борисфена⁶. В подавляющем большинстве случаев толщина каменных цоколей не превышает 0,40–0,50 м. Их высота может сильно различаться; в тех случаях, когда можно быть уверенным в том, что цоколь сохранился на полностью, высота ка-

¹ Чистов 2012б, 41, 61, 120.

² Solovyov 1999, 98–113; Чистов 2014, 442–443.

³ См. рис. 2, 4: в нижних ядрах кладок 14 и 15 использованы крупные камни вулканического происхождения.

⁴ Крыжицкий 1993, 51, 54, рис. 25.

⁵ Чистов 2012а, 50–52.

⁶ Чистов 2012а, 50.

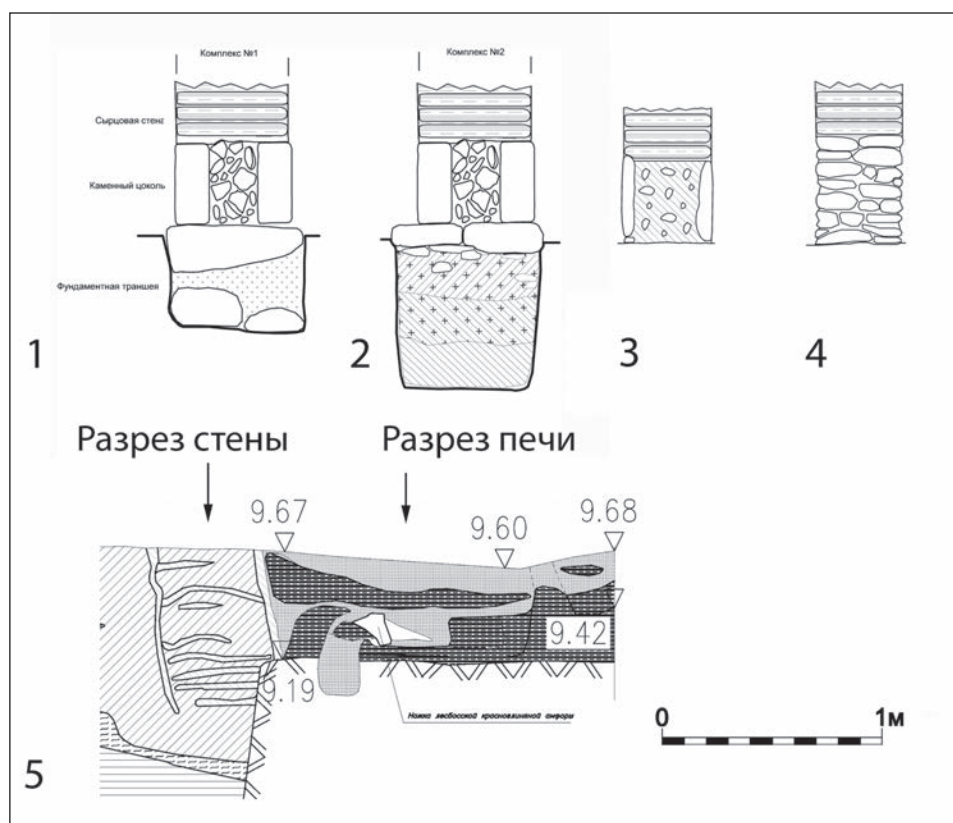

Рис.1. Схематические разрезы различных типов кладок, применявшихся в строительстве на участке «О» Березанского поселения: 1-2 – трехслойные орфостатные кладки на фундаментах (1 – МК-1, 2 – МК-2); 3 – простая трехслойная орфостатная кладка; 4 – иррегулярная постелистая кладка. 5 – стратиграфический разрез сырцовой (или дерновой?) стены комплекса второй пол. VI в до н.э., раскрытой под подошвой восточной стены МК-1

менной кладки варьировалась от 0,2 до 0,7–0,8 м. Стены построек, исполненные в сходной технике и имеющие близкие параметры, характерны для архаических горизонтов античных центров Ионии⁷, а также широко распространены в Северном Причерноморье⁸.

К следующей категории относятся орфостатные трехслойные кладки каменных цоколей. Кладки Березанского поселения, сложенные в этой системе, можно условно поделить на две категории. К первой, наиболее многочисленной, относятся цоколи стен; фасы которых образованы поставленными на ребро уплощенными плитами известняка, не имеющими следов отески (рис. 1, 3; рис. 3). Как правило, такие камни установлены на грунт в один ряд и имеют неправильную форму: их боковые грани не пригнаны друг к другу. Пространства между крупными орфостатами обычно заполнялось необработанными камнями меньших размеров. Внутренний объем цоколя между фасадами стен этого типа, как правило, забит каменным бутом на глине, а в некоторых случаях и просто глиной с небольшим количеством камней (рис. 1, 3). Возможно, в некоторых случаях такие стены могли представлять собой сырцовую кладку, облицованную в нижней части камнем, однако достоверных примеров выявленной структуры кирпичей в глинистой забутовке цоколя пока не известно. Существовали некоторые разновидности цоколей стен, сложенных в такой системе; например, поверх орфостатов первого ряда очень часто размещался второй ряд постелистой однослойной кладки, который, в свою очередь, служил основанием сырцовой кладки (рис. 3, 2–3). Несущая способность цоколей, выполненных в столь специфичной для Березани строительной технике, очевидно, была заметно ниже в сравнении с кладками, выполненными целиком из камня. Вместе с тем, их преимуществами, вероятно, была скорость возведения и экономия строительных материалов. В ходе раскопок подобные цоколи нередко находят в сильно деформированном

⁷ Senff 1995, 209, Abb 11; Ersoy 2007, 167–168.

⁸ Крыжицкий 1982, 23–24, рис. 5, 1–3.

состоянии: установленные на ребро камни смещались при разрушении постройки либо под давлением несущих конструкций на внутренний слой глины или бута (рис. 3, 1)⁹.

Намного реже встречаются орфостатные кладки, выполненные из тесаного камня. На участке «О-Западный» они выявлены лишь в трех комплексах, два из которых атрибутированы как общественные здания конца VI — первой трети V в. до н.э. В третьем случае цоколь, сложенный в этой технике, служил внешней стеной жилого дома, отделявшей внутренний двор от городской улицы (рис. 4, 3). В этой стене (кладка № 31) имелась ниша, по-видимому — крытый протирон, в котором находился дверной проем, служивший входом в дом с улицы. Строительный горизонт, которому принадлежала стена 31, также датируется позднеархаическим временем (концом VI — началом V в. до н.э.). Камни фасада имели различные размеры: крупные блоки были поставлены на ребро в один ряд, но в некоторых местах камни меньших размеров образовывали до трех рядов постелистой кладки, так что подобная кладка должна классифицироваться как постелисто-орфостатная (мозаичная)¹⁰. Под горизонтальными плитами первого ряда, уровень которых соответствовал древней дневной поверхности, были выявлены грубо обколотые камни фундамента, лежавшие в 1–2 ряда.

Два других ярких примера использования орфостатной кладки относятся к постройкам МК-1 и МК-2, особенности планировки и взаимного расположения которых позволили предположить их общественное назначение, вероятно, в качестве пиршественных залов (гестиаториев)¹¹. Еще одна аналогичная кладка (№ 43, рис. 4, 2) хорошей сохранности принадлежала какой-то постройке, находившейся к северу от МК-1, и синхронной последней (рис. 4, 2)¹². В основании цоколей стен этих зданий лежал ряд крупных уплощенных плит известняка. На них была установлена трехслойная орфостатная кладка — фасы образованы хорошо отесанными по фасаду блоками известняка прямоугольной формы, пространство между ними было заполнено бутовым камнем (рис. 4, 1). В тех местах, где второй ряд кладки был полностью разобран в древности, на горизонтальных плитах первого ряда местами сохранились прорезанные линии разметки, нанесенные древним каменщиком перед установкой орфостатов (рис. 5).

В одном случае по линиям такой разметки можно было проследить ошибку древних строителей. В западной части кладки 65 плиты первого ряда были ошибочно уложены с некоторым отклонением к югу, в связи с чем провести по ним прямую линию фасада стены, сохраняя примерно одинаковый отступ от края плит первого ряда, оказалось невозможным (продолжение прочерченной прямой вышло бы за пределы уже уложенных плит). Проблема была решена проведением дополнительной линии. Таким образом, северный фасад этой стены не был идеально прямым, но, по всей видимости, имел небольшой визуально малозаметный излом или уступ¹³.

Второй ряд уцелел лишь на отдельных участках (целиком сохранилась лишь одна из стен МК-1, см. рис. 4, 1), однако сохранившиеся цоколи позволяют реконструировать характер разобранных кладок (рис. 1, 1–2). На горизонтальные плиты первого ряда был установлен второй ряд трехслойной орфостатной кладки, сложенной из хорошо обработанных плит известняка подпрямоугольной формы. Пространство между двумя слоями орфостатов было заполнено мелким рваным бутовым камнем. Высота цоколей стен МК-1 МК-2 и стены 43 составляла около 0,40–0,50 м, ширина — 0,48–0,52 м. Ряд горизонтальных плит первого ряда был шире орфостатной кладки (0,70 м), и, вследствие этого, выступал от фасада орфостатов в обе стороны на 0,09–0,12 м.

Цоколи стен, возведенные по описанной выше схеме (трехслойная орфостатная кладка, поставленная на постелистый однослойный ряд) неслучайно выявляются только у построек самого позднего этапа существования урбанизированного Березанского поселения (период II–B2, конец VI — первая треть V в. до н.э.): в Ольвии появление кладок схожего типа приходится на вторую половину V в. до н.э.¹⁴, аналогичные кладки широко используются в строительстве жилых домов Керкинитиды с конца V в. до н.э.¹⁵

⁹ В иллюстрациях кладок данного типа использованы полевые фотографии стен участка «Т» 2007 г. (рис. 3, 1–2). Благодарю автора раскопок, начальника экспедиции ИА НАНУ В.В. Крутилова за материалы, любезно предоставленные мне для этой публикации.

¹⁰ Крыжицкий 1982, 24–25, рис. 5, 7.

¹¹ Чистов, Ильина 2012.

¹² Чистов 2012б, 94–95.

¹³ Чистов, Ильина, 2012, 27–28.

¹⁴ Крыжицкий 1985, 69.

¹⁵ Кутайсов 1990, 90.

Фундаменты

Отличительной особенностью комплексов МК-1 и МК-2, помимо характера самих кладок, являлось то, что стены этих построек были поставлены на полноценные фундаменты. Ширина фундаментных траншей, перекрытых известняковыми плитами первого ряда кладок, составляла от 0,60 до 0,90 м при глубине от 0,30 до 0,65 м. Устройство самих фундаментов было различным: у МК-1 в траншею были уложены крупные окатанные валуны вулканических пород камня, очевидно, доставленные на Березань в качестве корабельного балласта. Валун лежал в два, а местами в три слоя на один ряд в высоту и были засыпаны слоем чистого морского песка. Траншеи фундамента МК-2 были заполнены слоями известковой крошки и морского песка (заполнение под разными стенами различалось: под одной из стен оно представляло собой не чередующиеся слои, а смесь известковой крошки со светлым суглинком; в одном случае вся траншея оказалась засыпана чистым морским песком). В верхней части заполнения фундаментных траншей этого здания непосредственно под подошвами плит первого ряда кладок также фиксировался слой мелкого каменного бута. Судя по тонкому налету гари на стенках траншей, перед засыпкой в них недолгое время выжигался какой-то горючий материал — вероятно, для подсушивания грунта.

Выявленные в приведенных выше случаях фундаментные конструкции являются уникальными для античных памятников позднерархаического периода на Березани. В остальных известных нам случаях стены березанских каменно-сырцовых построек ставились непосредственно на грунт, либо же роль фундамента исполнял первый, заглубленный ряд кладки, как правило, сложенный из необработанных камней, несколько выступающих от фасадов стен¹⁶. Фундаменты МК-1 и, в особенности, МК-2, по всей видимости, представляют собой наиболее ранние варианты технологии, близкой т. н. слоевым основаниям, известным по раскопкам Ольвии¹⁷ и Истрии¹⁸. Субструкции из песка и дробленого щебня в фундаментных траншеях, аналогичные фундаменту МК-2, выявлены при раскопке комплексов Керкинитиды и Калос Лимен V–IV вв. до н.э.¹⁹; применялись песочные субструкции и в Ольвии²⁰.

Происхождение этой технологии дискутируется²¹, а причины ее возникновения, как считается, связаны со стремлением не допустить неравномерную просадку стен дома, возводимого на культурном слое неоднородной плотности. Таким образом, наиболее актуально ее применение не на начальном этапе застройки города, когда кладки ставятся на погребенную почву, а в последующие периоды, после многократных разрушений и перепланировок строительных объектов. В случае с указанными березанскими комплексами применение данного метода было вполне оправданно, поскольку эти постройки совершенно не совпадали в плане с предшествующими и были возведены на частично сnivelированном рыхлом золистом слое пожара (хотя их фундаментные траншеи, заглубленные в эти слои, все же не были доведены до материка). Эпизодическое применение на Березани строительной техники, впоследствии получившей широкое распространение в Керкинитиде, выглядит особенно интересным с учетом гипотезы С.Л. Соловьева о переселении части жителей Березани в этот город во второй четверти V в. до н.э.²², хотя, по мнению В.А. Кутайсова, сходство культуры и монетных систем этих центров может объясняться общим ионийским происхождением их жителей и региональными экономическими связями²³.

Сырцовые и глинобитные кладки, примеры армирования стен деревом

Сырцовые надстройки каменных цоколей стен сохраняются на Березанском поселении лишь в единичных случаях. Как правило, удастся выявить лишь завалы сырца, перекрывающие каменный цоколь: в структуре таких расплывшихся остатков стен иногда удастся вычленить очертания от-

¹⁶ Solovyov 1999, 67.

¹⁷ Крыжицкий 1993, 82, 84, рис. 50.

¹⁸ Dimitriu 1966.

¹⁹ Кутайсов 1990, 90, 133–134; Уженцев 2006, 70.

²⁰ Крыжицкий 1986, 417.

²¹ Кутайсов 1990, 133–135.

²² Соловьев 2000, 105, прим. 10.

²³ Кутайсов 2004, 108.

дельных кирпичей. Нередко непосредственно на такие расплывшиеся глинобитные стены ставились подошвы каменных цоколей стен следующего строительного периода, совпадающие ориентировкой с кладками разрушенных помещений (рис. 2, 2). Из этого можно сделать вывод, что заплывы сырца считались достаточно плотной субструкцией, подходящей для такой цели. Часто встречающееся на Березани совпадение планов построек ранних и поздних периодов должно объясняться не столько данью семейной традиции, сколько желанием установить новую стену на основание, гарантирующее относительно равномерную просадку, не прибегая к трудоемким подготовительным работам.

В тех случаях, когда структура кирпичей в массиве стены различима, можно наблюдать постелистую однослойную кладку, сложенную из необожженных кирпичей прямоугольной или подквадратной формы. При высоте порядка 7–12 см и ширине, равной ширине стены (40–50 см) их длина по фасаду, как правило, варьируется от 30 до 40 см, но иногда достигает 60 см. Указанные габариты сырцового кирпича вполне характерны и для Ольвии, хотя единого их стандарта, очевидно, не существовало²⁴. Размеры сырцовых кирпичей, использовавшихся в различных центрах как материковой Греции, так и Ионии архаической эпохи, также варьируются, хотя в большинстве известных случаев для VI в. до н.э. близки габаритам 45–50 см x 30–45 см при толщине 6–9 см²⁵.

В качестве примера кладки с сырцовой частью сравнительно хорошей сохранности можно привести стену № 70 (рис. 6, 1), датирующуюся около последней четверти VI в. до н.э. Эта стена сохранилась на 0,40–0,50 м в высоту, причем ее каменный цоколь был надстроен сырцовой кладкой, уцелевшей на 0,15–0,20 м. В массиве сырца были различимы отдельные кирпичи, имевшие по фасаду среднюю длину 0,30–0,40 м и высоту 0,07–0,10 м²⁶. Весьма хорошую сохранность также имели сырцовые кладки стен подвального помещения 21 классического периода (рис. 6, 2). Этот подвал принадлежит многокамерной постройке середины — третьей четверти V в. до н.э., т. е. возник уже в то время, когда Березанское поселение было оставлено большей частью жителей²⁷. Стены подвала, сохранившиеся на 1,40 м, были сложены из сырцового кирпича. В нижней части они представляли собой однолицевой каменный цоколь высотой около 0,60 м, сохранность сырцовых кладок составила около 0,70–0,80 м. Структура сырцовой кладки просматривалась в массиве стены не везде в достаточной мере отчетливо. Судя по наиболее выразительным участкам, стена над каменным цоколем насчитывала около семи рядов кирпичей, имевших по фасаду средние размеры 0,08 x 0,30 — 0,09 x 0,58 м.

Сырцовые или глинобитные кладки, лишенные каменных цоколей, выявляются в ходе раскопок Березанского поселения чрезвычайно редко и в большинстве случаев имеют очень плохую сохранность, не позволяющую судить об их структуре. Тем не менее, отдельные находки позволяют утверждать, что такой строительный принцип также использовался, причем в одном многокамерном доме могли сочетаться каменно-сырцовые стены и сырцовые кладки, не имевшие каменных цоколей. Хорошим примером тому могут служить стены помещения 7, раскрытого на момент написания этой статьи лишь частично. Три сырцовые кладки удалось зафиксировать на высоту 0,30–0,58 м, что для Березанского поселения является весьма редким явлением²⁸ (рис. 6, 3). Толщина этих стен колеблется в пределах 0,40–0,60 м, т. е. не отличается от средней толщины каменных цоколей. Следует заметить, что данное помещение принадлежит многокамерному дому, стены прочих помещений которого были выстроены в обычной каменно-сырцовой технике. Этот пример для Березани не единичен: одно из хозяйственных помещений дома № 2, раскрытого на Северо-Западном раскопе, имело сырцовые стены (в кладках двух стен также использовались и камни)²⁹.

Интересные наблюдения были сделаны в ходе исследования слоя пожара последней четверти VI в. до н.э., подстилавшего горизонт позднеархаических общественных построек к востоку от многокамерного комплекса № 1. При этом была обнаружена глинобитная купольная бытовая печь, принадлежавшая более раннему строительному комплексу, уходящему под восточную стену МК-1. Хотя исследовать этот объект удалось на очень небольшом участке, было установлено, что печь примыкала к стене, целиком сложенной из какого-то нестойкого материала — плохо высушенного

²⁴ Крыжицкий 1993, 156

²⁵ Lang 1998, 113, Text Abb. 29a.

²⁶ Крутилов, Чистов 2012, 47–48.

²⁷ Чистов 2014, 444–446.

²⁸ Чистов 2012a, 52–54, рис. 26–27.

²⁹ Solovyov 1999, 72.

сырца, или, быть может, нарезанного дерна³⁰. Толщина этого объекта составляла около 0,51 м, а максимальная высота — около 0,75 м. В стратиграфическом разрезе стена имела слоистую структуру (рис. 1, 5) — прослойки темно-серого грунта, по цвету фактически не отличавшегося от напластований пожара, перемежались тонкими (2–3 см толщиной) горизонтальными прослойками светлого суглинка. Аналогичные прослойки, но вертикальные, располагались по северному и южному фасадам стены. Можно предположить, что использованный строительный материал (куски дерна?) скреплялся глинистым раствором, а получившаяся кладка была затем обмазана по фасадам глиной. Судя по стратиграфии, подошва этой кладки была поставлена в подготовленную для нее траншею глубиной около 0,18–0,20 м³¹.

В некоторых случаях можно предполагать использование при строительстве глинобитных стен, возводившихся не из сырцового кирпича, а при помощи каких-то иных техник (на каркасе, путем набивки или заливки глины в опалубку и т. п.). На участке «Т» в ходе раскопок 2005–2007 г., проводившихся экспедицией ИА НАНУ под руководством В.В. Крутилова, было раскрыто помещение второй половины VI в. до н.э., площадью около 50 кв. м, предположительно атрибутированное как железоделательная мастерская. Помещение имело глинобитные стены, сохранившиеся до 0,35 м в высоту. Подошвы этих стен были поставлены непосредственно на погребенную почву. Структура кирпичной кладки в их массивах не читалась; закругленная форма углов, по мнению автора раскопок, указывает на то, что эти стены были выполнены заливкой глины в деревянную опалубку³².

Интересным примером применения такой технологии может служить помещение 18 (рис. 7). Оно представляло собой заглубленную в грунт изолированную прямоугольную постройку — большую полуземлянку, или т. н. «дом колониста»³³, и датируется около середины VI в. до н.э., т. е. временем, непосредственно предшествовавшим началу массового строительства на Березани сырцово-каменных домов.

Стены указанного сооружения были глинобитными и имели толщину 0,50–0,60 м. Их разрезы показали однородный массив серо-коричневого плотного суглинка, не имевшего какой-либо внутренней структуры. Вместе с тем, судя по выявленным столбовым ямкам, они были возведены на каком-то подобии внутреннего деревянного каркаса, опиравшегося на столбы, размещенные в толще стены по ее продольной оси с интервалом в 1,10–1,20 м. На некоторых участках в основании глинобитных стен обнаружены каменные выкладки, однако полноценного каменного цоколя эти конструкции не имели. Внутренняя поверхность глинобитных стен этого сооружения имела каменную облицовку внутренней поверхности. Также хорошо был различим слой обмазки светлой глиной по внутренней поверхности стен.

Толщина столбов, служивших внутренним каркасом помещения 18, составляла 0,11–0,20 м. Следует заметить, что это — не единственный пример использования вертикальных деревянных столбов, вмурованных в толщу стены для ее усиления. Подобная технология применялась и при строительстве обычных сырцовых стен на известняковых цоколях. В упоминавшейся выше каменно-сырцовой кладке 70 также выявлено столбовое отверстие диаметром 0,18 м, причем нижняя часть столба была укреплена в каменной кладке цоколя³⁴. Есть и иные вероятные примеры сочетания деревянного каркаса с каменными и сырцовыми кладками — так, например, отверстия под два столба обнаружены в каменных кладках подвального помещения 16 второй половины VI в. до н.э. Одно из этих отверстий находилось в северо-восточном углу подвала. Вероятно, установленный в это отверстие столб мог служить и в качестве опоры перекрытия³⁵. Можно предполагать, что такая строительная техника, следы которой лишь изредка удастся зафиксировать по причине плохой сохранности сырца, использовалась достаточно широко, являясь одним из вариантов армирования сырцовых стен деревом — метода, получившего широкое распространение в эпоху архаики³⁶.

³⁰ Чистов 2011, 448–449, рис. 2, 2.

³¹ Крутилов, Чистов 2011, 45–46.

³² Крутилов 2007а, 117, рис. 2–5.

³³ Чистов 2013, 594, 596, рис. 1, 1–2.

³⁴ См. рис. 6, 1. Отверстие в сырцовой кладке отмечено стрелкой.

³⁵ Крутилов, Чистов 2011, 48–50.

³⁶ Lang 2005, 28.

Столбовые конструкции и глино-плетневые стены

Деревянные несущие столбы, расположенные внутри помещений каменно-сырцовых построек, зафиксированы на Березани лишь в нескольких отдельных случаях³⁷. В греческом мире по мере развития строительной техники и увеличения возможных нагрузок на несущие стены использование подпорных столбов внутри помещений сокращается с VII в. до н.э. и практически перестает использоваться в VI в. до н.э., за исключением некоторых местностей — как, например, Северной Греции, где были по-прежнему распространены глино-плетневые постройки³⁸. В числе примеров использования подпорных столбов на Березани можно привести т. н. «дом с апсидой», раскрытый на участке «О» В.В. Лапиным³⁹. Два других примера принадлежат совсем иным объектам — заглубленным в грунт жилищам типа «дома колониста» второй четверти — середины VI в. до н.э. Для этих сооружений реконструируется двускатная безраспорная кровля, опиравшаяся на столбы, расположенные по продольной оси постройки⁴⁰.

Глино-плетневые стены в жилых домах Березани второй половины VI — первой трети V в. до н.э. (в отличие от полуземлянок раннего периода существования поселения⁴¹) используются лишь эпизодически. Иногда такие конструкции применялись в качестве внутренних перегородок. Наземных многокамерных домов с несущими глино-плетневыми стенами, аналогичных фанагорийским комплексам V в. до н.э.⁴², на Березани не найдено. В ряде случаев выявлялись большие скопления столбовых ямок, однако их взаимное расположение не позволяло судить о планировке сооружений, которым они принадлежали — за единственным исключением: на участке «О-Западный» была раскрыта серия столбовых ямок, расположенных по контуру небольшой глино-плетневой постройки⁴³. Последняя (СК 53, рис. 8) имела размеры около 4,50 × 1,95 м. Сооружение в плане было прямоугольным, однако его восточная стенка имела форму полукруглой апсиды. На центральной оси сооружения выявлена столбовая ямка, которая могла служить для установки одной из опор, поддерживавших двускатную кровлю. Объект не поддается точной датировке из-за малого количества сопутствующего материала, но стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что он относится к третьей четверти VI в. до н.э. По всей видимости, широкого распространения в жилом строительстве архаического Березанского поселения подобная технология не имела. В Ольвии она также представлена единичным примером более позднего времени⁴⁴; следы использования плетневых конструкций на архаических поселениях ольвийской хоры пока также немногочисленны — следы такого сооружения найдены на Бейкушском поселении⁴⁵.

Подводя итог сказанному выше, следует вновь остановиться на нескольких характерных особенностях строительных техник, применявшейся при возведении стен домов античного урбанизированного поселения, которое существовало на Березани с начала второй половины VI в. до н.э. до второй четверти V в. до н.э. Наиболее примечательным признаком сырцово-каменного строительства на архаическом Березанском поселении можно считать распространение цоколей, выполненных в орфостатной технике. При этом для наиболее раннего периода формирования городской структуры (т. е. второй половины VI в. до н.э.) характерны простые трехслойные однорядные орфостатные цоколи. Возведение трехслойных двухрядных орфостатных кладок из тесаного известняка фиксируется на Березани с конца VI или с рубежа VI–V вв. до н.э. Исследование строительных комплексов Березанского поселения позволяет также сделать несколько приведенных выше наблюдений, касающихся применения глины и дерева в качестве строительных материалов. В их числе — ис-

³⁷ Речь, разумеется, не идет о подпорных конструкциях, поддерживающих открывающиеся во двор навесы типа пастады: последние представлены целым рядом примеров.

³⁸ Lang 1996, 108–111; 2005, 28.

³⁹ Лапин 1966, 119; Крыжицкий 1993, 68, рис. 37, 2; 2009. Три столбовые ямы, расположенные по продольной оси в северной части постройки, зафиксированы на полевых планах этого сооружения (Лапин 1963, табл. 1, 18).

⁴⁰ Соловьев 2008; Чистов 2013, 593–594.

⁴¹ Отрешко, Мазарати 2009, 82–83.

⁴² Долгоруков, Колесников 1993.

⁴³ Чистов 2011, 450–453, рис. 1; 3, 1.

⁴⁴ В ходе раскопок Центрального квартала была раскрыта однокамерная глиноплетневая постройка IV в. до н.э. площадью 24 кв. м (Крыжицкий 1985, 77, Лейпунская, Крапивина 1977, 325).

⁴⁵ Отрешко 2009, 57.

пользование глинобитных конструкций, выполненных в опалубке, наряду с кладками из сырцового кирпича, деревянное армирование сырцовых и глинобитных стен и эпизодическое использование глино-плетневых конструкций.

Литература

- Бутягин А.М. 2000: Архаический дом в Мирмекии // *ΣΥΣΤΙΓΙΑ*. Сборник статей памяти Юрия Викторовича Андреева / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 237–242.
- Долгоруков В.С., Колесников А.Б. 1993: Новый тип строительных комплексов в Фанагории // *РА*. 1, 113–132.
- Крутилов В.В. 2007а: Железодельная мастерская с сырцовыми стенами на территории теменоса Березанского поселения // *Древности Северного Причерноморья в античное время (МАИЭТ Suppl. 4)*. Симферополь, 117–126.
- Крутилов В.В. 2007б: Отчет о работах Березанской археологической экспедиции за 2007 г. Научный архив ИА НАНУ.
- Крутилов В.В., Чистов Д.Е. 2011: Отчет о работах Березанской (Нижнебугской) археологической экспедиции Эрмитажа на острове Березань в 2010 г. СПб. Архив ОАМ Гос. Эрмитажа.
- Крутилов В.В., Чистов Д.Е. 2012: Отчет о работах Березанской (Нижнебугской) археологической экспедиции Эрмитажа на острове Березань в 2011 г. СПб. Архив ОАМ Гос. Эрмитажа.
- Крыжицкий С.Д. 1982: Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 1985: Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 1986: Ольвия: строительство и архитектура // *Археология УССР*. Т. 2. Киев, 393–429.
- Крыжицкий С.Д. 1993: Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 2009: К вопросу о функциональном назначении некоторых сооружений Березани и Ольвии в VI–V вв. до н. э. // *ВДИ*. 1, 136–149.
- Кутайсов В.А. 1990: Античный город Керкинитида. Киев.
- Кутайсов В.А. 2004: Керкинитида в античную эпоху. Киев.
- Латин В.В. 1963: Таблицы отпечатков с негативов полевой фотофиксации, 1963 год. Научный архив ИА АН УССР, ФЗ 4926.
- Латин В.В. 1966: Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- Лейтунская Н.А., Кративина В.В. 1977: Раскопки Центрального квартала в Ольвии // *АО* 1976 г. М., 325–326.
- Отрешко В.М. 2009: Позднеархаические поселения Березанского лимана // *Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В.М. Отрешко / С.Б. Буйских, С.А. Лысенко (ред.)*. Киев, 56–57.
- Отрешко В.М., Мазарати С.Н. 2009: Архаические сооружения Березани // *Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В.М. Отрешко / С.Б. Буйских, С.А. Лысенко (ред.)*. Киев, 81–92.
- Соловьев С.Л. 2000: Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // *Античное Причерноморье / С.Л. Соловьев (ред.)*. СПб., 94–111.
- Соловьев С.Л. 2008: «Дом колониста» в археологическом контексте архаической Березани // *ТГЭ*. XLI, 216–236.
- Уженицев В.Б. 2006: Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь.
- Чистов Д.Е. 2011: Новые исследования в восточной части Березанского поселения: хозяйственно-промысловая зона середины — второй половины VI в. до н.э.? // *Боспорский феномен. Материалы конференции / М.Ю. Вахтина и др. (ред.)*. СПб., 445–455.
- Чистов Д.Е. 2012а: Комплексы и напластования третьей — начала последней четверти VI в. до н.э. // *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. II / Д.Е. Чистов (ред.)*. СПб., 81–95.
- Чистов Д.Е. 2012б: Комплексы и напластования последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э. // *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. II / Д.Е. Чистов (ред.)*. СПб., 41–63.

- Чистов Д.Е. 2013: Тип «Дома колониста» в Северном Причерноморье архаического периода // Боспорский феномен. Материалы конференции / М.Ю. Вахтина и др. (ред.). СПб., 592–606.
- Чистов Д.Е. 2014: К хронологии застройки Березанского поселения в V в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Материалы XV Боспорских чтений / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 442–449.
- Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. 2012: Комплекс построек общественного назначения периода Поздней Архаики из раскопок в северо-восточной части Березанского поселения // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. II. / М.Д. Бухарин (ред.). М., 19–48.
- Dimitriu S. 1966: Despre „temeliile olbiene” de la Histria // SCIV. 17. No 3, 474–488.
- Ersoy Y. 2007: Notes on History and Archaeology of Early Clazomenae // Milesische Forschungen 5. Frühes Ionien: eine Bestandaufnahme. Akten des Internationalen Kolloquiums zum einhundertjährigen Jubiläum der Ausgrabungen in Milet, Panionion/Güzelçamlı, 26.09.–01.10.1999 / J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier and K. Zimmermann (Hrsg.). Frankfurt am Mainz, 149–178.
- Lang F. 1996: Archaische Siedlungen in Griechenland. Struktur und Entwicklung. B.
- Lang F. 2005: Structural Change in Archaic Greek Housing // Ancient Greek Houses and Households: Chronological, Regional, and Social Diversity / B.A. Ault, L.C. Nevett (eds.). Philadelphia. 12–35.
- Senff R. 1995: Die Grabung am Kalabaktepe // AA, 208–213.
- Solovyov S.L. 1999: Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea (Colloquia Pontica 4). Leiden.

BUILDING TECHNIQUES OF ARCHAIC BEREZAN

D.E. Chistov

The article describes the building techniques used in construction of the house walls of the urbanized archaic settlement on the Berezan island in the mid-6th — early 5th centuries BC. The frequent use of the orthostatic stone plinths supporting the mud-brick walls can be considered a distinctive feature of the house-building technique of the archaic settlement of Berezan. Moreover, the earliest period of formation of the urban structure (in the second half the of the 6th century BC) is characterized by a simple construction of the three-layered single course plinths, in which the space between the poorly finished orthostatic plinths was filled with the mixture of clay and crushed stone. Construction of the three-layered double coursed plinths of ashlar orthostatic masonry is encountered only in late 6th or early 5th century BC. Investigation of building structures of the Berezan settlement also allows to make some observations regarding the use of clay and wood as building materials. For example, rammed clay constructions made in the formwork are often encountered, along with the mud-brick constructions without stone substructures, wood reinforcing of mud-brick walls, and the occasional use of wattle-and-daub techniques.

РАННИЕ КИЛИКИ НА БЕРЕЗАНИ (по материалам раскопок 2004-2014 гг.)

(См. рис. 1–12 на вкладке)

Ранние материалы имеют определяющее значение для исследований проблем греческой колонизации, так как многие вопросы, связанные с этим историческим феноменом, остаются дискуссионными. Для начального периода греческой колонизации Северного побережья Черного моря одним из ключевых памятников остается Борисфен, остатки которого находятся на острове Березань. Несмотря на то, что его систематическое исследование проводится еще с конца XIX века, громаднейший вещественный материал опубликован очень фрагментарно. Эта ситуация обусловлена множеством причин, часто не зависящих от ученых. В частности, осложняет работу исследователей рассредоточенность березанских материалов по нескольким музеям: Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Киев, Николаев, Херсон и Очаков. Небольшие коллекции попали также в Бонн и Галле.

В последние годы материалы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, публикуются учеными из разных стран в рамках международного проекта¹. Материалы из современных раскопок Эрмитажной экспедиции хранятся в Николаеве и в Очакове и регулярно публикуются². За 11 лет работы на участке «О» открыта значительная площадь около 3000 кв. м с жилой застройкой и комплексом общественных зданий архаического и реннеклассического периодов. Культурный слой поселения содержит значительное количество керамики, среди которой особый интерес представляют фрагменты ионийских киликов с изображением птиц и розеток. Эти килики являются самым массовым материалом, встречаются во всех ранних центрах и используются в качестве основы для построения схемы первой фазы греческой колонизации берегов Черного моря. Одна из последних статей по этой теме вышла в 2006 году и построена на опубликованном материале³. В ней указано, что было учтено 500 фрагментов киликов, однако выборка материалов, относящихся к Борисфену, не отражает реальную картину, даже если автор и использовал весь материал, хранящийся в Эрмитаже⁴. Следует учитывать, что в музейную коллекцию попали лучшие экземпляры; подсчитать реальное количество невозможно, так как в полевой документации килики учитывались без разделения по типам. Так, например, в музее нет ножек ранних киликов, что отражает принцип отбора материала: ножки киликов в коллекцию не брали, за исключением экземпляров с граффити и дипинти. Между тем, только по ножкам можно выяснить, какое количество целых сосудов найдено; подобная методика учета количества сосудов по ножкам используется для статистики амфор⁵. Материалы раскопок 2004–2014 годов учитывались более детально: килики разделялись и по типам, и по частям сосудов (края, стенки, ручки и ножки). Если из фрагментов стенок брались на опись и сдавались в музей лучшие экземпляры, то ножки брались все без исключения, и эти материалы позволяют представить более реальную картину. Экземпляров, по которым можно реконструировать роспись, немного: в основном это небольшие фрагменты, которые преобладают и на других памятниках в городских слоях. Возможность восстановить форму киликов и схему их росписи дают материалы из некрополей⁶, но в некрополе Борисфена ранних погребений до сих пор не обнаружено.

¹ Кат. Санкт-Петербург 2005; Борисфен — Березань 2005; 2010.

² Материалы 2006; Материалы 2012.

³ Kerschner 2006a.

⁴ Копейкина 1982, 30–32, рис. 26а, б, в; Шалагинова 1980, 20–32.

⁵ См. публикации амфорной тары из раскопок на Березани: Dupont 2005; Материалы 2012.

⁶ Jacopi 1929; Jacopi 1931; Jacopi 1933b; Utili 1999.

Типология и датировка киликов была разработана к 60-м годам прошлого века и до конца столетия была основой для всех исследователей⁷. Однако археологические исследования в Милете, Эфесе и Клазоменах дали хорошо стратифицированные слои и значительно увеличили исследовательскую базу. В 1995 была опубликована новая, более детальная типология киликов и уточнены датировки⁸. По этой типологии все фрагменты киликов с изображением птицы в субгеометрическом стиле относятся к поздним типам 4–6 и датируются последней третью VII в. до н.э. — началом VI в. до н.э.⁹ Роспись их отличается тонкостью исполнения; с внутренней стороны килики покрыты лаком, а форма килика может отличаться глубиной чаши. Незначительность размеров березанских фрагментов затрудняет определение типов. К типам 4 и 5 можно отнести пятнадцать фрагментов¹⁰, которые, однако, не дают возможности точно реконструировать их форму и роспись нижней части. Можно предположить два варианта: первый с покрытой темным лаком нижней частью киликов, что встречается редко¹¹; второй — килики с росписью лучами, которые более многочисленны¹². Под изображением птиц иногда помещался пояс из узких или широких горизонтальных линий. К этим вариантам росписи можно отнести пять фрагментов. Для остальных десяти фрагментов это затруднительно. К типу 6 следует отнести два фрагмента¹³, на внутренней стороне которых помещены горизонтальные пояски: между двух узких, исполненных белой краской, помещен более широкий, исполненный пурпуром. Эти килики хорошо известны по материалам раскопок в Истрии¹⁴. Внутренний декор киликов очень ярок и напоминает роспись хиосских кубков, и это может быть объяснено тем, что подобное сочетание поясков было популярно у мастеров, работавших в Северной Ионии. К этим же типам киликов относится и ножки¹⁵. Ножки в виде массивного кольца по краю покрыты лаком; с внутренней стороны килики покрыты лаком, либо же на дне оставлен круг в цвете глины¹⁶. Несколько ножек были вторично использованы для изготовления пряслиц. Особо следует отметить ножку с росписью снаружи¹⁷, у которой между узких коцентрических поясков помещены точки. Подобные ножки встречаются очень редко: единственным известным мне примером является фрагментированный килик, расписанный в стиле, сочетающем субгеометрические и ориентализирующие традиции, который датируется после 650 гг. до н. э.¹⁸ Эта ножка отличается по форме от ножек, типичных для киликов с птицами; однако следует отметить, что ножки с небольшим углублением в центре становятся типичными для киликов с розетками по краю, которые датируют 620–575 гг. до н.э.¹⁹

В 2005 году был найден почти целый килик²⁰. У него по краю в центре помещена птица между точечных розеток; у ручек — четыре вертикальных штриха и подвесной треугольник, заштрихованный внутри. Нижняя часть килика украшена лучами. Внутри он покрыт темно-коричневым лаком и чередующимися узкими поясками: белой краской — пурпуром — белой краской, которые повторены три раза; в центре помещена розетка из семи лучей. Поверхность килика потерта, но качество росписи хорошее. Чаша не очень глубокая. Ножка в виде массивного диска с углублением в центре. Близкий по форме килик из Истрии украшен по краю изображением птицы в центре и розетками по сторонам²¹. От ножки расходятся пять лучей, что встречается достаточно часто²². Внутри по

⁷ Coldstream 1968, 298–301.

⁸ Kerschner 1995.

⁹ Kerschner 1997, 119, Kat. Nr. 22. Taf. IV; 128, Kat. Nr. 42–43, Taf. VI; 148, Kat. Nr. 77–78, Taf. X; 163, Kat. Nr. 109, Taf. XIV; Akurgal, Kerschner, Mommsen, Niemeier 2002, 71.

¹⁰ БЭ 2005. 32/201, БЭ 2005. 32/288, БЭ 2005. 37/307, БЭ 2005. 39/202, БЭ 2008. 40/364, БЭ 2010. 20/132, БЭ 2011. 16/176, БЭ 2013. 11/78, БЭ 2013. 56/262, БЭ 2014. 13/62, БЭ 2005. 1/3, БЭ 2005. 39/313, БЭ 2005. 37/242, БЭ 2005. 14/135, БЭ 2007. 45/576.

¹¹ Utili 1999, Abb. 1, 6.

¹² Jacopi 1929, 46, fig. 33; Boardman 1967, pl. 43; Venit 1988, 3, pl. 2, No 5; Kerschner 1997, Taf. IV, Kat. Nr. 42–43.

¹³ БЭ 2013. 64/377 и БЭ 2014. 20/130.

¹⁴ Lambrino 1938, 39, fig. 7, 8; Alexandrecu 1978, 57–58, pl. 21, No 200; Cook, Dupont 1998, 26.

¹⁵ БЭ 2005. 23/167, БЭ 2005. 24/174, БЭ 2006. 20/134, БЭ 2006. 46/375, БЭ 2008. 40/358, БЭ 2009. 2/38.

¹⁶ Gjerstad 1977, 30, pl. 10, 4–6.

¹⁷ БЭ 2006. 46/232.

¹⁸ Handberg, Jacobsen 2005, 11, fig. 15a.

¹⁹ Utili 1999, 149–150, Abb. 2, Nr. 20.

²⁰ БЭ 2005. 34/204.

²¹ Lambrino 1938, 40, fig. 9; Alexandrecu 1974, 58, pl. 21, No 203; pl. 21, No 207.

²² Jacopi 1929, 46, fig. 33; 1931, 58, fig. 30; 1933a, 61, fig. 61, 67, fig. 70, 68, Fig. 72; Jacopi 1933b, 102, fig. 114.

темному лаку три раза повторены комбинации из двух поясков белой краской и пурпуром между ними. В центре в круге, оставленном в цвете глины — розетка из шести лучей. Килик из раскопок на Родосе по краю украшен изображением птиц и розеток, которые помещены в метопы из трех вертикальных штрихов²³. Этот килик, как и поздние типы киликов с птицами, можно датировать последней третью VII в. до н.э.

Килики с розетками по краю известны в значительном количестве и представляют большое разнообразие комбинаций. Центральным элементом декора остается розетка из семи точек, но роспись нижней части имеет отличия. К киликам с росписью лучами можно отнести несколько фрагментов края²⁴ (конец VII — начало VI в. до н.э.)²⁵. Внутри, как и килики с птицами по черному лаку, этот экземпляр был расписан чередующимися поясками белой краской и пурпуром²⁶. Но более многочисленны килики с широкими поясками в нижней части. Несколько крупных фрагментов из раскопок на Березани позволяют представить их форму и роспись²⁷. По краю помещены три или, возможно, одна розетка из точек²⁸. Датировка та же: конец VII — начало VI в. до н.э.²⁹ У всех киликов ножка в виде плоского диска с небольшой углубленной точкой в центре. К этому типу можно отнести и многочисленные фрагменты краев³⁰. На одном фрагменте края под ручкой помещен треугольник³¹.

Несколько фрагментов глубоких киликов имеют простую роспись узкими поясками, сгруппированными по три³². Внутри роспись узкими поясками белой краской и пурпуром в стандартной комбинации. Судя по целым киликам из некрополя Ассоса, они имеют ножку в виде плоского диска с небольшой углубленной точкой в центре и датируются 620–590 гг. до н.э.³³ Килики этой формы с росписью поясками происходят из раскопок на Хиосе³⁴. Но возможна и более широкая дата: так, фрагмент килика из раскопок агоры в Эфесе относят к периоду NiA 1c-1d (630–570 гг. до н.э.)³⁵. Поздняя дата, 570 гг. до н.э., определяет время смены строительных периодов в Клазоменах³⁶.

Также найдено 57 ножек двух типов. Ножки в виде широкого кольца присущи киликам с изображением птиц, птиц и розеток; внутри они либо покрыты лаком или с росписью — в центре круг в цвете глины или розетка из лучей³⁷. Ножки в виде плоского диска с небольшой углубленной точкой в центре имеют аналогичную роспись и присущи киликам с точечными розетками или поясками³⁸. Подобные ножки хорошо известны в Истрии и датируются концом VII в. до н.э.³⁹ Но ножка, где на сохранившейся части стенки видны узкие пояски⁴⁰, позволяет отнести ее к килику с розетками по краю.

²³ Kinch 1914, 134–135, pl. 25, II.

²⁴ БЭ 2005. 34/205, БЭ 2010. 21/157.

²⁵ Lambrino 1938, 50–53, fig. 22–23; Boardman, Hayes 1966.

²⁶ Utili 1999, 51, Abb. 11b, e.

²⁷ БЭ 2008. 40/367, БЭ 2008. 40/368, БЭ 2013. 59/328, БЭ 2008. 38/312, БЭ 2008. 38/311.

²⁸ Utili 1999, 54–55, Abb. 12; Gjerstad 1977, 31, pl. 10, 9, pl. 11, 6–8.

²⁹ Копейкина 1982, 31–31, рис. 26B; Dimitriu 1966, 70, pl. 11, No 155–158; Kerschner 2006a, 243–244.

³⁰ БЭ 2007.25/293, БЭ 2007.27/348, БЭ 2007.30/427, БЭ 2008.26/194, БЭ 2010.50/442, БЭ 2004.36/135, БЭ 2005.27/348, БЭ 2005.34/207, БЭ 2005.36/218, БЭ 2008.31/250, БЭ 2008.32/253, БЭ 2008.47/404, БЭ 2010.25/232, БЭ 2008.27/207, БЭ 2014.23/159, БЭ 2008.41/378, БЭ 2010.49/417, БЭ 2010.51/457.

³¹ БЭ 2005.36/206.

³² БЭ 2013.11/80.

³³ Utili 1999, 153, Abb. 3, Nr. 42–44.

³⁴ Boardman 1967, 133–134, fig. 83, No 454.

³⁵ Kerschner 2006c, 83, 271, Taf. 1, Kat. Nr. 8.

³⁶ Erzoy 2004, 55.

³⁷ БЭ 2005.7/78, БЭ 2008.38/310, БЭ 2010.44/376, БЭ 2013.10/72, БЭ 2013.59/318, БЭ 2013.59/320, БЭ 2013.59/320, ГЭ 2013.61/362, БЭ 2009.35/356, БЭ 2008.40/359, БЭ 2004.39/138, БЭ 2004.48/164, БЭ 2005.19/148, БЭ 2005.23/166, БЭ 2006.30/180, БЭ 2006.46/373, БЭ 2007.42/490, БЭ 2008.26/196, БЭ 2008.35/280, БЭ 2008.40/361, БЭ 2008.40/362, БЭ 2010.34/280.

³⁸ БЭ 2005.23/168, БЭ 2012.52/252, БЭ 2006.16/103, БЭ 2006.22/292, БЭ 2006.35/243, БЭ 2006.35/274, БЭ 2006.46/374, БЭ 2006.47/384, БЭ 2008.27/206, БЭ 2009.23/176, БЭ 2010.24/170, БЭ 2010.24/171, БЭ 2010.43/357, БЭ 2010.49/418, БЭ 2010.51/460, БЭ 2012.2/21, БЭ 2012.48/245, БЭ 2013.25/183, БЭ 2013.56/263, БЭ 2005.12/123, БЭ 2005.25/179, БЭ 2005.34/211, БЭ 2006.34/266, БЭ 2008.35/360, БЭ 2008.54/455, БЭ 2010.25/213, БЭ 2010.32/269, БЭ 2011.34/388, БЭ 2013.25/184, БЭ 2013.59/316, БЭ 2013.59/317, БЭ 2013.59/319, БЭ 2013.59/321, БЭ 2013.64/378, БЭ 2014.5/12.

³⁹ Dimitriu 1966, 76–78, pl. 13, No 216–219, pl. 14, No 226, 238; Alexandrecu 2005, pl. 60.

⁴⁰ БЭ 2014.29/203.

Более редки килики с меандром по краю⁴¹. Ранние экземпляры глубокие. От ножки отходят лучи, внутри они расписаны поясками белой краской и пурпуром. Килики этого типа были найдены в некрополе Ассоса и датируются 620–590 гг. до н.э.⁴²

Вопрос о центре или центрах производства киликов остается актуальным. Кратко рассмотрим основные мнения. На начальном этапе изучения, опираясь на находки на Родосе и считая его родиной «ориентализирующего» стиля, исследователи предполагали, что центрами производства могли быть два крупнейших центра острова, Ялис и Камир⁴³. Это мнение долго держалось в литературе⁴⁴. Когда стало ясно, что Родос не является местом, где формировался стиль росписи ионийской керамики, и что она происходит из ионийских малоазийских центров (Милета, Самоса, Эфеса, Смирны, Клазомен), истоки субгеометрического стиля все еще видели на Родосе. Отражением этого является дискуссия о двух волнах колонизации Северного Причерноморья⁴⁵. И только в самом конце XX века, когда уже было окончательно установлено, что всю ионийскую расписную керамику следует разделить на южноионийскую и североионийскую, о Родосе говорить перестали. Теперь производство этих киликов стали связывать с мастерскими, расположенными в Северной Ионии, локализуя их в Клазоменах и рядом с ними⁴⁶. Следует, однако, отметить, что в самих Клазоменах их найдено не очень много, но, как и в других центрах, они служат важным маркером для датировки слоев⁴⁷.

Накопленные за последние годы материалы подтверждают гипотезу о множестве центров производства киликов. Однако, как уже было замечено, роспись сосудов отличается однообразием и стандартностью, что затрудняет их распределение по стилистическим группам. В последнее время все большее значение приобретают анализы глин. Интересные результаты были получены при анализе материалов из раскопок в Истрии в 1980-х годах⁴⁸. Из центров, расположенных в Северной Ионии, сейчас выделены по анализам глины Теос и Клазомены. Анализы глин киликов из Милета свидетельствует, что они изготовлены в одной мастерской, расположенной за пределами этого центра⁴⁹. Анализы глин киликов из Эфеса, Смирны и Милета также дали важные выводы. Килики из Эфеса и Смирны изготовлены в разных мастерских, которые расположены в Северной Ионии. Килики же из Милета, расписанные только поясками, более ранние, чем килики с птицами — местная продукция, а килики с птицами происходят из мастерских, которые расположены в Северной Ионии⁵⁰. Таким образом, Северная Иония была одним из основных регионов по производству этих киликов. Эти результаты позволяют предположить, что килики, найденные на Березани, также являются продукцией Северной Ионии. Визуально их глина не содержит заметных включений слюды, которая характерна для продукции Южной Ионии. В последние годы были сделаны анализы глины отдельных образцов керамики из раскопок на Березани в 1962–1991 годах, и они тоже показали, что килики происходят из мастерских, локализуемых в Северной Ионии⁵¹.

На Березани найдены килики только поздних типов, которые датируются от середины до конца VII в. до н.э. по совместным находкам коринфской керамики⁵². Согласно последним исследованиям, конец изготовления этих киликов определен около 590-х гг. до н. э. Это уточнение появилось в результате исследований ранних слоев ионийских центров в Малой Азии: Милета, Эфеса, Клазомен, Смирны, Клароса. Хронология ионийской керамики за последние годы по многим вопросам была уточнена, и в анализе доказательной базы для этого важен материал из раскопок в Ольвии.

⁴¹ БЭ 2010.44/366, БЭ 2013.13/81.

⁴² Utili 1999, 152, Abb. 3, Nr. 36, 37.

⁴³ Coldstream 1968, 298.

⁴⁴ Hanfmann 1956, 175–176; Walter 1968, 60; Cook 1992, 117.

⁴⁵ Копейкина 1982, 32–33.

⁴⁶ Cook, Dupont 1998, 27; Boardman 1998a, 141.

⁴⁷ Walter-Karydi 1982, 10–11; Boardman 1986, 151–153; Sørensen 1988, 20–22; Gassner 1997, 28; Tsiafakis 2000, 421; Erzoy 2004, 49–55; Kerschner 2006c, 83.

⁴⁸ Dupont 1983.

⁴⁹ Mommsen, Beier, Heimermann, Hein 1993, 209.

⁵⁰ Akurgal, Kerschner, Mommsen, Niemeier 2002, 100–103.

⁵¹ Kerschner 2006b, 145; Posamentir, Solov'yev 2007, 180–185.

⁵² Coldstream 1968, 300–301; Cook 1992, 35, 117; Cook, Dupont 1998, 26. С большой осторожностью говорят о начале VI в. до н.э. (Boardman 1998a, 141). Следует отметить, что конец изготовления киликов соотносят с концом ЕС — началом МС периодов (595/590 гг. до н.э.).

Недавно вышла очень важная работа, где обработана богатейшая коллекция ионийской керамики⁵³. Качество ее сейчас таково, что позволяет откорректировать существующие представления о времени основания Ольвии и считать обоснованной дату 620/610–590 гг. до н.э. При этом показательно отсутствие киликов с изображением птицы и киликов с точечной розеткой при наличии ойнохой 610–580 гг. до н.э. (SiAId), а также значительное количество, наряду с другими группами, киликов с розетками поздних типов и киликов с лотосами, которые датируются первыми тремя десятилетиями VI в. до н.э. А наличие ранних киликов и ойнохой 630–610 гг. до н.э. (SiAIc) на Березани и киликов на поселении около Таганрога свидетельствуют об их основании после середины VII в. до н.э.⁵⁴, возможно, в промежутке 640–630 гг. до н.э.

Представленный материал значительно увеличивает количество керамики этой группы и позволяет более детально рассмотреть эволюцию стиля на рубеже веков. Поэтому очень важно более полно опубликовать материалы из раскопок на Березани.

Килики занимают значительную долю по сравнению с другими формами (ойнохой и тарелки в ранних слоях). На основе материалов из раскопок 1962–1991 годов, хранящихся в Эрмитаже, было подсчитано процентное соотношение разных типов киликов, характерных для VII–VI вв. до н.э. Килики с птицами составляют 9%⁵⁵. В подсчете не выделены ранние килики с розетками. Материалы из раскопок на участке «О» позволяют предположить, что килики с птицами и розетками занимают более значительную долю.

Литература

- Борисфен — Березань 2005: Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. I / С.Л. Соловьев (ред.). СПб.
- Борисфен — Березань 2010: Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа II. / С.Л. Соловьев (ред.). ТГЭ. LIV. СПб.
- Буйских А.В. 2013: Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев.
- Копылов В.П., Литвиченко Л.В. 2006: Расписные килики из Таганрогского поселения // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время / В.П. Копылов (ред.). Ростов-на-Дону.
- Кат. Санкт-Петербург 2005: Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки / С.Л. Соловьев (ред.). СПб.
- Копейкина Л.В. 1982: Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего периода существования поселения // Художественные изделия античных мастеров / С.П. Борисковская (ред.). Л., 6–35.
- Материалы 2006: Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Том 1 / В.Ю. Зуев (ред.). СПб.
- Материалы 2012: Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Том 2 / Д.Е. Чистов (ред.). СПб.
- Шалагінова О.І. 1980: Розписі родосько-іонійські кіліки архаїчного часу з Березанського поселення // Археологія. Київ. 33, 20–32.
- Akurgal M., Kerschner M., Mommsen H., Niemeier W.-D. 2002: Töpferzentren der Ostägäis. Archäometrische und archäologische Untersuchungen zur mykenischen, geometrischen und archaischen Keramik aus Fundorten in Westkleinasien / JÖAI. Ergänzungshefte 3.
- Alexandrescu P. 1978: La ceramique d'époque archaïque et classique // Histria. IV. Bucarest.
- Alexandrescu P. 2005: La zone sacrée d' époque grecque (fouilles 1915–1989) // Histria VII. Bucarest.
- Boardman J., Hayes J. 1966: Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits 1 // BSA. Suppl. Vol. 4. Oxford. Boardman J. 1967: Excavations in Chios 1952–1955: Greek Empotio // BSA. Suppl. Vol. 6. Oxford.

⁵³ Буйских 2013. В основу положена новая классификация Kerschner, Schlotzhauer 2005.

⁵⁴ Kerschner 2006a, 232, Abb. 4. Этот фрагмент ранее датировался 630-ми гг. до н.э.: Boardman 1998a, 142–143; Boardman 1998b, 201.

⁵⁵ Posamentir 2006, 163, fig. 11.

- Boardman J.* 1986: Evidence for the Dating of Greek Settlements in Cyrenaica // BSA. Vol. 61. 149–156.
- Boardman J.* 1998a: Early Greek Vases Painting. L.
- Boardman J.* 1998b: Olbia and Berezan: the Early Pottery // The Greek Colonization of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Historia. Einzelschriften 121. Stuttgart, 201–204.
- Calvet Y., Yon M.* 1977: Ceramique trouvee a Salamine // Greek Geometric and Archaic Pottery Found in Cyprus. Skrifter utgivna av Svenska institutet i Athen. 4. Stockholm, 9–22.
- Coldstream J.N.* 1968: Greek Geometric Pottery. L.
- Cook R.M.* 1992: Greek Painted Pottery. L.
- Cook R.M., Dupont P.* 1998: East Greek Pottery. L.
- Dimitriu S.* 1966: Cartierul de locuinte din zona de vest acetății, in epoca arhaică. Săpături 1955–1960 / Histria II. / Em. Condurachi (ed.). București.
- Dupont P.* 1983: Classification et determination de provenance des ceramiques grecques orientales archaïques d'Istros // Dacia. 27, 19–42.
- Ersoy Y.E.* 2004: Klazomenai: 900–500 B.C. History and Settlement Evidence // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony / A. Mustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Tzannes, Y. Ersoy (ed.). Thessaloniki, 43–76.
- Gassner V.* 1997: Das Südtor der Tetragonos-Agora // Forschungen in Ephesos. Bd. XIII. I, 1 / A. Hansel (Hrsg.). Wien.
- Gjerstad E.* 1977: Pottery from Various Parts of Cyprus // Greek Geometric and Archaic Pottery Found in Cyprus. Skrifter utgivna av Svenska institutet i Athen. 4. Stockholm, 23–60.
- Jacopi G.* 1929: Scavi nella necropoli di Jalisso 1924–1928 // Clara Rhodos 3, 1–284.
- Jacopi G.* 1931: Esplorazione archeologica di Camiro I, scavi nelle necropoli Camiresi 12–1930 // Clara Rhodos 4, 7–376.
- Jacopi G.* 1933a: Esplorazione archeologica di Camiro II // Clara Rhodos 6/7, 1–439.
- Jacopi G.* 1933b: Sepolcreto di Papatislures // Clara Rhodos 6/7, 17–103.
- Handberg S., Jacobsen J.K.* 2005: An Orientalising and Related Bird Bowls // Analecta Romana instituti Danici XXXI separatum. Romae, 7–20.
- Hanfmann G.M.A.* 1956: On Some Eastern Greek Wares found at Tarsus // The Aegean and the Near East Studies Presented to Hetty Goldman. N. Y., 165–184.
- Kerschner M.* 1993: Neutron Activation Analysis of Bird Bowls and Related Archaic Ceramics from Miletus // Archaeometry. 35, 2, 197–201.
- Kerschner M.* 1997: Ein stratifizierter Opferkomplex des 7. Jhs v. Chr. aus dem Artemision von Ephesos // JÖAI. 66, 86–225.
- Kerschner M.* 2006a: Zum Beginn und zu der Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // Eurasia Antiqua. 12, 227–250.
- Kerschner M.* 2006b: Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan im Akademischen Kunstmuseum der Universität Bonn und im Robertinum der Universität Halle-Wittenberg // IstMitt. 56, 129–156.
- Kerschner M.* 2006c: Die Funde aus dem Brunnen und den Beckenlagen // Forschungen in Ephesos. XIII, 2. Wien, 79–85.
- Kerschner M., Schlotzhauer U.* 2005: A New Classification System for East Greek Pottery // AWE. Vol. 4, 1, 1–56.
- Lambrino M.* 1938: Les vases archaïques d'Histria. București.
- Kinch K.F.* 1914: Fouilles de Vroulia (Rhodos). B.
- Mommsen H., Beier T., Heimermann D., Hein A.* 1993: Neutron Activation Analysis and Results // Archaeometry. 35, 2, 201–210.
- Posamentir R.* 2006: The Greeks in Berezan and Naukratis: A Similar Story? // Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean / A. Villing, U. Schlotzhauer (ed.). London, 159–167.
- Posamentir R., Solovyev S.* 2007: Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St. Petersburg II // IstMitt. 57, 179–207.
- Sørensen L.W.* 1988: Greek Pottery Found in Cyprus // Acta Hyperborea. 1, 12–31.
- Tsiafakis D.* 2000: On Some East Greek Pottery at Karabournaki in Thermaic Gulf // Akten des symposiums "Die Ägäis und das Westliche Mittelmeer". Archäologische Forschungen 4. Wien, 417–423.

- Uthelt F.* 1999: Die archaischen Nekropole von Assos / AMS. 31.
Venit M.S. 1988: Greek Painted Pottery from Naukratis in Egyptian Museums / ARCE. 7.
Walter H.P. 1968: Frühe Samische Gefäße / Samos. 5, Bonn.
Walter-Karydi E. 1982: Ostgriechische Keramik / Alt-Aegina. 2, 1. Mainz am Rhein.

EARLY EAST GREEK BOWLS FROM BEREZAN (2004–2014 SEASONS)

Yu.I. Ilyina

Excavations on the site of a Greek settlement on the island of Berezan have yielded numerous finds of the East Greek pottery. Among these finds, the early bowls with birds, rosettes, and meander motif, present numerous and rather valuable material for studying history of the Greek colonization in the Northern Black Sea region. In the course of excavations in 2004–2014 in the “O” sector of the site, 114 fragments of the early bowls have been found (25 fragments of the bird-bowls, 26 fragments of the rosette-bowls, 3 fragments of the meander-bowls and 57 fragments of the button-base bowls with small or larger central hole) dating from last third of the 7th — early 6th century BC. The bowls in question have been exported from Northern Ionia. Bowls of the same types have been found in other areas of the Black Sea coast — for example in Histria and Apollonia.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЗДАНИЯ «КОЛЛЕГИЙ» В ОЛЬВИИ

В ходе раскопок экспедицией ИА НАНУ сооружений, примыкавших к ольвийской агоре с юга в квартале «Д» (рис. 1), были открыты остатки здания Е–8, связанного, скорее всего, с административными функциями государства¹. От сооружения сохранились только слоевые основания (рис. 2, 3), значительно нарушенные (особенно в восточной части) перекрывавшими их трамбовками, назначение которых не установлено. Тем не менее, наличные слоевые основания все же позволяют установить планировочную структуру здания. По заключению Н.А. Лейпунской, основанном на анализе археологического контекста, здание на слоевых основаниях существовало в IV–III вв. до н.э. После его разрушения эта территория опустела, в пользу чего свидетельствует то, что все слоевые основания начинаются на глубине 0,3–0,5 м от уровня наиболее поздней вымостки Главной продольной улицы, в восточной части раскопа они перекрыты желтоглинистыми трамбовками, а в образовавшемся слое сколько-нибудь выразительные более поздние строительные остатки отсутствуют². По-видимому, упомянутые трамбовки представляли собой, скорее всего, расплывы сырцовых стен здания.

В плане здание прямоугольное, площадь застройки около 250–260 кв. м. Его наружные границы определяются достаточно надежно. Северный фасад выходит на агору, западный — на Главную продольную улицу Верхнего города. На востоке оно примыкает к гимнасию, а на юге соседствует с домом Е–9, характер планировки и конструкции северной части которого резко отличаются от Е–8. Косвенно в пользу разделения между домами Е–8 и Е–9 по линии южной стены помещения 1 свидетельствует и поворот в этом месте западной границы Главной продольной улицы на величину около десятка градусов к востоку. Аналогичная ситуация в разграничении смежных домов наблюдается в Центральном квартале в районе агоры, имеющем в плане пятиугольную форму, между домами Е–6, Е–12³. Двор отсутствует.

Вход предполагается со стороны Главной продольной улицы, в пользу чего свидетельствует наличие остатков каменной площадки и вытянутая в плане форма (11,35 x 2,10 м) примыкающего к этой вымостке помещения 1, являвшегося, очевидно, протироном⁴.

Несмотря на значительные разрушения слоевых оснований, искажающих их конфигурацию в восточной половине помещения X и южных частей помещений IV, V, внутренняя планировка надежно воссоздается в большей части здания. Она состоит из двух рядов помещений — северного (5 помещений) и южного (4 помещения). Помещения II, III южного ряда короче остальных в своем ряду, за счет чего выделено помещение I (протирон), что послужило основанием исследователям говорить о трех рядах. Поскольку, однако, протирон, по мнению Л.М. Славина, доходит только до половины здания, являясь сугубо подсобным помещением, говорить о трех рядах помещений вряд ли есть достаточно оснований. Все помещения, за исключением II, имеют вытянутые пропорции, приближающиеся к двум квадратам. Очевидно, подобная форма связана со спецификой функционирования здания, предполагающей работу равных по статусу лиц, например, магистратов.

¹ Раскопки проводились в 1963–1966 гг. Н.А. Лейпунской, А.С. Русяевой, П.М. Секерским, В.С. Воробьевой. См. Лейпунская 1967, 138–141; Славин 1975, 40–45; Крыжицкий 1985, 117; Крыжицкий 2012, 27.

² Лейпунская 1967, 141; Славин 1975, 42.

³ Славин 1975, рис. 8; Крыжицкий 2012, 43, 44, 50, рис. 157, 170, 187, 220.

⁴ Лейпунская 1967, 141; Славин 1975, 40.

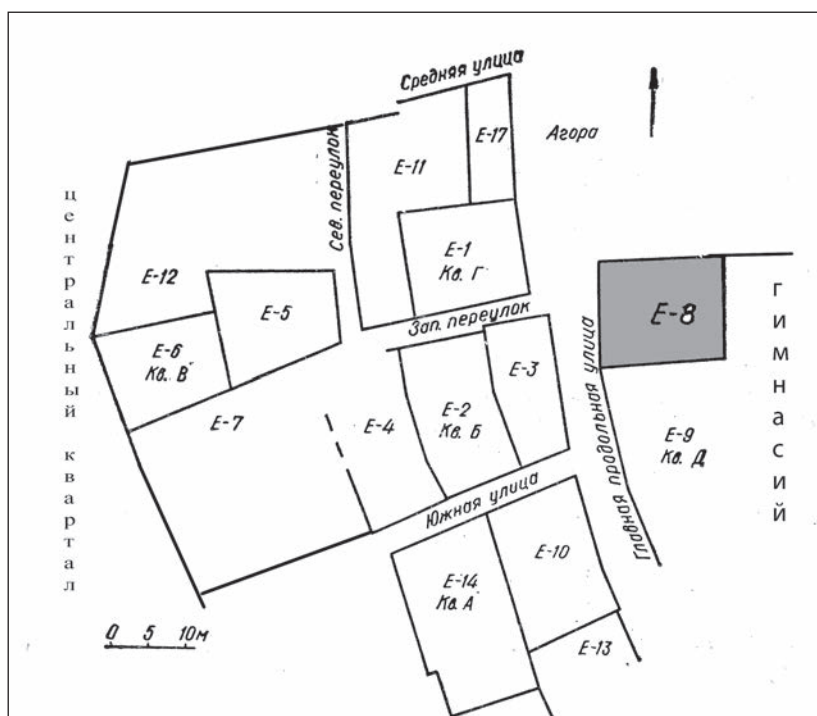

Рис. 1. Схема размещения здания «коллегий» относительно агоры

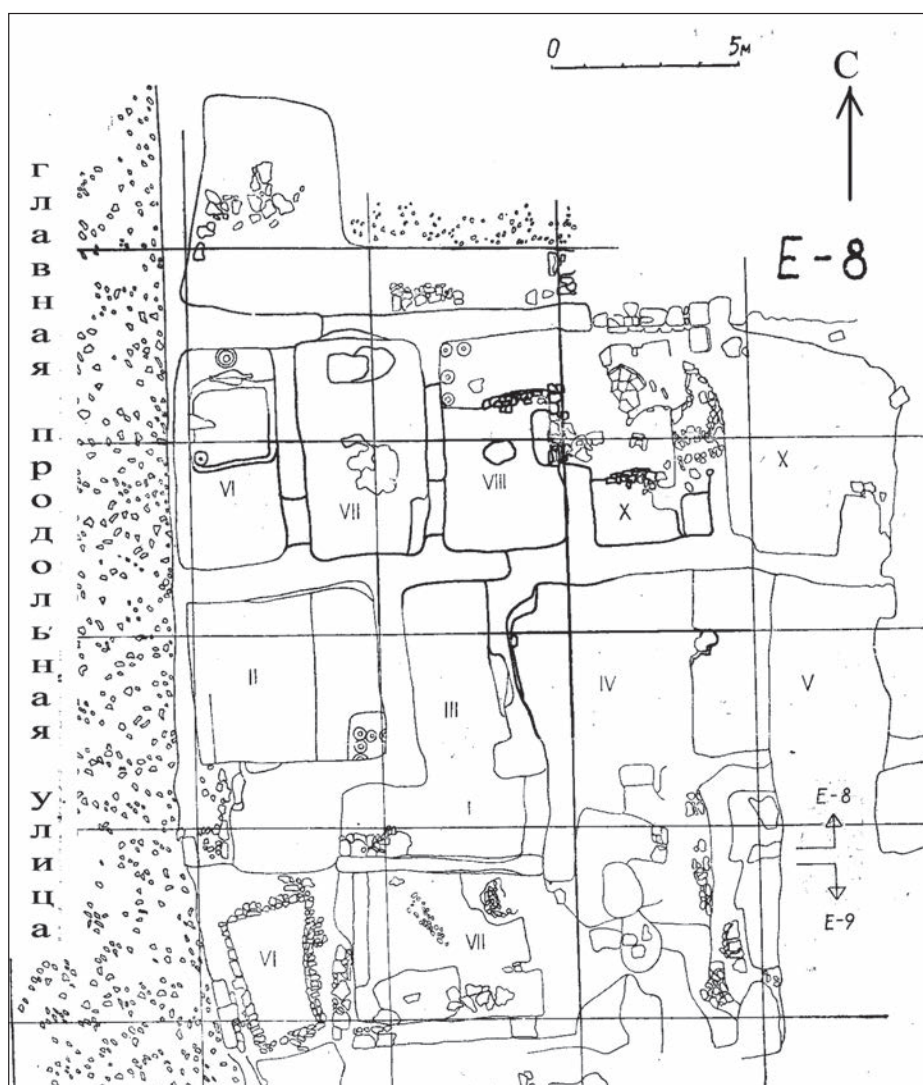

Рис. 2. Обмерный план

Рис. 3. Слосевые основания здания «коллегий». Вид с юго-востока

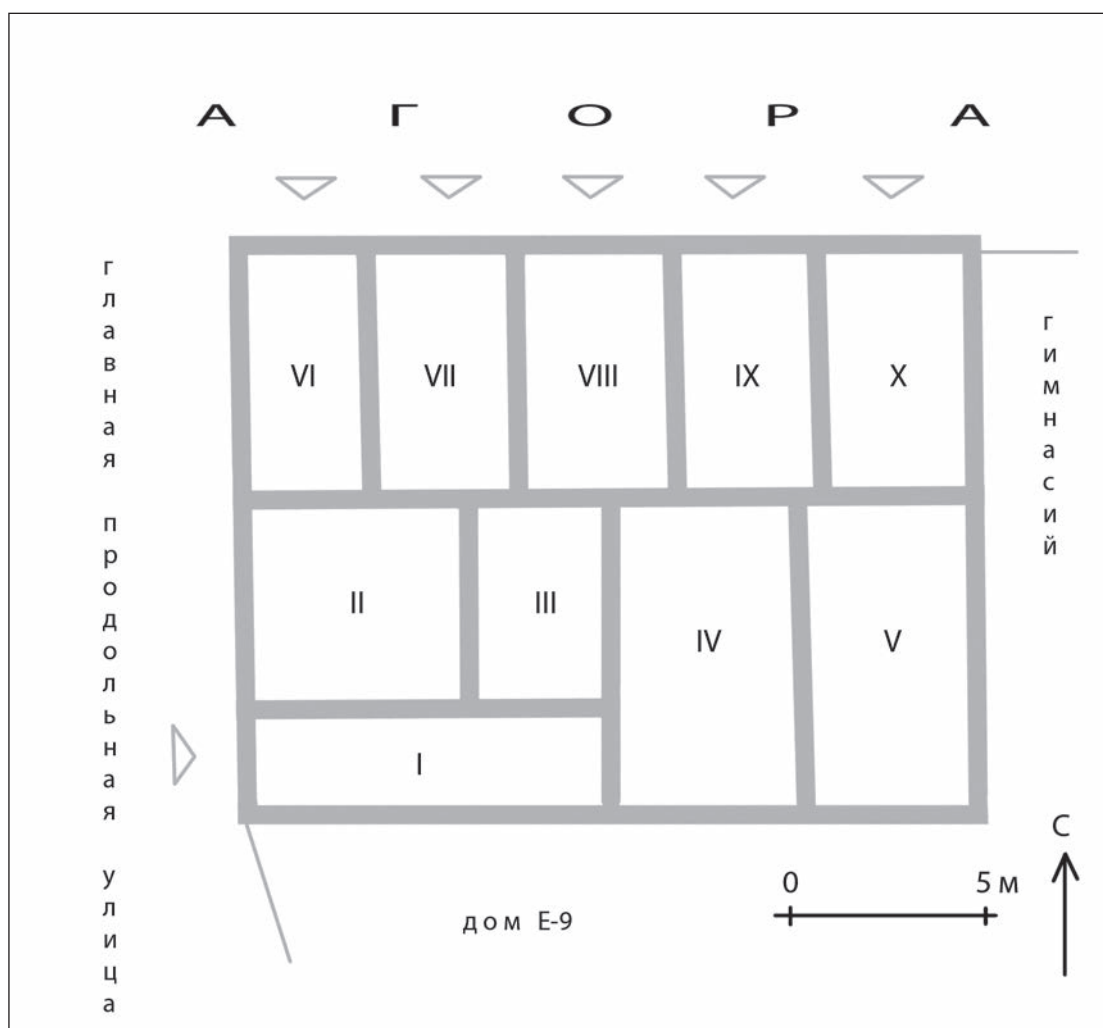

Рис. 4. Схематическая реконструкция плана

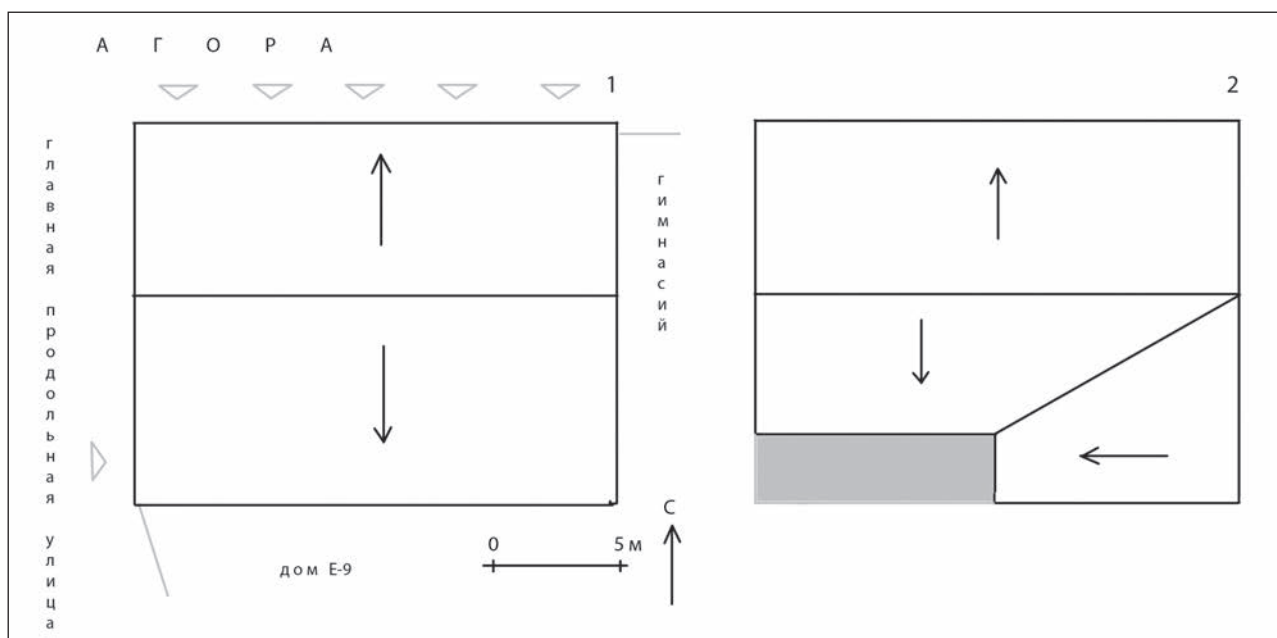

Рис. 5. План крыши: 1 – двускатный вариант; 2 – трехскатный

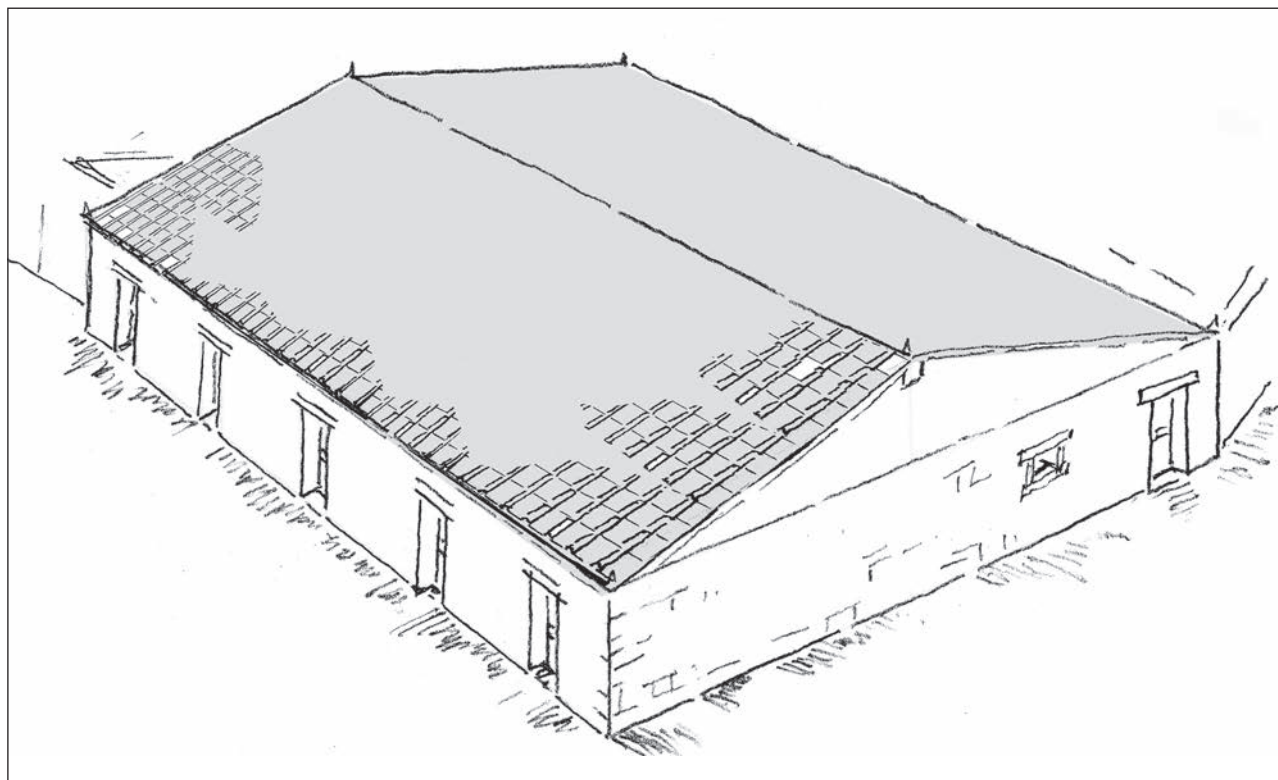

Рис. 6. Общий вид здания с северо-запада

Поскольку остатки дверных проемов не сохранились, возможные функциональные связи между помещениями можно наметить только предположительно. Исходя из предполагаемой специфики (устройства «приемных»), возможны два основных варианта функциональных связей между помещениями. Первый вариант исходит из разделения здания на две части: «приемную» и внутреннюю (внутрислужебную). Он предполагает отсутствие связи между помещениями северного и южного рядов и индивидуальную непосредственную связь помещений северного ряда с агорой, а южного — через протирон с Главной продольной улицей (рис. 4). При этом, учитывая одинаковую глубину помещений северного ряда, вряд ли можно ожидать наличие анфиладной связи между ними. Второй вариант предполагает отсутствие индивидуальных выходов на агору и наличие коммуникаций между помещениями южного и северного рядов. Это представляется менее вероятным, если принять во внимание взаимный сдвиг расположения меридиональных стен между двумя рядами помещений.

Основания предполагать наличие ордера и второго этажа отсутствуют. В связи с этим возникает вопрос: каким образом могло осуществляться дневное освещение трех помещений (III, IV, V) южного ряда, с южной и восточной сторон которых к зданию Е-8 примыкали дом Е-9 и гимнасий? Возможный ответ на этот вопрос может дать устройство крыши.

План здания предполагает устройство наиболее рациональной формы крыши в виде двускатной со стоками на север и на юг (рис. 5, 1; 6). Однако если возможность стока на север (на агору) сомнений не вызывает, то существованию стока на юг препятствует наличие здесь дома Е-9. Поскольку в месте примыкания дома Е-9 к рассматриваемому зданию двор отсутствует (здесь находились крытые помещения 6, 7 дома Е-9), карниз крыши здания Е-8 должен находиться существенно выше (на метр с лишним), чем обычно, для возможности устройства под ним кровли дома Е-9. Не исключен и вариант с отсутствием крыши над протироном и устройством над южной половиной здания двух пересекающихся взаимно перпендикулярных скатов (рис. 5, 2). Последнее было осуществимо и при использовании саманного, а не черепичного покрытия, что, однако, для общественного или административного здания сомнительно⁵. С другой стороны, этот вариант решает проблему естественного освещения двух помещений (III и IV) южного ряда. При этом третье помещение южного ряда (V) получает возможность устройства естественного освещения с восточной стороны — со стороны гимнасия, поскольку при подобной форме крыши тыльный карниз поперечного (восток — запад) ската будет находиться на высоте конькового прогона здания.

В заключение вернемся к вопросу о степени аргументированности предположения об административном назначении рассмотренного выше здания. Основными доказательствами в пользу этого, по справедливому мнению авторов раскопок, является отсутствие внутреннего двора и расположение этого объекта на агоре⁶.

Представляется, что дополнением к этой аргументации является и собственно планировка здания. Она нетипична ни для культовых сооружений, ни для пританеев, ни для жилых домов. Очевидно, следует исключить и возможность торгового назначения здания, в пользу которого могло бы свидетельствовать наличие вытянутого вдоль южной стороны агоры ряда близких по размерам и пропорциям пяти помещений. Однако против торгового назначения этого ряда говорит, во-первых, отсутствие под помещениями подвалов, которые, судя по восточному и западному торговым рядам ольвийской агоры, являлись в таких случаях обязательным элементом; а, во-вторых, то, что, судя по конфигурации в плане слоев оснований и одновременности их строительства, ряд этих помещений, выходящих непосредственно на агору, являлся частью единого комплекса, располагавшегося на основаниях. В связи со сказанным кажется достаточно убедительным предположение Н.А. Лейпунской о возможности размещения в этом здании ольвийских коллегий⁷. В данном случае, учитывая наличие ряда, состоящего из пяти отдельных помещений, речь может идти о коллегии пяти архонтов, существование и ведущее значение которой в Ольвии засвидетельствовано памятниками эпиграфики⁸. В этом случае можно предполагать деление здания в функциональном отношении на две части: приемные, в которых каждый архонт имел возможность принимать граждан по своему профилю деятельности, и внутреннюю, объединяющую коллегии в целом.

⁵ Подробнее о проблемах реконструкции кровель см.: Крижицкий 2013, 11 сл.

⁶ Лейпунская 1967, 141; Славин 1975, 40.

⁷ Лейпунская 1967, 141.

⁸ IOSPE, I², 77, 78, 97, 98; Латышев 1887, 262; Анохин, Русяева 1999, 360 и сл.; Анохин 1999, 384.

Разумеется, предлагаемый вариант объемно-планировочной реконструкции здания «коллегий» — лишь один из нескольких возможных, и именно в этом качестве, как представляется, он заслуживает внимания.

Литература

- Анохин В.А. 1999: Государственный строй в первые века н.э. // *Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 380–390.
- Анохин В.А., Русяева А.С. 1999: История развития государственной власти в VI–I вв. до н. э. // *Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 342–380.
- Крыжицкий С.Д. 1985: Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 2012: Архитектура Ольвии в графических реконструкциях. Симферополь — Керчь.
- Латышев В.В. 1887: Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Крыжицкий С.Д. 2013: Методичні засади графічних реконструкцій житлових будинків Ольвії // *Археологія. Київ.* 4, 104–117.
- Лейпунская Н.А. 1967: Об итогах работ 1965–1966 гг. на участке Е — агора, дом на юге агоры // *АИУ 1965–1966, I*, 138–141.
- Славин Л.М. 1975: Кварталы в районе ольвийской агоры (раскопки 1961–1970 гг.) // *Ольвия / С.Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 5–50.*

ON A POSSIBLE RECONSTRUCTION OF THE ‘COLLEGIA’ BUILDING IN OLBIA

S.D. Kryzhitskiy

The article presents a brief justification of a possible 3-D reconstruction of a Hellenistic structure uncovered in Olbia during the 1963–1966 seasons. This edifice has been tentatively identified as the ‘collegia’ building.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ СТРАБОНА В ОПИСАНИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

«География» Страбона (конец I в. до н.э. — начало I н.э.) является одним из важнейших литературных источников по истории античного Северного Причерноморья. Исследователи единодушно во мнении, что сам Страбон едва ли посетил лично Северное Причерноморье и описывал его территорию, основываясь только на литературных источниках. Поэтому «География» Страбона представляет собой многослойную компиляцию предшествующих разновременных трудов, где частично названы ее источники, но нередки и случаи, когда Страбон соединяет в единое целое несколько источников, не называя их авторов².

Описание побережья Северного Причерноморья построено, как полагает большинство исследователей³, преимущественно на труде Артемидора Эфесского, автора конца II в. до н.э., который написал географическое произведение, описывающее в форме перипла весь мир⁴. При этом Страбон, многократно ссылающийся на Артемидора в других частях своей «Географии», в описании Северного Причерноморья только раз упоминает его — в описании северо-восточной части региона он пишет (XI. 2. 14):

От Бат, как говорит Артемидор, [идет] побережье керкетов, имеющее якорные стоянки и деревни на протяжении 850 стадиев, затем [побережье] ахеев в 500 стадиев, затем [побережье] гениохов в 1000 стадиев, затем Большой Питиунт в 360 стадиев до Диоскуриады⁵.

Отсутствие других прямых отсылок к Артемидору в описании Северного Причерноморья не в малой степени стало причиной определенного скепсиса в этом вопросе у некоторых исследователей, в частности у Л.И. Грацианской, которая считает: «...Мнение Ростовцева, что в основе страбонского перипла Западного, Северного и отчасти Восточного Причерноморья лежит перипл Артемидора, не кажется нам единственно возможным»⁶.

В этой статье я хотел бы рассмотреть некоторые тексты античных авторов, которые, как мне кажется, подтверждают, хотя и не прямо, гипотезу об Артемидоре как источнике Страбона в описаниях некоторых частей Северного Причерноморья.

В VII. 4. 5 Страбон пишет:

Азию от Европы отделяет этот [Керченский пролив. — А.П.] и река Танаис, текущая напротив, с севера, в озеро, а также в его устье. У [реки] два устья, [впадающих] в озеро, отстоящих друг от друга на расстоянии около 60 стадиев⁷.

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (№ 14-01-00262а).

² См. Грацианская 1988, 34–46; Иванчик 2010, 333.

³ Neumann 1884, 329–330; Daebritz 1905; Rostowzew 1931, 34–37, 40; Ростовцев 1914, 369–374; Иванчик 2010, 333–336. В тексте «Географии» Страбона встречается около 50 отсылок к Артемидору.

⁴ Подробнее об Артемидоре как источнике Страбона см.: Грацианская 1988, 63–66.

⁵ В статье использован перевод, выполненный на семинаре по чтению и комментированию «Географии» Страбона, ведущимся в ИВКА РГГУ под руководством Л.И. Грацианской и А.В. Подосинова.

⁶ Грацианская 1988, 65.

⁷ διαίρεϊ δ' ὁ στενωπὸς οὗτος τὴν Ἀσίαν ἀπὸ τῆς Εὐρώπης καὶ ὁ Τάναϊς ποταμός, καταντικρὺ ῥέων ἀπὸ τῶν ἄρκτων εἰς τε τὴν λίμνην καὶ τὸ στόμα αὐτῆς· δύο δ' ἔχει τὰς εἰς τὴν λίμνην ἐκβολὰς διεχούσας ἀλλήλων ὅσον σταδίου ἐξήκοντα. Ср. также XI. 2. 2.

Это практически уникальное в античной литературе свидетельство о наличии двух устьев Дона встречается до Страбона еще раз только у Артемидора Эфесского⁸. По свидетельству схолиаста Дионисия Периегета, «Артемидор говорит, что два устья Танаиса отстоят друг от друга на расстояние 7 стадиев; одно из них впадает в Меотийское озеро, другое же — в Скифию...»⁹. Обратим внимание, что, как и Артемидор, Страбон говорит не только о двух устьях Танаиса, но и отмечает, что одно из них впадает непосредственно в Меотиду, а второе — в устье Меотиды, т. е. в пролив, соединяющий Азовское и Черное моря¹⁰.

Следующий случай, в котором можно видеть влияние Артемидора на «Географию» Страбона, также относится к устью Дона (XI. 2. 2):

[Танаис] течет из северных областей, но не диаметрально противоположно Нилу, как полагают многие, а восточнее его, и, подобно ему, имея неясные истоки. Но если [Нил] во многом известен, протекая по области, часто посещаемой и будучи на продолжительных [отрезках] вверх судоходным, то у Танаиса мы знаем лишь устья (их два, [впадающих] в самые северные части Меотиды и отстоящих друг от друга на 60 стадиев), а выше устьев известно [лишь] немного из-за холода и труднопроходимости страны, что могут терпеть только местные жители, питающиеся по-кочевничьи мясом и молоком, а другие народы [этого] не переносят. Кроме того, кочевники, не будучи склонны к общению с другими и отличаясь количеством и силой, преграждают [путь], даже если и есть какая-то проходимая [дорога] на суше или окажется, что у реки есть какие-то судоходные [части].

Страбон, обычно довольно скептически настроенный к описаниям отдаленных и малоизученных областей¹¹, и в этом месте имеет, как кажется, своим источником Артемидора. Дело в том, что Артемидора часто цитирует и Плиний Старший в географических частях своей «Естественной истории»; имя Артемидора присутствует в Плиниевых индексах использованной литературы ко всем географическим книгам¹². И вот что пишет Плиний об устье Танаиса—Дона (II. 246): «Артемидор считал неисследованным [все], находящееся дальше, хотя и сообщал, что вокруг Танаиса по направлению к северу живут сарматские племена¹³». Напрашивается вывод, что и здесь Страбон следует Артемидору.

Наконец, есть еще одно косвенное свидетельство следования Артемидору в описании Страбоном Северного Причерноморья. Анонимный автор «Перипла Понта Эвксинского» VI в. н.э., описывая береговую линию Северного Причерноморья и имея основным источником «Перипл Понта Эвксинского» Арриана, добавляет довольно обширные сведения из других источников¹⁴. В частности, в 92¹⁵ параграфе в описании Северо-Западного Причерноморья он ссылается на Артемидора, которого не упоминают другие его источники:

Всего от реки Борисфен до реки Тирас — 810 стадиев, 108 миль; от Херсона до реки Тирас — 4110 стадиев, 548 миль. Географ Артемидор пишет, что от города Херсона до реки Тирас вместе с плаванием вокруг Каркинитского залива — 4420 стадиев, 589 и 1/3 миль. От реки Тирас до [места] Неоптолема — 120 стадиев, 16 миль. От [места] Неоптолема до [места] Кремниски — 120 стадиев, 16 миль. Географ Артемидор говорит, что от реки Тирас до [места] Кремниски — 480 стадиев, 64 мили. От [места] Кремниски до [места] Антифила — 330 стадиев, 44 мили¹⁶.

⁸ После Страбона об устьях Танаиса сообщает лишь Птолемей, который говорит о том, что «между устьями (Танаиса) находится город Танаис (III. 5. 26: μεταξὺ τῶν στόματων ἔστι Ταναῖς πόλις)»; это подразумевает, что устьев было по меньшей мере два.

⁹ Ἀρτεμίδωρος δὲ φησι τὰ δύο στόμια τοῦ Ταναΐδος διέχειν αὐτὸν σταδίους ζ'. τὸ μὲν γὰρ αὐτοῦ εἰς Μαϊώτιδα λίμνην ἐκρεῖ, τὸ δὲ εἰς Σκυθίαν... (Schol. ad Dionys. Perieg. 872–874).

¹⁰ Подробнее об этом географическом казусе см.: Подосинов 2015, 310–313. III. Радт в комментарии к словам о двух устьях Танаиса у Страбона также приводит в параллель высказывание Артемидора в схолиях к Дионисию Периегету.

¹¹ Ср., например, VII. 2. 4: «Страны за Альбием (Эльбой. — А.П.) у океана совершенно нам неведомы. Мы не знаем никого, кто бы ранее совершил плавание вдоль этих берегов к восточным странам, простирающимся до устья Каспийского моря; также и римляне еще не заходили по ту сторону Альбиа; равным образом и сухим путем никто туда не путешествовал». (Перевод В.В. Латышева).

¹² Об Артемидоре как источнике Плиния см.: Detlefsen 1909, 160–162; Sallmann 1971, 60–64.

¹³ Artemidorus ulteriora inconperta existimavit, cum circa Tanain Sarmatarum gentes degere fateretur ad septentriones versus.

¹⁴ См. о нем: Скржинская 1980, 115–125.

¹⁵ Нумерация дается по моему изданию: Podossinov 2014.

¹⁶ Ὅμοῦ ἀπὸ Βορυσθένους ποταμοῦ ἕως Τύρα ποταμοῦ στάδιοι ω', μίλια ρη'. ἀπὸ δὲ Χερσῶνος ἕως Τύρα ποταμοῦ στάδιοι ,δρι', μίλια φμη'. Ἀρτεμίδωρος δὲ ὁ γεωγράφος ἀπὸ πόλεως Χερσῶνος μέχρι Τύρα ποταμοῦ,

Возможно, что эта отсылка к Артемидору у Анонима восходит к «Эпитоме Артемидора» Маркиана¹⁷, компилятора Мениппа и Артемидора начала V в. н.э., поскольку Аноним явно был знаком с этими компиляциями, по крайней мере, с Менипповой в описании Южного Причерноморья.

В «Эпитоме Мениппа» Маркиан так характеризует труд Аполлодора (4):

Географ Артемидор Эфесский ... представил перипл моря с этой стороны Геракловых Столпов и измерение этого моря с большой тщательностью в 11 книгах и написал наиболее ясный и точный перипл Нашего моря¹⁸.

А теперь посмотрим на описание этой же части черноморского побережья у Страбона. В VII. 4. 2 географ дает расстояние между Херсонесом и рекой Тирас, равное 4400 стадиев, что почти совпадает с данными Артемидора, сохраненными в Перипле Анонима (4420 стадиев). Важно отметить, что у обоих авторов это расстояние предполагает плавание вдоль берега, включая такие заливы, как Каркинитский. Об этом говорит Страбон (Χερρόνησος, διέχουσα τοῦ Τύρα **παράπλου** σταδίων τετρακισχιλίων τετρακοσίων), и это же особо отмечается у Артемидора (ἀπὸ πόλεως Χερσῶνος μέχρι Τύρα ποταμοῦ, **σὺν τῷ περίπλῳ** τοῦ Καρκινίτου κόλπου). Замечу, что направление перечисления пунктов в Северном Причерноморье у Страбона и Артемидора противоположное: если Артемидор описывал побережье против часовой стрелки, и для него было естественным называть дистанции вперед к западу, то Страбон двигался по часовой стрелке. Тем показательнее оказывается совпадение этих данных у обоих авторов — Страбон заимствовал у Артемидора даже неестественное для своего принципа перечисления направление подсчета стадиев.

Продолжение текста Анонима содержит упоминание Неоптолема, Кремниски и Антифила, находящихся между Тирасом (Днестром) и Истром (Дунаем) и перечисленных Артемидором. Первый из этих объектов назван также Страбоном в VII. 3. 16: «У устья Тираса есть Башня, называемая Неоптолемовой (πύργος Νεοπτολέμου καλούμενος), и деревня, именуемая Гермонактовой (Ερμώνακτος κώμη)». Отметим, что имя Неоптолема как часть названия встречается только у Артемидора и Страбона. Тем самым подтверждается версия, высказанная еще М.И. Ростовцевым и поддержанная затем Ю.Г. Виноградовым, о том, что источником Страбона здесь был именно Артемидор¹⁹.

Кремниски Анонима упоминаются в этом же месте только Плинием Старшим (NH. IV. 82: Verum ab Histro oppida Cremniscos, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra). К. Мюллер в своем издании анонимного перипла²⁰ предложил подразумевать под Κρημνίσκοι Анонима Гермонактову деревню Страбона, которая также упоминается Птолемеем²¹. С другой стороны, Плиний почти сразу за *Cremniscos* упоминает *montes Macrocremni*, и эти два названия должны как-то соотноситься друг с другом. Скорее можно было бы предположить, что плиниев город *Aepolium*, неизвестный из других источников и стоящий на месте τὰ Νεοπτολέμου Анонима, мог быть искаженным названием этого последнего (лат. AEPOLIUM < греч. ΝΕΟΠΤΟΛΕΜΟΝ)²². Что касается места Антифила (Ἀντιφίλου), упомянутого Анонимом, то оно ни в одном источнике больше не встречается.

Как бы то ни было, в приведенном тексте Анонима цитируется Артемидор, которому, очевидно, и принадлежали сведения о месте Неоптолема, месте Кремниски и месте Антифила, а также названия городов, упомянутые между Днестром и Дунаем Страбоном и Плинием.

Таким образом, представленные аргументы подтверждают гипотезу о том, что Артемидор действительно мог быть основным источником Страбона в некоторых частях его перипла Северного Причерноморья.

σὺν τῷ περίπλῳ τοῦ Καρκινίτου κόλπου, γράφει σταδίους ,δυσ', μίλια φθ', γ'. Ἀπὸ δὲ Τύρα ποταμοῦ ἐπὶ τὰ Νεοπτολέμου στάδιοι ρκ', μίλια ι'. Ἀπὸ δὲ τῶν Νεοπτολέμου ἐπὶ Κρημνίσκους στάδιοι ρκ', μίλια ι'. Ἀρτεμίδωρος δὲ ὁ γεωγράφος ἀπὸ Τύρα ποταμοῦ ἕως τῶν Κρημνίσκων εἶναι λέγει σταδίους υπ', μίλια ξδ'. Ἀπὸ δὲ τῶν Κρημνίσκων ἐπὶ τὰ Ἀντιφίλου στάδιοι τλ', μίλια μδ'.

¹⁷ Diller 1952, 149, 163.

¹⁸ Ἀρτεμίδωρος δὲ ὁ Ἐφέσιος γεωγράφος... τὸν δὲ περίπλουν τῆς ἐντὸς Ἡρακλείου πορθμοῦ θαλάσσης καὶ τὴν ἀναμέτρησιν ταύτης μετὰ τῆς προσηκούσης ἐπιμελείας ἐν ἑνδεκα διεξήλθε βιβλίοις, ὡς σαφέστατον καὶ ἀκριβέστατον περίπλουν τῆς καθ' ἡμᾶς ἀναγράψαι θαλάττης.

¹⁹ Rostowzew 1931, 64–65; Vinogradov 1997, 63.

²⁰ GGM 1882, 418–419.

²¹ Ptolem. Geogr. III. 10. 14 Stückelberger-Graßhoff.

²² Cp. Neumann 1855, 356.

Литература

- Грацианская Л.И. 1988: «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 год. М., 6–175.
- Иванчик А.И. 2010: Античная литературная традиция // Античное наследие Кубани. Т. I. / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 318–359.
- Подосинов А.В. 2015: Танаис и «Кубанский Боспор» // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 11, 310–313.
- Ростовцев М.И. 1914: Страбон как источник для истории Боспора // Сборник в честь В.П. Бузескула. Харьков, 366–380.
- Ростовцев М.И. 1925: Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Пг.
- Скрябинская М.В. 1980: «Перипл Понта Эвксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 115–125.
- Daebritz R. 1905: De Artemidoro Strabonis auctore capita tria. Lipsiae.
- Detlefsen D. 1909: Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. B.
- Diller A. 1952: The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster.
- Neumann K. 1855: Die Hellenen in Scythenlande: Ein Beitrag zur alte Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. B.
- Neumann K. 1884: Strabons Landeskunde von Kaukasien. Eine Quellenforschung // JCPH. Supplementband 13, 319–354.
- Podossinov A.V. 2014: Anonymi Periplus Ponti Euxini (2037) // Die Fragmente der Griechischen Historiker. Part V / Editor in Chief: H.-J. Gehrke. Brill Online, 2014. Reference. Université de Paris 1 Sorbonne (BIS). 02 November 2014. <http://referenceworks.brillonline.com/janus.biu.sorbonne.fr/entries/fragmente-der-griechischen-historiker-v/anonymi-periplus-ponti-euxini-2037-a2037>.
- Radt S. 2008: Strabons Geographika. Bd. 7. Göttingen.
- Rostowzew M. 1931: Skythien and Bosporus. Bd. I. B.
- Sallmann K.G. 1971: Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. B. — N. Y.
- Vinogradov Ju.G. 1997: Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz am Rhein.

ON THE QUESTION OF STRABO'S SOURCES IN HIS DESCRIPTION OF THE NORTH PONTIC REGION

A.V. Podossinov

This article presents some evidence supporting a hypothesis that Artemidoros of Ephesos was one of the sources used by Strabo for his description of the North Pontic Region. In addition to one direct reference to Artemidoros in XI, 2, 14, there exist several indirect references in other ancient texts that confirm that Artemidoros' periplus served as Strabo's source for descriptions of the estuaries of Don and of its lower course, as well as of a few sites in the North-Western Pontus. The texts in question are: Scholia on Dionysius Periegetes, Pliny's *Historia Naturalis*, and the anonymous Periplus of the Euxine Pontus.

ПЕЧАТЬ РИМСКОГО БЕНЕФИЦИАРИЯ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

После открытия в начале 1990-х гг. памятников, связанных с римским военным присутствием в окрестностях античного Херсонеса (на высоте Казацкой и в Балаклаве), гипотеза о существовании системы римских укреплений в Юго-Западной Таврике стала обретать все более реальные черты. В 2004–2006 гг. экспедиция НЗХТ и Варшавского университета в урочище Кавказ-Баир открыла сторожевую башню римского времени с окружавшим ее рвом, что соответствует архитектурному комплексу римского военного поста на высоте Казацкая. Еще два пункта, связанных с дислокацией римских войск, были выявлены разведками А.А. Филиппенко и одного из авторов этой статьи на Сапун-горе и на вершине высоты Суздальская, самой северной из высот гребня плато Сапун-горы и одной из наиболее удобных в стратегическом отношении, поскольку она расположена на пути из Крымской Скифии через Воловью балку на Гераклеийский полуостров, ближнюю хору Херсонеса Таврического.

Культурный слой здесь прослеживается на пространстве 30 × 40 м. До начала работ на поверхности на протяжении 35 м хорошо просматривалась только одна северная стена памятника. На сегодняшний день раскопано около 200 м² — около четверти предполагаемой площади. Раскопками на уровне подошвы каменных стен и под ними выявлен культурный слой римского времени мощностью до 0,35 м, который представляет собой нивелировочную засыпь. Открыты остатки юго-восточной стены и небольшое круглое сооружение из массивных камней. Выявленные стены были поставлены поверх культурного слоя II–III вв. н.э., что свидетельствует о позднем происхождении архитектурных остатков. На это также указывает найденная в развале стены монета IV в. н.э. времени императора Константина или его сыновей. На первом этапе памятник имел иную планировку, к которой, по нашему предположению, относится 8-метровый фрагмент кладки из массивных блоков, включенный в систему поздних стен, интерпретируемых нами как остатки размежевки. В нивелировочном слое встречаются бутовые камни средних и малых размеров.

Керамический материал датируется II — первой половиной III в. н.э. Это фрагменты узкогорлых светлоглиняных, розовоглиняных с клювовидным венцом, красноглиняных амфор типа мирмекийской и амфор со сложнопрофилированными ручками. Часто встречаются профильные части оранжевоглиняных одноручных кувшинов на высоком поддоне, остатки кухонной и лепной посуды. Краснолаковая керамика представлена фрагментами кувшинов, тарелок с вертикальным бортиком или с закругленным краем, одноручных кубков на небольшом плоском донце. Примечательны обломки щитков светильников II — начала III в. н.э.: на одном изображен орел, на другом — фигура идущего барана. Строительная керамика немногочисленна — это главным образом фрагменты плоских желобчатых черепиц *tegulae* и полукруглых *imbrex*.

Среди находок зафиксированы фрагменты стеклянных изделий открытых и закрытых форм, изготовленных из высококачественного прозрачного стекла, бесцветного или светло-голубого цвета, фрагмент тарелки из прозрачного стекла оливкового цвета. Обращают на себя внимание обломок закраины оконного стекла, а также фрагмент глазурованного алтаря (?), покрытого поливой травяного цвета с рельефным изображением колонны, увенчанной капителью.

Из металлических предметов следует упомянуть шарнирную накладку крышки от бронзового сосуда, две полностью сохранившиеся бронзовые иглы, две верхние части железных игл, обломки железных кровельных гвоздей, фрагмент пилы, бесформенный слиток свинца со следами

отделения его частей зубилом. В обоих культурных слоях обнаружено 183 железных гвоздя от римской военной обуви. У хорошо сохранившихся экземпляров кончик ножки загнут — именно на гвоздях держались слои подметки. Обувные гвозди, которыми скрепляли подошву обуви римские солдаты, позволяет связывать памятник с римским военным присутствием. К римской военной амуниции относится бронзовый фрагмент обоймы конской сбруи, железная шарнирная пряжка, бронзовая ременная бляшка и четырехгранный наконечник стрелы, аналогии которому происходят из поселений и лагерей римского пограничья. О военном назначении памятника свидетельствуют бронзовая петля от колчана, трехлопастной наконечник стрелы и пращевые камни. Все эти находки бесспорно свидетельствуют о достаточно высоком уровне достатка обитателей этого укрепления.

Подтверждением сказанного стала находка двухсторонней свинцовой пломбы с латинскими буквами, обнаруженной на поверхности материкового слоя (рис. 1–3). Размеры пломбы 11 × 11 мм, толщина 4 мм. С торцов заметен стиснутый канал для шнура. Свинцовая пломба немного повреждена: левый и верхний ее края достаточно гладкие, имеют слегка дугообразную форму из-за недостаточно четкой проработки, а правый и нижний края неровные, с зазубринами, образовавшимися, по всей видимости, вследствие неоднократного использования пломбы в качестве печати. В результате этих повреждений в нижнем правом углу стороны Б надпись могла потерять одну или две буквы. Буквы надписи выпуклые и расположены несимметрично по отношению друг к другу: на оборотной стороне (сторона Б) они располагаются как бы перпендикулярно к лицевой главной стороне памятника (сторона А). На лицевой стороне отчетливо читаются угольный значок, напоминающий арабскую цифру 7, упирающийся внизу в маленькую О, затем АТ, над Т рисунок-эмблема в виде пальметты, по сторонам которой завитки и какие-то округлые или полуокруглые предметы (плоды?), а в середине продолговатый лист, по форме напоминающий наконечник копья. На оборотной стороне Б прочитывается буква В достаточно большого размера, на месте которой вмятина, образовавшаяся от использования печати в быту. Далее сверху надпись CON, уходящая в облом, может быть, частично из-за смещения штампа или стертости края печати, в результате от буквы N сохранилась только половина. Под этой надписью буква А с гостой в виде Т как бы в лигатуре, после которой могла стоять еще одна буква. Все надписи представляют собой латинские сокращения и в полном виде выглядят следующим образом:

Сторона А: 7 о АТ пальметта с завитками — в центре
лист в виде наконечника копья

Сторона Б: В CON А

На сегодняшний день это единственная находка подобного рода в Северном Причерноморье. Свинцовая пломба могла быть печатью офицера штаба одной из вексилляций римских войск в Херсонесе. Подобные памятники имели овальную или плоскую форму, подобную публикуемой печати¹. На свинцовые изделия такого рода, а также на отдельные предметы вооружения (*glandes missiles*), надписи наносили выпуклым шрифтом. Они представляли собой в основном имена командиров определенных подразделений и их названия, в том числе в виде аббревиатур. В одних случаях это своеобразные клейма чиновников, которые отвечали за производство оружия, в других — имена военных, собственников оружия². Сокращения В и CON с большой долей вероятности могут означать *b(eneficiarius) con(sularis)*. Название этой военной должности в римской армии писали по-разному: чаще всего как BF COS, реже как BE, BENIF, BENIFIC, однако встречается и аббревиатура В CON (или CONS — последнее больше относится к должности консула)³. На этом основании мы можем утверждать, что надписи на публикуемой свинцовой печати относятся к бенефициарию консуляра, а сама печать — это его именной должностной штамп.

¹ Virlouvet 1988, 120–148; Stamenković, Ivanišević 2013, 244. Об оттиске округлой печати центуриона из одного из кастеллей германского рейнско-дунайского лимеса см. Baatz 1993, 147, Abb. 79.

² Cf. Zangemeister 1885; Laffi 1981. О бронзовых пластинах с выбитыми пунсоном именами собственников из римского кастелля Страубинг см. Prammer 1989, 32, Abb. 38.

³ Федорова 1982, 117; Vuoparane 2012, 270–272, fig. 9, 34. Ср., например, посвятельную надпись на алтаре из Британии, поставленную бенефициарием консуляра наместника провинции — Collingwood, Wright 1965, No 745: ...ELLINVS BFCos VS LL M.

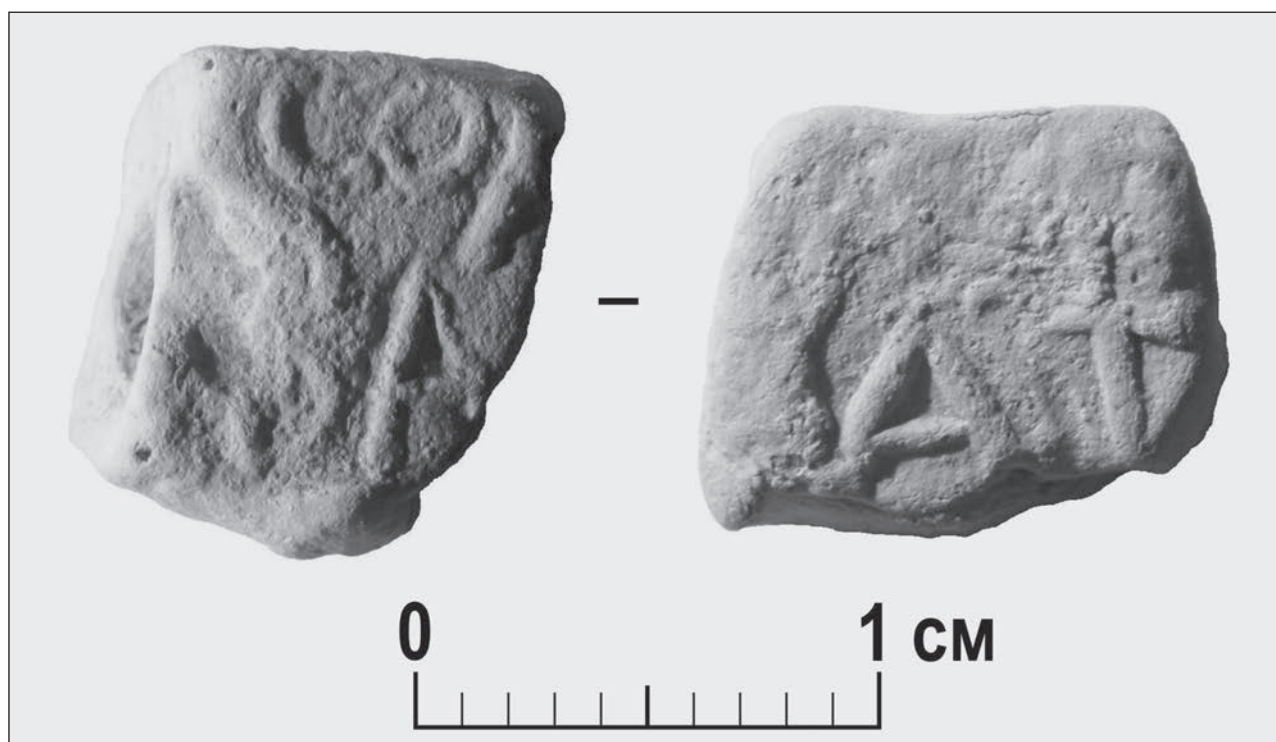

Рис. 1. Свинцовая печать бенефициария с высоты Суздальская

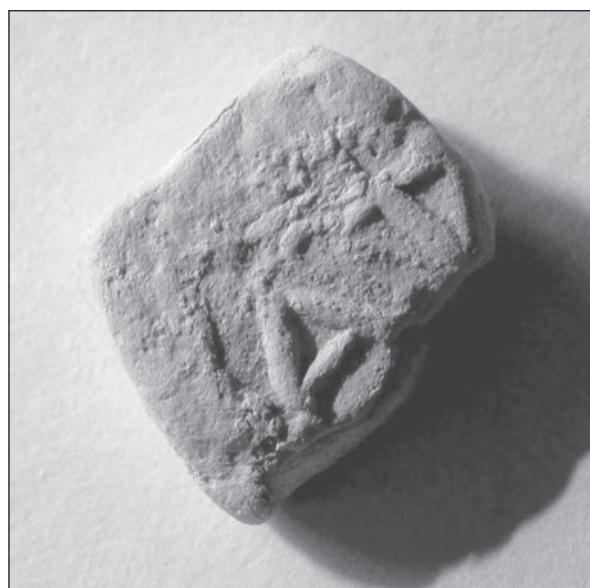

Рис. 2. Свинцовая печать с высоты Суздальская. Лицевая сторона

Рис. 3. Свинцовая печать с высоты Суздальская. Обратная сторона

Если это действительно так, то имя бенефициария должно скрываться под аббревиатурой АТ, выписанной большими буквами на стороне А. При этом любопытно, что аналогичное сокращение, но в лигатуре А, засвидетельствовано на противоположной стороне печати. Повторяющиеся сокращения имен нередко встречаются на печатях разных лиц, включая военных. Среди печатей из коллекции Рекамье, которые в основном происходят из римской Галлии, П. Диссар выделяет экземпляры с надписями на обеих сторонах: (а) надписи, когда *praepositi* и *positi* помещены на одной стороне, а *consignati* на оборотной; (б) надписи *tria nomina*, когда на обеих сторонах помещены разные инициалы; (в) надписи с разными именами в полной форме на обеих сторонах (последние две категории, по мнению исследователя, это имена «патрона или начальника и человека, находящегося

у него в услужении или подчинении»)⁴. М. Стилл, изучавший богатую коллекцию печатей из Британии, отмечает, что «многие печати имеют те же сокращения *tria nomina* на аверсе и реверсе, однако невозможно сказать, относится ли это к одному и тому же человеку или к отцу и старшему сыну, при этом первое более вероятно»⁵.

Если применить эти наблюдения к свинцовой печати с высоты Суздальская, то ее можно условно отнести к пломбам, на обеих сторонах которых стоят одни и те же имена в сокращении или два разных имени. Дело в том, что на аверсе печати сокращение имени АТ выписано большими отдельно стоящими буквами в сопровождении эмблемы, тогда как на оборотной стороне аналогичная аббревиатура совершенно иного вида и к тому же в лигатуре. Можно высказать предположение, что оба сокращения относятся к имени одного человека, который являлся владельцем печати. При этом на аверсе, чтобы было заметно, начальный слог имени выписан большими буквами с целью показать, кому лично принадлежит печать. Здесь же имелась эмблема — личная инсигния бенефициария. Обратная сторона, где указаны должность владельца печати согласно воинскому рангу и сокращение его имени, являлась официальным штампом, который прикладывался к документам, проходившим через канцелярию вексилляции. Поэтому там большими буквами отмечена должность В CON, а в сокращении и лигатуре — личное имя.

Знак \perp на аверсе печати перед сокращением АТ почти аналогичен значку на черепице легионов и когорт и напоминает значки на некоторых печатях бенефициариев из римской Британии. Р. Томлин полагает, что поскольку экземпляры печатей с инициалами относятся к центурионам, а не к центуриям, то знак \perp может быть символом центуриона, а не центурии⁶. Однако М. Стилл отмечает, что на самом деле при постановке такого значка не было особой разницы, принадлежала ли печать центуриону или центурии. По его мнению, значок \perp перед именем обозначал центурию, а если знак стоял после имени, то относился к центуриону⁷. В нашем случае знак поставлен перед сокращением имени, следовательно, он указывал на центурию, в которой служил бенефициарий. К тому же согласно римской воинской иерархии бенефициарий консуляра вряд ли одновременно являлся центурионом. Поскольку означенный значок подчеркнуто упирается в окружность «О», то можно высказать предположение, что бенефициарий, имя которого начиналось на АТ, служил в восьмой центурии: \perp o = (centuria) o(ctava). Впрочем, возможно и другое, причем более правдоподобное предположение. В годы принципата бенефициарии являлись офицерами при штабе (*officium*), поэтому значок \perp над «О» мог означать o(fficium) \perp = (centuriae), т. е. некий АТ служил офицером при штабе центурии. Его мог возглавлять центурион, командир вексилляции римских войск в Херсонесе (согласно IosPE I² 404 таким командующим был центурион Валерий Максим). Аналогичные римские гарнизоны возглавлялись центурионами в Тире, Хараксе, Ольвии, Балаклаве⁸.

Принадлежность печати бенефициарию косвенно подтверждается эмблемой в виде пальметты с вытянутой формы листом в обрамлении завитков. Лист или стебель напоминает по форме наконечник копья. Как указывает М. Стилл, эмблема «цветок» или «стебель, который завершается цветком с длинной центральной частью», встречается на печатях *beneficiarii consularis* из римской Британии⁹. Такое изображение на эмблемах бенефициариев условно отображало копье или его наконечник (Benefiziarierlanze), что было инсигнией этих офицеров, подтверждавшей их воинский ранг¹⁰. Изображение миниатюрного или большого копья нередко фигурирует на надгробиях бенефициариев консуляра из Остербюркена в Верхней Германии, где служит указанием на принадлежность к *officium consularis* или штабу наместников провинции¹¹. Таким образом, эмблема на публикуемой печати из окрестностей Херсонеса подтверждала, что ее владелец — бенефициарий консуляра — находился в составе римских вспомогательных воинских частей, расквартированных в Таврике, скорее всего, в Херсонесе и его округе.

⁴ Dissard 1905, XIII, No 388–415; 71, 72, No 415–425.

⁵ Still 1995, vol. I, 125.

⁶ Tomlin 1991, 298, not. 22.

⁷ Still 1995, vol. I, 98; vol. II, 366, 367.

⁸ Sarnowski 1988, 144; Зубарь 1994, 58; Сарновски, Савеля 2000, 88.

⁹ Still 1995, vol. II, 367.

¹⁰ Bishop, Coulston 1993, 126; Still 1995, vol. II, 367.

¹¹ Alföldi 1959, 11; Rankov 1990, 176–182; см. также CIL III 5575, 5579, 5580 = ILS 4853, 5592, 6376 = 8656, 12895; XIII 1909, 6557, 6628, 7400 = ILS 4192a, 7731, 11777.

В Римской республике бенефициарий — это солдат, приданный конкретному командиру, который через свой *beneficium* получал специальные привилегии, в частности, свободу от утомительных военных упражнений. В эпоху принципата бенефициарии консуляров — это особая каста офицеров в военном штабе (*officia*), приставленных к офицеру всаднического сословия вспомогательного подразделения — префекту лагеря, каждому легионному трибуну, легату легиона, чиновнику всаднического сословия в провинции, прокуратору и наместнику провинции — для выполнения различного рода особых поручений. Они могли исполнять обязанности корникулярия, т. е. секретаря центуриона, трибуна и т. д., возглавляя канцелярию, через которую проходило огромное количество разных документов и бумаг¹². Иногда бенефициарии служили в качестве *domicuratores* резиденции наместника провинции и помогали ему в преториуме¹³. Естественно, что для выполнения подобной канцелярской работы им нужны были личные печати, чтобы скреплять многочисленную армейскую документацию. При Адриане и позднее на протяжении II–III вв. н.э. бенефициариям поручалось командовать различными постами римской военной стражи или полиции (*stationes*). Это были посты типа временных канцелярий вексилляций, которые находились в военных лагерях и кастеллах и откуда осуществлялось управление отрядами из легионеров и воинами вспомогательных когорт. Другая категория постов располагалась на территории, находившейся под контролем легионов, для обеспечения коммуникаций и связи между военными лагерями. Существовали посты на пересечении важнейших путей и дорог для их охраны и безопасности. Бенефициарии, их возглавлявшие, командовали небольшими отрядами легионеров, выполняли полицейские и таможенные функции, оказывали помощь в сборе налогов, взимании повинностей, проведении наборов рекрутов, осуществляли контроль за торговлей с окрестными варварскими племенами, охраняли важные месторождения и шахты. В таких случаях они брали на себя канцелярские обязанности¹⁴, проводили учет доходов, оформляли документы, для чего им было необходимо иметь собственные печати.

В многочисленных надписях бенефициариев по всей Римской империи обычно указаны имя и должность, а также воинское соединение (легион), в котором они служили. Р. ДIZE на основании посвященных надписей бенефициариев, включая алтари из провинции Норик, отмечает их стандартную формулу: 1) *IOM*, 2) имя посвяtitеля — бенефициария в именительном падеже, 3) титул *b(ene) f(iciarius)*, за которым следовало имя прокуратора в родительном падеже *proc(uratoris) Aug(usti)*. Это являлось отражением личных связей между наместниками и их бенефициариями и означало, что наместники как легаты консульского ранга имели право назначать бенефициариев¹⁵. Э. Шалльмайер приводит надписи с именами бенефициариев и наместников провинций, которым они служили¹⁶. Различное написание сокращения имени на обеих сторонах печати могло бы быть истолковано как указание на то, что некий *At(...)* являлся бенефициарием консуляра некоего командира, имя которого также начиналось на *AT*. Однако этому противоречит ряд факторов. Во-первых, отсутствие на печати названия должности человека, бенефициарием которого являлся владелец печати. Во-вторых, имя его представлено скромно и в лигатуре, что не увязывается с его долженствующим быть более высоким официальным положением, нежели то, которое занимал его бенефициарий (воинский ранг и имя последнего на аверсе выписаны более крупными буквами, обстоятельнее и потому заметнее, что недопустимо, если бы человек с именем на *AT* в лигатуре являлся вышестоящим лицом). В-третьих, надписи бенефициариев консуляра из Херсонеса и Харакса с указанием их имен и должностей: Тит Флавий Цельсин, бенефициарий консуляра XI Клавдиева легиона в Херсонесе (НЭПХ 1964, 59) и Хараксе (IosPE I² 675), и еще два неизвестных по имени таких же военных из состава

¹² Connolly 1981, 223; Domaszewski 1981, 32–36; Graham 1989, 6.

¹³ Curcea 2012, 267–278. О *beneficarii procuratorii* и *beneficarii consularis* из римских кастеллов в Хорватии см. Sinobad 2010, 157, Cat. No. 166, 214.

¹⁴ Ростовцев 1911, 7; Колосовская 1973, 231; 1988, 21; Смышляев 1979, 74–75; Ott 1995, 94, 95; Nelis-Clément 2000, 164–166; о бенефициариях как полицейских, миссионерах, разведчиках см. Curcea 2012, 272; Fuhrmann 2012, 249–250; о надписях бенефициариев, выполнявших полицейские функции по прямому командованию наместника провинции Нижняя Германия см. von Elbe 1995, 56, 103–104. О бенефициариях, следивших за складированием товаров в специальном помещении кастелла, см. Rushworth 2014, 295.

¹⁵ Dize 1997, 287; cf. Mirković 1989, 255; Schallmayer etc. 1990, No 642, 685, 738, 762, 778, и особенно 759: ...Caius Egrilius / Fuscianus / bf Subatiani(i) / Proculi leg(ati) / Aug(ustorum) pro praetore / co(n)sulis, Нумидия, 210 г. н.э.

¹⁶ Schallmayer et al. 1990, No 22 = AE 1971, 218, 495 = CIL III. 1783, 600, 658 = IOSPE P. 674, 722 = ILS 9258 = AE 1905, 211. Имя прокуратора упоминается в большинстве надписей из Норика (Ростовцев 1911, 10 со ссылкой на подборку А. Домашевского).

гарнизона в Херсонесе¹⁷, Марк Геминий Фортис, бенефициарий консуляра наместника Мезии Умидия Квадрата (IosPE I² 674), Домиций Эмилиан, бенефициарий консуляра (без отметки о личной связи с легатом или о службе в легионе)¹⁸. Почти все эти надписи, подобно большинству других надписей бенефициариев из разных частей Империи, дают указание на службу бенефициария в легионе или на личную связь через *beneficium* с наместником (прокуратором, легатом) провинции; в некоторых случаях имена и ранг бенефициария упоминаются без таких пояснений. Это дает основание предполагать, что на оборотной стороне свинцовой печати с высоты Суздальская не мог упоминаться вышестоящий начальник ее владельца, так как им мог быть только наместник провинции Нижняя Мезия, как, например, в случае с М. Геминием Фортисом из Харакса. А скромный характер имени в лигатуре АТ этого не допускает. Вряд ли означенное сокращение следует рассматривать как начало имени военного трибуна Атилия Примияна — командующего вексилляцией римских войск в Таврике и, очевидно, Скифии при Коммодe (IosPE I² 404 = Соломоник 1983, 21, № 1). Он не обладал консульскими полномочиями и вряд ли мог быть упомянут в качестве «благодетеля» бенефициария консуляра, имя которого начиналось на АТ.

Эти аргументы заставляют предполагать, что публикуемая печать принадлежала бенефициарию консуляра, возглавлявшего вспомогательный отряд римских войск на одной из *stationes* на хоре Херсонеса, каковым являлся римский опорный пункт на высоте Суздальская. Поскольку он находился под контролем вексилляции, располагавшейся в Херсонесе, то владелец свинцовой пломбы мог быть офицером штаба центурии одного из римских легионов, во главе которого стоял центурион, командовавший херсонесской вексилляцией. Скорее всего некий Ат(...) служил в подразделении XI Клавдиевого легиона или I Италийского легиона, составлявших основу римских войск в Херсонесе и его округе. Учитывая тот факт, что на опорном пункте на высоте Суздальская обнаружено большое количество римской солдатской обуви и гвоздей, в круг обязанностей бенефициария, помимо основных функций, входил надзор за амуницией и ее учет, для чего свинцовая печать ему была просто необходима.

К сожалению, мы не знаем полного имени этого бенефициария. Среди бенефициариев в Херсонесе и Хараксе имени на АТ не засвидетельствовано. Из возможных римских имен для предположительного его определения можно выбрать следующие: *Atanius, Attiolenus, Atrius, Atelius, Atius, Atenius, Attianus, Ateius, Attidius, Attius, Attalus, Atilius, Atedius* etc., ср. PIR I. 172, 173, 177, 179)¹⁹. Из них для полноты картины при прочтении надписи мы на выбор берем имя «Атилиий», хотя с полным правом подходит и любое другое. Поэтому чтение надписи на пломбе из опорного пункта римских войск на высоте Суздальская на хоре Херсонеса предположительно может быть таким: o(fficium) 7 = (centuriae) At(ilius)(?), пальметта / b(eneficiarius) con(sularis) At(ilius)(?) — *Перевод*: «штаб центурии — Атилиий (?), эмблема-пальметта / бенефициарий консуляра Атилиий (?)».

Применение свинцовых пломб — далеко не единственный способ опечатывания документов в Римской империи. Более распространенным и менее трудоемким было использование восковых печатей в бронзовых капсулах. Подобные капсулы, к сожалению, до сих пор не опубликованные, были обнаружены в Херсонесе и римской крепости Харакс на Южном берегу Крыма²⁰.

И все же, несмотря на ряд показательных находок, вопрос о назначении памятника на высоте Суздальская ввиду плохой сохранности там архитектурных остатков пока остается открытым. Этот объект мог являться постом дорожной стражи, и не случайно, что он был расположен на дороге из Крымской Скифии на Гераклеийский полуостров. Обычно бенефициарные посты выглядели как большие дворы с постройками вокруг; похоже, именно таким был раскопанный в начале XX в. бенефициарный пост возле римской крепости Харакс. Сейчас его положение не локализуется. Что же до высоты Суздальская, то этот объект входил в зону ответственности херсонесской вексилляции и вместе с аналогичными пунктами на высоте Казацкая, Кавказ-Баир и римским лагерем в Кадыковке (Балаклава) составлял элемент обороны на подступах к Херсонесу Таврическому.

¹⁷ Соломоник 1983, №№ 10, 49, 50; Sarnowski 1988, 195, 196.

¹⁸ Ростовцев 1911, 5–12; Sarnowski 1988, 196.

¹⁹ Schulze 1904; Reynolds, Ward-Perkins 1952; McLean 2002.

²⁰ Благодарим за информацию Д.А. Костромичева и В.В. Масякина.

Литература

- Зубарь В.М. 1994: Херсонес Таврический и Римская империя. Киев.
- Колосовская Ю.К. 1973: Паннония в I — III веках. М.
- Колосовская Ю.К. 1988: Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии // ВДИ. 4, 20–37.
- Ростовцев М.И. 1911: Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 40, 1–42.
- Сарновски Т., Савеля О.Я. 1988: Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава.
- Смышляев А.Л. 1979: Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н.э. // ВДИ. 3, 60–82.
- Соломоник Э.И. 1983: Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.
- Федорова Е.В. 1982: Введение в латинскую эпиграфику. М.
- Alföldi A. 1959: Hasta — Summa Imperii: The Spear as Embodiment of Sovereignty in Rome // AJA. 63, 1, 1–27.
- Baatz D. 1993: Der römische Limes. Archäologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. B.
- Bishop M.C., Coulston J.C. 1993: Roman Military Equipment. L.
- Buonopane A. 2012: Manuale di epigrafia latina. Roma.
- Collingwood R., Wright R. 1965: The Roman Inscriptions of Britain. Oxford.
- Connolly P. 1981: Greece and Rome at War. L.
- Cupcea G. 2012: Officium consularis. The Evidence of Dacia // Transylvanian Review. XXI. Suppl. 3, 267–278.
- Dise Jr.R.L. 1997: Variation in Roman Administrative Practice: The Assignments of beneficiarii consularis // ZPE. 116, 284–299.
- Dissard P. 1905: Catalogue des plombs antiques (sceaux, tessères, monnaies et objets divers). Collection Récamier. P. — L.
- Domaszewski A. 1981: Die Rangordnung des römischen Heeres. Wien — Köln.
- Elbe von J. 1995: The Romans in Cologne and Lower Germany. Düsseldorf.
- Fuhrmann Ch. 2012: Policing the Roman Empire: Soldiers, Administration, and Public Order. Oxford.
- Graham F. 1989: Dictionary of Roman Military Terms. Rothbury.
- Laffi V. 1981: Recherche antichiarie e falsificazioni ad Ascoli Piceno nel secondo Ottocento / Ausculum II, 2. Pisa.
- McLean B.H. 2002: An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods: From Alexander the Great to the Reign of Constantine (323 BC–AD 337). University of Michigan Press.
- Mirković M. 1990: Beneficiarii Consularis and The New Outpost in Sirmium // Roman Frontier Studies, 1989. Exeter, 252–256.
- Nelis-Clément J. 2000: Les beneficiarii militaires et administrateurs au service de l'Empire (I-er s. a.C. — VI-e s. p. C.). Bordeaux.
- Ott J. 1995: Die Beneficiarii. Stuttgart.
- Prammer J. 1989: Das römische Straubing. München, Zürich.
- Rankov N.B. 1990: Frumentarii, the Castra Peregrina and the Provincial Officia // ZPE. 80, 176–182.
- Reynolds J.M., Ward-Perkins J.B. 1952: The Inscriptions of Roman Tripolitania. Rome.
- Rushworth A. 2014: Housesteads Roman Fort — The Greatest Station. Vol. I. Structural Report and Discussion. L.
- Sarnowski T. 1988: Wojskrzyskie w Mezji Dolnej i na północnym wybrzeżu Morza Czarnego, Warszawa.
- Schallmayer E. et al. 1990: Der römische Weihebezirk von Osterburken I: Corpus der griechischen und lateinischen Beneficiarii-Inschriften des Römischen Reiches. Stuttgart.
- Schulze W. 1904: Zur Geschichte lateinischen Eigennamen. B.
- Sinobad M. 2010: Jupiter and His Worshippers in Light of Epigraphic Sources in Croatia // Opuscula Archaeologica. 34. Zagreb, 145–229.
- Stamenković S., Ivanišević V. 2013: Rimski i ranovizantijski carski olovni pečati iz zbirke Narodnog Muzeja u Beograd // Numizmatičar. 31, 239–252.

Still M.C. 1995: Roman Lead Sealings. V. 1–2. L.

Tomlin R.S.O. 1991: Inscriptions II // Britannia. XXII, 293–298.

Virlovet C. 1988: Plombs romains monétiformes et tessères frumentaires. A propos d'une confusion // RN. 6, 30, 120–148.

Zangemeister K. 1885: Glandis plumbae latinae inscriptae // Ephemeris epigraphica VI. 105–128.

A LEAD SEAL OF A ROMAN *BENEFICIARIUS CONSULARIS* FROM THE VICINITY OF TAURIC CHERSONESUS

S.Yu. Saprykin, V.V.Doroschko

The article is a publication of a new and a very interesting find — a lead seal of a *beneficiarius consularis*. It was recently discovered in the course of archaeological excavations conducted by the National Preserve of Tauric Chersonesus, on the so-called Suzdalskaya Hill, not far from Chersonesus. In AD 2–3, this site functioned as a Roman military station under the supervision of the Roman garrison stationed in Chersonesus. In addition to the lead seal, numerous pieces of armor along with other accessories that belonged to the Roman soldiers were found at the site. The inscription on seal is as follows: o AT (emblem-palmetta with a leaf in form of spear-point) // B CON A which can be restored as o(fficium) = (centuriae) At(...), palmetta / b(eneficiarius) con(sularis) At(...). AT on both sides should be taken as initial letters of a personal name, such as Atanius, Attiolenus, Atrius, Atelius, Atius, Atenius, Attianus, Ateius, Attidius, Attius, Attalus, Atilius, Atedius etc. The seal is still unique for the North Black Sea Coast, although these types of sealings are often found in various Roman stations throughout the Roman empire. This find indicates that the Suzdalskaya Hill, along with Kazatskaya Hill, Balaklava etc., might have been a Roman fort, responsible for protecting Chersonesus and its *chora* on the Heracleean peninsula. This fort was under the command of a Roman officer — *beneficiarius consularis* — who was a member of the stuff (*officium*) of a *centuria*, part of Roman garrison in Chersonesus. This *officium* was presumably headed by a centurion — a commander of *vexillatio Chersonesitana*, and a certain At(...) as *beneficiarius* could have been subordinate to this Roman officer.

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ВАНСКОГО ГОРОДИЩА

(См. рис. 3–30, 32–35 на вкладке)

Начало нынешнего столетия ознаменовалось весьма интересными находками на Ванском городище — одном из важнейших памятников Грузии античного времени. Это и серия богатых захоронений, и святилища, с которыми связаны бронзовые фигурки, и клад бронзовых и железных предметов. Новые находки, как это обычно и бывает, подтвердили одни из ранее высказанных предположений и заставили отказаться от других; нововыявленные материалы позволили уточнить назначение некоторых давно известных предметов и, конечно, породили новые вопросы. Объем статьи позволяет коснуться только некоторых из названных аспектов.

На верхней террасе, на участке у юго-восточного края городища (участки 195 и 213 — рис. 1, 14; 2) было раскопано шесть погребений (погребения №№ 21–24, 26 и 28), относящихся к концу IV — началу III в. до н.э. Четыре из них разграблены в древности, два погребения повреждены строительными работами более позднего времени. В одном случае контуры погребения не прослеживаются, в остальных случаях захоронения устроены в четырехугольных ямах ($3,6 \times 3,5$ м, $3,8 \times 4,0$ м, $3,5 \times 2,6$ м, $3,0 \times 4,0$ м, $1,6 \times 1,0$ м), вырытых в скалистом грунте. Эти погребения составляют один комплекс вместе со святилищем (№ 4) и погребением (№ 20), раскопанными ранее на этом же участке (рис. 2). Это погребение устроено в каменном ящике, вставленном в яму, вырытой в скале. В большинстве новооткрытых захоронений засвидетельствована своеобразная деталь — вдоль западной стены в скале высечена платформа, в среднем длиной 1 м, шириной 0,50–1,0 м и высотой — 0,80–0,85 м. В одном случае (погребение № 24) платформу составляют комья скалистого песчаника. Платформы предназначались для коня и/или принесенного в жертву индивида, как, например, в погребении № 22 (рис. 3). Платформа (хотя и более низкая — высотой всего лишь 0,10 м) была засвидетельствована ранее только в одном случае, а именно в захоронении знатного воина (№ 9), датированном третьей четвертью IV в. до н.э. На платформе были расчищены скелеты двух слуг и собаки¹. Совокупность старых и новых данных позволяет говорить о появлении во второй половине IV в. до н.э. нового элемента в погребальном обряде, а именно, сооружения специальной платформы для принесенных в жертву людей и любимых животных. Этот элемент в какой-то мере характерен и для Саирхского некрополя (Западная Грузия, Сачхерский муниципалитет), где, например, в погребении № 8 камера, предназначенная для сопровождавших лиц, коней и собак, была на 0,80 м выше камеры главного покойника². Слуг хоронили и в самой яме вместе с главным погребенным (погребение № 24).

Обнаружение железных гвоздей в ямах позволяет предполагать наличие в них деревянной конструкции (гроба или саркофага), как это было и ранее засвидетельствовано во многих погребениях Вани. По относительно хорошо сохранившимся могилам можно говорить о сооружении небольшого холмика из булыжника над могильной ямой; такая часть погребального обряда древнего города также была известна ранее³.

Отмечены некоторые отличия в обряде даже в одном и том же погребении: так, погребение № 22 коллективное, все четыре индивида лежат на левом боку, но положение рук различно; в погребении № 24 главный покойник выделяется центральным положением и богатым инвентарем; он лежит на спине, с вытянутыми руками, головой на юг; у принесенных в жертву индивидов другая ориентация — головой на восток или на запад. Строгое следование одному определенному обряду не характерно и для ранее открытых синхронных погребений. Например, в погребении № 9 главный

¹ Лордкипанидзе и др. 1972, 202–203, рис. 161.

² Махарадзе, Церетели 2007, 61–62.

³ Лордкипанидзе и др. 1972, 202, 213.

Рис. 1 – Верхняя терраса Ванского городища, план: 1. Алтарь, III–I вв. до н.э.; 2. Культовое здание, II–I вв. до н.э.; 3. Крепостные стены, II–I вв. до н.э.; 4. Погребения №№ 12–14, IV–III вв. до н.э.; 5. Деревянное культовое здание, V–IV вв. до н.э.; 6. Крепостные стены, II–I вв. до н.э.; 7. Погребения №№ 1–4, III в. до н.э.; 8. Святилище № 1, III в. до н.э.; 9. Святилище № 2, III в. до н.э.; 10. Погребение № 17, вторая половина IV – начало III в. до н.э.; 11. Погребение № 16, вторая половина IV – начало III в. до н.э.; 12. Святилище № 3, III в. до н.э.; 13. Святилище № 4, III в. до н.э.; 14. Погребения №№ 20–24, 26, 28, вторая половина IV в. до н.э.; 15. Кузница, позднеэллинистическая эпоха

покойник ориентирован с севера на юг, в то время как ориентация двух сопровождавших его индивидов иная — с востока на запад⁴; в погребении № 12 пять из семи покойников уложены на правом боку, головой к западу; два остальных же — головой к югу, один из них — на правом, другой — на левом боку⁵. Как уже было отмечено, сопровождавших главного покойника лиц могли хоронить как рядом с ним, так и на специальной платформе.

Святилище № 4 (рис. 1, 13), которое связывается с вышерассмотренной группой захоронений, возведено на площадке, специально вырытой в скалистом грунте и с трех сторон окруженной стенами, высеченными в той же скале, а с четвертой — открытой. Примечательно наличие желобка у стен, вероятно, предназначенного для отвода дождевой воды. Само строение небольших размеров (6,4 × 5,4 м), невысокое (высота 1,04 м), с сырцовыми стенами, возведенными на цоколе из одного ряда блоков песчаника, без перекрытия. На культовое назначение сооружения наряду с его характером указывают и находки внутри него: бронзовый фимиатерий, серебряная фиала, четыре человеческие фигурки — две бронзовые и две железные⁶. Из них одна явно женщина, в то время как род остальных фигурок трудно определить. Железные фигурки были найдены в северо-западном углу здания, в специально вырытой

⁴ Лордкипанидзе и др. 1972, 202–203.

⁵ Качарава и др. 1979, 25–26, рис. 103–104.

⁶ Лордкипанидзе и др. 1984, 53; Kacharava, Kvirkvelia 2008, 104, рис. 5–10; Качарава 1983, 33–34.

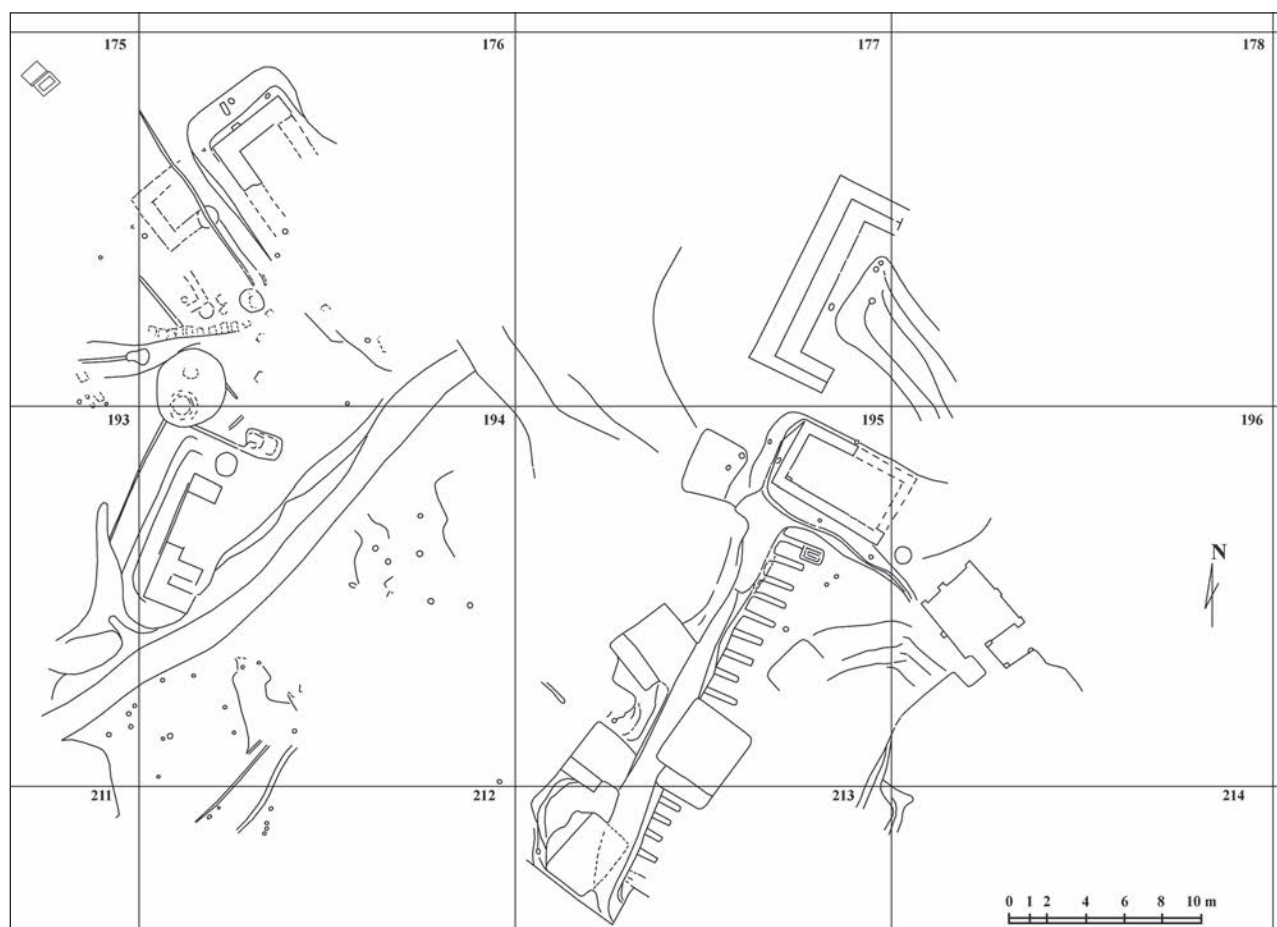

Рис. 2 – Новооткрытые захоронения №№ 21–24, 26 и 28 и святилище № 4, план

четырёхугольной яме ($0,45 \times 0,30$ м), уложенными вместе между двух желобчатых черепиц, в то время как одна из бронзовых фигурок помещена в более раннем желобке на площадке, но за стеной святилища, вторая же — в слабо выраженной ямке внутри святилища. На всех четырех фигурках золотые украшения: гривна, серьги, браслеты. Голову одной из бронзовых фигурок украшал плющевой венок из золотой нити, голову же одной из железных фигурок венчал венок из золотых розеток (рис. 4–6).

П-образное святилище № 1 (5×4 м) расположено на северном крае верхней террасы (рис. 1, 8). Открытое с юго-восточной стороны, это святилище также воздвигнуто на выдолбленной в скалистом грунте полуовальной площадке, стены которой сходят на нет из-за естественного уклона грунта (рис. 7). От святилища сохранились ряд кладки цоколя из рустованных блоков и следы сырцовых стен. К северо-западной стене святилища пристроен алтарь или жертвенный стол, от которого сохранился лишь нижний ряд тесанных камней⁷. Комплекс снабжен водоотводной системой в виде желобков (ширина $0,20$ м) у стен платформы как на самой платформе, так и вдоль верхнего края стен. На платформе выявлена прямоугольная яма ($0,30 \times 0,60$ м), в которой была погребена бронзовая фигурка в гробу из двух желобчатых черепиц. Фигурку (высотой $0,25$ м) украшали диадема из розеток, серьги, шейная гривна, браслеты. На груди найдены были подвески. Все украшения изготовлены из золота (рис. 8–9).

Вышерассмотренные святилища аналогичны двум синхронным святилищам (№№ 2 и 3), ранее выявленным на верхней же террасе (рис. 1, 9, 12). Эти последние также воздвигнуты на специально устроенных площадках полуовальной или четырехугольной формы, вырубленных в скалистом грунте, и тоже имеют П-образную форму. Сами святилища открыты на восток/юго-восток. Оба одного типа — на однорядном каменном цоколе воздвигнуты стены сырца. Следы перекрытия не фиксируются. При зачистке пола у краев площадок выявлены были канавки шириной до $0,25$ м. Предполагается их дренажное назначение. Примечательно, что в одном случае (святилище № 3) пол

⁷ Kacharava, Kvirkvelia 2009, 238, fig. 2.

площадки не горизонтальный, а покатый, с наклоном к стене площадки⁸. Скорее всего это также связано с системой дренажа. Несомненна и связь этих святилищ с погребениями. Так, к святилищу № 3 примыкает захоронение № 16, раскопанное в 1980 г. Не исключается связь этого погребения со святилищем № 4 (рис. 2). Что касается святилища № 2, то здесь погребение (№ 18) было выявлено на самой площадке. Погребение датируется началом III в. до н.э. на основе синопской гемидрахмы, весь же комплекс святилища вместе с погребением отнесен к первой половине III в. до н.э.⁹ Одним словом, можно говорить о своеобразном обряде, существовавшем в Вани во второй половине IV и начале III в. до н.э., когда святилища воздвигались рядом с погребениями для проведения ритуала.

Примечательно, что П-образные здания засвидетельствованы и на других участках городища. Так, подобного плана здание обнаружено под круглым храмом у восточного края центральной террасы¹⁰. Следует отметить, что и в данном случае строение П-образной формы находится вблизи комплекса погребений №№ 9, 10, 15 и 19, всего лишь в 2 м от погребения № 9. Погребения эти относятся ко второй половине IV и первой половине III в. до н.э.

Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что традиция П-образных строений в Вани берет начало еще с раннеантичной эпохи. Имеется в виду подобного типа деревянное строение на верхней террасе городища, прекратившее существование в конце V или начале IV в. до н.э.¹¹ Традиция эта сохраняется до конца существования древнего города. Имеется в виду П-образное святилище у ворот, относящееся ко II–I вв. до н.э.¹²

Интерес вызывает еще одно обстоятельство, связанное с погребальным обрядом новооткрытых погребений. А именно, в коллективном захоронении № 22 погребенные украшены серебряными гривнами одного и того же типа, что может свидетельствовать об их принадлежности к одному социальному слою. Гривны эти изготовлены из проволоки, концы которой снабжены крючками; у концов орнаментированные утолщения. Аналогичные гривны найдены в индивидуальном захоронении № 16, датированном второй половиной IV в. до н.э.¹³, а также при всех принесенных в жертву индивидах в погребении № 24. Украшали они и главного покойника в погребении № 2 могильника в Итхвиси (конец первой половины IV в. до н.э.)¹⁴, в погребении № 3 (V в. до н.э.) могильника Модинахе¹⁵ и погребении № 2 (конец V в. до н.э. из Шромисубани¹⁶), в погребении № 8 Саирхского некрополя первой половины IV в. до н.э.¹⁷ Примечательно, что в Саирхе эти гривны украшали только людей, сопровождавших главного покойника, в остальных выше перечисленных случаях погребения индивидуальные, без сопровождавших лиц. Возникает вопрос, не являются ли эти серебряные гривны знаками определенного статуса?

В двух неповрежденных погребениях Вани еще раз подтвердилось «златообилие» Колхиды: в погребении № 22 в одном глиняном сосуде было помещено более 300 золотых украшений (рис. 10), а в погребении № 24 их количество превышало 1300 (рис. 11). Судя по находкам погребения № 24, комплект украшений состоял из головного убора, ожерелий, браслетов и перстней. Головной убор также сложен, как и в середине V в. до н.э. Состоит он из налобного украшения из нескольких рядов трубчатых бусин, ажурного центрального элемента, нашивных бляшек в виде стилизованных грифонов, трубчатых нашивных украшений, а также бусин из стеклянной массы (рис. 12–13). Диадемы, по всей вероятности, вышли из моды с начала эллинистической эпохи: ведь головной убор воина (погребение № 9 третьей четверти IV в. до н.э.) состоит из подвесок в виде фигурок всадника, бусин и трубочек; на подвесках отмечено появление подвижных украшений при фигурках всадников¹⁸. Это последнее новшество эпохи наблюдается и на новооткрытых украшениях.

Особо следует отметить ажурную деталь головного убора. Помимо техники изготовления это украшение интересно и по другой причине — благодаря этой находке стала понятна функция одно-

⁸ Лордкипанидзе и др. 1985, 48–49; Лордкипанидзе и др. 1991, 73–74; Лордкипанидзе и др. 1995, 99–100.

⁹ Лордкипанидзе и др. 1991, 73–74.

¹⁰ Лордкипанидзе и др. 1972, 200–201, рис. 153.

¹¹ Качарава и др. 1979, 31–33, рис. 136–149.

¹² Хоштария и др. 1972, 153–155, рис. 104–106.

¹³ Качарава, Мжаванадзе 1986, 18, рис. 11, 5.

¹⁴ Гагошидзе, Гогиберидзе, Махарадзе 2006, 39–40, фото 14; 2010, 51.

¹⁵ Надирадзе 1975, 29, 41, табл. XII, 1.

¹⁶ Гагошидзе 1976, 8.

¹⁷ Махарадзе, Церетели 2007, 69–70, №№ 52, 54, 56.

¹⁸ Чкония 1981, 54–57.

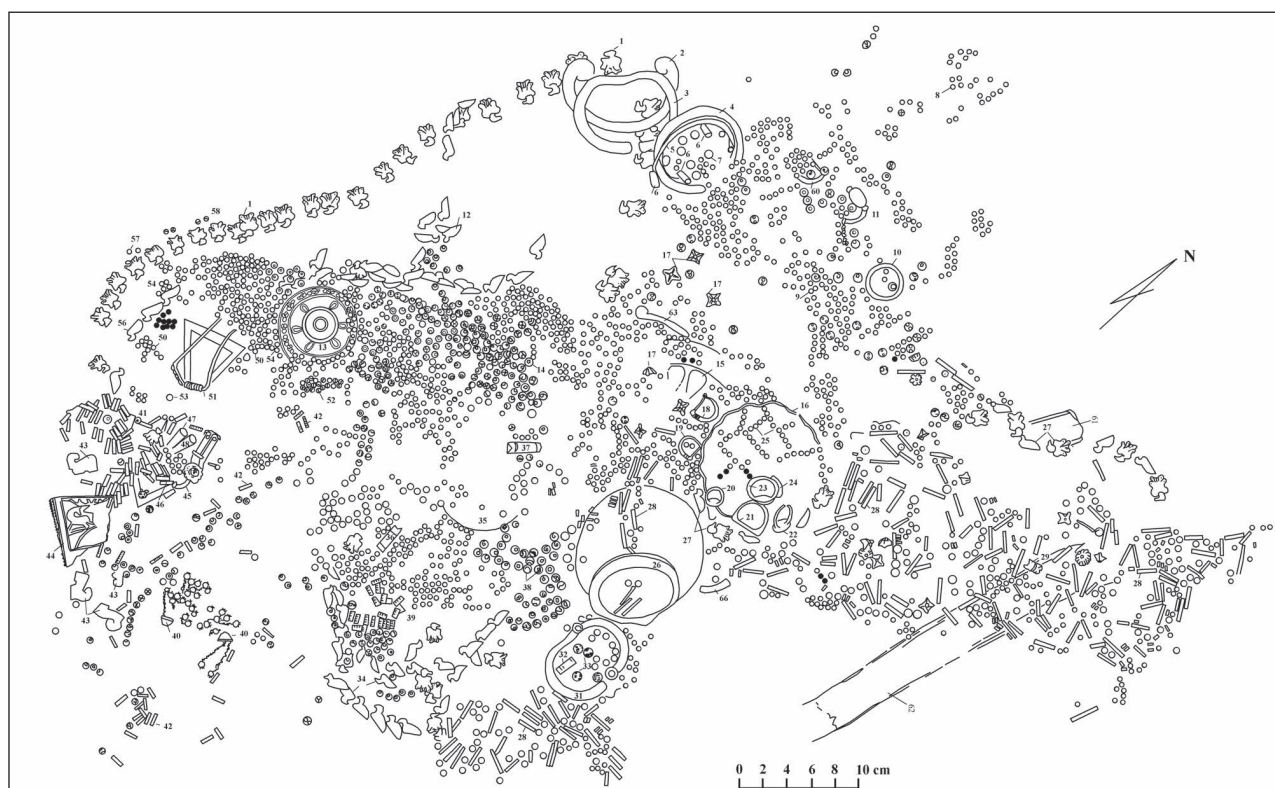

Рис. 31. Погребение № 24, центральная часть

го предмета из погребения знатной колхидянки. Имеется в виду согнутая пластинка, найденная в захоронении № 11 у изголовья главного покойника (рис. 14). По вполне объективным причинам в свое время не удалось определить ее функцию, и она была условно определена как обкладка какого-то предмета. Согнутая форма, наличие дырочек по нижнему краю, а также место находки позволяют считать этот предмет частью головного убора типа новонайденного ажурного элемента центральной части головного убора.

Среди новых материалов выделяются височные подвески или серьги. А их немало — только в одном глиняном сосуде из погребения № 22 найдены все типы колхидских серег (рис. 15–20) за исключением серег со всадниками¹⁹. На всех височных подвесках и серьгах отмечены все те черты, которыми колхидские украшения этого типа отличаются от современных им греческих или ахеменидских изделий²⁰. Это — несомкнутое кольцо с просверленными концами; полоска на переднем фасаде кольца, орнаментированная филигранью или зернью, с розеткой на верхнем конце (иногда с миниатюрной фигуркой птички); гроздеобразное или пирамидообразное завершение; обильное применение зерни. Исключение составляют серьги с шарообразными каннелированными подвесками, которые не имеют орнаментированной полоски (рис. 19). Однако эти черты характерны и для колхидских серег формы калачика (в том числе и для новооткрытых — рис. 18), форма которых принесена извне²¹. Оформление серег с шарообразными подвесками из погребени

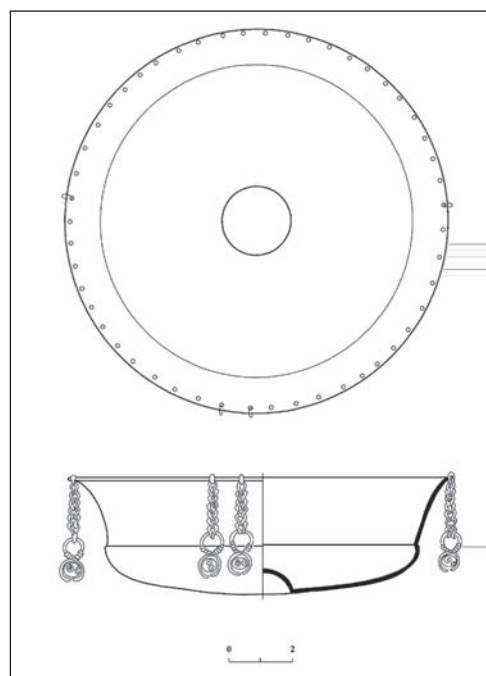

Рис. 36. Серебряная фиала из погребения № 24

¹⁹ Kacharava, Kvirkvelia 2008, 206–207, Nos. 11–16.

²⁰ Чкония 1981, 30–32.

²¹ Чкония 1981, 26–27.

№ 24 усложнено: подвески украшены двумя рядами миниатюрных птичек (рис. 21). К височным подвескам из погребения № 24 добавлены были еще треугольные подвески (рис. 22) типа найденных на поселении Симагре около Поты²².

Как известно, чередование подвесок и бусин характерно для колхидских ожерелий как V, так и IV в. до н.э.²³ Инновацией эллинистической эпохи можно посчитать появление пластинчатых подвесок вместо объемных (рис. 23–26). На фоне монохромности колхидских золотых украшений выделяется ожерелье с подвесками из золота разных оттенков (рис. 25). Примечательно появление сборных бус — треугольной, трапециевидной и свастикообразной формы (рис. 27–28).

В погребении № 24 удалось восстановить украшение одежды главного покойника. Пластинчатые бляшки в виде фигурок орла и утки (рис. 29–30) были нашиты вдоль рукавов, вокруг шейного выреза (рис. 12), на подоле чередовались орлы и утки (рис. 31); спину украшал горизонтальный ряд орлов.

Форма золотой броши, найденной на груди главного покойника в том же захоронении, явно греческая (рис. 32). Однако фигурки птичек, расположенные вдоль края броши, типичны для колхидского златокузнечества V–IV вв. до н.э.: они украшают колхидские височные украшения и серьги, входят в состав ожерелий, являются составными частями деталей головного убора. Это позволяет считать брошь изделием местных мастеров. Таким образом, налицо еще один пример использования чужеземной формы местными ювелирами (до сих пор таковыми считались только серьги в форме калачика²⁴).

Новые находки еще раз подтверждают обилие Колхиды и серебром. Кстати, богатство страны серебром отмечается и греко-римскими авторами (Strabo. I. 2. 39; Plin. NH. XII. 52). В погребениях №№ 22 и 24 обнаружены целые груды серебряных украшений: в первом случае вместе с двумя группами колхидок, во втором же — справа от главного погребенного (рис. 11). В захоронении № 11 у правого бока главной погребенной было найдено более 5000 аналогичных украшений. Из них только 500 более или менее хорошей сохранности. Группы эти состоят из трубочек, сферических бусин, каннелированных полусфер, пирамидальных украшений с вогнутыми сторонами, а также бисера из пасты. Во всех названных случаях наблюдается определенное чередование составных частей²⁵. Только в погребении № 22 в Вани, в котором серебряные украшения рассматриваемого типа сильно повреждены, не удалось установить какую-либо закономерность в их расположении. По всей видимости, украшения эти были нашиты на ткань. Примечательно, что в погребении № 13 из Саирхского некрополя, датированном первой половиной V в. до н.э., засвидетельствован головной убор, состоявший из аналогичных элементов (за исключением пирамидальных), также расположенных в определенном порядке²⁶. Это позволяет установить назначение вышерассмотренных ванских серебряных украшений.

Среди новооткрытых погребений особенно выделяется погребение № 24. Это погребение выделяется не столько богатством погребального инвентаря, сколько, если можно так выразиться, полихромностью. Полихромность ему придают в первую очередь бусины, количество которых превышает 17000. Изготовлены они из разных материалов (стекло, стеклянная паста, янтарь, гагат, сердолик, агат, коралл), благодаря чему полихромность усиливается богатой цветовой гаммой (синий, голубой, бирюзовый, зеленый, красноватый, коричневатый, черный). Топография бусин, а именно их расположение около главного покойника, свидетельствует том, что бусины в основном были употреблены для украшения савана. В частности, эту функцию выполняли бусины из стекла и стеклянной массы, как полихромные, так и монохромные. По всей видимости, определенные участки савана были украшены бусинами какого-то одного определенного цвета. Более того, видимо, бусами был выведен и орнамент — меандровый (рис. 31).

Можно сказать, что в этом захоронении налицо все случаи применения бус, которые только можно себе представить. Они украшали саван; бусы составляли разного вида украшения, прежде всего ожерелья (рис. 34); бусы являлись частью головного убора; они составляли браслеты вместе с золотыми трубочками (рис. 35); и наконец бусы украшали одну из пяти найденных в погребении фиал (рис. 36). Аналогия этому трудно найти. Что касается употребления бус для изготовления браслетов, такие случаи засвидетельствованы как в самом Вани, так и на других памятниках Колхиды

²² Микеладзе 1978, 61–62.

²³ Чкония 1981, 32–38, 70–71.

²⁴ См. Чкония 1981, 26–27.

²⁵ Лордкипанидзе и др. 1972, 228; см. рис. 33.

²⁶ Махарадзе, Церетели 2007, 90, рис. 82.

(Саирхе, Пичвнари).

Словом, начало века было отмечено в Вани не столько типологическим разнообразием находок или, скажем, златообилием и пышностью погребального инвентаря погребений (Ванское городище известно и более богатыми захоронениями и более интересными находками), сколько обилием новой информации. Часть ее и представлена в данной статье, посвященной славному юбилею Владимира Толстикова — большого друга Ванской археологической экспедиции и постоянного участника Ванских симпозиумов.

Литература

- Гагошидзе Ю.М. 1976: Материалы к истории златокузнечества в Грузии // Вестник Государственного Музея Грузии, т. XXXII–В, Тбилиси, 5–38 (на груз. яз.)
- Гагошидзе Ю., Гогиберидзе Н., Махарадзе Г. 2006: Итхвисский некрополь // Археологический журнал. IV. Тбилиси, 36–59 (на груз. яз.)
- Гагошидзе Ю., Гогиберидзе Н., Махарадзе Г. 2010: Хронология Итхвисского могильника // Археологический журнал. V. Тбилиси, 49–55 (на груз. яз.)
- Качарава Д. 1983: Бронзовые фигурки из Вани // Дружья памятников культуры. Тбилиси, 33–34 (на груз. яз.)
- Качарава Д.Д., Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В., Кипиани Г.Г. 1979: Археологические раскопки на верхней террасе Ванского городища (1970–1977 гг.) // Вани. IV. Тбилиси, 7–37 (на груз. яз.)
- Качарава Д., Мжаванадзе З. 1986: Отчет о работах, проведенных на верхней террасе городища в 1980 году // Вани. VIII. Тбилиси, 9–33 (на груз. яз.)
- Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В., Толордава В.А., Чкония А.М. 1972: Археологические раскопки в Вани в 1969 г. // Вани. I. Тбилиси, 198–242 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В., Матиашили Н.Н., Чкония А.М., Пирихалава М.С., Качарава Д.Д. 1984: Ванская археологическая экспедиция. Полевые археологические исследования в 1981 году. Тбилиси, 50–53.
- Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В., Личели В.Т., Ахведиани Д.В., Матиашили Н.Н., Чкония А.М., Пирихалава М.С., Качарава Д.Д., Толордава В.А. 1985: Работы Ванской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1982 г. Тбилиси, 46–48.
- Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В., Матиашили Н.Н., Толордава В.А., Пирихалава М.С., Чкония А.М., Квирквелиа Г.Т., Инаури Г.А. 1991: Ванская археологическая экспедиция // Полевые археологические исследования в 1986 г. Тбилиси, 70–74.
- Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В., Матиашили Н.Н., Квирквелиа Г.Т., Чкония А.М., Пирихалава М.С., Кипиани Г.Г., Инаури Г.А. 1995: Археологические исследования Ванского городища // Полевые археологические исследования в 1987 г. Тбилиси, 93–100.
- Микеладзе Т.К. 1978: Археологические исследования в низовьях р. Риони. Тбилиси (на груз. яз.).
- Надирадзе Дж. 1975: Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси (на груз. яз.).
- Хоштариа Н.В., Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В., Лежава Г.И. 1972: Археологические раскопки в Вани в 1966 году // Вани III. Тбилиси, 147–174 (на груз. яз.).
- Чкония А.М. 1981. Золотые украшения Ванского городища // Вани. Тбилиси. (на груз. яз.).
- Kacharava D., Kvirkvelia G. 2009: Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site // *AncCiv.* 14, 237–315.
- Kacharava D., Kvirkvelia G. 2008. Religious Ritual: Bronze and Iron Figurines from Vani // J. Chi (ed.). *Wine, Worship, and Sacrifice: The Golden Graves of Ancient Vani.* N. Y., 97–111.

NEW FINDS FROM VANI

D. Kacharava

This article presents an overview of the recent archaeological finds from the site of Vani in Georgia. Several burial complexes from the 4th–3rd centuries BC and exploration of the sanctuary yielded many unique finds, including numerous gold and silver jewelry.

ГРЕКО-АХЕМЕНИДСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЮЖНОЙ ГРУЗИИ (МАТЕРИАЛЫ К СТРАТИГРАФИИ АЦКУРИ)

(См. рис. 11–13, 18–19 на вкладке)

На городище Ацкури (рис. 1–4), расположенном в Южной Грузии и на протяжении столетий бывшем административным и религиозным центром данного региона¹, в результате археологических раскопок были открыты как культурные слои V в. до н.э. — IV в. н.э., так и захоронения XVI в. до н.э. — I в. н.э., разбросанные по территории городища.

Самые ранние комплексы, найденные в Ацкури, относятся к концу среднего бронзового века (XVII–XVI вв. до н.э.). Они представлены двумя могильниками с каменной насыпью. В первом из них, в котором были захоронены 62 покойника, были найдены бронзовые, глиняные, каменные, золотые предметы, а также изделия из обсидиана и кремня². Каменные насыпи были расчищены по всей площади раскопа. Какой-либо закономерности в расположении насыпей не наблюдается. В основном они состоят из кусков камня одинаковых размеров, 25–30 см ширины с каждой стороны, самая нижняя отметка с нулевой точки находится на глубине 1,2 м. Каменная насыпь повреждена посередине, гораздо более интенсивно представлена ее южная часть. После расчистки обозначилась кругообразная конфигурация насыпи (брони), ее диаметр — 3,8 м.

После полного снятия насыпи были расчищены смешанные между собой части человеческих скелетов. Из-за того, что центральная часть насыпи была сильно повреждена, удалось изучить только те скелеты, которые были сконцентрированы вдоль южной и западной стен погребальной ямы. В массе костей встречаются фрагменты керамики (черноглиняные кружки, части горшков) и ме-

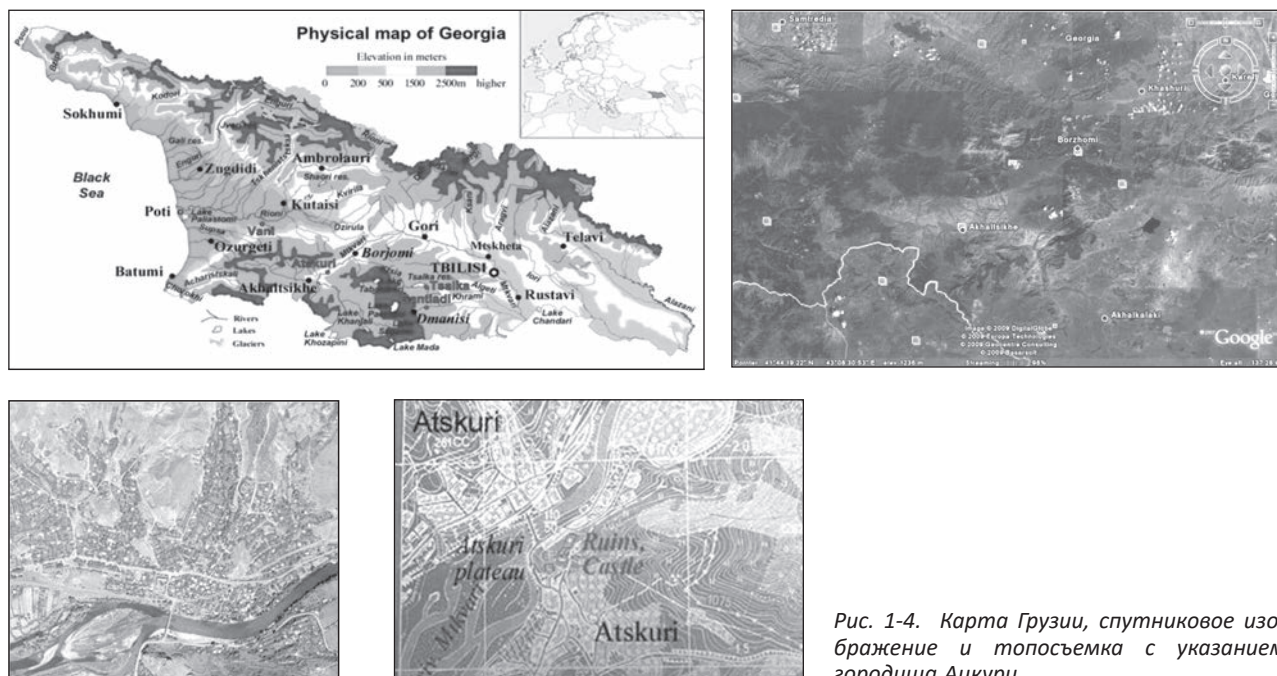

Рис. 1–4. Карта Грузии, спутниковое изображение и топоъемка с указанием городища Ацкури

¹ Licheli 1999b, 29–34.

² Licheli 2004, 218–225; Licheli, Rusishvili 2008, 234–246.

таллический инвентарь (бронзовые застёжки различных типов, кинжалы). Костная масса рассыпана на довольно большой площади — на 289 см (в направлении север–юг) × 253 см (в направлении запад–восток). Расположение этой массы с нулевой точки таково: южная часть на глубине 162 см, северная — на 153 см, а центральная — на 165 см. На этом же уровне появляются сломанные бронзовые кинжалы и части застёжек с дискообразным навершием.

После очистки южной части от костей на глубине 2,09 метра от нулевой точки рядом с чашей с отбитым ушком и вместе с застёжкой с дискообразным навершием был найден золотой орнаментированный диск диаметром 4,5 см, украшенный концентрическими кругами. Его край загнут, а на обороте замечен след тонкой бронзовой пластинки. Очевидно, что золотой пластинкой была обита бронзовая. На диске видны две дырочки, по-видимому, для прикрепления к одежде. Здесь же, в 20 см к западу от пластинки, лежала застёжка со сферической головкой, а к северу от нее на расстоянии 0,5 м находился кинжал с рукояткой.

В восточной части рва был расчищен кинжал, лежащий поверх бронзового браслета. На грани (A1–B1) квадратов на уровне 1,93 м от нулевой точки проявились застёжка с дискообразной головкой, гривна, под которой видны малых размеров сердоликовые бусы, перемешанные с орнаментированными бусами из тонких золотых пластинок, имеющих форму трубочек.

Интересно, что здесь же появляются фрагменты бронзовых дисков, художественный облик которых аналогичен золотым экземплярам — концентрические круги (кольца), а посередине — омфал. Рядом с овальным диском на расстоянии 0,6 м были расчищены еще два почти полностью расщепленных бронзовых диска опять-таки с концентрическими кругами (все диски диаметром 4,5 см). Такими же кругами украшен найденный в СЗ углу того же квадрата еще один золотой диск, окруженный несколькими бусами (он находился под пятью пирамидоголовыми и одной дискоголовой застёжкой). Следовательно, если данные предметы находятся в положении *in situ*, надо полагать, что они были сосредоточены в области груди и шеи погребенного. В положении *in situ* были раскопаны (кв. A1, передняя часть камеры) 17 наконечников стрел с выемчатым основанием (16 из обсидиана, 1 — кремневый), которые были собраны вместе.

При интердисциплинарном анализе золотых дисков и бус выявилась довольно интересная картина: химический состав диска с парадной (лицевой) и с обратной сторон неоднороден. Парадная сторона характеризуется сравнительно большим содержанием золота: Au 84–93%; Ag 5–8%; Cu до 1%. С обратной стороны — Au 76–84%; Ag 9–21%; Cu до 2%. Химический состав лицевой и обратной сторон диска может быть результатом естественного обогащения, что вызвано окислением на диске серебра и меди (несколько микрон в толщину). Утверждать подобное, на наш взгляд, можно будет лишь тогда, когда мы будем располагать достаточным материалом с других подобных отличных ювелирных украшений из погребений разных периодов и регионов. Между прочим, такие диски, которые О. Мускарелла называет медальонами (roundels) и датирует XIV в. до н.э., известны с территории Элама. Ученый считает, что они изготовлены именно на этой территории, хотя существует и другая версия, согласно которой медальоны берут начало

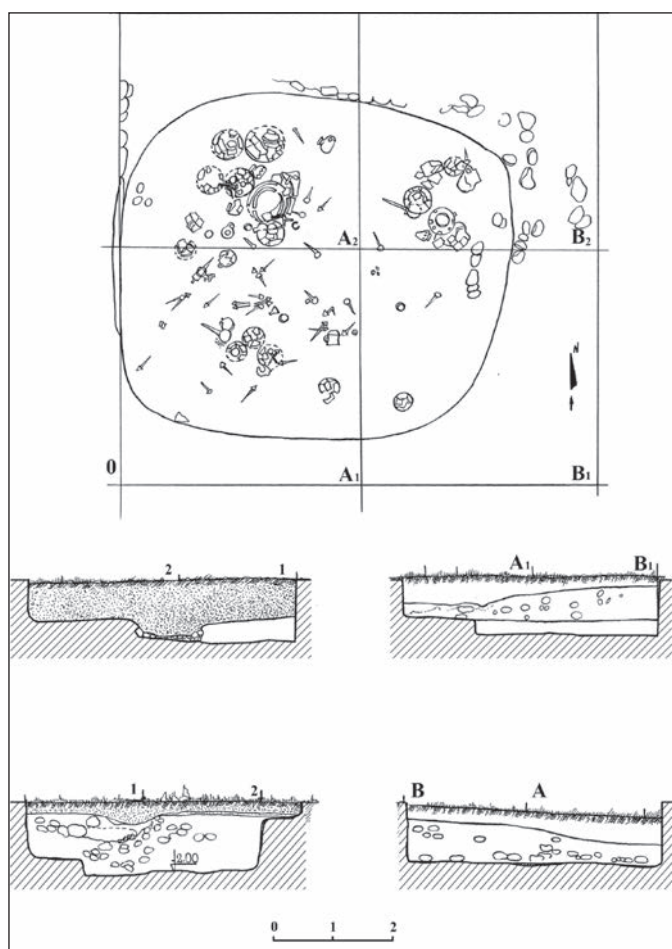

Рис. 5. Погребение № 1 с каменной насыпью. План и разрез

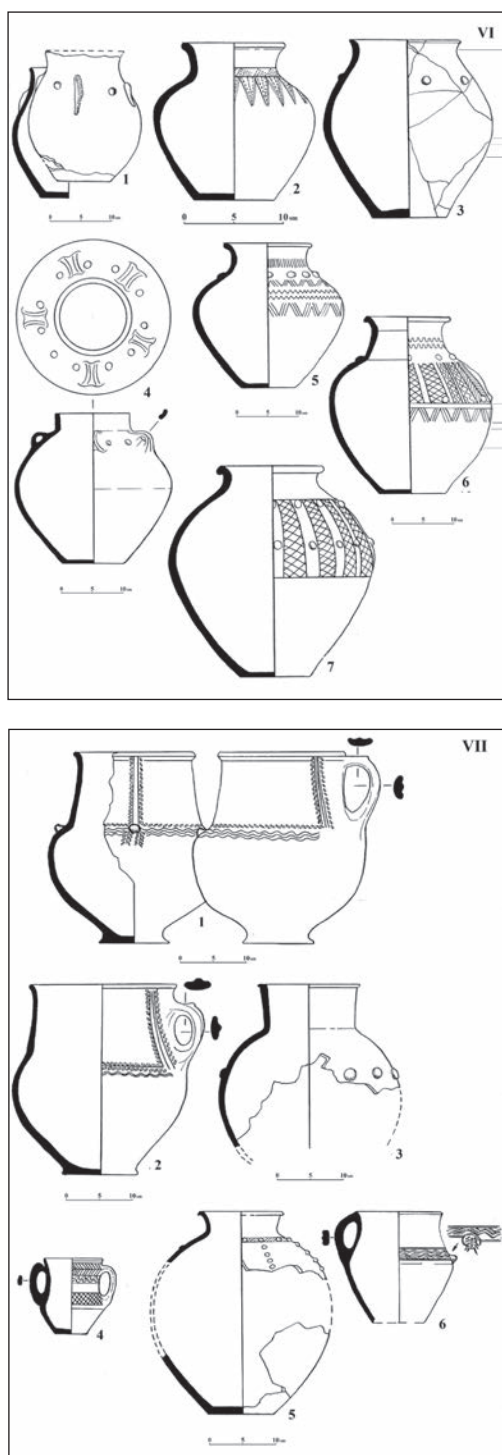

Рис. 6-7. Инвентарь погребения № 1 с каменной насыпью. Керамика

является остатком до сих пор неизвестной микрокультуры, относящейся к XVII–XVI вв. до н.э.

Кроме керамических изделий также были найдены: фрагменты витого бронзового браслета; диадема, представляющая собой квадраты из золотых пластинок с вычеканенным на ней декором. Особенного внимания заслуживает кратер (рис. 11), т. к. он не имеет аналога в археологии Кавказа.

с территорий к югу от Каспийского моря³. Однако если мы учтем, что ранние и имеющие сравнительно простое художественное оформление типы декорированных роунделов-медальонов (которые на два столетия опережают эламские) найдены в Ацкури, то станет возможным предположить, что их производство начинается на Кавказе, в том числе, на территории сегодняшней Грузии. Тем более, что по результатам химического анализа, местное происхождение найденных в Ацкури медальонов (рис. 10) не вызывает сомнений. Изготовлением подобных изделий на территории Восточного / Юго-Восточного Кавказа можно объяснить факт использования битума в эламских изделиях. Это обстоятельство должно указывать на регион, насыщенный нефтью, хотя, с другой стороны, необходимо иметь в виду тот факт, что на территории Колхиды (где нефть добывается в незначительных количествах), была обнаружена колхидская амфора, датируемая III–II вв. до н.э., в которой хранился битум. В Колхиде битум использован также в конструкции черепичного покрытия (городище Саканчия)⁴. В этом же регионе обнаружена амфора, предназначенная для транспортировки нефти.

Найденные в Ацкурском погребении с каменной насыпью № 1 бусы представляют собой полые цилиндры, составленные из тонких золотых пластинок. Они состоят из кадкообразных и выгнутых концентрических колец. Кадкообразные формы в двух противоположных сторонах имеют по четыре пар дыр, а выгнутые концентрические кольца имеют насечки. Начало и конец каждой бусинки закрыты загнутой по краям «шапочкой» из золотой пластинки. Бусы изготовлены из тонких золотых пластинок путем выковки и округления. В результате припайки краев пластинок остался рубец. Диаметр бус в среднем составляет 5,3 мм, длина — 21,4 мм, золотой пластинки — 0,07 мм; состав бус: золото 88–94%; серебро 4–8%; медь до 1,4%.

Химический состав бус практически полностью отвечает химическому составу золотых самородков, добываемых на территории Грузии. Возможно, они изготавливались в результате небольшой переработки самородков⁵.

Другое (№ 2) захоронение в Ацкури того же периода и того же типа было открыто на левом берегу реки Куры. Изучение найденного здесь погребения (всего в нем было похоронено три мужчины в скрюченном положении, все на правом боку) дало совершенно уникальный керамический материал, одна часть которого не имеет аналога на территории Кавказа. Предполагаю, что данный материал

³ Muskarella 1988, 226, с интересным примечанием: “Every scholar who has discussed roundels has claimed that they derived from northwestern Iran, in particular from the Caspian shore region”.

⁴ Личели 1991, 34.

⁵ Licheli, Poporadze 2008, 152–159.

Кроме того, что он имеет особую форму и является сосудом на плоском днище, с равномерно расширяющимся кверху прямыми стенками, отличается и художественное оформление его поверхности: с фризом ромбов, выведенных пересекающимися линиями, сочетается вертикальная колонка, украшенная такими же пересекающимися ромбами. Вертикально поставленные четырехугольные в сечении ручки гармонично завершают линию фигурного профиля и в верхней части имеют выступ с таким же сечением. Особенно интересно, что, согласно петрографическому анализу, керамические изделия выполнены из материала, взятого с местных глиняных месторождений.

Из материалов последующего периода заслуживает внимания погребение № 89-1, которое было расчищено в раскопе № 2 под слоем поселения эллинистической эпохи (в котором и был обнаружен керамический фрагмент сосуда ахеменидского типа, украшенный орнаментом из сети квадратов). В погребении были обнаружены: останки скелета, лежащего на правом боку в эмбриональной позе, у изголовья которого (непосредственно у затылка) стоял черноглиняный сосуд. В области груди был обнаружен фрагмент сильно коррозированного ножа. Позади спины скелета покойного, на расстоянии 1,5 м, на восточной стороне, была захоронена лошадь; на ней оказались только удила из кости. Удила, представляющие собой расширенную и утолщенную посередине пластинку, имеют три проема. В среднем проеме, который несколько шире двух других, сохранился фрагмент железного кольца. Таких трехдырчатых костяных удил в Грузии немного (Тлийский могильник, Трелигореби). Однако известно, что изготовленные из кости удила являются более характерными для той территории, на которой прослеживаются скифские элементы. Именно в этом контексте обнаружены они в III слое Хасанлу, в Капаланту, Чавуштепе и в Нуш-и-Джане⁶. Характерны они, в основном, для VII в. до н.э., хотя между удилами Ацкури и «скифскими» удилами есть определенная разница как с точки зрения формы, так и убранства. Ацкурские удила простые, незатейливые, а «скифские» украшены как выгравированными, так и рельефными орнаментами⁷.

С материалами местного производства, датируемыми VII–VI вв. до н.э., проявляет близость глиняный сосуд указанного захоронения. Это горшок с широким венчиком и горлышком, на плечах которого выделяются массивные бугорки. Это довольно редкая форма, не имеющая точных параллелей. Более-менее сходная тенденция (но не полная аналогия) в формах посуды видна в захоронениях Грмахевистави, датированных той же эпохой. В частности, в погребении № 13 Грмахевистави (VII — начало VI в. до н.э.) найден сосуд примерно тех же

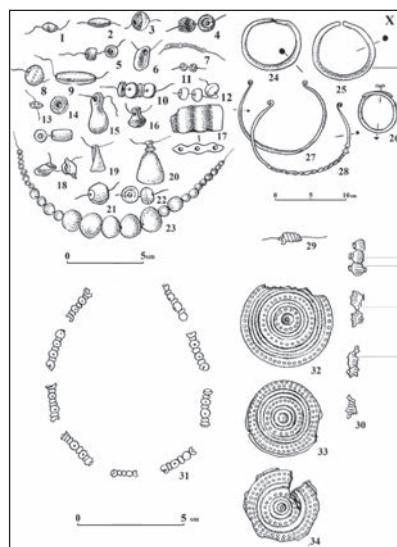
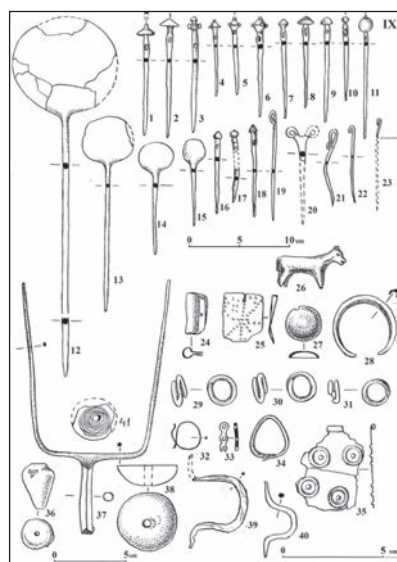
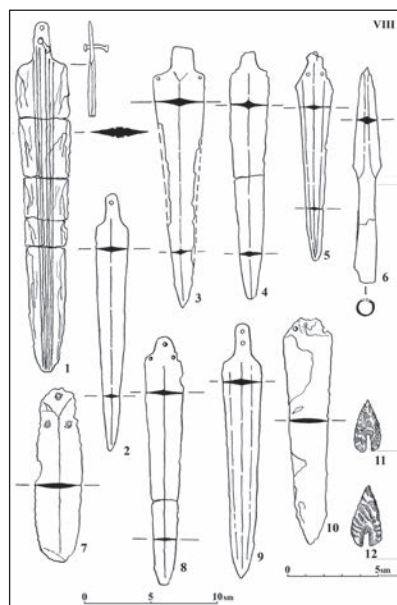

Рис. 8–10. Инвентарь погребения № 1 с каменной насыпью. Металлические предметы, бусы и золотые изделия

⁶ Иванчик 2001, 67, табл. XXVII.

⁷ Что касается трехдырчатых удил, хранящихся в Метрополитен-музее, то они с точки зрения региональной принадлежности интерпретированы по-разному: в Хасанлу обнаружено 15 бронзовых и железных аналогичных удил, параллелями которых названы экземпляры из Сиалка, Гиани, Богазкея, а также кавказские экземпляры. Тут же отмечено, что такие удила известны по ассирийскому рельефу VIII–VII вв. до н.э. (хотя они продолжают существовать и в ахеменидскую эпоху: Muscarella 1988, 93). Однако в III слое Хасанлу открыты и трехдырчатые удила звериного стиля, датированные VII в. до н.э. (Muscarella 1988, 93). Думаю, что в данной работе нецелесообразно касаться вопросов дискуссии о датировке слоев Хасанлу.

пропорций, хотя он имеет отличный от вышеуказанного орнамент; в погребении № 38 был найден горшок той же формы, но с другим орнаментальным оформлением (VIII–VII вв. до н.э.); у обнаруженного в погребении № 136 сосуда также отличаются орнамент и ручки, хотя он имеет те же пропорции.

Таким образом, очевидно, что на территории городища пока еще не обнаружены остатки эпохи поздней бронзы — раннего железного века, т. е. следующего за периодом средней бронзы: в хронологии Ацкури эпохой, следующей за периодом средней бронзы, является VII в. до н.э., и он представлен погребальными комплексами.

На территории городища особую интенсивность жизнь приобретает в VI–IV вв. до н.э. Сложно определить, какими причинами это обусловлено, хотя известно, что на этот же период приходится расцвет Колхидского царства⁸. В это время особую интенсивность приобретают связи с греческим миром, что совершенно логично на фоне активизации процессов колонизации, но в различных регионах Колхиды эта тенденция проявляется по-разному (подробно см. ниже). С другой стороны, в этот же период в масштабах всего Кавказа имеет место еще одно политическое явление — на историческую арену выступает Ахеменидский Иран, который полностью меняет политическую карту Закавказья и Ближнего Востока.

К данному хронологическому отрезку относится дом № 5 городища Ацкури (рис. 14–15), который датируется V–IV вв. до н.э.⁹ Совершенно очевидно, что до середины IV в. до н.э. территория городища снова была занята постройками. Подтверждением тому служит выявленный в раскопе № 6 фундамент, на котором сверху было устроено погребение, относящееся к концу IV в. до н.э. (№ 2004-3); им была срезана часть фундамента. Сам фундамент, раскопки которого пока еще не завершились, представляет собой кладку из специально отобранных, почти одинакового размера базальтовых глыб. Это чрезвычайно интересная конструкция, высота которой обусловлена парно выстроенными камнями из девяти рядов. Между этими парными камнями заметно заполненное землей пространство (ширина 10–15 см), в одном отрезке которого (приблизительно метр в длину) сохранились остатки сырцового кирпича. Наличие кладки из сырцового кирпича на памятниках V–IV вв. до н.э., выявленных на территории Восточной и Южной Грузии, должно быть связано с определенными историческими процессами. В частности, как отмечалось выше, с конца VI в. до н.э. предполагается формирование политических интересов Ахеменидского Ирана к территории Закавказья. В V–IV вв. до н.э. Ахемениды уже твердо обосновываются в Закавказье. Наиболее ярким подтверждением данного факта являются те иранские дворцы (резиденции), которые обнаружены как в Грузии (Гумбати, Сабатло), так и в Азербайджане (Сары-тепе, Караджамирли) и Армении (Бениамин, Эребуни)¹⁰. Как мне представляется, с этим явлением и связано использование в строительном деле сырцового кирпича. В частности, из данного материала построены ахеменидские резиденции Сары-тепе, Караджамирли, Гумбати и Сабатло. Судя по остаткам, открытым в последнее время, аналогичная техника строительства, видимо, использована при возведении на Граклиани Гора построек, датируемых второй половиной V в. до н.э. (слой VII A)¹¹, где проступают наиболее очевидные факты взаимосвязей с ахеменидским миром. Естественно возникает вопрос: было ли определено использование сырцового кирпича социальным статусом сооружения? Если учесть существующую археологическую реальность, то подобное допущение выглядит логичным. И в Ацкури, и на Граклиани Гора в середине и во второй половине V в. до н.э., видимо, выделялся высший социальный слой общества, владеющий, надо полагать, административными браздами правления. В противном случае возведение столь специфических (в данной ситуации) и сравнительно дорогостоящих строений выглядит неоправданным. Основу для подобных предположений дает допущение о возможности приглашения для возведения подобных сооружений специалистов и ремесленников из Фригии или Персии¹². Подобная возможность кажется совершенно логичной еще и потому, что Ацкури, согласно письменным источникам, был религиозным, экономическим и административным центром региона, и этот статус он должен был иметь уже со второй половины V в. до н.э. При этом несмотря на влияние Ирана — также как и в случае Граклиани Гора — в Ацкури твердо сохранены местные традиции, что хорошо прослеживается в планировке интерьера Дома № 5¹³.

⁸ Lordkipanidze 2001, 1–38; Licheli 2007b, 109–115.

⁹ Личели 2000, 139–142.

¹⁰ Knauss 2001, 125–145; Narimanishvili 2009, 94–126; Licheli 2011, 135–156.

¹¹ Licheli 2014, 20.

¹² Knauss 2006, 125–145.

¹³ Licheli 2000, 67–71.

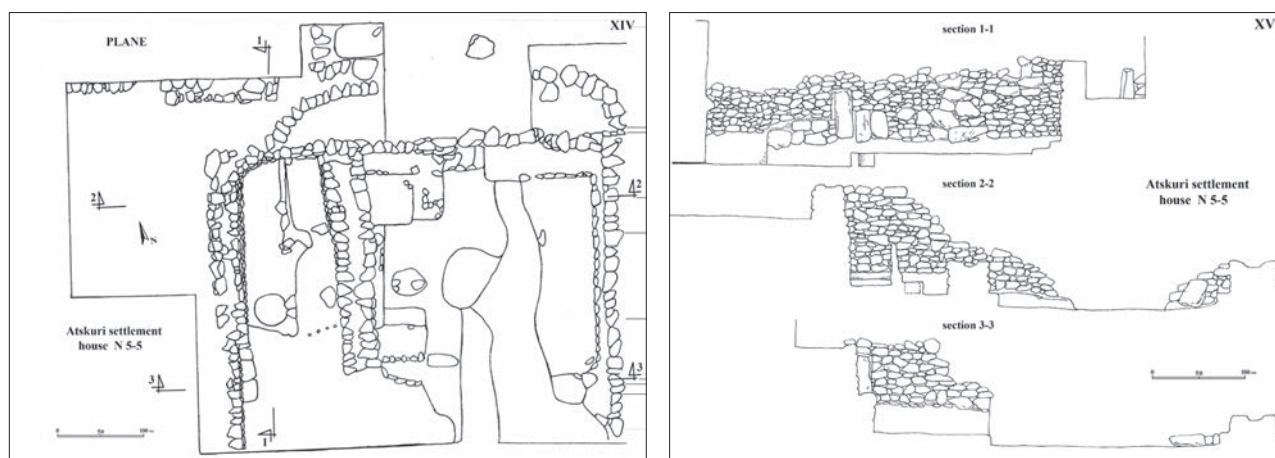

Рис. 14-15. Дом № 5 городища Ацкури. План и разрез

Среди керамических изделий этого же периода необходимо отметить факт обнаружения в захоронениях Ацкури колхидской керамики. В первую очередь, наряду с колхидскими кубками (рис. 16), обращает на себя внимание сравнительно большое количество глиняных кувшинов с трубчатыми ручками — они, как известно, в основном найдены в Колхиде, почти на всех памятниках, относящихся к VII–IV вв. до н.э.: крепость Батуми, Пичвнари, Кохи, Симагре, Очамчир, Эргети, Мтисдзири, Даблагоми, Кутаиси, Кулеви, Брили и др.¹⁴ Однако нельзя не отметить, что керамика этого типа впервые проявляет себя в Западном Иране¹⁵ — и на сей раз я присоединяюсь к признанию подобной возможности, т. к. глиняные кувшины с трубчатыми ручками в последнее время опять были обнаружены в Западном Иране, в Калайчи¹⁶ (хотя намного раньше появления колхидской керамики, еще в VIII–VII вв. до н.э., колхидская культура четко представлена на территории Самцхе, могильник Мзетамзе). Тут же отмечу, что несколько предметов, обнаруженных на могильнике Мзетамзе, связаны с иранским миром: например, бронзовый кинжал, который находит наиболее близкие аналогии с материалом ново-вавилонского этапа в группе № 31–35, выделенной Кальмайером¹⁷. В первой публикации, посвященной упомянутому кинжалу, я указал именно на эту дату — VII–VI вв. до н.э.¹⁸ С уверенностью можно сказать, что данный кинжал изготовлен в Луристане, что очевидно и по его химическому составу — здесь использовано намного больше олова (17,4%), нежели в любом синхронном изделии, обнаруженном на территории Грузии (ср. наконечник копья из Нацаргори — олово 8,62%; кинжал из Нацаргори — олово 10,2%). На могильнике Мзетамзе также подтвержден факт погребения покойника с ножными браслетами, что имеет параллели не только с захоронениями Тлиа и Нацаргори (Восточная Грузия)¹⁹, но и находит прямые и синхронные параллели с погребением № 37 в Гуль-Джанан (Луристан) где у покойника, погребенного в эмбриональной позе, на ногах также были подобные браслеты²⁰.

По археологическому материалу и письменным источникам становится очевидным, что пограничный с Ацкури/Самцхе регион, Колхида (в рамках ее современных географических границ), в середине первого тысячелетия до н.э. в культурном отношении делится на две части²¹: прибрежная полоса ориентирована на Запад, т. е. на греческие центры, а внутренние районы — на Восток, т. е. на Иран. Своеобразной разделительной чертой с этой точки зрения, видимо, была линия Саирхе-Вани, т. к. находящийся к западу от Вани колхидский памятник Намарну, где подтверждается существование культурных слоев V–IV вв. до н.э., не содержит никакого ахеменидского материала²².

¹⁴ Lordkipanidze, Gigolashvili, Kacharava, Licheli 1981, 34–36.

¹⁵ См. такое предположение: Lordkipanidze 1971, 21, прим 71.

¹⁶ Ср.: Mollazadeh, 2008, 208–221.

¹⁷ См. Moorey 1971, 113–129.

¹⁸ Georgien 2001, 363.

¹⁹ Georgien 2001, 264.

²⁰ Haerinck, Overlaet 1999, 35.

²¹ Ср. Lordkipanidze 2002, 206–209.

²² Папуашвили Р., Папуашвили Н. 2006, 46–47.

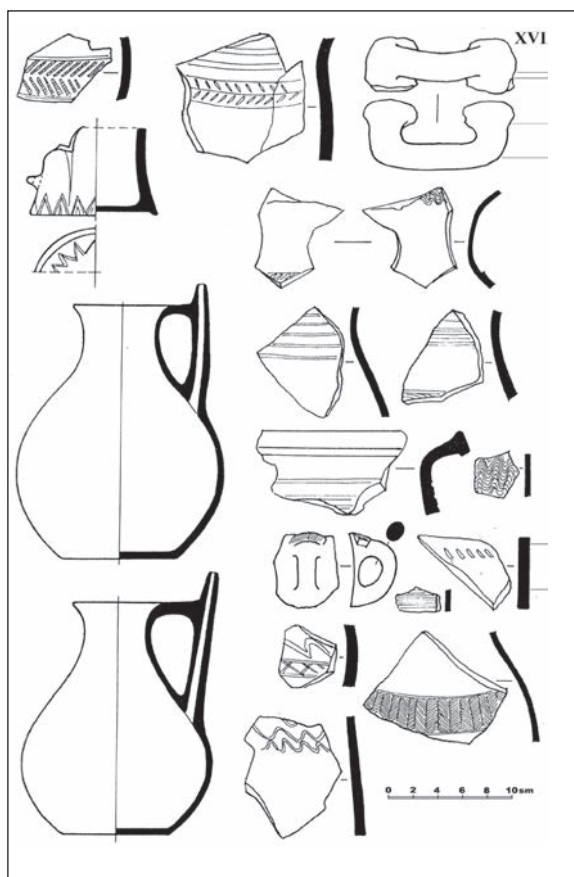

Рис. 16. Колхидская керамика Ацкури

Считается, что Намарну был тем «варварским городом, откуда была Медея» и который упоминается в «Перипле» Псевдо-Скилака²³. «Ахеменидская» линия Саирхе-Вани на юге Самцхе продолжалась в Ацкури, где явно проступает ахеменидское влияние (хотя чуть позднего периода). С данной точки зрения важно то, что именно на соединяющей Вани-Ацкури коммуникативной трассе, которая представляла собой один из основных путей перевозки аккумулярованного в Колхиде греческого импорта в Южную Грузию²⁴, были обнаружены ахеменидские монеты²⁵. Монеты были найдены на территории села Сулори, которое является начальным пунктом перевала из Колхиды в Южную Грузию. В клад входило до 700 серебряных монет, большую часть которых составляли «Колхидки». Вместе с ними были найдены также т. н. крезиды (с изображением львиных и бычьих голов), очевидно, отчеканенные Дарием I в 500 г. до н.э. Также был обнаружен сикль (с изображением царя с короной и с копьем), который тоже относят к чекану Дария I в 490 г. до н.э.²⁶ Из Ацкури линия, указывающая на вышеупомянутое ахеменидское «влияние», должна была направиться на юго-запад, в сторону верхнего течения реки Чорохи. В таком случае этим можно объяснить то, что проживающие в этом регионе колхи упоминались как население Империи. Предположительно связь

с Ахеменидской империей была лимитирована внутренними районами Колхиды, и если Колхида действительно была частью сатрапии Армения Ахеменидской державы, то это номинальное подчинение касалось лишь восточной части Колхиды²⁷. Соответственно, легко объяснимо мнение насчет того, что греки в Черном море не встречали сопротивления со стороны Ахеменидов — подобный конфликт интересов в V–IV вв. до н.э. не существовал, особенно это касается 436/5 гг. до н.э., периода активности Перикла в Причерноморье²⁸.

Относительно импортной керамики, открытой на территории Ацкури, можно сказать, что здесь преобладают фрагменты греческой чернолаковой керамики, относящейся к VI–II вв. до н.э.²⁹ В этой керамике примечательно обнаружение обломков ионической чаши с полосками (вторая половина VI в. до н.э.) и аттического килика (80-е гг. V в. до н.э.)³⁰. Выделяют еще несколько групп: скифос группы Lancut (480–470 гг. до н.э.) и лекифы (500–450 гг. до н.э.)³¹. Обнаружение греческой керамики в подобном географическом ареале требует объяснения, ибо горной системой Месхетского хребта Ацкури резко отграничен от такой важной коммуникативной зоны, каким является Черное море. Ясно, что основным (если не единственным) путем попадания архаической и классической греческой керамики на территорию Самцхе³² должен был быть маршрут от одного из важнейших дистрибутивных центров Колхиды — Вани, откуда еще в VII–VI вв. до н.э. через перевал Зека-

²³ Ср. Григолия 1973, 50–58.

²⁴ Licheli 1999c, 101–107.

²⁵ Lordkipanidze 2002, 207.

²⁶ Lordkipanidze 2002, 207.

²⁷ Braund 1994, 122 ff.

²⁸ Детально см. Braund 1994, 122 ff.

²⁹ Licheli 1997, 78–80; Licheli 1999a, 113–115; Licheli 1999b; Licheli 1999c, 101–107.

³⁰ Licheli 1999, 101–107.

³¹ Demetradze 2009, 25–31.

³² Историческим наименованием этой провинции является «Самцхе», что в переводе означает место жительства древних картвельских племен — «месхов»; ср. Licheli 1999b, 29–34.

ри проходила дорога в Южную Грузию. Этот факт подтвержден как письменными источниками, так и археологическим материалом³³. На этом фоне чрезвычайно интересной выглядит концентрация в этих же слоях ахеменидских и выполненных в подражание им керамических изделий. Среди довольно многочисленных фрагментов непосредственно в Ахеменидском Иране изготовлено, наверное, несколько единиц сосудов, представленных светлоглиняными обломками, украшенными геометрическими орнаментами красной краской³⁴. В последние годы на территории центрального Закавказья, на Граклиани Гора (Восточная Грузия) в большом количестве найдена керамика ахеменидского типа, т. н. “Western Triangle Ware”³⁵. Ахеменидская керамика Ацкури, разумеется, рассматривается в том ахеменидском контексте, который известен здесь по металлическим перстням-печатям³⁶. В то же время, нельзя с особым вниманием не отнестись к тем украшениям и инсигниям, которые носят явно ахеменидский характер и связаны с несколько непривычным ритуалом захоронения. С этой точки зрения следует отметить факт обнаружения в погребениях Ацкури целого скелета быка (а не его частей, как это обычно бывает!), а также большое количество открытых

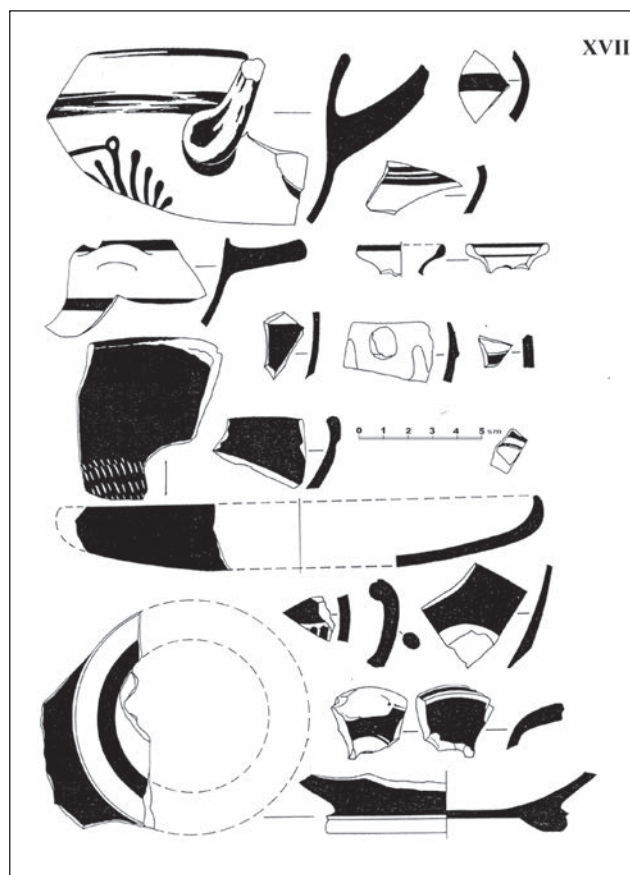

Рис. 17. Греческая керамика Ацкури

в тех же захоронениях агатовых амулетов, гравированных бронзовых перстней и браслетов с иранизированными изображениями (рис. 18–19). Достаточно перечислить такие предметы, как двухпротомное изображение коней на пластинке округлой формы, расположенной посередине браслета (что само по себе редкость); вычеканенные на перстнях изображения, где солнце и всадник изображены вместе (в одном случае также изображена луна)³⁷; стилизованное изображение Ахура-Мазды, высеченное на агатовом цилиндре (рис. 19); бронзовая скульптура всадника, которая в целом попадает в единую иконографическую серию изображений всадников, характерную для V–III вв. до н.э., и функционально должна быть аналогичной скульптурам и изображениям, найденным в разных уголках Грузии (Брили, Казбеги, Ахалгори, Цихия-Гори, Вани): большая часть их связана с культом Митры³⁸. Что касается идентификации данной фигуры, отмечу, что, как указывается в специальной литературе, в случае подобной ограниченности иконографических черт процесс идентификации осложняется. В подобных ситуациях естественным образом возникает вопрос: как определить, кто изображен здесь — простой смертный либо бессмертное существо, человек или божество? Дело в том, что фигуры очень часто не содержат таких атрибутов, которые несли бы иконографическую нагрузку. Именно это обстоятельство и составляет наибольшую сложность. Возможно, часть фигур являются изображениями богов или богинь, а часть могут быть изображениями царей, магов или представителей знати³⁹. В этом направлении требуется проведение дополнительного исследования, т. к. с середины I тыс. до н.э. фигуры всадников в большом количестве изготавливались как на Западе, так и на Востоке. Идентификация изображения осложняется и тем, что в эпоху эллинизма, к кото-

³³ Licheli 1997, 78–80.

³⁴ Cp. Summers 1993, 85–108; Dyson 1999, 101–110.

³⁵ Licheli 2011, 135–156; Licheli 2009, 66–69; Licheli 2010, 135–156; Licheli, Samsonia 2010, 182–184; Licheli 2011, 74–78; Licheli 2014, 15–16.

³⁶ Licheli 2000, 139–142.

³⁷ Licheli 2000, 139–142.

³⁸ Khazaradze 2012, 13–19.

³⁹ Moorey 1984, 78.

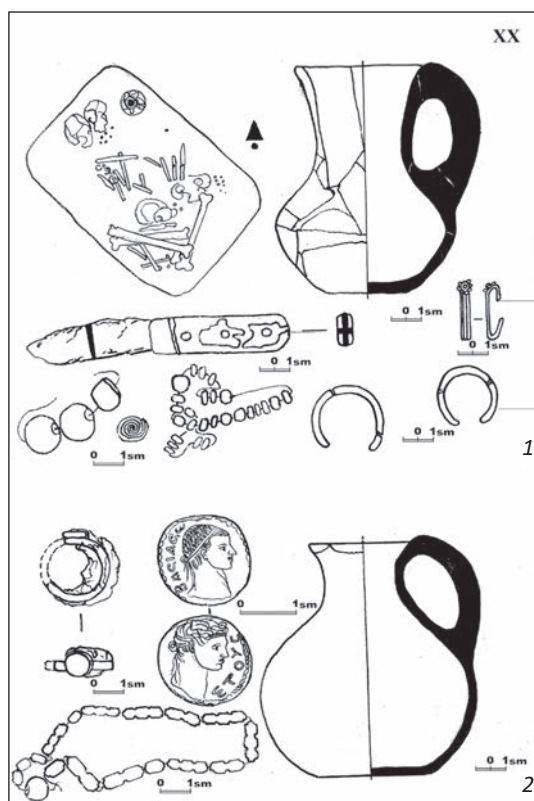

Рис. 20. 1. Погребение IV в. до н.э. 2. Погребение середины I в. н.э. с «оболом Харона» (монета понтийского царя Племона II)

рой относится скульптура всадника из Ацкури, возникли новые культурные центры (Пергам, Александрия, позднее — Делос), в которых заметно стремление к тенденции реалистического изображения (а всадник из Ацкури весьма реалистичен). Другая специфика этого периода состоит в том, что скульптуры, выполненные из различных материалов, в том числе из бронзы, превратились в «престижную» потребность элиты, что вызывало их обилие и содержательное разнообразие. Например, в эллинистическом искусстве Александр и Буцефал превратились в символ мужественности и власти; создание римлянами целой серии изображений всадников легло в основу традиции подобного изображения великих императоров и военачальников. В данном конкретном случае же, на мой взгляд, мы имеем дело с изваянием божества (Митры), наверное, изготовленного здесь же, на территории Грузии. Нужно учесть также то, что некоторые раннеиранские божества осмысливались именно как всадники⁴⁰.

С конца IV в. до н.э. на территории городища вновь появляется могильник, который продолжает свое существование и в III–II вв. до н.э. Однако во II в. до н.э. эту территорию вновь занимают постройки: открыты остатки их фундаментов. Во всяком случае, восточная часть раскопа № 4 полностью занята строением II в. до н.э., которое надежно датируется фрагментами греческого чернолакового блюда, обнаруженного на его полу.

Это фрагмент блюда малоазийского производства, серо-розовоглиняный, с лаком низкого качества; на внутренней поверхности его обведен орнамент с насечками. Керамика данного типа в большом количестве находит параллели во всем эллинистическом мире и хорошо датируется II в. до н.э.⁴¹ Внимание заслуживает то, что в Ацкури, кроме греческой посуды, обнаружены изготовленные в Колхиде фрагменты амфор⁴².

Очень сложно разобраться в материалах I в. до н.э. — I в. н.э., т. к. они представлены всего двумя комплексами. Один из них — погребение № 95-5, которое по обнаруженной монете понтийского царя Племона II (49–63 г. н.э.) в виде «обол Харона» датируется I в. н.э. (рис. 20). Вторым комплексом этого периода являются остатки гладкой стены, которая, возможно, относится к той же эпохе. Хотя, на мой взгляд, уточнение даты стены не внесет корректив в общую тенденцию, и I в. н.э. на этой территории в основном опять будет представлен погребениями. Что происходит в последующий период пока что неизвестно. Можно отметить одно — постепенно население Ацкури, которое с VII в. до н.э. в основном было сконцентрировано на левом берегу реки Куры (Мтквари), переселяется на правый берег, т. е. занимает территорию вокруг крепости. Это происходит начиная с середины I в. до н.э., когда на территории городища заметны следы разрушения. Не исключено, что данное разрушение связано с походом в Иберию Помпея.

Остается впечатление, что с указанной поры возросла опасность нападений на город, и население было вынуждено перебраться на гораздо более надежное место — вокруг крепости, а для могильника использовать склон, находящийся на юго-востоке от крепости, где впоследствии (в средние века) была устроена замечательная гробница. Что касается даты постройки самой крепости, это, разумеется, может быть выяснено только после археологических раскопок, хотя по письменным ис-

⁴⁰ Hanfmann 1961, 252. Вместе с тем, возобновленные из старых центров импульсы эквестрианизма имели определенное влияние на религиозную сферу — например, Митра является всадником *par excellence*. Трансформация всадников-героев и божеств в христианских всадников-божеств произошла лишь позднее (например, изображение св. Георгия. Ср. Hanfmann 1961, 255.

⁴¹ Личели 1991, 29–34.

⁴² Licheli 2010.

точникам, в I в. н.э. она уже должна была стоять там⁴³. Обращает на себя внимание тот факт, что в центральной части крепости, в обрушенном ряду южной стены цитадели, ясно проступают более ранние ряды, представленные обтесанными квадратами песчаника, а это в Грузии связано только с греко-римскими строительными традициями.

Литература

- Григория Г. 1973: Локализация великого города варваров // Дзеглис мегобари. № 33, 50–58 (на груз. яз.).
- Иванчик А.И. 2001: Киммерийцы и скифы. Степные народы Евразии. Т. II. М.
- Личели В. 1991: Древнее Вани, хозяйственный район. Тбилиси (на груз. яз.).
- Папуашвили Р., Папуашвили Н. 2006: Намарну // Гурия. IV, 46–47 (на груз. яз.).
- Braund D. 1994: Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C. — 562 A.D. Achaemenids and Seleucids in Georgia. Oxford.
- Dyson R.H. 1999: The Achaemenid Painted Pottery of Hasanlu IIIA // Anatolian Studies. Mol. 49. Anatolian Iron Ages, 4, Proceedings of the Fourth Anatolian Iron Ages Colloquium Held at Mersin, 19–23 May, 1997. Ankara.
- Demetradze I. 2009: Greek Pottery Wares from Atsquri // Iberia–Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period. Vol. 5, 25–31.
- Georgien 2001: Georgien Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Bochum.
- Haerinck E., Overlaet B. 1999: Djub-i Gauhar and Gul Khanan Murdah Iron age III graveyards in the Aivan plain: Belgian archaeological mission in Iran, the excavations in Luristan, Pusht-i Kuh (1965–1979). Luristan Excavation Documents. Vol. III. Acta Iranica Troisième série Textes et memoires. 22. Leuven; Liege.
- Hanfmann G.M.A. 1961: A Near Eastern Horseman // Syria. 38, 3/4, 243–255.
- Khazaradze N. 2012: The Impression of a Rider Tsikhiagora // Problems of the History and Archaeology of Georgia and Caucasus (volume dedicated to the 80 years anniversary of K. Phitskhelauri). Tbilisi, 13–19.
- Knauss F. 2001: Persian Rule in the North Achaemenid Palace on the Periphery of the Empire // The Royal Palace Institution in the First Millennium B.C. / I. Nielsen (ed.). Monographs of the Danish Institute at Athens. Athens, 125–145.
- Knauss F. 2006: Ancient Persia and the Caucasus // Iranica Antiqua. XLI, 125–145.
- Licheli V. 1997: Black-Glazed Pottery in Transcaucasia. Its Diffusion Rout // Proceedings of the First International Conference on the Archaeology and History of the Black Sea. Amsterdam, 78–80.
- Licheli V. 1999a: Une ville des VIIe–Ier, siecles // Religions du Pont. Actes du VIIIe Symposium de Vani–1999. P., 113–115
- Licheli V. 1999b: St. Andrew in Samtskhe. Archaeological proof // Early Christianity in Caucasus. L., 29–34.
- Licheli V. 1999c: The Black Sea–Vani–Samtskhe: The Spreading Route of Black-Glazed Pottery // La Mer Noire — zone de contacts. Actes du VIIe Symposium de Vani–1994. P., 101–107.
- Licheli V. 2000: Achaimenidische Fundorte in Samcche (Südgeorgien) // Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Band 32. B., 139–142.
- Licheli V. 2004: A Burial with a Stone Embankment at Atskuri // Journal of Georgian Archaeology. Vol. I. Tbilisi, 218–225.
- Licheli V. 2007a: Caucasian Iberia in the Post-Achaemenid Period // The Royal Palace Institution in the First Millennium B.C. / I. Nielsen (ed.). Monographs of the Danish Institute at Athens. Athens, 52–56.
- Licheli V. 2007b: New Discoveries in Colchis, an Interpretative Version // The Argonautica and World Culture. Phasis: Greek and Roman Studies. 10 / R. Gordeziani (ed.). Tbilisi, 109–115.
- Licheli V. 2009: Cultural Relations in Central Transcaucasia // 2nd International Symposium of Georgian Culture, Florence, Italy.

⁴³ Cp. Licheli 1999b, 29–34.

- Licheli V.* 2010: Hellenistic Amphorae in Caucasian Iberia: Attributes of Trade Route // *Varia Anatolica* XXI. Patabs I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.). P.
- Licheli V., Poporadze N.* 2008: Golden Items From Atskuri grave N 1 // *Caucasian — Near Eastern Journal*, 13, Tbilisi, 152–159.
- Licheli V., Rusishvili R.* 2008: A Middle Bronze Age Burial at Atskuri // *Ancient Near Eastern Studies. Suppl.* 19. Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia. Leuven; Paris; Dudley (Ma.).
- Licheli V., Samsonia N.* 2010: Mesopotamian Seals from Grakliani Settlement // *Coll. Caucasus. Archeology, Ethnology, Folklore. Materials of International Conference*. Tbilisi, 182–184.
- Licheli V.* 2010: Grakliani Hill // *Academia*. 1, Tbilisi.
- Licheli V.* 2011: Urban Development in Central Transcaucasia in Anatolian Context: New Data // *AncCiv.* 17, 135–156.
- Licheli V.* 2014: Grakliani Culture, Tbilisi.
- Lordkipanidze O.* 1971: Settlement of Vani // *Vani*. I, Tbilisi.
- Lordkipanidze O.* 2001: The Golden Fleece: Myth, Euhemeristic Explanation and Archaeology // *Oxford Journal of Archaeology*. 20, 1–38.
- Lordkipanidze O.* 2002: At the Dawn of the Ancient Georgian Civilization. Tbilisi.
- Lordkipanidze O., Gigolashvili E., Kacharava D., Licheli V.* 1981: Pottery of Colchis of VI–IV cent. BC // *Vani*. 5, 34–36.
- Mollazadeh K.* 2008: The Pottery from the Mannean Site of Qalaichi, Bukan (NW Iran) // *IA*. XLIII, 208–221.
- Moorey P.R.S.* 1971: Towards a chronology for the Luristan bronzes // *Iran*. 9, 113–129.
- Moorey P.R.S.* 1984: Problems in the Study of the Anthropomorphic Metal Statuary from Syro-Palestine before 330 BC. // *Lewant*. XVI, 67–90.
- Muskarella O.W.* 1988: Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. N. Y.
- Narimanishvili G.* 2009: Daraqoi Settlement and Some Patterns of History of Achaemenid Epoch Transcaucasia // *Iberia — Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period*. Vol. 5. 94–126.
- Summers G.D.* 1993: Archaeological Evidence for the Achaemenid Period in Eastern Turkey // *Anatolian Studies*. 43, 85–108.

GREACO-ACHAEMENID TRENDS IN SOUTHERN GEORGIA (REGARDING THE STRATIGRAPHY OF ATSKURI)

V. Licheli

The article presents new archaeological finds from the site of Atskuri in Southern Georgia, which throughout the centuries served as administrative and religious center of the region. All major stratigraphic horizons of the site — from the Bronze Age through the Roman period, are analyzed. Objects of Greek and Achaemenid appearance — typical for the strata dating from the Greek periods — help to examine the ways in which these objects were brought into this region and the paths of their distribution.

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ИСКУССТВА

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В «СЕМЕЙНОЙ СЦЕНЕ» АНАПСКОГО СКЛЕПА ГЕРАКЛА

(См. рис. 1–4 на вкладке)

Среди боспорских гробниц одна из последних новойнаденных — Склеп Геракла в Анапе (1975)¹, датированный предварительно II или началом III века, — представляет особый интерес как полнотой живописного комплекса, так и его своеобразием. Наряду с такой оригинальной чертой, как включение в роспись двенадцати подвигов Геракла, здесь фигурируют две «семейные сцены», не встречавшиеся прежде в боспорских погребальных памятниках. Одна из них помещена на правой боковой стене среди поздних подвигов и представляет пять полуфигур в наиске с дуговидным фронтоном. Другая фигурирует на главной, торцевой, стене (северо-западной), напротив входа, и включает в себя трехфигурную группу. Именно она и является объектом нашего интереса.

Главная «семейная сцена» составляет лишь небольшой фрагмент обширной, детально продуманной росписи, выстроенной тремя ярусами, популярного в керченских склепах «инкрустационного» или «цветочно-инкрустационного стиля»² (рис. 1). Нижнюю часть стены украшает широкий красный цоколь, среднюю — три декоративные зоны, образованные двумя нишами, причем правая (со стороны стены) представляет поле шахматных ромбов, а в центральной и левой помещены специфичные для Склепа Геракла диски с короткими черными лучами. Верхнюю полукруглую часть, люнету, занимает изображение практически утраченного медальона с головой Медузы, фланкированного двумя фигурами павлинов с головами, повернутыми назад, к цветочным сеткам-гирляндам. Внизу под ними и помещена «семейная сцена» в обрамлении двух лучевых дисков, двух фигурок тюленей и двух деревьев.

Изображение включает двух сидящих взрослых, мужчину и женщину, и подходящего к мужчине мальчика (рис. 2). Чета сокращенно обозначена греческими литерами³ как Πα (Πατήρ — отец) и Μη (Μήτηρ — мать), так что логично видеть в мальчике Сына, для которого изображенные — родители. Примечательно, что буквенные знаки нанесены в интервале между фигурами, как бы в их внутреннем пространстве, намекая на образ *супружеской четы*.

Отметим нарочитое *отсутствие контактов* между Матерью и Отцом: пребывая рядом, они сидят на разных сиденьях и, в отличие от фигур на греческих стелах и римских саркофагах, не связаны ни жестом рук, ни взглядами. Отец сидит на широкой низкой скамье с профилированным верхом, а Мать — на троне с фигурной спинкой; левая рука утрачена, правая лежит на подлокотнике. Мать сидит почти фронтально, тогда как Отец широко развернулся вправо (однако, без поворота головы), где к нему подходит Сын. Все трое связаны *атрибутами*.

¹ Опубликован фрагментарно его открывателем Екатериной Михайловной Алексеевой — руководителем Анапской экспедиции, сотрудником Института археологии РАН, см.: Алексеева 1976а; Алексеева 1976б; Алексеева 1976в; Алексеева 1976г. Автору данной статьи было любезно предложено Е.М. Алексеевой подготовить к изданию изобразительную часть памятника. Эта публикация — первая. Искренне благодарю Екатерину Михайловну за разрешение опубликовать ее копии фресок в данной статье.

² См.: Ростовцев 1913–1914, 261 сл. (склеп Фельдштейна), 280 сл. (склеп 1884 г.), 286 сл. (склеп 1875 г.), 292 сл. (склеп 1872 г., «Стасовский»), 355 (склеп Ашика).

³ Греческие надписи нередко встречаются в боспорских склепах. Достаточно вспомнить керченские: «Алкима Гегесиппова», «Анфестерия Гегесиппова, он же Ктесамен», «Сорака Соракова» или обозначения «Гермес» и «Калипсо» в Склепе Деметры и «Плутон» в склепе 1895 г., см.: Ростовцев 1913–1914, 163; 172; 248; 203; 205. В большинстве случаев названы владельцы гробниц или мифические персонажи, здесь же впервые — *члены семьи*.

В левой руке, на оси между Πα и Μη, мужчина держит книгу — свиток (liber). Свиток раздвоен и предстает в виде двух рулонов, которые Отец держит с двух сторон сомкнутыми пальцами⁴. Эта вещь, находящаяся между супругами и явно относящаяся к ним *обоим*, близко напоминает *брачный договор* у мужчин на римских «саркофагах свадеб»⁵, возникших около середины II в.; сцена символического брака сначала помещалась справа на краю фасадной стороны, после эпизодов покорения полководцем провинции и жертвоприношения на Капитолии, а с III в. стала занимать ее центр⁶. Брачный договор в виде книги-свитка возник не сам по себе, а, вероятно, завершал собой длительную, идущую из Древнего Египта традицию *писания* как *возрождения жизни*⁷. «На саркофагах свадеб» свиток помещается прямо над правыми руками новобрачных, сомкнутыми в рукопожатии (dextrarum junctio) (рис. 3).

Сын тоже несет многозначительный атрибут. Вернее, два атрибута: в левой руке — таблички для письма (tabulae⁸), в правой инструмент для начертания букв — стиль (stilus⁹). Отметим еще раз настойчивый акцент на *парности*: в двух руках два атрибута, к тому же в левой — *двойной*: представлен, скорее всего, двусторчатый диптих, обращенный внутренней стороной наружу. Внутренняя плоскость табличек обычно покрывалась штукатуркой или воском, по которому стилем наносились буквы. Процесс начертания мыслился чем-то вроде пахоты земли, когда небесный плуг (ἄροτρον, aragum) вспахивал мать-землю, что воспринималось как ее беременность, зачатие новой жизни¹⁰. По аналогии процесс начертания букв мог пониматься как *брачный союз* таблички и стиля. В результате земля рождала растение, а табличка — письменное слово, текст. Вот почему мальчик с табличками и стилем — не просто случайная фигура, а действительно Сын, который будет произведен на свет Матерью и Отцом и который «авансом» явлен зрителю в качестве «маленького мальчика»¹¹. Текста на табличках пока нет, но еще одним «авансом» представлен другой *текст* — с упоминанием Πα и Μη.

Что же должен был писать на воске мужчина? По всей вероятности, тоже брачный договор. Он писался на табличках, которые так и назывались: tabulae nuptiales (Tac. Ann. XI. 30; Apul. Apol. 67; 68; 88), с многочисленными вариантами: nuptialia instrumenta (Cod. V. 27. 10 pr., 11 pr.); matrimoniales

⁴ Позиция Ia, по Т. Бирту: Birt 1907, 43, Abb. 19, 23.

⁵ См. саркофаги II в. в Мантуе, Палаццо Дукале (McCann 1978, 125, fig. 158); в Риме, Сан Лоренцо фуори ле муре (McCann 1978, 125, fig. 159); саркофаг III в. из Остии (McCann 1978, fig. 161–162) и другие.

⁶ McCann 1978, 124, 127.

⁷ Генезис иконографии «брачного договора», по всей видимости, восходит к египетским памятникам коронационного ритуала, в которых богиня Сешат записывает на листьях священного дерева «ишед» новое имя фараона (Липинская, Марциняк 1983, 20–21, ил. 10). Впоследствии традиция нашла широкое развитие в этруских памятниках IV–II вв. до н.э. с изображением т. н. «пишущих демонов» (см.: Мавлеев 1976), откуда вполне могла быть заимствована римлянами, у которых Парки (ср. Fata scribunda — Tertull. 39) определяют судьбу человека в зависимости от качества прожитой жизни. «Брачный договор» — одна из специфических форм «Книги жизни», βίβλος ζωής (ср. Ep. Ad Philipp. 4, 3; Apoc. 20, 12), и пока сохраняет смысл гипотеза Теодора Бирта, что свитки в руках умерших, помимо «брачных сцен», символизируют такую книгу, в соответствии с которой судьба умершего будет решаться на загробном суде (ср.: Birt 1907, 70 f.). Сам факт наличия книги-свитка гарантирует «правильность» ритуала перехода.

⁸ Tabula (τάβλα в греческих папирусах) могла изготовляться из дерева или металла и часто покрывалась слоем белого штукатурки (alba, λεύκωμα), на котором хорошо были видны черные буквы. Наряду с такими табличками имели хождение и покрытые слоем воска — ceratae (tabulae ceratae), известные уже грекам (Isid. Orig. 6, 9) и этрускам. На них записывали договоры, счета, хозяйственные отчеты, вели переписку и делали наброски для литературных произведений. Такие таблички в эпоху империи стали выходить из употребления с появлением папирусов (charta) и пергаментов (membranae). Но для кратких записей частного и общественного характера восковые таблички предпочитались очень долго, до IV в. Среди официальных tabulae наиболее известны «Законы XII таблиц» (lex XII tabularum); как известно, в Риме имелось специальное здание Tabularium — государственный архив для хранения подобных документов. См.: Sahers 1932, 1881–1886.

⁹ Stilus часто упоминается римскими авторами, ср.: Plaut. Bacch. IV 4; 63; 76; Ovid. Met. IX. 5224–571; Plin. NH. XXIV. 139. Изготавливались инструменты для письма из кости, дерева, слоновой кости или чаще металла, при этом заостренному концу стержня противостоял другой, заглаженный, чтобы можно было стирать и исправлять записываемый текст (Gaerte 1929, 2533). Стили в большом количестве дошли до наших дней, см.: Daremberg, Saglio 1905, IV 2, 1510–1511, fig. 6634, 6636. См. костяные стили в собрании ГМИИ (инв. АРК 190–193, 195–201 и др.). Их средняя длина 7–10 см.

¹⁰ Drachmann 1938, 1471. По замечанию автора, в Греции связанные с пахотой понятия (типа ἄροτρα, ἄροτος etc.) применялись для обозначения супружеских отношений, ср.: Aesch. Sept. 752 sq.; Soph. Oed. 1257; Theogn. 582; Soph. Ant. 569, etc.

¹¹ О ритуальной роли «маленького мальчика» см.: Акимова 1999, 185 сл.

tabulae (Isid. Orig. XI. 5, 8; Augustin. De civ. Dei XIV. 18); matrimonialia documenta (Sidon. Apol. VII 2. 7), tabellae sponsalium et nuptiarum (Tertull. De virgin. veland 12) или просто tabulae (Quint. V 11, 32; Iuven. II. 119; Apul. Met. IV. 26). Брачный договор всегда касался единственного важного предмета — состава, условий распоряжения и возврата в случае необходимости *приданого* (dos, f., на Востоке $\phi\epsilon\rho\nu\acute{\eta}$ ¹², ср. Varro. De l. l. V 175: dos nuptiarum causa data), которое приносила с собой новобрачная. Изредка она, если была правомочной (persona sui iuris), учреждала его сама, или это делали другие родственники (такое приданое называлось dos adventicia), но, как правило, его определял отец (dos profecticia); выдаваемое при условии возврата именовалось dos recepticia (Ulp. VI. 5). Приданое включало в себя часть движимого и недвижимого имущества женщины — земли, хозяйственные постройки, драгоценные металлы, мебель, ткани, одежды и т.п. Оно вручалось будущему мужу «для облегчения брачной ноши»: nisi oneribus matrimonii serviat, dos nulla est (Dig. XXIII. 3. 76), как *материальная основа* для становления будущей семьи. Он мог им распоряжаться, исходя из интересов новосоздающейся «ячейки общества», и иногда громадные приданные в руках римских мотов буквально превращались в пыль; нередко они женились только ради этого, сразу после брака требуя развода.

Однако условия, на которых dos переходила в руки супруга в связи со свадьбой, начерчивались на табличках; на брачной церемонии текст зачитывался вслух¹³ и заверялся 10-ю свидетелями (Ambros. De lapsu virg. cons. V. 20)¹⁴. Это служило серьезной гарантией от нецелевого использования dos, и самые tabulae nuptiales, вероятно, были тождественны tabulae dotales (Dig. XXIII. 4. 29 pr.), tabulae dotis (Dig. XXIV. 1. 66 pr.) или dotalia instrumenta (Dig. XXXIII. 4. 17, 1)¹⁵, коль скоро брачный договор вращался вокруг именно дotalьной проблемы; еще одно название договора — pacta dotalia (Dig. XXIII. 4; Cod. V 14).

Чтобы понять смысл dos в античном обществе римского периода, обратимся вкратце к истории положения женщины в Риме. Как известно, на Ближнем Востоке в ранних государствах вроде Шумера и Египта уже в эпоху неолита сформировался новый, «патриархальный», тип культуры, приобретший к концу IV тыс. до н.э. вполне определенный облик. Он отодвинул — в высших слоях социума и в соответствующих ритуалах — древний матриархальный культ на второй план, но «материнская» культура подспудно продолжала бытовать как доминирующая¹⁶. Ранний официальный Рим поднял культ отца семейства (pater familias) до немислимых высот, отдавая в его руки жизнь подвластных ему людей (ius vitae necisque) — не только когнатических (кровных) родственников, но и агнатических (некровных), оказавшихся в сфере его распорядительства (жен сыновей, домашних рабов, усыновленных детей и т. д.).

К концу республиканского периода архаичная форма брака (cum manu), когда женщина целиком отдавалась во власть мужчины и рассматривалась в одном ряду с такими неправомочными категориями социума, как инвалиды, несовершеннолетние и умалишенные, что требовало непрямого установления над ней *мужской опеки* или *попечительства*, исчерпала себя, и стала широко укореняться форма брака по согласию (consensus), без всеподавляющей власти мужа (sine manu), с намечающимся уравниванием в правах мужчин и женщин. И хотя, как видим, «патриархальная» линия прослеживается в персоне учредителей dos, само приданое исходит с *женской* стороны, и обеспечивает материальное создание будущей семьи тоже *женщина*. Здесь прорывается мощный «матриархальный» культ, который в Риме никогда не исчезал. Известно выражение Горация о главенстве над мужем жены с приданым: dotata regit virum coniux (Horat. Carm. III. 24. 19). «Патриархальная» линия стремилась ей не уступать, и появились добрачные дары жениха невесте (donatio ante nuptiam; на Востоке $\delta\omega\rho\epsilon\acute{\alpha}$ ¹⁷), сначала составлявшие около половины стоимости dos, а к эпохе Юстиниана примерно сравнявшиеся с ней. По римскому праву, после заключения брака жена и муж не могли делать друг другу ценных даров (происходило это в особых случаях и называлось donatio propter nuptias), чтобы исключить нарушение изначально установленных правом имущественных отношений.

¹² Kübler 1932, 1951.

¹³ Spät, Wagner-Hasel 2000, 32–53.

¹⁴ См. также: Kübler 1932, 1951.

¹⁵ Kübler 1932, 1951.

¹⁶ См. об этом: Акимова 2014, 47–62.

¹⁷ Kübler 1932, 1951.

Учредители dos могли передавать ее новобрачному непосредственно при заключении брака (*datio dotis*) или после свадьбы, вплоть до истечения трехлетнего срока (Polyb. XXXI. 13). Достаточно было *обещания* (*promissio dotis*) передачи приданого, с закреплением его диалогом: «Даешь?» — «Даю», который сменился односторонним вербальным заверением (*dictio dotis*): «Даю». Dos явно имела ритуальный генезис, что говорит об огромной ее важности для римлян. В раннеимператорское время устные обеты, *stipulatio* и *promissio*, уступили место *письменным* брачным договорам. Раньше, чем в Риме, они возникли на Востоке — много брачных договоров на папирусах известно в Египте¹⁸. В Риме же они появились в конце эпохи принципата; один из первых известных договоров был заключен около 48 г. на скандальном бракосочетании Мессалины и Силия¹⁹. Ни одной «брачной таблички», однако, до нас не дошло.

Если брак досрочно расторгался по вине или инициативе мужа, dos возвращалась жене, чтобы она не оказалась бесприданницей (*mulier indotata*) и могла вторично выйти замуж. Если муж умирал, жене и ее отцу возвращалась та часть dos (*dos communis patris et filiae* — Dig. XXIV. 3, 2, 1), которая оставалась после отчисления на всех рожденных в законном браке детей по 1/6 его части — но не более половины всего. Если же умирала жена, dos *profecticia*, за вычетом 1/5 части на каждого ребенка, возвращалась ее отцу, «чтобы, потеряв дочь, он не страдал еще и от денежного убытка» (Dig. XXIII. 3, 6 pr.). Но примечательно, что если учредителем dos выступала мать жены или другие родственники, вдовец мог с чистой совестью ее не возвращать; ему оставалась и dos жены, если учредитель покинул сей мир до ее смерти²⁰.

Таким образом, очевидна фундаментальная роль dos в создании *семьи* как основополагающего звена римского общества — самого Вечного города и обширной имперской ойкумены. А цель ее — рождение в *законном браке* (*iustae nuptiae*) *полноправных римских граждан*²¹. Вот почему, хотя брачный договор якобы не имел правового статуса²², именитые люди не считали приличным брак без приданого, стремясь засвидетельствовать его документом. Низовые слои общества вроде крестьян и солдат вполне могли обходиться без dos²³, но *virii illustres* — сенаторы, всадники, богачи — вступали в *iustum conubium* непременно с *tabulae nuptiales* (Cod. LXXIV a. 538; Cod. CXVII c. 4). Обязательным брачный договор станет только в позднейшей Византии.

Но тут возникает вопрос: зачем в «семейной сцене» показаны сразу *два* брачных договора? Большинство исследователей договор-свиток в эпизодах «свадеб» считается именно матримониальным²⁴. Новобрачные, как и наш Пя, держат его в левой руке, уже записанным и «прочитанным»²⁵, т. е. исполнившим свою функцию; иногда он выступает атрибутом Юноны Пронубы²⁶ — центральной фигуры геральдической свадебной сцены; известен случай, когда его держит «девочка» —

¹⁸ Mitteis 1901; Kübler 1932; 1950.

¹⁹ Как известно, этот брак был заключен при живом муже Валерии Мессалины — императоре Клавдии, и в его отсутствие, когда он отбыл для жертвоприношения в Остию. Мессалина была выдана замуж 14-ти лет за 50-летнего Клавдия, уже побывавшего в двух браках, и родила ему двух детей — Британика и Октавию, но вела весьма свободный образ жизни. Новый брак она заключила со знатным красавцем Гаем Силием, «созвав свидетелей для подписания их брачного договора» (Тас. Ann. XI. 27; ср. Suet. Claud. 26; 29; Iuv. X. 336); в его дом она перенесла из императорского дворца свои вещи и мебель (Тас. Ann. XI. 12) — явно dos. Мессалина якобы дала супругу развод (*divortium*), который тот, быть может, не получил из-за сокрытия придворным интриганом Нарциссом, а, может быть, не вник в его суть (Клавдия считали недалеким, в том числе и собственная мать), а для расторжения брака, по закону Юлия de maritantis ordinibus, при браке *sine manu* необходима была подпись 7-ми свидетелей (<http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261575781>). В результате жестоких интриг, развернутых вокруг события Нарциссом, все участники сочиненного заговором брака — Силий, Мессалина (в 23 года) и ее дети — погибли.

²⁰ Leonhard 1905, 1590.

²¹ Dixon 1992, 67.

²² Ср.: Kübler 1932, 1950; Berger 1953, 728. Некоторые ученые считают, что таковой статус у табличек был, ср.: Birt 1907, 67: «Der Bund soll durch sie als legitime „Schriftehe“ (γάμος ἔγγραφος) bezeichnet».

²³ Ср.: Leonhard 1905, 1583.

²⁴ Ср.: Rossbach 1871, 43, 79; Dixon 1992, 65, etc.

²⁵ Предположение Т. Бирта: свиток разворачивался справа налево и по прочтении оставался в *левой* руке. При этом последняя страница (*opisthographa*) оказывалась снаружи, а *pagina prima* внутри, и для нового пользователя свиток сворачивали в другую сторону прислужники (Birt 1907, 42). Однако в иконографии саркофагов, особенно III–IV вв., свитки представлены разворачиваемыми как в ту, так и в другую сторону.

²⁶ Иногда фигуру отождествляют с Конкордией, см. прим. 5.

Дочь²⁷. «Маленький мальчик», Сын, мифоритуальный первенец пары, присутствует в сценах «свадьбы» в образе бога браков Гименея (рис. 4).

Что касается «брачных табличек», то они, по всей видимости, в таких композициях отсутствовали — их заменяли свитки папирусов. Однако в анапской росписи, исходя из ее контекста, это должны быть именно *tabulae nuptiales*. Примечательно соединение тех же предметов — свитка и табличек — в известном изображении четы, предположительно Пакуя Прокула с женой, из дома Теренция Нео в Помпеях, в Неаполе (60–79 гг.)²⁸ (рис. 4). Женщина представлена справа, мужчина слева (с точки зрения стены), как и в большинстве пантикапейских росписей — но не в анапской. Причем она держит в левой руке стиль, в правой таблички-диптих, текстом к себе, как и полагается женщине, и прижимает стиль к губам, словно собираясь писать. Мужчина держит книгу-свиток в правой руке, по Т. Бирту, еще непрочитанный²⁹. Важно, что здесь связанные с писанием вещи сосредоточены в руках *супругов* — свиток у мужа, таблички и стиль у жены. Свиток как «серьезная», долговременная книга соотносился с интеллектуалом-мужиной, а таблички как предмет для кратких или постоянно корректируемых записей — с женщиной, имеющей дело с писанием время от времени и «любовительно».

В отличие от договора-свитка, роль табличек в «семейной сцене» Склепа Геракла *не исполнена*, ей еще *предстоит осуществиться*, и это важнейший сюжетный момент не только самой группы, но и всей росписи гробничной стены, а с ней и всего Склепа Геракла. Когда мужчина возьмет в руки диптих и напишет условия принятия и распоряжения жениным имуществом — *dos*, его заверят свидетели и он будет оглашен, тогда умерший *будет спасен* и вернется в новый жизненный круг — не как обычный человек, а как идеальный римский гражданин, семьянин, Отец, один из столпов римской *civitas*, на плечах которых зиждется великая империя. Не случайно важность акта отмечена его космологическим контекстом: «семья» помещена прямо под медальоном с головой Медузы³⁰ — символом хаоса, распадавшегося в процессе космогенеза на нижнее/верхнее, левое/правое, женское/мужское. Анапский космос выстроен в люнете с беспрецедентной строгостью, от нижнего мира вод с ластоногими тюленями — до высшего с его небесными павлинами и цветочными гирляндами. «Семья» только формируется — она помещена в центре Низа, прямо под *узлом* из змеиных тел, завязанным под подбородком Медузы; он знаменует окончание процесса творения мира и соотносится с *узлами* брака. *Трехчленный* состав семьи, знак ее действенной рождающей функции (Мать+Отец=Сын), широко отражается в тройственных формах всех частей композиции.

Два брачных договора, и оба фактически в руках Отца, могут объясняться только сложностью задачи для художника — связать их с сюжетом традиционной римской «свадьбы». Книга-свиток не давала зрителю полной гарантии, что это именно *брачный договор*, — его могли принять за атрибут учености, и только. Что касается *tabulae nuptiales*, то они в брачных сценах не имели самостоятельной сюжетной роли. Поэтому для полной ясности в анапской росписи пришлось давать и свиток, и таблички. Ориентация «семьи» на «свадьбы» римских саркофагов очевидна, что и делает ее уникальной для иконографии Боспора.

«Семейная сцена» Склепа Геракла представляет собой трансформацию издревле популярного в античном Средиземноморье, в том числе и на Боспоре, типа «загробной трапезы». Этот вариант «семьи» включает чету — сидящую на троне Мать и возлежащего на ложе Отца; в склепе Сорока она представлена в схеме, близкой к анапской (ср. рис. 5), — Сын подает Отцу сосуд

²⁷ На надгробии из Вероны (Dütschke IV, 1880, 402), см.: Т. Бирт (Birt 1907, 75), с цитатой из Г. Дютчке: «... die Dienerin hält mit beiden Händen „einen einer Rolle ähnlichen Gegenstand“». Девушка здесь названа служанкой.

²⁸ См.: Колпинский, Бритова 1982, фиг. 162в; ср. портрет девушки со стилем и табличками из дома Либания в Помпеях, также в Неаполе (1-я половина I в.), где книга «многостворчатая» (codex) и закрытая: Колпинский, Бритова 1982, фиг. 162а.

²⁹ Birt 1907, 43, тип Ib, ср. примеры: Birt 1907, 44, Abb. 20–22, 24.

³⁰ Ср. символические сцены под тондо с портретными бюстами умерших (*imago clipeata*) на саркофагах III–IV вв.; часто изображенные держат в руке некий свиток, *rotulus* (ср. Stroszeck 1998, 132–133, Kat. 209, etc., Taf. 35, 1), у детей это *shedula* (?) (Stroszeck 1998, 131, Kat. 196, Taf. 25, 1). Горгонеион встречается в пантикапейских склепах, но не в люнетах: в центре плафона второй комнаты склепа 1873 г. (Ростовцев 1913–1914, табл. XLV, 2); в склепе 1902 г. на входной плите (Ростовцев 1913–1914, табл. LXXI, 1).

Рис. 5. «Загробный пир» из склепа Сорака в Керчи. 2 в. Фото (Ростовцев 1913-1914. табл. LXV, 4)

с напитком³¹; но часто присутствуют и Дочери. Мать практически всегда сидит у ног Отца, *справа* от него — с точки зрения гробницы³². В анапском случае, при сохранении общего типа, женщина показана в *левой*, а мужчина с мальчиком в *правой* части сцены, что характерно для традиционного мифоритуала. Традиционен и общий состав «семьи»: Мать и Сын/Супруг (иконографически: Мать, Супруг и Сын).

Несомненно, эта семья — целиком условный символ, выработанный «матриархальной» линией. Несмотря на формальную значимость помещенного в центре Πα, Μη выглядит более весомо, величаво: она сидит на троне, а не на широкой, напоминающей ложе «загробных трапез» скамье; ее ноги опираются на франион; ее голова, облеченная, как нимбом, широким покрывалом, поставлена выше, как и самая надпись: Μη. Ритуал перехода совершают мужчины: Отец и Сын показаны в *поворотах*³³, тогда как Мать сохраняет неподвижность. Иконография стоит в ряду классических греко-римских представлений о жизни человеческого рода, в то время как на Боспоре уже давно

³¹ Ср., например, склеп Анфестерия, где мальчик подает сосуд всаднику, скачущему к сидящей на троне женщине (Ростовцев 1913–1914, табл. LI, 6); похожий вариант в склепе Ашика на задней стене второй комнаты (Ростовцев 1913–1914, табл. XCI, 2) и в «Стасовском» склепе 1875 г. (Ростовцев 1913–1914, табл. LXXIII, 4), где есть и традиционная «трапеза»: мальчик стоит *слева* от возлежащего мужчины, за изголовьем, тоже с кувшином и чашей для питья (Ростовцев 1913–1914, табл. LXXV, 4). Последняя схема дважды повторяется в склепе Ашика — в нише-лежанке (Ростовцев 1913–1914, табл. LXXXVIII, 2) и на задней стене первой комнаты (Ростовцев 1913–1914, табл. LXXXIX, 2); ср. также эпизод на керченском саркофаге 1900 г. (Ростовцев 1913–1914, табл. XCIV, 1). В склепе Сорака мальчик, многократно превышающий размером мужчину, изображен в схеме, подобной анапской, и несет в руках бутылку и стакан (Ростовцев 1913–1914, табл. LXV, 4) (рис. 5). Представляется, что подношение мальчиком питья всаднику, к которому он выходит как бы навстречу, есть модификация традиционного варианта «загробной трапезы», где Сын подает питье умершему Отцу, тем более что всадник обособляется в самостоятельную фигуру из сцены типа изображенной в склепе Анфестерия, где его путь завершается у сидящей на троне женской фигуры. Происходит контаминация двух типов: «трапезы» и «фракийского всадника». Сын как важная фигура нового *спасителя* (вместо бывшей Матери) присутствует в обоих. Спасительство заключено и в подношении ритуальных вещей: древнее *винопитие* (= наполнение мертвой души новой кровью) в анапской росписи заменяется единственным в своем роде на Боспоре, новым и социально более значимым *писанием* на табличках текста, несущего в себе смысл *духовного преодоления смерти* новой жизнью.

³² Слева — только в склепе-полугроте Сорака (см. прим. 18), отличающемся, по словам М.И. Ростовцева, особой грубостью и архаизмом (Ростовцев 1913–1914, 251 и др.).

³³ Об этом косвенно говорит и декор архивольта ниши на стороне *мужчин* (что обозначено диском с нечетным, «мужским» числом лучей: 13), где изображен орнамент «бегущий пес», тогда как на «*женской*» стороне (отмечена диском с четным, «женским» числом лучей: 10) лучи неподвижны. Следует отметить, что декоративная система росписи анапского склепа принадлежит к самым сложным и многозначительным из всех, известных на Боспоре.

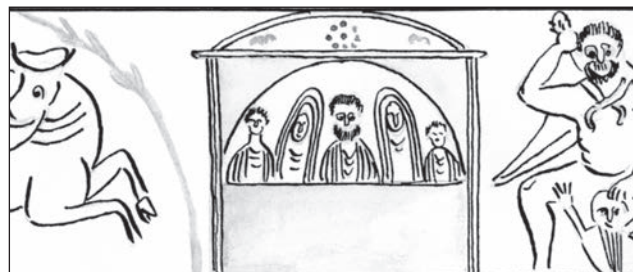

Рис. 6. «Семейная сцена» Склепа Геракла в Анапе (правая боковая стена). Копия Е.М. Алексеевой

внедрялись новые идеи³⁴. Такой обновленный вариант, в частности, показан в другой «семейной сцене» анапского склепа (рис. 6), с Прародителем в центре, дающим жизнь равно женщинам и мужчинам; их двойные фигуры помещены по сторонам. Однако анализ этой второй группы выходит за рамки работы.

На основании сказанного можно констатировать, что заказчик анапского Склепа Геракла был выдающейся в своем социуме фигурой; он опирался в большой мере на идеалы Рима и пытался приспособить погребальную иконографию Боспора к столичным образцам. Помимо не рассматривавшихся здесь Подвигов Геракла, связанных в Греции и в Риме с виднейшими правителями вроде Александра Македонского³⁵, анапская «семейная сцена», заимствуя идею и образ брачных договоров, уравнивает заказчика гробницы с римскими сенаторами, для которых в основном и создавались «саркофаги свадеб»³⁶. Это был выходец из местной элиты, наделенный высшими должностными полномочиями, — возможно, правитель древней Горгиппии.

Литература

- Акимова Л.И. 1991: Трансформация греческих мифов в позднеантичном искусстве (цикл «Подвиги Геракла») // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. 9. М., 9–38.
- Акимова Л.И. 1999: «Встреча взглядов» на аттических надгробиях. К интерпретации Таманской стелы с воинами // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья / Е.А. Савостина, Э. Зимон (ред.). М., 177–204.
- Акимова Л.И. 2014: Искусство Кипра и его проблематика // Акимова Л.И., Калиничев Д.А., Самар О.Ю., Смоленкова В.В. Искусство древнего Кипра в собрании ГМИИ имени А.С. Пушкина. М., 47–62.
- Алексеева Е.М. 1976а: Сокровища анапской земли // Наука и жизнь. 1. 120.
- Алексеева Е.М. 1976б: Геракл, победивший время // Знание — сила. 7. 31–32.
- Алексеева Е.М. 1976в: Находка в Анапе // Природа. 3. 30–35.
- Алексеева Е.М. 1976г: Геракл из Горгиппии // Вокруг света. 2. 70–73.
- Дернбург Р. 1911: Пандекты. Семейное и наследственное право. СПб.
- Колпинский Ю.Д., Бритова Н.Н. 1982: Искусство этрусков и Древнего Рима (Памятники мирового искусства). М.
- Контев А.В.: Брак Гая Силия и Валерии Мессалины в изложении Корнелия Тацита // <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261575781>.

³⁴ К ним, несомненно, нужно отнести широкое внедрение фигуры Дочери, всегда находящейся при Матери, ср.: две девочки по сторонам сидящей женщины в склепе Анфестерия (Ростовцев 1913–1914, табл. LI, 6); девочка при сидящей женщине в сцене «загробной трапезы» на правой от входа стене в склепе 1875 г. (Ростовцев 1913–1914, табл. LXXV, 4); девочки в таких же сценах в склепе Ашика, на задней стене первой комнаты (Ростовцев 1913–1914, табл. LXXXIX, 2) и в нише-лежанке, где у ног возлежащего показана сидящая женщина в окружении двух девочек (Ростовцев 1913–1914, табл. LXXXVIII, 2). Наиболее парадоксальный пример дает «загробная трапеза» с участием одной только Матери на керченском саркофаге 1900 г.: ее «возрождает» Дочь (Ростовцев 1913–1914, табл. CXIV, 2).

³⁵ См.: Акимова 1991, 14, 16, прим. 30.

³⁶ См.: Reinsberg 2009. О возможности учреждения приличных размеров dos главным образом семьями сенаторов или, в крайнем случае, эквитов: Schol. Iuv. X. 335; Martial. II. 65; XI. 23; Sen. Ad Helv. 12; Leonhard 1905, 1583.

- Липинская Я., Марциняк М. 1983: Мифология Древнего Египта (перев. с польского Э.Я. Гессен). М.
- Мавлеев Е.В. 1976: «Книга жизни» у этрусков. (К интерпретации образов «пишущих демонов» на этруских памятниках) // ТГЭ. 17. СПб., 87–97.
- Покровский И.А. 2000: История римского права. М.
- Ростовцев М.И. 1913–1914: Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Толстикова О.М. 2001: Дотальные соглашения и *donatio propter nuptias* в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2001. 3.
- Birt Th. 1907: Die Buchrolle in der Kunst. Archäologisch-antiquarische Untersuchung zum antiken Buchwesen. Leipzig.
- Daremberg Ch.-V., Saglio E. (ed.) 1905: *Stilus* // Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines. Vol. IV, 2. P.
- Dixon S. 1992: The Roman Family. (Ancient Society and History). Baltimore.
- Drachmann A.G. 1938: Pflug // RE 38. Sp. 1461–1472.
- Dütschke H. 1880: Die antiken Marmorbildwerke in Oberitalien. Bd. IV. Antike Bildwerke in Turin, Brescia, Verona und Mantua. Leipzig.
- Gaerte W. 1929: *Stilus* // RE III. Sp. 2533.
- Gardner J.G. 1991: Women in Roman Law and Society. Bloomington — Indianapolis, 1991.
- Kübler B. 1932: Tabulae nuptiales // RE IV. 2-te Reihe. Sp. 1949–1955.
- Leonhard R. 1905: Dos // RE V. Sp. 1580–1595.
- McCann A.M. 1978: Roman Sarcophagi in the Metropolitan Museum of Art. N. Y.
- Mitteis L. 1901: Neue Rechtsurkunden aus Oxurhynchos // Archiv für Papyrusforschung I, 1901. 178–199.
- Reinsberg C. (Hrsg.) 2009: Die Sarkophage mit Darstellungen aus dem Menschenleben. Vita Romana. (Die antiken Sarkophagreliefs. Bd. I. Teil 3). B.
- Rosbach A. 1871: Römische Hochzeits- und Ehedenkmäler. Leipzig.
- Sachers E. 1932: Tabula // RE. Bd. IV. 2-te Reihe. Sp. 1881–1886.
- Spät Th., Wagner-Hasel B. 2000: Frauenwelte der Antike. Geschlechterordnung und weibliche Lebenspraxis. Stuttgart.
- Stroszeck J. 1998: Löwen Sarkophage: Sarkophage mit Löwenköpfen, schreitenden Löwen und Löwen-Kampfgruppen (Die antiken Sarkophagreliefs. Bd. VI. Teil 1. B.

MARRIAGE CONTRACT IN THE ‘FAMILY SCENE’ FROM THE TOMB OF HERAKLES IN ANAPA

L.I. Akimova

This article analyses one of the two ‘family scenes’ from the so-called Tomb of Herakles excavated in 1975 in Anapa (ancient Gorgippia). In addition to these two scenes, the tomb contains depictions of the Twelve Labors of Herakles, hence the name of the tomb.

The ‘family scene’ in question is located right across from the entrance to the tomb. It depicts a man and a woman (Father and Mother) seated on individual seats. The man is holding a scroll. Next to him stands a boy (Son) holding the writing implements, a tablet and a stylus. It is emphasized that this arrangement mimics a model of a family often represented, for example, on the Roman ‘marriage sarcophagi’ of the 2nd–3rd centuries AD. This ‘official’ iconographic aspect of the tomb scene is interpreted as indicative of the high social status of the tomb’s occupant, who could have even been a ruler of the ancient Gorgippia, on par with the Roman senators, the intended recipients of the ‘marriage sarcophagi’.

ОБ ОДНОМ ИЗ АСПЕКТОВ СЕМАНТИКИ ОБРАЗА ЗАЙЦА В ГРЕКО-СКИФСКОЙ ТОРЕВТИКЕ

Есть в скифской истории один эпизод, который был описан еще в V в. до н.э. Геродотом. Вот его содержание: «... Скифы, пешие и конные, выстроились против персов для боя; когда они уже стояли в боевом порядке, вдруг между ними проскочил заяц; скифы, чуть заметили его, бросились за ним вдогонку. Дарий..., узнав, что они гонятся за зайцем, сказал: “Эти люди относятся к нам с большим пренебрежением...и поэтому следует хорошенько обсудить, как нам обеспечить себе возвращение”» (Herod. IV. 134). Таким образом, скифы выиграли решающее сражение с персами, даже не вступив в него.

В наше время с этим фактом стали связывать появление зайца на произведениях греко-скифской торевтики. Первым, кто предположил, что изображения всадников, поражающих зайцев, на пластинах из Александропольского и Куль-Обского курганов прямо связаны с приведенным выше рассказом Геродота, был Б.Н. Граков (см. далее). Этот эпизод позднее был многократно интерпретирован разными авторами. Прежде чем рассматривать их аргументацию, отметим, что информацию о событиях скифо-персидской войны Геродот получил от скифов в период своего пребывания в Ольвии, которую он посетил во время своих путешествий между 455 до 445 гг. до н.э.¹ От событий скифо-персидской войны его путешествие отстояло на целых 50–60 лет², и, следовательно, эта информация уже, несомненно, принадлежала скифской легендарной традиции. Но в какой мере ее можно связывать с появлением изображений зайца на произведениях греко-скифской торевтики?

Прежде чем начинать дискуссию по этому вопросу, отметим, что культура скифов в полном смысле этого слова складывается только к началу VI в. до н.э., т. е. после их походов в Переднюю Азию. Неотъемлемой частью ее является и звериный стиль. Наиболее ранние вещи, выполненные в определенном соответствии со скифским звериным стилем, найдены в Северном Причерноморье в погребениях курганов у Темир-горы и на Цукурском лимане, датирующихся рубежом VII–VI вв. до н.э.³ Среди этих вещей, выполненных, кстати, без всяких следов переднеазиатской изобразительной традиции⁴, найдена расписная родосско-ионийская ойнохоя, на которой есть и изображения зайцев (рис. 1).

Но это все же явление античной культуры, и оно вполне может расцениваться как один из элементов рассмотренного Е.А. Савостиной «языка зверей» в архаической вазописи Греции⁵. Изображения зайцев на собственно скифских изделиях торевтики того времени отсутствуют. Позднее они, хотя и не столь часто, как другие представители животного мира — прежде всего хищники, появляются и на территории собственно скифов в Прикубанье, Приднепровье и в Подонье. Число их невелико, но все же они не редкость⁶, что, по справедливому мнению Д.С. Раевского, явно свидетельствует об их семантической нагрузке⁷.

¹ Борухович 1972, 466.

² Черненко 1984, 11.

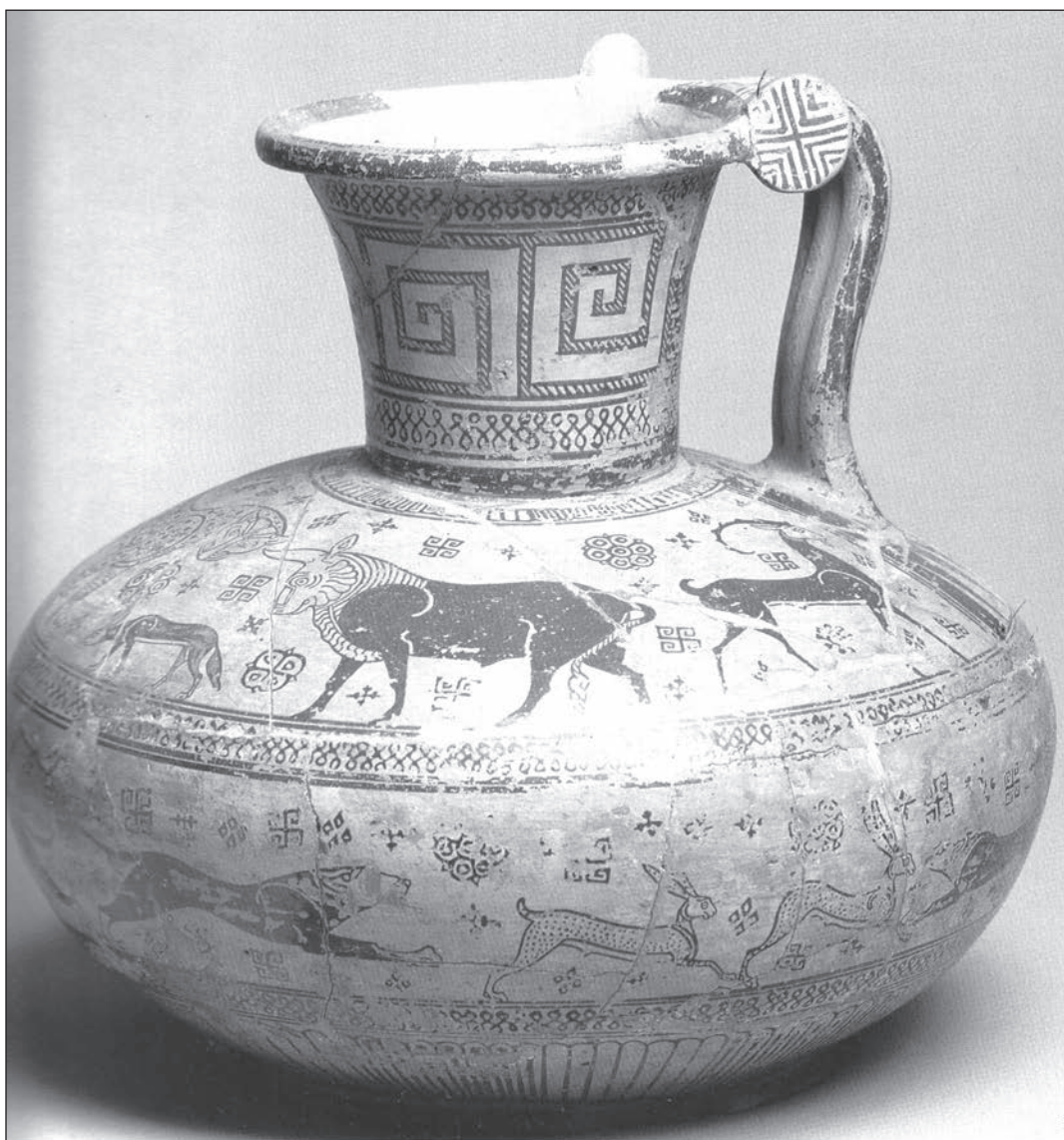
³ Черников 1965, 112; Яковенко 1972, 264–265.

⁴ Переводчикова 1994, 83.

⁵ Савостина 1996, 31–33.

⁶ Шкурко 1975, 17, табл. 1.

⁷ Раевский 1985, 60.

1

2

Рис. 1. Ойнохоя из Темир-горы (1) и изображения зайцев на ней (2)

Их включали в «серию памятников, так или иначе связанных с изображениями бытовых сцен из жизни скифов»⁸, или связывали с тем, что охота была «любимым спортом скифов»⁹. А вот Б.Н. Граков предположил, что изображения всадников, поражающих зайцев, на пластинах из Александропольского и Куль-Обского курганов прямо связаны с приведенным выше рассказом Геродота. Особенно яркой иллюстрацией вероятности этой идеи выглядит одна из золотых бляшек из кургана Куль-Оба IV в. до н.э., выполненная с отменным мастерством греческим торевтом (рис. 2). Она действительно является прекрасной иллюстрацией сцены погони скифского воина за зайцем. При этом Б.Н. Граков считал изображение из Куль-Обы греческой работой, а пластину из Александропольского кургана — продуктом местного производства, из чего делал вывод, что эпизод с зайцем, вероятно, имеет туземное происхождение¹⁰. Однако эти соображения сразу вызывают целый ряд вопросов. Во-первых, бляшка из Куль-Обы древнее, чем Александропольская (соответственно IV и III вв. до н.э.). Во-вторых, на ряде бляшек из Причерноморской Скифии присутствуют и другие темы с изображением зайца (например, преследование зайца собакой на костяной пластинке из того же кургана Куль-Оба). И, наконец, аналогичные изображения охоты на зайцев есть на предметах из очень удаленного от Причерноморской Скифии Аму-Дарьинского клада¹¹. Все это заставило последующих исследователей с осторожностью отнестись к версии Б.Н. Гракова, хотя и не исключать ее возможности.

Рис. 2. Сцена охоты скифа на зайца

Другая точка зрения на реконструкцию этого эпизода принадлежит Е.В. Черненко. Он считал, что скифы в данном случае «всего лишь демонстрировали свою готовность к бою и уклонились от него в решающий момент под смехотворным предлогом»¹², а потому связывать с этим событием изображения зайцев на произведениях торевтики вряд ли продуктивно.

Зато Д.С. Раевский, исходя из анализа сакральных представлений скифов, ничуть не сомневался в этом. Он отмечает, что заяц, бывший у древних народов символом плодovitости, трактовался в скифском обществе как эквивалент могущества, успеха, благополучия и богатства, а сцены охоты на него воплощали акт жертвоприношения, обеспечивающий все эти блага. Поэтому встреченный заяц, являясь хорошей приметой, непременно должен быть пойман. Упустить зайца значило потерять свою славу. Если это так, то поведение скифов перед вышеупомянутым сражением выглядит вполне логичным¹³. Но — именно «если»! Как справедливо заметил по этому поводу В.Ю. Михайлин, «в таком случае скифы, пожалуй, только и делали бы в своих степях, что гонялись за зайцами»¹⁴.

Мне кажется, что для решения нашего вопроса важно установить два факта: время появления изображений зайца в скифской торевтике и место его в скифском бестиарии. Начнем с того, что образ зайца встречается в памятниках ближневосточной и греческой торевтики, где зооморфное начало имеет ярко выраженный космогонический смысл, отражающий представления народов об устройстве мира и их отношении к жизни и смерти, уже в VII–VI вв. до н.э. Наиболее ранней же находкой в *греко-скифской* торевтике с изображением зайца являются вещи из кургана Куль-Оба под Керчью. Сам курган датируется серединой — второй половиной IV в. до н.э.¹⁵ Погребения в нем демонстрируют сочетание наборов признаков, присущих как скифской, так и греческой культурам.

При этом некоторые вещи могут быть и более раннего происхождения, чем дата кургана в целом. Показательна в этом отношении большая золотая бляха, изображающая оленя в традиционной для скифской торевтики позе (ноги подогнуты, голова вытянута вперед, рога — вдоль туловища). Эта массивная бляха (вес ее 266 г), представляет собой стилизованную фигуру лежащего с подогну-

⁸ Передольская 1945, 80.

⁹ Rostovtzeff 1922, 108.

¹⁰ Граков 1971, 81.

¹¹ Зеймаль 1979, 44–46.

¹² Черненко 1982, 29.

¹³ Раевский 1985, 62–63.

¹⁴ Михайлин 2005, 56.

¹⁵ Алексеев 2003, 229, 262, 277; Канторович 1996, 56.

Рис. 3. Золотой олень из кургана Куль-Оба (1) и заяц на нем (2)

тыми ногами оленя (рис. 3). Длина фигурки — 31,5 см. На его туловище помещены рельефные изображения льва, сидящего грифона и прыгающего зайца (рис. 3, 2). Под шеей оленя — лежащая собака; один из его ветвистых рогов заканчивается головой барана. Вместо хвоста — птичья голова. Бляха эта служила, скорее всего, нащитным или нагрудным украшением-апоטרпеем¹⁶.

Отметим, что в свое время В.Д. Блаватский в исследованиях по скифо-греческому искусству выделил особую группу произведений торевтики IV в. до н.э., которые, по его мнению, подражают изделиям VII–VI вв. до н.э. Среди этих изделий упомянут и наш куль-обский олень, который, по мнению исследователя, отличается от собственно скифских изображений наличием на нем фигурок зверьков, «которые явно выпадают по стилю, значительно более реалистическому, из художественного целого этой фигуры оленя»¹⁷.

Наиболее подробный анализ художественных особенностей нашего оленя был предложен М.И. Артамоновым. Он, как и В.Д. Блаватский, считал его работой греческого мастера, который пытался скопировать скифский оригинал и «внес в него поправки, обусловленные его собственным художественным мировоззрением». Одной из таких поправок стало наличие дополнительных фигурок, выполненных «совершенно в духе греческого реалистического искусства»¹⁸. При этом на основании общих представлений о динамике развития скифского искусства он верно подметил, что куль-обский олень соответствует художественным традициям не IV в. до н.э., а более древним, объяснив это намеренным стремлением и заказчика, и торевта архаизировать изображение¹⁹. Эта оценка куль-обского оленя М.И. Артамоновым стала основополагающей и общепринятой для большинства последующих исследований. Однако в ходе дальнейших исследований появились и некоторые новые оценки.

Так, в статье Е.Ф. Корольковой (Чежиной) и А.Ю. Алексеева, специально посвященной исследованию нашего оленя, авторы, соглашаясь с выводами М.И. Артамонова об изготовлении его греческим мастером, отмечают, что «для IV в. до н.э. мотив оленя в позе с подогнутыми ногами не

¹⁶ Королькова (Чежина), Алексеев 1994, 108.

¹⁷ Блаватский 1985, 85.

¹⁸ Артамонов 1968, 13.

¹⁹ Артамонов 1968, 16.

характерен для Европейской Скифии и встречается редко», и что «стилистически куль-обский олень вписывается в круг памятников VI–V вв. до н.э.»²⁰. Характеризуя изображение зайца, авторы приходят к выводу, что «фигура зайца представлена весьма распространенным иконографическим типом, также сформировавшимся в архаический период и бытовавшим в античном искусстве на протяжении нескольких столетий вплоть до римской эпохи»²¹.

Таким образом, авторы фиксируют принадлежность изображения все же античному искусству и отмечают, что хронологический разрыв между изготовлением бляхи-оленья и ее захоронением мог достигать почти половины столетия. Для нас это важно тем, что она могла быть изготовлена в то время, когда еще были живы участники скифо-персидской войны. И тогда, может быть, не так уж неправ Б.Н. Граков, предполагавший появление изображения зайца в греко-скифской торевтике под влиянием реального факта, описанного Геродотом.

Обратим внимание, однако, на то, что за время от изготовления до помещения в могилу бляха могла активно использоваться, о чём, в частности, свидетельствует надпись из трёх букв, процарапанных на шее оленя — ПАΙ. Скорее всего, здесь представлено сокращение эпиклеса παίων — пеан, гимн в честь Аполлона. Но не исключено и осмысление, относящееся к собственно оленю, со значением «избавитель», «спаситель»²². Характер написания букв надписи, кстати, также свидетельствует о ее нанесении еще в первой половине V в. до н.э.²³

С версией о том, что куль-обский олень является греческим подражанием скифскому звериному стилю, согласна и Е.В. Переводчикова. При этом о нашем зайце она пишет следующее: «Неграмотным подражанием зооморфным превращениям выглядит фигурка зайца на животе оленя, чего в зверином стиле никогда не было»²⁴. Тем не менее, это, по ее мнению вполне устраивало заказчиков-скифов, т. к. все же передавало важное для них содержание»²⁵. Но какое именно?

Е.Е. Кузьмина сопоставила сюжет охоты на зайца у скифов с сюжетом из осетинской версии нартского эпоса о нарте Хамыце, преследующим белого зайца, который оказался дочерью божества и властителя водного царства²⁶, и на этом основании связала его со скифской версией происхождения их народа от дочери реки Борисфена, рассказанной Геродотом. Правда, сам Геродот, рассказав эту легенду отметил: «Я этому конечно не верю, несмотря на их утверждения» (Herod. IV. 5). Тем не менее, эту идею поддержали Д.С. Раевский²⁷ и Ю.Б. Полидович²⁸. Общий вывод, который следует отсюда: символика зайца находилась в связи с кругом женских божеств плодородия.

Связь изображений зайца с семантикой плодородия отмечали также Ю.Б. Полидович и Г.Н. Вольная. Это наглядно иллюстрирует, по их мнению, тот факт, что «большинство отдельных изображений зайца, т. е. вне сюжетных сцен, найдено в женских погребениях... а изображение зайца на куль-обском олене помещено на чреве оленя»²⁹. На последний факт, кстати, в свое время обратил внимание и Д.С. Раевский³⁰.

Другой вариант ответа на этот вопрос предлагает В.П. Яйленко. Он, во-первых, считает, что погребение в кургане Куль-Оба принадлежит не скифскому царю, как предполагали все его предшественники, а боспорскому царю Эвмелу³¹. Правда, мотивация такой датировки строится лишь на датировке наиболее поздней находки из кургана — граффити Ἡρίεω на килике и возрасте умершего царя 30–40 лет³², что не дает полной уверенности в правильности этого определения.

Во-вторых, по его мнению, скифское искусство «отнюдь не натуралистично, напротив, по духу своему оно насквозь мифологично», и потому рассматриваемая нами бляшка — это «мифологиче-

²⁰ Королькова (Чежина), Алексеев 1994, 103–104.

²¹ Блаватский 1985, 107. Ср. с аналогичным выводом Е.А. Савостиной по изображениям на вазописи: Савостина 1996, 33.

²² Королькова (Чежина), Алексеев 1994, 108.

²³ Яйленко 2013, 294.

²⁴ Переводчикова 1994, 145.

²⁵ Переводчикова 1994, 146.

²⁶ Кузьмина 1977, 20–21.

²⁷ Раевский 1985, 62.

²⁸ Полидович 2007, 96.

²⁹ Полидович, Вольная 2005, 424.

³⁰ Раевский 1985, 126.

³¹ Яйленко 2013, 294–295.

³² Рохлин 1965, 248.

ский олень...с набором символов, образующих понятийный сакральный текст в формах, присущих мифологическому сознанию скифов»³³. Далее автор, вслед за Ю.Б. Полидовичем, считает, что в изображенных на олене животных «просматривается сквозная семантика жизни и смерти». При этом заяц, как животное, посвященное Афродите³⁴, является символом плодородия, а то, что его бег направлен в сторону грифона — символа смерти, подчеркивает его жертвенность.

Соглашаясь с Е.Ф. Корольковой и А.Ю. Алексеевым в том, что пластина с оленем является апотропеем, автор отмечает индивидуальность этого изделия и, следовательно, отражение в нем религиозно-мифологических воззрений заказчика. Вся проблема только в том — кто заказчик! По мнению В.П. Яйленко — это царь Боспора из династии Спартокидов, имевшей иранское происхождение, как и скифы. Но все, что мы знаем о Спартокидах, в гораздо большей степени свидетельствует об их фракийском происхождении и сильной эллинизации. И потому версия прочтения семантики изображения зайца на нашем олене, на мой взгляд, все же в большей мере связана с античным, нежели скифским миром.

Таким образом, в изображениях зайца в античной торевтике лучше всего просматривается семантическая связь между различными зооморфными образами не чисто скифской, а скифо-античной мифологической модели мира. Образ зайца в ней занимает свое определенное место, имеет сакральную значимость и играет важную роль. В скифской традиции он мог стать особенно популярным не только под влиянием царского генеалогического мифа, возводящего род скифских царей к дочери Борисфена, но и конкретного факта победы скифов над персами, в которой, хотел он этого или не хотел, но определенную роль сыграл и обычный заяц, возбудивший охотничий инстинкт скифов.

В заключение отметим, что семантика образов в скифском искусстве может быть весьма неоднозначна в разные эпохи его существования. Как отметила в свое время В.А. Ильинская, «каждому из основных этапов развития скифской культуры свойствен свой особый аспект художественного стиля. С течением времени происходит исчезновение одних и появление других художественных образов. Один и тот же мотив может воплощать в себе различные качества и свойства, и наоборот, одна и та же художественная схема может заключать в себе различные художественные образы...»³⁵. Это в полной мере относится и к семантике образа зайца в греко-скифской торевтике.

Литература

- Алексеев А.Ю. 2003: Хронография европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб.
- Артамонов М.И. 1968: Куль-Обский олень // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич (ред.). Л., 9–16.
- Блаватский В.Д. 1985: Об искусстве Боспора // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., С. 75–94.
- Борухович В.Г. 1972: Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История. Пер. Г.А. Стратановского. Л., 457–499.
- Граков Б.Н. 1971: Скифы. М.
- Зеймаль Е.В. 1979: Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.
- Ильинская В.А. 1965: Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1, 86–107.
- Канторович А.Р. 1996: Летящие и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах / Р.М. Мунчаев (ред.). 2. Армавир — Москва, 46–59.
- Королькова (Чежина) Е.Ф., Алексеев А.Ю. 1994: Олень из кургана Куль-Оба // Памятники древнего и средневекового искусства. Сб. статей в память проф. В.И. Равдоникаса. Проблемы археологии. 3. СПб., 102–109.
- Кузьмина Е.Е. 1977: Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Аму-Дарьинского клада // Искусство Востока и античности. М., 16–25.

³³ Яйленко 2013, 298.

³⁴ Тигрица и грифон 2002, 105 и сл.

³⁵ Ильинская 1965, 86–87.

- Михайлин В.Ю. 2005: Тропа звериных слов. Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.
- Переводчикова Е.В. 1994: Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.
- Передольская А.А. 1945: Слоновая кость из кургана Куль-Оба // Труды отдела античного мира Государственного Эрмитажа. 1. Л., 69–84.
- Полидович Ю.Б. 2007: Боспорские терракотовые статуэтки со сценой охоты на зайца // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок / В.Ю. Зуев (ред.). 1. СПб., 93–99.
- Полидович Ю.Б., Вольная Г.Н. 2005: Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / В.И. Гуляев (ред.). М. 415–436.
- Раевский Д.С. 1985: Модель мира скифской культуры. М.
- Рохлин Д.Г. 1965: Болезни древних людей. М. — Л.
- Савостина Е.А. 1996: «Язык зверей» в архаической вазописи Греции // Животные и растения в мифоритуальных системах. СПб., 31–33.
- Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира 2002: / Пер. и исслед. А.Г. Юрченко. СПб.
- Черненко Е.В. 1982: Поход Дария в Скифию // Древности степной Скифии / А.И. Тереножкин (ред.). Киев. 3–38.
- Черненко Е.В. 1984: Скифо-персидская война. Киев.
- Черников С.С. 1965: Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.
- Шкурко А.И. 1975: Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии. Автореферат канд. дис. М.
- Яйленко В.П. 2013: Олень из кургана Куль-Оба: семантика изображений и надписи на нем // Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н.э. М., 291–308.
- Яковенко Э.В. 1972: Курган на Темир-горе // СА. 3, 259–267.
- Rostovtzeff M.I. 1922: *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

ONE ASPECT OF MEANING OF AN IMAGE OF HARE IN GRAECO-SCYTHIAN TOREUTICS

E.A. Molev

This article examines the process of establishment and development of ideas about the meaning of an image of hare in the Graeco-Scythian metalwork. It is concluded that the meaning of this iconographic type went back to the ancient mythological tradition, in which a hare was considered a personification of life.

МУЖСКОЙ ТОРС ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЛАЙД БРАУНА В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА (МЕТАМОРФОЗЫ МУЗЕЙНОГО ЭКСПОНАТА)

26 апреля 1988 г., проходя по залам античного отдела, я стала свидетелем одной до сих пор неизгладившейся из моей памяти сцены: два молодых иностранца рассматривали скульптуру в зале Афины, там, где выставлены римские копии с греческих оригиналов V в. до н.э. Особое внимание у них вызвал мужской торс, стоящий в углу зала. Желая подойти к нему поближе, один из студентов случайно задел плечом краснофигурный стамнос работы мастера Клеофона со сценой прощания воина. Тогда несколько ваз в зале стояли не в витринах, а на постаментах, поэтому роскошный сосуд 440–435 гг. до н.э. оказался на полу. Правда, склеенный в свое время из многочисленных фрагментов (ваза поступила в Эрмитаж в 1854 г. из собрания Лаваль), он на них же практически и распался еще во время падения, так что новых сколов почти не образовалось. После тщательной реставрации стамнос вновь украсил экспозицию Эрмитажа. Однако речь далее пойдет не о нем, а о том памятнике, который вызвал такой интерес у посетителей и стал причиной этого происшествия.

Действительно, в дальнем углу 112 зала Нового Эрмитажа скромно стоит чрезвычайно интересный мраморный торс¹, размеры и объемы которого вызывают в памяти лучшие творения греческих скульпторов классического времени. Его высота от шеи до низа живота 72 см, поэтому можно предположить, что вся фигура с головой могла быть около 2 м, однако голова отбита, так же как руки от плеч и нижняя часть тела. Вероятнее всего, герой был изображен сидящим, поэтому высота изваяния вряд ли превышала 1,5 м². Несмотря на то, что скульптура относится к римскому времени, как считала И.И. Саверкина, эпохе Флавиев³, имеет гладкую частично отполированную поверхность, свидетельствующую о позднейшем вторжении в сохранность произведения, она, тем не менее, демонстрирует такие качества работы, которые были присущи скорее греческим мастерам, нежели римским копиистам. В частности, следует отметить особое внимание к анатомически правильному строению тела, обеспечивающему четкое выявление мускулатуры, подчеркнуто упругих объемов мышц груди и спины, плечевого пояса и т. д. Совсем недавно мы имели возможность созерцать в залах Эрмитажа на временной выставке «Шедевр из Британского музея» фигуру Илеса с западного фронтона Парфенона, предоставленную коллегами в качестве юбилейного подарка Эрмитажу к его 250-летию. Это — величайшее творение Фидия, пример удивительной верности природе, невероятного восхищения красотой и совершенством человеческого тела, виртуозного владения искусством изваяния, то есть всего того, что отличает греческую скульптуру эпохи расцвета. Эрмитажный памятник, конечно, не такого качества и уровня исполнения, но все же и он достоин того, чтобы зрители не обходили его своим вниманием.

¹ Государственный Эрмитаж, инв. № ГР 1701 (А 24). Кизерицкий 1896, 23, № 11; Вальдгауер 1923, 50, № 21; Вальдгауер 1920, 11; Waldhauer 1928, Bd. I, 18, Nr. 6, Taf. V. Торс выполнен из мелкозернистого белого мрамора с серыми прожилками. Поверхность несет следы шлифовки и полировки камня. Отбита голова. Скол на шее неровный с глубоким вырубленным отверстием для пилона. Сзади по шее вырублен глубокий прямоугольный паз с углублением в нижней части для скобы, державшей голову. Сохранился фрагмент металлической скобы со следами коррозии. Мраморные дополнения имеются в нижней части живота и левого бедра, на левом плече круглая вставка. Часть торса с боков и в нижней части спины догипсована.

² Так, высота фигуры Тезея с восточного фронтона Парфенона равна 1,3 м: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Dionysos_pediment_Parthenon_BM.jpg?uselang=ru.

³ Саверкина 1986, 64, № 19.

Присутствие подобного произведения в экспозиции музея — прекрасная и редкая возможность приблизиться к пониманию античной пластики через лучшие творения римских скульпторов, и такой возможностью мы обязаны собирательской деятельности Екатерины II.

В 1783–1784 гг. основательница Эрмитажа, продолжая традицию Петра I по украшению молодой столицы Российского государства произведениями античных и западноевропейских мастеров, купила у британского коллекционера Джона Лайд Брауна коллекцию скульптуры⁴. Ею было приобретено более 250 предметов, в том числе почти 200 античных статуй, портретов, ваз, декоративных изделий. Несомненно, это был важный шаг в формировании интереса русского зрителя к классическому наследию. Привезенные из Англии «антики» нашли свое место в загородной резиденции императрицы — Царском Селе, в его парковых павильонах: Гроте или Утренней зале, Кухне-руине, Концертном зале и других.

Джон Лайд Браун, владелец коллекции, приобретенной Екатериной II (год его рождения не указывается биографами, хотя известен день кончины — 10 сентября 1787 г.⁵), занимал с 1768 г. должность Директора банка Англии. Интерес к собирательству античных мраморов возник у него, вероятно, еще в середине столетия, т. к. уже в 1752 г. он стал членом Общества антиквариев, а затем, правда, лишь в 1780 г., и членом Общества дилетантов. В 1753 г. Дж. Лайд Браун познакомился в Риме с Томасом Дженкинсом, художником и успешным дилером, с помощью которого были составлены многие известные английские коллекции «антиков», например, Сэра Чарльза Таунли⁶ чье собрание ныне является частью Британского музея. Возможно, благодаря именно Лайд Брауну Т. Дженкинс в 1757 г. также стал членом Общества антиквариев, для которого периодически посылал в Лондон свои рисунки с найденных в Риме или его окрестностях античных скульптур.

Семнадцать рисунков, выполненных Т. Дженкинсом и опубликованных в 1965 г. С. Роландом Пайерсом в статье «Томас Дженкинс в Риме»⁷, проливают свет на происхождение и вид некоторых памятников, купленных в Италии Лайд Брауном. На рисунке № VI запечатлен «Бюст Геркулеса», в котором легко узнается интересующий нас торс, соединенный с головой известного мифологического героя. По левому краю рисунка рукою секретаря Общества приписано: *«Куплен в 1766 г. господином Дженкинсом во дворце Барберини для Лайд Брауна. Дж. Спенс в своем «Эрудите» высказывает мнение, что, судя по голове, это страдающий Геракл, и с уверенностью говорит о высочайшем греческом вкусе»*⁸. Уже О.Я. Неверовым было отмечено, что, согласно инвентарю собрания Барберини, составленному в 1738 г., оба фрагмента, т. е. голова и торс, были записаны отдельно; следовательно, в тот момент это не был еще единый памятник⁹. Труд Дж. Спенса, выпущенный в свет в 1747 г., в котором персонаж впервые характеризуется как «страдающий Геракл», позволяет предположить, что их объединение могло произойти между 1738 и 1747 гг. во время пребывания в палаццо Барберини, тем более что издание Спенса проиллюстрировано и гравюрой с изображением головы Геракла, выполненной Л. Буатаром¹⁰. На ней голова героя воспроизведена с частью шеи, то есть уже, видимо, после соединения фрагментов. В качестве реставратора, по мнению О.Я. Невер-

⁴ История приобретения коллекции Джона Лайд Брауна, как и его личность, отражены в многочисленных публикациях зарубежных и отечественных коллег. Что же касается происхождения античных скульптур, хранящихся теперь в Эрмитаже, то важно отметить, что еще при жизни владельца были изданы два каталога его собрания: первый в 1768 г.: «Каталог различного рода памятников древности, которые у Лайд Брауна, Эсквайра, члена Общества Антиквариев, в Уимблдоне хранятся». Он включает в себя 130 предметов (Catalogus 1768). Второй каталог, изданный в 1779 г.: «Каталог самых отборных и драгоценных мраморов, которые хранятся в Галерее Господина Лайд Брауна, английского дворянина в Уимблдоне, в графстве Сёррей, собранных с большими затратами в течение 30 лет. Многие из них прежде вызывали восхищение в знаменитейших галереях Рима. Лондон 1779», содержит уже краткие описания 260 различных памятников (Catalogo 1779). В архиве Эрмитажа хранятся рукописные копии каталогов коллекции Лайд Брауна из библиотеки Британского музея, обнаруженные там в 1867 г. С.А. Геденовым, и опубликованные А.А. Васильчиковым (Васильчиков 1883). Опираясь на эти каталоги, а также на документы из архивов Государственного Эрмитажа и РГИА, сотрудники Эрмитажа Л.Э. Стефани (1872, Stefani 1874), В.Ф. Левинсон-Лессинг (1985), О.Я. Неверов (1984), С.О. Андросов (2014), А.В. Круглов (2007, 2011), Л.И. Давыдова (2014) и другие опубликовали целый ряд материалов по истории приобретения коллекции Дж. Лайд Брауна.

⁵ Bignamini, Hornsby 2010, T. I, 244.

⁶ Bignamini, Hornsby 2010, T. I, 208, II. 35.

⁷ Pierce 1965, fig. a, pl. LXII.

⁸ Pierce 1965, 225.

⁹ Неверов 1984, 10, 22. См. рис. № 20, а подпись к рис. № 18.

¹⁰ Spence Joseph 1747, 331, табл. 19, 2.

рова, мог выступать Бартоломео Кавачеппи, восстанавливавший статую Спящего Эндимиона, также приобретенную Лайд Брауном в 1762 г. из коллекции Барберини и хранящуюся ныне в Эрмитаже.

Итак, в 1766 г. Бюст Геракла стал собственностью Лайд Брауна. В 1768 г. он был включен под № 73 в первый каталог собрания¹¹, а затем и в каталог 1779 г., в котором он в разделе Статуи описывается следующим образом: “Mezza figura colossale fin alla cintura d’un Ercole soffrendo, così chiamato dal Sign. Spence autore Inglese nella sua opera intitolata Polemetis, dove sene vede anche il rame della testa. Questa è uno capo d’opera, essendo di scultura Greca e d’uno stile il piu sublime; rassomiglia al celeberrimo Torso di Belvidere, quel tronco famoso d’Ercole nel Vaticano, il quale bensì è senza testa, che in questo frammento è della piu grande espressione; già nel palazzo Barberini”¹² («Колоссальная до пояса полуфигура страдающего Геракла, названного так Синьором Спенсом, английским автором в его труде, озаглавленном Полеметис, в котором можно видеть гравюру с этой головы. Это — шедевр, ибо греческая скульптура и к тому же самого возвышенного стиля (выделено мной. — Л.Д.); напоминает знаменитый Бельведерский торс, тот самый прославленный фрагмент туловища Геракла в Ватикане, который, правда, без головы, а в данном же фрагменте она наделена величайшей выразительностью; ранее во дворце Барберини» (пер. В. Оношко).

В 1787 г. предполагалось осуществить третье издание каталога коллекции Джона Лайд Брауна с иллюстрациями Джованни Баттиста Чиприани. Однако оно не состоялось — сначала, вероятно, из-за кончины художника, последовавшей в 1785 г., а потом и самого владельца собрания. Сохранилось двадцать три рисунка, выполненных Д.Б. Чиприани и хранящихся ныне в Британском музее. Любезное разрешение английских коллег позволило О.Я. Неверову частично опубликовать эти рисунки 1760-х гг. в статье, посвященной коллекции Лайд Брауна, но «Бюста Геркулеса» среди рисунков Чиприани не было.

Итак, благодаря, вероятно, Б. Кавачеппи, два античных скульптурных фрагмента оказались соединенными вместе, образовав на долгие годы один художественный объект, в котором, без всякого сомнения, видели изображение Геракла. Такой атрибуции помогало и подмеченное частичное сходство с Бельведерским торсом из коллекции Ватикана, который долгие годы, вплоть до конца XX столетия воспринимался как образ Геракла¹³. Сила и мощь героя чувствуются в этой глыбе мрамора, несмотря на то, что сохранился лишь фрагмент фигуры в виде торса без головы, рук и ног. Подобное ощущение монументальности замысла и исполнения исходит и от эрмитажного торса, повторяющего часть фигуры античного героя или бога. Однако положение тела его характеризуется сильно выдвинутой вперед нижней частью живота, как если бы фигура полулежала, а не сидела, наклонившись вперед, как это заметно в Бельведерском торсе. Вот почему с точки зрения иконографии эрмитажный и ватиканский памятники далеки друг от друга. Левый бок и мышцы скругленной мощной спины у эрмитажной скульптуры свидетельствуют о том, что тело было наклонено немного влево, т. е. оно не имело четко фронтального положения. Возможно, персонаж опирался на левую руку, так как левое плечо немного приподнято. К сожалению, левая нижняя половина спины не сохранилась и восстановлена в виде гипсовой вставки. В целом, как уже отмечалось выше, обобщенно решенный силуэт фигуры, ее крупные формы и объемы сближают этот торс с монументальными образцами греческой пластики эпохи расцвета. Нельзя не вспомнить, например, о статуе Диониса или Тезея с восточного фронтона Парфенона, хотя позы героев не повторяют буквально одна другую. Можно указать и на фигуру Посейдона из центральной сцены западного фронтона¹⁴, отличающуюся, однако, тем, что Посейдон был изображен стоящим с поднятой правой рукой и согнутой в локте левой, в которой держал трезубец, поэтому у него приподнято правое плечо, а не левое, как у описываемого эрмитажного героя. В свое время Г. Кизерицкий, хранитель эрмитажной скульптуры, высказывал предположение о связи нашей статуи со статуей Посейдона Латеранского типа из собрания Ватикана¹⁵. Однако следует сразу же отметить разное положение мышц груди и живота. Латеранский Посейдон стоит, наклонившись вперед, поставив правую ногу на нос корабля и держа трезубец в левой руке. В нашем же варианте скорее можно представить фигуру слегка откинувшейся назад.

¹¹ Catalogus 1768, 13, № 73.

¹² Catalogo 1779, 31–32, № 41.

¹³ См. Wünsche 1998.

¹⁴ Ср.: <http://www.parthenon.ru/content/vos7.php>. Waldhauer 1928, Bd. I, 18.

¹⁵ Кизерицкий 1896, 11.

1. Мужской торс. Рим, I в. По греческим образцам второй половины V в. до н. э. Эрмитаж

2. Мужская голова. Рим. I в. По оригиналам Пергама II в. до н. э. Эрмитаж

3. «Бюст Геркулеса». Рисунок Т. Дженкинса. Лондон. Общество антиквариев (Pierce 1965, fig. a, pl. LXII)

4. «Страдающий Геракл». Гравюра Л. Буатара в центре листа. 1747 (Spence 1747, 331, pl. 19, 2)

Когда-то соединенная с торсом бородатая голова героя, в которой видели только изображение Геракла, меньше по размеру, чем это необходимо для создания цельного одномасштабного образа¹⁶. Пластически она выглядит иной, более дробной, чем скульптура V в. до н.э. Как отметил О.Ф. Вальдгауер, чрезвычайно эмоциональное выражение лица («Лицо охарактеризовано весьма энергично, получается почти впечатление портрета, хотя, конечно, об изображении определенного лица не может быть и речи»...) соответствует стилистике эллинистических произведений III–II вв. до н.э. пергамской школы, а точнее «первого вотива Аттала I» (269–197 гг. до н.э.)¹⁷. Вот почему в начале XX века, вернее в январе 1917 г.¹⁸, в Эрмитаже эти фрагменты были отделены один от другого и помещены в разный экспозиционный контекст.

Возможно, сейчас мы бы сохранили историческую реконструкцию памятника, ведь это тоже часть жизни музейного экспоната. Но что нам дороже? Оставить историческую реконструкцию, пусть и неверную, однако только лишь потому, что ее автор сам Бартоломео Кавачеппи? Или же дать зрителю возможность оценить поиски античными ваятелями новых выразительных средств, использование более экспрессивного пластического языка для создания ярких скульптурных образов — и тогда выставлять эти фрагменты отдельно в разных залах?

Изучая историю коллекционирования античной скульптуры в Европе и России в XVIII в.¹⁹, исследователи постоянно подчеркивают роль не только дилеров, участвовавших в создании многих известных коллекций, но и реставраторов, формировавших представления покупателей об «экспозиционном» виде создававшихся собраний, когда приоритетным становился цельный вид памятника, пусть и с искажающими оригинал дополнениями или даже изменениями. Важной представлялась завершенность образа, литературная или жанровая характеристика персонажа. Исторический фрагмент, хотя он мог быть и частью монументального античного произведения, ценился меньше, чем целая скульптура. Ни Барберини, ни Лайд Брауна не смущало масштабное несоответствие головы и торса, которые так удачно подходили по своим внешним характеристикам под образ Геракла. Конечно, сейчас возвращать прежний вид «Бюсту Геркулеса» никто уже не будет, но учитывать подобные исторические метаморфозы музейного предмета, безусловно, необходимо.

Литература

- Андросов С.О. 2014: Новое о собрании Джона Лайд Брауна // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., (в печати).
- Вальдгауер О.Ф. 1920: Головы пергамского стиля в Эрмитаже // Государственный Эрмитаж. Сборник [вып.] I. Петербург, 8–23.
- Вальдгауер О.Ф. 1923: Античная скульптура. Пг.
- Васильчиков А.А. 1883: Произведения Рафаэля в России // Вестник изящных искусств, I, 542–552.
- Давыдова Л.И. 2014: Античная скульптура из собрания Лайд Брауна в Эрмитаже (к 230-летию приобретения коллекции) // Проблемы развития зарубежного искусства. Научные труды СПГАИЖ-СиА им. И.Е. Репина. 29. СПб., 20–33.
- Кизерицкий Г. 1896: Музей древней скульптуры. 3-е изд. СПб.
- Круглов А.В. 2007: Путешествие антиков из Италии в Россию. Новое и старое о коллекции Лайда Брауна // Из века Екатерины Великой: путешествия и путешественники. Материалы XIII Царско-сельской научной конференции. СПб., 282–294.
- Круглов А.В. 2011: Интриги вокруг антиков: Екатерина II, Гамильтон, Дженкинс и Лайд Браун // Труды ГЭ, LVI. Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга 2006–2007. СПб., 123–134.
- Левинсон-Лессинг В.Ф. 1985: История Картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 272, прим. 107.

¹⁶ Государственный Эрмитаж, инв. № ГР 1701 (А 24а). Кизерицкий 1896, 23, № 11; Вальдгауер 1923, 50, № 21; Вальдгауер 1920, 11; Waldhauer 1928, Bd. I, 18, Nr. 6, Taf. V.

¹⁷ Вальдгауер 1920, 11.

¹⁸ Вальдгауер 1920, 21, прим. 59.

¹⁹ Coltman 2009.

- Неверов О.Я. 1984: Коллекция Лайд Брауна (к истории скульптурного собрания Эрмитажа) // Труды ГЭ. XXIV. Л., 3–27.
- Саверкина И.И. 1986: Греческая скульптура V в. до н.э. в собрании Эрмитажа. Оригиналы и римские копии. Л.
- Стефани Л. 1872: Собрание древних памятников искусства в Павловске. СПб.
- Bignamini I., Hornsby C. 2010: Digging and Dealing in Eighteenth-Century Rome. New Haven — London.
- Catalogus 1768: Catalogus veteris aevi varii generis monumentorum quae Cimeliarchio Lyde Browne Arm. Ant soc. soc. apud Wimbleton asservantur.
- Catalogo 1779: Catalogo Dei piu Scelti e Preciosi Marmi che si conservano nella Galleria del Sig^r Lyde Browne, Cavaliere Inglese a Wimbleton, nella Contea di Surry. Raccolti Con gran spesa nel corso di Trent'Anni molti dei quali si ammiravano prima nelle piu celebri gallerie di Roma. In Londra.
- Coltman V. 2009: Classical Sculpture and the Culture of Collecting in Britain Since 1760. Oxford.
- Pierce S.R. 1965: Thomas Jenkins in Rom // The Antiquaries Journal. Vol. 45, part II, 200–229.
- Spence J. 1747: Polymetis or Enquiry concerning the Agreement between the Works of the Roman Poets and Remains of the Ancient Artists. L.
- Stephani L. 1874: Parerga archeologica // Mélanges Gréco-Romans tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. Tome III (1869–1874). St.-Pétersbourg, 345–362.
- Waldhauer O. 1928: Die Antiken Skulpturen der Ermitage. Bd. I. Berlin — Leipzig.
- Wünsche R. 1998: Il Torso del Belvedere. Da Aiace a Rodin. Città del Vaticano.

MALE TORSO FROM THE COLLECTION OF LYDE-BROWN IN THE HERMITAGE

L.I. Davydova

This article deals with the acquisition and restoration history of a monumental sculpture acquired by Catherine II in 1784 as part of the John Lyde-Brown collection. Initially, the sculpture — the so-called Torso of Hercules — was perceived as a half-figure of the hero. Subsequently, it has been established that two parts of the sculpture in fact belonged to two different ancient statues; the Roman torso is a copy of the Greek original of the time of Pheidias, and a head — also Roman, followed the Hellenistic original of the Pergamene school of sculpture.

ВОИН В ДОСПЕХЕ, КОРОНУЕМЫЙ НИКОЙ, В МОНУМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ БОСПОРА ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э. (КТО ИЗОБРАЖЕН НА РЕЛЬЕФАХ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ И ТАНАИСА?)

Одной из первых научных работ Владимира Петровича Толстикова была публикация надгробия воина, найденного в районе Ахтанизовского лимана¹. Тема археологических реалий в изображении воинов привлекала внимание исследователя и в дальнейшем². Представленная мною статья посвящена, по сути, той же теме — попытке интерпретации двух боспорских стел с изображением воинов, основанной на анализе композиции изображений, стиля и реалий.

Рис. 1. Стела, найденная в 1889 г. у подножья г. Митридат. Гос. Эрмитаж, ОАМ, инв. № П.1889.10 (по: von Kieseritzky, Watzinger 1909, Taf. XXVIII)

1. Стела из Пантикапея

На Боспоре известны очень редкие изображения стоящей или летящей богини с венком в руке, коронуемой им всадника или пешего воина. В таком виде богиня выступает на известняковом рельефе с утраченной надписью, найденном у подножья горы Митридат (рис. 1). Под фронтоном изображенного в верхней части рельефа пятиколонного храма в наиске представлена следующая сцена. В центре: летящая Ника (Виктория) возлагает венок на голову воина в пластинчатом панцире, с поясом, на котором обозначена крупная пряжка, в плаще, с гривной, символом власти на шее, и фиалой в опущенной над алтарем правой руке. Левой рукой он опирается на частично сохранившееся копье (рис. 2). Справа от воина изображена герма. Слева же от него и непосредственно у алтаря изображена стоящая женская фигура в длинных одеждах поверх хитона, в накидке, покрывающей ее голову, с концами, ниспадающими на плечи. В правой согнутой в локте руке находится чаша полусферической или конической формы, а левой рукой, также согнутой в локте и слегка опущенной фигура поддерживает изображенный по диагонали высокий жезл, верхний конец которого выступает над ее левым плечом, а нижний упирается в землю. Над правым плечом фигуры видна верхняя часть торса и голова Эрота³. Примечательно, что верхнюю часть стелы занимает

¹ Толстиков 1976, 80–90.

² Толстиков 1999, 122–137.

³ Гос. Эрмитаж, инв. № П.1889.10: von Kieseritzky, Watzinger 1909, 71–72, Nr. 407, Taf. XXVIII; Иванова 1961, 54, 126–127, 141, рис. 65; Соколов 1973, 92–93, № 80; Кат. Ленинград 1990, 65–67, № 57 с библиографией; Соколовский 1978, 130, № 4; Ustinova 1999, 143–148, 354, pl. 13; Podossinov 2002, 34, Abb. 16; Laube 2006, 49–50, Taf. 19, 2; Moritz 2006, 85, 224, Taf. 64, 1; Трейстер 2011, 324, рис. 14, 1; 325; 2015, 317, рис. 4, 4; 321–322 с полной библиографией; 324, рис. 5. См. также детали рельефа с изображением храма: Пичилян 1984а, 228, рис. 80, 1; Пичилян 1984б, 99, рис. 5, 1.

Рис. 2. 1 – Стела, найденная в 1889 г. у подножья г. Митридат. Деталь. Гос. Эрмитаж, ОАМ, инв. № П.1889.10 (фото Гос. Эрмитажа); 2, 3 – серебряная декадрахма Александра Великого, ок. 324 г. до н.э., реверс, общий вид и деталь. Британский музей, инв. № SM 1926-4-2-1 (PCG IV.A.4) (no: http://www.britishmuseum.org/explore/highlights/highlight_image.aspx?image=ps069163.jpg&retpage=17505)

изображение фасада пятиколонного храма, хорошо известного по изображениям на боспорских монетах середины — третьей четверти I в. н.э.⁴, возможно, являющегося изображением храма, построенного в столице Боспора в подражание римскому храму Юпитера Капитолийского⁵.

Пантикапейский рельеф (рис. 1–2) был либо надгробием, либо votивным приношением в храм⁶, при этом воин, изображенный на нем, трактовался как военачальник, приносящий благодарственную жертву божеству после одержанных побед⁷, или как боспорский правитель⁸. В противоположность М.И. Ростовцеву, который связывал женскую фигуру на стеле с культом Деметры⁹, Л.П. Харко охарактеризовал ее как «жрицу храма Афродиты в одежде и с атрибутами культовой статуи богини»¹⁰,

⁴ См. в целом: Харко 1950, 197–205; Gajdukevič 1971, 404; Braund 1984, 112–113, 119–120, note 75; Назаров 1986, 155, рис. 1, 3–4; 158–160; Фролова 1997, т. I, 100–101, табл. XXVIII, 11–19; XXIX, 16–18. 21; ср. Денисова 2004, 114–127 с подробным историографическим очерком; Walbank 2010, 161, note 22. Большинство исследователей датировало данные монеты временем Котиса I, тогда как В.А. Анохин относит данную серию к началу правления Рескупорида I: Анохин 1986, 98–99, № 370–372, табл. 14; 1999, 145, рис. 43, 3–4, а В.И. Денисова (2004, 124) — к его заключительной части, а именно к 86–89 гг. н.э.

⁵ Крыжицкий 2000, 152.

⁶ Кат. Ленинград 1990, 66.

⁷ Харко 1950, 203; Ustinova 1999, 143; Сапрыкин, Парфенов 2012, 174.

⁸ Пичилян 1984b, 100.

⁹ Ростовцев 1911, 149, 150.

¹⁰ Харко 1946, 139.

хотя, на мой взгляд, изображение является самой культовой статуей¹¹. При этом я разделяю точку зрения Л.П. Харко и присоединившегося к нему Н.И. Сокольского¹² о связи изображений на рельефе с Афродитой Уранией¹³.

Различные мнения высказывались и относительно датировки рельефа, который был отнесен издателями «вероятно к началу II в. до н.э.», впрочем, без какой-либо аргументации¹⁴. В дальнейшем эта точка зрения обычно принималась безоговорочно¹⁵, иногда в несколько расширенном варианте¹⁶. Принципиально другую, более позднюю дату (рубеж I–II вв. н.э. или II в. н.э.), на основании параллелей с монетами с изображениями пятиколонного храма предложил Л.П. Харко¹⁷. Эта точка зрения также нашла своих последователей¹⁸. И мне она кажется более убедительной¹⁹.

2. Стела из Танаиса

Вероятнее всего, аналогичная сцена с изображением воина в панцирном доспехе, которого коронует богиня (однако, не летящая, а стоящая) представлена на сохранившейся фрагментарно мраморной стеле (рис. 3) из Танаиса, найденной в 1993 г. на раскопе XIX в нижней части кладки позднеантичного дома²⁰. На рельефе под тремя 8-лепестковыми розетками и венком в наиске представлено изображение фронтально стоящего воина в панцире, опирающегося правой рукой, судя по положению кисти, скорее на жезл, чем на копье (точно определить, на что именно трудно, так как верхняя часть изображения сколота) и прижимающего левой рукой к груди короткий меч (?). Справа от фигуры воина стела обломана, но сохранилась рука стоящей фигуры с венком над головой воина (рис. 4, I)²¹.

Очевидно, что до нас дошла левая часть стелы (без верхней и нижней частей), а сам рельеф был изначально по крайней мере примерно в два раза шире, с учетом практически полностью утраченной правой фигуры (если справа от нее не было других изображений). Соответственно, есть все основания предполагать, что над наиском рельефа располагались два венка, а над ними — пять розетт, что представляет абсолютно уникальный случай для боспорских стел, на которых, как правило, изображались две или три розетты.

В нижней части рельефа имела надпись, от которой сохранились фрагменты двух верхних строк, и которые восстанавливаются как «В добрый час. В царствование такого-то...»²². Вверху он, вероятно, мог венчаться изображением фронтона.

Рельеф из Танаиса специально не исследовался, и лишь в одной из публикаций была высказано мнение (без каких-либо аргументов), что он датируется временем Савромата I²³, впрочем, оно подтверждается и палеографией надписи, которая позволяет датировать памятник в широких рамках I–II вв. н.э., скорее, I в. н.э.²⁴

¹¹ К этому же выводу склоняется и Ю.Б. Устинова, впрочем, не исключая и возможности того, что это изображение жрицы богини: Ustinova 1999, 145. В недавно вышедшей статье С.Ю. Сапрыкин и В.Н. Парфенов (2012, 174) определяют женскую фигуру без каких-либо обоснований как «супругу военачальника».

¹² Сокольский 1978, 130, № 3.

¹³ Трейстер 2015, 321–322.

¹⁴ von Kieseritzky, Watzinger 1909, 72.

¹⁵ Соколов 1973, 92; Сокольский 1978, 130: II в. до н.э.; Laube 2006, 49.

¹⁶ Сапрыкин, Парфенов 2012, 174: II–I вв. до н.э.

¹⁷ Харко 1946, 140; 1950, 197.

¹⁸ Иванова 1961, 126–127, 141; Ustinova 1999, 144.

¹⁹ Трейстер 2011, 323–325; 2015, 321.

²⁰ Т-93-ХІХ, кв. 12, –5, 80, № 1077. Размеры: 78,0 х 12,4 х 30,0 см. Моя искренняя благодарность С.А. Науменко за информацию о рельефе и его фотографии. И. Лаубе (Laube 2006, 49) ошибочно пишет о его происхождении из слоя разрушения III в. до н.э., что неизбежно приводит ее к выводу о том, что танаисский рельеф относится к эпохе эллинизма.

²¹ Танаис, АМЗТ, инв. КП301 АГ100/47: Arsen'eva et al. 1995, 223, 225, Abb. 8; Böttger 1995, 117, Abb. 24; 118; Арсеньева и др. 1996, 70, рис. 11; 71 (с датировкой временем Савромата I); Кат. Ростов–на–Дону 1999, 46, слева; Laube 2006, 49, Abb. 19, 3; Арсеньева и др. 2010, 15, рис. 6, 5; Трейстер 2015, 321, прим. 93; Ivančik, Tokhtas'ev im Druck, Nr. 33.

²² Ivančik, Tokhtas'ev im Druck, Nr. 33.

²³ Арсеньева и др. 1996, 71.

²⁴ Ivančik, Tokhtas'ev im Druck, Nr. 33. Автор выражает искреннюю признательность за консультации С.Р. Тохтасьеву.

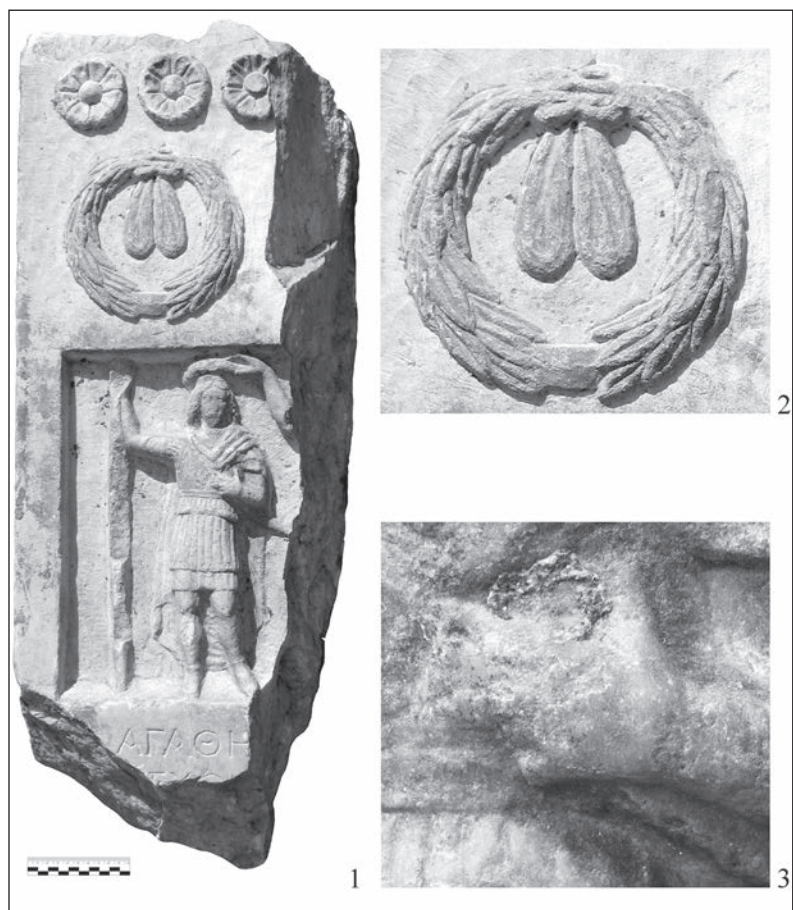

Рис. 3. Фрагментированная мраморная стела, найденная в 1993 г. в Танаисе на раскопе XIX. Общий вид и детали. Танаис, Музей, инв. КП301 АГ100/47 (фото С.А. Науменко)

Рис. 4. 1 – фрагментированная мраморная стела, найденная в 1993 г. в Танаисе на раскопе XIX. Деталь. Танаис, Музей, инв. КП301 АГ100/47 (фото С.А. Науменко); 2, 3 – двойной денарий Савромата II, реверс, общий вид и деталь. Париж, Национальная библиотека, инв. № FRBNF41830990 (<http://bosporan-kingdom.com/604-4132/>)

О том, что утраченная фигура, от которой сохранилась лишь рука с венком, представляла собой Нику, писали еще авторы первых публикаций. Действительно, единственно известная мне композиционно близкая сцена, в которой стоящего воина в панцире коронует венком не Ника, а пожилой мужчина, представлена на мраморном рельефе со Спорад в Лувре, датируемом позднеэллинистическим временем²⁵. В любом случае, это точно не сцена заgrabной трапезы, представляющая возлежащего на ложе мужчину, который подносит венок или коронует им сидящую рядом с ним женщину²⁶; такие часто встречаются и на боспорских надгробиях²⁷.

3. Археологические реалии

Венок

Заслуживает внимания венок из удлиненных листьев лавра с проработанными осевыми прожилками на стеле из Танаиса (рис. 3, 2). Завязка венка образует «узел Геракла» в его верхней части, а тении свисают внутри него. В нижней части венка (лицевой) изображена прямоугольная пластина.

Помимо своего изначального значения как символа победы, венки обозначали триумф над смертью и веру в бессмертие, а также свидетельствовали о почитании умерших²⁸. Помещение одного или двух венков над изображением на надгробных рельефах становится довольно распространенным явлением еще во II в. до н.э.²⁹ и эта традиция продолжается и в первые столетия нашей эры. Так, например, на территории Верхней Мезии со II в. н.э. венок изображался в треугольнике фронтона, венчающего надгробия. Одновременно венки изображались и в наисках рельефов³⁰. Венки, представленные на надгробиях, обычно имели ленты, концы которых свисали с нижней части венка³¹, а не с верхней, как на венке танаисской стеле.

На боспорских рельефах изображения венков очень редки и встречены в виде ряда из трех венков, у которых тении свисают также сверху, на двух стелах, найденных на г. Митридат: 1) датируемой серединой II в. до н.э. стеле КБН 75 с посвящением Афродите Урании³² и 2) на стеле, от которой сохранилась верхняя часть с фронтоном, тимпан которого украшен изображением Гермеса, а изображение было, вероятно, расписным³³. Последняя была отнесена автором находки В.В. Шкорпилом также ко II в. до н.э. по аналогии со стелой с посвящением Афродиты Урании, хотя эта датировка принимается издателями каталога стел Керченского музея под вопросом. Впрочем, ни «гераклова узла», ни пластины-прометопидия на венках, изображенных на стелах, найденных на г. Митридат, не наблюдается. Другие изображения венков или гирлянд представлены вместе с образами орлов в надписях фиасов из Танаиса (датируются от 155 г. н.э. до первой половины III в. н.э.)³⁴, начинающихся с той же формулы, что и надпись на рассматриваемом рельефе.

Ближе по стилю к венку на стеле из Танаиса, найденной в 1993 г., венок с двумя концами лент, свисающими сверху, на надгробной стеле с изображением всадника из Кизика с четырьмя стихо-

²⁵ Pfuhl, Möbius 1979, 350, Nr. 1476, Taf. 213 (по мнению издателей, коронующий воина мужчина — его отец); Laube 2006, 50, Taf. 18, 5.

²⁶ См. этот тип: Pfuhl, Möbius 1979, 403–428, Nr. 1429, 1647–1779, Taf. 241–255; Conrad 2004, 57–70. О нем: Fabricius 1999, 237–238.

²⁷ См., например известняковую стелу, найденную в облицовке фонтана к западу от Керчи: КБН 833, CIRB-Album 833; Тункина 2010, 595, 596, илл. 19–20. — Матковская и др. 2014, № 380.

²⁸ Blech 1982, 107–108, 115, 124; Fabricius 1999, 236–248.

²⁹ См. на восточно-греческих надгробных рельефах: Pfuhl, Möbius 1977, 107, Nr. 250, Taf. 48; 108–109, Nr. 256, Taf. 48; 123–124, Nr. 341–342, Taf. 57; 132, Nr. 385, Abb. 30; 134, Nr. 395, Taf. 64; 136–137, Nr. 405–409, Taf. 66–67; 139–140, Nr. 413–414, Taf. 68; 140, Nr. 416, Abb. 33; Nr. 448, Taf. 75 и т.д. На рельефе из Мисии: Cremer 1991, 187–188, Nr. MiKSt 8 (II в. н.э.), Taf. 25.

³⁰ Conrad 2004, 93.

³¹ См. Pfuhl, Möbius 1977, 1979, Conrad 2004.

³² Вальдгауер 1922, 212–213, рис. 4; Харко 1946, 139; Иванова 1961, 104, рис. 48; LIMC II, 1984, s.v. Aphrodite, 98, no. 935 (A. Delivorrias); Ustinova 1999, 46–48, 345, pl. 4; CIRB-Album, no. 75; Завойкин 2010, 37, рис. 14; Трейстер 2015, 317, рис. 4, 2; 320, прим. 86 с полной библиографией.

³³ ОАК за 1909–1910 гг., 125–126, рис. 186; Иванова 1961, 103, рис. 47; Античная скульптура 2004, 60, № 16.

³⁴ CIRB-Album 1260, 1285, 1289.

1

3

4

2

5

Рис. 5. 1 – стела, найденная в 1889 г. у подножья г. Митридат. Деталь. Гос. Эрмитаж, ОАМ, инв. № П.1889.10 (по: von Kieseritzky, Watzinger 1909, Taf. XXVIII); 2 – фрагментированная мраморная стела, найденная в 1993 г. в Танаисе на раскопе XIX. Деталь. Танаис, Музей, инв. КП301 АГ100/47 (фото С.А. Науменко); 3 – сестерций Савромата I, аверс, КИКЗ, инв. № КН-2049 (фото М.Г. Абрамзона); 4 – статер Реметалка, аверс, ГИМ, инв. № 16685 (фото М.Г. Абрамзона); 5 – мраморный портрет боспорского царя. Гос. Эрмитаж, ОАМ, инв. № П.1860.20 (по: <http://test.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/25.+Archaeological+Artifacts/16870?lng=ru&lng=>)

творными эпиграммами раннеимператорского времени³⁵. По стилизации и проработке листьев сопоставим и венки на надгробии первой трети II в. н.э. Валерии Альпины из Паннонии³⁶.

Венки, изображенные на реверсе боспорских сестерциев и дупондиев чеканки от Рескупорида I³⁷, существенно отличаются от венка на танаисской стеле.

Реальные находки погребальных венков, украшенных «геракловым узлом», хорошо известны³⁸, в том числе и на Боспоре³⁹. Впрочем, они происходят из комплексов III–II вв. до н.э. М. Пфроммер отметил распространение в Северном Причерноморье диадем с украшенными цветными вставками «узлами Геракла»; он определил их как «диадемы артюховского типа». По его мнению, они изготовлялись не позднее середины II в. до н.э.⁴⁰ Тем не менее, и в первые века н.э. мотив «узла Геракла» продолжал использоваться в ювелирном деле⁴¹, в том числе и на Боспоре, в частности, в декоре гривен⁴². Прямоугольная пластинка в передней части венка находит определенные соответствия в реальных золотых погребальных венках, найденных на Боспоре в комплексах II в. н.э. из Горгиппии⁴³, а также из склепа № 777 некрополя Усть-Альминского городища в Юго-Западном Крыму, который датируется около середины I в. н.э.⁴⁴ Такие пластинки украшались тисненными рельефными изображениями бюстов богинь.

Доспех и оружие

В отличие от доспеха на римских *Panzerstatuen*, для которых характерно оформление нижнего края панциря в центре широким полукруглым выступом и наличие под ним одного или двух рядов небольших пластин с закругленным нижним краем — птериг, закрывавших нижнюю часть живота⁴⁵, персонажи на стелах из Пантикапея (рис. 1; 2, 1; 5, 1) и Танаиса (рис. 3; 4, 1; 5, 2) одеты в панцирь эллинистического типа, под нижним прямым краем которого находились ряды узких вертикальных полосок. Вероятнее всего, подобный панцирь представлен и на фрагментированном мраморном торсе с углублением для вставки головы, происходящем из Керчи и хранящемся в Британском музее (рис. 6)⁴⁶.

Изображения воинов в панцирях представлены на фрагментированных рельефах II–I вв. до н.э.⁴⁷ с Родоса⁴⁸. Укажем также на панцири на блоках рельефов с изображением доспехов из святилища Афины Полиады в Пергаме⁴⁹, из Сиде⁵⁰ и Сагалассоса⁵¹, датируемых II в. до н.э. В работе К. Вермейля, опубликованной в 1959 г. (с последующими дополнениями 1964 и 1974 гг.) было учтено пятнадцать статуй эллинистического времени в аналогичных кирасах, происходящих из Пергама, Галикарнаса, Родоса и Делоса⁵². В подобном доспехе представлен торс статуи из Музея Делоса,

³⁵ Pfuhl, Möbius 1979, 317–318, Nr. 1301, Taf. 192. См. также этот тип венка на стелах из Фригии: Lochman 2003, 224, 225, Textabb. 31.

³⁶ Burger 1991, 43, Nr. 43, Taf. 16, 2.

³⁷ См., например, Анохин 1986, № 377, 379, 383, табл. 14; Фролова 1997, т. 1, 105–107, 227, табл. XXXI, 4–15.

³⁸ Венок из цистового погребения начала III в. до н.э. некрополя Кассандреи (совр. Потидея) на полуострове Халкидика: Tsigarida, Ignatiadou 2000, 89, fig. 94; Ignatiadou, Tsigarida 2011, no. 9. Тисненный элемент в виде «узла Геракла» украшал венок на бронзовой основе с дубовыми трилистниками из золотой фольги, найденный в погребении первой половины II в. до н.э. в Таренте: Cat. Milan 1984, 104, no. 38.

³⁹ Венок из первой плитовой могилы кургана Аморотти в районе Карантинного шоссе: ДБК, т. 3, табл. IV, 3.

⁴⁰ Pfrommer 1990, 72–73.

⁴¹ Об использовании мотива «гераклова узла» в ювелирных изделиях Балкан I–II вв. н.э. см. подробнее: Popović 1998, 82–92.

⁴² См.: Трейстер 2007, 100.

⁴³ Treister 2001, 307–309; 2003b, 53–57.

⁴⁴ Пуздровский 2007, 147, 396, рис. 122, III; цв. вклейка 11, 6–7; Cat. Bonn 2013, 301, 320, Nr. VII. 99–100.

⁴⁵ См.: Vermeule 1959/1960, 1–82; 1964, 95–110; 1966, 49–59; 1974, 5–26; 1980; Stemmer 1978; Fejfer 2008, 207–212.

⁴⁶ 1856,0710.42: выс. макс. 56 см, шир. макс. 61 см; Pryce, Smith 1892, no. 2049: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=406232&partId=1&people=94274&peoA=94274-3-13&page=1.

⁴⁷ См. в целом: Polito 1998, 71–101.

⁴⁸ Vermeule 1959, 15, no. B7, pl. II, 6; Pfuhl, Möbius 1977, 66, 114, Nr. 284–285, Taf. 52; Laube 2006, 48, Taf. 18, 2.

⁴⁹ Vermeule 1959/1960, 14, no. B2; Rumscheid 1994, 282–283, Nr. 188.11, Taf. 113, 3; Webb 1996, 56–59, fig. 18; Polito 1998, 91, fig. 27; Grüßinger 2011, 90, Abb. 5.

⁵⁰ Mansel 1958, 265, Abb. 37–38; 267, Abb. 41; 269, Abb. 44; Abb. 48–49; Polito 1998, 86, fig. 18; Aldrete et al. 2013, 197, no. S-27.

⁵¹ Waelkens et al. 2000, 263, figs. 56–57; Loots, Waelkens, Depuydt 2000, 604, fig. 8; 605; Webb 1996, 130, fig. 106.

⁵² Vermeule 1959/1960, 32–34, nos. 1–11; 1964, 97, no. 1A, pl. XVII, 1; 98, nos. 3A, pl. XVII, 2; 98, new no. 6; 1974, 7–8, no. 8A; Stemmer 1978, 138–139; Smith 1988, 32–34; von den Hoff 2011, 128, Abb. 7a–b.

возможно, относившейся к постаменту с надписью 102/101 гг. до н.э. в честь Митридата VI Евпатора⁵³. На сегодняшний день количество известных памятников такого рода возросло⁵⁴, а повышенный интерес к теме привел к появлению в последние десятилетия нескольких монографических публикаций, которые освобождают меня от необходимости повторного рассмотрения источников⁵⁵. Имеются различные свидетельства (письменные источники, надписи, изображения на геммах, скульптуры), свидетельствующие о том, что в позднеэллинистическую эпоху обычай изображения правителей в панцирях получил широкое распространение, по крайней мере, в Малой Азии и в Восточном Средиземноморье (Пергам, Коммагена, Понт, державы Селевкидов и Птолемеев)⁵⁶.

Правой рукой воин опирается скорее на жезл, чем на копье, — точно определить, на что именно, трудно, так как верхняя часть изображения скелета (рис. 4, 1). Предмет, который придерживает левой рукой персонаж на стеле из Танаиса, является, вероятнее всего, мечом, хотя по нижней стороне имеется явно выраженное плавное дуговидное закругление (рис. 4, 1), а между оттопыренным в сторону большим пальцем и указательным угадываются очертания кольца (рис. 3, 3). Подобным же образом придерживает согнутой в локте левой рукой меч персонаж, представленный на надгробии Фодерага, найденном между Порфмием и Парфением и датированном в рамках I–II вв. н.э.⁵⁷. Так или иначе, я не вижу другого определения этого предмета.

Пряжка

На рельефе из Танаиса пояс изображен без пряжки (рис. 3, 1; 4, 1). Центральная часть ремня на мраморном торсе из Пантикапея (рис. 6) повреждена. На стеле из Пантикапея (рис. 2, 1), даже если судить о деталях по фотографиям, опубликованным в 1909 г и 1973 гг., пряжка достаточно подробно проработана. Хотя представленное ниже определение нуждается в уточнении, которое возможно только при визуальном изучении памятника, тем не менее, имея достаточно хорошее представление о том, какие типы пряжек получили распространение в Северном Причерноморье в эпоху позднего эллинизма и в первые столетия н.э., могу с высокой степенью уверенности предположить, что это прямоугольная пряжка с ажурным изображением и боковым крючком.

В позднеэллинистическую эпоху в Северном Причерноморье получают распространение пряжки в виде «восьмерки» с боковым крючком, дополнительно украшенные театральными масками или фигурками, подобно находкам в Неаполе Скифском⁵⁸, в Артюховском кургане⁵⁹ и Ольвии (?)⁶⁰. В первые века н.э. тип пряжки в виде прямоугольной пластины с рельефным изображением и боковым крючком получает распространение в Парфии⁶¹. На Боспоре во II–III вв. н.э. возникает локальный вариант пряжек с прямоугольной рамкой и вписанной в нее композицией, изображающей сидя-

Рис. 6. Верхняя часть торса мраморной скульптуры, найденной в Керчи до 1856 г. Британский музей, отдел греческих и римских древностей, инв. № 1856,0710.42 (по: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=1526542&objectId=406232&partId=1)

⁵³ Chapouthier 1935, 38–39, fig. 50; Vermeule 1959/1960, 32, no. 1, pl. I, 5. Сомнения в том, что торс относится к постаменту, были высказаны Ж. Маркаде (Marcadé 1969, 320–321, pl. 75). См. также: Stemmer 1978, 139, Anm. 472; *Sculptures déliennes* 1996, 198; Fröhlich 1998, 213–214, Nr. 5; Erciyas 2001, 130, fig. 44; 2006, 160, fig. 84; Kreuz 2009, 135–136, 142, note 36; Højte 2009, 157, fig. 15.

⁵⁴ См. в частности: Наксос: Lambrinoudakis, Gruben 1987, 611–613, Abb. 50; Тенос: Étienne, Braun 1986, 289–292, nos. 30–33, pl. 142–148; Метрополис: Aybek 2004, 140–149, no. 46, pls. XXXIII–XXXV.

⁵⁵ Polito 1998; Cadario 2004; Laube 2006; Gergel 2006, 450–456; Aldrete et al. 2013.

⁵⁶ Stemmer 1978, 133–139; Erciyas 2001, 125–126; Laube 2006, 73–95.

⁵⁷ Матковская 2001, 107, 119, рис. 10; Матковская и др. 2014, № 312.

⁵⁸ Мошкова 1960, 299; Максимова 1961, 140, рис. 56, 2.

⁵⁹ Мошкова 1960, 299; Максимова 1961, 139–141, рис. 56, 1; Максимова 1979, 87–88, № 17, рис. 30.

⁶⁰ Кат. Москва 2002, 82, № 328.

⁶¹ Post 1995, 247–254; Curtis 2001, 306, 325–326, pls. XII–XIII.

шую на козле Афродиту Пандемос⁶². Впрочем, известны по находкам на Боспоре и пряжки близкой конструкции с изображением льва, льва, нападающего на быка, или с образом сфинкса⁶³.

Плащ

Во всех трех случаях (рельефы из Пантикапея и Танаиса, торс из Пантикапея), поверх доспеха надета накидка, которая застегнута на правом плече брошью, образует V-образную складку на груди и через левое плечо переброшена назад. Мне трудно судить, как она была изображена на фрагментарном торсе в Британском музее (рис. 6), но на обеих рассматриваемых стелах плащ ниспадает вниз за спиной воина, при этом его края вертикальные, они обозначены по обеим сторонам персонажа и закругляются лишь на уровне голеней, а нижний край практически достигает земли. На стеле из Танаиса он оформлен волнистыми горизонтальными складками.

Такой плащ можно было бы определить как палудаментум, накидку квадратной формы чаще пурпурного цвета (она могла быть также красной или белой), которую изначально носили римские полководцы и высшие офицеры, а в эпоху Империи — инсигнию императорской власти⁶⁴, однако, этому противоречит ряд обстоятельств. И на *Panzerstatuen*, и в тех редких случаях, когда палудаментум изображался на надгробиях римских офицеров⁶⁵, он всегда был показан переброшенным через согнутую в локте левую руку, с которой и спускался вниз, часто доходя лишь до уровня колена, иногда ниже, но всегда только с левого бока.

Подобные плащи, надетые аналогичным образом: застегнутые на правом плече, с тканью, образующей V-образные складки на груди, и переброшенные за спину через левое плечо, пусть и несколько более короткие (их нижний край обычно находится на уровне голеней), представлены на изображениях мужчин, как правило, вооруженных, на серии известняковых надгробий из Керчи, датирующихся по палеографическим признакам I в. н.э., преимущественно первой половиной столетия⁶⁶, а также на рельефах из Фанагории второй половины I в. до н.э.⁶⁷ и, предположительно, I в. н.э.⁶⁸

4. Интерпретация изображений

Мотив коронования воина летящей Никой, представленный на пантикапейской стеле (рис. 1; 2, 1; 5, 1), получил распространение еще в классическую и раннеэллинистическую эпоху⁶⁹. Он восходит к образу на посвяtitельных⁷⁰ рельефах и на монетных эмблемах (так наз. декадрахме Пора, на которой представлен Александр Македонский, которого венчает летящая Ника [рис. 2, 2–3]⁷¹). В Риме подобные изображения появляются на монетах еще в позднереспубликанскую эпоху, начиная с последней трети II в. до н.э.⁷² Летящая Виктория коронует сидящего на орле Клавдия на камее из Сар-

⁶² Билимович 1962, 43–45; Treister 2003a, 247–249, figs. 1–2.

⁶³ См. подробно: Treister 2003a, 249.

⁶⁴ <http://referenceworks.brillonline.com/entries/brill-s-new-pauly/paludamentum-e904950>

⁶⁵ Подобную же длинную накидку имеет и римский офицер-всадник в анатомическом панцире с птеригами, изображенный на надгробной стеле из Эпидавра (Paragianni 2013, 803, Abb. 7). Другие примеры сочетания такого панциря с палудаментом представлены на надгробии центуриона Кв. Сертория Феста из Вероны (Franzoni 1987, 52, Taf. 16; Bergmann 2010, 147, Abb. 53a) и офицера-всадника Т. Флавия Миккалуса из Перинфа (Kramer 1994, 99–116, Abb. 5; Sayar 1998, 257–259, Nr. 72).

⁶⁶ Матковская 2001, 108, 123, рис. 15; CIRB-Album 375, 422, 432, 527; Матковская и др. 2014, № 281, 306.

⁶⁷ CIRB-Album 992.

⁶⁸ CIRB-Album 995.

⁶⁹ Meyer 2006, 209–212.

⁷⁰ См., в частности рельеф из Лампсака, который И. Лаубе датирует второй половиной IV в. до н.э. (Laube 2006, 31, Taf. 10, 2). Ср. вотивный рельеф из Музея в Палермо: LIMC II, 1984, 23, no. 144 s.v. Aphrodite (A. Delivorrias); Laube 2006, 31, Taf. 11, 3. Хотя сцены с изображением Ники, коронующей венком, известны и на так называемом *Urkundenreliefs* (Meyer 1989, 132–134), Ника на последних изображалась обычно стоящей на руке Афины (см., например, Meyer 1989, Nr. A70, A75, Taf. 23; A129, Taf. 33, 1).

⁷¹ Price 1982, 75–88; Mørkholm 1991, 52–53, pl. III, 44; Kühnen 2005, 19 с литературой в прим. 27; Laube 2006, 73, Taf. 30, 3. <http://ancientcoins1.narod.ru/index/0-10>

⁷² Hatscher 2000, 92–93; Itgenshorst 2005, 137–142. См., например, ауреус Помпея 71 г. до н.э. с изображением летящей Виктории с венком над квадригой со стоящим Помпеем: RRC 412, 402/1; Mlasowsky 1996, 266, Abb. 2; 267.

доникса в Национальной библиотеке в Париже⁷³. Мотив летящей Виктории с венком как проявление государственной пропаганды используется в римском монументальном искусстве (часто на триумфальных арках) и в декоре деталей оружия, например, на декоративных обкладках ножен мечей⁷⁴.

Важно отметить близость иконографии изображения стоящего *en face* воина в панцире и коронующей его Ники на рельефе из Танаиса (рис. 3; 4, 1; 5, 2) и на аверсе боспорских монет — такие изображения известны на двойных денариях Савромата II, которые, датируются В.А. Анохиным 180(182)–192 гг., а по классификации Н.А. Фроловой относятся ко второму периоду чеканки царя (186–196 гг.). Стоящая мужская фигура интерпретируется как изображение царя, а отличие заключается в том, что персонаж на монетах левой рукой опирается на палицу, а правой держит трезубец (рис. 4, 2–3)⁷⁵.

Подобные сцены были широко распространены в официальном римском искусстве на монетах и рельефах, при этом Виктория изображалась держащей венок над головой императора: например, Веспасиана и Траяна — на реверсе монет⁷⁶ или Траяна — на арке из Беневента⁷⁷, хотя на *gemme Augustea* дубовый венок (*corona civica*) над головой Октавиана в приподнятой правой руке держит богиня Рея-Кибела⁷⁸. На медных монетах Рескупорида II 218–219 гг. мы видим изображение трофея с пленником, который увенчивают венками богиня победы, изображенная слева; справа — мужская фигура, предположительно сам царь⁷⁹. Впрочем, изображения трофея, коронуемого Никой, восходит еще к образам на реверсе тетрадрахм Селевка I Никатора, чеканенных в 305–301 гг. до н.э.⁸⁰, а стоящая Ника, коронующая царя, — мотив, широко используемый на эллинистическом Востоке и в Парфии⁸¹, где он в монетной символике на аверсе впервые появляется на драхмах Орода II (58–37 гг. до н.э.)⁸².

Мы встречаем изображение богини, возлагающей венок на всадника, на двух прямоугольных пластинах золотых погребальных венков из Керчи: из гробницы в кургане в Аджимушкае (раскопки А.Б. Ашика 1841 г.) и из гробницы по дороге к Царскому кургану (грабительские раскопки 1910 г.)⁸³ (рис. 7, 1)⁸⁴. В одном случае, на пластине венка из гробницы по дороге к Царскому кургану, богиня изображена стоящей на глобусе. Эти венки были частью богатого инвентаря из погребений знати 30-х–40-х годов IV в. н.э.⁸⁵ и, учитывая погребальный характер венков, они также должны относиться ко времени близкому погребениям. Еще более серьезного внимания заслуживают две мраморные плиты, происходящие из Гермонассы, которые датируются в широких рамках середины II — первой трети III в. н.э. На обеих плитах в обрамлении фигур Виктории на земном шаре с венком и пальмовой ветвью в руках изображены в рельефе один или два тамгообразных знака боспорских царей (рис. 7, 3)⁸⁶.

Я уже рассматривал подробно иконографию изображений Ники (Виктории) на плитах из Гермонассы и пришел к выводу о том, что резчик рельефов использовал образ, широко распространенный в римском искусстве, в котором уже в эпоху Ранней Империи изображение Виктории на глобусе

⁷³ Vollenweider, Avisseau-Broustet 2003, 109–110, no. 120; Zwierlein-Diehl 2008, 172, Abb. 129; 106.

⁷⁴ См. в целом, например, Feugère 2002, 203. В частности, изображения летящей Виктории с венком, передающей его сидящей богине Роме на пластинах из Виндониссы: Künzl 1996, 408, Taf. 48, 1–3; Feugère 2002, 204, fig. 269, a–b. Композиция из двух летящих Викторий с *clipeata imago* и орлом между ними — на обкладках мечей из Птуя (Поэтовью) и Майнца: Schalles 1996, 465, Abb. 4; 467, 468, Abb. 6.

⁷⁵ Анохин 1986, № 604, табл. 28; Фролова 1997, т. I, 150, табл. LXXXV, 13–14; LXXXVI, 1–4; Анохин 1999, 157, рис. 48, 23. <http://bosporan-kingdom.com/604-4025/>, <http://bosporan-kingdom.com/604-4132/> <http://bosporan-kingdom.com/604-4841/>

⁷⁶ Alföldi 1999, 84, Abb. 95–96.

⁷⁷ Alföldi 1999, 84, Abb. 97.

⁷⁸ Zwierlein-Diehl 2008, 105, Abb. 50; 106; Bergmann 2010, 57, Abb. 20b; 329–333, Nr. 43.

⁷⁹ Фролова 1997, т. II, 15–16, табл. XXI, 19–20; Анохин 1999, 159, рис. 49, 11. Ср. изображения трофеев в римском искусстве, в том числе на статуях в панцирях и на монетах императорского времени, например, Stemmer 1978, 156–157, Taf. 6, 1–2; 10, 1; 11, 4; 12, 1. 4 и т.д.; Alföldi 1999, 97–102, Abb. 127–130.

⁸⁰ Mørkholm 1991, 72, pl. VIII, 139–140; Трофимова 2012, 177, илл. 84–85.

⁸¹ Tubach 1986, 434–435.

⁸² Ellerbrock 2013, 278, 296–297.

⁸³ См. подробно: Трейстер 2011, 324, рис. 14, 2–3; 326 с литературой; 2015, 328, прим. 143 с литературой. Укажем также на то, что композиция с двумя стоящими Никами, увенчивающими портрет царя, представлена на монетах парфянского царя Фраатака (2 г. до н.э. — 4 г. н.э.): Ellerbrock 2013, 278, 279, Abb. 9.

⁸⁴ Автор выражает искреннюю признательность О.В. Шарову за фотографию.

⁸⁵ Шаров 2012, 234.

⁸⁶ См. подробно: Трейстер 2011, 321–323, рис. 12.

становится государственной эмблемой, связанной с личностью императора⁸⁷. Подобным же образом, в связи с победами римского императора Константина, объясняет появление образов на указанных выше пластинах золотых венков из Керчи и О.В. Шаров⁸⁸.

Конечно, нельзя исключать того, что на Боспоре в первые века н.э. золотыми венками могли награждаться за выдающиеся военные успехи крупные военачальники — возможно, это имело место в случае с чествуемым в пантикапейском энкомии⁸⁹, хотя существуют более весомые основания предполагать, что в качестве награды им могла быть получена золотая гривна⁹⁰. Тем не менее, приведенные выше наблюдения над иконографией сцен возложения Никой венка на боспорских рельефах, монетах и пластинах погребальных венков первых столетий н.э. дают все основания предполагать, что на Боспоре изображения Ники/Виктории на шаре (или без него) с венком в руке, коронующей всадника или пешего воина, или тамгообразный знак (знаки) следует с большей долей вероятности рассматривать в контексте государственных военных побед, так или иначе связанных с царской властью в узком или широком понимании ее, тем более что близкий образ Ники/Виктории с венком в руке появляется в качестве эмблем на боспорских монетах еще на статере Митридата VIII с портретом Калигулы на аверсе и присутствует в чеканке многих последующих царей (рис. 7, 2)⁹¹, а изображения царя в анатомическом панцире мы встречаем на упомянутых выше двойных денариях Савромата II (рис. 4, 2–3)⁹².

Из этого следует, что у нас есть веские основания рассматривать воинов в панцирях на рельефах из Пантикапея (рис. 1; 2, 1; 5, 1) и Танаиса (рис. 3; 4, 1; 5, 2) как изображения боспорского царя (царей) или члена царской семьи. Косвенным подтверждением этого являются уникальные для Боспора композиции рельефов и очевидная связь образа на пантикапейском рельефе с культом Афродиты Урании. Так или иначе, очень высокий ранг воина, изображенного на пантикапейской стеле, подчеркивается и тем, что он носит гривну⁹³, а прически персонажей с длинными ниспадающими почти до плеч волосами (рис. 5, 1–2) вполне соответствуют прическам боспорских царей I–II вв., изображенных на монетах времени от Аспурга до Савромата II (рис. 5, 3–4)⁹⁴.

Немаловажен и тот факт, что вступительная формула надписи танаисского рельефа (ἀγαθῇ τύχῃ βασιλεύοντος βασιλέως... «В добрый час. В царствование...») характерна для декретов, строительных надписей и надписей фиасов второй половины II — первой половины III в. н.э., прежде всего, из Танаиса⁹⁵. Подобную же формулу имеет и почетная надпись на постаменте статуи Рескупорида V, воздвигнутой в 249 г. н.э. в Пантикапее⁹⁶. Была ли танаисская стела с изображением воина надгробием, на мой взгляд, вопрос открытый и весьма спорный, так как надписи с подобной преамбулой на боспорских надгробиях до сих пор неизвестны, а контекст находки⁹⁷ позволяет предполагать скорее ее изначальную установку на агоре Танаиса.

⁸⁷ См. подробно: Трейстер 2011, 322–323. Сцена с изображением стоящих на глобусе Викторий, коронующих двух сыновей Септимия Севера — Каракалла и Гету (сам Септимий Север изображен в центре), представлена на камее из сардоникса в Национальной библиотеке в Париже (Hölscher 1967, 20, Anm. 99, Taf. I, 14; Vollenweider, Avisseau-Broustet 2003, 179–180, no. 228).

⁸⁸ Шаров 2012, 233–234.

⁸⁹ Сапрыкин 2005, 76–77; Сапрыкин, Парфенов 2012, 173–175.

⁹⁰ Bowersock, Jones 2006, 125–126; Иванчик 2013, 64; Ivantchik 2014, 173–174.

⁹¹ См. подробно: Трейстер 2011, 325, рис. 15; 326–327.

⁹² См. выше прим. 75.

⁹³ См. в этой связи мой комментарий к изображению гривны на так наз. статуе Неокла из Горгииппии: Treister 2005, 80–81.

⁹⁴ См. по поводу причесок боспорских царей, например, Сапрыкин 2014, 320–321 (в связи с интерпретацией мраморного портретного бюста из Керчи с аналогичными длинными волосами) (рис. 5, 5); возможно это портрет одного из боспорских царей — различными исследователями назывались имена от Аспурга до Савромата I; см. обзор: Сапрыкин 2014, 310–311. Впрочем, высказывалось и соображение о том, что это портрет молодого Митридата Евпатора (Савостина 2011, 248–263; 2012, 189–200).

⁹⁵ Среди них: посвятельная (КБН 1239) и целые серии надписей фиасов (КБН 1260а, 1275, 1277) и строительных (КБН 1241, 1242, 1244, 1247, 1249, 1250). См. также надписи фиасов из Пантикапея 82 г. н.э. (КБН 76), строительные надписи времени Реметалка из Илурата (КБН 966) и Гермонассы (КБН 1052), из Фанагории 220 г. н.э. (Кузнецов 2007, 227–238).

⁹⁶ КБН 58.

⁹⁷ См., например, Böttger 1995, 117–118.

Рис. 7. 1 – Пластина золотого венка из гробницы по дороге к Царскому кургану, грабительские раскопки 1910 г. (Фотоархив ИИМК); 2 – сестерций Савромата I, реверс, КИКЗ, инв. № КН-2049 (фото М.Г. Абрамзона); 3 – плита из Гермонассы, Керчь, Лапидарий, инв. № КЛ 100 (фото автора, 2013 г.)

Литература

- Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.
 Анохин В.А. 1999: История Боспорского Киммерийского. Киев.
 Античная скульптура 2004: Античная скульптура из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника / Л.И. Давыдова (ред.). Киев.
 Арсеньева Т.М., Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г. 1996: Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 3, 54–72.
 Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. 2010: Археологические исследования и открытия о хронологии Танаиса // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. Москва — Киев, 11–21.
 Билимович З.А. 1962: Бронзовая пряжка из Нимфея // СГЭ. 23, 43–45.
 Вальдгауер О.Ф. 1922: Афродита Урания и Афродита Пандемос // ИРАИМК. II, 209–227.

- Денисова В.И. 2004: К боспорским монетам с пятиколонным храмом // Археологические вести. 11, 114–127.
- Завойкин А.А. 2010: Политическая история Азиатского Боспора. Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.) // Античное наследие Кубани. Т. II / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 12–78.
- Иванова А.П. 1961: Скульптура и живопись Боспора. Киев.
- Иванчик А.И. 2013: Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 1, 59–77.
- Кат. Ленинград 1990: Давыдова Л.И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. — III в. н.э. Государственный Эрмитаж. Каталог выставки. Л.
- Кат. Москва 2002: На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского / Д.В. Журавлев (ред.). М.
- Кат. Ростов–на–Дону 1999: Ильюков Л. На краю Меотиды. Греки и варвары в Северо-Восточном Приазовье в I тысячелетии до нашей эры. Ростов–на–Дону.
- Крыжицкий С.Д. 2000: К проблеме строительства в Северном Причерноморье храмов с нечетным количеством колонн по главному фасаду // ВДИ. 1, 144–152.
- Кузнецов В.Д. 2007: Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 227–243.
- Максимова М.И. 1961: Серебряная пряжка из Артюховского кургана // КСИА. 83, 139–141.
- Максимова М.И. 1979: Артюховский курган. Ленинград.
- Матковская Т.А. 2001: Мужской костюм Европейского Боспора первых веков н.э. (по материалам керченского лапидария) // БИ. I, 101–136.
- Матковская Т., Твардецки А., Тохтасьев С., Бехтер А. 2014: Боспорские надгробия II в. до н.э. — III в. н.э. (Лапидарная коллекция, III. 2). Киев.
- Мошкова М.Г. 1960: Раннесарматские бронзовые пряжки // Древности Нижнего Поволжья. II (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции) / Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов (ред.) (МИА. 78). М., 293–307.
- Назаров В.В. 1986: Архитектурные сооружения на монетах Боспора // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / В.В. Анохин (ред.). Киев, 153–162.
- Пичикян И.Р. 1984а: Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.
- Пичикян И.Р. 1984б: Культовая античная архитектура европейского и азиатского Боспора // Античная культура Северного Причерноморья / С.Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 88–105.
- Пуздровский А.Е. 2007: Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь.
- Ростовцев М.И. 1911: Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии, 1886–1911. СПб., 119–154.
- Савостина Е.А. 2011: Царь Боспора. Скульптурный портрет в собрании Эрмитажа — проблема атрибуции // ДБ. 15, 248–263.
- Савостина Е.А. 2012: Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте (БИ Supplement, 8). Симферополь — Керчь.
- Сапрыкин С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н.э. // ВДИ. 2, 45–81.
- Сапрыкин С.Ю. 2014: Митридат Евпатор или Аспург? К идентификации портрета царя из Пантикапея // ДБ. 18, 308–324.
- Сапрыкин С.Ю., Парфенов В.Н. 2012: ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? // ВДИ. 1, 163–182.
- Соколов Г.И. 1973: Античное Причерноморье. Л.
- Сокольский Н.И. 1978: Фрагмент стелы с изображением Афродиты // Проблемы советской археологии / В.В. Кропоткин, Г.И. Матюшин, Б.Г. Петерс (ред.). М., 128–132.
- Толстиков В.П. 1976: Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1, 80–90.
- Толстиков В.П. 1999: Костюм и вооружение на Таманской стеле с воинами // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья / Е.А. Савостина, Э. Зимон (ред.). М., 122–137.
- Трейстер М.Ю. 2007: Торевтика и ювелирное дело Северного Причерноморья (2 в. до н.э. — 2 в. н.э.) (эллинистическая традиция) // Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и

- ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. Том 1. Симферополь–Бонн, 15–194.
- Трейстер М.Ю. 2011: Бронзовые и золотые пряжки и наконечники поясов с тамгообразными знаками — феномен боспорской культуры II в. н. э. // ДБ. 15, 303–340.
- Трейстер М.Ю. 2015: Синкретические женские божества на ювелирных изделиях из Фанагории и Горгиппии первых веков н.э. и некоторые наблюдения об иконографии Афродиты Урании на Боспоре // ПИФК. 1, 308–337.
- Трофимова А.А. 2012: *Imitatio Alexandri*. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма. СПб.
- Тункина И.В. 2010: Археолого-эпиграфические исследования Ф.К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам) // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин (ред.). М., 588–610.
- Фролова Н.А. 1997: Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Т. I–II. М.
- Харко Л.П. 1946: Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. 13, 137–141.
- Харко Л.П. 1950: О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах // ВДИ. 1, 197–205.
- Шаров О.В. 2012: Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // *Stratum plus*. 4, 201–237.
- Aldrete G.S., Bartell S.M., Aldrete A. 2013: *Reconstructing Ancient Linen Body Armor: Unraveling the Linothorax Mystery*. Baltimore.
- Alföldi M.R. 1999: *Bild und Bildersprache der römischen Kaiser*. Mainz.
- Arsen'eva T.M., Böttger B., Vinogradov Ju. G. 1995: *Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994* // *EurAnt*. 1, 213–263.
- Aybek S. 2004: *Metropolis (İonia), Hellenistik ve roma devri heykeltıraşlık eserleri*. Diss. Ankara.
- Bergmann B. 2010: *Der Kranz des Kaisers*. B. — N. Y.
- Blech M. 1982: *Studien zum Kranz bei den Griechen*. B. — N.Y.
- Böttger B. 1995: *Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais* // *AA*. 1, 99–118.
- Bowersock G.W., Jones C.P. 2006: *A New Inscription from Panticapaeum* // *ZPE*. 156, 117–128.
- Braund D. 1984: *Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship*. London — Canberra — New York.
- Burger A.Cz. 1991: *Die Skulpturen des Stadtgebietes von Spoianae und des Gebietes zwischen der Drau und der Limesstrecke Lussonium — Altinum (CSIR Ungarn. VII)*. Budapest.
- Cadario M. 2004: *La corazza di Alessandro. Loricati di tipo ellenistico dal IV secolo a.C. al II d.C.* Milano.
- Cat. Bonn 2013: *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten* / LVR — Landesmuseum Bonn (Hrsg.). Bonn.
- Cat. Milan 1984: *Gli ori di Taranto in età ellenistica* / E.M. De Juliis (ed.). Milano.
- Chapouthier F. 1935: *Le sanctuaire des Dieux de Samothrace (Exploration archéologique de Délos, 16)*. P.
- CIRB-Album 2004: *Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Album Imaginum (CIRB-album)* / Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом). СПб.
- Conrad S. 2004: *Die Grabstelen aus Moesia Inferior. Untersuchungen zu Chronologie, Typologie und Ikonographie*. Leipzig.
- Cremer M.-L. 1991: *Hellenistisch-römische Grabstelen im nordwestlichen Kleinasien. Teil. 1: Mysien (Asia Minor Studien, 4.1)*. Münster.
- Curtis V.S. 2001: *Parthian Belts and Belt Plaques* // *IrAnt*. 36, 299–327.
- Ellerbrock U. 2013: *Religiöse Ikonographie auf parthischen Münzen. Der Einfluss politisch-gesellschaftlicher Veränderungen auf das Bild der Göttin Tyche im Parthischen Reich* // *IrAnt*. 48, 253–311.
- Erciyas D.B. 2001: *Studies in the Archaeology of Hellenistic Pontus: the Settlements, Monuments, and Coinage of Mithridates VI and his Predecessors*. Diss. Cincinnati.
- Erciyas D.B. 2006. *Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithradatids (Colloquia Pontica, 12)*. Leiden.

- Etienne R., Braun J.P.* 1986: Ténos I: le sanctuaire de Poseidon et d'Amphitrite (BEFAR, 263). P.
- Fabircius J.* 1999: Die hellenistischen Totenmahlreliefs. Grabrepräsentation und Wertvorstellungen in ostgriechischen Städten. München.
- Fejfer J.* 2008: Roman Portraits in Context. II. B. — N.Y.
- Feugère M.* 2002: Weapons of the Romans. Charleston.
- Franzoni L.* 1987: Habitus atque habitudo militis. Monumenti funerari di militari nella Cisalpina romana. Roma.
- Fröhlich B.* 1998. Die statuarischen Darstellungen der hellenistischen Herrscher. Hamburg.
- Gergel R.A.* 2006: The Evolution of "Hellenistic" Cuirassed Statues from Alexander the Great Through the 2nd c. A.D. Rec. ad: *Cadario M.* La corazza di Alessandro. Loricati di tipo ellenistico. Milano, 2004 // JRA. 19.2, 450–456.
- Grüßinger R.* 2011: Girlanden, Greifen und Erosen — Pergamon und die hellenistische Baudekoration // Pergamon. Panorama der antiken Metropole / R. Grüßinger, V. Kästner (Hrsg.). Petersberg, 87–91.
- Hatscher Ch. R.* 2000: Charisma und Res Publica (Historia Einzelschriften 136). Stuttgart.
- Højte J.M.* 2009: Portraits and Statues of Mithridates VI // Mithridates VI and the Pontic Kingdom (BSS 9) / J.M. Højte (ed.). Aarhus, 145–162.
- Hölscher T.* 1967: Victoria Romana. Archäologische Untersuchungen zur Geschichte und Wesensart der römischen Siegesgöttin von den Anfängen bis zum Ende des 3. Jhs. n. Chr. Mainz.
- Ignatiadou D., Tsigarida B.* 2011: Gold Wreaths and Diadems. Archaeological Museum of Thessaloniki. Thessaloniki.
- Itgenshorst.* 2005: Tota illa pompa. Der Triumph in der römischen Republik (Hypomnemata, 161). Göttingen.
- Ivantchik A.I.* 2014: Roman Troops in the Bosphorus. Old Problem in the Light of a New Inscription Found in Tanais // *acss.* 20. 2, 165–194.
- Ivančik A.I., Tokhtas'ev S.R.* im Druck: Die Inschriften aus den russisch-deutschen Ausgrabungen in Tanais 1993–2003 // *EurAnt.*
- Kramer S.* 1994: Das Grabmonument des T. Flavius Mikkalus aus Perinth // *KölnJb.* 27, 99–116.
- Kreuz P.A.* 2009: Monuments for the King: Royal Presence in the Late Hellenistic World of Mithridates VI // Mithridates VI and the Pontic Kingdom (BSS 9) / J.M. Højte (ed.). Aarhus, 131–144.
- Kühnen A.* 2005. Die *imitatio Alexandri* als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. Diss. Universität Duisburg-Essen.
- Künzl E.* 1996: Gladiusdekorationen der frühen römischen Kaiserzeit: Dynastische Legitimation, Victoria und Aurea Aetas // *JbRGZM.* 43, 383–474.
- Lambrinoudakis V., Gruben G.* 1987: Das neuentdeckte Heiligtum von Iria auf Naxos // *AA,* 569–621.
- Laube I.* 2006: Thorakophoroi. Gestalt und Semantik des Brustpanzers in der Darstellung des 4. bis 1. Jhs. v. Chr. (Tübinger Archäologische Forschungen, 1). Rahden.
- Lochman T.* 2003: Studien zu kaiserzeitlichen Grab- und Votivreliefs aus Phrygien. Basel.
- Loots L., Waelkens M., Depuydt F.* 2000: The City Fortifications of Salagassos from the Hellenistic to the Late Roman Period // *Salagassos V. Report on the Survey and Excavation Campaigns of 1996 and 1997* / L. Loots, M. Waelkens (eds.). Leuven, 595–634.
- Mansel A.M.* 1968: Osttor und Waffenreliefs von Side // *AA,* 239–279.
- Marcadé J.* 1969: Au Musée de Délos. Etude sur la sculpture hellénistique en ronde bosse découverte dans l'île. P.
- Sculptures déliennes* 1996: Sculptures déliennes / J. Marcadé (ed.). P.
- Meyer M.* 1989: Die griechischen Urkundenreliefs (AM Beiheft 13). B.
- Meyer M.* 2006: Die Personifikation der Stadt Antiocheia. Ein neues Bild für eine neue Gottheit (JdI Ergb. 33). B.
- Mlasowsky A.* 1996: Nomine ac fortunae Caesarum proximi. Die Sukzessionspropaganda der römischen Kaiser von Augustus bis Nero im Spiegel der Reichsprägung und der archäologischen Quellen // *JdI.* 111, 249–388.
- Mørkholm O.* 1991: Early Hellenistic Coinage. Cambr.
- Moritz R.* 2006: Wand- und Deckenmalereien spätklassischer und hellenistischer Zeit im nord- und westpontischen Raum. Diss. Universität Hamburg.

- Papagianni E.* 2013: Grabreliefs römischer Soldaten aus Griechenland: Beobachtungen zu ihrer Typologie und Ikonographie // *Sepulkra na skulptura zapadnog Ilirika i susjednih oblasti u doba rimskog carstva* / N. Cambi, G. Koch (eds.). Split, 795–814.
- Pfuhl E., Möbius H.* 1977–1979: Die ostgriechische Grabreliefs. Bd. I–II. Mainz.
- Pfrommer M.* 1990: Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks (IstForsch. 37). Tübingen.
- Podossinov A.V.* 2002: Am Rande der griechischen Oikumene. Geschichte des Bosporanischen Reiches // *Das Bosporanische Reich. Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike* / J. Fornasier, B. Böttger (Hrsg.). Mainz, 21–38.
- Polito E.* 1998: Fulgentibus armis. Introduzione allo studio dei fregi d'armi antichi (Xenia Antiqua Monografie, 4). Roma.
- Popović I.* 1998: Roman Jewelry in the Form of Hercules Symbols in the Central Balkans // *Starinar*. 49, 77–92.
- Post A.* 1995: Parthische Gürtelschnallen aus Iran // *Boreas*. 18, 247–254.
- Price M.J.* 1982: The 'Porus' Coinage of Alexander the Great: A Symbol of Concord and Community // *Studia Paulo Naster Oblata I (Orientalia Louvaniensia, 12)* / S. Scheers (ed.). Leuven, 75–88.
- Pryce F.N., Smith A.H.* 1892: Catalogue of Greek Sculpture in the British Museum. Vol. I–III. L.
- Rumscheid F.* 1994: Untersuchungen zur kleinasiatischen Bauornamentik des Hellenismus (Beiträge zur Erschließung hellenistischer und kaiserzeitlicher Skulptur und Architektur, 14). Mainz.
- Sayar M.H.* 1998: Perinthos-Herakleia (Marmara Ereğlisi) und Umgebung. Wien.
- Schalles H.-J.* 1996: Corona civica oder Girlande? Ein neues Motiv auf einem tiberischen Schwertscheidenblech mit Reliefverzierung sowie Nachträge zu den Schwertscheidenblechen des 1. Jahrhunderts n. Chr. aus Xanten // *AKorrBl.* 26, 463–473.
- Smith R.R.R.* 1988: Hellenistic Royal Portraits. L.
- Stemmer K.* 1978: Untersuchungen zur Typologie, Chronologie und Ikonographie der Panzerstatuen (AF, 4). B.
- Treister M.* 2001: Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics (Colloquia Pontica, 8). Leiden — Köln — Boston.
- Treister M.* 2003a: Further Thoughts about Parthian and Related Belt and Belt Plaques // *IrAnt.* 38, 247–257.
- Treister M.* 2003b: The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations) // *acss.* 9, 43–85.
- Treister M.* 2005: Anhang 2. Neokles, "der Sohn von Herodoros", in: V. Mordvinceva, M. Treister, Zum Verhältnis "griechischer" und "barbarischer" Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. // *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.–15. Februar 2003* / F. Fless, M. Treister (Hrsg.). Rahden, 67–81.
- Tsigarida B., Ignatiadou D.* 2000: The Gold of Macedon. Archaeological Museum of Thessaloniki. Thessaloniki.
- Tubach J.* 1986: Im Schatten des Sonnengottes. Wiesbaden.
- Ustinova Yu.* 1999: The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God (The Religions in the Graeco-Roman World, 135). Leiden — Boston — Köln.
- Vermeule C.C.* 1959/1960: Hellenistic and Roman Cuirassed Statues // *Berytus*. 13, 1–82.
- Vermeule C.C.* 1964: Hellenistic and Roman Cuirassed Statues. A Supplement // *Berytus*. 15, 95–110.
- Vermeule C.C.* 1966: Hellenistic and Roman Cuirassed Statues. A Second Supplement // *Berytus*. 16, 49–59.
- Vermeule C.C.* 1974: Cuirassed Statues — 1974 Supplement // *Berytus*. 23, 5–26.
- Vermeule C.C.* 1978: Cuirassed Statues — 1978 Supplement // *Berytus*. 28, 85–123.
- Vermeule C.C.* 1980: Hellenistic and Roman Cuirassed Statues: Concordance of Greek and Roman Cuirassed Statues in Marble and Bronze. Boston.
- Vollenweider M.-L., Aviceau-Broustet M.* 2003: Camées et intailles. II. Les portraits du Cabinet des médailles. Catalogue raisonné. P.
- Von den Hoff R.* 2011: Bildnisse der Attaliden // *Pergamon. Panorama der antiken Metropole* / R. Grüssinger, V. Kästner (Hrsg.). Petersberg, 123–130.
- Von Kieseritzky G., Watzinger C.* 1909: Griechische Grabreliefs aus Südrussland. B.
- Waelkens M. et al.* 2000: The 1996 and 1997 Excavation Season at Sagalassos // *Salagassos V. Report on the Survey and Excavation Campaigns of 1996 and 1997* / L. Loots, M. Waelkens (eds.). Leuven, 217–398.

- Walbank M.E.H.* 2010: Image and Cult: The Coinage of Roman Corinth // Corinth in Context / S. Friesen, D. Schowalter, J. Walters (eds.). Leiden, 151–197.
- Webb P.A.* 1996: Hellenistic Architectural Sculpture: Figural Motifs in Western Anatolia and the Aegean Islands. Madison.
- Zanker P.* 1990: The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor.
- Zwierlein-Diehl E.* 2008: Magie der Steine. Die antiken Prunkkameen im Kunsthistorischen Museum. Wien.

CUIRASSED WARRIORS CROWNED BY NIKE IN THE BOSPORAN MONUMENTAL ART OF THE FIRST CENTURIES AD (OR WHO IS DEPICTED IN THE RELIEFS FROM PANTICAPAEUM AND TANAIS?)

M.Yu. Treister

The paper is an attempt to interpret two Bosporan stelae — from Panticapaeum and from Tanais — depicting cuirassed warriors being crowned with wreaths by flying/standing Nike. The style of the stelae, the composition of the scenes, and the paraphernalia such as cuirasses, cloaks, wreaths, buckles, are meticulously analyzed. Based on the palaeographic features of the Tanais stele inscription, it should be dated to the 1st–2nd centuries AD. The stele from Panticapaeum most probably also belongs to the same period.

Going over the scenes on the Bosporan reliefs, coins, and appliqués of funeral wreaths from the first centuries AD that feature Nike holding a wreath, gives every reason to believe that in the Bosporan Kingdom an images of Nike standing on the globe (or without it) / flying, crowning a horseman / a standing warrior / a tamga-shaped sign, were associated with a royal family. With high degree of probability such scenes should be seen in the context of the state military victories, connected with the royal power in its narrow or a broad sense. Therefore, the images of the cuirassed warriors on the reliefs from Panticapaeum and Tanais could be interpreted as images the Bosporan rulers or of the members of the royal family.

MOSAIKEN AUS DER VILLA DES TIBERIUS IN CAPRI

(См. рис. 3–11 на вкладыше)

Im Jahre 1830 wurde das von Carl Friedrich Schinkel eröffnete Alte Museum als erster Museumsbau Berlins der Öffentlichkeit übergeben. Neben der Gemäldesammlung im Obergeschoß und Skulpturen aus verschiedenen Kulturepochen – Antike, Vorderasien, Neuzeit – im Hauptgeschoß war die umfangreichen Bestände antiker Kleinkunst und Münzen im Erdgeschoß untergebracht. Darunter befanden sich nicht nur Teile der Kunstkammer und die Alte Königliche Sammlung sondern auch Kollektionen, die der preußische König Friedrich Wilhelm III. gezielt für das neu zu gründende Museum zu Beginn des 19. Jahrhunderts ankaufen ließ. Die Sammlung des preußischen Generalkonsuls Jakob Ludwig Salomon Bartholdy wurde 1827 erworben und ein Jahr später wurde der Ankauf griechischer, römischer und etruskischer Werke aus der Sammlung des böhmisch-österreichischen Generalleutnants Baron Franz von Koller beschlossen.

Der Sammler

Koller (1767 – 1826) war Militärattaché am Neapler Hof in den Jahren 1815–18 und 1821–26¹. Als Kunstsammler und Amateurarchäologe brachte er in dieser Zeit eine große Sammlung von Antiken und Aegyptiaka zusammen, die er in seinem Schloss Obříství bei Melník (Böhmen) aufstellen und als öffentliches Museum zugänglich machen wollte. Auch Ausgrabungen ließ er in der Neapler Umgebung ausführen. Ein tschechischer Dichter, Milota Zdirad Polák, der Hauslehrer Kollers Söhne, nahm auch an Ausgrabungen für Koller in Pompeji teil. Bekannte Kunstsammler und Restauratoren aus Neapel und der Umgebung, darunter Onofrio Pacifico und der „impiegato del Museo Borbonico“ Raffaele Gargiulo², waren ihm beim Aufbau seiner Sammlung behilflich. Gargiulo war nicht nur Museumsbeamter und Verfasser der ersten Kataloge der Königlichen und privaten Neapler Sammlungen sondern auch ein bekannter Sammler und Händler. Als Restaurator am Museo Borbonico hatte er sich intensiv mit der Verfertigung antiker Vasen beschäftigt³. Er stand mit italienischen und sizilischen Händlern in Verbindung sowie mit zahlreichen Aristokraten des In- und Auslandes. Unter anderem vermittelte Gargiulo auch Antiken direkt an den preußischen König.

Schon zu Kollers Lebzeiten beobachteten deutsche Gelehrte und Museumsbeamte, darunter Eduard Gerhard, Theodor Panofka und Alois Hirt, aufmerksam das Wachsen von Kollers Sammlung. Panofka beauftragte einen Zeichner namens Rossi, der Kollers Vasen in Neapel zeichnete. Hirt regte an, ein Verzeichnis der Sammlung zu erstellen. Es ist anzunehmen, dass spätestens nach Kollers plötzlichem Tode – er starb im Alter von 59 Jahren an Typhus – das Verzeichnis gleichsam als Verkaufskatalog entstand. Das Opus, erstellt von Raffaele Gargiulo befindet sich in der Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin⁴. (Abb. 1) Es nennt 1348 Vasen, dazu kommen 670 Terrakotten, 185 Gläser, 694 Bronzen, 134 „Marmi“ (Steinskulpturen und Mosaiken) und einige Aegyptiaka, insgesamt ca. 3000 Objekte. Die ganze Sammlung hatte ca. 10.000 Objekte umfasst⁵.

¹ Heres 1977, 104–110; Kästner 1997, 87–100; Kroutvor 1999, 20–21; Dufková 2006, 49–69.

² Milanese 2007, 59–77; Kästner 2010 45; Milanese 2013, 13–29.

³ Gargiulo 1843.

⁴ Archiv Antikensammlung SMB, Rep. I Abt. A Inv. 41.

⁵ Die anderen Objekte wurden teils in böhmische Sammlungen, u.a. an das 1818 gegründete Nationalmuseum Prag (früher Vaterländisches Museum), teils in andere Orte der K. u. K. Monarchie oder ins Ausland verkauft. So gelangte ein Teil der umfangreichen ägyptischen Sammlung an das Ägyptische Museum Berlin, der weitaus größere Teil jedoch erst in den 1860er Jahren an das Museum Zagreb (damals Agram).

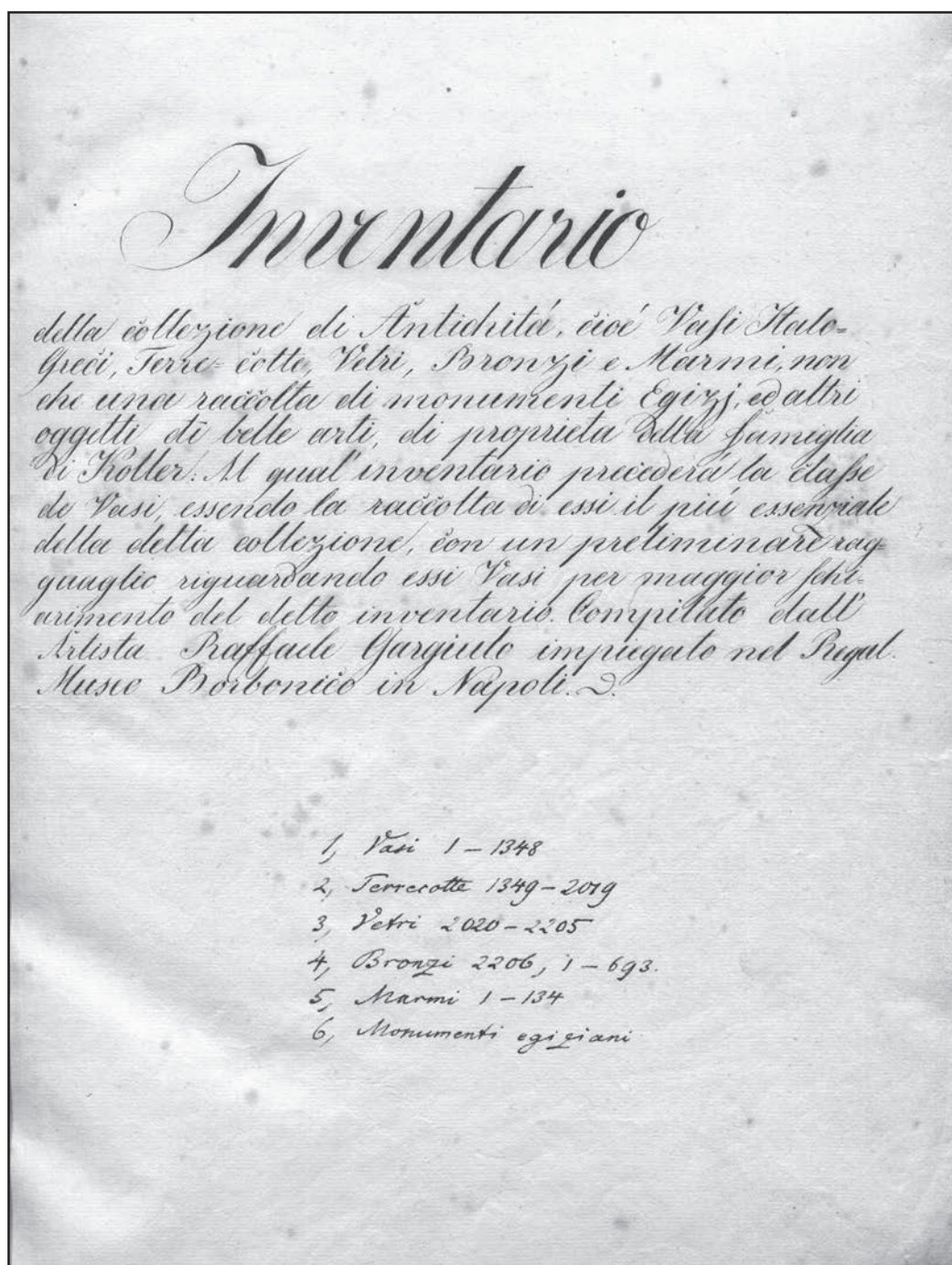

Abb. 1. Titelblatt des Kataloges der Antikensammlung des Barons Franz von Koller

Da Koller umfangreiche Umbaumaßnahmen zur Erweiterung seines böhmischen Schlosses begonnen hatte und die Weiterführung finanziell schwierig war, entschloss sich die Witwe zum sukzessiven Verkauf der Sammlung, die somit zum Spekulationsobjekt zwischen dem österreichischen Kaiser, dem preußischen König und der Stadt Prag wurde. Berliner Gelehrte, vor allem Konrad Levezow und Carl Bötticher handelten jedoch schnell mit der Familie den Ankauf aus. Per Kabinettsordre des Königs Friedrich Wilhelm III. vom 24. 7. 1828 wurden die 3000 verzeichneten Objekte für 100.000 Reichs-Mark gekauft. Die Koller'sche Sammlung kam im Oktober 1829 in Berlin an und wurde ab 1830 hier im Alten Museum ausgestellt.

Im Inventar der Sammlung Koller, das Raffaele Gargiulo für den Verkauf nach Berlin aufgestellt hat, sind neben antiken Vasen und Terrakotten auch 37 Mosaikstücke aufgeführt. Unter diesen Mosaiken, die

Abb. 2. Zettel mit Herkunftsangabe auf der Rückseite von Mos. 51

teils antik teils modern oder auch aus antikem Material modern gesetzt wurden, befindet sich eine Gruppe von sieben Objekten (Listen-Nr. 9–15), für die als einzige auch die Herkunft angegeben wurde. Beschrieben werden sie als Fragmente „di mosaico di marmi e paste vitree colorite“ und als Fundort notierte Gargiulo dazu „del palazzo Tiberio a Capri“. Diese Angabe wird bestätigt durch Zettel, die auf der Rückseite von drei Fragmenten aufgeklebt sind und auf denen der folgende Text zu lesen ist: „FRAMMENTO DI MUSAICI DELLA VILLA TIBERIANA SOPRA L'ISOLA (bzw. NEL ISOLA) DI CAPRI“ (Abb.2). Es handelt sich danach eindeutig um Marmor- und Glasmosaikproben aus der Villa Iovis des römischen Kaisers Tiberius auf der Insel Capri.

Katalog

Im Mosaik-Inventar der Antikensammlung haben die genannten Objekte die Bezeichnung Mos. 27, 28 sowie 51 – 53 erhalten:

Mos. 27 (Sammlung Koller Nr. 14; alte Inv. TC 2703)

Maße: 33 × 24,8 cm; Dicke ca. 4 cm

Das Fragment ist auf einer grauen Tuffsteinplatte in Gips gebettet und hat einen Rahmen aus Bandeisen. Auf der Rückseite wurde mittig ein Eisenband mit einem rechteckigen Loch zur Aufhängung angebracht. Auf die Tuffplatte ist die Koller-Inventarnummer (14) in roter und schwarzer Farbe aufgemalt. Die roten Tesserae sind teilweise in Gips ergänzt. Die Oberfläche des Mosaiks ist rau und nicht glatt geschliffen. Die Gipseinfassung ist modern restauriert⁶.

Das Fragment besteht überwiegend aus Glastesserae in 7 Farben:

opak-weiß	Seitenlängen: 5–7 mm
hellblau	5–7,5 mm
dunkelblau	5–6 mm
hellgelb	5–6 mm
gelb	5–8 mm
dunkelgrün	6–8 mm
dunkelrot	5–8 mm

⁶ Im Mosaikverzeichnis von Irmgard Kriseleit erwähnt aber nicht abgebildet (Kriseleit 1985, 57 Nr. 34).

Die Randstreifen sind aus gelblich-weißen und schwarzen Naturstein-Tesserae gesetzt (Marmor, Basalt; SL: 5–6 mm)

Das Fragment (Abb.3) ist das Endstück eines Swastikamäanders. Die äußere Einfassung des Ornamentes besteht jeweils unten, oben und an einer Schmalseite aus 2 Reihen gelblich-weißer Marmorsteine, zwei Reihen schwarzer Steine und zwei weiteren Reihen hellblauer Glaswürfel. An der erhaltenen abschließenden Schmalseite sind davon nur noch eine Reihe schwarzer Steine sowie der hellblaue Glasstreifen erhalten. Das Ende des Mäandermusters wird außerdem noch an drei Seiten von einer Reihe opak-weißer Glastesserae gerahmt. Einfache Reihen von gelben und hellgelben Glaswürfeln, die rechtwinklig umbiegen und sich überkreuzen ergeben das Swastikamuster. Die Zwischenräume sind als farbige zwei Tesserae breite Farbstreifen gestaltet. Diese Streifen bilden außen gegenständig je einen roten und dunkelgrünen Hakenmäander während die in der Mitte liegende S-Haken aus dunkelblauen Glaswürfeln bestehen. Über die Hälfte der roten Tesserae sind in gefärbten Gips ergänzt, so dass auch am Ornamentende der Modus des Aufeinandertreffens von rotem und dunkelgrünem Streifen in einer Außenecke nicht mehr klar erkennbar ist⁷.

Mos. 28 (Sammlung Koller Nr. 15; alte Inv. TC 2704)

Maße: 34,3 × 25 cm; Dicke ca. 4 cm

Das Fragment ist wie Mos. 27 auf einer grauen Tuffsteinplatte in Gips gebettet und hat einen Rahmen aus Bandeisen (Abb.4). Auf der Rückseite wurde mittig ein Eisenband mit einem rechteckigen Loch zur Aufhängung angebracht. Auf der Tuffplatte ist die Koller-Inventarnummer (15) in roter und schwarzer Farbe aufgemalt. Die Tesserae sind großflächig in Gips ergänzt⁸.

Tesserae und Farben entsprechen Mos. 27.

Das Fragment bildet einen weiteren etwa gleich großen Abschnitt desselben Ornamentbandes wie Mos. 27. Der Swastika-Mäander ist jedoch an den Schmalseiten mit gefärbtem Gips sehr stark ergänzt. Auch die roten Steine bestehen zumeist aus gefärbtem Gips.

Mos. 49 (Sammlung Koller Nr. 10; alte Inv. TC 2688; prov. Nr. 2081x)

Maße: 20 × 16 cm; Dicke mit Unterlage max. 3 cm

Das Fragment (Abb. 5) ist mit einem schwarzbraunen Kitt auf einer 6 mm dicken Schieferplatte fixiert. Dafür wurde der Bettungsmörtel restlos entfernt. Drei Seiten sind mit Gips eingefasst, die obere Schmalseite mit scharfem Bruch ist dagegen wohl sekundär beschädigt. Der Kalkmörtel in den Fugen enthält Ziegelkörner. Die Oberfläche ist rau geblieben und nicht glatt geschliffen. Auf die Schieferplatte ist ein weißer Zettel (17,2 x 16,4 cm) geklebt mit folgendem Text: „FRAMMENTO DI MUSAICI DELLA VILLA TIBERIANA SOPRA L'ISOLA DI CAPRI“.

Das Mosaik besteht aus würfelförmigen Naturstein-Tesserae (Kalkstein, Basalt) in fünf verschiedenen Farben:

weiß	Seitenlängen:	8,55–6,0 mm	Dicke ca. 6 mm
schwarz (versintert)		6–10 mm	
braunrot		5–6,5 mm	
rosa		6–7 mm	
graugrün		4–7 mm	

Das Fragment zeigt ein fünfsträhniges Schlossband auf schwarzem Grund, das an einer Seite von einem breiten Streifen aus 3 Reihen weißer Kalkstein-Tesserae eingefasst wird. Der gegenüberliegende Rand ist nicht erhalten. Das Schlossband besteht aus 5 Steinreihen, wobei die mittlere Reihe abwechselnd aus graugrünen oder braunroten Tesserae besteht. Die äußeren Reihen sind aus weißen und gelben, die inneren aus schwarzen und weißen Steinen gesetzt. Das Bandauge besteht aus einem weißen Steinwürfel. Das drei-

⁷ Répertoire I, 77 Taf. 35e: Variante des Swastika-Mäanders mit einfachem Rücklauf: auf zweifarbigem Grund einen unterbrochenen Mäander bildend.

⁸ Wie Mos. 27 in Kriseleit 1985, 57 Nr. 34 genannt.

eckige Herzstück zwischen den Bändern ist ebenfalls alternierend gefärbt: braunrot mit graugrüner Kelchöffnung oder graugrün mit braunrotem (?) Ende. Den Abschluss bildet ein gebogener weiß-schwarzer Streifen. Wegen der rauen Oberfläche ist eine Verwendung als Bodenmosaik unwahrscheinlich ⁹.

Mos. 50 (Sammlung Koller Nr. 13; alte Inv. TC 2690; prov. Nr. 2018x)

Maße: 34 × 12,2 cm;

Die Oberfläche des oben schräg gebrochenen Mosaikstreifens ist leicht gekrümmt. An den Bruch passt Mos. 53 an. Beide Fragmente waren zusammen auf einer 5 mm dicken Schieferplatte mit einem schwarz-braunen Kitt fixiert. Dafür wurde der Bettungsmörtel restlos entfernt. Der untere Rand ist mit Gips eingefasst. Die übrigen drei Seiten zeigen Bruchkanten, wobei an mehreren Stellen Steine herausgefallen sind. Auf der Rückseite der Schieferplatte ist ein weißer Zettel (18,2 x 6,8 cm) mit folgendem Text geklebt: „FRAMMENTO DI MUSAICI DELLA VILLA TIBERIANA NEL ISOLA DI CAPRI“.

Mos. 53 (Sammlung Koller Nr. 11; alte Inv. TC 2692)

Maße: 25,7 × 11,5 cm

Vgl. Mos. 50. Seitenränder und oberer Abschluß sind mit Gips eingefasst. Oben sind Tesserae-Reihen in Gips ergänzt. Unten ist das Stück schräg abgebrochen. Hier schließt Fragment Mos. 50 an

Die beiden zusammengehörigen Fragmente Mos. 50 und 53 bestehen aus Glaswürfeln in 9 verschiedenen Farben sowie weißen Kalksteintesserae (Abb. 6). In den Fugen befindet sich ein weißer Kalkmörtel. Die verwendeten Farben der Glaswürfel sind:

hellgrün	Seitenlänge:	4–5 mm	Dicke ca. 5 mm
dunkelgrün		5–7 mm	
hellblau		6–8 mm	
blau		5–7 mm	
dunkelblau		5–8 mm	
dunkelrot		3–7 mm	
gelb		4–7 mm	
gelbgrün		4–5 mm	
weiß(opak)		5–7 mm	

Die Kalksteintesserae sind weiß (Seitenlänge ca. 5 mm).

Das konvex gekrümmte Fragment ist Teil eines Mosaiks, das einen bunt gemusterten Vorhang darstellte¹⁰. Der untere Rand besteht mindestens 5 Reihen von Glaswürfeln, wovon noch drei in Resten erhalten sind. Das Ornament ist ein hellgrünes Zinnenband mit einem weißen Hintergrund. Die Zinnen bestehen über einer Reihe durchlaufend grüner Tesserae aus einer alternierenden Folge von je zwei grünen und einem weißen Glaswürfel. Den Abschluss bildet eine durchgehende Reihe der gleichen weißen Tesserae. Darauf folgt ein dunkelblauer Streifen aus drei Tesserae-Reihen, der oben von einer Reihe gelber Glaswürfel begrenzt wird. Darauf folgt ein ca. 9 Reihen breites Band aus hellblauen und blauen Würfeln mit einer Reihe hängender roter und gelblichgrüner Wolfszähne am oberen Rand. Die dreieckigen Zähne sind etwa drei Steine breit und 4 Steine hoch, wobei immer zwei rote mit zwei gelbgrün gefärbten Elementen abwechseln. Die gelbgrün getönten Steine sind offenbar durch Korrosion grau verfärbt, so dass ihr ursprünglicher Farbton kaum noch zu erkennen ist. Der Wechsel der blauen und hellblauen sowie der gelbgrünen und roten Steine des Musters imitiert die Schattenbildung einer gewellten Stoffoberfläche. Über den hängenden Zähnen schließen eine hellblaue/blau und eine leicht nach oben gebogene fahlrosa/rote Steinreihe dieses Ornamentband ab. Darauf folgt ein zwei Steinreihen breites noch stärker gebogenes Band aus gelben Glas- und weißen Kalksteinwürfeln als unterer Rand eines Schuppenmusters.

⁹ Vergleichbar mit Répertoire I, 124 Taf. 75b (lockeres Schlossband bzw. Kelchband mit gebogenem, durchlochten Inneren, mehrfarbig) – das Innere ist hier jedoch nicht durchlocht.

¹⁰ Répertoire I, 155 Taf. 100c: mehrfarbiger Tuchbehang.

Die Schuppen sind in drei Reihen angeordnet. Die Konturen sind aus gelben Glaswürfeln und weißen Kalksteintesserae gesetzt und umgeben hell- bis dunkelgrün ausgefüllte Schuppenfelder. In der Mitte der Schuppen befindet sich in der ersten und dritten Reihe jeweils ein aus vier Steinen gesetzter weißer und gelber Rhombus und in der mittleren Reihe jeweils nur ein einzelner gelber Glaswürfel. Der Wechsel von gelben Glaswürfeln zu weißen Kalksteinen in den Konturen und bei den zentralen Rhomben entspricht der von hell- zu dunkelgrünen Glaswürfeln in den Schuppenfeldern. Damit wird die im darunter liegenden Muster beginnende malerischen Darstellung einer senkrechten Falte in der Mitte des Fragmentes weiter fortgesetzt.

Über den Schuppen läuft ein 4–5 Steinen breites hellgrünes Band, das oben mit einer Kette konkaver Bögen aus je einer Reihe hellblauer und hellgrüner Glaswürfel begrenzt wird. Darauf folgen im gleichen gewellten Duktus eine zweireihiges hellblaues und fünfzeihiges dunkelrotes Band, das mit einer Reihe gelber Glaswürfel abschließt. An den Punkten, wo sich die einzelnen gelben Bögen der Kette treffen ist jeweils ein kurzer senkrechter Streifen aus vier gelben Steinen eingefügt. Die Querstreifen ragen mit zwei Steinen in das rote Band und mit einem Stein in das darüber laufende drei bis vier Steine breite dunkelblaue Band. Der obere Abschluss des blauen Bandes bildet wieder eine gerade Linie. Darüber läuft ein Spiralmuster (laufender Hund) aus opak-weißen und hellgrünen Glaswürfeln. Die obere Kontur der hellgrünen Spiralbögen besteht aus einer Reihe gelber Tesserae, die eine konvexe Bogenkette bilden. Jeweils an den Berührungspunkten der Bögen ist oben in den Zwickel ein weiterer gelber Glaswürfel eingesetzt. Den oberen Abschluss des Fragmentes bildet ein noch vier Steinreihen breiter Streifen aus abwechselnd blauen und opak-weißen Feldern. Soweit erkennbar sind die weißen Felder vier Steine und die blauen Felder etwa fünf Steine breit. An dieses Feldermuster kann wahrscheinlich Inv. Mos. 52 angeschlossen werden.

Die Glasmosaikfragmente Mos. 50/53, 51 und 52 gehören aufgrund der gekrümmten Oberfläche wahrscheinlich zu einer Mosaiksäule.

Mos. 51 (Sammlung Koller Nr. 9; alte Inv. TC 2689; prov. Nr. 2088x)

Maße: 22 × 9 cm;

Der schmale hochrechteckige Mosaikstreifen ist leicht gekrümmt. Die Oberfläche des Fragmentes ist rau geblieben und nicht geschliffen. Die Tesserae sind mit einem schwarzbraunen Kitt auf einer 4,5 mm dicken Schieferplatte fixiert. Dafür wurde der Bettungsmörtel restlos entfernt. Am linken und unteren Rand sind mehrere Tesserae ausgefallen. Auf die Schieferplatte ist ein weißer Zettel (16,8 x 6,1 cm) geklebt mit folgendem Text: „FRAMMENTO DI MUSAICI DELLA VILLA TIBERIANA SOPRA L'ISOLA DI CAPRI“.

Das Fragment lässt sich unten rechts an Inv. Mos. 50/53 anfügen.

Tesseraeformate und Farben wie bei Inv. Mos. 50/53.

Das Ornament entspricht im unteren Teil einschließlich des Schuppenmusters Inv. Mos. 50/53. Zwei Reihen grüner Schuppen sind noch erkennbar. Die Schuppen haben gelbe Konturen. Der aus vier Tesserae gebildete mittlere Rhombus in den Schuppen besteht unten links aus weißen Kalksteinstücken und rechts aus gelben Glassteinen. Über der zweiten Schuppenreihe endet das Fragment. Das Stück kann rechts unten direkt an den Bruch von Mos. 50 angesetzt werden (Abb. 7).

Mos. 52 (Sammlung Koller Nr. 12; alte Inv. TC 2691; prov. Nr. 2090x)

Maße: 26,4 × 12 cm;

Die Oberfläche des schmalen Mosaikstreifens ist leicht gekrümmt. Die Tesserae sind mit einem schwarzbraunen Kitt auf einer 4 mm dicken Schieferplatte fixiert. Dafür wurde der Bettungsmörtel restlos entfernt. Die Ränder sind mit Gips eingefasst, wobei Mosaikpartien auch in Gips ergänzt wurden. Die schmalste Seite ist gebrochen. Das Bruchstück ist ein Streifen mit einem diagonalen Ausschnitt des Ornamentes und lässt sich wahrscheinlich als obere Fortsetzung von Inv. Mos. 50/53 interpretieren.

Das Mosaik besteht aus Glaswürfeln in 7 verschiedenen Farben und sowie weißen, rosafarbenen und rotbraunen Kalksteintesserae. In den Fugen befindet sich ein weißer Kalkmörtel. Die verwendeten Farben der Glaswürfel sind:

hellgrün	Seitenlänge:	6–8 mm	Dicke ca. 5 mm
dunkelgrün		7–10 mm	
hellblau		7–10 mm	
dunkelblau		7–8 mm	
dunkelrot		5–7 mm	
gelb		5–10 mm	
weiß(opak)		6–8 mm	

Die Kalksteintesserae sind weiß (Seitenlänge ca. 5–9 mm), rosa und rotbraun (Seitenlängen: 5–7 mm)

Ein gekreuztes Wellenbandpaar ¹¹ wird an einer Seite (unten?) von einem Ornament eingefasst, von dem noch ein ca. 6 Steine breites Feld aus zwei Reihen dunkelblauer Glaswürfel erhalten ist (Abb. 8). Der Anschluss rechts ist falsch als Bogenansatz in Gips ergänzt. Dieser Rest scheint dem oberen dunkelblau-weiß gemusterten Band von Inv. Mos. 50/53 zu entsprechen.

Das gekreuzte Wellenbandpaar wird beidseitig von einer gerade durchlaufenden Reihe gelber Steine eingefasst. Auch die Zwickel an den Bandkreuzungen sind gelb ausgefüllt. Das Band selbst wird beidseitig von einer Doppelreihe hellgrüner Steine begleitet. Das eigentliche Wellenband besteht aus zwei Steinreihen breiten Streifen in weißen und gelben sowie hellblauen und dunkelgrünen Tesserae. Am Kreuzungspunkt sind die Bänder am breitesten und werden dann in den Bögen schmaler, wobei die Farben von weiß nach gelb bzw. hellblau nach dunkelgrün wechseln. Die dunkelblauen Wellenbandaugen sind mit kreuzförmigen Blüten gefüllt. Die Blütenmitte bildet jeweils ein gelber Glaswürfel, während die anschließenden Lanzettblätter aus weißen, rötlichen und rotbraunen Kalksteintesserae bestehen.

Über dem Wellenband liegt ein stärker korrodierter 4–5 Steinreihen breiter Streifen dunkelgrüner Tesserae, der mit einer Reihe konvexer Bögen aus opakweißen Glassteinen abschließt. Darüber ist noch ein bis zu drei Reihen breiter Streifen erkennbar, der aus dunkelroten, dunkelgrünen und gelben Tesserae besteht. Sein Muster ist nicht genau zu bestimmen. Wahrscheinlich bestand es aus einem gelben Zickzackband, dessen dreieckige Zwickel unten rot und oben grün ausgefüllt waren. Den Abschluss bildet eine Gipsergänzung.

Datierung und Fundort

Im Gegensatz zu den anderen sicher ebenfalls aus der näheren Umgebung Neapels erworbenen Mosaikproben der Sammlung Koller, die eine glatt geschliffene Oberfläche aufweisen und somit als Fußbodenbelag zu bestimmen sind, haben die hier beschriebenen Fragmente von der Insel Capri eine raue, ungeschliffene Oberfläche. Sie lassen sich daher als Wandmosaiken definieren. Außerdem können wir diese Fragmente in zwei Gruppen unterteilen: in Fragmente mit ebener und mit gekrümmter Oberfläche. Die Fragmente mit ebener Oberfläche (Mos. 27, 28 und 49) waren sicher Teil einer Wandverkleidung. Das Fragment **Mos. 49** ist dabei das einzige Stück, für das ausschließlich Naturstein-Tesserae verwendet wurden. Das mehrfarbige Schlossband (bzw. Kelchflechtband) kann zu einer Ornamentzone innerhalb eines Wandsockels gehört haben. Kriterien für eine genauere zeitliche Einordnung dieses langlebigen und beliebten Musters gibt es aber nicht.

Die Fragmente **Mos. 27 und 28** sind Bruchstücke desselben Wandmosaiks. Bis auf die äußeren weiß-schwarzen Natursteinstreifen besteht es aus Glaswürfeln in kräftigen blauen, dunkelgrünen und roten Farben. Die von feinen schwarzen Schlieren durchzogene Glasmasse der roten Tesserae blättert in Schichten ab und ist deshalb besonders verwitterungsanfällig. Deshalb wiesen die roten Mosaikpartien bei der Auffindung wohl besonders große Fehlstellen auf und wurden im 19. Jahrhundert bei Fragment Mos.27 etwa zur Hälfte und bei Fragment Mos. 28 vollständig mit gefärbtem und geritztem Gips ergänzt. Die Oberfläche der beiden Proben ist nicht geschliffen Wandmosaiken mit einem hohen Anteil an Glastesserae treten in Italien allgemein erst seit tiberianischer Zeit auf. Bereits um die Mitte des Jahrhunderts waren sie schon weit verbreitet und wurden in pompejanischen Häusern sehr oft zusammen mit Muscheln zur Gestaltung von Brunnenfassaden verwendet ¹². Große Mengen von Glastesserae fanden sich auch in den der Tiberiusvilla von Sperlonga und auf der Insel Capri, wo natürliche Höhlen zu prächtigen Nymphäen

¹¹ Répertoire I, 119 Taf. 69b: gekreuztes Wellenbandpaar, Kreise bildend, die mit einer Blüte gefüllt sind.

¹² Sear 1975, 95 f.; 1978, 22 f.

umgestaltet wurden ¹³. Auch bei den häufig und in zahlreichen Variationen verwendeten Mäandermotiven bietet das Ornament allein zunächst keine verwertbaren Datierungshinweise. Nach der Mosaiktechnik (hoher Anteil an Glastesserae), der Farbstimmung und dem überlieferten Fundort können die beiden Wandmosaikfragmente aber noch in das frühe 1. Jh. n. Chr. in die Zeit des Kaisers Tiberius datiert werden ¹⁴. Wahrscheinlich gehörten auch diese beiden Stücke zum Schmuck eines Wandsockels. Sie bildeten – wie der erhaltene seitliche Ornamentabschluss von Mos. 27 zeigt – horizontale Bänder zwischen senkrechten Gliederungselementen oder Raumgrenzen.

Die Mosaikfragmente Mos. 50–53 mit konvex gekrümmter Oberfläche sind besonders interessant (Abb. 9). Dabei ist die Zusammengehörigkeit der Fragmente Mos. 50, 51 und 53 durch anpassende Bruchkanten gesichert. Das Fragment Mos. 52 kann aufgrund gleicher Krümmung und der Übereinstimmung mit Bruchstück Mos. 53 in den Randzonen mit blauweißem Feldermuster ebenfalls diesem Komplex zugeordnet werden. Aufgrund der Krümmung müssen diese Stücke zu einer Mosaiksäule gehört haben, deren Durchmesser aufgrund der geringen Größe der Bruchstücke und einer möglichen Verformung beim Aufkleben auf die Schieferplatten nur annähernd zu bestimmen ist. Er dürfte ca. 80–90 cm betragen haben. Die bisher publizierten Mosaiksäulen wurden fast ausschließlich in pompejanischen Häusern gefunden und waren Bestandteil des architektonischen Rahmens von Brunnen oder Nymphäen, die sich in den Höfen befanden und eine reiche Dekoration mit Wandmosaiken aus Glastesserae aufwiesen. Diese Anlagen lassen sich in die 1. Hälfte bzw. das 3. Viertel des 1. Jhs n. Chr. datieren ¹⁵. Der Durchmesser dieser Mosaiksäulen ist kleiner als das für die Berliner Fragmente ermittelte Maß und ihr Format entsprechend zierlicher als wir es für die beschriebenen Stücke aus Capri annehmen dürfen ¹⁶.

Die Ornamentik weicht ebenfalls in ihrer Kleinteiligkeit von unseren Fragmenten ab, auch wenn einzelne geometrische Motive wie Schuppen, Zahnreihe, Girlandenbänder und laufender Hund ebenfalls vorkommen. Das Motiv von Mos. 52 mit den gekreuzten Wellenbändern und Blüten findet sich auch unter den Mosaikfragmenten in Sperlonga ¹⁷. Obwohl im Aufbau sehr ähnlich, so ist doch das Ornament des von Sear publizierten Vergleichsstückes im Museum von Sperlonga abstrakter gestaltet (Abb. 10). Die Blätter der Blüten sind zu kleinen Winkeln reduziert und statt der changierenden Farben der Wellenbänder des Berliner Fragmentes sind hier parallel laufende einfarbige gelbe und blaue Steinreihen gesetzt. Diese vereinfachte Ornamentik scheint auf ein späteres Entstehen des Fragmentes in Sperlonga hinzuweisen. Sear weist es zusammen mit anderen im Museum aufbewahrten Mosaikproben einer zweiten Bauphase des Villenkomplexes in neronischer oder flavischer Zeit zu ¹⁸.

Im Gegensatz zu den aneinander gereihten Einzelmotiven der pompejanischen Mosaiksäulen stellen die Fragmente Mos. 50–53 aus Capri insgesamt einen gemusterten und gewellten Tuchvorhang dar, der einem runden Architekturglied aufgelegt war. Die Licht-Schatten-Wirkung des gleichmäßigen gewellten Faltenwurfs wird durch den Wechsel von dunkleren zu helleren Farben der Tesserae dargestellt. Eine großflächige auf Marmorplatten gemalte Wanddekoration mit einem durch senkrechte Falten gegliederten Tuchvorhang wurde bereits am römischen Augustusforum im Saal mit der Kolossalstatue verwendet ¹⁹. In pompejanischen Häusern findet sich das Motiv häufiger in Fächer- oder Muschelform als Mosaikdekoration der Halbkugelkalotten von Brunnennischen ²⁰. Auf Mosaiksäulen ist es offenbar bisher noch nicht nachgewiesen.

Als Fundort der Berliner Fragmente wird sowohl im Inventar Gargiulos als auch in den Beischriften auf den Fragmenten die Tiberiusvilla von Capri genannt. Die wenigen aussagekräftigen Nachrichten über die

¹³ Ebd. und Maiuri 1969, 78–89.

¹⁴ Die Angaben im Katalog Kriseleit 1985, 57 Nr. 34 erfolgten noch ohne Kenntnis des überlieferten Fundortes und sind entsprechend zu korrigieren.

¹⁵ Sear 1978, 68–70 Nr. 29 (Casa di Apollo: Nymphäum mit 4 freistehenden Säulen); 71f. Nr. 32 (Casa della Fontana alle colonne: Brunnen mit flankierenden Halbsäulen); 82f. Nr. 48f. (Casa delle Colonne a mosaico: Brunnen, die 4 Mosaiksäulen im Nationalmuseum Neapel Inv. 9995–6, 10000–1); 85 Nr. 51 (Haus bei der Porta Marina: Nymphäum) und 186f. Nr. 308 (Zeichnung von M. Ruggiero von der Villa San Marco von Castellamare di Stabia: Brunnennische mit flankierenden Halbsäulen).

¹⁶ Sear 1978, 83 Nr. 49 (Säulen der Casa delle Colonne a mosaico im Museum Neapel: Höhe mit Basis und Kapitell 2,75 m, Durchmesser 0,43 m).

¹⁷ Sear 1978, 64f. Nr. 24 Taf. 10c.

¹⁸ Sear 1978, 65.

¹⁹ Ungaro 2007, 144 ff., Abb. 188, 195–196.

²⁰ So z.B. bei Sear 1978, 79f. Nr. 42, pl. 25.1 (Neapel, Nationalmuseum Inv. 10008) und 82f. Nr. 48, pl. 29.2 (Casa delle colonne a mosaico).

ersten Ausgrabungen im Areal der Villa Iovis, die Norbert Hadrawa, der österreichische Gesandte am Hof von Neapel, von 1793 bis 1804 unternahm, berichten aber nichts über Funde von Wandmosaiken²¹. Auch im Überblick über die Ausgrabungen auf Capri von 1769 bis 1856 von Michele Ruggiero, die zahlreiche einzelne Fundstücke aus der Villa Iovis erwähnt, finden sich dazu keine Angaben²². Das erste Faszikel der geplanten umfangreichen Publikation von Francesco Alvino und Bernardo Quaranta enthält aber unter den Abbildungen zur Villa Iovis auch die Zeichnungen von einem Mosaikfragment und einer aus Ziegeln gemauerten Säule²³. Die Abbildungen sind aber ohne Maßstab publiziert, so dass die Größe der dargestellten Objekte nicht bestimmt werden kann. Das abgebildete Mosaikfragment (Abb. 11) wurde bereits von Clemens Krause in seiner umfangreichen Studie zur Architektur der Tiberiusvilla auf Capri erwähnt und als „l' unico frammento di mosaico a colori...“ bezeichnet, dessen genaue Herkunft jedoch unbekannt sei²⁴. Tatsächlich wird es sich bei dem von Alvino und Quaranta publizierten Stück nach Muster und Farben um ein Glasmosaik handeln, von dem das Schuppenmuster und besonders die hellrot-orange gefärbte Bogenkette sehr gut mit den Berliner Fragmenten vergleichbar sind. Die Zeichnung der Ziegelsäule beweist, dass es derartige Architekturelemente im Villenkomplex gab, die in üblicher Weise mit Stuck oder eben auch Mosaiken verkleidet wurden. In den bisher publizierten Grundrissen finden sich dagegen leider keine Hinweise auf derartige Bauglieder. Nach den jüngeren Vergleichsobjekten in Pompeji zu urteilen, könnte es sich aber trotzdem sowohl bei der Ziegelsäule als auch den Glasmosaiken in Berlin um Überreste eines Brunnens oder Nymphäums im Areal der Villa Iovis handeln. Eine solche Anlage muss dann zu einer der Ebenen des mehrstöckigen Komplexes gehört haben, von dem keine Baureste erhalten sind. Somit sind die Berliner Mosaikfragmente die einzigen Zeugnisse für diese Ausgestaltung der Villa Iovis in Capri.

Literatur

- Alvino F., Quaranta B.* 1835: Le antiche ruine di Capri disegnat e restaurate dall' architetto Francesco Alvino ed illustrate dal cavalier Bernardo Quaranta, decano della facoltà di Belle lettere e Filosofia, Napoli 1835 (Nachdruck: Napoli 1995).
- Dufková M.* 2006: Sbírka barona Františka Kollera // Historie sběratelství antických památek v českých zemích /M. Dufková, I. Ondřejova (eds.) Praha, 49–69
- Gargiulo R.* 1843: Cenni sulla maniera di rinvenire i vasi fittili italo-greci: sulla loro costruzione, sulle loro fabbriche più distinte e sulla progressione e decadimento dell'arte vasaria. Napoli.
- Heres G.* 1977: Die Erwerbung der Sammlung Koller durch das Berliner Antikenkabinett // Listy filologické, 100, 104–110.
- Kästner U.* 1997: Eduard Gerhard und die Berliner Vasensammlung // Winckelmann-Institut der Humboldt-Universität zu Berlin 2: Dem Archäologen Eduard Gerhard 1795–1867 zu seinem 200. Geburtstag, Berlin, 87–100.
- Kästner U.* 2010: Vasenrestaurierungen von Raffaele Gargiulo in der Berliner Antikensammlung //“Une Perfection Dangereuse”: La restauration des vases grecs, de Naples a Paris, XVIIIe – XIXe siècles / B. Bourgeois, F. Matz (eds.), special issue, Technè 32. 45.
- Krause C.* 2003: Villa Iovis. Die Residenz des Tiberius auf Capri. Mainz.
- Krause C.* 2005: Villa Iovis. Napoli.
- Kriseleit I.* 1985: Antike Mosaiken, Berlin.
- Kroutvor J.* 1999: Journey to the South, in: J. Kroutvor, Journey to the South. An inspiration for Czech art of the 19th and 20th centuries. (Ausstellung Praha, Obecní dům, 5.Mai – 10. Oktober 1999), Praha, 20–21.
- Maiuri A.* 1969: Capri, Geschichte und Denkmäler, Rom. (2.Aufl.)
- Milanese A.* 2007: Raffaele Gargiulo (1785-après 1870) restaurateur et marchand d'antiquités. Notices sur le commerce des vases grecs à Naples dans la première moitié du XIXe siècle // El vaso griego en el

²¹ Norbert Hadrawa's freundschaftliche Briefe über verschiedene auf der Insel Capri entdeckte und ausgegrabene Alterthümer, Dresden 1794; Krause 2003, 15–23.

²² Ruggiero 1888, 68–86.

²³ Alvino-Quaranta 1835, Taf. V.

²⁴ Krause 2005, 89.

arte europeo de los siglos XVIII y XIX, actas del coloquio internacional celebrado en el Museo Arqueológico Nacional y en la Casa Velázquez, Madrid, 14 y 15 febrero de 2005 /P.Cabrera, P.Rouillard (eds.). Madrid, 59–77.

Milanese A. 2013: Exhibition and Experiment: A History of the Real Museo Borbonico // E. Risser, D.A. Saunders (eds.) The Restoration of Ancient Bronzes: Naples and Beyond. Los Angeles. 13-29.

Répertoire I: Balmelle C. u.a., Le décor géométrique de la mosaïque romaine I, 2. Aufl. Paris 2002.

Ruggiero M. 1888: Degli scavi di Antichità nelle Province di terraferma dell' Antico regno di Napoli dal 1743 al 1876, Napoli.

Shear F.B. 1975: The earliest wall mosaics in Italy, BSR 43, 83–97.

Shear F.B. 1977: Shear, Roman Wall and Vault Mosaics, RM-ErgH 23. Heidelberg.

Ungaro L. 2007: The Museum of the Imperial Forums in Trajan's Market Lucrezia Ungaro (Hrsg.). Rom.

ИСТОРИЯ НАУКИ

РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГ ФЕДОР ИВАНОВИЧ ГРОСС*

Имя Федора Ивановича Гросса (рис. 1) известно всем специалистам в области античной археологии Северного Причерноморья, в особенности археологии Боспора Киммерийского. Многие при его упоминании без труда скажут, что он одно время был директором Керченского музея и открыл немало замечательных памятников классической древности; другие добавляют, что он к тому же был талантливым художником, оставившим целую серию рисунков с изображениями видов Крыма и Одессы¹, а также, что особенно важно, с изображениями древних памятников Боспора Киммерийского. Многие из этих рисунков являются единственными в своем роде, уникальными свидетельствами, позволяющими создать впечатление об объектах, давным-давно уничтоженных и порой совсем забытых.

С другой стороны, только немногие смогут сказать, каким образом этот человек попал в археологию, каковы были его взаимоотношения с коллегами и вышестоящим начальством, как он расценивал свое положение в российской археологической науке того времени и т. д. К сожалению, об археологической деятельности Ф.И. Гросса нет ни единого специального исследования, хотя упоминания о нем на страницах научных и популярных публикаций встречаются достаточно часто². Следует сразу признать, что составить полноценное жизнеописание этого отнюдь не рядового исследователя боспорских древностей сейчас просто невозможно. Документы о его деятельности, хранящиеся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (фонд Императорской археологической комиссии), очень специфичны и фрагментарны; мемуаров Ф.И. Гросс не оставил; переписка с друзьями не сохранилась; научных сочинений за ним тоже не числится. В общем, писать о жизни и деятельности Федора Ивановича — задача сложная и в чем-то рискованная.

О взглядах Ф.И. Гросса на окружающую действительность, образе его мыслей и особенностях характера мы можем только догадываться. Ясно, что он очень любил рисование, что и не удивительно. Имеющиеся архивные документы позволяют также составить впечатление, что характер Федора Ивановича был очень непростым, вспыльчивым. Из-за своего холерического темперамента он порой попадал в весьма неприятные ситуации, но об этом чуть позднее.

Сейчас же следует отметить, что в археологию он пришел в марте 1862 г., после смерти помощника директора Керченского музея древностей К.Р. Бегичева; директором же тогда был А.Е. Люценко — фигура в высшей степени замечательная³. Помощник директора в то время являлся одновременно художником и скульптором, в его обязанности входило составление рисунков открытых археологических объектов (древних фундаментов, гробниц, отдельных, особо показательных находок) и реставрация фрагментированных вещей.

Теперь к биографии Федора Ивановича (Фридриха Иоганна) Гросса. Точной даты его появления на свет мы не знаем. Обычно считают, что это случилось в 1822 г., и, вероятно, так оно было на самом

Рис. 1. Фёдор Иванович Гросс (1822 – 1896)

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-10151а(ц) «Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора».

¹ Мальгина 1999.

² Марти 1926, 34; Лазенкова 2003, 33 сл.; Медведева и др. 2009, 54; Виноградов 2012, 190 сл.

³ О нем см.: Лазенкова 2001а; 2001б; Зувев 2007.

деле. Отец будущего археолога, Иоганн Людвиг Гросс, был художником-самоучкой, но впоследствии дослужился до чина титулярного советника. Он был женат на Иоганне Шрам, в семье было четверо детей. Вообще же следует отметить, что в начале XIX в. под Судакон образовалась немецкая колония, и семья Гроссов поселилась там, но в 1820 г. Иоганн Людвиг получил место учителя рисования в Симферопольской мужской гимназии⁴, так что Фридрих Иоганн родился в этом городе.

Талант рисовальщика у Ф.И. Гросса появился очень рано, но специального образования ему получить не удалось. Правда, он учился в Симферопольской гимназии, но не закончил ее и в дальнейшем обучался живописи у своего отца. В 1837 г. Ф.И. Гросс написал заявление о зачислении его на казенный счет учеником в Российскую Академию Художеств, но получил отказ⁵.

В 1847 г. Федор Иванович перебрался в Одессу, где занимается живописью и литографированием. Здесь прошла выставка его картин, были изданы альбомы литографий с видами Крыма и Одессы⁶.

Далее в октябре 1857 г. по рекомендации попечителя Одесского учебного округа Ф.И. Гросс был определен на службу в Керченский Кушниковский девичий институт, где преподавал рисование, черчение и чистописание. В Керчи он сблизился с директором Музея древностей А.Е. Люценко, и в числе немногих лиц был вхож в его дом⁷.

Как уже было сказано, в марте 1862 г. умер помощник директора Керченского музея К.Р. Бегичев, и тогда встал вопрос о замещении этой должности. А.Е. Люценко в рапорте председателю ИАК С.Г. Строганову указал на немалые сложности, с этим связанные: «Приискать в Керчи чиновника на открывшуюся вакансию помощника директора музея очень трудно как по недостатку здесь людей, способных к занятию этой должности, так и по ограниченности присвоенного ей содержания»⁸.

Тем не менее, поступление Ф.И. Гросса в музей не было, так сказать, безальтернативным. На эту должность мечтал попасть еще один керченский художник, тоже преподаватель рисования и черчения местного уездного училища А.М. Стефанский, который ранее уже работал в музее⁹, но А.Е. Люценко эта кандидатура не удовлетворяла. Достоинейшим определению на открывшуюся в музее вакансию он находил живописца и фотографа Ф.И. Гросса как художника с замечательным дарованием и человека лично ему известного своей добросовестностью¹⁰. Директор музея просил петербургское начальство, чтобы Ф.И. Гроссу было позволено по-прежнему преподавать в Институте, где тот давал не более 10 уроков в неделю (что не очень много), но получал жалованье 600 руб. в год (что весьма существенно).

По поводу этой кандидатуры в Петербурге возникло единственное сомнение, связанное с тем, что Федор Иванович тогда не имел никакого чина, поэтому решено было принять его на службу «приватно», т. е. условно, до получения столь необходимого первого чина «Табели о рангах», но право преподавания в институте за ним было оставлено.

Итак, в 1862 г. уже не молодой человек (ему было 40 лет!), не закончивший не то что университета, а даже гимназии, и имевший об археологии самое общее представление, стал помощником директора Керченского музея древностей. Оговорюсь, однако, что к тому времени Ф.И. Гросс прожил в Керчи почти 5 лет, конечно, неоднократно мог видеть, как производятся археологические раскопки и, вне всяких сомнений, имел хорошие отношения с А.Е. Люценко, а, может быть, даже в чем-то ему помогал.

Что из себя представлял Керченский музей в то время? Он входил в структуру Императорской археологической комиссии (ИАК) и был главным учреждением по изучению классических древностей на берегах Керченского пролива (точнее, по проведению здесь раскопок), а иногда и в других пунктах Юга России¹¹. В Восточном Крыму и на Таманском полуострове основное внимание тогда уделялось раскопкам курганов. Императорский Эрмитаж требовал все новых и новых находок античного прикладного искусства — расписных ваз, предметов торевтики, резного дерева и т. п. Всем этим с успехом занимался А.Е. Люценко, и ему теперь должен был помогать Ф.И. Гросс.

Важным объектом археологических исследований в 60-х гг. XIX в. был курганный некрополь Юз-Оба («Сто холмов») под Керчью. Здесь покоилась элита Боспорского государства IV в. до н.э., в

⁴ Мальгина 1999, 183.

⁵ Мальгина 1999, 183.

⁶ Мальгина 1999, 184.

⁷ Лазенкова 2001, 100.

⁸ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1862 г., д. 9, л. 6.

⁹ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1862 г., д. 9, л. 4. О деятельности А.М. Стефанского см.: Тункина 2002, 180, 240, 276, 294.

¹⁰ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1862 г., д. 9, л. 6 об.

¹¹ Виноградов 2012, 32 сл.

Рис. 2. Раскопки крепиды Острога (Десятого) кургана некрополя Юз-Оба (НА ИИМК РАН, р. 1, № 691, л. 32)

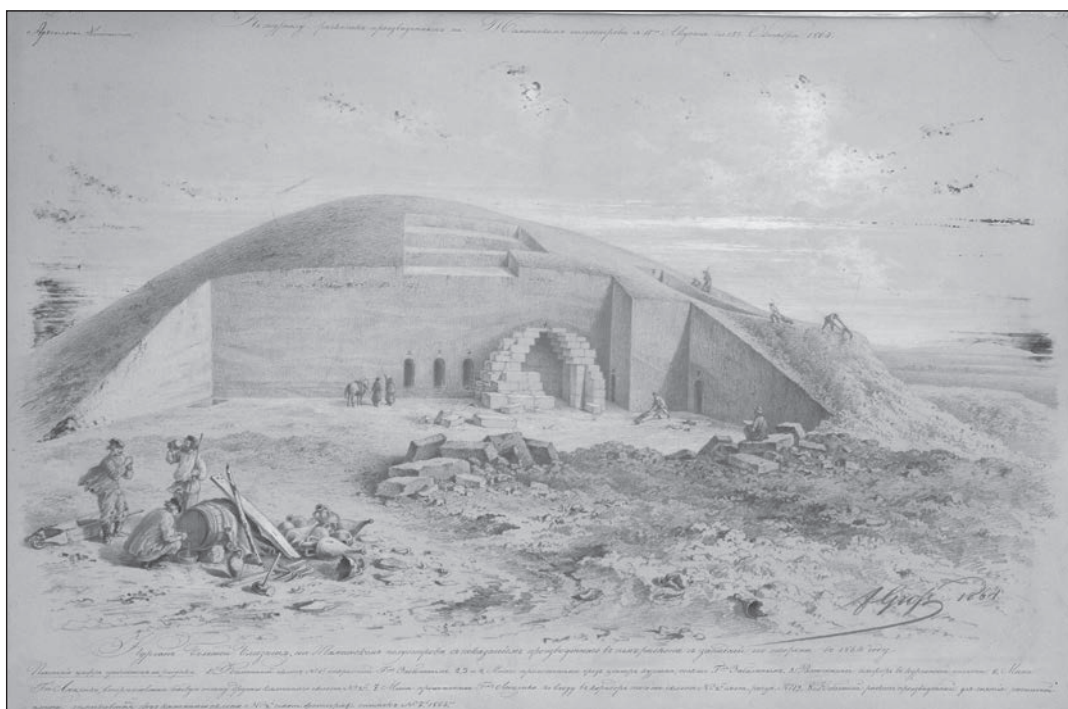

Рис. 3. Раскопки кургана Большая Близница в 1864 г. (НА ИИМК РАН, р. 1, № 564, л. 21)

том числе и представители правящего рода Спартокидов. Ф.И. Гросс, естественно, сразу начал составлять планы и рисунки открываемых объектов (рис. 2)¹². Только на основании этих изображений мы имеем возможность судить об облике открываемых тогда выдающихся памятников классической древности на Боспоре. После Юз-Обы акцент в полевых исследованиях был смещен на Таманский полуостров, где тогда были сделаны выдающиеся открытия в кургане Большая Близница. Федор Иванович своими рисунками дает нам возможность оценить как масштабы проведенных работ, так и своеобразие открытых погребальных комплексов (рис. 3)¹³.

¹² Виноградов и др. 2012, рис. 49–61, 67–70, 76–79.

¹³ Виноградов 2012, 82 сл.

Свой первый чин коллежского секретаря Ф.И. Гросс получил в июне 1865 г. и начал продвижение по служебной лестнице, дослужившись в 1884 г. до статского советника. Однако после получения первого чина в его служебном положении ничего не изменилось, по-прежнему Ф.И. Гросс исполнял свои обязанности «приватно». Наконец, в мае 1873 г. (после 11 лет службы!) он осмелился подать рапорт с просьбой об утверждении в должности и с требованием вернуть ему деньги в размере 129 руб. 65 $\frac{1}{4}$ коп., якобы неправильно удержанные из его жалования (имелся в виду существовавший тогда налог в 2% в пользу вдов, сирот и инвалидов)¹⁴. В должности Федор Иванович был утвержден лишь с 1 мая 1876 г.¹⁵ Разумеется, никаких денег ему не вернули, объяснив, что жалование он получал отнюдь не «приватное», а вполне официальное, и все произведенные вычеты полностью соответствовали российскому законодательству. А.Е. Люценко тогда же проинформировал начальство, что Ф.И. Гросс исполняет возложенные на него обязанности рисовальщика и фотографа с должным усердием, а вот содействия в раскопках почти не оказывает по причине плохого здоровья и постоянного отвлечения на преподавание в Институте¹⁶. А здоровье у Федора Ивановича действительно было неважное...

Тем не менее, вскоре Ф.И. Гросс самостоятельно сделал одно в высшей степени важное археологическое открытие. Оно связано с тем, что военные с 60-х гг. XIX в. начали строить мощную крепость на мысе Ак-Бурун. В 1875 г. А.Е. Люценко, отправляясь на Таманский полуостров, где регулярно проводил раскопки, поручил Ф.И. Гроссу наблюдать за этими строительными работами. Военные, как нетрудно догадаться, с археологами особенно не церемонились. Снося курган, они самостоятельно дошли до погребения, и в музей об этом сообщили очень поздно. Во всяком случае, когда Федор Иванович прибыл на место проведения работ, погребение, представлявшее собой необычную кремацию, уже сильно пострадало. Тем не менее, он сумел зафиксировать, что весьма богатый погребальный инвентарь (в том числе знаменитый золотой «шлем») лежал здесь на толстом слое древесного угля, по замечанию автора раскопок, в строго «распределенном» порядке: перстни на месте пальцев рук, поясной крючок — на поясе, меч у левого бока и т. д. Весь этот комплекс надежно датируется концом IV — началом III в. до н.э. В общем, Ф.И. Гроссу удалось открыть, как мне представляется, один из самых замечательных памятников времени крушения Великой Скифии¹⁷. Некоторые особенности погребального обряда и предметы сопровождающего инвентаря должны уводить нас на Восток — в Прикубанье, Среднее Подонье и даже в Приуралье.

Что касается работ на Таманском полуострове, то незадолго до этого очень важные открытия были сделаны на Васюринской горе. В расположенных здесь курганах были выявлены монументальные, заглубленные в землю склепы (рис. 4). К ним вели каменные лестницы, по сторонам от которых находились погребения лошадей с богатыми украшениями узды (серебряными фаларами и пр.). Сами склепы были ограблены, но вполне очевидно, что они относятся к постскифскому времени¹⁸. Имеющиеся рисунки позволяют легко убедиться, что склепы имели арочное перекрытие, а их погребальные камеры были разделены на две неравные по площади части: ближайшая к входу сравнительно небольшая, отдаленная от него — более крупная. Все эти особенности сближают их со склепами типа македонских. «Македонская идея», как можно судить, на Боспоре была весьма сильна, и Васюринские склепы являются лишь наиболее ранними и наиболее показательными памятниками такого рода¹⁹.

А.Е. Люценко, конечно, проводил раскопки не только на курганах; периодически он обращался и к боспорским городищам, прежде всего, к Пантикапею. Раскопки проводились на достаточно больших площадях, при этом, если судить по рисункам Ф.И. Гросса, тогда выявлялись очень любопытные объекты, но археологи не придавали им особого значения²⁰. Культурные напластования не изучались, общий план открываемых древних построек не составлялся; внимание ученых было нацелено на получение эпиграфических памятников, мраморных рельефов, статуй и т. п.

¹⁴ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1873 г., д. 29, л. 3.

¹⁵ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1873 г., д. 29, л. 11.

¹⁶ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1873 г., д. 29, л. 1 об.-2.

¹⁷ Виноградов 1993; Бутягин, Виноградов 2014.

¹⁸ Ростовцев 1913, 30–69; Власова 2004.

¹⁹ Виноградов 2014а, 176–177.

²⁰ Виноградов 2012, 150–152, рис. 55–57.

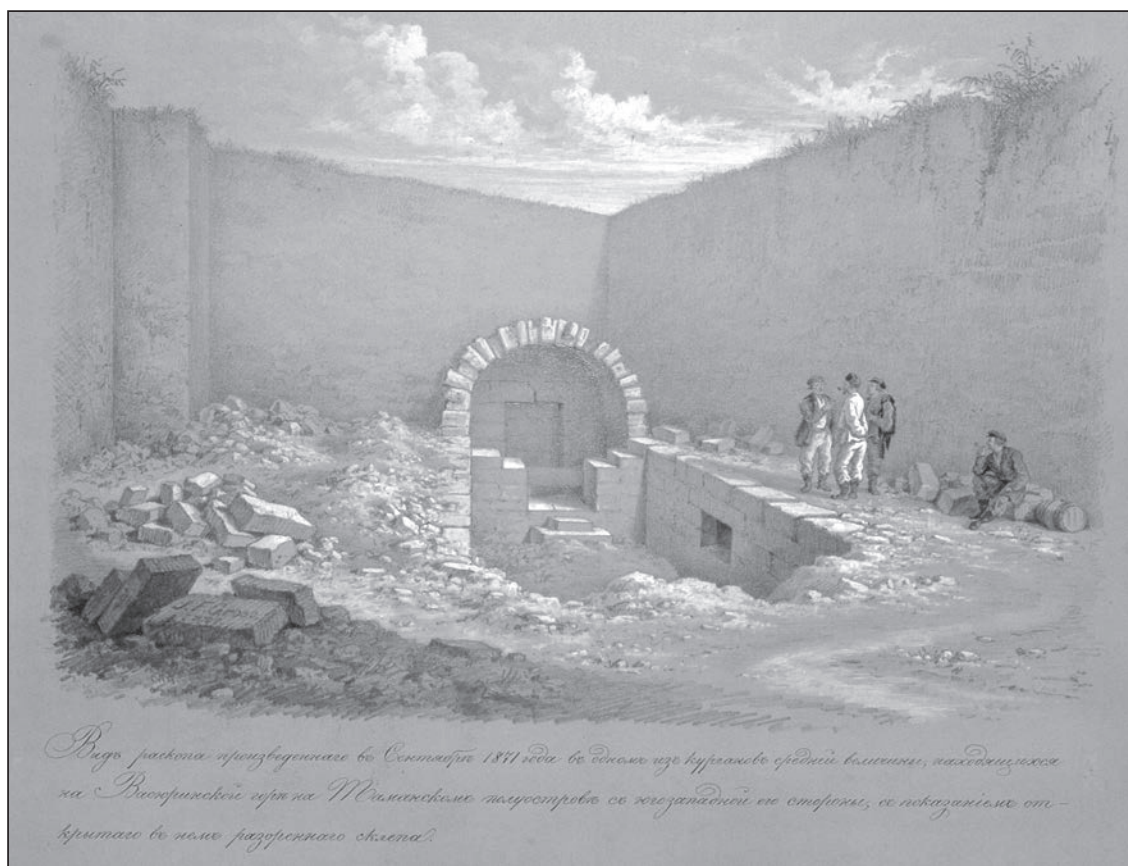

Рис. 4. Раскопки Среднего кургана на Васюринской горе (НА ИИМК РАН, р. 1, № 693, л. 14)

После отставки А.Е. Люценко в 1878 г. во главе Керченского музея встал С.И. Веребрюсов²¹. Ф.И. Гросс исполнял обязанности заместителя директора вплоть до его смерти в 1884 г., и тогда, наконец, он был назначен директором.

Необходимо отметить также, что Ф.И. Гроссу приходилось работать на раскопках не только с директором музея, но и с членами ИАК, которые направлялись в Керчь для проведения раскопок. Это были Н.П. Кондаков и В.Г. Тизенгаузен.

Н.П. Кондаков, в частности, провел раскопки большого кургана, лежавшего около деревни Баксы под Керчью (рис. 5). Под насыпью был обнаружен прекрасный каменный склеп с уступчатым перекрытием. В нем находился роскошный саркофаг, а рядом с ним погребения трех коней. Склеп оказался неразграбленным, и, судя по сделанным находкам, его можно датировать первой четвертью IV в. до н.э. Уровень этого памятника, конечно, царский, и вполне возможно, что здесь был погребен один из создателей Боспорского царства — Сатир I²².

В.Г. Тизенгаузен прославился своими раскопками на Таманском полуострове. Хотя методика его исследований была катастрофически низкой, открытия он сделал просто замечательные. Среди них обращу ваше внимание на те, которые всего лучше могут характеризовать культуру боспорской элиты в эллинистическое время — в частности, на курганы под Анапой. В одном из них был открыт монументальный склеп с «полуциркульным» сводом (рис. 6)²³.

Еще более интересные открытия, на мой взгляд, были сделаны под Витязевкой (т. н. Тарасовские курганы). Ф.И. Гросс запечатлел на своих рисунках три склепа. Все они были ограблены, но М.И. Ростовцев логично полагал, что они относятся к III в. до н.э.²⁴ Все эти склепы имеют уступча-

²¹ Медведева и др. 2009, 55; Тункина 2011, 182–183, прим. 195.

²² Виноградов 2014б.

²³ Виноградов 2012, 182.

²⁴ Ростовцев 1913, 108–111.

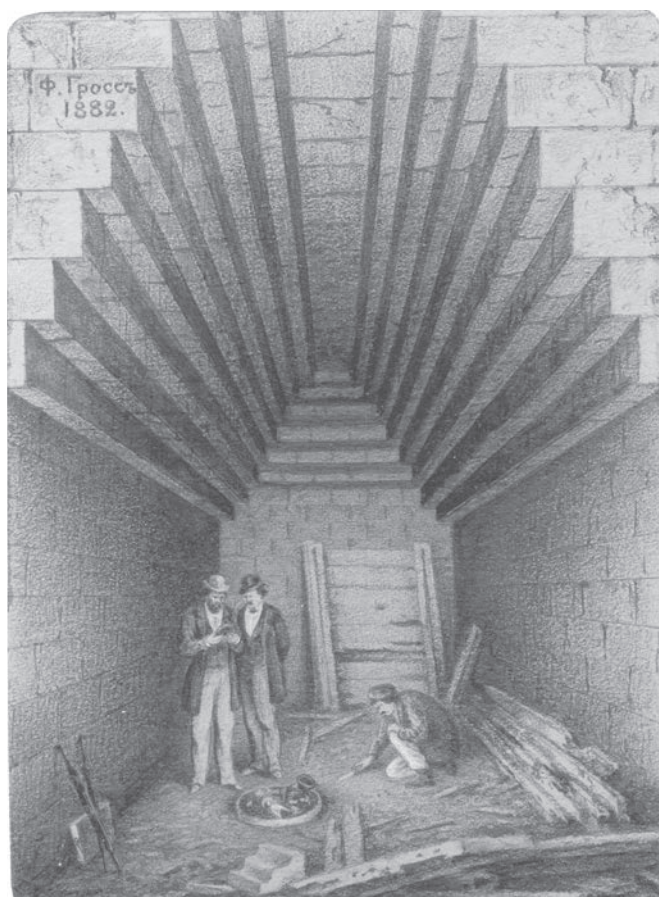

Рис. 5. Склеп Баксинского кургана (НА ИИМК РАН, р. 1, № 569, л. 7)

Рис. 6. Склеп кургана у станицы Благовещенской под Анапой (НА ИИМК РАН, р. 1, № 569, л. 3)

тое перекрытие, но их фасады отличаются необычным для Боспора и весьма богатым архитектурным оформлением, а погребальные камеры разделены на два отделения. Иными словами, на этом примере можно видеть, что и в III в. часть боспорской аристократии сохраняла любовь к старой традиции перекрытия склепов. Тем не менее, при сохранении старых традиций нельзя было обойтись без некоторых новшеств, а эти новшества (украшение фасада, деление камеры на две части), как уже было сказано, восходит к традиции склепов македонского типа²⁵.

Вскользь уже было сказано, Ф.И. Гросс был назначен директором Керченского музея 8 марта 1884 г. Как и в случае его поступления на службу в музей, назначение на пост директора не прошло безальтернативно. Первым о желании его занять заявил Илья Степанович Бескровный, статский советник и заведующий Мелек-Чесменским курганом²⁶. Следует напомнить, что эта замечательная гробница тогда не находилась в ведении Керченского музея, а принадлежала Одесскому обществу истории и древностей. И.С. Бескровный к тому же в 1869 г. заведовал Феодосийским музеем²⁷; в общем, это была вполне достойная кандидатура. Но нашлась и еще одна — Василий Христович Кондраки, ялтинский дачевладелец и член Одесского общества истории и древностей²⁸. В Петербурге предпочтение было отдано Гроссу, что и не удивительно.

Следует обратить внимание, что тогда должность помощника директора Керченского музея была ликвидирована, и трудно сказать, чем это было мотивировано. Во всяком случае, Ф.И. Гроссу пришлось одновременно исполнять обязанности и художника, и помощника директора, и директора. Как бы с этим могли справиться заведующий курганом или ялтинский дачевладелец, трудно сказать, а Федор Иванович справлялся...

²⁵ Виноградов 2013, 224–227.

²⁶ О нем см.: Тункина 2011, 182–183.

²⁷ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1884 г., д. 11, 13.

²⁸ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1884 г., д. 11, л. 16.

Обычно вновь назначенные директора Керченского музея посылали в Петербург программу своих дальнейших действий. Это сделал и Ф.И. Гросс, направив в столицу небольшой по объему документ, названный им «Программа раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове в 1885 г.»²⁹. В ней он выразил намерение продолжить раскопки курганов на Тамани, а кроме того начать изучение некоторых городищ и рядовых могильников, расположенных на Керченском полуострове. В общем, свое обещание он сдержал — провел раскопки на окраинах Мирмекия и принял масштабное изучение его некрополя³⁰.

Где-то недалеко от Мирмекия им был раскопан довольно крупный курган, под насыпью которого был открыт монументальный склеп. К сожалению, он был ограблен, но, судя по описаниям, датировать его следует в пределах III–II вв. до н.э. Рисунки, сделанные Федором Ивановичем, никогда не привлекали внимания исследователей, а они не оставляют сомнения в том, что склеп принадлежит к типу македонских³¹. Как представляется, это единственная гробница подобного рода из всех, открытых на Керченском полуострове!

Признавая заслуги Ф.И. Гросса в деле исследования боспорских некрополей, хочется высказать одну горькую истину. При нем в археологии обозначилось в высшей степени негативное явление. В 1884 г. он провел раскопки у Арестантской казармы в Керчи и обнаружил здесь несколько древних могил. Отчет об этих раскопках весьма краток, он сводится к тому, что, в общем, здесь было обнаружено столько-то горшков, зеркал, бусин и т. д. Никакого научного значения такой отчет не имеет, но, к огромному сожалению, такая манера составления документов вошла в правило, и петербургское начальство, увы, считало это вполне нормальным³².

Говоря о Ф.И. Гроссе, никак нельзя обойти вниманием его вклада в изучение боспорских расписных склепов. Они тогда стали систематически открываться на горе Митридат, и Федору Ивановичу приходилось снимать копии с этих непростых росписей. Нетрудно представить, какой это был адский труд — делать цветные копии в тесных и сырых керченских катакомбах, с плохим освещением, вдыхать спертый воздух подземелья... За тщательное исполнение сложного труда по снятию копий с фресок катакомбы, открытой в 1872 г., Федору Ивановичу была объявлена искреннейшая благодарность от председателя ИАК, а также выдано в награду 400 рублей³³. Тут, конечно, пригодился его талант рисовальщика, вот только сделанные им копии росписей порой отличались от оригиналов: Федор Иванович как будто стремился сделать древние изображения более «красивыми».

Киевский профессор Ю.А. Кулаковский признал низкое качество копий Ф.И. Гросса; по его мнению, в этих рисунках имеется «очень много неточностей и погрешностей, как в общем их характере, так и в деталях»³⁴; для своих работ он вынужден был пригласить других художников³⁵.

Ежегодные раскопки, производившиеся по обеим сторонам пролива, требовали немалых сил, а между тем Федор Иванович уже постарел, приближалось его 70-летие. Настало время уйти на заслуженный отдых, свое заявление об отставке он направил в Санкт-Петербург 3 февраля 1891 г.³⁶

В ИАК сразу принялась хлопотать за назначение заслуженному археологу «усиленной пенсии» в размере 1333 руб. 33 коп. Со службы он был уволен 31 марта 1891 г., но вынужден был продолжать свою работу, поскольку должность заместителя директора музея, как уже говорилось, тогда была отменена, и Федору Ивановичу было просто некому передать дела.

18 марта он написал еще одно письмо в ИАК, в котором, в частности, напоминал, что 7 лет исполнял одновременно две должности, т. е. директора и помощника, получая только одно содержание директора и «оставляя таким образом в пользу казны содержание помощника за 7 лет». Ф.И. Гросса интересовало также, сохранится ли за ним пенсия, получаемая за работу в Кушниковском институте (она, конечно, сохранена не была!). Свое письмо он закончил словами: «Что будет с музеем, кто его от меня примет, что за тайна, о которой мне ничего не известно?»³⁷.

²⁹ Виноградов 2012, 190–191.

³⁰ Гайдукевич 1941, 102 сл.

³¹ Виноградов 2014в.

³² Виноградов 2014а, 193.

³³ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1891 г., д. 28, л. 45.

³⁴ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1890 г., д. 31, л. 101.

³⁵ Виноградов 2012, 196.

³⁶ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1891 г., д. 28, л. 3.

³⁷ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1884 г., д. 11, л. 8.

Здесь действительно была некоторая тайна... Складывается впечатление, что для руководства Комиссии увольнение Гросса на пенсию было делом решенным или, по крайней мере, желательным еще до появления официального заявления об отставке. Переговоры с будущим директором К.Е. Думбергом шли давно³⁸, и слухи об этом явно доходили до Керчи; столь же вероятно, что Ф.И. Гросс был как-то информирован о нелестном отзыве Ю.А. Кулаковского по поводу качества рисунков, которые он снимал с росписей керченских катакомб.

Двусмысленность такого положения, надо думать, оскорбляла и раздражала пожилого и больного человека, результатом чего стало резкое письмо, направленное в Археологическую комиссию в мае 1891 г. В архиве ИИМК РАН это письмо отсутствует, но имеется ответ на него, составленный В.Г. Тизенгаузенем (этот документ уже опубликован)³⁹, из него суть вопроса, несмотря на односторонность трактовок, становится вполне понятной.

Можно согласиться с В.Г. Тизенгаузенем, что Ф.И. Гросс не имел формального повода направлять в ИАК столь резкое послание, хотя всякого рода слухи, неопределенность положения бывшего директора, неясности в его материальном положении и пр. для нас должны многое объяснять в его поступке. Нет сомнения, что старый археолог затаил страшную обиду на петербургское начальство. Он был отправлен на пенсию 31 марта 1891 г., т. е. с момента подачи заявления. К.Е. Думберг был назначен исполняющим обязанности (тогда это называлось «исправляющим должность») директора Керченского музея древностей с того же самого дня⁴⁰, но, по понятным причинам, дела сумел принять значительно позднее, лишь 1 июля этого же года⁴¹.

Федор Иванович Гросс скончался в Керчи через пять лет после этих событий, 12 ноября 1896 г.⁴²

Почти 30 лет его служения российской археологической науке были ознаменованы многими важными открытиями, без которых невозможно представить историю материальной культуры Боспора Киммерийского. Недолгое время, когда Федор Иванович стоял во главе Керченского музея древностей, пришлось на период, когда традиционная для Боспора «курганная» археология зашла в тупик. По существу все курганы на обоих берегах пролива так или иначе уже были раскопаны. Необходима была кардинальная реорганизация боспорской археологии, смещение акцентов на изучение городищ, сельских поселений, могильников рядового населения и т.д. Ф.И. Гросс сделал в этом направлении определенные шаги, выразившиеся в первую очередь в систематических раскопках некрополя Мирмекия, но решиться на более масштабные перемены он, конечно, не мог, как, впрочем, и все его последователи вплоть до 20-х гг. XX в.

Большое значение, конечно, имеет то обстоятельство, что открытия этих десятилетий были запечатлены рукой талантливого художника, тем более, что многие из открытых тогда памятников сейчас просто не существуют. К сожалению, целый ряд рисунков Ф.И. Гросса, находящихся на хранении в архиве ИИМКа, остаются невостребованными, а значит и неизвестными широкой научной общественности. По-моему, давно пора собрать все эти бесценные документы вместе, систематизировать их и опубликовать в виде отдельного альбома. В этом будет заключаться дань нашего глубочайшего уважения к одному из исследователей, трудившихся на ниве античной археологии нашей страны в теперь уже очень далекие годы.

Литература

- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. 2014: Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь — Керчь.
Виноградов Ю.А. 1993: Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Сифия и Боспор (материалы конференции памяти М.И. Ростовцева) / Б.А. Раев (ред.). Новочеркасск, 38–51.

³⁸ Виноградов 2012, 196.

³⁹ Виноградов 2012, 196–198

⁴⁰ НА ИИМК РАН, ф. 1, 1891, д. 37, л. 19.

⁴¹ О нем см.: Лазенкова 2001в; 2002; 2003: 38 сл.; Медведева и др. 2009, 171; Виноградов 2012, 199 сл.

⁴² НА ИИМК РАН, ф. 1, 1891 г., д. 28, л. 49. На надгробии, которое явно находилось на могиле Ф.И. Гросса в Керчи, имеется другая дата — 12 ноября 1897 г. (Чернопятов 1910, 114), и она уже вошла в научную литературу (Мальгина 1999). Чем объясняется ошибка на целый год, сказать очень трудно; быть может, плохой сохранностью надгробного камня. Вдове археолога, Анне Ивановне Гросс, пенсия стала выплачиваться со дня смерти мужа, т.е. с 12 ноября 1896 г. (ИИМК РАН, ф. 1, 1891 г., д. 28, л. 56–57), а в таких делах наши чиновники не ошибаются.

- Виноградов Ю.А. 2012: Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). БИ. 27. Симферополь — Керчь.
- Виноградов Ю.А. 2013: Уступчатые склепы III в. до н.э. на Боспоре // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. ММНК / М.Ю. Вахтина и др. (ред.). СПб, 222–227.
- Виноградов Ю.А. 2014а: О склепах македонского типа на Боспоре // БИ. 30, 171–189.
- Виноградов Ю.А. 2014б: Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 30, 510–528.
- Виноградов Ю.А. 2014в: Об одной гробнице, открытой во время раскопок Ф.И. Гросса под Керчью в 1885 г. // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998) / В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.). СПб, 24–32.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. 2012: Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь — Керчь.
- Власова Е.В. 2002: Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. К шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского / Е.Н. Ходза (ред.). СПб, 158–174.
- Гайдукевич В.Ф. 1941: Археологическое изучение Мирмекия // МИА. 4, 96–109.
- Зуев В.Ю. 2007: К юбилею Александра Ефимовича Люценко // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. ММНК. 1 / М.Ю. Вахтина и др. (ред.). СПб, 8–13.
- Лазенкова Л.М. 2001а: «Почтенный археолог» А.Е. Люценко // Пилигримы Крыма. Осень — 2000. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. V Крымская Международная научно-практическая конференция. Т. 1 / В.П. Казарин (отв. ред.). Симферополь, 97–107.
- Лазенкова Л.М. 2001б: Керченский музей древностей. Исследователи. «Почтенный археолог» А.Е. Люценко // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. ММНК. 2 / М.Ю. Вахтина и др. (ред.). СПб, 287–292.
- Лазенкова Л.М. 2001в: Керченский музей древностей. Исследователи. «Археологическая» судьба К.Е. Думберга // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 72–77.
- Лазенкова Л.М. 2002: Карл Думберг и его идея строительства Керченского музея древностей // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. ММНК. 2 / М.Ю. Вахтина и др. (ред.). СПб, 334–340.
- Лазенкова Л.М. 2003: Керченский музей древностей. Основатели, исследователи. Керчь.
- Мальгина М.Р. 1999: Крымский художник Федор Гросс (1822–1897) и изображения Крыма в артистической литографии XIX в. // Пилигримы Крыма. Осень–98. Международная научная конференция / В.П. Казарин (отв. ред.). Симферополь, 181–185.
- Марти Ю.Ю. 1926: Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь.
- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. 2009: Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Е.Н. Носов (ред.). СПб, 21–247.
- Тункина И.В. 2002: Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб
- Тункина И.В. 2011: Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев.
- Чернопятов В.И. 1910: Некрополь Крымского полуострова. М.

RUSSIAN ARCHAEOLOGIST F.I. GROSS

Yu. A. Vinogradov

This article follows the life and career of Fyodor Gross (1822–1896) — one of the most famous figures in classical archaeology of Russia of the second half of the 19th century. As a child, he attended the Classical School in Simferopol, but did not graduate and instead decided to study painting with his father. His archaeological career has begun in 1862 when he became the deputy-director of the Museum of

Antiquities in Kerch. He had to provide support to the director in all archaeological investigations and to record through drawings the ancient monuments of the Cimmerian Bosphorus, including the small finds and the large monuments, such as painted tombs.

He remained a deputy-director and a draftsman until 1884, when he became the museum director. Although most archaeologists at the time were hunting for the rich barrows to excavate, Gross focused his attention on the smaller necropolises of the Bosporan Greek cities, both in Crimea and in the Taman peninsula. Difficult working conditions destroyed his health. As a consequence, his unpleasant disposition did not improve — a fact that did not help his relationships with his supervisors in St. Petersburg, and in 1891 he was dismissed from the position of the director and died 5 years later.

F.I. Gross did not leave any scholarly publications or manuscripts. Nevertheless, his numerous drawings of excavation sites, “archaeological landscapes,” and some outstanding ancient objects, all have great importance for the contemporary scholarship.

ОЛЬГА ИВАНОВНА БИЧ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ¹

В ходе подготовки именного указателя к «Собранию сочинений» Поля Дюбрюкса² мне пришлось столкнуться с серьезной проблемой — отсутствием биографической информации о ряде исследователей советской эпохи, так или иначе занимавшихся изучением жизни и деятельности «отца боспорской археологии». В круг таких лиц входила архивист, библиограф, историк античного искусства и археологии, переводчик, детский поэт Ольга Ивановна Бич (1891–1983). Краткие сведения о ней были опубликованы недавно в книге по истории РАИМК–ГАИМК–ИИМК³. Основными источниками информации к реконструкции основных вех ее жизненного пути служат автобиографии и анкеты, заполненные О.И. Бич, сохранившиеся в личных делах по месту учебы и службы. При этом документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга⁴, Научном архиве ИИМК РАН⁵, Архиве Государственного Эрмитажа⁶, дают разные даты и названия занимаемых О.И. Бич должностей. Отзывы о ее деятельности В.В. Струве, М.В. Доброклонского и, видимо, Н.Д. Флиттнер (черновик отзыва не подписан), датируемые 1944 и 1946 гг., представлены в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН⁷. Результаты своих архивных изысканий предлагаю вниманию заинтересованного читателя.

Ольга Ивановна Бич (Bicz) родилась 2 августа (20 июля старого стиля) 1891 г. в городе Дрогочин (Дрогочин 2-й) Пинской области Гродненской губ. и была единственным ребенком в семье врачей, «православного вероисповедания». Ее отец, по национальности белорус, Бич Иван Акимович (родился в 1857 г.) был женат на купеческой дочери Ольге Петровне Ипполитовой, уроженке Петербурга (родилась в 1859 г.). И.А. Бич служил дрогочинским участковым сельским врачом и в Гродно издал две брошюры «Врачебные советы» (1871) и «Очерк истории русской бани и ее физиологическое и терапевтическое значение» (1893), числился лекарем по ведомству МВД (на 1883 г.), в 1895 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины по теме «Патолого-анатомические изменения сетчатки глаза у собак при голодании (Экспериментальное исследование)» в Импера-

Рис. 1. О.И. Бич. 1949 г. Фотоархив ИИМК РАН. I 65764

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-99604а.

² Дюбрюкс 2010, 1, 38, 42, 92, 136, 403, 534, 578, 604, 637.

³ Длужневская 2013, 303; Академическая археология 2013, 334.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240 (ПУ—ЛГУ). Оп. 3. Д. 111. 3 л. 1919 г. На обороте обложки — фотография О.И. Бич, л. 2 — копия свидетельства о рождении.

⁵ НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 60. Л. 1–4 (личное дело за 1920–1921 гг.; на л. 3 Curriculum vitae от 24 декабря 1920 г., на л. 4 — отзыв О.Ф. Вальдгауэра и М.В. Фармаковского о научной деятельности О.И. Бич); Ф. 35. Оп. 5. Д. 27. Л. 1–74 (личное дело, 25 апреля 1942 — 27 июля 1963 гг.); Ф. 35. Оп. 6. Д. 187. Л. 7 (об увольнении из ЛО ИИМК АН СССР).

⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79а, Л. 1–6 (личное дело).

⁷ СПФ АРАН. Ф. 955. Оп. 1. Д. 88.

торской Военно-медицинской академии в С.-Петербурге. Младшим братом отца был Василий Акимович Бич (1861–?), с 14 октября 1907 г. депутат Третьей Государственной Думы от Гродненской губ., член фракции Прогрессистов. Согласно архивным данным, он был русским, православного вероисповедания, сын крестьянина, надворный советник, землевладелец (собственник 543 десятин земли). В.А. Бич был избран в Государственную Думу Гродненским губернским избирательным собранием от съезда землевладельцев. Дядя О.И. Бич закончил Двинское реальное училище, Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства, Горный и Лесной институты в Санкт-Петербурге и служил лесничим Пружанского уезда Гродненской губ.⁸ Таким образом, и отец, и дядя по учебе и службе были тесно связаны с Петербургом.

Мать Ольги Ивановны еще под фамилией О.П. Ипполитова фигурирует в «Списке врачей по женским и детским болезням, получивших это звание по испытанию на женских врачебных курсах при Николаевском военном госпитале» (1885), где в других врачебных списках упомянут и И.А. Бич⁹. Как следует из заполненных ею анкет, родители Ольги Ивановны умерли еще до революции 1917 г. Они были довольно состоятельными людьми — ее отцу принадлежало несколько домов в центре Петербурга. В анкетах советского времени О.И. Бич, отвечая на вопросы о социальном происхождении, писала, что ее «отец из крестьян».

Видимо, по службе И.А. Бич был переведен в Семипалатинск, где Ольга Ивановна закончила женскую гимназию (1908) «с правом на золотую медаль» и получила замечательную общефилологическую подготовку. Согласно анкетам, она знала французский, немецкий, итальянский, английский, польский и два классических языка. После окончания Семипалатинской гимназии девушка уехала в Петербург и поступила на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, который закончила в 1914 г. по специальности «русская история». При этом ее свидетельство об окончании курсов датировано двумя годами позднее — 11 августа 1916 г. С 1914 г., по другим данным с августа 1917 г. по апрель 1920 г. О.И. Бич преподавала в средних учебных заведениях (школах) Петрограда. В послереволюционные годы она училась на факультете изобразительных искусств античного отделения Российского института истории искусств (1919–1921), но ушла с 3 курса. С 1920 г. деканом факультета изобразительных искусств Зубовского института был хранитель и заведующий Отделом древностей (1918–1926) Эрмитажа, специалист по античной скульптуре О.Ф. Вальдгауер. Высшее образование О.И. Бич завершила в Петроградском университете и Петроградском археологическом институте по специальности «история искусств и археология» со специализацией по классической археологии, где с 1919 г. ее учителями являлись профессор О.Ф. Вальдгауер, исследователь Ольвии профессор Б.В. Фармаковский и М.И. Максимова, которая с 1919 г. была хранителем Отделения глиптики Эрмитажа и профессором Петербургского археологического института, Российского института истории искусств и Петроградского университета. О.И. Бич посещала семинары по истории Афин, по быту греков и римлян, при этом специализировалась в области изучения классической археологии, прежде всего античной керамики. По ее словам, в 1921 или 1922 г. она была оставлена при университете Б.В. Фармаковским по кафедре классической археологии для подготовки к профессорскому званию (аналог современной аспирантуры), но диссертацию так и не защитила.

Чтобы выжить в первые послереволюционные голодные годы, многие представители петербургской гуманитарной интеллигенции вынуждены были работать по совместительству сразу в нескольких учреждениях. Этой участи не избежала и О.И. Бич. Так, еще в 1920 г. она стала ассистентом, а 3 января 1921 г. была избрана научным сотрудником Института археологической технологии Российской академии истории материальной культуры по представлению хранителей Эрмитажа М.В. Фармаковского, О.Ф. Вальдгауера и Г.И. Боровки.

По рекомендации О.Ф. Вальдгауера О.И. Бич в декабре 1919 г. получила разрешение Совета музея заниматься в библиотеке Отдела древностей Эрмитажа¹⁰. В те годы в отделе работали В.В. Струве, Г.И. Боровка, Н.Д. Флиттнер, К.В. Тревер, О.О. Крюгер, Е.А. Рыдзевская, И.А. Орбели, Л.А. Мацулевич¹¹. На заседании Совета Эрмитажа 5 апреля 1920 г. О.Ф. Вальдгауер заявил «о

⁸ Государственная Дума 2008, 54.

⁹ Российский медицинский список 1887, 33, 504.

¹⁰ Журналы 2001, 532.

¹¹ Мавлеев 2005, 34–35, 37.

наиме, в качестве научного сотрудника, окончившей Высшие курсы, слушательницы Университета и Института истории искусств О.И. Бич, для работ по составлению систематического карточного указателя скульптур». 14 и 19 апреля Совет музея рассмотрел ее кандидатуру, заслушав отзывы о ней О.Ф. Вальдгауера и М.И. Максимовой, и закрытой баллотировкой избрал на должность научного сотрудника (младшего оклада) по Отделу древностей (14 голосов «за», 1 «против», при 1 «воздержавшемся»)¹². Научным сотрудником она пробыла всего год (1920–1921), затем на заседании Совета музея 23 мая 1921 г. закрытой баллотировкой (при 1-м голосе «против») была избрана ассистентом по греко-римским древностям¹³ Отделения древностей (1921–1924)¹⁴, где, по ее словам, составила опись всей коллекции античных ваз. Известно, что в сентябре 1921 г. О.И. Бич была командирована в Ольвию, а в мае 1924 г. по заявлению О.Ф. Вальдгауера — в Сибирь для занятий в сибирских музеях, без ассигнования командировочных сумм¹⁵.

В 1924 г. в Отделение древностей пришли учитель О.И. Бич Б.В. Фармаковский и молодые ученые Т.Н. Книпович и А.А. Передольская, гораздо более подготовленные к серьезной научной работе и проявившие себя в области исследования античных памятников Северного Причерноморья и античной расписной керамики. Возможно, именно поэтому 25 октября 1924 г. на заседании Совета музея О.Ф. Вальдгауер заявил о желательности избрания ассистента О.И. Бич на должность помощника хранителя Музея слепков. 27 октября 1924 г. она была единогласно избрана Советом Эрмитажа на должность помощника хранителя-заведующего музеем слепков с античной скульптуры и архитектурных моделей из пробки (1924–1925), переданных из Академии художеств и возвращенных обратно в 1926 г.¹⁶ В годы работы в Отделении древностей О.И. Бич были написаны следующие статьи по широкому спектру проблем археологии и истории античного искусства, оставшиеся неопубликованными: доклад, намеченный к прочтению на заседании Отдела древностей 8 марта 1921 г.¹⁷ «Бронзовые щиты собрания Кампана в Государственном Эрмитаже» (1920 г., 0,5 п. л., переработан в статью для «Эрмитажного сборника»), «Мелкофигурный килик с о. Березань» (1922 г., 0,5 п. л.), «Этруская крылатая бронзовая фигура из собрания Кампана» (1924 г., 0,5 п. л.), «Перуанская керамика Эрмитажа» (1925–1926 гг., 1 п. л.). К этому перечню можно добавить недатированную заметку «Два бронзовых итальянских диска» (3 листа, 5 фотографий), белой автограф которой хранится в личном фонде О.Ф. Вальдгауера в Архиве Государственного Эрмитажа¹⁸.

О личной жизни О.И. Бич практически ничего неизвестно. По данным на начало 1922 г. научный сотрудник Отдела древностей Эрмитажа О.И. Бич проживала на Петроградской стороне по адресу Дивенская ул. дом 3, кв. 2¹⁹, с 1928 г. до конца жизни — Ковенский пр. д. 16, кв. 35²⁰ (сегодня ул. Восстания, дом 20/16, кв. 35). Скорее всего она была замужем (но, возможно, гражданским браком) и, видимо, имела ребенка. В 1920-е годы в ленинградском издательстве «Радуга» О.И. Бич издала три книги стихотворений для детей дошкольного возраста: выдержавшие по два издания «Ежики» (1926, 1927) и «Мал-Малышок» (1926, 1927, с иллюстрациями В.А. Апостоли-Триандофилоса), трижды переиздававшийся «Храбрый козел» (1926, 1927)²¹. Все издания сегодня представляют библиографическую редкость.

Косвенные данные свидетельствуют о связях О.И. Бич с поэтическими кругами Серебряного века. По сведениям С. Резвого, О.И. Бич переводила с французского прозу в соавторстве с ученицей М.Л. Лозинского Ольгой Николаевной Брошниковой (Брошнимо-Брошниковской) для 19-томного собрания сочинений Анри де Ренье, выходившей под редакцией М.А. Кузьмина, Ф.К. Соллогуба и

¹² Журналы 2009, 96, 99, 105.

¹³ Журналы 2009, 335.

¹⁴ В «Списке служащих Государственного Эрмитажа. 1922 год» и в штате Государственного Эрмитажа от 21 июня 1924 г. О.И. Бич значится ассистентом Отделения греко-римских древностей 14 разряда: Пиотровский 2000, 309; Журналы 2009, 693.

¹⁵ Журналы 2009, 376, 666.

¹⁶ Журналы 2009, 731, 733–734; Мавлеев 1990, 189, 190.

¹⁷ Журналы 2009, 303.

¹⁸ Мавлеев 2005, 143.

¹⁹ Наука в России 1923, 11.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 64. Л. 110 (ответы О.И. Бич от 26 марта 1931 г. на вопросы анкеты Комиссии «Научные учреждения и научные работники СССР»).

²¹ Бич 1926а, б, в; 1927а, б.

А.А. Смирнова в издательстве “Academia” (1924–1926)²². Именно О.Н. Брошниковская с Д. Захаровым значатся публикаторами фальшивого дневника фрейлины императрицы Александры Федоровны и поклонницы Г. Распутина Анны Вырубовой в альманахе «Минувшие дни» (1928), где издана статья О.И. Бич «Московитский купец»²³. Доказано, что к этой текстологической фальсификации были причастны П.Е. Щеголев и А.Н. Толстой. К.И. Чуковский записал в дневнике 22 марта 1928 г. впечатления об этой фальшивке: «Мне Вася (Регинин) читал этот дневник вслух — и я сразу почувствовал: ой, это Ольга Николаевна Брошниковская! Узнал ее стиль. Я ведь Брошниковскую знал хорошо. Где? А я служил в Мобилизационном отделе — во время войны, и она была у меня вроде секретарши — кокетка, жеманница, недаром из Смольного, тело белое, муж был статский советник, убранство квартиры такое изысканное, не лампы, а чаши какие-то... И фигура у нее была замечательная. Лицо некрасивое — но черт меня побери — тонкая, тонкая штучка... Умная женщина, знала и французский, и английский, и немецкий языки: если она ручку, бывало, ставила на стол, так и то с фасоном — и вот теперь я узнал в дневнике Вырубовой ее стиль!<...> О.Н. при ее уме и способностях может чей угодно дневник написать... Она теперь хвастает, что у нее есть дневник Распутина... Распутина, который “Господи Иисусе Христе” не мог написать связно и грамотно...»²⁴. Характеристика К.И. Чуковского поднимает завесу над кругом близкого литературного общения О.И. Бич конца 1920-х гг. В послевоенной справке о себе О.И. Бич указывала, что ее «первая научная работа опубликована в 1937 г.», видимо, сознательно избегая упоминаний о публикации в альманахе «Минувшие дни» (1928)²⁵. К 1940 г. О.И. Бич стала известна и как переводчик поэзии: в томе «Библиотеки поэта» «Грузинские романтики»²⁶ опубликованы ее переводы из Александра Чавчавадзе, «очевидно, сделанные с подстрочника, но переиздаваемые до наших дней»²⁷.

Но вернемся к службе О.И. Бич в Эрмитаже. На заседании Совета музея 4 января 1926 г. О.Ф. Вальдгауер выступил с заявлением «о переводе ассистента О.И. Бич в Библиотеку Картинной галереи, согласно бывшему уже переговору». Совет постановил разрешить перевод из одного подразделения музея в другое с 15 января 1926 г. С тех пор О.И. Бич переключилась на более близкую не к научному, а к литературному творчеству библиотечно-архивную деятельность в качестве библиотекаря²⁸ или старшего помощника библиотекаря Картинной галереи (1925–1926, по другим данным должность старшего помощника библиотекаря она занимала и на момент заполнения анкеты Комиссии «Наука и научные работники СССР» 26 марта 1931 г.²⁹), научного сотрудника 1 разряда Исторической библиотеки (1930–1931), с 1928 по июнь 1931 гг. заведовала читальным залом Исторической библиотеки Государственного Эрмитажа. В 1928 г. она выделяла книги из Собственных Его Императорского Величества библиотек в Зимнем дворце для передачи Госторгу с целью их продажи за границей³⁰. Параллельно О.И. Бич занималась описанием и каталогизацией архива музея, тогда являвшегося структурной частью Библиотеки, в качестве архивиста (1930–1931), затем в течение десятилетия была заведующей Архивом Эрмитажа (с июля 1931 по 5 августа 1941 гг.³¹). В предвоенные годы О.И. Бич числилась старшим библиотекарем (1939–1941) и старшим научным сотрудником Библиотеки (1941).

С 1932 г. О.И. Бич начала составление подробного систематического указателя материалов архива, а написанные ее рукою карточки до сих пор составляют основу архивного именного и систематического каталогов I фонда (20 описей) — документы Императорского и Государственного Эрмитажа с 1767 года по настоящее время³². «О.И. Бич является одним из немногих в Ленинграде специалистов — знатоков искусствоведческих архивов, — подчеркивала Н.Д. Флиттнер. — Научный архив Государственного Эрмитажа был ею изучен, систематизирован и приведен в по-

²² Резвый В.

²³ Бич 1928.

²⁴ Чуковский 1991, 441.

²⁵ СПФ АРАН. Р. VI. Оп. 5. Д. 60. Л. 167 об.

²⁶ Грузинские романтики 1940, 1989.

²⁷ Резвый В.

²⁸ Наука и научные работники СССР 1926, 103.

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 64. Л. 110.

³⁰ Пиотровский 2000, 367.

³¹ Качалина 1990, 300.

³² Качалина 1990, 302–303.

рядок. Ею был составлен к нему подробный карточный указатель, облегчающий ориентировку в материале и позволяющий без замедления получать любую необходимую для научной работы справку»³³.

Трудами О.И. Бич были составлены описи нескольких фондов, в частности, разобраны и описаны личные фонды заведующего Картинной галереей Эрмитажа Э.К. Липгарта и О.Ф. Вальдгауера, поступившие в Архив Эрмитажа в 1935 г.³⁴ Среди документов первого оказалась двухтомная рукопись (около 200 листов каждый том) воспоминаний Э.К. Липгарта с описанием истории семьи, детства, пребывания во Флоренции и Париже (1863–1886), художественной жизни этих городов, об организации и проведении парижских Салонов, деятельности «Кружка русских художников», о встречах с крупнейшими историками искусства и художниками, русским дворянством и великой княгиней Марией Николаевной, о путешествиях в Испанию и Англию и др. В воспоминаниях отражен огромный пласт европейской культуры второй половины XIX века, поэтому О.И. Бич, понимая их ценность, еще в 1935 г. обратилась к директору Эрмитажа И.А. Орбели с предложением опубликовать их на французском и русском языках, что в то время оказалось нереальным. Тем не менее в 1937–1941 гг. ею был подготовлен русский перевод французского текста мемуаров с комментариями общим объемом 10 п. л. — «Воспоминания хранителя Картинного отделения Государственного Эрмитажа Э.К. Липгарта». Академик М.П. Алексеев в своем исследовании «Виктор Гюго и его русские знакомства» цитирует неизданные воспоминания Э.К. Липгарта в переводе О.И. Бич о том, что жившая в Париже княгиня Мария Урусова из-за тщеславия и любопытства к парижской «достопримечательности» добилась аудиенции у Гюго, несмотря на то, что чувствовала к нему антипатию³⁵, а также фрагмент текста об участии Э.К. Липгарта в издании роскошной книги в честь В. Гюго в Париже (1883)³⁶. Обзор содержания и отрывки из мемуаров Э.К. Липгарта были опубликованы сравнительно недавно в переводе старшего научного сотрудника Архива Государственного Эрмитажа Е.Ю. Соломахи³⁷.

«Осведомленность О.И. Бич в вопросах, касающихся истории Эрмитажа как музея, — отмечала Н.Д. Флиттнер, — оказалась особенно полезной Государственному Эрмитажу во время празднования его юбилея, когда потребовалось спешно развернуть выставку по истории Эрмитажа за 175 лет. О.И. Бич принимала самое деятельное участие в подборе материала для устройства означенной выставки и была премирована Всесоюзным комитетом по делам искусств денежной премией. Во время эвакуации ценностей Государственного Эрмитажа О.И. Бич единолично провела подготовку к эвакуации и упаковку наиболее ценных материалов эрмитажного Архива, а также переноску материала, остающегося в Ленинграде, в более безопасное место»³⁸. Таким образом, именно О.И. Бич отобрала, составила эвакуационные списки, запаковала и подготовила к эвакуации важнейшие документы Архива Государственного Эрмитажа, в годы войны отправленные на Урал и хранившиеся в Свердловском филиале музея вместе с сокровищами академического архива и других документальных ценностей институтов АН СССР. Однако вскоре после завершения эвакуационных мероприятий, 6 августа 1941 г. 50-летняя О.И. Бич была уволена из Эрмитажа по сокращению штата «ввиду обстоятельств военного времени».

К годам работы в Библиотеке и Архиве Эрмитажа относятся следующие ее опубликованные и неопубликованные работы: «Судьба библиотеки Дидро»³⁹, которую вплоть до конца войны О.И. Бич считала своей главной научной работой⁴⁰, публикации переводов письма Э. Золя к господину Бабону⁴¹ и отрывок из воспоминаний художника Э.К. Липгарта о Викторе Гюго⁴² из Архива Государственного Эрмитажа. Помимо упомянутого перевода мемуаров Э.П. Липгарта, в рукописи остались исследования «Николай I и его библиотеки» (1938–1942 гг., 10 п. л., по словам Н.Д. Флиттнер «эта

³³ СПФ АРАН. Ф. 955. Оп. 1. Д. 88. Л. 7.

³⁴ Мавлеев 2005, 129.

³⁵ Алексеев 1937, 862.

³⁶ Алексеев 1937, 880 [=Бич 1937а, 880].

³⁷ Соломаха 2007; Липгарт 2002, 2007а, б.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 955. Оп. 1. Д. 88. Л. 6.

³⁹ Бич 1937в.

⁴⁰ СПФ АРАН. Р. VI. Оп. 5. Д. 60. Л. 167 об.

⁴¹ Бич 1937б.

⁴² Бич 1937в.

работа является законченной кандидатской диссертацией»⁴³), «Русская художественная колония в Париже в 80-х гг. XIX в.» (1943 г., 2 п. л.), «Начало екатерининского собрания картин» (1943 г., статья написана для юбилейного сборника Ленинградского Дома ученых, посвященного члену-корреспонденту АН СССР М.В. Доброклонскому), «Антикварная торговля Д.И. Фонвизина» (1944 г., 1,5 п. л.), «Поступление памятников античного искусства в Россию при Петре Первом» (1945 г., 1,5 п. л.)⁴⁴, «Очерки по истории коллекционирования в России в XVIII веке» (рукопись кандидатской диссертации). По словам академика В.В. Струве, именно в годы работы в Эрмитаже О.И. Бич «выработалась в редкого и ценного специалиста по истории коллекционирования памятников искусства и создания крупнейших историко-художественных собраний России. Целый ряд очень интересных этюдов О.И. Бич, в том числе искусствоведческого характера, остаются, к сожалению, до сих пор не опубликованными. Во всех работах О.И. Бич <...> проявляются ее большая эрудиция и культура, сочетающиеся с исключительной скрупулезностью и тщательностью исследования»⁴⁵.

Потеряв работу в Эрмитаже в начале войны, О.И. Бич в тяжелейшую блокадную весну 1942 года была принята в Институт истории материальной культуры имени Н.Я. Марра АН СССР: она стала исполняющей обязанности старшего научного сотрудника (24 апреля 1942 — 1 апреля 1946 гг.), с возложением обязанностей заведующей Рукописным архивом и Фототекой. В период эвакуации ИИМК АН СССР (с 12 июля 1942 г. по 2 сентября 1944 г.) О.И. Бич была назначена уполномоченной по охране археологических коллекций, библиотеки, архива и научного оборудования института. Наиболее ценные археологические коллекции еще в начале войны были перенесены в бронированную кладовую Эрмитажа⁴⁶. С апреля 1942 г. начала работать библиотека, 5 тыс. книг которой сильно пострадали из-за лопнувшей водопроводной трубы, просушивались и приводились в порядок фонды, собирались книги и научные материалы по квартирам умерших сотрудников⁴⁷. В блокадном городе к июлю 1942 г. оставалось всего 7 человек для охраны имущества института⁴⁸. Часть архива в упакованном виде с описями хранилась в Архиве АН СССР на Университетской наб., д. 1, основные материалы архива и лабораторий были размещены на складе Техснаба. Фотоархив института, законсервированный на Биржевом проезде Васильевского острова, не пострадал, и, несмотря на отсутствие отопления и освещения, с 1944 г. вновь стал доступен для пользования⁴⁹. О.И. Бич «сумела наладить и пользование архивами в период блокады», т. е. работу читального зала и исполнение тематических запросов. Именно О.И. Бич и ее сотрудникам, оставшимся в блокадном городе, мы обязаны тем, что культурное достояние страны — крупнейшие в нашей стране археологические библиотека, Рукописный и Фотоархив ИИМК — не погибли в топках буржеек, не были проданы перекупщикам за пайку хлеба и дошли до наших дней практически в первозданном виде. В эти годы в архив были приняты личные фонды погибших на фронтах и умерших в блокаду ученых института Б.Л. Богаевского, Е.В. Ернштедт, А.П. Круглова, Г.В. Подгаецкого, Е.А. Рыздзевской, Г.П. Сосновского, Р.В. Шмидт⁵⁰. Тем не менее в марте 1944 г. О.И. Бич подала докладную записку об угрожающем положении той части архива и библиотеки, которые оставались в помещениях ИИМК АН СССР, об отсутствии кадров для их спасения (последний подсобный рабочий скончался от дистрофии еще в середине 1943 года)⁵¹.

В годы блокады О.И. Бич не теряла тесных связей с Эрмитажем и его сотрудниками. Н.Д. Флитнер писала: «Работая в настоящее время в качестве уполномоченной в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР О.И. Бич не отрывается от эрмитажного коллектива и продолжает поддерживать с Эрмитажем научную связь»⁵². Как свидетельствуют материалы фонда М.В. Доброклонского, Ученый совет Эрмитажа в 1944 г. планировал возбудить ходатайство перед Высшей аттестационной комиссией об утверждении О.И. Бич в ученом звании старшего научного

⁴³ СПФ АРАН. Ф. 955. Оп. 1. Д. 88. Л. 7 об.

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 955. Оп. 1. Д. 88: Список научных работ О.И. Бич.

⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 955. Оп. 1. Д. 88. Л. 1 (отзыв В.В. Струве подписан 20 мая 1946 г.).

⁴⁶ Платонова 1991, 60.

⁴⁷ Платонова 1991, 61.

⁴⁸ Платонова 1991, 61.

⁴⁹ Доманская, Анищенко 1980, 93.

⁵⁰ Пескарева, Владимирова 1980, 88.

⁵¹ Платонова 1991, 70.

⁵² СПФ АРАН. Ф. 955. Оп. 1. Д. 88. Л. 6 об., 7.

сотрудника, мотивируя это тем, что большинство ее работ (правда, неопубликованных) посвящено истории крупнейшего музея мира. Давая характеристику научных работ О.И. Бич, М.В. Доброклонский подчеркивает эрудицию автора, «исключительную осведомленность... в вопросах, касающихся истории Эрмитажа», тщательность исследования и обработки материала, что делает их «чрезвычайно ценным вкладом в нашу искусствоведческую литературу»⁵³.

С 8 сентября 1944 г. О.И. Бич стала заместителем руководителя ленинградской части ИИМК АН СССР, т. е. исполняла обязанности заместителя директора, при штате института в 20 человек⁵⁴. Именно ей были адресованы письма конца 1943–1944 гг. эвакуированных сотрудников с просьбами о помощи в различных научных и бытовых вопросах⁵⁵. В годы блокады Ольга Ивановна занималась и общественной деятельностью — как член Ленинградского дома ученых им. М. Горького она стала инициатором создания Искусствоведческой секции, где прочла ряд докладов. В отзыве М.В. Доброклонского 1944 г. упомянуты и ее доклады в Эрмитаже блокадных лет.

В оставшемся неопубликованном, «репрессированном» из-за Ленинградского дела сборнике «Ученые в блокаде» (1946)⁵⁶ представлены аннотации двух работ О.И. Бич. Первая, «Начало екатерининского собрания картин» (0,25 а. л.), приводит новые данные о коллекции, положившей начало екатерининскому собранию живописи, в основу которого легла не коллекция прусского купца Гоцковского, как обычно указывалось в искусствоведческой литературе, а русское собрание И.И. Шувалова, купленное Екатериной II в феврале 1763 г., на год ранее коллекции Гоцковского. Вторая работа, «Русская художественная колония в Париже в 80-х годах XIX века», освещает деятельность русской художественной колонии в Париже. Особое внимание уделено А.И. Боголюбову и его положению среди художников этой колонии, значение Боголюбова в развитии музейного дела в России и роль, которую он сыграл в деле официального признания передвижников. В работе даются сведения о деятельности и других членов русской художественной колонии в Париже, в частности Дмитриева-Оренбургского, Бегрова, Харламова и Похитонова⁵⁷.

К 1946 г. О.И. Бич имела следующие государственные награды: медали «За оборону Ленинграда» (1943), «За трудовую доблесть» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946).

8 июля 1946 г. О.И. Бич подала заявление о допуске к защите кандидатской диссертации «Очерки по истории коллекционирования в России XVIII в.», но, в порядке исключения, просила освободить ее от сдачи кандидатского минимума как ученого, имевшего стаж научной работы более 25 лет (с 1920 г.). Соискатель представила отзывы о своей деятельности востоковеда, академика В.В. Струве, искусствоведа, в годы блокады исполняющего обязанности директора Эрмитажа, члена-корреспондента АН СССР М.В. Доброклонского, директора Архива АН СССР, д.и.н. Г.А. Князева, востоковеда-египтолога, д.и.н. Н.Д. Флиттнер. Однако ВАК СССР отклонил ходатайство, и О.И. Бич так и не защитила кандидатскую диссертацию.

С 24 апреля 1942 г. по 30 июня 1963 г., свыше 21 года О.И. Бич возглавляла как заведующая Рукописный архив ИИМК–ЛО ИИМК–ЛОИА АН СССР, при этом с 1 апреля 1946 г. вплоть до увольнения она занимала скромную должность младшего научного сотрудника. Она содействовала архивному обеспечению известных справочных изданий — об археологических экспедициях института 1919–1956 гг.⁵⁸, представила сведения о личных фондах ученых Рукописного и Фотоархивов ИИМК для сводного справочника о личных архивных фондах в архивохранилищах СССР⁵⁹. 1 июля 1963 г. О.И. Бич вышла на пенсию в возрасте 72 лет и скончалась почти через 20 лет, в начале 1983 г., немного не дожив до 94-летия.

Помимо публикации описи личного фонда А.А. Спицына и статьи о его нереализованном проекте издания отчетов раскопок А.Б. Ашика, Д.В. Карейши, К.Р. Бегичева в Восточном Крыму и на Таманском полуострове⁶⁰, О.И. Бич известна как автор ряда публикаций важных источников по

⁵³ СПФ АРАН. Ф. 955. Оп. 1. Д. 88. Л. 4.

⁵⁴ Платонова 1991, 72.

⁵⁵ Васильева 2005.

⁵⁶ Тункина 2011, 88–89.

⁵⁷ СПФ АРАН. Р. VI. Оп. 5. Д. 60. Л. 153.

⁵⁸ Археологические экспедиции 1962.

⁵⁹ Личные архивные фонды 1962–1963.

⁶⁰ Бич 1948.

Рис. 2. О.И. Бич. Конец 1950-начало 1960-х гг. Фотоархив ИИМК РАН. К.1813-6. Публикуется впервые

истории античной археологии из Рукописного архива ЛО ИИМК АН СССР — «Новые материалы о Г. Шлимане»⁶¹, «Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г.»⁶², «Первые раскопки некрополя Пантикапея. Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816–1817 гг.»⁶³. Некоторые подготовленные ею к печати работы так и не были опубликованы. Это «Указатель монументальных памятников, реставрировавшихся и охранявшихся Археологической комиссией» (1949 г., 314 с.) и материалы по Александропольскому кургану (1950 г., 4 п. л., 23 табл.). Известно, что она готовила публикации о художниках Императорской Археологической комиссии К.Р. Бегичеве, И.Н. Медведеве, Ф.И. Гроссе, С.М. Дудине, М.В. Фармаковском и др. Судьба этих рукописей мне неизвестна, т. к. О.И. Бич не имела наследников — ее имущество после смерти оказалось выморочным. К сожалению, никто не озаботился созданием личного фонда архивиста ни в ЛОИА АН СССР, ни в Архиве Государственного Эрмитажа. Возможно, ряд ее документов попал в Музей истории Санкт-Петербурга, но это требует проверки.

Недоуменные вопросы в кругах коллег вызвало сообщение о найденном в квартире О.И. Бич кладе, о котором писали «Санкт-Петербургские ведомости». По воспоминаниям заведующей Фотоархивом ЛОИА АН СССР Э.С. Доманской, Ольга Ивановна отличалась скромностью или даже бедностью в одежде, носимой на службе. Републикую в сокращенном виде отрывок «Потайная кнопка» из этой газетной статьи.

«Людмила Алексеевна Аксенова, старший научный сотрудник фонда прикладного искусства Музея истории Петербурга, складами сталкивалась два раза в своей жизни. Один раз принимала в фонды музея, а другой нашла сама. В советское время существовала определенная практика работы с так называемым выморочным имуществом. Когда человек умирал и у него не оказывалось наследников, все то, чем он владел, переходило в собственность государства. А если вещи представляли историческую или культурную ценность, то они передавались всевозможным музеям.

4 января 1984 года инспектор госдоходов Дзержинского райфинотдела пригласила меня для осмотра мебели, предназначенной к передаче в наш музей, в квартиру № 35 на улице Восстания, 20/16, — вспоминает Людмила Алексеевна. — Жительница этой квартиры, Ольга Ивановна Бич, скончалась в начале 1983-го. Как рассказывает Людмила Алексеевна, после осмотра мебели ее заинтересовали документы, принадлежавшие хозяйке квартиры. Из них стало ясно, что она проживала здесь с 1928 года. В справке, которая давалась для вступления в брак в начале века, было сказано, что «Ольга Ивановна Бич православного вероисповедания». До революции ей принадлежало несколько домов в центре Петербурга, то есть она была довольно богатой.

В советское время до Великой Отечественной войны Ольга Ивановна работала в Эрмитаже, в 50-е годы стала библиотекарем. И все это время у нее была домработница. Сохранилось очень много записок с указаниями по поводу уборки дома или покупок.

— Через отдельные предметы, бумаги понимаешь, что это был за человек, — говорит Людмила Алексеевна. — Поэтому мне было интересно все. Я обратила внимание на старинное бюро, которое хотел забрать Театральный музей. Знаю, что в такой мебели обязательно есть тайник. Нажимаю заветную кнопку. И, что бы вы думали, — нахожу клад. Коробочку с надписью «Ганъ» (один из известнейших ювелиров). <...> Открыла шкатулку и высыпала на стол содержимое — золотые броши, булавки, изумруды, булавки для галстука с черными жемчужинами. Всего 48 драгоценных предметов <...>. Сумма, в которую оценили найденные драгоценности, по ценам 1985 года составила 1 миллион 300 тысяч рублей...»⁶⁴ В. Резвый поставил вопросы, до сих пор остающиеся без ответа: «Трудно сказать, что стоит за всем этим: след к спрятанным драгоценностям кого-то из императорского дома? темная история блокадных лет? ...Скорее всего — не узнаем. А Ольга Бич, по-

⁶¹ Бич 1947.

⁶² Бич 1958.

⁶³ Бич 1959.

⁶⁴ Коротеев 2000.

мимо уютно прожитой старости, оставила по себе единственный след — вклад в историю русского поэтического перевода. Клад из заветного бюро, понятно, разворовали. Стихи остались»⁶⁵. Остались не только стихи, но и труды и по истории археологии, коллекционирования и библиотечного дела в России, а главное — сохраненные О.И. Бич в блокаду библиотека и архивы ИИМК АН СССР. Они дошли до наших дней не столько из-за превратностей судьбы, сколько благодаря гражданскому подвигу, исключительной самоотверженности и героизму таких скромных тружеников науки, как Ольга Ивановна Бич.

Литература

- Академическая археология 2013: Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Е.Н. Носов (ред.). СПб.
- Алексеев М.П. 1937: Виктор Гюго и его русские знакомства. Встречи, письма, воспоминания // Литературное наследство 31/32: Русская культура и Франция. II, 777–932.
- Археологические экспедиции 1962: Археологические экспедиции ГАИМК–ИИМК–ИА АН СССР. 1919–1956 гг.: Указатель / Н.Н. Воронин, М.А. Тихановой (ред.); сост. О.И. Бич, Г.К. Вагнер, Э.С. Доманская, И.П. Русанова. М.
- Бич О.И. 1926а: Ежики. Стихи для детей. Картинки Гри. Л.: Радуга.
- Бич О.И. 1926б: Мал-Малышок. Стихи для детей. Рис. В. Апостоли. Л.: Радуга.
- Бич О.И. 1926в: Храбрый козел. Стихи для детей. Рис. Алексея Ефимова. Л.: Радуга.
- Бич О.И. 1927а: Ежики. Стихи для детей. Картинки Гри. 2 изд. Л.: Радуга.
- Бич О.И. 1927б: Храбрый козел. Стихи для детей. Рис. Алексея Ефимова. 3 изд. Л.: Радуга.
- Бич О.И. 1928: Московитский купец // Минувшие дни. Иллюстрированный исторический альманах. Февраль 1928 г. / Под редакцией М.А. Сергеева, П.И. Чагина. Л., 138–143.
- Бич О.И. 1937а: Отрывок из воспоминаний художника Э.К. Липгарта о Викторе Гюго // Литературное наследство 31/32: Русская культура и Франция. II, 880.
- Бич О.И. 1937б: Письма Э. Золя, не связанные с его русскими отношениями. 4. Письмо Э. Золя к г-ну Бабоно. Медан, 6 августа 1889 г. / Перевод и публ. О.И. Бич // Литературное наследство 31/32: Русская культура и Франция. II, 977.
- Бич О.И. 1937в: Судьба библиотеки Дидро // Ежегодник Государственного Эрмитажа. Западноевропейское искусство. 1, 2, 117–138.
- Бич О.И. 1947: Новые материалы о Г. Шлимане // ВДИ. 2, 183–185.
- Бич О.И. 1948: Архив А.А. Спицына // СА. 10, 21–52.
- Бич О.И. 1958: Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. // СА. 28, 87–90.
- Бич О.И. 1959: Первые раскопки Некрополя Пантикапея: Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816–1817 гг. // МИА. 69. Некрополи Боспорских городов / В.Ф. Гайдукевич (ред.), 296–321.
- Бич О.И. 1967: А. А. Спицын и изучение керченских древностей // Записки Одесского археологического общества, 2 (35), 291–293.
- Васильева Р.В. 2005: «Устали скитаться. Пора домой...» // Археологические вести 12, 11–25
- Государственная Дума 2008: Государственная Дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М.
- Грузинские романтики 1940: Грузинские романтики: А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани, В. Орбелиани / В пер. рус. поэтов П.Г. Антокольского, В.Е. Аренс, О.И. Бич и др.; под ред. Н.С. Тихонова и Ю.Н. Тынянова. Л.
- Грузинские романтики 1989: Грузинские романтики: А.Г. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, В. Орбелиани, Н. Бараташвили, Г. Абашидзе / Переводчики: Б. Брик, Н. Заболоцкий, П.Г. Антокольский, С.Д. Спасский, И.И. Тхоржевский, В.К. Звягинцева, О.И. Бич, М.А. Фроман, В.Е., В.А. Римский-Корсаков, А.С. Кочетков, Б.Л. Пастернак. М.
- Длужневская Г.В. 2013: Научный архив ИИМК РАН: История архива и «хранители вечности» // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Е.Н. Носов (ред.). СПб., 292–309.

⁶⁵ Резвый <http://www.vekperevoda.com/1887/bich.htm> (дата обращения 1.03.2015).

- Доманская Э.С., Анищенко Ж.Г. 1980: Архивы фотодокументов Института археологии // КСИА. 163, 93–98.
- Дюбрюкс П. 2010: Собрание сочинений / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. В 2-х т. СПб., 1.
- Журналы 2001: Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. 1: 1917–1919 годы. СПб.
- Журналы 2009: Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. 2: 1920–1926 годы. СПб.
- Качалина Г.И. 1990: Архив // Эрмитаж. История и современность. М., 300–303.
- Коротеев С. 2000: Клад. А ведь его может найти каждый // Санкт-Петербургские ведомости, 218/25.11.2000 (<http://klad.hobby.ru/publishing/koroteev.htm>, дата обращения 22.02.2015).
- Липгарт Э.К. 2002: Алексей Боголюбов и русские художники в Париже: Из воспоминаний Эрнеста Липгарта / Предисл. и перев. Е.Ю. Соломахи // Русский антиквар. 2, 54–63.
- Липгарт Э. 2007а: Mes mémoires. Салон принцессы Матильды / Перевод, публикация, комментарии Е. Соломахи; литературная редакция Л. Смирнова // Наше наследие. 81, 56–71.
- Липгарт Э. 2007б: Mes mémoires. Художники Салона времен Третьей республики // Перевод, публикация, комментарии Е. Соломахи // Наше наследие. 83–84, 131–145.
- Личные фонды 1962–1963: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель. В 3-х т. М. 1–2.
- Мавлеев Е.В. 1990: Отдел античного мира. Научная и экспозиционная деятельность // Эрмитаж. История и современность. М., 183–198.
- Мавлеев Е.В. 2005: Вальдгауер. СПб.
- Наука 1923: Наука в России. Справочник. Научные работники Петрограда / С.Ф. Ольденбург (ред.). М. — Пг.
- Наука 1926: Наука и научные работники СССР. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда. Л.
- Пескарева К.М., Владимирова Т.Т. 1980: Рукописные архивы Института археологии АН СССР // КСИА. 163, 87–92.
- Пиотровский Б.Б. 2000: История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М.
- Платонова Н.И. 1991: Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М. 1, 45–78.
- Резвый В. Алфавитный указатель переводчиков (<http://www.vekperevoda.com/alphabet.htm>, дата обращения 01.03.2015).
- Российский медицинский список на 1887 год. СПб.
- Соломаха Е.Ю. 2007: Художники парижского бомонда времен Второй империи и третьей республики. Э.К. Липгарт и его воспоминания // Наше наследие 81, 51–55.
- Тункина И.В. 2011: Академические архивисты и ленинградские ученые в годы блокады // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. СПб., 79–89.
- Чуковский К.И. 1991: Дневник 1901–1929. М.

OL'GA IVANOVNA BICZ: MATERIALS FOR A BIOGRAPHY

I.V. Tunkina

The article introduces new archival materials for the biography of Ol'ga Ivanovna Bicz (1891–1983) — an archivist, translator, and a poet for children. For many years, until 1941, she worked in the Department of Antiquities, the Library and the Archive of the State Hermitage Museum. From 1941 to 1963 Bicz worked as the Head of the Manuscript Archive at the Institute of History of Material Culture of the Soviet Academy of Sciences. During the years of the Siege of Leningrad she saved unique library and archival holdings from destruction. Her scholarship is devoted to archaeology, collecting, and librarianship in Russia in the 18th–20th century. Most of her works (including translations from French) have not been published, and the fate of most of the manuscripts remains unknown.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГЭ	– Архив Государственного Эрмитажа.
АИУ	– Археологические исследования на Украине. Киев.
АМА	– Античный мир и археология. Саратов.
БИ	– Боспорские исследования. Симферополь – Керчь.
БЧ	– Боспорские чтения. Керчь.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ГИМ	– Государственный Исторический музей.
ДБ	– Древности Боспора. М.
ДБК	– Древности Боспора Киммерийского. СПб.
ДГВЕ	– Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии. СПб. – Петроград.
ИИАО	– Из истории античного общества. Нижний Новгород.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры.
ИРАИМК	– Известия Российской Академии истории материальной культуры. СПб.
ИТОИАЭ	– Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
КБН	– Корпус боспорских надписей. М. – Л., 1965.
КСИА	– Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры. СПб.
КТБ	– Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора (МИА. №83) М., 1960.
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
НА	– Научный архив.
НА ВКИКМЗ	– Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. М.
НЭПХ	– Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.
ОАК	– Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск.
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. СПб.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.
СПФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа. СПб.
ХСб	– Херсонесский сборник. Севастополь.
ЦГА СПб	– Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
АА	– Archäologischer Anzeiger. В.
ABSA	– The Annual of the British School at Athens. Athens – London.
ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History. Leiden.
AEW	– Ancient East and West. Leiden.
AF	– Archäologische Forschungen. Berlin – Wiesbaden.

- AfP – Archiv für Papyrusforschung. B.
- Agora 23 – Moore M.B., Philipides M.Z.P.; von Bothmer D. Attic Black-Figured Pottery (The Athenian Agora. Vol. 23). Princeton, 1986.
- AE – L'Année épigraphique. P.
- AJA – American Journal of Archaeology. Boston (Mass.).
- AKorrBl – Archäologisches Korrespondenzblatt. Mainz.
- AM – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
- AMS – Asia Minor Studien. Bonn.
- BAPD – Beazley Archive Pottery Database
- BAR – British Archaeological Reports. Oxford.
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique. P.
- BÉ – Bulletin Épigraphique. P.
- BEFAR – Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Roma. Roma.
- BSS – Black Sea Studies. Aarhus.
- CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. B.
- CIRB-Album – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Album Imaginum (CIRB-album) / Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом). СПб., 2004.
- CSIR – Corpus Signorum Imperii Romani.
- CVA – Corpus Vasorum Antiquorum.
- DNP – Der Neue Pauly Enzyklopädie der Antike Gesamtwerk. Stuttgart.
- EurAnt – Eurasia antiqua. B.
- IG – Inscriptiones Graeci. Berolini.
- ILS – Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Vol. I–III. B.? 1892–1916.
- IOSPE – Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropolis, 1885–1916.
- IrAnt – Iranica antiqua. Leuven.
- IstForsch – Istanbuler Forschungen. B.
- IstMitt – Istanbuler Mitteilungen. B.
- JbRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz.
- JDI – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. B.
- JÖAI – Jahrshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts. Wien.
- JRA – Journal of Roman Archaeology. Portsmouth (R.I.).
- KölnJb – Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Köln.
- LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I–V. Oxford, 1987–2011.
- LIMC – Lexikon iconographicum mythologiae classicae. Vol. I–VII. Zürich, München, Düsseldorf, 1981–1999.
- OGIS – Dittenberger W. Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905.
- PdP – La Parola del Passato. Napoli.
- PIR – Prosopographia Imperii Romani. B.
- RC – Welles C.B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934.
- RE – Pauly – Wissowa Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.
- RN – Revue numismatique. P.
- RRC – Crawford M. Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974.
- Samos IV – Isler H.P. Das archaische Nordtor und seine Umgebung im Heraion von Samos. Bonn, 1978.
- Samos V – Walter H. Frühe samische Gefässe. Chronologie und Landschaftsstile ostgriechischer Gefässe. Bonn, 1968.
- SCIV – Studii și Cercetări de Istorie Veche. București.
- Tocra I – Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963–65. The Archaic Deposits. Oxford, 1967.
- Tocra II – Boardman J., Hayes J. 1973: Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits II and Later Deposits / The British School at Athens. Supplementary Volumes. No 10.
- SL – Studia linguistica: A journal of general linguistics. Oxford.
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д.В. Журавлев. Юбилей Петровича.</i>	5
Список печатных работ В.П. Толстикова.	7
<i>Ф.В. Шелов-Коведяев. Laudatio Prima.</i>	13

ПАНТИКАПЕЙ — СТОЛИЦА БОСПОРА

<i>В.Д.Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г.</i>	17
<i>Н.В. Быковская. Раскопки Пантикапея 1945 г.: памятникоохранный аспект</i> (по материалам архива восточно-крымского заповедника)	24
<i>Т.В. Умрихина. Древний Пантикапей как историко-археологическая доминанта</i> современной Керчи	37
<i>О.Ю. Самар, Н.С. Астахова. Протокоринфские котилы из раскопок Пантикапея.</i>	44
<i>О.В. Тугушева. Тарелки восточно-греческих центров из раскопок Пантикапея 2011–2014 годов.</i>	48
<i>Т.А. Ильина, М.Б. Муратова. Терракотовые статуэтки раннего Пантикапея –</i> вотивные подношения.	55
<i>Т.В. Егорова. Чернолаковая керамика V–IV вв. до н.э. с прочерченным</i> и штампованным орнаментом из раскопок Пантикапея	63
<i>Н.В. Завойкина. Два новых граффити из Пантикапея (из архива В.Д. и Т.В. Блаватских)</i>	68

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

<i>И.Е. Суриков. Еще раз о «земляночном периоде» в ранней истории греческих колоний</i> Северопричерноморского региона.	75
<i>М.Ю. Вахтина. Об одном архаическом погребении Тузлинского некрополя</i> (по материалам научного архива ИИМК РАН)	83
<i>С.И. Финогенова. К вопросу о торговых отношениях архаической Гермонассы.</i>	90
<i>А.Е. Петракова, З.В. Ханутина, В.А. Хриановский. Фрагменты аттического</i> чернофигурного кратера VI в. до н.э. из некрополя Китея.	99
<i>Н.В. Молева. Деметра в китейском святилище конца V–IV вв. до н.э.</i>	105
<i>А.А. Завойкин. Фанагория. Верхний город. Объект 815.</i>	110
<i>В.Д. Кузнецов. Герма из раскопок Фанагории</i>	115
<i>В.А. Горончаровский. Синдский царь Гекатей.</i>	118
<i>О.Л. Габелко. Еще раз о рескрипте «неизвестного царя» из архива косского храма Асклепия.</i> 1. Критика «боспорской версии»	126

ФОРТИФИКАЦИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

<i>В.Н. Зинько. Городские стены позднеархаической Тиритаки</i>	137
<i>А.А. Масленников. Военный фактор в истории хоры античного Боспора.</i>	141
<i>Г.А. Ломтадзе. К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения</i> Ахтанизовская 4.	151
<i>Ю.П. Зайцев. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в центральном Крыму</i> (эпоха эллинизма и римский период).	164
<i>С.М. Ильяшенко, Т.М. Арсеньева, С.А. Науменко. Оборонительные рвы Танаиса</i> во II–I вв. до н.э.	174
<i>Д.В. Журавлев, Г.А. Камелина. Каменные ядра из Харакса.</i>	189

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Д.Е. Чистов.</i> Строительные техники архаической Березани	213
<i>Ю.И. Ильина.</i> Ранние килики на Березани (по материалам раскопок 2004-2014 гг.)	222
<i>С.Д. Крыжицкий.</i> К реконструкции здания «Коллегий» в Ольвии	229
<i>А.В. Подосинов.</i> К вопросу об источниках Страбона в описании Северного Причерноморья ...	235
<i>С.Ю. Сапрыкин, В.В. Дорошко.</i> Печать римского бенефициария из окрестностей Херсонеса Таврического	239
<i>Д. Качарава.</i> Новые находки из Ванского городища	247
<i>В. Личели.</i> Греко-ахеменидские тенденции в Южной Грузии (материалы к стратиграфии Ацкури)	254

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ИСКУССТВА

<i>Л.И. Акимова.</i> Брачный договор в «Семейной сцене» анапского склепа Геракла	267
<i>Е.А. Молев.</i> Об одном из аспектов семантики образа зайца в греко-скифской торевтике	275
<i>Л.И. Давыдова.</i> Мужской торс из коллекции Лайд Брауна в собрании Эрмитажа (метаморфозы музейного экспоната)	282
<i>М.Ю. Трейстер.</i> Воин в доспехе, коронуемый Никой, в монументальном искусстве Боспора первых веков н.э. (Кто изображен на рельефах из Пантикапея и Танаиса?)	288
<i>V. Kästner, U. Kästner.</i> Mosaiken aus der Villa des Tiberius in Capri.	305

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Ю.А. Виноградов.</i> Российский археолог Федор Иванович Гросс	317
<i>И.В. Тункина.</i> Ольга Ивановна Бич: материалы к биографии.	327
Список сокращений.	337

CONTENTS

<i>D. Zhuravlev. Jubilee of Petrovitch</i>	5
List of published articles of V.P. Tolstikov	7
<i>F.V. Shelov-Kovedyaev. LAUDATIO PRIMA</i>	13

PANTIKAIPAION – THE CAPITAL OF THE BOSPOROS

<i>V.D. Blavatskiy. Excavation of Pantikapaion in 1945</i>	17
<i>N.V. Bykovskaya. Excavation of Pantikapaion in 1945: The Preservation Aspect</i> (based on the archival material of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve)	24
<i>T.V. Umrikhina. Ancient Pantikapaion as the dominant historic-archaeological feature</i> of the modern-day Kerch	37
<i>O.Yu. Samar, N.S. Astashova. Proto-corinthian Kotylai from the excavations</i> of Pantikapaion	44
<i>O.V. Tugusheva. East Greek Plates from the excavation of Pantikapaion:</i> field seasons 2011–2014	48
<i>T.A. Ilyina, M.B. Muratova. Terracotta Figurines of the Early Pantikapaion as Votive Gifts</i>	55
<i>T.V. Egorova. Black-glazed Pottery of the 5th–4th centuries BC with Incised</i> and Stamped Ornament from the Excavations of Pantikapaion	63
<i>N.V. Zavoikina. Two New Graffiti from Pantikapaion (from the archive of V.D.</i> and T.V. Blavatskiy)	68

THE BOSPORAN KINGDOM

<i>I.E. Surikov. Once again on the “dugout period” in the early history of Greek colonies</i> in the North Pontic region	75
<i>M.Yu. Vakhtina. About one of the Archaic Burials from the Necropolis</i> at the Cape Tuzla (Based on the materials from the Scholarly Archive of the Institute of History and Material Culture of the Russian Academy of Science)	83
<i>S.I. Finogenova. On the Mercantile Relations of the Archaic Hermonassa</i>	90
<i>A.E. Petrakova, Z.V. Khanutina, V.A. Khrshanovskiy. Fragmented Black-Figured Krater</i> of the 6 th century BC from the Necropolis of Kytaiion	99
<i>N.V. Moleva. Demeter in the sanctuary of Kytaiion in the late 5th–4th centuries BC</i>	105
<i>A. Zavoikin. The “Upper-city” of Phanagoria. Context N 815</i>	110
<i>V.D. Kuznetsov. A Herm from the Excavations of Phanagoria</i>	115
<i>V.A. Goroncharovskiy. Sindian King Hekataios</i>	118
<i>O.L. Gabelko. Once again on the ‘Rescript of the unknown king’ from the archive</i> of the Coan temple of Asclepius: 1. The criticism of the ‘Bosporan version’	126

FORTIFICATION AND WARFARE IN THE PONTIC AREA

<i>V.N. Zinko. City Walls of Tyritake during the Late Archaic Period</i>	137
<i>A.A. Maslennikov. Military Factor in the History of Chora of the Ancient Bosporos</i>	141
<i>G.A. Lomtadze. Regarding the Dating of the Fortifications of the Akhtanizovskaya 4 Settlement</i>	151
<i>Yu.P. Zaitsev. Fortifications of the Fortress of Ak-Kaya in Central Crimea</i> (Hellenistic and Roman Periods)	164

<i>S.M. Il'yashenko, T.M. Arsenieva, S.A. Naumenko. Defensive Ditches of Tanais in the 2nd–1st centuries BC</i>	174
<i>D.V. Zhuravlev, G.A. Kamelina. Stone Projectiles from the Roman Fortress of Kharaks.</i>	189

PONTIC REGION

<i>D.E. Chistov. Building Techniques of Archaic Berezan</i>	213
<i>Yu.I. Ilyina. Early East Greek Bowls from Berezan (2004–2014 seasons)</i>	222
<i>S.D. Kryzhitskiy. On a possible Reconstruction of the ‘Collegia’ Building in Olbia</i>	229
<i>A.V. Podosinov. On the Question of Strabo’s Sources in his Description of the North Pontic Region</i>	235
<i>S.Yu. Saprykin, V.V. Doroschko. A Lead Seal of a Roman Beneficiarius Consularis from the vicinity of Tauric Chersonesus</i>	239
<i>D. Kacharava. New Finds from Vani</i>	247
<i>V. Licheli. Greco-Achaemenid Trends in Southern Georgia (regarding the stratigraphy of Atskuri).</i>	254

MONUMENTS OF ANCIENT ART

<i>L.I. Akimova. Marriage Contract in the ‘Family Scene’ from the Tomb of Heracles in Anapa.</i>	267
<i>E.A. Molev. One Aspect of Meaning of an Image of Hare in Graeco-Scythian Toreutics</i>	275
<i>L.I. Davydova. Male Torso from the Collection of Lyde-Brown in the Hermitage</i>	282
<i>M.Yu. Treister. Cuirassed Warriors Crowned by Nike in the Bosphoran Monumental Art of the first centuries AD (or who is depicted in the reliefs from Panticapaeum and Tanais?).</i>	288
<i>V. Kästner, U. Kästner. Mosaiken aus der Villa des Tiberius in Capri</i>	305

HISTORY OF SCHOLARSHIP

<i>Yu. A. Vinogradov. Russian Archaeologist F.I. Gross.</i>	317
<i>I.V. Tunkina. Ol’ga Ivanovna Bicz: Materials for a Biography</i>	327

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке

Университет Дмитрия Пожарского

**Информацию о других наших книгах:
аннотации, оглавления, отдельные главы,
фото обложек,
а также о книгах, готовящихся к изданию,
и о магазинах, в которых наши книги продаются,**

Вы можете найти на сайте:

www.s-and-e.ru

**При оптовых закупках возможны скидки,
с вопросами обращайтесь**

к директору издательства Андрею Гореvu: andrey.gorev@bk.ru

**С МИТРИДАТА ДУЕТ ВЕТЕР.
БОСПОР И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНОСТИ**
К 70-летию В.П. Толстикова

Редакционная коллегия: *Д.В. Журавлев* (отв. редактор), *О.Л. Габелко*
Перевод резюме на английский язык — *М.Б. Муратова*

Дизайн и верстка *Н. А. Колгарёва*
Обложка *Е.А. Горева*

Подписано в печать 16.09.2015 г. Формат 60 × 90^{1/8}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Объем 43 п. л. Тираж 000 экз. Заказ №

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке
Университет Дмитрия Пожарского
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13
www.s-and-e.ru

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
ППП «Типография «Наука»»